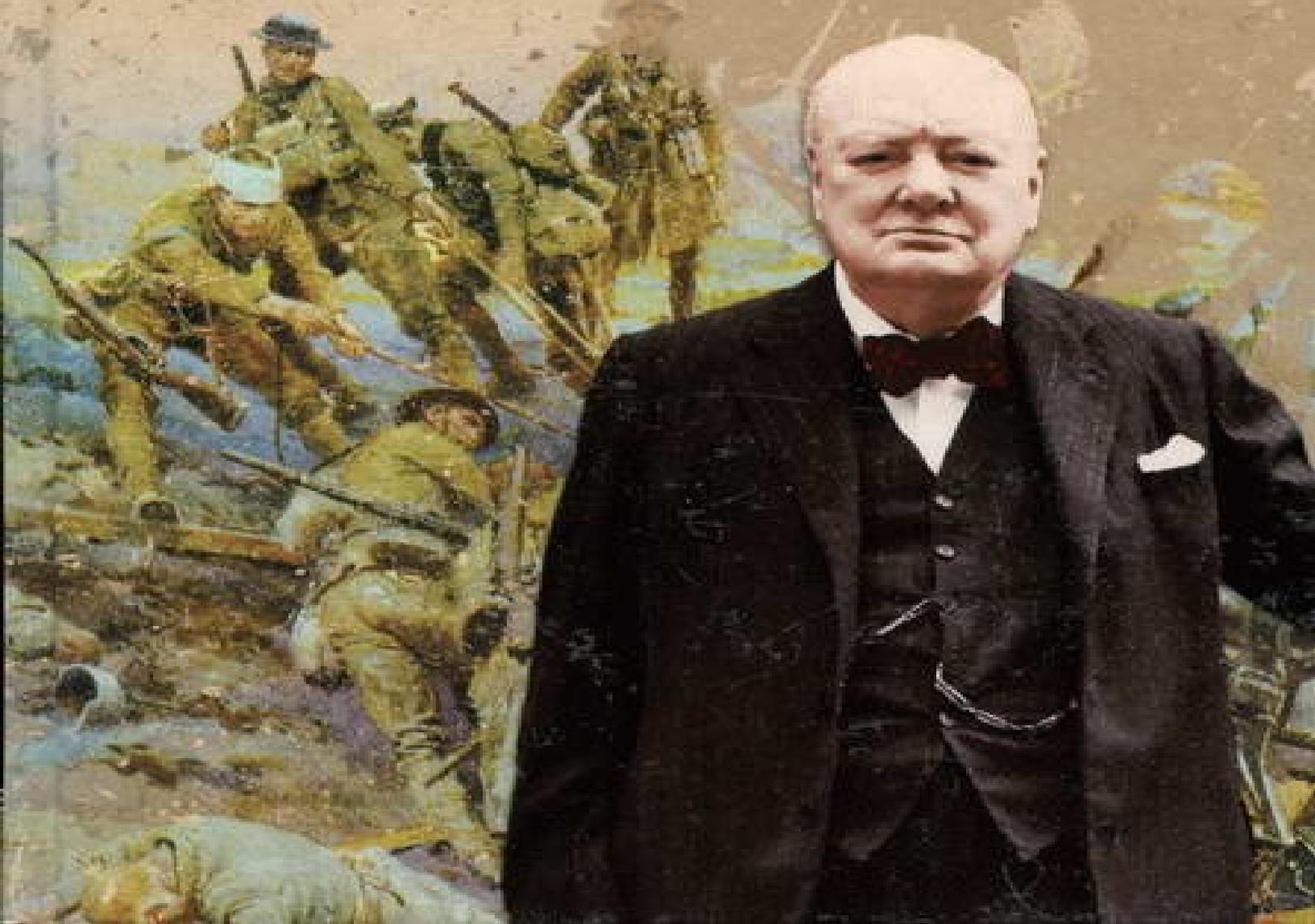

Александр Широкоград

Друзья и Враги России

АНГЛИЯ

**НИ МИРА,
НИ ВОЙНЫ**

Annotation

Россия и Англия настолько географически далеки, что первые пятнадцать веков новой эры практически ничего не знали друг о друге. Казалось бы, две великие державы могли состоять если не в дружественных, то в нейтральных отношениях. Англия ни разу не вела полномасштабной войны против России сама, но тайная война между двумя великими державами не прекращалась никогда. Почему Лондон всегда был так недружественен в отношении к России — царской, советской и демократической? Об этом и многом другом рассказано в новой книге историка А.Б. Широкограда.

- [Александр Широкоград](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ](#)
- [СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [comments](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)

- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)

- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)

- [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
 - [192](#)
 - [193](#)
 - [194](#)
 - [195](#)
 - [196](#)
 - [197](#)
 - [198](#)
 - [199](#)
 - [200](#)
 - [201](#)
 - [202](#)
 - [203](#)
 - [204](#)
 - [205](#)
 - [206](#)
 - [207](#)
 - [208](#)
 - [209](#)
 - [210](#)
 - [211](#)
 - [212](#)
 - [213](#)
 - [214](#)
 - [215](#)
 - [216](#)
 - [217](#)
-

Александр Широкоград
АНГЛИЯ. Ни войны, ни мира

Глава 1

ПРИНЦЕССА ГИТА И ЕПИСКОП ТОМАС

Первое знакомство англичан с русскими состоялось почти тысячу лет назад, где-то в 1074 г., когда смоленский князь, а впоследствии великий князь киевский Владимир Мономах женился на Гите — дочери последнего англосаксонского короля Гаральда II, в 1066 г. павшего в битве с норманнами при Гастингсе.

Стоит заметить, что династические браки у русских князей Рюриковичей в конце X — XI веков были не исключением, а нормой. Так, прадед Мономаха Владимир I Красное Солнышко в 988 г. женился на Анне — сестре византийского императора Василия II. А его сыновья Святополк Окаянный и Ярослав Мудрый женились на дочерях королей польского Болеслава I Храброго и шведского Олафа I.

Почти все дети Ярослава Мудрого вступили в династические браки с королевскими домами Европы. Дочери Анна, Елизавета и Анастасия, соответственно, стали женами королей французского Генриха I, норвежского Харальда и венгерского Андрея I. Сын Изяслав женился на Гертруде — сестре польского короля Казимира I, а Всеволод — на Анне, дочери византийского царевича Константина Мономаха.

У Всеволода и Анны родился Владимир Мономах, ну а от последнего и Гиты пошли великие князья киевские, а от них — великие князья владимирские и московские.

Увы, к середине XII века все династические браки и культурные связи Руси не только с Англией, но и со всей Западной Европой прекращаются, а торговля резко сокращается. Что же произошло?

В относительно неплохо складывавшиеся отношения Руси и Европы вмешался Рим. Папа и кардиналы в течение 1000 лет подстрекали европейские государства к борьбе с Русью. Из-за чего? Разница в обрядах западной и восточной церковью невелика, и римские папы охотно разрешают униатам исполнять православные обряды. Главным же камнем преткновения между католиками и православными встал вопрос подчинения римским папам и выплаты денег.

В 1054 г. византийский император Константин Мономах решил уладить трения между церквями и пригласил в Константинополь папских

легатов во главе с кардиналом Гумбертом. Однако вместо того, чтобы попытаться прийти к компромиссу, согласно желанию императора, Гумберт со товарищи 15 июля вошли в храм Святой Софии и бросили на главный престол грамоту о предании анафеме византийского патриарха Михаила Керуллария и других православных патриархов.

Затем в присутствии императора папские легаты громко заявили: «Кто упорно станет противиться вере святого римского и апостольского престола, да будет анафема, да будет анафема, маранафа»^[1].

Самое любопытное, что Гумберт и компания действовали не по указанию папы, а по собственному усмотрению. Дело в том, что папа Лев IX еще с сентября 1053 г. и по март 1054 г. находился в Беневенте как пленник норманнов, затем, освободившись, умер 19 апреля 1054 г., то есть за два месяца до окончательного разрыва.

Именно Рим стал идейным вдохновителем и организатором крестовых походов на Восток против славян, литовцев, финнов, карелов и других народов.

Вот характерные высказывания католических иерархов в середине 40-х годов XII века. Краковский епископ Матфей пишет к Бернару Клервоскому (1091—1153), аббату монастыря в Клерво в Бургундии (позже Бернар будет объявлен святым): «Народ же русский, неисчислимый и многочисленностью подобный звездам, не блюдет правил православной (orthodoxa) [то есть католической] веры и установлений истиной религии. Не разумея, что вне католической церкви нет места для подлинного богослужения, он, как известно, позорно заблуждается не только в богослужении Тела Господня, но и в расторжении браков и перекрещивании [супругов], а также и других церковных таинствах. От самого начала своего крещения преисполненный всевозможными заблуждениями, а вернее сказать — еретическим нечестием, он исповедует Христа разве что по имени, делами же совершенно отвергает. Ведь не желая быть в согласии ни с Латинской, ни в Греческой церковью и отделившись от обеих, названный народ не причастен к принятию таинств ни по тому, ни по другому [обряду]». В итоге епископ Матфей призывает Бернарда лично явиться, чтобы своей "проповедью, что пронзает лучше меча обоюдоострого, истребить" ересь "на Руси, которая — словно другой мир"»^[1].

Вроде бы пока речь идет о проповедях, но не будем забывать, что именно Бернар был одним из главных вдохновителей Второго крестового похода 1147 года.

В 1202 г. по призыву папы Иннокентия III начался Четвертый крестовый поход, целью которого был Египет. Однако вместо борьбы с неверными крестоносцы напали на Константинополь — «второй Рим», тогдашний центр православия. 12 апреля 1204 г. Константинополь подвергся невиданным в истории грабёжам: «...ворвались фряги в святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром и тябло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем»^[2].

Замечу, что даже татаро-монголы щадили православные храмы. Разгром «второго Рима» вызвал негодование князей, попов, да и простых горожан на Руси. Все понимали, что ждет русские города в случае прихода крестоносцев.

В 1221 г. папа Гонорий III шлет послание упсальскому епископу Томасу, в котором строго запрещает всем католикам продавать русским и финским племенам оружие, железо, лошадей и даже дерево. Ослушникам Гонорий грозил отлучением от церкви.

Любопытно, что Томас — англичанин из ордена доминиканцев. С 1220 по 1245 г. делом жизни Томаса становится организация крестовых походов против русских и карел.

В начале лета 1240 г. шведская флотилия вошла в устье Невы и у впадения в нее реки Ижоры высадила десант. Дальнейшее хорошо известно. 15 июня шведов атаковала дружина князя Александра Ярославича вместе с дружиной ладожан и отрядом ижоры (вассалов Новгорода). С наступлением темноты большая часть шведских судов ушла вниз по течению Невы, а часть была захвачена русскими. По приказу Александра два трофейных шнека были загружены телами убитых, и их пустили по течению в море, и «потопиша в море», а остальных убитых шведов, «ископавши яму, вметавша их в ню без числа».

Согласно житию святого Александра Невского, князь лично ранил копьем в лицо предводителя шведов. Первоначально считалось, что это был сам фактический правитель Швеции ярл Биргер.

В XX веке ряд историков высказали сомнение в том, что предводителем шведов был именно ярл Биргер. Ни русские летописи, ни «Житие Александра Невского» не называют имени шведского предводителя. Полтора столетия назад один из основателей финской исторической науки Гавриил Рейн высказал мнение, что, поскольку в Новгородской летописи упоминаются находившиеся в составе шведского войска «бискупы» (епископы), здесь подразумевался руководивший тогда шведской колонией в Финляндии энергичный и решительный епископ Томас. С тех пор и до первых десятилетий XX века это мнение прочно

вошло в финскую науку, где Невский поход 1240 г. стали называть «походом епископа Томаса»^[3].

Это, кстати, косвенно подтверждается и русской летописью: «И был убит воевода их именем Спиридон^[2], а другие говорят, что и епископ был убит тут же».

Сергей Порохов по сему поводу заметил: «Еще не существовало ни России, ни Великобритании, а в символическом поединке уже сошлись русский князь Александр Невский и английский епископ Томас. Первый крестовый поход Запада на Русь возглавил завоеватель в рясе проповедника. А отразил этот поход воин, ставший судьбоносным святым Земли Русской. И это символично!»^[4].

Глава 2

КАК РИЧАРД ЧЕНСЛЕР ПО ПУТИ В ИНДИЮ ОТКРЫЛ... РОССИЮ

Конец XV века стал началом эпохи Великих географических открытий. Европейцы открыли для себя огромный мир. В 1486 г. португальский мореплаватель Бартоломео Диас впервые обогнул Африку. Он прошел мыс Доброй Надежды и, убедившись, что дальше берег имеет северо-восточное направление, отправился обратно. В октябре 1492 г. каравеллы Колумба достигли Багамских островов.

Чтобы избежать конфликта Испании и Португалии, при посредничестве римского папы в 1494 г. в испанском городе Тордесилье (Тордесильясе) было заключено соглашение о... разделе мира. От полюса до полюса была проведена черта (приблизительно по 30-му меридиану к западу от Ферро), и все вновь открытые области к западу от этой черты должны были принадлежать испанцам, а к востоку — португальцам. Обе стороны не имели права даже вести торговлю в «чужой зоне». Разграничение было проведено только по Атлантическому океану, что и привело позднее к столкновению, когда испанцы, подойдя с востока, а португальцы — с запада, встретились на Молуккских островах. Разграничительная линия на Тихом океане была установлена лишь Сарагосским договором 1529 года.

В последующие 50 лет Испания и Португалия направили в свои «сферы влияния» десятки экспедиций, в которые входили сотни кораблей. Как испанцы, так и португальцы беспощадно топили суда других стран, застигнутые у берегов Америки, Африки и Индии.

Поэтому Англия, Голландия, Франция и другие страны параллельно с экспедициями в южные моря приступили к поискам альтернативных путей в Индию и Китай через полярные моря. Эти пути им казались более короткими и безопасными от нападений испанских и португальских кораблей. Кроме того, на севере можно было купить, добыть или отнять у туземцев неограниченное количество дорогостоящих шкур диких животных. Наконец, шведы и поляки с XIV века вели экономическую блокаду Руси, не допуская туда английских и голландских купцов, и северный путь был единственным для их свободной торговли.

В XVI веке английские и голландские мореплаватели предприняли

несколько экспедиций, чтобы найти Северо-восточный (вокруг Сибири) и Северо-западный (вокруг Канады) проходы и получить выход в Тихий океан.

В начале 1553 г. в Англии была создана купеческая компания «Общество купцов, искателей стран и владений, неизвестных и доселе непосещаемых морским путем» специально для открытия Северо-восточного прохода. Ее возглавил знаменитый путешественник Себастьян Кабот, получивший титул «Великого штурмана Англии».

Каждый член компании должен был внести пай в 25 фунтов стерлингов. Так было собрано 6 тысяч фунтов.

В том же году компания снарядила три корабля: «*Bona Esperanza*» («Добрая Надежда») водоизмещением в 120 тонн, «*Eduard Bonaventura*» («Эдвард Удалец») в 160 тонн и «*Bona Confidentia*» («Благое Упование») в 90 тонн. Начальник всей экспедиции и первого корабля был Гуг Виллоуби; вторым кораблем командовал капитан Ченслер, а третьим — Дурфорт. Они вышли из Ратклифа 20 мая 1553 г.

Вскоре эскадру застала буря, разделившая корабли. Адмирал Виллоуби и Дурфорт далее шли отдельно. Виллоуби удалось открыть землю на широте 72°. Не будучи в состоянии пристать к ней из-за льда и мелководья, он возвратился к западу и зашел на берег Лапландии в небольшую гавань при устье реки Арзина (*Arzina*), где и остался зимовать по причине позднего уже времени года. Несколько раз Виллоуби отряжал людей внутрь земли в разных направлениях, но не находил ни обитателей, ни следов жилья. В конце концов, от холода или голода, или от обеих причин вместе, адмирал и 70 членов экипажей судов погибли. Их тела были найдены на следующую весну лопарями. Снаряжение и товары с обоих судов были доставлены в Холмогоры и по повелению царя Ивана Грозного возвращены англичанам.

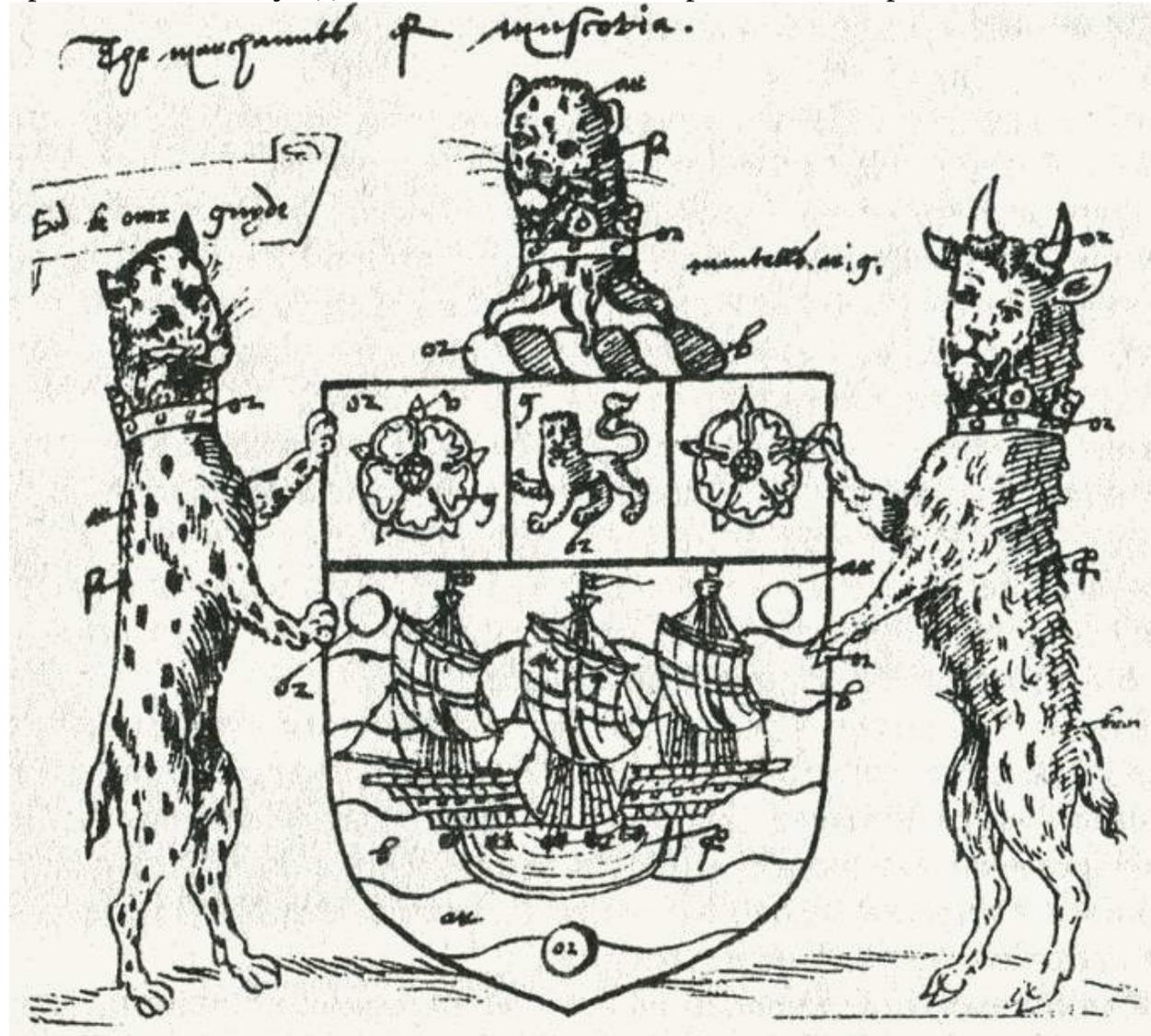
Капитан Ченслер, укрывшись после разлуки с адмиралом в Вардгоусе, ждал его тщетно семь дней. Поплыв опять к востоку, он вошел в Белое море и прибыл, наконец, в западное устье реки Двины, к Никольскому монастырю. Этим положено было начало торговли России с Англией.

Ричард Ченслер без разрешения местных воевод отправился в Москву, где был принят Иваном Грозным. Ченслер вручил царю грамоту короля Эдуарда VI и получил соответствующую грамоту от Ивана IV.

Возвращение Ченслера в Англию стало сенсацией. И власти, и купцы были крайне заинтересованы в торговле с Россией. Для этого в Англии даже была создана Московская компания. 6 февраля 1555 г. королева Мария выдала компании хартию на монопольную торговлю с Россией. Во главе

компании находился Совет из двух управляющих, одним из которых стал Себастьян Кабот. Кстати, сия компания просуществовала в Англии до 1917 г.

В навигацию 1555 г. Ченслер вновь отправился в Россию на корабле «Благое предприятие». Ченслер и еще два представителя компании прибыли в Москву, где их снова милостиво принял Иван Грозный.

Герб Московской компании в английской рукописи XVI века

Англичанам вручили царскую грамоту, дававшую им право на беспощинную торговлю с Россией, а также ряд других привилегий.

В обратный путь Ченслер взял с собой русского посла Осипа

Григорьевича Непею, а тот - груз воска, тюленьего жира, сала, мехов, войлоков и канатной пряжи общей стоимостью 20 тыс. фунтов стерлингов, то есть на 200 тыс. рублей по тогдашнему курсу валют.

У берегов Шотландии корабль «Благое предприятие» попал в страшную бурю. Ченслер погиб, а Непея спасся и достиг Лондона, где с большим почетом был принят королевой и правлением Московской компании. Королева Мария в благодарность за льготы, данные англичанам в Московском государстве, дала и русским купцам право свободно и беспошлинно торговать во всех своих владениях как оптом, так и в розницу. Королева обещала взять все имущество русских купцов под свое особенное покровительство и выделить им под склады в Лондоне хорошие дома. Мария также согласилась на свободный выезд из Англии в Россию художников и ремесленников, и Непея сразу же вывез многих мастеров, медиков, рудознатцев и других специалистов.

Обратно Непея плыл на английском корабле. 12 мая 1557 г. он покинул «туманный Альбион», а уже 13 июля корабль бросил якорь в заливе Святого Николая. Через два дня после отъезда Непеи в Россию повел свое судно Антон Дженкинсон, который прибыл в Россию 14 июля 1557 г. С этого времени британские суда почти ежегодно прибывали на Русский Север.

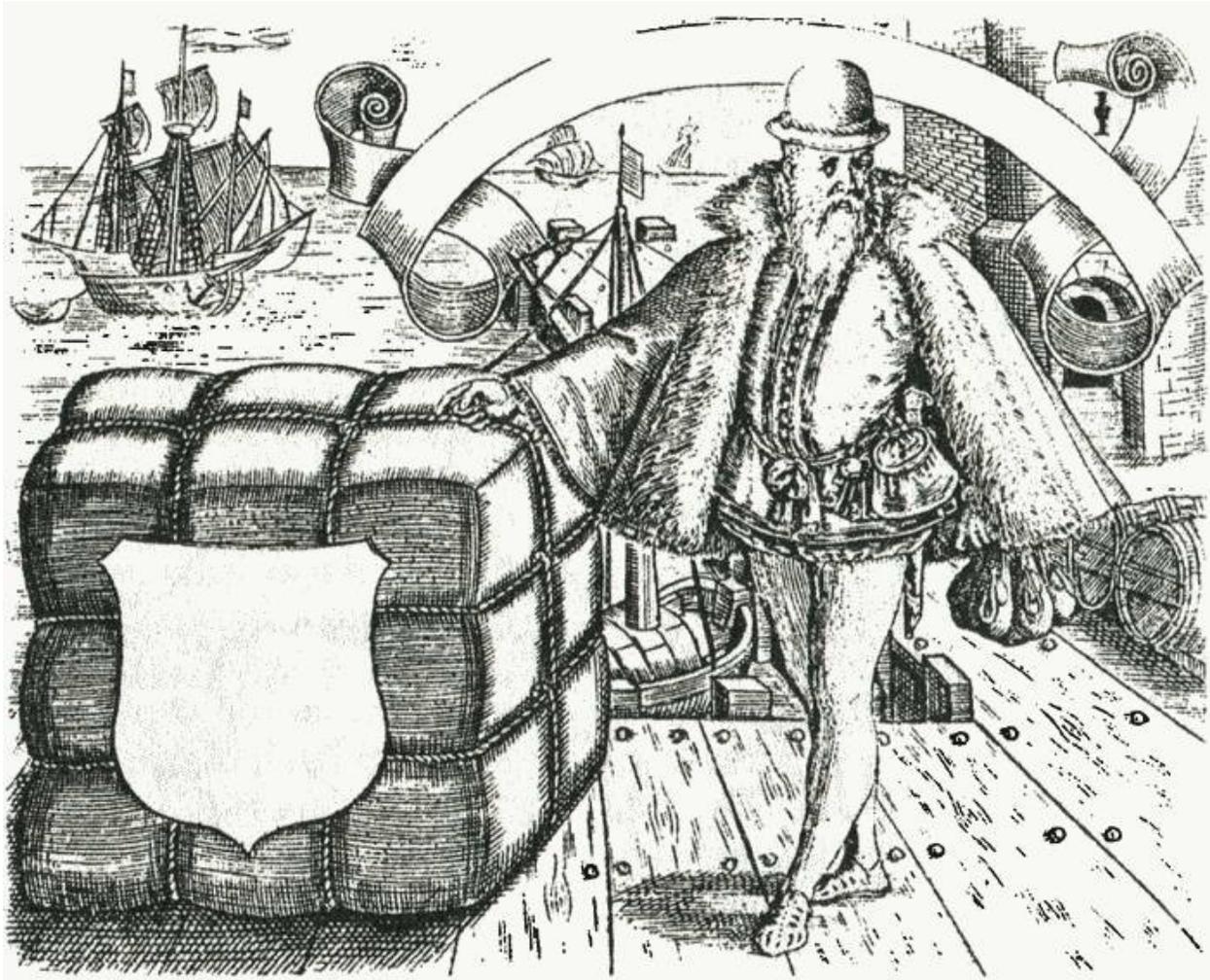
Московская компания, начавшая с капитала в 6000 фунтов стерлингов в 1555 г., быстро богатели. В 1564 г. ее капитал достиг 40 тысяч фунтов стерлингов, а в 1585 г. — уже 80 тысяч фунтов стерлингов. Компания приобретала недвижимость — дома, фактории, лавки. На так называемом Розовом Острове напротив Николаевского Корельского монастыря она купила дом, где останавливались приезжавшие из Англии. В Холмогорах, по отчету Томаса Рандольфа 1568—1569 гг., «...англичане имеют свою собственную землю, пожалованную царем, и много хороших домов с конторами для собственного удобства». Дженкинсон в отчете 1569 г. Совету Компании пишет, что он 21 февраля «прибыл в наш дом, в Вологде». П. Челищев в своем «Путешествии по северу России 1791 г.» отмечает, что в 1623 г. в Архангельске было 7 иностранных хозяев домов, в 1678 г. — 24.

Еще в 1556 г. царь Иван пожаловал английским купцам «Юшков двор у Максима святого за торгом». Большие трехэтажные каменные хоромы были построены в конце XV века богатым купцом Иваном Дмитриевичем Бобрищевым по прозвищу Юшка. К 1551 г. дом уже числился в царской казне. Кроме того, англичанам было передано и еще несколько деревянных строений.

Юшков двор стал главным офисом Московской компании. Там же останавливались и британские послы.

Иван Грозный постоянно покровительствовал англичанам и даже среди бояр получил название «аглинский царь». Это покровительство ярко проглядывается в привилегиях, которые получала от него Московская компания с первых шагов своего существования и своих операций в России. В 1564 г. царем управляющему Компанией Вильяму Гаррарду была выдана привилегия, подтверждающая прежние права по вольной торговле и дающая разрешение на покупку домов в Вологде и Холмогорах: «...а такова грамота аглинским купцам дана в лето 7072 Сувельяну Гаруту (то есть сэру Вильяму Гаррарду) с товарищи». В 1569 г. грамота дает право беспошлинной торговли, право свободного проезда в Персию, разрешение искать на реке Вычегде железную руду и построить для обработки ее завод, причем в пользование Компании отводится большой участок леса. Железо разрешается вывозить за границу, уплачивая в пошлину деньгу с одного фунта стерлингов.

Царь Федор Иванович продолжил торговую политику своего отца, закрепив за Компанией на Севере пять пристаней: Корельское пристанище, пристани на реке Печенге, реке Варзузе, реке Мезени и реке Шуме. Корельское пристанище — это, видимо, и есть тот Розовый остров против Николаевского Корельского монастыря, где, по словам Дж. Традесканта, «росли дамасцены и красные розы, фиалки и дикий розмарин и где был сосновый и березовый бор».

Западноевропейский купец. Середина XVI века

Кроме права беспошлинной торговли государева жалованная грамота от 20 июня 1569 г. давала англичанам еще одно немаловажное преимущество: повелевала англичанам быть под ведомством опричнины и не иметь никакой зависимости от земщины.

В связи с этими основными правами, предоставленными Московской компании, царь по просьбе Еремея Бауса уважил в 1583 г. еще и следующее ходатайство: запрещение всем другим иностранцам, кроме англичан, дальнейшей торговли на Севере России; проезд и торговля по всем северным берегам и землям от Вардгууса до реки Оби дозволены одним англичанам. Помимо этих важнейших привилегий царь велел уплатить англичанам 500 марок, которые были взяты в царскую казну за 10 лет до приезда Еремея Бауса, как аренда за двор купцов в Вологде.

Удовлетворялись и другие просьбы англичан. Так, Антон Дженкинсон в 1571 г. ходатайствовал перед царем: «Дабы угодно было Его Величеству соизволить, чтобы С.У. Гаррет с товарищи могли устроить торговый дом в Холмогорах на Двине, чтобы подданные Его Величества, торгующие с нашими купцами, свозили свои товары в Холмогоры».

Вскоре у англичан появились конкуренты. Первый голландский корабль пришел в Двину в 1577 г. под начальством Джилеса Гофмана, первый французский под управлением Жана Соважа — в 1586 г., когда английская торговля уже утвердилась на берегах Белого моря и в Москве. Французы не представляли серьезной конкуренции англичанам.

Другое дело — голландцы, которые продавали сукно, хотя и худшего качества, но зато дешевле английского. Острая конкурентная борьба английских и голландских купцов в России будет продолжаться еще полтора столетия.

Возникает вполне естественный вопрос: а почему англичане, французы и голландцы открыли Россию лишь во второй половине XVI века и добирались столь длинным и опасным путем вокруг Скандинавского полуострова? Ведь в VIII—XII веках существовал Великий Волжский путь, по которому ежегодно десятки караванов судов шли из Каспийского моря в Балтийское и Северное моря. Из Волги на Балтику суда попадали через три системы волоков. Первые две системы, по которым суда проходили на Неву и Западную Двину, хорошо известны историкам. Но была и третья система волоков — через Чудское озеро и реки Эмбах (Эмайыги), Навести и Пярну.

О громадном объеме торговли Северной Европы с мусульманским Востоком свидетельствуют десятки тысяч арабских монет VIII—X веков, которые находили по всей Европе, в том числе и в Англии. Так, к примеру, не столь давно у города Харрагит (Северная Англия) в свинцовом ларце был найден большой клад арабских монет IX—XI веков.

Как видим, Европа несколько веков успешно торговала с арабами, персами, индусами и даже китайцами через внутренние водные пути России. Однако иерархи Рима создали санитарный барьер в виде Швеции и Польши на пути в Россию. На юге турецкие султаны, равно как и арабские султаны, и монгольские ханы покровительствовали международной торговле. Но между Турцией и Россией встало Крымское ханство. Крымские татары превратили плодородные земли на юге России от Дуная до Волги в огромное Дикое поле. Отряды татар грабили проезжих купцов. В противовес татарам возникли гособразования донских и запорожских казаков. Казаки вели беспощадную войну с татарами и тоже грабили проезжих купцов.

- - - - - Путь из варяг в греки
 Smaleskia Важнейшие пункты связанные
 Смоленск с путём из варяг в греки (наз-
 Mилвиюкса вания: скандинавские, древнерус-
 ские, греческие)
 - - - - - Другие торговые пути
 * Памятники, представленные
 на выставке
 — Границы Руси в середине XI в.
 - - - - - Границы других государств в се-
 редине XI в.

140 км 0 140 км 280 км

Итак, из-за политики римских пап, а также шведских и польских королей вся Европа была отрезана не только от России, но и от многих восточных стран.

По сему поводу Карл Маркс писал: «Ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого; никогда ни одна нация не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья ее рек были от нее оторваны; Россия не могла оставлять устье Невы, этого единственного выхода для продукции северной России, в руках шведов, так же как устья Дона, Днепра и Буга и Керченский пролив в руках кочевых татарских разбойников... прибалтийские провинции по самому своему географическому положению являются естественным добавлением для той нации, которая владеет страной, расположенной за ними»^[5].

Замечу, что Маркс не только автор «Капитала», но и отъявленный русофоб, проклинавший русских царей, что дает нам право считать его оценку весьма объективной.

К сожалению, правящие круги Британии, с одной стороны, покровительствовали северной торговле с Россией, но с другой — всячески противились попыткам русских царей выйти на берега Балтийского и Черного морей.

В 1569 г. Иван Грозный отправил королеве Елизавете послание с предложением союза. Царь «просил королеву соединиться с ним заодно против поляков и запретить своему народу торговать с подданными короля польского. Царь просил, чтоб королева позволила приезжать к нему мастерам, умеющим строить корабли и управлять ими, позволила вывозить из Англии в Россию всякого рода артиллерию и вещи, необходимые для войны. Царь просил убедительно, чтобы между ним и королевою учинено было клятвенное обещание такого рода: если бы кто-нибудь из них по несчастию принужден был оставить свою землю, то имеет право приехать в сторону другого для спасения своей жизни, будет принят с почетом и может жить там без страха и опасности, пока беда минует и Бог переменит дела. Это обязательство должно храниться в величайшей тайне.

Елизавете, разумеется, не было никакой выгоды входить в такой тесный союз с царем и втягиваться в его войну с соседями; она длила время

и наконец отвечала уклончиво и неопределенно, что не будет позволять, чтоб какое-нибудь лицо или государь вредили Иоанну или его владениям, не будет позволять этого в той мере, как по возможности или справедливости ей можно будет благоразумно этому воспрепятствовать; но против общих врагов обязывалась действовать оборонительно и наступательно. Принятие царя и семейства его в Англии и содержание с почетом было обещано.

Иоанн рассердился и велел написать Елизавете грамоту (в октябре 1570 года): "Ты то дело отложила на сторону, а делали с нашим послом твои бояре все о торговых делах. И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государственной чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такие дела и хотели с тобой делать. Ажио у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших государских головах и о честях и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая [обыкновенная] девица. И коли уж так, и мы те дела отставим на сторону. А мужики торговые, которые отставили наши государские головы и нашу государственную честь и нашим землям прибыток, а смотрят своих торговых дел, и они посмотрят, как учнут торговати. А Московское государство покамест без английских товаров не скудно было. А грамоту в еси, которую есмь к тебе послали о торговом деле [льготная грамота английским купцам], прислала к нам. Хотя к нам тое грамоты и не пришлешь, и нам по той грамоте не велети делати ничего. Да и все наши грамоты, которые есмь давали о торговых делах по сей день, не в грамоты"»^[6].

В угоду «торговым мужикам» Елизавета отправила в Россию купца Дженкинсона с грамотой, в которой всячески изворачивалась и льстила самолюбию Ивана. Царь смягчился и возвратил англичанам прежние льготы, хотя и не все.

Елизавета по просьбе царя прислала к нему медика Роберта Якоба, аптекарей и цирюльников. Иван поинтересовался у Якоба, нет ли в Англии для него невесты. Якоб предложил кандидатуру Марии Гастингс, дочери графа Гонтингдона, которая приходилась королеве племянницей по матери. Любопытно, что расспросить медика о «девке», как тогда выражались, царь поручил Богдану Вельскому и брату своей жены Афанасию Нагому.

В августе 1572 г. в Англию отправился дворянин Федор Писемский с наказом договориться о союзе России с Англией против Польши и начать дело о сватовстве. Он должен был сказать Елизавете от имени Ивана: «Ты бы сестра наша любительная, Елисавета королевна, ту свою племянницу

нашему послу Федору показать велела и парсону [портрет] в ее к нам прислала на доске и на бумаге для того: будет она пригодится к нашему государскому чину, то мы с тобою королевною то дело станем делать, как будет пригоже».

Царь поручил Писемскому взять портрет невесты и меру ее роста, рассмотреть хорошенько, дородна ли она, бела или смугла, узнать, сколько ей лет, как приходится королеве в родстве, кто ее отец, есть ли у нее братья и сестры. Если скажут, что Иван женат, то ответить так: «Государь наш по многим государствам посылал, чтоб по себе приискать невесту, да не случилось, и государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь не по себе; и если королевнина племянница дородна и такого великого дела достойна, то государь наш, свою оставя, сговорит за королевину племянницу».

Писемскому поручалось передать, что Мария должна принять греческую веру. То же царь требовал и от бояр и боярынь, которые приедут с невестой и захотят остаться при дворе. Кто откажется креститься, тем при дворе жить будет нельзя. «Им вольно жить у государя в его жалованьи: только некрещеным жить у государя и у государыни на дворе ни в каких чинах непригоже».

Также посол должен был объявить, что наследником будет царевич Федор, а детям, которых родит Мария, будут даны уделы.

4 ноября 1572 г. состоялась аудиенция в Виндзоре. На речь Писемского Елизавета ответила с улыбкой: «Я брата своего и вашего государя братской любви и приязни рада и желаю, чтобы велел Бог мне брата своего, вашего государя, в очи видеть».

Посол сказал на это: «У нашего государя со многими царями и королями ссылка, а ни с одним такой любви нет, как с тобою, ты у него сестра любительная и любит он тебя не словом, а всею душою, вправду».

Елизавета отвечала: «Я брату своему на его любви челом бью, рада быть с ним в братской любви и докончании и на всех недругов стоять заодно. Земля ваша Русская и государство Московское по-старому ли и нет ли в вашем государстве между людьми какой шатости [волнения]?»

Писемский: «Земля наша и государство Московское, дал Бог, по-старому, а люди у государя нашего в его твердой руке. В которых людях была шатость, и те, вины своя узнав, били государю челом, просили милости. Государь им свою милость показал, и теперь все люди государю служат прямо, а государь их жалует».

Елизавета спросила у посла, понравилась ли ему Английская земля, на что тот ответил: «Земля Английская очень людна и угожа и всем

изобильна».

На следующей аудиенции у королевы Писемский вновь поднял вопрос о сватовстве, на что Елизавета ответила: «Любя брата своего, вашего государя, я рада быть с ним в свойстве. Но я слышала, что государь ваш любит красивых девиц, а моя племянница некрасива, и государь ваш навряд ее полюбит. Я государю вашему челом бью, что, любя меня, хочет быть со мною в свойстве, но мне стыдно списать портрет с племянницы и послать его к царю, потому что она некрасива, да и больна, лежала в оспе, лицо у нее теперь красное, ямоватое. Как она теперь есть, нельзя с нее списывать портрета, хотя давай мне богатства всего света».

Тогда Писемский согласил подождать несколько месяцев, пока Мария совсем не поправится. А тем временем до Англии дошли слухи, что царица Мария Нагая родила сына Димитрия. Писемский объявил королевским министрам, что это лишь вздорные слухи и чтоб Елизавета им не верила. Мол, злые люди специально хотят поссорить королеву с царем.

В мае 1583 г. наконец-то царскому послу показали невесту, гуляющей в саду, что бы тот смог как следует ее рассмотреть. После чего Писемский доложил Ивану, что Мария Гастингс ростом высока, тонка, лицом бела. Глаза у нее серые, волосы русые, нос прямой, пальцы на руках тонкие и длинные.

После «смотрин» Елизавета опять повторила Писемскому: «Думаю, что государь ваш племянницы моей не полюбит, да и тебе, я думаю, она не понравилась?» Но посол возразил: «Мне показалось, что племянница твоя красива. А ведь дело это становится судом Божиим».

В конце концов, сватовство царя не состоялось, а взаимоотношения с Англией остались на прежнем уровне.

Следует заметить, что к моменту «открытия» Ченслером России Англия была не совсем католической страной и вышла из-под «окормления» (власти) римских пап. Засилье пап как в религиозном, так и в политическом отношении возмущало к началу XVI века значительную часть населения и правящих классов многих стран Европы — Германии, Франции, Швеции, Голландии и др. В Англии поводом для «частичной» реформации стал курьез.

Король Генрих VIII (1509—1547) был добрым католиком. Он сам написал опровержение учения Мартина Лютера. Однако в 1527 г. любвеобильный король попросил папу Климента VII о разводе, но папа отказал. В 1533 г. по указанию Генриха VIII английский парламент издал закон о независимости Англии от Рима в церковных делах. Главой церкви в Англии в 1534 г. был объявлен король, брак с Екатериной Арагонской был

расторгнут парламентом, и король женился на Анне Болейн. В 1538 г. Генрих закрыл все монастыри в Англии и присвоил себе их имущество.

При сыне Генриха Эдуарде VI (1547—1553) в Англии началась реформа вероучения. В итоге в 1548—1551 гг. была создана англиканская епископальная церковь, представлявшая, по выражению профессора Н.Д. Тальберга, «своеобразную смесь того и другого»^[7].

После смерти Эдуарда VI в 1553 г. на престол вступила строгая католичка Мария, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской. Она восстановила в Англии католичество и подвергла жестокому гонению протестантов. Архиепископ Кранмер и два других англиканских епископа были сожжены в Оксфорде, и вслед за ними казнено множество протестантов. Послушный королеве парламент добился лишь того, что имущество, отнятое у духовенства, не было возвращено ему и осталось у новых владельцев.

После смерти Марии в 1558 г. на престол вступила дочь Генриха VIII и Анны Болейн Елизавета (1558—1603). Она была протестанткой, и теперь гонениям подверглось католичество. Было восстановлено смешанное вероисповедание, в 1559 г. парламентскими актами подтверждено главенство королевской власти в церкви и восстановлены все церковные распоряжения, изданные при Эдуарде VI.

Таким образом, при Елизавете окончательно образовалась англиканская епископальная Церковь со смешанным вероучением и сделалась государственной.

Глава 3

БРИТАНСКИЙ ВЕКТОР В СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

В марте 1697 г. из Москвы в Европу отправилось Великое посольство. Руководили посольством генерал-адмирал Франц Лефорт, тайный советник Федор Головин и думный дьяк Прокофий Возницын. Всего вместе с охраной в посольстве насчитывалось 270 человек.

Однако вся власть в посольстве принадлежала скромному бомбардиру Петру Михайлову, под именем которого скрывался Петр I.

Впервые со времен Ивана III русский государь покинул страну, ну а до Ивана III московские князья, кроме Орды, никуда не ездили.

Целью посольства являлось заключение военных союзов с государствами Западной Европы, направленных против Оттоманской империи, закупка оружия, инструментов и научных приборов и вербовка иностранных специалистов для службы в России. Лично же для самого молодого царя было страстное желание посмотреть мир.

Посольство побывало в Лифляндии, Кенигсберге и Берлине и, наконец, в начале августа прибыло в Голландию. 31 августа 1697 г. в городе Утрехте царь имел неофициальную встречу с английским королем Вильгельмом III, бывшим штатгальтером Голландии.

Английский король подарил Петру роскошно отделанную быстроходную яхту, вооруженную двадцатью небольшими медными пушками. Царь убедился в превосходстве британских корабельных мастеров над голландскими и решил посетить «туманный Альбион».

7 января 1698 г. яхта Петра I под конвоем трех британских кораблей отправилась в Англию. 11 января царь вместе с Меншиковым разместился во дворце в Дептфорте на Темзе близ Лондона. Через три дня ему нанес неофициальный визит Вильгельм III, а 23 января король с ответным визитом принял царя.

Инкогнито бомбардир Михайлов много гулял по Лондону. Город ему понравился «потому, что в нем богатые люди одеваются просто».

12 апреля Петр посетил британский парламент. Царские комментарии по сему поводу до нас не дошли, вполне возможно, что он был сердит и помалкивал.

Посетив Монетный двор, Петр встретился с его управляющим

Исааком Ньютоном. А известного английского математика профессора Эндрю Фергансона царь уговорил поехать в Россию, где тот преподавал математику сначала в Навигацкой школе, а потом в Морской академии.

По приказу Вильгельма III известный художник, ученик Рембрандта Готфрид Кнеллер написал портрет русского царя, которому тот позировал.

В Лондоне Петр неоднократно встречался с купцами, лично известными ему по Москве. В частности, 31 января царь побывал у купца Андрея Стейпса: «...у него кушали и приехали домой веселы».

В Лондоне Петр заключил договор о поставках в Россию табака. Замечу, что его отец, царь Алексей Михайлович, курильщиков табака обычно приказывал бить батогами, а иной раз и кнутом. Однако его сын еще до Посольства пристрастился на Кукуе к табачному зелью. Согласно договору, в Россию из Англии должно было поступить 10 тысяч бочек табака весом в 500 тысяч фунтов (205 тонн), за каждый фунт брались 4 копейки пошлины. Петр был доволен условиями договора и выразил это весьма оригинальным способом: он перед распечатыванием письма с проектом договора велел выпить каждому послу по три кубка, что те с удовольствием и исполнили. Ф.А. Головин вспоминал: «Выпили по три кубка гораздо немалы, от которых были гораздо пьяны, однако ж, выразумев, истинно радовались и Бога благодарили».

Король Вильгельм III устроил для почетного гостя маневры в Портсмуте, куда Петр приезжал на четыре дня. Там он осмотрел крупные военные корабли, вооруженные 80—100 пушками, а 24 марта наблюдал два показательных сражения на море. Петр был в восторге от увиденного и изрек: «Если б я не был русским царем, то желал бы быть английским адмиралом».

Великое посольство покинуло Англию 25 апреля 1698 г. и через два дня прибыло в Амстердам. Завершить в Англии неоконченные дела царь поручил Я.В. Брюсу. Итог пребывания Петра в Англии подвел журнал Брюса: «Пересмотрев же все вещи, достойные зрения, наипаче же то, что касается до правления, до войска на море и сухом пути, до навигации, торговли и до наук и хитростей, цветущих там, часто его величество изволил говорить, что оной Английский остров лучший, красивейший и счастливейший есть из всего света. Там его величество благоволил принять в службу свою многих морских капитанов, поручиков, лоцманов, строителей корабельных, мачтовых и шлюпочных мастеров, якорных кузнецов, компасных, парусных и канатных делателей, мельнишных строителей и многих ученых людей, также архитекторов гражданских и военных». В числе их находилось 23 шкипера (из которых 3 — для

военных судов), 30 квартирмейстеров, 30 лекарей, 60 подлекарей, 200 пушкарей, 4 компасных мастера, 2 парусных и 2 якорных, 1 резчик, 2 кузнеца, 2 конопатчика, 20 корабельных работников и др.

В мае 1698 г. Петр и его спутники простились с гостеприимной Голландией и отправились домой.

Задача Великого посольства была выполнена лишь частично. Царю удалось завербовать себе на службу сотни немцев, голландцев и англичан. Было закуплено множество вооружения и различных товаров. Однако вступить в союз с Россией против Оттоманской империи никто не пожелал. Австрийская империя — государство, которое, казалось, больше всего должно было быть заинтересовано в разгроме турок, стремилось как можно быстрее заключить с ними мир.

Дело в том, что в 1696 г. серьезно заболел испанский король Карл II из испанской ветви династии Габсбургов. Карл II был бездетен, и австрийскому императору Леопольду I (1657—1705) очень хотелось посадить на мадридский трон своего сына Карла, чтобы Испания по-прежнему оставалась под властью Габсбургов. Однако это меньше всего устраивало «короля-солнце» Луи XIV, который имел своего кандидата на трон — внука Филиппа, герцога Анжуйского.

Естественно, что в такой ситуации ведущим государствам Европы — Австрии, Франции, Англии, Голландии и Пруссии — было не до каких-то турок. Все они ждали кончины Карла II Испанского и готовились к смертельной схватке за его наследство.

Что же касается хворавшего датского короля Кристиана V и пышущего здоровьем саксонского курфюрста Августа II Сильного, а по совместительству польского короля, то им от Испанского наследства ничего не могло достаться. Зато они имели территориальные претензии к Шведскому королевству, в основном к его владениям в Германии и Прибалтике. Для Кристиана и Августа возник благоприятнейший момент — с одной стороны, вся Европа собиралась драться за Испанское наследство, то есть мешать будет попросту некому, а с другой стороны, 5 апреля 1697 г. умер шведский король Карл XI, и на престол взшел взбалмошный и скандальный пятнадцатилетний король Карл XII, которого вся Европа считала сумасшедшим.

Сразу по возвращении царя в Москву из поездки по Европе у него начались тайные переговоры с датским послом Паулем Гейнсом. Доказывать Петру целесообразность войны со Швецией долго не пришлось. Заверения Гейнса позволили Петру ускорить оформление договора с Августом II. И ноября 1699 г. в селе Преображенском Петр

ратифицировал договор с саксонским курфюрстом, составленный на бланке, заранее подписанном Августом II. Договор признавал исторические права России на земли, «которые корона Свейская при начале сего столетнего времени, при случае тогда на Москве учинившегося внутреннего несогласия, из-под царской области и повелительства отвлекла и после того времени через вредительные договоры за собою содержать трудилась».

Англия и Голландия, имевшие союзный договор со Швецией, заключенный в мае 1698 г. и возобновленный 23 января 1700 г., считали Швецию своим союзником. Франция также имела союзный договор со Швецией, заключенный в июле 1698 г., и считала Швецию своим традиционным союзником. Именно поэтому Франция и ее противники в войне за Испанское наследство — Англия и Голландия — желали удержать Россию от выступления против Швеции.

По этой причине английский и голландский послы в Константинополе пытались сорвать заключение мира между Россией и Турцией. Посол Украинцев писал Петру из Константинополя: «Послы английский и голландский во всем держат крепко турецкую сторону и больше хотят им всякого добра, нежели тебе, великому государю. Торговля английская и голландская корабельная в Турецком государстве изстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя, завелось морское корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельского города, и тому они завидуют, и того ненавидят, чая себе от того в морской своей торговле великой помешки».

В своих донесениях Украинцев не раз жаловался на противодействие, оказываемое ему послами Англии, Голландии и Франции, заявляя, что «во всем они держат турскую сторону». В октябре 1699 г. он писал Головину: «Послы аглинской и галанской весьма имеют сердце турецкое и буди то тебе к уведомлению». Украинцев называл их «лицемерами» и «наветниками».

Подробное изложение событий Северной войны выходит за рамки книги, и я отправляю интересующихся читателей к своим книгам «Северные войны России» (Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2001), «Швеция. Гроза с Балтики» (М.: Вече, 2008). Здесь же мы будем затрагивать только британский вектор Северной войны.

Начало Северной войны оказалось неудачным для союзников. Первыми начали войну войска Саксонии. В феврале 1700 г. семитысячная армия саксонского курфюрста, а по совместительству и польского короля Августа II вошла в Лифляндию и с ходу овладела крепостью Динамюнде (с 1893 г. Даугавгрива, до 1917 г. Усть-Двинск, с 1959 г. в черте г. Риги).

Однако с ходу взять Ригу саксонцам не удалось и пришлось перейти к правильной осаде.

16-тысячная датская армия во главе с королем Фредериком IV вторглась в Голштинию. Датчане взяли крепость Гузум и осадили Тоннинген. После взятия Тоннингена датчане планировали захват шведской Померании.

Английский король Вильгельм III попытался дипломатическими средствами заставить Данию заключить мир со Швецией. Одновременно англо-голландский флот в составе 10 английских и 13 голландских кораблей, а также множества фрегатов и малых судов двинулся к Датским проливам. 26 июня 1700 г. (н. ст.) союзный флот стал на якорь севернее Кронеборга. Союзники тянули время, поскольку шведский флот еще не был готов к бою.

После соединения со шведской эскадрой у союзников оказалось 59 кораблей против 29 датских. Союзники попытались бомбардировать Копенгаген, но из-за установленных датчанами боновых заграждений, затопленных судов и огня плавбатарей им пришлось отойти. Тогда 4 августа южнее Кронеборга под прикрытием союзных эскадр высадилось 11 тысяч шведов во главе с самим Карлом XII. Шведы подошли к Копенгагену. Карл XII пригрозил полностью разрушить город, если датчане откажутся подписать мир на его условиях.

Датчане приняли это требование. 7(18) августа 1700 г. в Травендале между Швецией и Данией был подписан договор, по которому последняя отказалась от союза с Россией, Саксонией и Польшей, признала независимость Голштинии и обязалась уплатить Швеции военные издержки.

15 сентября 1700 г. Август II снял осаду Риги. Таким образом, у Карла XII руки были развязаны, и он мог заняться Россией.

Не удовлетворившись выходом из войны Дании, Вильгельм III в сентябре 1700 г. через своего посла в Гааге Стэнгопа предложил свое посредничество для примирения России и Швеции. В октябре 1700 г. Вильгельм III послал Петру I грамоту, в которой настаивал на прекращении военных действий между Россией и Швецией и на принятии посредничества Англии в заключении мира между воюющими сторонами.

Пока королевская грамота дошла до царя, русские войска 19 (30) ноября потерпели страшное поражение под Нарвой. Поэтому в ответной грамоте, написанной 13 декабря, Петр соглашался на открытие переговоров о мире и просил Вильгельма назначить место для встречи уполномоченных.

Однако Карл XII, считавший войну своим жизненным призванием, категорически отверг предложения Вильгельма III. В итоге Северная война продолжилась, а Англия заняла позицию дружественного нейтралитета по отношению к Швеции. В июне 1701 г. русский посол в Гааге А.А. Матвеев сообщал, что Англия и Голландия желают продолжения войны между Россией и Швецией, что Вильгельм III не склонен к интересам России и, наоборот, что он «во всем приятель добрый и надежный Шведу»^{8}.

Тем не менее объем русско-британской торговли с началом Северной войны резко возрастает. Экспорт из России в Англию возрос с 64 191 фунта стерлингов до 223 449 фунтов стерлингов. В Архангельск ежегодно приходило около ста иностранных торговых судов, половина из которых — английские.

Советский историк профессор Л.А. Никифоров писал по сему поводу: «Увеличение торговли явилось следствием усиления потребности обеих сторон в товарах друг друга: Англия в связи с начавшейся войной за испанское наследство увеличила закупки материалов для флота, а русское правительство, нуждаясь в деньгах в связи с начавшейся Северной войной, стремилось расширить объем внешней торговли и, кроме того, также проводило усиленные закупки различных материалов, необходимых для снаряжения и вооружения армии (боеприпасы, сукно для армии, сера, свинец, медь и т.д.).

Для Англии страны Балтийского побережья являлись в то время источником снабжения морскими припасами. Чэнс указывает, что "процветание Великобритании и других морских держав, разбросанных по морям, зависело тогда от продукции Балтийских регионов. Корпуса кораблей могли быть построены из британского дуба, но сосны для мачт и рей, пенька для веревок, лен для парусов, смола и деготь для всяких судовых нужд должны были привозиться оттуда, и остановка снабжения означала бы, что военные и торговые суда не могли бы выйти в море"»^{9}.

А вот торговые отношения со Швецией у англичан несколько осложнились. В 1703 г. шведская смоляная компания предъявила требование, чтобы закупленные англичанами в Швеции деготь и смола перевозились на шведских судах и по установленным шведами ценам. Это условие оказалось неприемлемо для английских купцов.

Английский парламент и правительство, пытаясь организовать производство товаров для оснащения флота в заокеанских колониях Англии, установили довольно высокие премии для поощрения производства пеньки, смолы и дегтя. За ввоз в Англию из ее американских

владений одной тонны смолы выплачивалось 4 фунта стерлингов премии, за ввоз одной тонны пеньки — 6 фунтов стерлингов, а за одну тонну мачтового леса — 1 фунт стерлингов. Одновременно в этих колониях вводились специальные законы по охране мачтового леса, а также деревьев, из которых добывались смола и деготь.

Насколько выгодна была торговля с Россией, а также как высоки были установленные парламентом премии, видно хотя бы из того, что в 1706 г. русские продали для английского флота 10 тысяч бочек смолы по одному рублю за бочку. Таким образом, премия, установленная парламентом за ввоз смолы их американских владений, была примерно равна цене, по которой англичане покупали смолу в России.

В 1703 г. в Москву прибыл чрезвычайный посланник Людовика XIV, стремившегося привлечь на свою сторону одновременно и Россию, и Швецию. Посол де Блюз имел поручение добиться, чтобы Россия выступила против врага Франции — Австрии, совершив диверсию в Трансильвании. При этом предполагалось, что для успеха действий против Австрии Россия предварительно заключит с помощью Франции мир со Швецией, а Людовик XIV во время мирных переговоров приложит все усилия, чтобы за Россией остались завоеванные ею территории.

Одновременно с посольством де Блюза в Москву русскому послу в Копенгагене от имени французского короля были сделаны три предложения: 1. Установить дружеские отношения между царем и французским королем. 2. Изъять торговлю из рук англичан и голландцев и передать ее французам. 3. Избрать французского короля единственным посредником при заключении мира между Россией и Швецией.

Британский кабинет решил сорвать планы противника, и в конце 1704 г. в Россию направляется чрезвычайный посланник королевы Анны (Вильгельм III умер в 1702 г.) Чарльз Витворт. В Москву Витворт прибыл 28 февраля 1705 г.

Согласно инструкции британского правительства, Витворту следовало добиться торговых привилегий, обеспечить получение необходимых товаров и собрать разведывательные сведения о России: ее военных силах, финансах, договорах с другими странами и т.д.

В полном соответствии с полученной им инструкцией Витворт собирал информацию о военных проектах, финансах, о планах и намерениях русского правительства. Уже 25 марта 1705 г., то есть вскоре по прибытии в Россию, он сообщил первые сведения о русском флоте на Дону. В донесении от 1 июля 1705 г. Витворт уточнил эти сведения, приводя данные о количестве кораблей, их типе, вооружении и т.д.

С целью получить более обширную информацию Витворт сопровождал Петра I в его походах. 28 сентября 1708 г. в письме, посланном «надежным путем», он давал подробную характеристику состояния русской армии и указывал на слабое место в системе русской обороны, сообщая, что самую чувствительную для русских диверсию шведы могут произвести нападением на Ингрию и Петербург. Витворт приложил к донесению список полков, защищающих эту область, которые «в данное время едва находятся в половинном составе и наполнены преимущественно новобранцами»^{10}. Развивая далее план нападения шведов на эту часть русских владений, он сообщал также основные данные о Петропавловской крепости и затем давал перечень кораблей русского флота в Балтике с точным указанием их расположения^{11}.

Доказательств того, что эти сведения Витворт передавал и шведам, нет. Но осенью 1708 г. 12-тысячный корпус генерала Г. Либекера двинулся от Выборга к Санкт-Петербургу. Либекер форсировал Неву в районе впадения в нее реки Тосно. Далее шведы заняли местечко Дудергоф (Дудерову мызу). Либекер не рискнул штурмовать Петербург, обогнул его с юга, а затем двинулся по самому побережью Финского залива к Копорскому заливу. Там шведский корпус был взят на корабли шведской эскадры и перевезен в Финляндию. Не исключено, что донесение Витворта и поход Либекера — простое совпадение. Так что, пользуясь формулировкой дореволюционных юристов, Витворта «следует оправдать, оставив в сильном подозрении».

В марте 1705 г. начались переговоры Витворта с главой русского ведомства иностранных дел (Посольского приказа) Ф.А. Головиным и его тайным секретарем П.П. Шафировым. Головин дал понять Витворту, что если Англия возьмет на себя роль посредника, то все претензии англичан, торгующих в России, будут удовлетворены. Витворт не имел никаких полномочий вести переговоры о посредничестве. Политические интересы Англии требовали в это время, чтобы Швеция была занята войной с Россией и не могла оказать помощь Франции и ее союзникам.

Русское правительство стремилось заключить с Англией торговый договор, желая развить торговлю через Петербург и Нарву. Петр много раз высказывал Витворту пожелание, чтобы английские корабли приходили не только к Архангельску, но и русским портам на Балтике. Добиваясь присылки британских кораблей в Петербург, Петр обещал особо выгодные условия для вывоза нужных англичанам товаров. Так, летом 1705 г. Меншиков предлагал английскому консулу Гудфелло 40 тысяч бочек смолы по низкой цене, если тот пришлет за ней корабли в Петербург. Но

английское правительство упорно не желало поддерживать торговлю с Россией через Балтийское море, ссылаясь на опасность для торговых судов от шведских каперов. Но в то же время Витворт в своих донесениях выражал опасение, как бы другие державы не захватили в свои руки торговлю с Петербургом.

Замечу, что первое торговое судно из Европы пришло в Петербург еще в октябре 1703 г. На нем голландцы привезли вино, соль и другие товары. По указанию царя Меншиков подарил шкиперу 500 золотых и еще 300 золотых — команде.

В мае 1705 г. Дания специальной декларацией своего посланника в Стокгольме заявила о своем твердом намерении поддержать торговлю с Нарвой и Петербургом. Дании было особенно выгодно, чтобы торговля с Россией перешла из Архангельска в балтийские порты, так как при этом Дания получала возможность собирать дополнительные пошлины за проход судов через Зунд.

Поэтому Витворт торопил Лондон с решением вопроса о защите английской торговли на Балтике, указывая на угрозу голландской и датской конкуренции. В своих донесениях Витворт отмечал, что фрахт из Петербурга стоит вдвое дешевле, чем из Архангельска. А пошлины в балтийских портах после перехода их к России стали вдвое меньше пошлин, существовавших при шведах. Витворт указывал на возможность развития английской торговли с Персией (в основном шелком) через Россию. По его мнению, если англичане начнут торговлю с Гиляном через русские владения, то они будут в состоянии выделывать шелковые ткани лучше и дешевле, чем раньше.

До царя дошли слухи, что английское правительство запрещает корабельным мастерам выезд в Россию. Пытаясь убедить свое правительство в необходимости удовлетворить пожелания Петра, Витворт писал в своем донесении от 17 июня 1705 г.: «Прибавлю, что все это мало поможет развитию русского мореплавания, которому, с другой стороны, одна Англия и помешать не может: если Англия откажется принять молодых людей на суда своего флота, если она откажется прислать корабельных мастеров, — молодых людей отправят в Голландию или во Францию, оттуда же доставят России и мастеров».

1 сентября 1706 г. шведы вступили в Саксонию и заняли ее практически без сопротивления в течение двух недель.

Саксонский курфюрст и польский король Август Сильный был вынужден 20 октября 1706 г. в Альтранштадте подписать с Карлом XII униженный сепаратный мир. Согласно его условиям, Август отказывался

от польской короны в пользу Станислава Лещинского и разрывал союз с Россией.

Сорокатысячная шведская армия, оказавшись в центре Германии, сразу же вызвала опасения одних и надежды других участников войны за Испанское наследство.

Так, Людовик XIV, положение которого было сложным, не замедлил направить к Карлу XII своего тайного посланника. Луи взывал к его честолюбию, напоминая ему о древней франко-шведской дружбе и о славе Густава Адольфа, и просил выступить в качестве посредника. Карл XII благосклонно выслушивал эти предложения, тем более что его отношения с австрийским императором Иосифом I были довольно натянутыми.

Император серьезно опасался Карла XII. Когда после заключения Альтранштадтского договора многие поляки высказались за передачу польской короны принцу Евгению Савойскому, Иосиф I, опасаясь шведов, не решился отпустить принца. Шведы в Силезии, являвшейся австрийским владением, собирали контрибуции и вербовали людей в свою армию, а император не решался даже протестовать. Карл XII потребовал от Иосифа I передачи протестантам отнятых у них церквей в Силезии.

В Лондоне и Вене понимали необходимость нейтрализовать французские интриги, и с этой целью к Карлу XII, находившемуся в Саксонии, был послан главнокомандующий британскими войсками и фаворит королевы Анны Джон Черчилль герцог Мальборо.

Мальборо прежде всего заручился согласием королевы обещать крупные пенсии шведским министрам и затем, будучи принят Карлом XII, обратился к нему с льстивой речью: «Я вручаю вашему величеству письмо не от Кабинета, а от самой королевы, моей госпожи, написанное ее собственной рукой. Если бы не ее пол, она переправилась бы через море, чтобы увидеть монарха, которым восхищается весь мир. Я в этом отношении счастливее моей королевы, и я хотел бы иметь возможность прослужить несколько кампаний под командованием такого великого полководца, как ваше величество, чтобы получить возможность изучить то, что мне еще нужно узнать в военном искусстве».

Лично у меня есть подозрение, что эти тирады представляли собой дезинформацию, призванную скрыть истинные цели визита Мальборо. Надо ли говорить, что Мальборо ни дня не стал служить под началом Карла XII. Зато герцог и другие дипломаты ни один день уговаривали короля двинуться на восток.

Кстати, об этом, хотя и достаточно осторожно, писал Л.А. Никифоров: «О влиянии миссии Мальборо на решение Карла XII направиться в Россию

и не вступать в дальнейшие ссоры с императором могут быть различные мнения. Возможно, у Карла XII еще раньше созрело решение завершить разгром своего, теперь единственного противника — России, чтобы развязать руки для дальнейших действий. Однако не исключено, что миссия Мальборо ускорила вторжение шведов в Россию. Во всяком случае Карл XII двинулся в Россию, и попытка Людовика XIV привлечь шведов на свою сторону потерпела неудачу»^[12].

Кстати, герцогский титул и имения Мальборо перешли от Джона Черчилля к его внуку по дочери Чарльзу Спенсеру, от которого, в свою очередь, произошли по мужской линии премьер Уинстон Черчилль и принцесса Диана.

В свою очередь, Петр I в начале марта 1707 г. приказал своему посланнику в Голландии Андрею Матвееву отправиться в Англию со специальной дипломатической миссией. Любопытно, что герцог Мальборо предоставил Матвееву свою яхту «Перегрин» для переезда в Англию.

17 мая 1707 г. Матвеев был принят королевой Анной. А через несколько дней к нему прибыл статс-секретарь Гарлей, которому Матвеев изложил предложения царя о принятии королевой на себя посредничества в примирении России со Швецией, а в случае если шведы будут упорствовать, то о заключении союза между Россией и Англией. Гарлей попросил Матвеева изложить это предложение письменно, поскольку иначе это дело не может обсуждаться. Русский посланник был против, но статс-секретарь настоял на своем.

21 мая 1707 г. Матвеев передал Гарлею написанную на латинском языке памятную записку, в которой сообщалось о готовности Петра I вступить в союз с Англией, которой предлагалось принять на себя посредничество в примирении России со Швецией. Если бы Карл XII отказался принять посредничество, то Петр I соглашался вступить в союз с Великобританией и ее союзниками против шведского короля и дать им различные материалы для флота. Матвеев писал, что Россия ведет войну не с целью захвата шведских земель и городов, а за возвращение своих исконных владений, и просил от имени царя, чтобы Англия не признавала Альтранштадтский договор и не давала ему свои гарантии, а также не признавала польским королем Станислава Лещинского. Чтобы прекратить войну, указывалось в записке, достаточно послать на Балтику флот Дании, Нидерландов и Великобритании, «что пресветлейшей королеве учинить безтрудно есть».

Матвееву удалось через Гарлея добиться у королевы аудиенции, которая состоялась 30 мая 1707 г. в Кенсингтоне. Королева Анна пообещала

передать ответ на предложения Матвеева через статс-секретаря, который в дальнейшем, внешне проявляя склонность к положительному решению всех интересующих Россию вопросов, не давал никаких ответов и только затягивал переговоры.

Англичане тянули время, ожидая разгрома русских войск. 4 июля 1708 г. армия Шереметева потерпела неудачу у местечка Головчин. Эхом этого сражения стало нападение на Матвеева на лондонской улице. Вечером 21 июля он отправился в Соммерсет Хауз, куда прибыли две почты из Фландрии. Когда Матвеев проезжал в карете по улице, на него напали три человека. Потерпевший так описывал происшедшее с ним: «...с свирепым и зверообразным озлоблением и, не показав мне никаких указов и не объявляя причин, карету мою задержав и лакеев моих в либерее разбив, вошли двое в карету мою, а третьей стал на козлах по стороне и велели кучеру мчаться как наискорее меня неведомо куда».

Напавшие отняли у Матвеева шпагу и трость и стали его избивать. Сбежавшиеся на крики посланника горожане задержали нападавших и провели Матвеева в таверну. Но когда нападавшие заявили, что арестовали Матвеева по письменному приказу шерифа за неуплату долга в 50 фунтов стерлингов, народ разошелся. После этого русского посла бросили в извозчичью пролетку и повезли в долговую тюрьму. Около двух часов ночи с помощью иностранных дипломатов Матвеева удалось освободить.

Британские власти сделали вид, что в инциденте были виноваты купцы, которые-де дали в долг Матвееву, а теперь опасались его отъезда из страны. Но в туманном Альбионе никогда ничего просто так не делалось и не делается. Эхом Головчина и отступлением русской армии стало не только нападение на русского дипломата, но и официальное признание Англией Станислава Лещинского королем Речи Посполитой.

Увы, Лондон с этим явно поторопился. 27 июня 1709 г. шведская армия была разбита под Полтавой, а через три дня капитулировала под Переволочной. Карл XII оказался полуголостем-полупленником турецкого султана в Бендерах. Август Сильный немедленно объявил Альтранштадский мир аннулированным, а себя — королем Польши. В свою очередь, король Стась сбежал в Пруссию.

Естественно, Полтавская виктория изменила и отношение Лондона к России. В феврале 1710 г. посол Витворт вручил Петру I грамоту королевы Анны. В ней содержались извинения по поводу задержания Матвеева, а Петр I впервые именовался «Цесарем», то есть императором. Петр, в свою очередь, велел писать в грамотах титул королевы не «английское Величество», как это писалось ранее, а «Великобританское Величество».

Тем не менее политика Англии по отношению к России и после Полтавы оставалась противоречивой. С одной стороны, Лондон не желал, чтобы Россия укрепилась на Балтике, а с другой — крайне нуждался в русских товарах. Так, английский импорт из России, составлявший за пятилетие (1697—1701 гг.) 494 тыс. ф. ст., в 1702—1706 гг. достиг 543 тыс. ф. ст., в 1707—1711 гг. вырос до 758 тыс. ф. ст., а в 1712—1716 гг. составлял уже 823 тыс. ф. ст.^[3]

Между тем в сентябре 1713 г. Петр I «указал российские товары пеньку и юфть, сало, икру, клей, поташ, смольчуг, ремень и прочие тому подобные товары для отпуску за море, привозить в Санкт-Петербург, а к городу Архангельску возить заказано». После этого все торговые перевозки стали осуществляться через Балтийское и Северное моря, довольно опасные для мореплавания из-за действий шведских каперов. В результате английским и голландским военным кораблям приходилось конвоировать своих купцов в этих морях.

Петр I с 1704 г. интенсивно строит корабли для Балтийского флота, однако отечественные верфи пока несовершенны, не хватает мастеров и материалов, и царь решает для создания флота произвести большие закупки кораблей за границей. В 1711 г. он отправляет в секретную заграничную поездку корабельного мастера Федора Степановича Салтыкова. Царь велел ему «вести себя везде инкогнито за дворянина российского, в корреспонденции иметь надлежащую осторожность, обо всем писать цифирью». Салтыкову вменялось стать агентом по покупке кораблей в портах морских держав. Руководил операцией по указанию Петра русский посол в Амстердаме князь Борис Иванович Куракин. В сентябре 1713 г. царь снова указал ему о важности поручения: «Прошу вас, чтоб гораздо трудились в покупке кораблей, ибо наша ныне война в том состоит».

Уже в 1712 г. Салтыков сторговал десять кораблей. 25 сентября 1713 г. Петр отправил послу в Дании князю Василию Лукичу Долгорукову приказание: «Понеже покупные наши корабли, которые покупали князь Куракин и Салтыков, будут отправляться тайно, под именем копенгагенского купца Эдингера к Копенгагену, того для надобно вам о том тайно объявить королевскому величеству датскому, чтоб он о том ведал и чтоб то содержано было секретно».

Купленные корабли в Россию должен был кто-то вести. Петр направляет в Англию и Голландию несколько своих морских офицеров, но большую часть офицеров и все нижние чины следовало нанять за границей.

Всего Салтыковым в Англии было закуплено 11 кораблей^[4] и два фрегата, а в Голландии — 6 кораблей и 7 фрегатов. Еще один корабль — «Антоний Падуанский» — был куплен в 1711 г. в Гамбурге. Часть этих судов куплена у прежних владельцев, а часть построена по заказу Салтыкова или куплена в процессе строительства.

Естественно, что английское и голландское правительства прекрасно знали, кто и зачем собирает этот флот, но делали вид, что считают все происходящее какими-то разрозненными коммерческими мероприятиями. Как говорится, и нейтралитет соблюсти, и капитал приобрести. Соответственно, Салтыков подыгрывал властям. Так, большинство кораблей и фрегатов при покупке получали новые названия. Но и новые названия были... английскими.

Вот старые названия кораблей, купленных в Англии в 1712 г.: «Сюссекс», «Венкер», «Танкервиль», «Виндорф». А новые, соответственно: «Булинбрук», «Виктория», «Оксфорд», «Страфорд».

Часто корабли имели меньшее число орудий, чем положено по рангу, и меньшего калибра, что также помогало им сойти за большие купеческие суда. Замечу, что тогда многие большие торговые суда имели фрегатское парусное вооружение.

Продажа кораблей была крайне выгодна Англии и Голландии в связи с тем, что война за Испанское наследство закончилась. А 11 апреля 1713 г. был подписан Утрехтский мир. Понятно, что флоты были в процессе демобилизации, и корабли подлежали разборке.

В марте — июне 1713 г. первые четыре корабля, купленные в Англии, достигли Ревеля, а пятый — «Булинбрук» — был по пути захвачен шведами.

В 1714 г. шведские каперы сильно допекали английских и голландских купцов. Уже к 30 мая 1714 г., то есть в самом начале навигации, шведы захватили более двадцати голландских судов, главным образом шедших с хлебом из Петербурга. На 20 июля 1714 г. число захваченных и конфискованных шведами голландских судов достигло 130. В одной Риге в это время было заготовлено такое количество товаров, которого было бы достаточно, чтобы нагрузить 400 судов, но брать эти товары было некому, так как пробраться к русским балтийским портам удавалось лишь немногим судам. Голландцам пришлось организовывать конвои.

Британский статс-секретарь Тоунсенд писал, что «нехватка морских припасов столь велика, что она сделает невозможным снаряжение королевского флота следующей весной. Приписывая хитрости "москвитов" то обстоятельство, что склады английского адмиралтейства

имеют мало припасов для флота, в особенности пеньки, Тоунсенд указывал, что "если флот торговых судов, который теперь грузится в Балтике, вследствие какого-либо несчастного случая не придет по назначению, его величество не сможет снарядить военных судов в следующем году, и поэтому весь военный флот Англии сделается совершенно бесполезным". Эта-то опасность и заставила английское правительство направить свою эскадру в Балтийское море»^{13}.

Между тем 1 августа 1714 г. умерла королева Анна. Все ее 13 детей к этому времени умерли. Анна хотела передать после себя престол своему младшему брату Иакову, который жил в эмиграции во Франции. Но в Англии не желали иметь короля-католика, и поэтому после смерти в 1700 г. маленького герцога Глостера — последнего из детей Анны Стюарт — парламент в 1701 г. принял «Акт о престолонаследии», согласно которому королевская власть перешла от Стюартов к Ганноверской династии.

Как писал У.М. Теккерей: «Династией ганноверских монархов на нашем престоле мы, британцы, обязаны удачному браку, заключенному первым ганноверским курфюрстом Эрнстом Августом. Спустя девять лет после того, как Карл Стюарт лишился головы, его племянница София, из многочисленного рода другого свергнутого монарха — злосчастного курфюрста Пфальцского, стала супругой Эрнста Августа и принесла ему по бедности в приданое наследственное право на все три британские короны»^{14}.

Племянница короля Карла I София, о которой пишет Теккерей, родилась в 1630 г. Ее родителями были сестра Карла I Елизавета и курфюрст Пфальцкий Фридрих V. Увы, ни София, ни ее муж Эрнст не стали британскими монархами.

Эрнст Август умер в 1698 г., София не дожила двух месяцев до кончины королевы Анны. Трон занял их 54-летний сын Георг Людвиг (1660—1727), ставший Георгом I. Он женился на немке Софии Доротее Брауншвейг-Люнебургской.

Новый король не умел говорить по-английски, а во внешней политике в основном руководствовался интересами Ганновера.

Давней мечтой Георга было присоединение к Ганноверу городов Бремена и Вердена. Ради этого он вступил в переговоры с Петром I.

5 ноября 1714 г. русский посол Борис Иванович Куракин прибыл в Лондон. Он предложил королю Георгу I план изгнания шведов из Германии, согласно которому Георг должен был получить Бремен и Верден, а за Россией закреплялись все области, отвоеванные ею у шведов.

По настоянию Петра, страстно желавшего как можно скорее закончить Северную войну и для этого добивавшегося вступления Георга I в союз против Швеции, чтобы получить обещанную им помощь английского флота, Дания в феврале 1715 г. решилась, наконец, уступить Ганноверу Бремен и Верден.

Отношения между Швецией и Англией в это время резко ухудшились.

Еще до переговоров о союзе с Петром английский король в 1714 г. обратился к Карлу XII с протестом против запрещения балтийской торговли, однако толку от этого не было. В январе 1715 г. английский представитель в Стокгольме Джексон предъявил шведскому правительству формальное требование о возмещении за захваченные шведами 24 судна и их груз на сумму более 65 тысяч фунтов стерлингов.

Карл XII не только не удовлетворил требование англичан о возмещении убытков и о разрешении свободной торговли в Балтийском море, но, наоборот, решил перейти к более суровым мерам пресечения этой торговли. 8 февраля 1715 г. он издал «Каперский устав», фактически запрещавший торговлю англичан с Россией и с занятыми ею, а также поляками, датчанами и другими врагами Швеции балтийскими портами. Все суда, перевозившие какие-либо товары в порты противников Швеции или из этих портов, подлежали конфискации.

Устав вступил в силу немедленно, и уже к концу марта 1715 г. свыше 50 каперских судов ушло из шведских портов. Большое число английских, голландских и других судов, направлявшихся с грузом в Россию или из России, было захвачено каперами и отведено в шведские порты. К маю, то есть еще до полного развертывания навигации, было захвачено свыше 30 английских голландских кораблей.

В марте 1715 г. Англия направляет в Балтийское море эскадру адмирала Джона Норриса в составе 18 кораблей (от 50 до 86 пушек). Кроме того, Голландия отправила туда эскадру адмирала Де Витта в составе 12 кораблей (от 40 до 72 пушек). В инструкции адмиралтейства Норрису было поручено защищать британские суда, а также «перехватить все суда, принадлежащие королю шведскому или его подданным, а равно выполняющие его поручения». Призы должны были стать залогом компенсации за взятые английские суда.

Шведские военные и каперские суда были вынуждены укрыться в портах.

19 июня главные силы англо-голландского флота прибыли на рейд Ревеля. Пришли 17 английских и 9 голландских кораблей с конвоем из 108 купеческих судов.

Около половины торговых судов пошли дальше в Петербург. Через неделю Норрис вывел флот в море «для экзекуции повеленной ему комиссии». Закончив крейсерство в западной части Балтийского моря, союзники 23 июля вновь пришли на Ревельский рейд.

Петр поспешил в Ревель посмотреть союзный флот. 26 июля царь посетил Норриса на его флагмане, 28 июля — адмирала Де Витта, а 31 июля принимал обоих на русском корабле. Петр повелел для матросов союзных эскадр выдать по две бочки французского вина на каждый корабль.

16 августа союзные эскадры покинули Ревель. Вместе с ними пошла и русская эскадра под командованием капитана Питера Бредаля в составе кораблей «Самсон», «Перл», «Св. Павел» и «Оксфорд». Задачей эскадры было прибыть в Англию и принять там построенные для России в Голландии корабли, а затем конвоировать их в Россию.

17 октября 1715 г. в Грейфсвальде был заключен союзный договор между Петром I и Георгом I.

Самым важным пунктом договора был 4-й параграф, заключавший в себе обязательства Георга, как великобританского короля и ганноверского курфюрста, обеспечить России приобретение от Швеции Ингрии, Карелии и Эстляндии с Ревелем, а со стороны Петра — обязательство обеспечить Георгу, как курфюрсту Ганноверскому, приобретение герцогств Бремен и Верден.

Георг I в качестве курфюрста ганноверского получил Бремен и Верден и в уплату за это объявил войну Швеции и отправил 6 тысяч ганноверских солдат в Померанию.

Договор был заключен Георгом не только как курфюрстом Ганновера, но и как королем Великобритании.

В мае 1716 г. в Зунд была послана английская эскадра под командой Джона Норриса, который должен был предъявить шведскому правительству три основных требования: 1) прекратить каперство и возместить потери, нанесенные каперами английским судам; 2) дать торжественное обещание об отказе от помощи претенденту и не предоставлять убежища якобитам^[5] и 3) прекратить военные действия против датской Норвегии.

В ожидании ответа на эти требования английский флот в соответствии с инструкциями, полученными Норрисом, не предпринимал никаких действий против шведов.

Между тем, получив с помощью России Бремен и Верден, Георг I довольно быстро из союзника превратился в непримиримого противника

Петра. Поводом для обострения отношений между Петром I с Георгом I, а также с Данией, Пруссией и Австрией послужило так называемое «Мекленбургское дело».

В 1715 г. царь ни с того ни с сего впутался в раздоры герцога Мекленбургского со своим дворянством. Это испугало Данию, Пруссию и Ганновер и поссорило их с Россией. Германская политика Петра, по словам историка Ключевского, сделала его друзей врагами, не сделав врагов друзьями.

В кампанию 1716 г. союзники планировали захватить Висмар. Русские и датские войска под прикрытием объединенного флота России, Англии, Голландии и Дании должны были вторгнуться в Южную Швецию (Сканию). Для поддержки этой операции русский галерный флот с десантом под начальством Ф.М. Апраксина при поддержке датского флота должен был произвести высадку на территории Швеции со стороны острова Аланд. Высадиться в Скании должны были войска под командованием Шереметева, находившиеся в Мекленбург-Шверине.

Казалось бы, успех десанта в Сканию обеспечен. Но ни датчане, ни англичане не торопились с высадкой, а отговаривались различными предложениями. Нетерпеливый Петр решил сам обследовать шведские берега. Шнява «Принцесса», где находился царь, слишком близко подошла к береговым батареям шведов и была пробита насквозь ядром, следовавшая за ней шнява «Лизетта» получила еще большие повреждения.

В конце августа датчане согласились помочь русским высадить десант в Скании, но тут уже запрявился Петр, мол, дело идет к зиме, и десант следует отложить до весны 1717 г.

Глава 4

АВАНТЮРА ГЕРЦА И НИШТАДТСКИЙ МИР

Подробности событий конца 1716 г. — начала 1717 г. неизвестны до сих пор. Шведский премьер-министр барон Георг Генрих Герц организовал грандиознейший заговор с целью свержения правительств двух крупнейших стран Европы — Англии и Франции.

Вольтер охарактеризовал Герца так: «Никто не мог быть гибче, отважнее на средства в затруднении, обширнее в замысле предприятий, деятельнее в их исполнении. Никакой проект не страшил Герца, никакое средство не казалось ему недостойным внимания и равно расточал он подарки, обещания, клятвы, истину и ложь. Он объездил Швецию, Францию, Англию, Голландию, всюду испытывая пружины огромной машины, которую хотел привести в движение. Он был способен столкнуть с места ветхую Европу и таил обширный замысел. Что Карл XII был среди своего войска, то Герц был в дипломатическом кабинете и неудивительно, что он приобрел над Карлом XII такую власть, какой не приобретал ни один и его прежних министров»^{15}.

Герц лучше других осознавал бесперспективность продолжения войны с Россией. Однако удовлетворить все претензии Петра I было крайне унижительно для Карла XII, не желавшего превращения Швеции из одной из сильнейших держав Европы в захудалое северное королевство. Поэтому Герц решил создать новую европейскую коалицию в составе Испании, Франции, Швеции и России против Англии, Австрии, Дании и Речи Посполитой.

В случае удачи этого плана Швеция получала компенсации, превышающие ее потери в Прибалтике и на Карельском перешейке. Нетрудно предположить, что и Россия могла вернуть себе земли Малой и Белой Руси. (Благо, что с началом Северной войны Правобережье Днепра, принадлежавшее Речи Посполитой, контролировалось русскими войсками и местными казацкими полковниками Палием и другими).

План этот решено было реализовывать дипломатическим путем с использованием спецопераций на первом этапе и военными средствами — на втором.

В 1715 г. во Франции умер «король-солнце» Людовик XIV. К этому времени умерли его сын дофин Луи и внук Луи, герцог Бургундский, корона же перешла к правнуку Луи XV 1710 г. рождения. Естественно, что от имени ребенка правили другие: регент Филипп Орлеанский — двоюродный дед Луи XV, и кардинал Дюбуа.

К этому времени в Испании правил Филипп V Бурбон, внук Луи XIV и сын дофина Луи, деда Луи XV.

Герц предположил кардиналу Альберони — фактическому правителю Испании — отстранить в Париже от власти Филиппа Орлеанского и кардинала Дюбуа, а регентство при Луи XV передать его дяде испанскому королю Филиппу V, а фактически — тому же Альберони. Кардинал охотно согласился. Исполнение плана возлагалось на испанского посла в Париже герцога Целламара, а в помощь ему Герц дал шведского офицера француза Фоллара.

В Англии же Герц решил произвести дворцовый переворот и возвести на престол вместо Георга I Ганноверского Иакова Стюарта, сына короля Иакова I. К этому времени британский претендент на престол проживал в Риме. Герц поехал к нему и договорился о плане реставрации Стюартов в Англии.

Барон разработал следующий план. В самой Англии, используя недовольство немецкой династией Ганноверов, нужно создать партию из сторонников Стюартов. Это возлагалось на шведского посла в Англии Гиллемборга. Он должен был подготовить корпус мятежников в 10—12 тысяч человек. К моменту восстания шведский король должен был высадиться в Англии с корпусом в 12 тысяч человек и привезти оружие для своих английских сторонников. Претендент взял на себя финансирование этого предприятия.

В самом конце 1715 г. Иаков высадился в Шотландии и там 9 февраля 1716 г. был коронован под именем Иакова VIII. Иаков даже чеканил свои монеты достоинством в 60 и 10 шиллингов. Но через несколько месяцев ему пришлось бежать на корабле из Шотландии.

Через несколько месяцев Гиллембург собрал в Англии 80 тысяч фунтов стерлингов и доставил их Герцу. Кроме того, в Англии было подготовлено триста транспортных судов для перевозки шведского десанта. Сам Герц закупил в Англии же шесть военных кораблей.

В Речи Посполитой Герц собирался лишить королевской короны саксонского курфюрста Августа II Сильного и вновь посадить на трон Стася Лещинского. Данию же предполагалось занять рурскими и шведскими войсками.

Однако в конце 1716 г. спецслужба кардинала Дюбуа перехватила переписку Герца с парижскими заговорщиками. О своем открытии Дюбуа проинформировал Лондон. Там немедленно начали перехватывать письма шведского посланника Юлленборга. А 9 февраля 1717 г. шведский дипломат был арестован, письма же его опубликовали в газетах.

Из документов, изъятых при обыске у Юлленборга, стало очевидно, что лейб-медик Петра I шотландец по происхождению Эрскин находится в переписке с генералом претендента графом Марром, и что русский царь обещал оказать претенденту помощь и восстановить его на престоле. Петр сразу же опроверг это обвинение, сославшись на то, что его лейб-медик, служивший в него уже 13 лет, не имеет к политике не малейшего отношения, что его допросили, однако он категорически отрицает факт переписки с претендентом, так что Герц напрасно вплеп в это грязное дело имя русского царя.

По мнению историографа Петра I Голикова, царь действительно не имел ни малейшего отношения к. этому делу, хотя в мире со Швецией был заинтересован. Но тот же Голиков признает, что претендент просил у Петра шесть кораблей и 4 тысячи человек пехоты, так что Петр, всегда прекрасно осведомленный обо всех политических делах Европы, наверняка знал и о планах Герца.

А Вольтер утверждает, что Герц лично встречался с Петром и согласовал с ним план заговора.

Советские исследователи петровского времени, например, Н.И. Павленко и Л.А. Никифоров, вообще обходят молчанием заговор Герца, как будто его и не существовало. Зато полковник НКВД В.С. Гражуль^[6] в своей монографии «Тайны галантного века. Шпионаж при Петре I и Екатерине II» утвердительно пишет об участии Петра I в заговоре Герца. Разумеется, все написать в 1945 г. он не мог, так что известная ему «подводная часть айсберга» для нас до сих пор остается тайной.

Раскрытие заговора Герца и участие в нем Петра I серьезно испортили отношения царя с Англией и Данией. По русским источникам датчане стали обвинять Петра, что он-де ведет сепаративные переговоры с Карлом XII и посему медлит с десантом в Сканию. Мало того, царю приписали желание захватить Копенгаген. В датской столице по тревоге был поднят гарнизон. На валах стояла пехота, пушки находились в полной готовности.

Британский статс-секретарь Стэнгоп писал посланнику Тоунсенду: «Поистине я не вижу просвета в этих делах. Мы можем легко одержать верх над царем, если мы быстро приступим к делу.. но вы сами можете судить, как далеко Швеция сможет тогда тревожить нас в Британии. Если

царь будет оставлен в покое, он не только сделается хозяином Дании, но, имея войска позади, на границах Польши, он сможет расположиться где пожелает в Германии»^[16].

Английский король Георг I прислал приказ командующему британской эскадрой Норрису овладеть русскими кораблями и самим царем и не отпускать Петра до тех пор, пока русские войска не уйдет из Дании и Германии. Однако, придравшись к формальностям в королевском приказе, адмирал Норрис отказался выполнить его. А британский кабинет оперативно объяснил королю, что вследствие разрыва с царем в России будут арестованы английские купцы и пресечется столь выгодная для Англии торговля.

Таким образом, до вооруженного конфликта между союзниками дело не дошло. Но русским войскам пришлось покинуть Данию и Северную Германию и отойти в Польшу.

На мой взгляд, уход из Дании был не поражением России, а, скорее, ее успехом. Неудача постигла лишь европейские амбиции царя. Русская же армия и гребной флот имели реальную возможность занять всю Финляндию, а оттуда уже нанести удар по собственно Швеции, что и было сделано в ближайшие месяцы.

Осенью 1717 г. английские правящие круги были не на шутку напуганы слухами о том, что множество сторонников Иакова Стюарта находятся в Курляндии, а также будто бы заключен брачный договор между претендентом и герцогиней Курляндской Анной Иоанновной^[7], овдовевшей племянницей Петра I.

10 мая 1718 г. ганноверский резидент Вебер (единственный в то время представитель Георга I в России) просил канцлера Головина выслать из России эмиссара претендента Стерлинга, который находился у царского лейб-медика Эрскина, а также видного якобита Д'Ормонда, который пытался вести переговоры о браке Анны Иоанновны с Иаковом Стюартом.

Статс-секретарь Крэггс в сентябре 1718 г. заявил царскому дипломату и разведчику Аврааму Веселовскому, что величайшее препятствие к установлению истинной дружбы и тесного союза между Россией и Англией состоит в том, что эмиссары претендента находятся в России и пользуются там доверием, а якобиты в Англии открыто заявляют, что Петр I их поддерживает. Крэггс уверял, что, не будь этого, английское правительство готово было бы всячески укреплять дружбу с Россией.

Дипломаты Петра выкручивались, как могли. Мол, царь не имеет никаких намерений оказывать помощь претенденту, что он даже и не знал о

пребывании Д'Ормонда в Курляндии, причем указывали, что эта страна не является русским владением, и там лишь временно находятся русские войска, что царь желает больше всего восстановить прежнюю дружбу с Георгом I, предать забвению все прошлые несогласия и заключить соглашение об операциях против шведов. Что же касается пребывания у царского лейб-медика некоего Стерлинга, названного Вебером эмиссаром претендента, то его Петр I приказал для устранения подозрения выслать.

На самом деле Петр и Иаков состояли в переписке. Якобиты действительно вели переговоры в Митаве о браке Анны Иоанновны и Иакова. Десятки якобитов были приняты на русскую службу.

В мае 1718 г. на острове Сундшер Аландского архипелага начались переговоры русских и шведских представителей. Русским послам перед отъездом были вручены «Генеральные кондиции к миру». Они включали следующие условия: Ингрия, Карелия, Лифляндия с городами Ревель и Выборг остаются в вечном владении России. Финляндия будет уступлена Швеции. Граница должна проходить от Выборга по реке Кюмень на город Нейшлот^[8] до старой русской границы. Мир должен быть заключен и с союзниками России. Представители союзных держав должны быть допущены на конгресс, а заключение с ними мирных договоров следует осуществить на разумных условиях. Были оговорены и условия компенсации Швеции взамен утерянных земель. Защищая интересы Пруссии и Польши, Петр был готов предоставить шведам свободу действий в отношении Ганновера и Норвегии, которая принадлежала Дании.

Шведскую делегацию возглавлял барон Генрих фон Герц, а русскую — А.И. Остерман и Я.В. Брюс.

К концу августа проект договора был все же согласован, и Петр его одобрил. За Россией закреплялись Ингрия, Лифляндия, Эстляндия и часть Карелии с Выборгом. Занятая русскими войсками Финляндия и большая часть Карелии отходили Швеции. Государственный строй Речи Посполитой сохранялся. Россия обещала оказать помощь Швеции в возвращении Вердена и Бремена.

Карл XII настолько уверовал в положительный исход переговоров с русскими, что в октябре 1718 г. в очередной раз вторгся в Норвегию, решив поправить свои дела за счет Дании. Основные силы под командованием Карла двинулись к Фридрихсгаму^[9], а северная армия генерала Армфельда — к Тронхейму.

30 ноября (11 декабря) 1718 г. во время осмотра осадных траншей под

крепостью Фредриксхаль Карл XII был убит. По одной версии он был убит датской пулей, по другой — застрелен шведскими заговорщиками.

Карл XII не имел детей. Ближайшим наследником был сын его старшей сестры Карл Фридрих, герцог Голштинский, находившийся в войске при дяде во время смерти последнего. Однако шведский ригсдаг фактически произвел государственный переворот и избрал королевой младшую сестру Карла XII Ульрику-Элеонору. При этом королевская власть в Швеции была сильно ограничена. Герцогу Голштинскому пришлось бежать из Швеции, а барон Герц был казнен.

Со смертью Карла XII, который, как мы уже знаем, пытался лишить престола Георга I, исчезли серьезные препятствия к англо-шведскому военному союзу.

Английский резидент в Петербурге Джеймс Джефферис писал в своем донесении от 14 апреля 1719 г. в Лондон статс-секретарю Стэнгону, будто один из корабельных мастеров уверял его, что «проживи еще царь года три — у него будет флот в сорок кораблей от семидесяти до девяноста пушек каждый, да двадцать тридцати-сорокапушечных фрегатов, построенных здесь и как нельзя лучше... Предоставлю вам судить, входит ли в интересы Великобритании быть зрительницей возрастающего могущества России, особенно на море. Скажу, что давно пора отозвать этих мастеров из царской службы. Здесь пять мастеров, кроме простых рабочих, все они британские подданные. Трое из мастеров признаются такими плотниками, что лучше и в Англии не найдется, а так как я не сомневаюсь, что все они верные подданные короля и расположены к его правительству, не сомневаюсь, что они возвратятся домой, если им на родине предоставлено будет положение, сколько-нибудь вознаграждающее за то, что они потеряют здесь».

Джефферис предлагал издать суровый указ против тех англичан, которые не возвратятся на родину, с тем, чтобы, ссылаясь на этот указ, английские мастера могли оправдать свой отъезд перед русским правительством.

Испугавшись усиления русского морского флота, Джефферис писал: «Не знаю, какие бы еще пути могли быть найдены, чтобы воспрепятствовать утверждению царя на Балтийском море».

В конце мая — начале июня 1719 г. Джефферису прислали королевский указ, предлагавший британским подданным вернуться на родину. Резидент, не сообщив ничего русским министрам, стал тайно распространять этот указ среди англичан, живших в России, и лишь после этого передал тайному секретарю П.П. Шафирову мемориал на имя Петра I об отзыве на родину английских моряков-кораблестроителей. Джефферис

требовал от русского правительства беспрепятственно отпустить англичан, находившихся на русской службе. Возмущенный враждебным мемориалом и наглым поведением Джеффериса, Шафиров заявил ему, что запрещение русским обучаться в Англии и королевский указ об отзыве мастеров являются враждебными актами по отношению к России, так как первый направлен исключительно против русских подданных, а второй имеет целью помешать развитию русского флота. Шафиров заявил, что королевский указ опоздал — русские уже научились кораблестроению. Царь Петр до конца кампании никого со службы не опустит. Дела же могут принять и иной оборот, так как «король не всегда будет располагать парламентом, настолько покорным, настолько готовым входить в его виды»^{17}.

Узнав о действиях английского правительства, Петр через канцлера Головина объявил крупному английскому купцу Годкинсу о запрещении ему с двумя товарищами выезжать из России. Это была ответная мера на запрещение русским обучаться в Англии.

Джефферис поинтересовался у Шафирова о причинах запрещения Годкинсу выезда из России, на что Шафиров заявил, что царь задержит не только Годкинса, но и остальных английских купцов. Он настаивает на том, чтобы ученики закончили срок обучения, предусмотренный контрактами.

Уже тогда самым серьезным аргументом британских дипломатов был королевский флот. И вот в конце июня 1719 г. английская эскадра адмирала Норриса в составе двух 80-пушечных, двух 70-пушечных, трех 60-пушечных, трех 50-пушечных, одного 40-пушечного, одного 20-пушечного ^[10] и двух легких кораблей прибыла в Зунд.

7 июля для выяснения намерений англичан Петр послал к Норрису поручика Н.Ф. Головина на фрегате «Самсон» под командованием К. Зотова в сопровождении корабля «Ягудиил» и пинка «Принц Александр».

Капитан Зотов передал адмиралу Норрису декларацию, в которой говорилось, что Россия не препятствует коммерческому плаванию по Балтийскому морю, но с условием, чтобы на торговых судах не доставлялось шведам военной контрабанды.

Английский адмирал вежливо принял Зотова. 11 июля он передал письмо царю, где говорилось: «...надеюсь на сохранение доброго согласия между нашими государями. Потому с крайнею покорностию приемлю смелость засвидетельствовать вашему величеству удивление мое насчет опасения, выраженного в письме вашем». Но в сентябре, когда еще царские уполномоченные Брюс и Остерман находились на Аландских островах, они

получили на царское имя письмо из Стокгольма от английского посланника при дворе Картерета: «Король великобританский, государь мой, повелел мне донести вашему царскому величеству, что королева шведская приняла его посредничество для заключения мира между вашим величеством и короною Шведскою. Королева шведская приняла посредничество Великобритании потому, что эта держава никогда не принимала участия в Северной войне; уповаюсь, что это рассуждение принято будет и вашим величеством, что ваше величество соизволите повелеть пресечь все неприятельские действия в знак принятия посредничества и склонности к миру. Я прошу позволения донести вашему величеству, что король, государь мой, повелел кавалеру Норрису прийти с флотом к здешним берегам как для защиты торговли его подданных, так и для поддержания его медиации и что его величество вместе с королем французским и другими своими союзниками (между которыми находится и Швеция) принял меры, чтоб его медиация получила ожидаемый успех и чтобы в скором времени прекращена была война, которая так долго тревожила Север».

Такое внешне пристойное письмо заключало в себе откровенный шантаж — заключайте мир на шведских условиях или мы применим силу.

Историк Л.А. Никифоров писал: «Эскадра Норриса состояла из 11 кораблей и одного фрегата. Шведы имели всего лишь несколько плохо снаряженных кораблей. В то же время английскому правительству было известно, что у русских имелось 22 корабля и четыре фрегата...

Силы Норриса даже в соединении с наличными силами шведского флота считались в Англии недостаточными для того, чтобы рискнуть на открытое сражение с русскими. Это в первую очередь сознавал Стэнгоп, желавший уничтожить русский флот....

Английский флот вынужден был задержаться у Копенгагена в ожидании подкреплений. В результате русские армия и флот смогли не только успешно осуществлять десанты на шведскую территорию, но и захватывать торговые суда, направлявшиеся с контрабандными грузами в Швецию. Русская эскадра, крейсировавшая у острова Готланд, захватила в этом году 24 судна, главным образом британские и голландские»^{18}.

Все из вышесказанного правда и в то же время «липа». На самом деле часть из 22 русских кораблей была не достроена, и Норрис с одиннадцатью кораблями и тремя фрегатами был опасен для Петра.

Тем не менее появление английского флота в Балтийском море практически не повлияло на действия русского флота. Русское командование решительно приступило к исполнению задуманного плана.

В чем же дело? В авантюризме русских адмиралов? Нет, дело в географии. Шхеры Балтийского моря обеспечивали переход гребного флота от Кронштадта до Стокгольма вне досягаемости парусного (как тогда говорили, корабельного) флота. Лишь в четырех пунктах, в том числе у Гангута, парусные корабли могли перехватить гребные суда.

Русский же корабельный флот был после появления англичан на Балтике собран в Ревеле, где и находился под защитой береговых батарей.

В итоге летом 1719 г. русский галерный флот адмирала Ф.М. Апраксина высадил несколько десантов на шведскую территорию. Русские войска действовали на расстоянии 25—30 верст от Стокгольма. Десант уничтожил город Норричёпинг и несколько чугунолитейных заводов в его окрестностях.

Не менее успешно действовал отряд генерал-майора Ласси. Он шел северным фарватером вдоль берега, высаживая десанты в Эстхаммаре и Эрегрунде и уничтожая литейные заводы. 20 июля 1719 г. у Капеля в 7—8 км от города Форсмарка русский десантный отряд численностью 1400 человек вступил в бой с равным по численности шведским отрядом. Шведы окружили себя завалами и открыли огонь, но, не выдержав атаки русских, бежали, бросив три пушки.

25 июля Ласси высадил десантный отряд (2400 человек) для уничтожения железоплавильного завода Леста-Брука.

Адмирал Норрис получил подкрепление в виде восьми кораблей, но вынужден был по-прежнему оставаться наблюдателем погрома, учиненного галерным флотом.

Лишь приближение холодов и ледостава заставили русский галерный флот уйти на зимовку в финский порт Або.

Верная своей вековой традиции воевать чужими руками, Англия попыталась натравить на Россию Пруссию и Речь Посполитую. В мае 1719 г. с этой целью в Берлин отправился Витворт, считавшийся одним из лучших английских дипломатов того времени. Он должен был уверить прусского короля Фридриха Вильгельма в дружбе и обещать ему закрепление Штеттина за Пруссией по мирному договору. Ну а польским панам Лондон отправил 60 тысяч злотых. Однако задираться с Петром Великим желающих не нашлось ни в Берлине, ни в Варшаве.

Напрасными оказались и призывы к Франции. Стэнгоп требовал, чтобы Франция оказала Швеции помощь против России. В итоге под давлением Англии и вопреки Амстердамскому договору 1717 г. Франция послала шведам 300 тысяч крон.

29 августа 1719 г. был подписан предварительный договор между

Англией и Швецией. Договор этот предусматривал выплату Англией денежных субсидий Швеции и установление свободы британской торговли на Балтийском море. Основное содержание договора заключалось в четырех секретных статьях:

1. Гарантия ранее заключенной прелиминарной конвенции Швеции с Ганновером, включая уступку Швецией Бремена и Вердена.

2. Уступка Пруссии Штеттина и округа между Одером и Пене, а также островов Узедом и Воллин за уплату двух миллионов крон. Короли Швеции и Великобритании обязались гарантировать договор, который должен быть заключен между Пруссией и Швецией. Уступка Пруссии была сделана на условии принятия ею обязательства не оказывать помощи России против Швеции ни прямо, ни косвенно.

3. Английский король не ограничится «Добрыми услугами», но окажет помощь Швеции в борьбе против России, если Петр I откажется принять английское посредничество и будет продолжать вести войну против Швеции.

Испугавшись осенних штормов на Балтике, эскадра Норриса 20 октября 1719 г. вернулась в Англию «несолоно хлебавши».

В следующем, 1720 г. Лондон опять отправил в Варшаву круглую сумму Ясновельможные паны деньги охотно взяли, но воевать опять не желали.

В середине февраля 1720 г. в портах Чатам и Дептфорд началось вооружение новой эскадры адмирала Норриса для действий на Балтике. На сей раз в ее составе должно было быть 30 судов, а численность их команд превышала 9 тысяч человек.

16 апреля 1720 г. Норрис с эскадрой из 21 корабля и 10 фрегатов и более мелких судов вышел из Нора и 12 мая прибыл в Швецию. Вместе с эскадрой в Швецию пришло более шестидесяти торговых судов с различными товарами, необходимых для Швеции.

По инструкции Норрис должен был действовать совместно со шведами для отражения русского вторжения и в целях заключения «справедливого и разумного мира».

8 мая Норрис издал приказ по эскадре: «Во всякое время, когда вы нагоните какие-либо русские суда, вы должны принять все меры, чтобы захватить, потопить, сжечь или каким-либо иным способом уничтожить их»^[19].

Между тем в конце апреля 1720 г. русский галерный флот вышел из Або и направился к западным островам Аландского архипелага. В его

составе было 105 галер (из них 19 конных^[11]), 110 островных лодок и 8 бригадин. На гребных судах находился десант (24 119 человек).

24 октября от галерного флота отделился отряд бригадира Менгдена в составе 35 галер (в том числе 9 конных). На галерах находилось 6120 солдат пехотных полков и 162 казака. Пройдя шхерами до Васы, этот отряд пересек Ботнический залив и приблизился к побережью Швеции в районе городов Старый и Новый Умео. Менгден высадил конных казаков, произвел разведку побережья и, углубившись более чем на 30 км, разорил шведские магазины и захватил торговые суда. 8 мая его отряд благополучно вернулся в Васу.

Английский флот прибыл в Швецию только 12 мая. Объединенный английский и шведский флот двинулся к берегам России, даже не подозревая, что русские войска хозяйничают за его спиной на побережье Швеции.

В конце мая 1720 г. англо-шведский флот появился у Ревеля. Английский флот имел 18 кораблей (от 50- до 90-пушечных), три фрегата, два бомбардирских судна и один брандер. Шведский флот состоял из семи кораблей (от 64- до 70-пушечных), пинка, бомбардирского судна и двух брандеров.

В Ревеле находился сильный гарнизон, а местное население вооружилось личным оружием и ружьями, выданными губернатором. Вражеский флот встал на якорь в трех милях от города. Адмиралу Норрису немедленно был послан запрос от командующего русским флотом адмирала Апраксина, с какой целью прибыл английский флот. Норрис ответил на имя царя, но Апраксин, не имея полномочий принимать письма на имя царя, не взял его. Норрис был вынужден объясняться непосредственно с Апраксиным. В письме он написал, что приход английского флота на Балтику совершен исключительно с целью посредничества в переговорах России и Швеции. Между английским и русским адмиралами завязалась длительная переписка.

В это время англичане и шведы занялись промерами глубин между островами Наргеном и Вульфом с целью выяснения возможности высадки десанта. Один союзный отряд был высажен на остров Нарген, где сжег «избу да баню, которые сделаны были для работных людей». Этой «операцией» и закончилась деятельность британского флота у Ревеля. 2 (13) июня 1720 г. Норрис получил неожиданное известие о нападении русского десанта Менгдена на шведское побережье. Союзный флот вынужден был спешно возвращаться к Стокгольму.

В итоге в 1720 г. повторилась прошлогодняя ситуация. Англичане

опять стали свидетелями погрома Швеции русским галерным флотом. Так, 24 июля 1720 г. русская флотилия под командованием М.М. Голицына (61 галера, 29 островных лодок, 10 941 человек десанта) вышла к Аландскому архипелагу. Недалеко от острова Лемланд к тому времени уже находились две шведские эскадры. Одной командовал вице-адмирал К. Шёблада (1 корабль, 2 фрегата, 2 галеры, 1 галиот, 2 шхербота); второй командовал К. Вахмейстер (3 корабля, 12 фрегатов, 8 галер, 2 бригантин, 3 шхербота, 1 галиот, 1 шнява и 1 брандер).

На плесе Гренгам произошло большое сражение. Русские галеры пошли на абордаж вражеской эскадры. В ходе Гренгамского боя русскими были захвачены фрегаты: «Венкер» (30 пушек), «Данск-Эрн» (18 пушек), «Кискен» (22 пушки) и «Стор-Фенис» (34 пушки).

Шведы потеряли 103 человека убитыми, и 407 человек было опалено раскаленными газами при стрельбе из пушек, что свидетельствует о стрельбе в упор — борт к борту.

Шведские фрегаты были отведены в Ревель, а в августе 1720 г. — в Кронштадт, откуда их торжественно ввели в Неву. Затем они несколько лет служили в русском флоте под прежними названиями. Гренгамским сражением закончилась кампания 1720 г.

Британское правительство отклонило просьбу шведов оставить эскадру адмирала Норриса на зимовку в Балтийском море. В октябре 1720 г. эскадра ушла в Англию.

Шведам ничего не оставалось, как заключить мир с русскими. 31 марта (10 апреля) 1721 г. начались мирные переговоры в городе Ништадте (ныне город Усикаупунки). Однако шведы продолжали упрямяться. Они по-прежнему надеялись на Англию.

И действительно, 13 (24) апреля 1721 г. английский флот из 25 кораблей и 4 фрегатов под командованием адмирала Норриса отправился на Балтику. В конце апреля флот прошел мимо Копенгагена и встал у острова Борнхольм.

Из-за присутствия британского флота Петр решил отправить к берегам Швеции только часть галерного флота под командованием П.П. Ласси. Корабельный же флот занял оборонительное положение. Шесть кораблей находились в Ревеле, а остальные — у острова Котлин.

Отряд Ласси состоял из 30 галер, 9 островных лодок, 33 шлюпок и одного бота, на борту судов находилось 5 тысяч солдат пехотных полков и 450 казаков.

Солдаты и особенно казаки Ласси славно погуляли по шведскому побережью. В шведских водах русские галеры захватили и уничтожили 40

шведских каботажных судов. Был разрушен один оружейный и двенадцать железообрабатывающих заводов, сожжено три городка, 19 приходов, 79 мыз, 506 деревень с 4159 крестьянскими дворами.

Погром, произведенный отрядом Ласси, стал последней каплей, принудившей Швецию закончить непосильную для нее борьбу.

30 августа (10 сентября) 1721 г. в Ништадте был подписан русско-шведский мирный договор. Швеция уступала России на вечные времена завоеванные русским оружием провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгской губернией, включая не только материковую часть, но и острова Балтийского моря, в том числе Эзель (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и Муху, а также все острова Финского залива. К России отходила и часть Кексгольмского округа (Западная Карелия).

Замечу, что Ништадтский мир никто не отменял, так что формально он действует и поныне.

В ходе 21-летней Великой Северной войны Петру Великому удалось вернуть России земли, которые принадлежали ее князьям еще в IX—XI веках, и добиться выхода к морю. Петр поистине «прорубил окно» в Европу. На Балтике появился мощный русский флот.

Историк С.М. Соловьев справедливо отметил, что «только новые трехлетние бедствия выиграла Швеция от английского союза». Щедрое обещание, подслащенное взятками, которые раздавала британская дипломатия в Швеции, были забыты. Так что Швеции пришлось согласиться на гораздо более худшие условия мира, чем те, которые Петр был готов дать ей в 1718 г. и в начале 1719 г.

Английский историк Чане говорил о Георге I, что, будь король частным лицом, он своими действиями по отношению к Швеции в 1719—1721 гг. заслужил бы эпитеты грабителя и обманщика^[20].

Заканчивая рассказ о взаимоотношениях России и Англии в царствование Петра Великого, стоит упомянуть о попытке присоединения англиканской церкви к православию.

Дело началось с прибытия в Англию для сбора милостыни православного фиваидского архиепископа Арсения. Он провел много времени в дебатах с рядом английских епископов, которые высказали желание соединиться с православием. Эти епископы составили обращение к константинопольскому патриарху Иеремии III, прося принять их в общение, без отмены разносудий в учениях. Речь шла о непризнании ими обязательности определений Вселенских соборов наравне со Священным Писанием, отрицании поклонения Пресвятой Богородице, молитвенном

обращении к ангелам и святым, почитании икон и пресуществлении святых даров в таинстве евхаристии.

Архиепископ Арсений, прибыв позже в Россию, заинтересовал этим предложением англиканских епископов Синод и самого Петра I.

Однако константинопольский и антиохийский патриархи, рассмотрев заявление англиканских епископов, составили в 1721 г. следующий ответ. Патриархи высказали, что православная церковь при принятии в обществе «кафолического останка Британии» не может сделать никаких уступок, что принятие в общение с нею возможно только под условием принятия всего ее вероучения и всех постановлений и определений Вселенских соборов.

Англиканские епископы переписку с патриархами продолжили. Они отправили на восток через Россию свои объяснения, а русских снова просили о содействии. В 1723 г. синод, уведомляя об отсылке их объяснений восточным патриархам, сообщал им, что царь Петр советует им прислать в Петербург двух богословов для рассуждения о трех пунктах англиканского вероучения, из-за которых выходит разногласие.

Вслед за этим синод отправил епископам ответ патриарха Иеремии и других патриархов. В ответном послании высказывалось кратко, что православная церковь, содержащая учение веры, определенное на Вселенских Соборах так, как оно преподано самими апостолами, не может сделать никаких уступок англиканским епископам. При послании епископам было препровождено «Изложение православной веры» Иерусалимского собора 1672 г., направленное против протестантов. На этом и прекратились все сношения. Предполагавшиеся в Петербурге переговоры не состоялись из-за последовавшей в 1725 г. смерти императора Петра Великого.

Глава 5

ОТ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ К СЕМИЛЕТНЕЙ

К моменту окончания Северной войны дипломатические отношения между Россией и Англией были прерваны. Английский представитель был отозван из России, а русский резидент выслан из Лондона.

Петр не любил прощать обид, особенно когда они были нанесены не ему лично, а государству. Русские дипломаты в Париже и Мадриде выступили в поддержку Иакова Стюарта.

В апреле 1722 г. поверенный претендента Томас Гордон сообщил Петру, что, по всем сообщениям из Англии, народ там терпит большие лишения от настоящего министерства, и все страстно желают восстановления на престоле законного короля. «Истинно доношу, — писал Гордон, — что они требуют только помощи в 6000 человек войска с оружием еще на 20 000 человек и с амунициею, соответствующею этому числу. Если это великое дело исполнится с помощью вашего императорского величества, то не только увенчает бессмертную славою все великие деяния вашего прехвального царствования, но и будет содействовать счастливому окончанию последующих ваших предприятий. Для отправления русских войск, ваше императорское величество, по своей высокой мудрости соизволите указать такое место, где бы можно было это сделать с наибольшею тайною, ибо счастливый исход дела преимущественно зависит от тайны. При проходе кораблей и транспортов через Зунд надобно распорядиться так, чтобы они были свободны от посещения датских офицеров для осмотра и взимания пошлины: и когда войска благополучно достигнут назначенного места в Британии, то военные корабли и транспорты должны возвратиться, не теряя ни минуты времени, чтобы неприятель не захватил их в свои руки»^[21].

В июне того же года претендент король Иаков писал Петру, что у него не хватает слов, чтобы выразить свою благодарность за доброе расположение, оказываемое ему императором столь долгое время. «Чувства, столь достойные его императорского величества, могут только привлечь к нему новые благословения неба и доставить имени его еще большую славу в Европе, ибо поддержанием правого дела Стюартов он

может установить прочный мир в Европе». При этом Иаков прислал план высадки русских войск в Англии и просил как можно скорее привести этот план в исполнение.

Однако десант в Англию так и не состоялся, поскольку Петр был занят походом в Персию. 18 июля 1722 г. большая русская флотилия вышла из Астрахани, а сухим путем в Персию пошла конница. Русские овладели Дербентом, Баку и Рештом. В 1724 г. с персидским шахом был заключен мир, по которому все западные и южные части побережья Каспия отходили к России.

Закаспийские земли, присоединенные к России в царствование Петра Великого

Видимо, Персидский поход и неудачная экспедиция князя Бековича-Черкасского в Среднюю Азию были элементами грандиозного плана проникновения в Индию. Увы, конкретные документы, раскрывающие планы Петра Великого на Востоке, равно как и на Западе, до нас не дошли.

Видимо, они были уничтожены или до сих пор лежат в архивах под грифом «сов. секретно».

Еще одним элементом этого плана стала попытка царя отправить русскую эскадру на Мадагаскар и далее в Индию. В 1721 г., вскоре после заключения Ништадского мира между Россией и Швецией, в Петербурге появился шведский адмирал Даниэль Вильстер. Он изъявил желание поступить на службу в русский флот и представил Петру I проект некоей сверхсекретной экспедиции.

Вильстер подробно рассказал о планах шведской экспедиции на Мадагаскар. Дело в том, что в 1684 г. распалось «береговое братство» буканьеров Вест-Индии, и многие пираты Тортуги и Ямайки ушли в Индийский океан, организовав новое сообщество на Мадагаскаре и расположенном неподалеку от него острове Санта-Мария. В 1713 г. в Стокгольм прибыла пиратская делегация, искавшая покровительства шведской короны. Сенат принял пиратскую петицию, но решение по ней было отложено до возвращения с войны Карла XII. Обнадеженные разбойники вернулись на Санта-Марию, но совет капитанов признал их действия неудовлетворительными и постановил как можно скорее организовать на Мадагаскаре шведскую колонию. Для форсирования плана в 1718 г. в Европу отправляется сам «пиратский адмирал» Каспар Морган (не путать с «генералом пиратов Ямайки» Генри Морганом).

Пиратами заинтересовался уже известный нам барон фон Герц. Он собирался использовать их в своих планах борьбы с Англией. С подачи премьера Герца 24 июня 1718 г. Карл XII подписал охранное письмо, в котором Морган объявлялся наместником шведской короны на Мадагаскаре. Были назначены главные лица островной администрации и оговорены основные принципы управления колонией.

Начальником шведской экспедиции на Мадагаскар был назначен подполковник барон Карл Врангель. Однако, как мы уже знаем, Карла XII застрелили в Норвегии, а Герца повесили в Стокгольме, и экспедиция Врангеля не состоялась.

К мадагаскарским планам шведы вернулись уже при преемниках Карла XII королеве Ульрикег-Элеоноре и ее муже Фридрихе Гессенском. В 1722 г. из Готенбурга вышла в Индийский океан вторая шведская мадагаскарская экспедиция. Командор Карл Ульрих вел эскадру из пяти военных кораблей, замаскированных под купеческие суда. Инструкции предписывали Ульриху не поднимать военных флагов и избегать захода в порты. В Кадисе эскадра Ульриха несколько месяцев стояла на якорях, ожидая прибытия пирата Моргана, который обещал привести шведов в

тайную гавань пиратов на Мадагаскаре. Увы, Морган так и не явился, и Ульриху пришлось отправиться домой.

Петр I приказал готовиться к экспедиции на Мадагаскар в строжайшем секрете. Мало того, царь призывает отряды потом идти в Бенгалию.

21 декабря 1723 г. из Ревеля вышли два 32-пушечных фрегата — «Амстердам Галей» и «Декрон де Ливде» — с командами соответственно в 204 и 200 человек. Однако отряд не дошел даже до Датских проливов. 20 декабря в шторм на фрегате «Амстердам Галей» открылась сильная течь, и адмирал Вильстер приказал возвращаться обратно.

Петр тем не менее не отказался от своего намерения: поврежденные корабли по просьбе Вильстера были заменены фрегатами «Принц Евгений» и «Крюйсер», развернулись новые и более тщательные приготовления. Смерть императора стала концом Мадагаскарского проекта.

Лишь после смерти Петра Великого и восшествия 12 февраля 1725 г. на престол Екатерины I Англия направляет в Петербург своего резидента Джона Лена. Однако вскоре Лен был выслан из России. Тем не менее русское правительство издает в 1726 г. декларацию о разрешении англичанам торговать в России.

В царствование Анны Иоанновны произошло восстановление англо-русских дипломатических отношений в полном объеме. В конце 1731 г. русским резидентом при английском дворе был назначен поручик гвардии князь Антиох Кантемир.

В галантном XVIII веке смерть монарха почти в половине случаев вела к европейской войне. В январе 1733 г. саксонский курфюрст и по совместительству польский король Август II приехал на сейм в Варшаву, где и скончался 1(11) февраля.

Первый министр Франции кардинал де Флёрри уже давно плел интриги, чтобы вновь возвести на престол Станислава Лещинского, и немедленно отправил в Варшаву миллион ливров золотом. Замечу, что беглый король Стась жил во Франции и успел стать зятем короля Луи XV.

Покойный король Август II и власти Саксонии надеялись, что польская корона перейдет к его сыну Августу, который после смерти отца стал новым саксонским курфюрстом. Август (сын) был женат на племяннице австрийского императора Карла VI. Но прусский король Фридрих Вильгельм был категорически против. Тогда австрийский император предложил компромиссную фигуру португальского инфанта дона Эммануила. Посему поводу из Вены на подкуп радных панов было отправлено сто тысяч золотых.

В то время как в Варшаве шла эта бойкая торговля, из Петербурга к

примасу была отправлена грозная грамота, в которой императрица Анна Иоанновна требовала исключения Станислава Лещинского из числа кандидатов на польский престол.

14 августа 1733 г. Россия и Саксония заключили военный союз, целью которого было возведение на польский трон нового саксонского курфюрста. Обе стороны понимали, что дело не обойдется без войны, поэтому в тексте договора содержались следующие условия: «...выставляя вспомогательное войско: Россия — 2000 кавалерии и 4000 пехоты, а Саксония — 1000 пехоты и 2000 кавалерии; курфюрст признает за русской государыней императорский титул, а по достижении польской короны будет стараться, чтоб и Речь Посполитая сделала то же самое; обе стороны пригласят к союзу Пруссию, Англию и Данию».

Между тем из Лондона князь Кантемир доносил: «Нынешнее министерство всеми средствами старается сохранить внутри и вне государства тишину, которую английский король парламенту своему и в прошлом, и в нынешнем году обещал; поэтому я не надеюсь, чтоб против французского двора английский король захотел поступить открыто»^[22].

Кантемир предложил английским министрам, что для сохранения спокойствия в Европе Англии и России нужно прийти в тесное согласие. На что министры от имени короля ответили о желании Англии заключить союз с Россией.

Теперь уже Россия просила Англию послать в Балтийское море свою эскадру для противодействия французскому флоту. Однако англичане тянули время.

Между тем в августе 1733 г. Людовик XV отправил к польским берегам французскую эскадру в составе девяти кораблей, трех фрегатов и корвета под командованием графа Сезара Антуан де ля Люзерна. Официально считалось, что эскадра будет конвоировать корабль «Le Fleuron», на котором в Польшу прибудет Станислав Лещинский. Однако в ночь с 27 на 28 августа 1733 г. в Бресте на борт «Le Fleuron» поднялся граф де Трианж в костюме короля Стася, а сам король отправился сушей инкогнито.

В плохую погоду суда эскадры разделились, но в сентябре они постепенно собрались в Копенгагене. Узнав о том, что Станислав избран королем в Варшаве, Людовик XV приказал ля Люзерну возвращаться назад, а де Трианжу кончать маскарад. 22 октября французская эскадра подняла якоря и отправилась из Копенгагена в Брест.

Увы, французский король слишком плохо знал и поляков, и русских. Судьба польского короля была решена не в Варшаве 11 сентября, а в Петербурге 22 февраля 1733 г. на секретном совещании, собранном по

приказу императрицы Анны Иоанновны. Совещание приняло решение об интервенции в Польшу, то есть о введении туда «ограниченного контингента» войск в составе 18 полков пехоты и 10 полков кавалерии.

Луи решил помочь полякам, и 30 апреля в Данциг прибыли два французских корабля, три фрегата и отряд транспортных судов с десантом в виде Перигорского полка.

Говорят, что командующий русскими войсками граф Бурхард Миних^[12], узнав о высадке французов, изрек: «Благодарю Бога. Россия нуждается в руках для извлечения руд». Так и случилось. В июне того же года гарнизон Данцига сдался, вместе с ним сдались Перигорский полк и фрегат «Брильянт». Остальные суда своевременно ушли.

Надобность в британской эскадре отпала.

25 декабря 1734 г. в Кракове состоялась коронация Августа III, а Станислав Лещинский уехал из Кенигсберга во Францию и больше не возвращался в Польшу.

Зато в Европе из-за Польши началась большая война. Людовик XV объявил войну австрийскому императору Карлу VI. Францию поддержали Испания и Сардинское королевство. Союзники захватили районы Неаполя и Милана, Сицилию и Ломбардию.

Две французские армии двинулись в Германию. Ряд германских государств (Бавария, Майну, Кёльн, Пфальц и др.) приняли сторону Людовика XV. Французы заняли Лотарингию, овладели Келем и Филипсбургом.

Австрия срочно попросила Россию о помощи. 8 июня 1735 г. двенадцатитысячная русская армия под командованием Ласси двинулась из Польши в Силезию и далее к Рейну на соединение с австрийской армией принца Евгения Савойского.

Появление русской армии на Рейне вызвало шок в Париже и смешанные чувства в Лондоне. С одной стороны, русские и австрийцы победили главного соперника Англии в XVIII веке. А с другой стороны, Россия стала играть чересчур большую роль в Европе, что совсем не устраивало Альбион.

Чтобы добиться отправки британской эскадры на Балтику, русское правительство решило задобрить Сити и в 1734 г. дало разрешение англичанам торговать с Персией, плавая по Волге к Каспийскому морю.

Английские купцы в 1738 г. уже имели фактории в персидском порту Гиляне. Замечу, что по приказу Анны Иоанновны в 1735—1739 гг. русские войска оставили южное побережье Каспия, а также Баку и Дербент.

В 1737 г. в Оренбурге появился английский капитан Джон Элтон, где

стал заниматься «астрономией». Там «просвещенный мореплаватель» завел дружбу с астраханским губернатором Василием Татищевым и в 1742 г. отправился на Каспий сделать какие-то губернаторские гешефты. Позже Татищев оправдывался: «...якобы я с английским капитаном Элтоном, который в Персии, общий торг имею»^[23]. За Элтона и другие хищения Татищев был снят с должности губернатора и отдан под суд.

Ну а капитан Элтон вместе с другим англичанином — Воордоорфом — в 1742—1744 гг. проплыл вдоль берегов Каспия и произвел картографические съемки. Мало того, он предложил персидскому шаху Надыру строить на Каспии корабли «европейского маниру». Шах радостно согласился, и Элтону удалось построить два военных корабля.

Императрица Елизавета Петровна была крайне возмущена деятельностью англичан на Каспии. 24 апреля 1746 г. «при докладе об иностранных делах она рассуждала, что английские купцы действуют в Персии так, что для России могут быть от этого дурные следствия, что они там уже построили два корабля и еще строить хотят, а для России было бы очень вредно, если бы у персиян заведен был флот. Англичанам позволено торговать с Персиею через Россию; но от этой торговли велика прибыль только англичанам, а здешней империи, особенно купцам и фабрикантам, помешательство и убытки происходят; очень жаль, что такое позволение дано, и всеми мерами надобно эту английскую торговлю прекратить. Канцлер [А.П. Бестужев] отвечал, что такие известия и в коллегии Иностранных дел получены, что один военный корабль в Персии построен, а другой заложен и что в этом один из англичан, недобрый человек, именем Элтон, упражняется, а беглые из России разбойники помогают; от коллегии английскому двору сделаны представления, чтоб этот Элтон вызван был из Персии, и объявлено, что если он вызван не будет, то и торговля англичан с Персией вся пресечена будет. От английской компании к этому Элтону писано, чтоб выехал из Персии, за что обещана ему погодная пенсия по смерти до 2000 рублей; но он, несмотря на то, оттуда не едет, а иначе поступить с ним английскому двору нельзя, ибо известно, что английский народ вольный»^[24].

Торгующие с Персией англичане держали на Каспии два собственных корабля. Однако англичане погрузили на них большое число парусов и такелажа, купленных в России. Понятно, что это все предназначалось для строительства персидских военных судов. Замечу, что Россия со времен царя Алексея Михайловича и, по крайней мере, до 1917 г. не допускала строительства персидских военных судов на Каспии.

Посему императрица Елизавета Петровна приказала: английские суда в Астрахани задержать. Ходить в Персию им было запрещено, англичанам предложили возить в Персию свои товары на русских судах, а свои суда продать русским купцам.

Елизавета изволила заметить: «...так как эта коммерция для здешней империи не только не полезна, но и опасна быть видится, то о поправлении этого дела надобно прилагать старания, а лучше эту коммерцию отклонить и вовсе прекратить».

В августе 1746 г. этот вопрос вновь встал, так как было получено известие, что один персидский корабль с пушками, уже достроенный и оснащенный, подошел к Дербенту и потребовал от русских судов салютовать ему, «а командир и его команда били и другие озлобления делали русским купцам». Елизавета попеняла Бестужеву, что все это происходит из-за того, что англичанам разрешено торговать с Персией через Россию, а когда у персиян появится морской флот, станет еще хуже. «И потому английскую коммерцию в Персию теперь непременно пресечь и английскому послу о том объявить; а каким бы образом это заведенное у персиян строение судов вовсе искоренить, о том в Сенате вместе с коллегиею Иностранных дел советоваться и меры без упущения времени принимать»^{25}.

20 июня 1747 г. в военном лагере под Хабушаном (Харосаном) заговорщики ночью прокрались в опочивальню Надир-шаха и закололи его кинжалами. Бестужев, докладывая императрице о смерти шаха, предложил послать в Гилян русские войска «на помощь персиянам против турок в случае внезапного нападения последних»^{26}. Канцлер повторил свое прежнее предложение «о сожжении построенных в Персии кораблей и о захвачении Элтона».

21 августа Елизавета приказала пригласить в коллегию Иностранных дел для обсуждения персидских дел и разработки плана действий генерала графа Румянцева, генерал-прокурора князя Трубецкого, генералов Бутурлина, адмирала Апраксина и тайного советника барона Черкасова.

27 августа этот совет постановил: «1) удостовериться в смерти шаха Надира;... 5) отправить нынешней же осенью как можно скорее к гилянским берегам до 1000 четвертей пшеничной муки для продажи тамошним жителям на деньги или для мены на шелк; 6) воспользоваться смутю в Персии и смертью шаха для искоренения корабельного строения, заведенного Элтоном: для этого предписать находящемуся в Гиляни резидентом Черкасову подкупить из бунтовщиков или других персиян, чтоб

сожгли все корабли, построенные или еще строящиеся, сжечь также заведенное там адмиралтейство, анбары, парусные и прочие фабрики и инструменты, что можно будет, то бы все сожгли, а иное разорили б до основания, к чему хотя несколько их разных людей уговорить, чтоб они это сожжение как можно скорее сделали, и за то им хотя бы и знатную сумму из казенных денег выдать. Если б это не удалось, можно тем командирам, которые на судах с продажным хлебом к гилянским берегам будут отправлены, поручить, чтоб они как на походе в море, так и в бытность при берегах всегда примечали и, где им персидские корабли попадутся, всячески старались если возможно, скрытно, а по нужде хотя и явно зажечь и таким образом сделать, чтоб они вовсе пропали; также командиры приложили бы старание, будучи там на малых судах, тайно или под видом разбойников съездить в Ленгерут и случая искать находящиеся там корабли и всякое адмиралтейское строение сжечь и до основания разорить. Равномерно и о том стараться, чтоб заводчика этого корабельного строения Элтона оттуда достать, или уговорить, или тайно схватить, или у персиян за деньги выпросить и немедленно в Астрахань отослать»^[27].

Императрица одобрила этот доклад, подписанный графом Алексеем Бестужевым.

Финал британской авантюры со строительством персидского флота на Каспии состоялся в октябре 1752 г. Канцлер Бестужев доложил императрице о награждении морских офицеров и служителей, которые в 1751 г. из Астрахани были посланы к персидским берегам и там тайно сожгли два корабля, построенные Элтоном. Елизавета велела каждого повесить на один чин и раздать им три тысячи рублей. Куда делся сам Элтон, установить не удалось.

В отличие от персидских дел, взаимоотношения Англии и России в Европе развивались довольно успешно. С 1741 г. там шла «война за австрийское наследство». 20 октября 1740 г. скончался император Священной Римской империи Карл VI Габсбург, не имевший наследников мужского пола. Однако еще в декабре 1724 г. он обнародовал так называемую «Прагматическую санкцию», согласно которой императорский титул должен был передаваться только членам семейства Габсбургов, причем даже по женской линии. И вот теперь австрийский престол должна была занять дочь Карла VI Мария-Терезия. Однако Мария была младшей внучкой императора Леопольда I, а старшая — женой баварского курфюрста Карла Альберта.

И вот в 1741 г. Карл Альберт начинает войну против Марии-Терезии, а в начале следующего года он объявляет себя императором Священной

Римской империи Карлом VII.

Любитель баталий французский король Луи XV не мог удержаться от соблазна и послал войска на помощь Карлу VII. Его поддержал прусский король Фридрих II. Соответственно, главный противник Франции на море Британия приняла сторону Марии-Терезии.

20 января 1745 г. умер «параллельный император» Карл VII, тем не менее война за австрийское наследство продолжалась. 4 июля 1745 г. Фридрих II наголову разбил войска Марии-Терезии при Гогенфридберге, а затем разгромил Саксонию. В итоге в конце декабря 1745 г. между ним и Марией-Терезией был подписан сепаратный мир. Мария-Терезия уступала Пруссии Силезию, а Фридрих II за это признал ее супруга Франца I императором Священной Римской империи. С тех пор Пруссия держала нейтралитет в войне.

В декабре 1743 г. в Петербург вновь прибыл французский посол маркиз Шетарди. Он желал склонить императрицу к союзу с Луи XV. Маркиз дал взятку Лестоку, и лейб-медик стал «агентом влияния» Франции. Однако подкупить Бестужева не удавалось. 28 мая 1744 г. Шетарди писал в Версаль: «Совершенно невозможно договориться с Бестужевым, который охотно принес бы в жертву интересы России, если бы верил, что тем самым причиняет вред интересам Франции... Тот, кто руководит в России иностранными делами, — смертельный враг Франции»^[28].

В свою очередь, Австрия выплатила канцлеру Бестужеву 6 тысяч дукатов, а британский кабинет добавил еще 10 тысяч рублей.

Так, благодаря огромной сумме, выплаченной вице-канцлеру, 22 мая (2 июня) 1746 г. в Петербурге был подписан секретный договор между Россией и Австрией (имеется в виду правительство Марии-Терезии). А 29 декабря того же года Елизавета Петровна собрала в Зимнем дворце совещание, на котором был составлен план кампании.

Тридцатитысячное русское войско, по мнению фельдмаршала Ласси, должно было действовать на Рейне вместе с союзниками. По плану кампании «войско должно было выйти из Курляндии и двигаться через Литву и Польшу на Краков в Силезию одной дорогой, разделяясь на три колонны, по маршруту, предложенному австрийским посланником бароном Бретлаком».

1 (12) июня 1747 г. в Петербурге канцлер Бестужев и британский посол лорд Джон Гиндфорт подписали «первую русско-английскую военную конвенцию». Согласно ее условиям: «Россия содержит на северной границе Литвы со стороны Балтийского моря и Лифляндии войско в 30 тыс. человек

и 50 галер в течение года с целью недопущения польских и прусских сил на Балтику против союзной с Англией Швеции. Англия обязуется оплачивать содержание этих блокирующих сил из расчета 100 тыс. фунтов стерлингов ежегодно»^{29}.

8 (19) ноября того же года персоны подписали «вторую русско-английскую военную конвенцию», согласно которой:

«Россия направляет на Рейн, в Германию (через Польшу и Саксонию), 30 тыс. русских солдат для службы в помощь английскому королю и Голландским Генеральным Штатам в течение двух лет.

Англия и Голландия обязуются помимо содержания этого экспедиционного корпуса у себя на пропитании в течение двух лет ежегодно уплачивать России по 300 тыс. фунтов стерлингов, считая время с момента выступления корпуса за русские границы и до возвращения его в пределы русских границ.

За пропитание корпуса при проходе Польши в оба конца Англия и Голландия уплачивают 300 тыс. фунтов стерлингов.

За пропитание корпуса на зимних квартирах в Богемии — 200 тыс. голландских червонцев (гульденов)»^{30}.

15 марта 1748 г. 37-тысячная армия В.А. Репнина выступила в поход. В германские порты на Балтике прибыли 60 русских галер для поддержки войск с моря и их снабжения. Войска должны были войти в район Рейна — Мозеля.

В июле русская армия вступила во Франконию. Людовик XV вновь не пожелал драться с русскими, и в апреле 1748 г. в Ахене (Аахене) открылся международный конгресс, результатом которого стало подписание 18 октября 1748 г. Ахенского мира. По его условиям был подтвержден Дрезденский мир 1745 года, то есть передача Силезии Пруссии. Три итальянских герцогства — Парму, Пьяченду и Гуастелу (Гвасталу) — Австрия передала испанскому инфанту Филиппу, а часть Миланского герцогства — Сардинии.

Ну а Россия? Россия получила дырку от бублика, конечно, если не считать удовлетворенных амбиций матушки Елизаветы Петровны.

В 1756 г. три милые дамы — Мария-Терезия, мадам де Помпадур и Елизавета Петровна — затеяли войну со зловредным Фридрихом II. Самое забавное, что у Фридриха не было ни малейшего желания ссориться с Россией, с которой у него не было ни спорных проблем, ни даже общей границы.

Что же касается Англии, то ее короля Георга II гораздо более

интересовало его наследственное владение в Германии — Ганновер, нежели сама «владычица морей». По приказу короля британские дипломаты дали взятку канцлеру Бестужеву-Рюмину, и тот 19 (30) сентября 1755 г. в Петербурге подписал так называемую «субсидную конвенцию» сроком на четыре года. По условиям этой конвенции Россия обязывалась в обмен на единовременную британскую субсидию в 500 тысяч фунтов стерлингов выставить 55-тысячный корпус и до 50 галер в случае нападения на Англию или ее союзников. Статья 5 распространяла обязательства России и на Ганновер. Конвенция предусматривала, что Англия должна выплачивать России по 100 тысяч фунтов стерлингов ежегодно на содержание русского корпуса на границе еще до начала военных действий — «диверсии». Но вот что интересно: из текста «субсидной конвенции» было неясно, против кого же она направлена.

О том, стоит ли какой-то Ганновер жизнью нескольких десятков тысяч русских солдат, ни Бестужев-Рюмин, ни сама Елизавета и не думали. Тем временем «скоропостижный» Фридрих узнал о «субсидной конвенции» и предложил Георгу II гарантировать безопасность Ганновера всего за каких-то 20 тысяч фунтов стерлингов, а в обмен потребовал военную помощь Англии в случае вторжения «иностранной державы» в Германию. В итоге 16 января 1756 г. Англия и Пруссия заключили Вестминстерскую конвенцию, фактически это был военный союз.

Ряд западных историков назвали 16 января 1756 г. днем «дипломатической революции». Действительно, рухнула вся система европейских союзов. Примирились Бурбоны и Габсбурги, враждовавшие с XVI века. 2 мая 1756 г. в Версале был заключен военный союз между Францией и Австрией.

Когда британский посол в Вене Кейт заметил Марии-Терезии, что союз с Францией есть нарушение прежних дружественных отношений Австрии и Англии, то императрица с жаром ответила: «Не я покинула старую систему; но Англия покинула и меня, и систему, когда вступила в союз с Пруссией. Известие об этом поразило меня как громом. Я и король прусский вместе быть не можем, и никакие соображения в мире не могут меня побудить вступить в союз, в котором он участвует. Мне нельзя много думать об отдаленных землях, пришлось ограничиться защитой наследственных владений, и здесь я боюсь только двух врагов: турок и пруссаков. Но при добром согласии, которое теперь существует между обеими императрицами, они покажут, что могут себя защитить и что ничего им много бояться и этих могущественных врагов»^[31].

Что же касается второй императрицы, то Елизавета Петровна,

несмотря на протесты Бестужева, еще 14 марта 1756 г. разорвала «субсидную конвенцию» с Англией.

Русский и шведский флоты блокировали побережье Пруссии. И вот в начале 1758 г. в Англии по традиции стали собирать эскадру для похода на Балтику.

В апреле того же года русское правительство обратилось к Швеции с предложением «о немедленном по вскрытии вод соединении обоюдных наших флотов для действительного недопущения входа английской эскадры в Балтийское море». Швеция это предложение приняла и согласилась выделить для совместных действий 10 кораблей и 4 фрегата. Но из-за неготовности к выходу в море части кораблей и недостатка матросов Швеция дала всего лишь 6 кораблей и 3 фрегата.

С начала лета и до середины сентября 1758 г. эскадра адмирала З.Д. Мишукова в составе 24 русских кораблей, а также шведских 6 кораблей и 3 фрегатов простояла в ожидании британской эскадры, проводя досмотр проходивших Зундом коммерческих судов. Увы, англичане не появились на Балтике не только в 1758 г., но и в последующие две навигации. А «балтийская» эскадра была отправлена британским адмиралтейством в... Индийский океан.

Так вновь без единого выстрела закончился очередной конфликт России с туманным Альбионом.

Глава 6

ДИПЛОМАТИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

История британской дипломатии в России удивительно напоминает историю разведки. Любопытно, был ли хоть один британский дипломат в России, не занимавшийся шпионажем и спецоперациями? Во всяком случае, мне таковые не попадались. Не стал исключением и британский посол сэра Генбюри Вильямс. Прибывший в Петербург в 1755 г. дипломат знал, что главными орудиями вербовки агентуры являются деньги и женщины. Но в галантном XVIII веке Россией правили женщины. Как писал Максимилиан Волошин, «поэт не советский, но хороший»:

Пять женщин распухают телесами
На целый век в длину и ширину.
Россия задыхается под грудой
Распаренных грудей и животов.

Надо ли говорить, что Вильямс берет с собой в качестве «медовой приманки» не красотку, а красавца — 23-летнего Станислава Понятовского.

Секретарь посла юный Стась был сыном Станислава Понятовского и Констанции, урожденной Чарторыйской. Станислав старший, как и подавляющее большинство польских магнатов, не имел ни моральных принципов, ни политических убеждений, а действовал исключительно по соображениям собственной выгоды. Ради корысти он в начале века примкнул к королю Лещинскому и даже участвовал в Полтавском сражении, естественно, на стороне шведов. Затем Понятовский бежал вместе со шведским королем в Турцию, где они оба подстрекали султана к войне с Россией. Убедившись, что дело Лещинского проиграно, Понятовский поехал мириться с королем Августом II.

Последующей удачной карьере хорошо способствовала женитьба Станислава Понятовского на дочери Казимира Чарторыйского — литовского подканцлера и каштеляна Виленского. Сразу после смерти короля Августа II Стась попытался было пролезть в короли. По сему поводу русский посол в Варшаве Левенвольде отписал в Петербург: «...избрание королем Станислава Понятовского опаснее для России, чем

избрание Лещинского».

Вскоре Понятовский сообразил, что королем ему не бывать, но удержаться от активной политической игры не смог, да и в придачу «поставил не на ту лошадь». В итоге Понятовский оказался в осажденном русскими Данциге вместе со своим давним приятелем Лещинским. После утверждения Августа III на престоле Станислав Понятовский примкнул к «русской партии», возглавляемой Фамилией^[13]. В 1732 г. у Станислава Понятовского родился сын, также названный Станиславом. Станислав Младший, будучи наполовину Понятовским, а наполовину Чарторыйским, быстро делал карьеру и еще подростком получил чин «литовского стольника».

Большую часть времени Станислав Младший проводил не в Польше, а в столице Саксонии Дрездене при дворе короля Августа III. Там юный плейбой приглянулся сэру Генбюри Вильямсу — английскому послу при саксонском дворе. В 1755 г. Вильямса назначают английским послом в Петербурге, и он берет с собой двадцатитрехлетнего Станислава.

Вот как польский историк Казимир Валишевский характеризует новую звезду, появившуюся на петербургском небосклоне: «У него было приятное лицо... он был *gentilhomme* в полном смысле этого слова, как его понимали в то время: образование его было разностороннее, привычки утонченные, воспитание космополитическое, с тонким налетом философии... Он олицетворял собой ту умственную культуру и светский лоск, к которым она [Екатерина II. — А.Ш.] одно время пристрастилась, благодаря чтению Вольтера и мадам де-Севинье. Он путешествовал и принадлежал в Париже к высокому обществу, блеском и очарованием своим импонировавшему всей Европе, как и королевский престиж, на который еще никто не посягал в то время. Он как бы принес с собой непосредственную струю этой атмосферы и обладал как качествами, так и недостатками ее. Он умел вести искристый разговор о самых отвлеченных материях и искусно подойти к самым щекотливым темам. Он мастерски писал записочки и умел ловко ввернуть мадригал в банальный разговор. Он обладал искусством вовремя умилиться. Он был чувствителен. Он выставлял напоказ романтическое направление мыслей, при случае придавая ему героическую и смелую окраску и скрывая под цветами сухую и холодную натуру, невозмутимый эгоизм, даже неисчерпаемый запас цинизма»^{32}.

Зная характер Елизаветы Петровны, Генбюри Вильямс не пропускал ни одного бала и ни одного маскарада. Однако все его попытки получить какое-либо влияние на императрицу были бесплодны.

Как писал тот же Валишевский: «Его искательство перед Елизаветой было ей, по-видимому, очень приятно, но политически оказалось совершенно бесплодным. Когда он пытался стать на твердую почву переговоров, государыня уклонилась. Он тщетно искал императрицу, но находил лишь очаровательную танцовщицу минуэта, а иногда и вакханку. Через несколько месяцев он пришел к убеждению, что с Елизаветой нельзя говорить серьезно, и стал оглядываться кругом. Разочаровавшись в настоящем, он подумал о будущем. Будущее — это молодой двор.

Но опять-таки он наткнулся на фигуру будущего императора и, обладая ясным взглядом людей своей расы, с первого же раза решил, что он и тут лишь потеряет время. Его взоры остановились наконец на Екатерине... Вильяме подметил знаменательные шаги в сторону великой княгини, подземные ходы, приводившие к ней. Он быстро решил. Осведомленный придворными слухами о любовных приключениях, в которых фигурировали красавец Салтыков и красавец Чернышев, сам довольно предприимчивый, Вильямс попытался было пойти по этим романическим следам.

Екатерина приняла его очень любезно, говорила с ним обо всем, даже о серьезных предметах, которые Елизавета отказывалась обсуждать, но она смотрела в другую сторону»^{33}. И тут-то Вильяме вспомнил о Понятовском.

Супруга наследника престола Екатерина была почти на три года старше Понятовского и уже родила сына Павла.

Позже Понятовский напишет о предмете своей любви: «...она недавно лишь оправилась после первых родов и находилась в том фазисе красоты, который является наивысшей точкой ее для женщин, вообще наделенных ею. Брюнетка, она была ослепительной белизны; брови у нее были черные и очень длинные; нос греческий, рот, как бы зовущий поцелуи, удивительной красоты руки и ноги, тонкая талия, рост скорее высокий, походка чрезвычайно легкая и в то же время благородная, приятные тембр голоса и смех такой же веселый, как и характер, позволявший ей с одинаковой легкостью переходить от самых шаловливых игр к таблице цифр, не пугавших ее ни своим содержанием, ни требуемым ими физическим трудом».

Надо полагать, что в антрактах между «шаловливыми играми» Стась и Като не переходили к игре в «крестики-нолики» или «морской бой». Таблица цифр — это цифровые коды, и цесаревна, как видим, совмещала функции Штирлица и Кэт, то есть сама собирала информацию и сама шифровала.

Сложные политические интриги заставили Вильямса в октябре 1757 г. покинуть Петербург, но Понятовский теперь уже в качестве саксонского посланника остался и в Петербурге, и в постели цесаревны. Вскоре любовник потерял всякое чувство меры и был выслан Елизаветой Петровной из России.

Итак, русская цесаревна стала агентом британской разведки? На самом деле Екатерина сумела переиграть матерого британского разведчика. Она использовала деньги и влияние Вильямса в своих личных целях. Ну а шалопая Стася она сделала своей козырной картой, и не простой, а королем. И действительно, в августе 1764 г. Стась был выбран польским сеймом в короли под именем Станислава Августа IV.

Екатерина писала графу Н.И. Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали». Для обеспечения «свободного волеизъявления» панства еще в апреле 1763 г. в Речь Посполитую был введен «ограниченный контингент» русских войск. В сентябре русский посол в Польше князь Н.В. Репнин приступил к выплате гонораров. Королю Стасю он выдал 1200 червонцев, но тут вмешалась Екатерина и прислала еще 100 тысяч червонцев. Август-Александр Чарторыский получил от Репнина 3 тысячи червонцев. Примаసు Польши обещали 80 тысяч, но пока выдали лишь 17 тысяч. Персонам помельче и давали соответственно. Так, шляхтич Огинский получил на содержание своей частной армии всего только 300 червонцев.

Россия и Пруссия сразу же признали нового польского короля. Англия, Франция и Турция тянули время, показывая свое недовольство результатами выборов. Король Луи XV, считавший Польшу чуть ли не своей провинцией, стал оказывать активную поддержку противникам короля Станислава Августа, посылая им деньги, оружие и офицеров-инструкторов.

Лондон же в очередной раз оказался в сложном положении. С одной стороны, враг его заклятого врага Франции должен был бы автоматически становиться другом Англии, но, с другой стороны, правящие круги Британии всегда были против любого усиления России.

Ну а Екатерина II хотела от короля Георга III того же, что и от сэра Вильямса — денег, но в куда большем объеме. 5 января 1764 г. английский посланник граф Бекингам на конференции с вице-канцлером объявил, что его правительство «никак не может дать России 500 000 рублей субсидии на текущие польские дела»^{34}. Козырем Екатерины было заключение нового торгового договора. Король тянул резину с субсидиями, а императрица — с договором.

Так, лорд Сандвич, заведовавший иностранными делами по северному департаменту, заявил русскому послу Грассу, что «в русском проекте есть два пункта, которых Англия никак не может принять: один пункт о Польше, другой — о Турции. Англия не может обязаться помогать России в случае войны последней с Турциею по своим существенным торговым интересам; не может также обязаться субсидиями для польских дел, потому что казна истощена последнею войною [Семилетней. — А.Ш.], и таким обязательством нынешние министры возбудили бы против себя всенародный крик; а на все другие предложения императрицы в Англии охотно согласятся»^{35}.

В России активным сторонником союза с Англией был граф Никита Иванович Панин, руководивший коллегией Иностранных дел с 1763 по 1781 г. Его идеей-фикс был «Северный союз», или, как тогда говорили, «Северный аккорд».

Согласно плану Панина, союз северных не католических стран Европы должен противостоять союзу южных католических государств. Панин предлагал в тесном военно-политическом союзе Россию, Англию, Пруссию, Саксонию, Швецию и Данию против Австрийской империи, Франции и Испании.

Проницательная Екатерина с самого начала видела изъяны этого «академического проекта», но сперва помалкивала и пыталась использовать Панина и его идеи в своих целях, которые с 1762 г. полностью совпадали с интересами Государства Российского.

Об отношениях с Англией в 1765 г. хорошо сказал С.М. Соловьев: «Содержанием отношений с Англиею по-прежнему были бесплодные толки о союзе. Делали друг другу взаимные комплементы: Панин в заметках своих для императрицы называл англичан торгашами, лавочниками; новый английский посланник Макартней, жалуясь на медленность переговоров, писал своему министерству, что не может быть иначе в стране, где все дело ведется в лавках, величаемых коллегиями, и мелкими купцами, которых угодно называть членами комиссий. Это относительно торгового договора; что же касается политического союза, то Макартней нашел другого противника уже не в членах русских комиссий; он писал: "Король прусский не желает, чтоб русский двор имел других союзников, кроме него"»^{36}.

Наконец 20 июня (1 июля) 1766 г. в Петербурге граф Панин и английский посланник Джордж Маккартни подписали договор о мире, дружбе и взаимной торговле. Что же касается «Северного аккорда», то он

Лондону в принципе нравился, но там никак не хотели включить пункт о помощи России в войне против Турции. Тем не менее, Англия в ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. занимала позицию крайне благожелательного к России нейтралитета.

В сентябре 1768 г. султан Мустафа III, считавшийся «тенью Аллаха на земле», объявил России священную войну. Екатерина II, занятая по горло Польшей, а главное, внутренними преобразованиями в империи, всячески оттягивала войну, и в 1765—1768 гг. пошла на ряд уступок султану. Однако, узнав об объявлении войны, императрица пришла в ярость. Из письма Екатерины к послу в Англии графу И.Г. Чернышеву: «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла».

Ну а в своем тесном кругу императрица пригрозила «поджечь империю османов с четырех концов». Для реализации этого плана Екатерина приняла смелое решение послать эскадру за 8 тысяч верст в Восточное Средиземноморье, куда еще никогда не заплывали русские суда.

Командованию русской эскадры Екатерина дала подробные наставления, где в числе прочего говорилось об отношениях с европейскими державами: «Об Англии справедливо можем мы сказать, что она нам прямо доброжелательна, и одна из дружественных наших держав, потому что политические наши виды и интересы весьма тесно между собой связаны и одним путем к одинаковой цели идут. Кроме того, имеем мы с великобританской короной трактат дружбы и коммерции, которым взаимная наша навигация в землях и владениях обеих сторон поставлена в совершенной свободе. Дольно, кажется, было бы сих двух оснований к удостоверению нашему, что порты его британского величества будут отверсты эскадре нашей; но и затем еще, начиная экспедиции наши в Средиземное море, изъяснились мы откровенно чрез посла нашего с королем великобританским и получили уверение, что дружественные, и как таковые снабжаемы всякой, по востребованию обстоятельств, нужной помощью»^{37}.

Отношение же к Франции совсем иное: «...а гавани их, кроме самой крайней нужды, обегать надобно, разве когда к спасению другого пути оставаться не будет»^{38}.

Англичане любили воевать чужими руками и с большим удовольствием стравливали Россию с Людовиком XV. Кроме того, на внешнюю политику Лондона сильно влияла зависимость Англии от русской торговли. В 60—80-х годах XVIII века в русские порты ежегодно

прибывало от 600 до 700 английских торговых судов.

В итоге в ходе первой турецкой войны 1768—1774 гг. Англия была достаточно надежным союзником России. Английские послы в Париже и Мадриде официально заявили, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии».

Во время прохождения русских эскадр в 1769—1774 гг. мимо берегов Франции и Испании поблизости сосредотачивались значительные силы британского флота. Англия предоставила свои порты для базирования и ремонта русских кораблей. Причем не только в метрополии, но и в порту Мак-Магон на острове Менорка, отошедшем к Англии по Парижскому миру, заключенному 10 февраля 1763 г.

В ходе обеих русско-турецких войн (1768—1774 гг. и 1787—1791 гг.) Англия охотно продавала России оружие и военные корабли. В русской армии и флоте служили десятки, если не сотни английских офицеров. Среди них получили известность адмиралы: Нольс, Самуил Грейг, Ельфистон, Тревенен, Тет, Кроун и другие. А, к примеру, для войны в Архипелаге Россия купила в Англии два бомбардирских судна — «Молнию» и «Страшный».

Для войны с Турцией русскому флоту требовались тысячи мощных корабельных орудий. Между тем отечественные чугунолитейные заводы поставляли орудия весьма низкого качества. На службу принималось от 12 до 50 процентов (из разных партий) чугунных пушек, а остальные шли в брак. Увы, и принятые казенной (военной) приемкой пушки оставляли желать лучшего. Так, в Эландском сражении со шведами в июле 1788 г. наши корабли больше всего пострадали от действия... собственных пушек. Чтобы не быть голословным, процитирую донесение адмирала Чичагова: «...убито нижних чинов на корабле "С. Петр" 5 человек, да ранено 22 человека, но в сем числе большая часть убитых и раненых от разрыву своей одной пушки...

...Находившийся в линии подле корабля "Мстислава" корабль "Дерись" принужден был по случаю разрыва трех своих пушек и учинившегося от того немалого убийства людей и возгорания внутри корабля, для утушения огня выйти из линии, но как от сего же разрыва взломаны были палубы так, что никак не мог оный левым боком продолжать свой с неприятелем бой, то и остался до конца сражения вне линии»^{39}.

Екатерина II была просто вынуждена закупать большие партии корабельных пушек в Англии. Главным поставщиком их стал Карронский завод в Шотландии. Завод был построен в 1760 г. талантливым инженером

Чарльзом (Карлом) Гаскойном на средства местного купечества. Свое название завод получил по реке Каррон.

Россия закупила несколько сот орудий Карронского завода всех калибров, используемых в русском флоте, — 6, 8, 12, 18, 24, 30 и 36 фунтов. Закупка велась и на других заводах, но в меньших объемах. Так, в Англии закупили корабельные медные 12-фунтовые пушки. В 1776 г. Гайскон изобрел новый тип орудия — карронаду. За счет меньшей длины и особой конструкции ствола карронада в 3—4 раза меньше, чем пушка того же калибра^[14]. Скорострельность карронад в три раза выше, чем у пушек. Естественно, что дальность стрельбы карронад меньше, чем у пушек, но это было несущественно для морских батальонов XVIII века, когда корабли сходились «на пистолетный выстрел». Зато огонь карронад производил страшные разрушения на кораблях противника.

Адмирал русской службы Самуил Грейг, по происхождению шотландец, предложил Екатерине пригласить в Россию своего земляка Чарльза Гаскойна. Замечу, что осуществить сей замысел было весьма непросто. В Англии существовал закон, запрещающий вывоз из страны машин и инженеров, за что полагалось суровое наказание вплоть до смертной казни.

Но что британские законы против русского золота? Для переезда Гаскойна русский посол в Лондоне граф Семен Воронцов получил как минимум две суммы: первую — в январе 1786 г. — 700 фунтов стерлингов, а вторую — через несколько недель — 1500 фунтов стерлингов. Куда пошли сии суммы, неизвестно. Не исключено, что самому премьеру Вильяму Питту Младшему. Благо, премьер дал разрешение Гаскойну на «частную поездку».

В мае 1786 г. Гаскойн с одиннадцатью инженерами Карронского завода сел на собственный корабль, погрузил туда несколько десятков станков и был таков. В России Гаскойна ждало огромное жалованье — 2500 фунтов стерлингов в год плюс половина прибыли руководимых им заводов.

Безобразие, мол, русским мастерам гроши платили, а тут!.. Ну что ж, великие люди не считали копейки, когда игра стоила свеч. Тот же Сталин в 1946—1953 гг. платил в 3—4 раза больше германским ученым и инженерам, чем отечественным.

Уже в октябре 1786 г. Гаскойн и карронские инженеры прибыли в Петербург на Олонецкий завод. Там были установлены новейшие английские воздуходувные машины, сверлильные станки и т.д. А в 1788 г. впервые в России на Александровском заводе в Петрозаводске была введена в эксплуатацию железная дорога! Пусть ее длина оказалась

невелика — всего 173 метра, но идея и эффективность были налицо. В 1791 г. на Александровском заводе была изготовлена первая в России паровая машина для откачки воды, а за ней — серия таких машин.

Главное же — русский флот получил сотни первоклассных пушек и карронад. Если в 1783 г. из 458 пушек, отлитых на Александровском заводе, из-за наличия раковин было забраковано 189, то в 1798 г. из 467 пушек не выдержала пробы лишь одна^{40}.

На заводах, руководимых Гаскойном, брак орудийных стволов никогда не превышал 4 процентов. Императрица присвоила инженеру звание действительного статского советника, соответствовавшее званию губернатора или генерал-майора в армии. Зато даже полный генерал русской армии получал жалованье на порядок ниже Гаскойна.

Деятельность Гаскойна не ограничилась Петрозаводском. Он основал чугунолитейные заводы в Кронштадте и Луганске. Именно он основал в Петербурге Механический завод, которые в середине XIX века получил название Путиловский, а при большевиках — Кировский.

В XIX веке многие утверждали, что именно о Гаскойне сложена песня: «Английский мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину». Ну а в XX веке о знаменитом русском шотландце все забыли.

Замечу, что один из спутников Гаскойна, прибывших вместе с ним в Россию, — Чардъ Берд — основал в Петербурге знаменитый завод Берда.

В ходе войны Североамериканских Штатов за независимость король Георг III обратился к Екатерине II с просьбой прислать русские войска в Америку для борьбы с повстанцами. Естественно, услуга должна была быть хорошо оплачена. Однако императрица категорически отказалась. Замечу, что острая на язык матушка-государыня в своем кругу английский Кабинет обычно именовала «суконщиками», а 16 декабря 1788 г. писала Потемкину: «Известно тебе, я чаю, что Король Английский с ума сошел так совершенно, что четыре человека насилиу его держать могут, когда приходит на него rage (раж — фр.)»^{41}. Увы, Екатерина была права — Георг III действительно страдал психическим расстройством.

В феврале 1778 г. король Луи XVI признал независимость Соединенных Штатов и подписал с ними торговый договор. Британский Кабинет немедленно разорвал дипломатические отношения с королевством, а в июне 1778 г. объявил Франции войну. В том же июне Англия объявила войну Испании, а в декабре — Голландии. Французский флот состоял из 80, а испанский флот — из 60 кораблей, против которых Англия могла выставить около 150 кораблей, так что силы были почти равны.

Однако союзники действовали несогласованно, и господство на море осталось за англичанами. Британские военные корабли и каперы нападали и грабили торговые суда всех стран Европы, вызывая возмущение нейтральных стран. Представителям нейтральных стран, в том числе и российскому посланнику в Лондоне И.М. Симолину, приходилось неоднократно требовать от английского правительства «изъяснений» по поводу нападений военных кораблей британского флота на их торговые суда. Всего за время войны Англия захватила 17 русских судов.

Терпение Екатерины II лопнуло, когда в начале января 1780 г. испанцы захватили в Средиземном море два русских торговых судна — «Конкардию» и «Св. Николая» — и отвели их в Кадикс. Реакция из Петербурга была мгновенной. Императрица не ограничилась требованием от поверенного в делах Испании в России официальных объяснений и извинений за оскорбление российского флага. 27 февраля (9 марта) 1780 г. на имя русского посла во Франции князя И.С. Барятинского был отправлен высочайший рескрипт, в котором говорилось: «...признали Мы необходимым... прежде чем оскорбление Российского торгового флага преобразится в вредную привычку, употребить с своей стороны к совершенному ограждению и обеспечению его, все от нас и державы нашей зависящее пособия, с твердым однако ж предположением свято и ненарушимо согласовать оные в продолжение настоящей войны с правилами строжайшего нейтралитета».

Рескрипт обязывал князя Барятинского официально уведомить министра иностранных дел Франции о решении императрицы летом 1780 г. направить в Северное море четыре военных корабля «для удаления из тамошних вод всяких арматоров и обеспечения к портам нашим свободного плавания всех вообще дружеских народов». Кроме того, предусматривалось подготовить и оснастить всем необходимым в Кронштадте еще 19 кораблей, «чтоб они по первому повелению в море пуститься могли».

К рескрипту прилагалась «Декларация о вооруженном нейтралитете», в которой говорилось, что для освобождения морской торговли от притеснений императрица «считает обязанностью объявить правила, которым будет следовать, и для поддержания которых и покровительства чести российского флага и безопасности торговли ее подданных, противу кого бы то ни было, она повелит выступить в море со значительной частью своих сил».

Правила эти состояли в следующем:

- 1) Нейтральные корабли могут свободно плавать из одного порта в

другой и у берегов воюющих держав.

2) Имущество, принадлежащее подданным воюющих держав, свободно на нейтральных судах, за исключением заповедных товаров.

3) Заповедными товарами признаются только военные снаряды и оружие.

4) Блокированным портом почитать только тот порт, войти в который предстоит очевидная опасность по расположению судов атакующих держав, находящихся довольно близко к порту.

5) Правила эти будут служить руководством в судах и приговорах о правах^{42}.

Принципы вооруженного нейтралитета, сформулированные Россией в декларации от 27 февраля (9 марта) 1780 г., сразу же были признаны Францией и Испанией. В сентябре — октябре 1780 г. эта декларация стала предметом специального рассмотрения Континентального конгресса Североамериканских Штатов. 5 октября 1780 г. Конгресс принял по этому вопросу постановление, полностью одобрявшее декларацию, как основанную «на принципах справедливости, беспристрастности и умеренности». Американские представители за рубежом получили распоряжение Континентального конгресса присоединиться к провозглашенным Россией принципам.

Первой из нейтральных стран, присоединившихся к декларации о вооруженном нейтралитете, стала Дания (9 июля 1780 г.). Затем присоединились Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство Обеих Сицилии. В итоге к 1783 г. образовалась большая коалиция нейтральных держав, с мнением которой должна была считаться Англия.

Провозглашение Екатериной II политики вооруженного нейтралитета означало, помимо прочего, окончательный отказ императрицы от «Северного аккорда». Одновременно потерял внимание и автор этой идеи граф Н.И. Панин. В мае 1781 г. Екатерина отправила его в продолжительный отпуск «по болезни». По возвращении же через несколько месяцев из своего поместья Панина полностью отстранили от «иностранных дел».

В мае 1780 г. в ходе знаменитого путешествия Екатерины II в Тавриду она встретилась в Могилеве с австрийским императором Иосифом II и вступила в союз с Австрией.

Захват двух русских купеческих судов испанцами в начале 1780 г. стал для Екатерины не причиной, а всего лишь поводом для объявления вооруженного нейтралитета. Еще 24 апреля 1779 г. бригадир С.П.

Хметевский вывел из Ревеля отряд в составе двух кораблей и одного фрегата и повел их к северному побережью Норвегии. Там у мыса Варде 7 июля Хметевский соединился с отрядом из двух кораблей и двух фрегатов, вышедшем из Архангельска (там они были и построены). К концу навигации объединенная эскадра Хметевского вернулась в Кронштадт.

11 июня 1780 г. из Кронштадта вышли сразу три отряда. Бригадир Н.Л. Палибин повел четыре корабля и фрегат к берегам Португалии. Зимовали три корабля и фрегат в Лиссабоне, а корабль «Дерись» — в Портсмуте. «Дерись» вернулся в Кронштадт в июне, а остальные суда — 15 июля 1781 г.

Второй отряд (пять кораблей и один фрегат) контр-адмирал И.А. Круз повел на крейсерство в Северное море. Вернулся он 8 октября 1780 г.

Третий отряд в составе четырех кораблей и трех фрегатов бригадир Борисов повел в Средиземное море. Там 66-пушечный корабль «Слава России» 23 октября 1780 г. был выброшен штормом на камни в районе Тулона и разбит волнами. Погибло 11 человек. Остальные суда благополучно вернулись в Кронштадт 14 августа 1781 г.

Следующий поход на Средиземное море начался 25 мая 1781 г. Отряд контр-адмирала Я.Ф. Сухотина в составе четырех кораблей и трех фрегатов крейсеровал на Средиземном море и вернулся в Кронштадт 8 июля 1782 г.

Дольше продолжался поход на Средиземное море отряда из трех кораблей и двух фрегатов вице-адмирала П.В. Чичагова — с 20 июня 1782 г. по 21 августа 1784 г.

Были ли эти дорогостоящие походы столь жизненно важны для России? Ни в коем случае! Вроде бы морская торговля была крайне важна для империи. Так, к примеру, торговый оборот (импорт плюс экспорт) Петербургского порта составил в 1760 г. — 7,8 млн. рублей, в 1780 г. — 19,5 млн. рублей, а в 1790 г. — 44,5 млн. рублей. Однако в 1780 г. из 555 судов, прибывших в Петербург, подавляющее большинство составляли английские (284), по 35—40 судов приходило под датским, голландским, ростокским и любекским флагами. Российских судов было 18, то есть 3,3 %.^[43]

Понятно, что захват половины, а то и всех русских купеческих судов англичанами стал бы булавочным уколом для империи. Но Екатерина II пошла на принцип и еще раз показала всему миру военную мощь России и непреклонную волю ее монарха.

Несмотря на ряд успехов королевского флота, в целом Англия проиграла войну 1778—1783 гг. Предварительные условия мира были подписаны в Версале 20 января 1783 г., а окончательно мир был заключен в

июне того же года. По этому миру Англия признала независимость Соединенных Штатов, Франция вернула Англии все занятые острова в Вест-Индии, за исключением Тобаго, и получила от Англии остров Сан-Люсию. Также Франция получила назад все свои владения в Ост-Индии, а Испания получила Флориду и Минорку.

Глава 7

КАК ЛОНДОН ВТЯНУЛ ПЕТЕРБУРГ В ВОЙНУ С ПАРИЖЕМ

В 1789 г. во Франции произошла революция, то есть событие, казалось бы, чисто внутреннее. 14 июля 1789 г. восставшие парижане взяли Бастилию. По этому поводу французский посол в Петербурге Сегюр писал: «...в городе было такое ликование, как будто пушки Бастилии угрожали непосредственно петербуржцам».

Екатерина же была крайне возмущена событиями во Франции. Ее гневные слова разлетались по всей Европе. Она называла депутатов национального собрания интриганам, недостойными звания законодателей, «канальями», которых можно было бы сравнить с «маркизом Пугачевым». Екатерина призывала европейские государства к интервенции — «дело Людовика XVI есть дело всех государей Европы».

Зато мнение матушки-государыни о событиях во Франции в узком кругу резко отличалось от публичных высказываний. О Людовике XVI она заметила: «Он всякий вечер пьян, и им управляет, кто хочет». 4 декабря 1791 г. Екатерина сказала своему секретарю Храповицкому: «Я ломаю себе голову, чтобы подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские... ввести их в дела, чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы эти дворы были заняты и мне не мешали».

В августе 1792 г. прусские и австрийские войска вторгаются на территорию Франции. Европа вступает в период «революционных войн». А вот в России происходят странные события. Лучшие силы армии и флота стягиваются не на запад против злодеев-якобинцев, а на юг. В 1793 г. с Балтики на Черное море было переведено 145 офицеров и 2000 матросов. В Херсоне и Николаеве было заложено 50 канонерских лодок и 72 гребных судна разных классов. К навигации 1793 г. в составе Черноморского флота было 19 кораблей, 6 фрегатов и 105 гребных судов, а также 25 морских лодок черноморских казаков (бывших запорожцев). В указе о приготвлении Черноморского флота было сказано, что он «Чесменским пламенем Царьградские объять может стены».

В январе 1793 г. в Херсон прибывает новый главнокомандующий граф А.В. Суворов. Пока Екатерина сколачивала коалицию для борьбы с

якобинцами и устраивала публичные истерики по поводу казни короля и королевы, на санкт-петербургском монетном дворе мастер Тимофей Иванов тайно чеканил медали, на одной стороне которых была изображена Екатерина II, а на другой — горящий Константинополь, падающий минарет с полумесяцем и сияющий в облаках крест.

Операция по захвату Проливов была намечена на начало навигации 1793 г. Однако весной этого года началось восстание в Польше под руководством Костюшко. Скрепя сердце, Екатерина была вынуждена отказаться от похода на Стамбул. 14 августа 1793 г. Суворов прибывает в Польшу, а уже 24 октября перед ним капитулирует Варшава. В результате Суворов стал фельдмаршалом, Екатерина присоединила к России еще три губернии — Виленскую, Гродненскую и Ковенскую, а заодно и герцогство Курляндское. Но не всегда синица в руках лучше журавля в небе. Екатерина это прекрасно понимала, и на 1797 г. была запланирована новая операция. По ее плану граф Валерьян Зубов должен был закончить войну в Персии и двинуть войска в турецкую Анатолию. Суворов с армией должен был двинуться к Константинополю через Балканы, а вице-адмирал Ушаков с корабельным и гребным флотом — к Босфору. Формально командовать флотом должна была лично императрица.

В 1791 г. французский эмигрант маркиз де Сент-Жени предложил Екатерине II план похода в Индию через Бухару и Кабул. Местом сосредоточения русских войск должен был стать Оренбург. Екатерина II должна была издать манифест о восстановлении империи Великого Могола. План не был реализован, но показательно, что императрица восприняла его всерьез.

И все это время матушка-государыня проклинала якобинцев и даже публично разревелась, узнав о казни Луи XV. Но проклятий и слез было недостаточно, чтобы отвлечь Европу от дел турецких и персидских. И вот 7(18) февраля 1795 г. в Петербурге был заключен союзно-оборонительный русско-английский договор о взаимопомощи в случае войны с непоименованным неприятелем, что было скрытой формой субсидиарного договора.

По нему Россия обязалась выставить для Англии в случае ее войны с одной из европейских держав 10 тыс. человек пехоты и 2 тыс. человек конницы за денежную помощь ежегодно 500 тыс. рублей плюс продовольственно-вещевое содержание этой армии.

Собиралась ли Екатерина II выполнять сей договор, мы никогда не узнаем, но в любом случае 12 тысяч солдат для России особой роли не играли.

В начале навигации 1795 г. Екатерина направила в Северное море эскадру вице-адмирала П.И. Ханькова в составе 12 кораблей и 8 фрегатов. Эта эскадра конвоировала купцов, вела блокаду голландского побережья и т.п. Боевых потерь она не имела. Фактически это была обычная боевая подготовка с той разницей, что финансировалась она целиком за счет Англии.

В эскадре младшим флагманом на корабле «Елена» состоял контр-адмирал Макаров. В следующем году эскадра Ханькова вернулась на Балтику. Макаров остался с лучшими кораблями у берегов Англии.

16 апреля 1797 г. в порту Ститхеде моряки Флота Канала подняли мятеж, затем начался бунт матросов в Порт-Каре. Эскадра адмирала Макарова приняла участие в подавлении бунта английских матросов. За это король Георг III наградил Макарова золотой шпагой, а император Павел I — орденом Святой Анны I степени.

6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина Великая, и вновь, как и после смерти Елизаветы Петровны, внешняя политика России резко изменилась. В тот же день с барабанным боем и развернутыми знаменами в Петербург вступили прусские войска. Очевидец француз Масон сострил: «Дворец был взят штурмом иностранным войском». Но, конечно, это были не пруссаки, а гатчинское воинство, которое Павел еще при жизни матери одел в прусские мундиры и муштровал по прусским уставам.

Поначалу Павел решил вести мирную политику. Он прекратил подготовку к Босфорской операции и указом от 8 апреля 1797 г. отозвал эскадру Макарова из Северного моря.

В первые месяцы своего правления Павел не вмешивался в европейские дела, но внимательно наблюдал за ними. 1796—1797 гг. ознаменовались, с одной стороны, политической нестабильностью во Франции, а с другой — успехами французской армии в борьбе против европейской коалиции. Таковую ситуацию Павел воспринял лишь как военную слабость монархов Европы. Он постепенно давал себя убедить, что без его вмешательства порядок в Европе навести невозможно.

В апреле 1796 г. французская армия под командованием 27-летнего генерала Бонапарта вторглась в Италию. Австрия посылала одну за другой лучшие армии под командованием лучших своих полководцев, но они вдребезги были разбиты Бонапартом. В мае 1797 г. французы заняли Венецию. По приказу Бонапарта на венецианские корабли был посажен французский десант, который в июне 1797 г. занял Ионические острова, принадлежащие Венеции. Эти острова — Корфу, Цериго (ныне Китира), Санта-Мавра и другие — находятся вблизи берегов Греции и имеют

стратегическое положение в центральном и восточном Средиземноморье.

18 октября 1797 г. Австрия и генерал Бонапарт заключили мир, вошедший в историю как Кампаформийский.

А как реагировал Павел на Кампа-Формио? Да никак. При известии о Лёбенском перемирии, когда австрийский посол Кобенцель дал понять, что его можно нарушить, если только Россия захочет поддержать свою союзницу, Павел пожал плечами: «Вы еще недостаточно терпели поражений?»^{44}

Но вот к императору прибыл представитель французских эмигрантов. По условиям мира Австрия уже не могла держать на своей территории эмигрантские отряды, которыми командовал принц Конде. На этот раз эмигранты просили не военной поддержки, а убежища, взывая к милосердию императора. Павел считал себя благородным рыцарем без страха и упрека. «Русский Дон Кихот», — называл его Наполеон. Не подумав о последствиях и интересах России, Павел широким жестом пригласил эмигрантов к себе.

Самому принцу Луи Конде, его сыну герцогу Бурбонскому и его внуку герцогу Ангиенскому в Петербурге было оказано пышное гостеприимство, а их отряды Павел велел расквартировать в Подолии и на Волыни. Даже был поднят вопрос о браке Александры Павловны с Антуаном, герцогом Ангиенским.

А в декабре 1797 г. сам претендент на французскую корону герцог Прованский поселился в Митавском замке, и Павел назначил ему пенсию в 200 тысяч рублей.

Русская военная партия сфабриковала заговор поляков в Вильно, которых якобы субсидировал Бонапарт. На самом деле в Вильно хватало скандальных панов, но серьезным заговором и не пахло. Да и «Бонапартий» в те годы даже не слыхивал о таком городе. Тем не менее слухи о заговоре и участии Бонапарта вызвали ярость императора.

Существенную роль во втягивании России в войну сыграли и мальтийские рыцари. Павел I считал себя рыцарем, и вот рыцари Мальтийского ордена просят его покровительства. Император был в восторге.

Весной 1798 г. в Тулоне началось сосредоточение кораблей и транспортов. Туда же был стянут 38-тысячный десантный корпус под командованием самого Бонапарта. Вся Европа затаила дыхание. Газеты распространяли самые противоречивые сведения о планах Бонапарта — от высадки в Англии до захвата Константинополя. На берегах Невы испугались и решили, что злодей «Бонапартий» не иначе, как замыслил отнять Крым.

23 апреля 1798 г. Павел I срочно посылает приказ Ушакову выйти с эскадрой в море и занять позицию между Ахтиаром и Одессой, «наблюдая все движения со стороны Порты и французов».

19 мая французский флот вышел из Тулона. 23 мая французы подошли к Мальте, которая принадлежала ордену мальтийских рыцарей. Мальта сдалась без боя, а рыцарям пришлось убраться с острова по-добру по-здорову. 20 июня 1798 г. французская армия высадилась в Египте. Бонапарт легко победил турок и занял Египет.

12 августа 1798 г. из Ахтиарского порта вышли 6 кораблей, 7 фрегатов и 3 авизо. На борту кораблей было 792 пушки и 7406 «морских служителей». Попутный ветер надувал паруса, гордо реяли Андреевские флаги, эскадра знаменитого «Ушак-паши» шла к Босфору. Все, начиная от вице-адмирала до юнги, были уверены в успехе. Никому и в голову не приходило, что именно в этот день началась шестнадцатилетняя кровопролитная война с Францией. Впереди будет и «солнце Аустерлица», и горящая Москва, и казаки на Елисейских полях.

Начав войну с Францией, Павел решил не ограничиваться посылкой эскадры Ушакова в Средиземное море. 29 декабря 1798 г. в Петербурге был подписан русско-английский договор, согласно которому Россия обязывалась направить в Европу для военных действий против Франции 45-тысячную армию, а Англия со своей стороны соглашалась предоставить единовременную денежную субсидию в 225 тыс. фунтов стерлингов и выплачивать ежемесячно по 75 тысяч.

Любопытно, что монархическая Европа потребовала от России не только пушечное мясо, но и полководца. Еще в марте 1798 г. Гримм писал из Гамбурга Семену Воронцову: «В 1793 г. старый граф Вюрмзер говорил мне в главной квартире короля Прусского, во Франкфурте: "Дайте нам вашего графа Суворова с 15 000 русских, и я вам обещаю, что через две недели мы будем в Майнце и заберем в свои руки все, вместе с оружием и обозом"»^[45].

В конце же 1798 г. послы Австрии и Англии почти ультимативно потребовали назначения Суворова командующим русскими войсками, которые будут действовать в Европе.

Помимо посылки эскадры Ушакова в Средиземное море Павел I решил послать корабли Балтийского флота в Северное море на помощь британскому флоту. 22 апреля 1798 г. Макарову был направлен указ: «По союзу нашему с Его Величеством королем великобританским, и по случаю требуемой от нас помощи, повелеваем вам с 5 кораблями, пристойным числом фрегатов и других военных небольших судов отправиться для

соединения с английским флотом к берегам Англии, равно и архангелогородской эскадре, состоящей под начальством нашего вице-адмирала Тета».

Эскадра Макарова в составе пяти кораблей, фрегата и катера выступила 22 мая, зашла в Ревель, где на борт флагманского корабля «Елизавета» прибыл Макаров. 29 мая эскадра снялась, 9 июня была в Копенгагене, 19 июня ушла с Эльсинорского рейда, конвоируя купеческие суда в английские порты, и 3 июля у Тексея сошлась с английской эскадрой вице-адмирала Онслоу. 3 августа прибыл адмирал Дункан, принявший командование соединенной эскадрой.

По приказу Павла для высадки в Голландии был сформирован 17,5-тысячный корпус под командованием генерала от инфантерии Германа фон Ферзена.

Для перевозки корпуса из Ревеля в Голландию Англия прислала 9 кораблей, 7 фрегатов и 5 транспортов под командованием командора Форферса. На судах Форферса отправилась первая дивизия вместе с самим Германом. Остальные войска под командованием генерал-майора графа Магнуса Эссена шли на судах эскадры П.В. Чичагова, в составе которой было 6 кораблей, 5 фрегатов и два транспорта.

Плавание Чичагова до Тексея продолжалось около месяца и было весьма бурное: все его суда получили более или менее серьезные повреждения, а два фрегата должны были возвратиться к своим портам.

В первых числах сентября русский корпус высадился в Голландии в окрестностях Бергена. Вместе с ним действовала британская армия герцога Йоркского, сына короля Георга III. На вопрос одного из генералов, где остановить полки, самоуверенный Герман фон Ферзен ответил: «На плечах французов».

Увы, французский командующий генерал Брюн не оценил способностей нашего гениального полководца, которому Павел I повелел быть «ментором, коего советы и мнения должны умерять порывы и отвагу воина, поседевшего под лаврами»^{46}. (Павел имел в виду Суворова.)

Русские и англичане были вдребезги разбиты, а генералы Герман и Жеребцов попали в плен.

Однако герцогу Йоркскому удалось добиться почетной капитуляции, согласно которой были освобождены все пленные, а союзники к определенному сроку обязались удалиться из Голландии.

Между тем для подкрепления эскадры Макарова из Архангельска был отправлен отряд в составе трех кораблей и двух фрегатов под командованием вице-адмирала Баратынского. Отряд выдержал самое

«бедственное» плавание и добрался до Англии только ко времени окончания высадки. Из пяти судов отряда четыре потеряли все мачты и бушприты, а один корабль из-за невозможности продолжать путь остался зимовать в норвежском порту Берген.

Эскадра Макарова, состоявшая из 18 кораблей, 10 фрегатов, двух транспортов и одного катера, зиму 1799/1800 г. провела в Англии, исправляя свои многочисленные повреждения. С наступлением весны эскадра отдельными отрядами начала возвращаться к своим портам на Балтику, перевозя наши сухопутные войска, зимовавшие по возвращении из Голландии на английских островах Гернзе и Жернзе. В сентябре 1800 г. все русские суда, бывшие в Англии, возвратились к своим портам.

Куда более успешно шли дела в Италии у Суворова и на Адриатике у Ушакова. Их действия в общих чертах известны читателям, ну а интересующихся я отсылаю к моим книгам «Франция. История вражды, соперничества и любви», «Турция. Пять веков противостояния», «Россия на Средиземном море».

Постепенно Павел I осознал всю глупость затеянной им войны. Австрийцы и англичане использовали русских лишь как пушечное мясо. К осени 1799 г. они решили, что дни революционной Франции сочтены, и постарались лишить русских лавров победы.

Победы Суворова ничего не дали России, зато принесли огромную пользу... генералу Бонапарту. Покорив Египет, генерал не смог взять сирийскую крепость Акру и был вынужден отступить. Адмирал Нельсон в ходе Абукирского сражения уничтожил французский флот. Таким образом, англичане лишили французскую армию в Египте связи с метрополией. Бонапарт мог еще держаться несколько месяцев, но у него был лишь один выход — позорная капитуляция перед Нельсоном.

Но Суворов спас Наполеона. Теперь он мог бросить в лицо адвокатам, правившим страной: «Что вы сделали с Республикой?»

23 августа 1799 г. генерал Бонапарт садится в Александрии на фрегат «Мюиرون» и в сопровождении двух малых судов покидает Египет. С формальной точки зрения это было элементарное дезертирство. Командующий армией по своей инициативе покинул войска. Ни Директория в Париже, ни армия в Египте, ни даже генерал Клебер, которому Бонапарт оставил армию, ничего не знали об отъезде командующего.

9 октября Наполеон высадился в Сен-Рафаэле близ Фрежюса. Генерал Мармон вспоминал: «Возвращение Бонапарта было восходящим солнцем: все взоры устремились на него».

Население Франции устало от нестабильности, от шатаний Директории то вправо, то влево. Миллионы буржуа и крестьян, захвативших или купивших дворянское или Церковное имущество, не желали более ожидать, пока придет Суворов с эмигрантской армией принца Конде.

Стране нужна была сильная рука, и 18 брюмера (9 ноября) вместо продажных «директоров» Франция получила трех консулов, из которых два были декоративными, а один обладал неограниченной властью.

Став первым консулом, Бонапарт сразу же обратил внимание на нелепость ситуации — Россия воевала со страной, не имеющей общей границы и вообще предметов спора, если не считать идеологий. «Мы не требуем от прусского короля ни армии, ни союза; мы просим его оказать лишь одну услугу — примирить нас с Россией», — писал Бонапарт в январе 1800 г.

Как ни странно, те же мысли пришли в голову и Павлу I. На донесении от 28 января 1800 г. русского посланника в Берлине Крюднера, сообщавшего о шедшем через Берлин французском зондаже, император своей рукой написал: «Что касается сближения с Францией, то я бы ничего лучшего не желал, как видеть ее прибегающей ко мне, в особенности как противовесу Австрии».

Между тем 5 сентября 1800 г. французский генерал Вобуа после двадцатимесячной блокады Мальты был вынужден капитулировать перед англичанами. Капитуляция была почетной, и французский гарнизон немедленно переправили английскими кораблями во Францию.

Когда до Петербурга дошла весть о падении Мальты, граф Растопчин немедленно потребовал от Лондона согласия на высадку в столице Мальты Ла-Валетте русского корпуса. Лондон не ответил. 22 ноября Павел приказал наложить секвестр на английские товары в русских лавках и магазинах, остановить долговые платежи англичанам, назначить комиссаров для ликвидации долговых расчетов между русскими и английскими купцами.

В декабре 1800 г. Россия подписала вместе с Пруссией, Швецией и Данией договоры, возобновлявшие в более широких размерах систему вооруженного нейтралитета 1780 года.

В ответ англичане пошли на примитивную хитрость. В январе 1800 г. английский посол во Флоренции посетил русского посланника графа Моцениго и заявил, что Англия не имеет никаких видов на остров Корсику и что, по его мнению, «завоевание Корсики имело бы большое значение для его императорского величества».

Каково! Не только согласие России на замену Мальты Корсикой, но и сам факт переговоров взбесил бы первого консула — корсиканца.

Но Павел не пошел на столь грубо сработанную провокацию. 18 (30) декабря 1800 г. русский император написал Бонапарту: «Господин Первый Консул. Те, кому Бог вручил власть управлять народами, должны думать и заботиться об их благе». Тут не грех процитировать Манфреда: «Сам факт обращения к Бонапарту как главе государства и форма обращения были сенсационными. Они означали признание де-факто и в значительной мере и де-юре власти того, кто еще вчера был заклеен как "узурпатор". То было полное попрание принципов легитимизма. Более того, в условиях формально непрекращенной войны прямая переписка двух глав государств означала фактическое установление мирных отношений между обеими державами»^{47}.

Примерно в октябре 1800 г. граф Ростопчин подал императору довольно смелую записку. Я приведу лишь выдержки из нее: «Франция в самом изнеможении своем похваляется в виде завоевательницы обширных земель и законодательницы в Европе. Нынешний повелитель сей державы слишком самолюбив, слишком счастлив в своих предприятиях и неограничен в славе, чтобы не желать мира. Он употребит покой внутренний на приготовления военные против Англии, которая своей завистью, пронырством и богатством была, есть и пребудет не соперница, но злодей Франции...

...Во время французского вооружения Англия вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции...»

Замечание Павла: «И нас грешных!»

«Чтоб овладеть торговлею целого света, дерзнула завладеть Египтом и Мальтой. Россия, как положением своим, так равно и неистощимую силою, есть и должна быть первая держава мира... Бонапарт старается всячески снискать наше благорасположение...»

Замечание Павла: «И может успеть».

«Но при общем замирении... за исключением Австрии, все сии три державы кончат войну с значительными выгодами. Россия же останется не при чем, потеряв 23 000 человек. Ваше Императорское Величество дали неоспоримое право истории сказать некогда грядущим векам: "Павел I, вступая в войну без причины, также и отошел от оной, не достигнув до цели своей, и все силы его обращены были в ничто от недостатка упорства в предпринимаемом...»

Замечание Павла: «Стал кругом виноват»^{48}.

В феврале 1801 г. в Париже по указанию Бонапарта началось изучение возможности совместного русско-французского похода в Индию. Но Павел опередил первого консула и уже 12 января 1801 г. отправил атаману Войска Донского Орлову приказ начать поход в Индию. «Индия, — писал царь Орлову, — куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговли, приобретенные или деньгами или оружием. Вам надо все это разорить, угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан. Торг ее обратить к нам».

Атаман дал казакам всего шесть дней на сборы, причем цель похода держалась в секрете. Всего Донское казачье войско выставило 510 офицеров, 20 947 казаков конных полков, 500 артиллеристов и 500 калмыков. Все они составили 41-й конный полк. С войском шло две конно-артиллерийских роты, всего 12 пушек и 12 единорогов.

Поход казаков был очень труден. В начале марта началась оттепель. Степь размокла, грязь стала непроходима. Теперь каждая балка стала для войска страшным препятствием. С большим трудом казаки Орлова форсировали Волгу. Лошади падали от голода, и путь, пройденный казаками, обозначался длинной вереницей вздувшихся конских трупов да черными стаями кружившихся над ними ворон.

Отряд прошел от Дона 700 верст. Но 23 марта казаков, дошедших до села Мечетное Вольского уезда Саратовской губернии, догнал курьер из Петербурга. Он объявил о кончине Павла I и о том, что новый император повелевает возвращаться домой. Атаман Орлов собрал полки и приказал: «Жалует вас, ребята, Бог и государь родительскими домами!»

Бесспорно, поход был плохо организован, но он показал оперативность казачьих войск. Англичане на целый век поняли, что достаточно одного слова царя, и русские войска войдут в Индию.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке группой офицеров был зверски убит Павел I.

Весьма активную роль играл, а, как многие утверждают, и руководил заговором британский посол Чарльз Витворт, кстати, масон высокого градуса. Витворт стал любовником Ольги Александровны Жеребцовой, родной сестры Платона Зубова. Именно Платон стал непосредственным убийцей царя, пробив ему голову золотой табакеркой. Через Жеребцову Витворт передавал заговорщикам инструкции и деньги. Есть сведения, что на организацию заговора Витворт потратил миллион рублей — огромную по тем временам сумму. Позже П.А. Толстой рассказывал, что в марте 1801 г. видел у графа Палена (видного заговорщика) целые свертки английских

гиней.

Любопытно, что первый консул в Париже лучше понял механизм заговора против Павла, чем высший свет Петербурга. Бонапарт, узнав об убийстве Павла, впал в бешенство и во всем винил Англию. «Они промахнулись по мне 3 нивоа, но попали в меня в Петербурге», — говорил он. В Париже не сомневались о причастности Англии к трагедии в Михайловском замке. И позже, на острове Святой Елены, вспоминая об убийстве Павла I, с которым он сумел установить дружественные связи, Бонапарт начинал всегда с имени Витворта.

Новый император Александр I сразу же оказался перед лицом британской агрессии.

В январе 1801 г. британское правительство приказало захватить все русские, шведские и датские суда в английских портах. Одновременно началось формирование Балтийской эскадры в составе 20 кораблей, 5 фрегатов, 7 бомбардирских кораблей и 21 мелкого судна. Во главе экспедиции был поставлен адмирал Гайд-Паркер, вторым флагманом назначили вице-адмирала Нельсона.

Узнав о приготовлении англичан, А.Ф. Крузенштерн, будущий знаменитый путешественник, 5 декабря 1800 г. предложил адмиралу де Рибасу «для обуздания Англии послать эскадру к Азорским островам, с тем чтобы здесь перехватывать крупные английские суда, а мелкие просто потоплять»^[49].

1 апреля 1801 г., то есть уже после убийства Павла I, англичане вероломно напали на датский флот, стоявший в Копенгагене. Замечу, что с 1792 г. Дания придерживалась самого строгого нейтралитета в войне. Часть датских кораблей погибла в бою, а остальные были захвачены англичанами.

Однако главной целью англичан была не Дания, а Россия.

12 мая 1801 г. адмирал Спиридов сообщал царю: «Английская эскадра, состоящая из 11 кораблей, 1 фрегата, 2 бригов и 2 люгеров, сего числа пришла в Ревельскую бухту и остановилась на якоре верстах в 10 от гавани».

Однако до стрельбы дело не дошло. Александр I фактически капитулировал перед англичанами. Немедленно были сняты эмбарго с английских торговых судов и имущества в российских портах.

5 июня 1801 г. между Россией и Англией была заключена конвенция, в сущности значительно изменяющая правила вооруженного нейтралитета Екатерины II и разрушающая цель, к которой стремился Павел I при образовании союза северных держав.

По правилам, установленным этой конвенцией, судам нейтральных держав разрешалось посещать гавани воюющих государств и привозить товары, за исключением военной контрабанды и неприятельской собственности. Находящимися в блокаде признавались только те порты, вход в которые охранялся в действительности судами воюющей державы. Но рядом с этими правилами, «облегчительными для нейтральных судов, находились постановления, крайне для них стеснительные и могущие вести к большим злоупотреблениям правом сильного»^[50].

Так, к примеру, командирам кораблей воюющей державы предоставлялось право не только осматривать все нейтральные коммерческие суда, хотя бы они и шли под охраной военных судов, но и право проверять бумаги самого конвоирующего корабля. В случае какого-либо сомнения разрешалось делать обыск и отводить заподозренные суда в порт воюющей державы. Причем конвоирующему кораблю ни под каким предлогом не дозволялось сопротивляться такому задержанию».

К принятию этих правил Александр I обязывался от имени России и Англии пригласить союзные с ними правительства — датское и шведское, и, кроме того, Россия обязывалась возобновить торговый трактат с Англией, заключенный в 1797 г.

Спору нет, уступки, сделанные Англии, не затрагивали жизненных интересов русского народа. Куда хуже то, что Александр вновь втянул Россию в войну с Францией. Эта преступная война не соответствовала интересам ни французов, ни русских, а велась исключительно ради интересов англичан и немцев, проживавших как в Австрии, так и в Германии и России.

Глава 8

КАК ЦАРЬ АЛЕКСАНДР СТАЛ ПЕШКОЙ В БОЛЬШОЙ ИГРЕ ЛОНДОНА

Александр I и его ближайшее окружение мечтало влезть в дела Германии. В меньшей степени царя интересовала экспансия в Средиземное море. С 1801 г. русские постоянно усиливали свое военное присутствие на Средиземном море. Так, численность сухопутных войск на Ионических островах с середины 1803 г. до конца 1804 г. возросла с 1,2 до 8 тысяч человек. И это во время мира с Францией.

30 марта (11 апреля) 1805 г. в Петербурге был подписан русско-английский союзный договор, положивший начало формированию третьей антифранцузской коалиции. Обе державы ставили себе целью реставрацию династии Бурбонов во Франции. Риторический вопрос, кому в России нужны были Бурбоны?

К великому сожалению, ни царские, ни советские, ни нынешние либеральные историки так и не посчитали, сколько гиней заплатили англичане царю и его немцам как официально, согласно статьям конвенции, так и в приватном порядке.

Платить за британское золото русской армии пришлось под Аустерлицем и Фридландом. Об этих сражениях писали очень много, в том числе и я^{51}. Зато мало кому известно, что из-за бездарной политики и военной стратегии Александра I и его окружения на Средиземном море была потеряна большая часть боеспособных кораблей Балтийского и Черноморского флотов. Девять кораблей и один фрегат эскадры адмирала Сенявина сдались в 1808 г. англичанам в Лиссабоне. В проливе Ла-Манш англичане захватили фрегат «Спешный» с грузом золота для Средиземноморской эскадры. Еще 8 кораблей, 4 фрегата и ряд других судов оказались в руках французов.

25 июня (7 июля) 1807 г. в Тильзите (ныне город Советск Калининградской области) был заключен «Русско-французский договор о мире и дружбе». Согласно этому договору, между двумя странами устанавливались мир и дружба, военные действия прекращались немедленно на суше и на море.

В ответ на заключение мира британский флот в августе 1807 г. в течение почти шести дней бомбардировал Копенгаген, а на берег был высажен английский десант. Половина города сгорела, в огне погибло свыше двух тысяч его жителей. Командовавший датскими войсками у Копенгагена престарелый (72-летний) генерал Пейман капитулировал. Англичане увели весь датский флот, а верфи и морской арсенал сожгли.

Российский императорский дом (Гольштейн-Готторпская династия) имел родственные связи с датским и гольштинским дворами. Кроме того, Дания уже много веков была традиционной союзницей России. Поэтому в октябре 1807 г. Россия предъявила Англии ультиматум — разрыв дипломатических отношений до тех пор, пока не будет возвращен Дании флот и возмещены все нанесенные ей убытки. Началась вялотекущая англо-русская война.

Вековой стратегией англичан было воевать чужими руками. В феврале 1808 г. Англия заключила со Швецией договор, по которому обязалась платить Швеции по 1 млн. фунтов стерлингов ежемесячно во время войны с Россией, сколько бы она ни продолжалась. Кроме того, англичане обещали предоставить Швеции 14 тысяч солдат для охраны западных границ Швеции и ее портов, в то время как все шведские войска должны были отправиться на восточный фронт против России.

После заключения этого договора уже никаких надежд на примирение Швеции и России не было: Англия уже вложила средства в будущую войну и стремилась как можно быстрее извлечь военно-политические дивиденды.

Формально повод для начала войны дали сами шведы. 1(13) февраля 1808 г. шведский король Густав IV сообщил послу России в Стокгольме, что примирение между Швецией и Россией невозможно, пока Россия удерживает Восточную Финляндию, присоединенную к России по Абоскому договору 1743 г.

Спустя неделю Александр I ответил на вызов шведского короля объявлением войны.

После разгрома Копенгагена большая часть английского флота (16 кораблей и 20 других судов) вошла в Балтийское море.

14 июля 1808 г. шведский флот в составе 11 кораблей и 5 фрегатов, к которым присоединились английские корабли «Центавр» и «Имбакейбл», при входе в Финский залив встретились с русской эскадрой адмирала П.И. Ханыкова (9 кораблей, 11 фрегатов, 19 других судов).

Ханыков, не считая возможным вступить с ними в бой в открытом море и вдали от своих гаваней, уклонился от принятия сражения и, преследуемый неприятелем, удалился со всем флотом в Балтийский порт.

74-пушечный корабль «Всеволод» имел повреждения и шел на буксире у фрегата «Поллукс». В шести милях от порта буксир лопнул, и «Всеволод» был вынужден стать на якорь. С других судов эскадры, уже вошедшей в порт, были высланы шлюпки и барказы для буксировки «Всеволода».

Английские корабли «Центавр» и «Имбакейбл» атаковали «Всеволод». Командир «Всеволода» решил защищаться «до последней крайности» и посадил корабль на мель. Артиллерийским огнем «Всеволод» был поврежден, а затем захвачен англичанами. Снять корабль с мели англичане не смогли и сожгли его.

Если сдачу «Всеволода» отечественные историки считают неудачей нашего флота, то подобный случай с катером «Опыт», которым командовал лейтенант Гавриил Невельский, объявлен подвигом.

Посланный для наблюдения за английскими крейсерами, вступившими в Финский залив, «Опыт» в пасмурную погоду, 11 июня 1808 г. встретился у Наргена с английским 50-пушечным фрегатом «Salset». Вооружение «Опыта» состояло из четырнадцати 12-фунтовых карронад, а команда — из 53 человек, из которых четверо были несовершеннолетними. Англичане потребовали катеру сдаться. Но, несмотря на неравенство сил, его командир лейтенант Невельский вступил в бой. Стихнувший на короткое время ветер дал возможность катеру на веслах удалиться от английского фрегата, но при нашедшем порыве ветра англичанин быстро нагнал катер и открыл огонь. В течение четырех часов экипаж катера храбро отбивался от своего противника и вынужден был сдаться только тогда, когда катер получил сильные повреждения в рангоуте и корпусе. Многие члены команды катера были убиты и почти все, включая Невельского, ранены. Овладев катером, англичане, из уважения к блистательной храбрости русских, освободили от плена Невельского и всех его подчиненных.

Русский корабельный флот весной 1809 г. сосредоточился в Кронштадте и «готовился к отражению нападения англичан», то есть попросту оставался за фортами Кронштадта. Даже когда английские корабли подошли к острову Гогланд, высадили десант и сожгли там маяк, русский флот в Кронштадте даже не шелохнулся.

В апреле 1809 г. британский флот прошел через Зунд. В его составе было 52 корабля, на транспортах имелось 9 тысяч десантников. Командовал англичанами адмирал Джон Мур.

В начале лета 1809 г. британские корабли вошли в Финский залив. Англичане высадили десант в одном из главных стратегических пунктов залива — в Поркалауде. Английские крейсера особенно старались препятствовать движению русских судов в Финских шхерах и для захвата

транспортов и их конвоирования посылали в шхеры свои вооруженные барказы. Так, 23 июня 1809 г. в Поркалауде четыре английских барказа вели бой с тремя русскими канонерскими лодками. Два британских барказа были повреждены и затонули.

17 июля между материком и островами Стури и Лилла Сварте шесть русских иолов^[15] и две канонерские лодки были атакованы двадцатью английскими гребными судами (катерами и барказами). После упорного боя двум иолам удалось уйти к Свеаборгу, а остальные суда были взяты англичанами на абордаж. Русские потеряли убитыми двух офицеров и 63 нижних чина, и 106 человек были взяты в плен, из них 50 человек — раненых. Англичане потеряли убитыми двух офицеров и 17 нижних чинов, 37 человек было ранено. Захваченные иолы и канонерские лодки имели серьезные повреждения, и англичане были вынуждены их сжечь.

Британские газеты кричали о блестящих успехах королевского флота на Балтике. Но, увы, действия англичан не имели равно никакого военного значения. Русские войска в 1809 г. громили противника уже в собственно Швеции. (Вся Финляндия была занята еще в 1808 г.)

5(17) сентября 1809 г. в городе Фридрихсгаме был подписан мирный договор между Россией и Швецией. Главным его итогом стала передача России Финляндии и Аландских островов. Русско-шведская война 1808—1809 гг., равно как и Русско-турецкая война 1806—1812 гг., еще раз подтвердили непреложный факт — Россия, имея в Европе сильного континентального союзника, может позволить себе любые меры по обеспечению своей безопасности. А «туманный Альбион» может при этом лишь лязгать зубами и наносить России булавоочные уколы.

Тут стоит заметить, что в 1809 г. англичане нанесли несколько таких ударов и на севере России, пользуясь полным отсутствием там русского флота. В мае 1809 г. британская эскадра прибыла к берегам Кольского полуострова. В Екатерининской гавани англичанам удалось захватить 17 русских купеческих судов.

11 мая английский десант занял город Колу. Там англичане увели два судна, груженных пшеницей, а также до 50 коров и телят, «винный же магазин разломан, бывшие в нем 8 бочек с вином разбиты»^[52]. Через два дня англичане покинули город. При этом ими был забыт матрос Матез Эллис с 40-пушечного фрегата «Ней Аден». Матроса взяли в плен русские крестьяне.

Не менее пяти русских судов, захваченных в Екатерининской гавани, были отправлены в Англию. Одно из них после долгих злоключений 1

октября 1809 г. прибыло в... Архангельск. На судно «Св. Николай», принадлежавшее Беломорской компании, было посажено 6 английских матросов, которые должны были привести его в Шотландию. Из русских на судне осталось тоже 6 человек, но из них трое были тяжело больны, один из которых вскоре помер. По пути англичане перепились, а крестьянин М. Маматов и мещанин Ф. Михайлов перерезали их и привели судно в Тромсе. Там, дополнительно взяв на борт одного русского и двух датских матросов, Михайлов повел «Св. Николай» в Архангельск.

Еще один булавочный укол Англия ухитрилась нанести России на Средиземном море. На острове Цериго (Китира) еще с 1802 г. находились 50 солдат Куринского полка во главе с подпоручиком О.А. Ивановским. Как уже говорилось, в 1807—1809 гг. весь русский флот на Средиземном море был захвачен англичанами и французами, а о 50 солдатах, занимавших форт Авлемен на Цериго, в Петербурге попросту забыли. Но осенью 1807 г. на Цериго объявились «просвещенные мореплаватели» во главе с генералом Джорджем Освальдом. Но гарнизон форта сдаваться не пожелал. Более двух лет англичане безрезультатно осаждали форт. И лишь 1 октября 1809 г. Ивановский был вынужден согласиться на почетную капитуляцию «за недостатком военных припасов».

Между тем Россия и Франция легко могли принудить к миру Британскую империю. В письме от 2 февраля 1808 г. Наполеон обратился к Александру I с предложением подавить британскую монархию в источнике ее богатства — в Индии: «Вашему Величеству угодно ли выслушать совет от человека, вам преданного нежно и искренно. Вашему Величеству необходимо удалить шведов от своей столицы и с этой стороны распространить, насколько Вы пожелаете, границы России. Я готов содействовать Вам всеми средствами. Армия франко-русская, в 50 тысяч человек, быть может, отчасти и австрийская, которая направится через Константинополь в Азию, не успеет еще достичь Евфрата, как Англия затрепещет и преклонится перед континентом. Я твердо стою в Далматии, Ваше Величество — на Дунае. Через месяц после того, как мы придем к соглашению, армия может быть на Босфоре. Удар отзовется в Индии, и Англия будет порабощена... Все может быть решено и подписано до 15 марта. К 1-му мая войска наши могут быть в Азии, и в то же время войска Вашего Величества — в Стокгольме. Тогда англичане, угрожаемые в Индии, изгнанные из Ливана, будут раздавлены тяжестью событий, коими будет переполнена атмосфера».

Александр I отвечал: «Я предлагаю одну армию для экспедиции в Индию, а другую с целью содействовать при овладении приморскими

пунктами Малой Азии. В то же время я предписываю командирам Моего флота состоять в полном распоряжении Вашего Величества»^[53].

Увы, «лукавый византиец» нагло врал. Ему было плевать на интересы России. На союз с Наполеоном царь пошел вынужденно.

И в 1808—1809 гг. Александра занимали лишь личные обиды, которые ему якобы нанес «враг рода человеческого», и мелкие делишки его родни в Германии.

Между тем Россия и Франция могли заставить все страны Европы жестко соблюдать континентальную блокаду и, захватив Гибралтар, закрыть таким образом путь англичанам на Средиземное море. Наконец, мобилизовав все французские, русские и испанские корабли и фрегаты, можно было методом беспощадной крейсерской войны парализовать британское судоходство. Дело обошлось бы и без десанта на острова. Пусть бы Наполеон получил всю Европу, а Александру дал Черноморские проливы и ряд островов в Архипелаге. Рано или поздно Наполеон бы умер, и его родня в любом случае не сумела бы сохранить власть над Европой. Началась бы новая серия войн за передел европейских границ. А Россия тем временем спокойно бы переваривала куски, отхваченные от Османской империи. Но, увы, история не терпит сослагательного наклонения. И я это пишу, поскольку сейчас продажные историки вновь начинают курить фимиам Александру.

Между тем он, подстрекаемый англичанами, всеми силами провоцировал войну с Францией. Официально царь поддерживал «континентальную блокаду», а сам поощрял ее нарушения. За всю навигацию 1808 г. из тринадцати задержанных английских кораблей было выслаано 8, конфисковано одно судно и груз еще четырех кораблей.

«Продолжался перевод денег в Лондон. По сведениям Коммерц-коллегии, с момента разрыва до 15 мая 1808 г. туда было переведено капиталов на сумму 1 098 822 руб. 26 ½ коп., причем этим занимались не только частные лица, но и правительство, что официально объяснялось необходимостью помощи оставшимся в Великобритании российским подданным. А.В. Предтеченский, однако, называл "...перевод в Англию денег и векселей... не чем иным, как оплатой за купленные у нее товары". Е.В. Тарле также полагал: в эпоху континентальной блокады "...английские промышленники исправнейшим образом получали от своих континентальных контрагентов все, что те были им должны, до последнего шиллинга...". Да и жалобы Смирнова на постоянный недостаток средств свидетельствуют: эти деньги до бедствовавших в Великобритании россиян

не дошли»^[54].

Интересные сведения о путях проникновения в Россию британских товаров во время действия блокады приводит в своих мемуарах Фаддей Булгарин. Он проживал в Кронштадте и имел возможность лично наблюдать за происходящим. Булгарин писал: «По правилам континентальной системы некоторым кораблям можно было давать позволение на ввоз аптекарских материалов. Под эти предлогом привозили дорогие английские фабричные и мануфактурные изделия, которые быстро расходились в Петербурге. Кроме того, англичане, находясь в сношениях с некоторыми коммерческими домами в Петербурге, отправляли к ним корабли ганзеатических^[16] городов с английскими товарами... Снисходительное правительство, уступая необходимости, не предпринимало строгих мер для прекращения торговли английскими товарами, без которых тогда весьма трудно было обойтись»^[55].

Э.И. Стогов говорит в своих «Записках» о поставках в Кронштадт строго запрещенного английского черного пива (портера).

Один из москвичей в донесении Ростопчину, описывая разорение Москвы в 1812 г., сообщал: «Чай, сахар и кофе валяются по улицам. Французы берут ящики и набивают их другим»^[56].

Ряд авторов пытаются объяснить нарушение Александром условий континентальной блокады требованиями недовольного дворянства. На самом деле дворяне как сами, так и их обожаемые жены и дочери куда больше страдали от отсутствия французских товаров, а не английских. Ну а для русской промышленности континентальная блокада была просто манной небесной.

«В 1811 и 1812 гг. результаты конфискаций британских товаров в российских портах еще более незначительны. Были арестованы грузы 5 кораблей (2 американских и 3 немецких), причем американским судам, скорее всего, без лишнего шума позволили вернуться домой. С июня 1812 г. конфискации не проводилось вовсе и тогда же, за два месяца до формальной отмены блокады, возобновилась открытая торговля с Великобританией. Постепенное ослабление блокады в течение 1811 — начала 1812 г. и допуск в страну британской продукции на кораблях под флагами нейтральных государств свидетельствуют о начавшейся в России реальной подготовке к войне с Наполеоном.

Теперь российское правительство было готово тайно принять от Великобритании и военно-техническую помощь. Еще в течение зимы 1810 —1811 гг. Р. Уэллсли сообщил члену правления "Российской компании"

банкиру С. Торнтону о том, что правительство Александра I желает получить 500 тонн пороха. В обмен на этот порох — писал министр Персевалу 15 июня (н. ст.) 1811 г. — Россия готова поставить кораблестроительные материалы для британского флота. В июле четыре торговых судна перевезли в Балтику затребованное количество пороха и 1 тыс. тонн свинца, которые должны были быть обменены на 2,5 тыс. тонн российской пеньки»^{57}.

Русский император приблизил к себе всех, кто в Европе ненавидел Наполеона. Среди них были швед Армфельд, немцы Фуль, Вольцоген, Винценгероде, эльзасец Анштетт, пьемонтец Мишо, итальянец Паулуччи, корсиканец Поццо ди Борго, британский агент Роберт Вильсон. 12 июня в Россию прибыл барон фон Штейн. Эти иностранцы образовали военную партию, еще более непримиримую, чем самые ярые русские милитаристы.

Повторяю, Наполеон не хотел воевать с Россией. Отправляемого в Петербург французского посла Сельвари Наполеон напутствовал: «Я дам Вам письмо к императору Александру, которое заменит Вам верительную грамоту. Вы исполните там мои поручения: помните только одно — я не хочу войны с Россией, и пусть это послужит основанием ваших действий. Если возможно сохранить этот союз мой с этой страной и создать что-либо прочное, ничем не пренебрегайте для достижения этой цели. Я доверился русскому императору, и между обоими народами нет ничего, что могло бы помешать полному их сближению: поработайте же для этого».

А еще весной 1812 г. Наполеон писал вюртембергскому королю: «Война разыграется вопреки мне, вопреки императору Александру, вопреки интересам Франции и России... Все это уподобляется оперной сцене, и англичане стоят за машинами».

Зато Александр еще в октябре 1811г. готовил ультиматум Наполеону, а 27 апреля 1812 г. царь поручил графу Куракину передать его. В ультиматуме Александр требовал эвакуации французских войск из шведской Померании и ликвидации французских разногласий со Швецией, эвакуации прусских областей, сокращения данцигского гарнизона, разрешения торговли с нейтральными государствами. В случае принятия Францией этих предварительных условий Александр изъявлял готовность вести переговоры о компенсации за Ольденбург и об изменении русских тарифов, применяемых к французским товарам. Естественно, принять такие условия Наполеон мог лишь только после нескольких поражений своей армии.

Император Наполеон выехал из Дрездена 29 мая 1812 г (ст. с.) и уже 23 июня был на берегу Немана. Александр выехал из Петербурга к армии еще

раньше — 21 апреля, и через четыре дня был в Вильно.

И тут Наполеон сделал последний жест к примирению. 18 мая в Вильно к Александру I прибывает специальный посланник Наполеона граф Нарбонн — аристократ, бывший министр Людовика XVI. Царю очень хотелось представить себя жертвой агрессии, но в то же время он не желал никаких переговоров. Нарбонна просто заболтали, а потом бесцеремонно выставили из Вильно.

Секретная переписка русских и британских дипломатов высокого ранга вовсю шла уже зимой 1811/1812 г.

По решению Комитета министров России от 10 апреля 1812 г. на два месяца был приостановлен вывоз хлеба из портов на Балтийском море, что являлось явным признаком близкой войны. Однако английским судам разрешалось свободно загружаться зерном во всех российских портах лишь с одним условием: чтобы оно использовалось «на собственное употребление Англии, не обращая отнюдь оно во внешнюю торговлю».

Александр I писал 11 июня 1812 г. великой княгине Екатерине Павловне: «Я надеюсь в скором времени известить Вас о мире с Англией, но пока — никому ни слова»^[58].

Летом 1812 г. в шведском городе Эребро еще до начала войны с Францией начались переговоры о заключении русско-британского мирного договора. Подписан же он был 6(18) июля, то есть уже после начала войны. Увы, этот договор официально восстанавливал русско-британские торговые отношения, но ни в военном, ни в политическом отношении ничего не дал России. Англия не послала ни одного солдата на континент, если не считать нескольких полуревизоров-полушпионов. Для этого в Петербург прибыл британский адмирал Бентинг, а в армию Кутузова — генерал Вильсон. Именно он попортил столько нервов нашему фельдмаршалу.

Поскольку британское правительство не торопилось с поставками оружия в Россию, Комитет министров России 20 августа (1 сентября) 1812 г. принял решение самостоятельно заключить контракт с российскими купцами (по происхождению англичанами) И. Кремером и К. Бердом на закупку в Англии 50 тысяч ружей и 40 тысяч пудов пороха. Купцы заломили страшные цены: за каждое ружье — 25 рублей, за пуд пороха — 29 рублей. Общая сумма заказа составляла 2 410 тыс. рублей. Но Военное министерство в 1812 г. не могло выделить таких денег, поэтому купцам «предлагаемо было... о понижении выпрошенных... цен, но они отозвались, что понизить цен не могут и по позднему ныне времени доставят сюда порох и ружья не прежде, как в навигацию будущего 1813 года, причем просят выдать им вперед ныне же 600 тысяч рублей под залого».

Первая партия обещанных британских ружей прибыла в Кронштадт в начале октября 1812 г. Вскрыв ящики, чиновники артиллерийского департамента увидели там старые ржавые ружья со сгнившими ремнями и треснувшими ложами, да еще и без необходимого снаряжения. Но самым страшным было то, что все эти ружья оказались калибром в «8 линий английского дюйма, почему патроны, имеющиеся в парках для наших ружей 7 линейного калибра, малы для них»^{59}. Поэтому потребовалось изготовить новые патроны, на что нужно было не менее 10 тысяч пудов свинца. У комиссариатского департамента военного ведомства в запасе не было ни пуда свинца, поскольку Министерство финансов не отпустило своевременно денег на его закупку

Лишь к концу октября — началу ноября 1812 г. на Сестрорецком оружейном заводе удалось кое-как отремонтировать британские ружья. Их передали в Петербургский арсенал, а оттуда до 5 декабря 1812 г. 30 тысяч из них отправили в Арзамас для вооружения запасных войск, 7760 ружей выдали формирующимся генералом Д.М. Башуцким десяти батальонам 6-й и 21-й пехотной дивизий и 12 240 ружей остались в арсенале.

Лидер оппозиции (группы «каннингитов») Роберт Уэллсли откровенно заявил в парламенте: «Нельзя понять, чем, кроме 50 тысяч ружей, помогли России британские министры? Может быть, они считают помощью посылку лордов Каткарта и Уолполя, людей, которые вдвоем должны быть достаточным оружием для великой державы, чтобы отогнать опасного врага [Наполеона] и помочь России выйти из затруднений».

В конце концов, Палата общин расщедрилась и выделила пострадавшим от пожара жителям Москвы 200 тыс. фунтов стерлингов.

Между тем британский генерал Вильсон писал, что разрушение одной только Москвы стоило России не менее 25 млн. фунтов стерлингов. Общий ущерб от разорения Москвы и Московской губернии доходил до 321 млн. рублей^{60}.

В 1812 г. русские фактически без помощи Англии разгромили 600-тысячную французскую армию. Замечу, что около 2/3 «великой армии» составляли не французы, а немцы, поляки, итальянцы, испанцы и т.д. И лишь весной и летом 1813 г. у России в Европе объявились союзники, реально воевавшие с Наполеоном.

В конце марта 1813 г. Англия согласилась предоставить России и Пруссии 2 млн. фунтов стерлингов в «звонкой валюте» и 5 млн. фунтов стерлингов в «федеративных бумагах». На содержание российского флота в Великобритании выделялось 500 тыс. фунтов стерлингов в «звонкой

монете». Помимо предоставления денежных субсидий английское правительство согласилось поставлять оружие и боеприпасы для российских и прусских войск.

Российско-британская торговля в навигацию 1813 г. немного оживилась. Из 690 посетивших Петербург в течение года иностранных судов 343 были английскими. С июля по август 1813 г. в Архангельск прибыли два больших каравана купеческих судов под охраной британских военных кораблей. В это же время более 120 судов под российским флагом побывали в британских портах.

И вот, как писал Пушкин: «...скоро силою вещей мы оказались в Париже».

После отречения Наполеона 18 (30) мая 1814 г. в Париже был подписан мирный договор, по которому Франция возвращалась к границам на 1 января 1792 г. с небольшим приращением, династия Бурбонов восстанавливалась на престоле и т.д. Однако окончательный раздел Европы союзники решили провести на конгрессе в Вене, который был открыт 1 ноября 1814 г.

На Венском конгрессе было решено, что все союзники — Англия, Австрия и Пруссия — получают большие приращения в Европе, а Англия — еще и в колониях, а вот Россия, которая-то и вынесла основную тяжесть войны с Наполеоном, ничего не получит. Австрия и особенно Англия были категорически против передачи России района Варшавы, а Пруссии — части Саксонии. Споры нет, Александр I требовал земли, которые никогда не принадлежали Русскому государству и были заселены этническими поляками. Но ведь и оппоненты предлагали не независимость этим районам, а их присоединение к Австрии. Почему же Россия должна была отдавать плацдарм, с которого началось вторжение в 1812 г.?

Сравним, к примеру, Варшавскую область и Мальту. Англия не имела никаких прав на Мальту, и с Мальты никак нельзя было угрожать британским островам. Единственным аргументом «за» было наличие британских солдат на острове^[17]. Так в 1814 г. русские войска были в Париже! Почему бы не восстановить независимость Мальты, которая была там несколько столетий, или, на худой конец, не передать остров Королевству обеих Сицилии, которое находилось всего в 90 верстах от Мальты? Но, увы, на Венском конгрессе господствовал двойной стандарт: один — для просвещенной Англии, и совсем другой — для русских варваров.

3 января 1815 г. был заключен секретный союз между Австрией, Англией и Францией, которые «сочли необходимым, — как сказано в

договоре, — по причине претензий, недавно обнаруженных, искать средств к отражению всякого нападения на свои владения». Договаривающиеся стороны обязались: если вследствие предложений, которые они будут делать и поддерживать вместе, владения одной из них подвергнутся нападению, то все три державы будут считать себя подвергнувшимися нападению и станут защищаться сообща. Каждая держава выставит для этого 150-тысячное войско, которое выступит в поход не позднее шести недель по востребованию. Англия имеет право при этом выставить наемное иностранное войско или платить по 20 фунтов стерлингов за каждого пехотного солдата и по 30 фунтов стерлингов за кавалериста. Договаривающиеся державы могут приглашать другие государства присоединиться к договору и приглашают к тому немедленно королей Баварского, Ганноверского и Нидерландского.

Надо ли говорить, что союз этот был направлен против России. Риторический вопрос: за что отдали жизни миллионы русских людей?

Спас Россию от новой войны «враг рода человеческого». Наполеон покинул Эльбу, высадился во Франции, и его с восторгом встретили армия и население.

Наполеон напугал союзников, и 21 апреля (3 мая) 1815 г. в Вене были подписаны русско-прусский и русско-австрийский договоры о разделе Герцогства Варшавского. (Многие историки называют эти договоры четвертым разделом Польши.) В итоге Россия уступила Австрии четыре уезда Восточной Галиции: Злочувский, Бржезанский, Тарнопольский и Залешчикский. К Австрии отошел весь Величковский соляной бассейн (включая его подземную часть, заходящую на территорию Российской империи). А король саксонский Фридрих-Август I уступил России большую часть Герцогства Варшавского.

Итак, Россия, понеся огромные потери в ходе войн 1805—1807 гг. и 1812—1814 гг., получила кусок Польши, который будет для нее постоянной головной болью все последующее столетие.

Глава 9

ВОЙНА И МИР 1815-1853 ГОДОВ

В начале 20-х годов XIX века серьезно обострились взаимоотношения России, Англии и США в районе Аляски. До этого владения этих трех стран не имели четких разграничений. Причем США и Англия, забыв свои разногласия, в этом вопросе совместно действовали против России.

Английские и американские промысловики присвоили себе право хищнически уничтожать ценных морских зверей у берегов Русской Америки, а также свободно приставать к берегу в любом месте и начинать торговлю с местным населением.

Из Всеподданнейшего доклада руководителя Российско-Американской компании Баранова Александру I от 29 июля 1802 г.: «Бывши в Ситке, имел он свидание с англичанами и американцами из Бостона, приходившими в 1800 году на пяти кораблях для вымена мягкой рухляди и отвозу оной в Канто, и в глазах его, Баранова, и в самое короткое время наменяли они на сукно, платье, ружья, порох, пули и полосовое железо до 2000 морских бобров, у нас на Кихте [центр русской торговли] от 60 до 70 рублей продающихся... Ежегодно приходит туда до десяти иностранных судов, и предполагать можно в десять лет полученной ими чистой прибыли до 3 млн. рублей, по приобретению мест одним россиянам принадлежавшей»^{61}.

Причем англичане и янки сбывали в Русской Америке в первую очередь оружие и алкоголь.

Представим на секунду, чтобы русское торговое судно пристало к берегу Англии или к восточному побережью США и начало незаконно торговать оружием и водкой. Оно было бы немедленно захвачено военными кораблями этих стран, а правительству России пришлось бы еще и извиняться.

А может, Англия и США не считали Аляску русской? Нет, таких претензий к большинству владений Российско-Американской компании (РАК) не было. Мало того, англичане и американцы точно так же вели себя на русском Дальнем Востоке, включая Камчатку и Чукотку.

16 мая 1823 г. сенатор Ллойд направил пространное (на 29 страницах!) письмо президенту Монро с подробным обоснованием значения торговых интересов США на северо-западе побережья Америки: «Все эти факты

показывают настоятельную необходимость дать отпор необоснованным претензиям России в отношении ее юрисдикции на море: доступ к ее берегам в пределах признаваемой за ней территории, без сомнения, имел бы для нас огромное значение». Как видим, сенатор требует полной свободы для американской контрабанды на территории России.

К этому времени Россия была в зените своего военного могущества. В случае войны с США один на один русский флот без труда мог прервать все коммуникации янки в Атлантике и поставить США на грань экономического краха. Ну а если бы в дело вмешалась Англия, то без вступления в войну континентальных держав началась бы война кита и слона.

И вот 4 сентября 1821 г. Александр I подписывает указ, в котором говорится: «Усмотрев из предъявленных нам сведений, что торговля наших подданных на островах Алеутских и по берегам Северо-Западной Америки, России подвластным, подвергается разным стеснениям и неудобствам от потаенного и подложного торга, и находя, что главной причиной их неудобств есть недостаток правил, устанавливающих пределы плавания вдоль сих берегов и порядок приморских сношений как в сих местах, так и вообще на восточном берегу Сибири и островам Курильским, признали мы нужным определить сии сношения особенным постановлением, при сем прилагаемом».

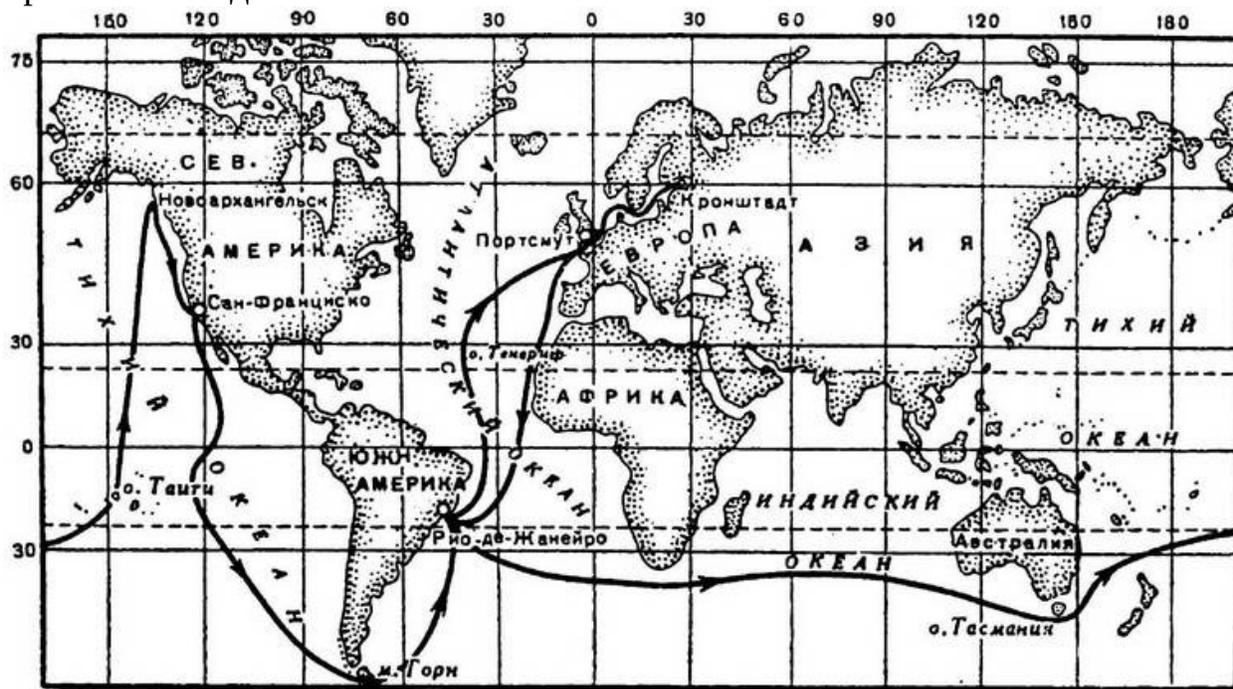
Суть нового постановления была изложена в двух первых параграфах. Параграф 1 гласил: «Производство торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах и заливах и вообще по всему северо-западному берегу Америки начиная от Берингова пролива и до 51° северной широты, также по островам Алеутским и по восточному берегу Сибири... предоставляется в пользование единственно российским подданным». В параграфе 2 указывалось: «Посему воспрещается сим всякому иностранному судну не только приставать к берегам и островам, подвластным России, в предыдущей статье означенным, но и приближаться к оным на расстояние менее ста итальянских миль. Нарушивший сие запрещение подвергается конфискации со всем грузом». Остальные параграфы подробно излагали, что и как надо было делать, чтобы выполнить данные положения.

Для демонстрации серьезности намерений России Морское министерство решило послать к берегам Аляски отряд кораблей в составе фрегата «Крейсер» и шлюпа «Ладога». На «Крейсере» было установлено двадцать шесть 12-фунтовых и две 6-фунтовые пушки, а также шестнадцать 18-фунтовых карронад. «Ладога» несла 20 орудий (12-

фунтовые и 3-фунтовые пушки и 18-фунтовые карронады). Командовал отрядом и одновременно «Крейсером» капитан 2-го ранга Михаил Петрович Лазарев, а «Ладогой» — его старший брат капитан-лейтенант Андрей Петрович. На «Крейсере» мичманом шел Павел Степанович Нахимов — будущий знаменитый адмирал.

17 августа 1822 г. «Крейсер» и «Ладоба» снялись с якоря и вышли с Кронштадтского рейда в море.

3 сентября 1823 г. «Крейсер» стал на якорь в Ново-Архангельске, где встретил шлюп «Аполлон». 9 ноября в Ново-Архангельск с Камчатки пришла и «Ладоба».

Маршрут кругосветного плавания фрегата «Крейсер» в 1822—1825 гг.

Появление русских военных судов у берегов Аляски произвело нужное впечатление как на англичан, так и на янки. Тем не менее министр иностранных дел России К.В. Нессельроде убедил Александра I пойти на существенные уступки в переговорах с ними. В итоге 5 (17) апреля 1824 г. Нессельроде и американский посланник Генри Мидлтон подписали в Петербурге русско-американскую конвенцию. Согласно ее условиям:

1. Декларируется свобода мореплавания, торговли и рыболовства на Тихом океане с правом приставать к берегу в любом еще никем не занятом месте.

2. Граждане США и подданные России не могут приставать к берегам друг друга без соответствующего разрешения местных властей и не могут вести там торговлю.

3. Никакие селения не могут быть основаны или создаваемы в будущем на северо-западном побережье Америки: русскими южнее, а американцами — севернее $54^{\circ}40'$ с. ш.

Таким образом, граница владений и сфер двух стран проводится по линии $54^{\circ}40'$ с. ш. на побережье.

4. В течение 10 лет со дня подписания конвенции гражданам США и подданным России будет позволено заходить в порты друг друга по-прежнему по надобности и вести торговлю.

5. Запрещается торговля спиртными напитками, оружием, порохом и другими боеприпасами, и в связи с контролем за соблюдением этого правила разрешается осматривать суда и грузы и накладывать соответствующие штрафы обеим сторонам.

16 (28) февраля 1825 г. Нессельроде и британский посланник Чарльз Каннинг подписали в Петербурге аналогичную конвенцию о разграничении владений в Северной Америке.

Согласно 1-й статье конвенции, обе стороны в Тихом океане «могут пользоваться беспрепятственно и с полной свободой мореплаванием, производством рыбной ловли и правом приставать к берегам в таких местах, которые еще не заняты, для торга с природными тамошними жителями».

2-я статья запрещала судам одной стороны приставать к местам заселения другой стороны.

Далее устанавливалась пограничная черта, отделяющая владения Британии от русских владений на западном побережье Северной Америки, примыкающем к полуострову Аляске так, что граница проходила на всем протяжении береговой полосы, принадлежащей России, от 54° с. ш. до 60° с. ш., на расстоянии 10 миль от кромки океана, учитывая все изгибы побережья.

Таким образом, линия русско-британской границы была в этом месте не прямой (как это было с линией границы Аляски и Британской Колумбии), а чрезвычайно извилистой.

Поясню, что Российско-Американская компания фактически не имела сухопутной границы с Британской Колумбией, а владела лишь кромкой побережья и не осваивала территорию вглубь континента, поскольку этому препятствовал хребет Каменные горы (ныне Скалистые горы), который шел почти параллельно берегу океана, в разных пунктах удаляясь на 11—24 мили от кромки воды. Именно за Скалистыми горами и лежала Британская Колумбия, так что среди русских колонистов, да и местных жителей, считалось, что границей между этими двумя владениями разных государств

является естественная граница — вершины хребта Скалистых гор, западные склоны которых находились в области русских владений, а восточные — британских. При этом русская сторона никогда не делала попытки переходить за Скалистые горы, хотя на протяжении почти полутора столетия там была абсолютно безлюдная территория.

С начала 20-х годов XIX века английское правительство пыталось захватить прибрежную территорию, осваиваемую Российско-Американской компанией. Это поддало мысль руководителям компании о необходимости установить границу русских и британских владений. При этом компания считала, что такая граница должна будет идти по естественному рубежу — хребту Скалистых гор и поэтому ее установление не представит никаких трудностей. Однако русские дипломаты капитулировали перед англичанами в вопросе проведения сухопутной границы.

Ну а теперь с северной части Тихого океана перенесемся в теплое Средиземное море. После Бухарестского договора мир между Россией и Турцией продлился 16 лет. Как ранее говорилось, мир мы должны понимать как перемирие, поскольку основная проблема взаимоотношений двух стран — Проливы — решена не была, плюс нестабильность на Балканах и Кавказе.

16-летний мир длился в основном за счет объективного фактора — войны с Наполеоном, и субъективного — участия Александра I в Священном союзе. Детальное рассмотрение обоих факторов не входит в нашу задачу, и мы ограничимся лишь общими выводами, необходимыми для понимания русско-турецких отношений.

26 сентября 1815 г. в Париже Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих-Вильгельм III заключили Священный союз. Суть союза — вечная консервация режимов, престолов и государственных границ в Европе. Увы, монархи забыли античную поговорку — все течет, все изменяется. Историю никогда не загнать в прокрустово ложе договоров.

Но дело не только в том, что Священный союз был нежизнеспособен. Его суть противоречила интересам России. Если Австрия заглотила гораздо больше, чем могла переварить, и не только не могла претендовать на большее, но и стала быстро терять захваченное (Италия, Германские княжества), то вопрос обеспечения безопасности России на юге так и не был решен. Вот послушал бы Александр I Кутузова, не полез бы в Европу, и война там продлилась еще лет десять, как минимум. А за это время Россия, глядишь, и могла бы решить вопрос с Проливами.

Принцип незыблемости границ и престолов Александр I перенес и на

Турцию, но почему-то не включил Персию, имел с ней войну и откусил очень большой кус на Кавказе.

В 1821 г. в Османской империи началось восстание греков. В ответ султан Махмуд II учинил погром христиан в Константинополе, в ходе которого было убито несколько иерархов православной церкви, включая патриарха Григория. Тем не менее восстание ширилось. На суше к клефтам присоединилась и созданная турками милиция. В Албании Али-паша Янинский отказался повиноваться султану.

Большую роль в боевых действиях играл флот. В том же 1821 г. турецкий флот разгромил город Галаксии. И, как было ранее, значительная часть греческих купцов вооружили свои суда и занялись пиратством. Только жители трех островов — Индра, Специя и Псаро — выставили 176 вооруженных судов. Греческие корсары не только захватывали турецкие суда, но и опустошали берега Малой Азии.

В декабре 1821 г.— январе 1822 г. в городе Эпидавр собрались 67 депутатов, представлявших различные области Греции. Они провозгласили независимость Греции и выбрали законодательный исполнительный совет. К сожалению, в руководстве греков не было единства, и они более занимались интригами, нежели войной с турками.

30 марта 1822 г. турецкий флот в составе шести кораблей, шести фрегатов, 15 корветов и бригов, а также 27 транспортов приблизился к занятому повстанцами острову Хиос. Турки высадили десант на остров и начали резню греков.

Православный архиепископ Платон был повешен на флагманском корабле. На берегу турки сажали греков на кол, строили пирамиды из отрубленных голов, а сверху водружали свои флаги, делали плетенницы из отрубленных ушей, надевали их на носовые украшения своих кораблей, и прочая, и прочая...

События на Хиосе потрясли всю Европу. Знаменитый французский художник Эжен Делакруа в 1824 г. пишет картину «Резня на острове Хиос».

Война греков с турками ударила по России. После 1812 г. начался бурный рост экономики юга России. Царским указом от 16 апреля 1817 г. Одесса получила статус «порто-франко», или, как говорят сейчас, свободной экономической зоны. Это способствовало превращению Одессы в крупный международный торговый центр. В Одессу ежегодно приходило 500—600 торговых судов. Однако из этого числа не более 10—15 судов были построены в России. Большая часть торговых судов, посещавших Одессу, Таганрог, Мариуполь и другие русские порты, принадлежало грекам, большинство которых было подданными Порты, а часть —

подданными России. Теперь же турки перехватывали и грабили греческие суда, не особенно разбирая, какое подданство имели их хозяева.

Англия в 1814 г. захватила Ионические острова и теперь была не прочь сделать своей колонией всю Грецию. В «греческом вопросе» британский кабинет боялся только России. Но поскольку Александр I самоустранился от средиземноморских дел, то Лондон решил вмешаться. Весной 1823 г. Англия признала восставших греков воюющей стороной. А в конце года Греция получила от Лондона заем на 800 тысяч фунтов стерлингов.

Новый русский царь Николай I решил проводить самостоятельную политику и не ориентироваться на систему союзов, столь близкую сердцу его брата. Одним из результатов изменения внешней политики России стало подписание в апреле 1826 г. англо-русского Петербургского протокола. Согласно этому документу, Греция получала право независимого существования, но была обязана платить Турции определенную дань и находиться под ее верховной властью. Турецкие земли в Морее (Пелопоннес) и на островах отходили к грекам за известный выкуп. Порта принимала участие в выборе правительственных лиц в Греции, но они должны были быть непременно из греков. Грекам предоставлялась полная свобода торговли и религии.

Австрия, Пруссия и Франция приглашались присоединиться к Петербургскому протоколу. Франция, связанная с Грецией торговыми сношениями, приняла это приглашение, а Австрия и Пруссия отнеслись к нему отрицательно, считая, что оно усилит позиции России на Балканах.

24 июня 1827 г. Россия, Англия и Франция на основе Петербургского протокола подписали в Лондоне конвенцию об образовании автономного греческого государства. Стороны обязались предложить Порте свое посредничество в целях примирения с греками на следующих условиях: греки будут находиться в зависимости от султана и платить ему ежегодную подать; управление будут осуществлять местные власти, но в их назначении известное участие будет принимать Порта. «Для отделения греческой национальности от турецкой и предотвращения столкновений между ними греки получают право выкупать всю турецкую собственность, находившуюся на их территории».

Параллельно с дипломатическими усилиями русское правительство еще в 1826 г. начало готовить на Балтике эскадру для посылки в Средиземное море. В состав эскадры вошло 9 кораблей, 8 фрегатов и 3 корвета. 2 июня 1827 г. сам Николай I устроил на Кронштадтском рейде торжественный смотр уходящим кораблям. 10 июня эскадра вышла в море под командованием адмирала Д.Н. Сенявина. 28 июля эскадра пришла в

Портсмут. Однако из-за интриг министра иностранных дел К.В. Нессельроде дальше пошел только отряд кораблей контр-адмирала Л.П. Гейдена в составе четырех кораблей, четырех фрегатов и 24-пушечного корвета «Гремящий».

8 августа 1827 г. отряд контр-адмирала Гейдена вышел из Портсмута, а остальная часть эскадры под командованием Сенявина вернулась в Кронштадт.

1 октября 1827 г. эскадра у острова Занте (Ионические острова) соединилась с английской и французской эскадрами. Эскадры английского вице-адмирала Кодрингтона и французского вице-адмирала де Риньи с 11 сентября крейсировали вблизи Наваринской бухты, где стоял турецко-египетский флот.

По прибытии к Наварину командующий русской эскадрой контр-адмирал Гейден и его начальник штаба капитан 1-го ранга М.П. Лазарев предложили союзникам применить решительные меры против турок и египтян, если последние не прекратят своих зверств в Греции. По настоянию командования русской эскадры командующему турецко-египетскими войсками и флотом в Греции Ибрагиму был вручен подписанный тремя адмиралами ультиматум с требованием прекратить военные действия против греков.

Ибрагим оставил ультиматум без ответа. Тогда под нажимом Гейдена и Лазарева Кодрингтон и де Риньи согласились войти в Наваринскую бухту, чтобы своим присутствием предотвратить действия турецко-египетского флота против греков. Союзные адмиралы дали взаимное обещание уничтожить турецко-египетский флот, если он сделает хотя бы один выстрел по союзной эскадре.

8 октября в 12 часов дня союзные эскадры начали втягиваться в Наваринскую бухту. Турки первые открыли огонь по союзному флоту.

В ходе ожесточенного сражения турки и египтяне потеряли больше шестидесяти судов, в том числе 3 корабля, 9 фрегатов, 24 корвета, 14 бригов, 10 брандеров и несколько транспортов. Остальные турецкие и египетские суда имели тяжелые повреждения. Противник потерял около 7 тысяч человек.

Союзники не потеряли ни одного корабля. Однако ряд кораблей имел тяжелые повреждения. Сравнительно небольшими были потери союзников и в личном составе. Русская эскадра имела 59 убитых и 139 раненых, английская — 79 убитых и 205 раненых, французская — 43 убитых и 141 раненых.

После Наваринского боя русская эскадра двинулась к Мальте и 27

октября прибыла в порт Ла-Валетта. На Мальте был произведен ремонт части русских кораблей.

В Англии чуть ли впервые в истории весьма прохладно встретили весть о победе британской эскадры под Наварином.

В 1828 г. историограф русской эскадры И.И. Кадыян писал: «Английское правительство, взглянув на аптекарские свои веса выгоды и невыгоды и изменяя неравенство сил двух империй [России и Турции], и зная, на какой стороне будет перевес, выветривая прежний жар свой в пользу Греции, начал обвинять адмирала Кодрингтона в истреблении турецкого флота. Им, как это теперь видно, хотелось, не ослабляя вдруг Турции, слегка действовать в пользу Греции, из коей они надеются, утомив своих союзников, составить новую Ионическую колонию. Им не хотелось истреблять силы оттоманские, но беречь их для России»^[62].

Однако, соблюдая этикет, британское правительство удостоило Э. Кодрингтона ордена Бани, наградив и союзных адмиралов и офицеров знаками этого ордена. Говорят, что король Георг II, подписывая документ о награждении адмирала, съязвил: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает веревки!»

2 ноября 1827 г. посланники Англии и Франции в Константинополе официально выразили Портев-паше сожаления своих правительств по поводу произошедшего инцидента. Тем не менее в начале декабря 1827 г. посланники Англии, Франции и России покинули Константинополь вследствие неуступчивости султана в «греческом вопросе».

Англичане попытались взять под контроль вооруженные силы греческих повстанцев. Генералиссимусом греческой армии был назначен англичанин генерал Ричард Черч, а командующим флотом — англичанин адмирал Томас Кохрейн. Особых успехов на суше Черч не добился. А вот Кохрейн попытался создать регулярный флот и распустил все каперские суда.

Естественно, что греческие корсары не пожелали превращаться в мирных купцов, да и в условиях войны это было сделать трудно. Как писал Гервинус: «Отчаянные головорезы, вполне освоившиеся с ветром и непогодой, презиравшие дружбу людей и потерявшие надежду на их сожаление, овладевали каким-нибудь небольшим судном и на нем разъезжали по морю и грабили друга и недруга на всех берегах, или, притаившись в маленькой скалистой бухте, бросались оттуда на купеческий корабль, стоявший вследствие затишья без движения. Греки собственными силами не решались бороться с этими разбойниками и предпочитали лучше молча переносить неприятности от своих же братьев, чем призывать

против них турецкое начальство, которое, оказав грекам временную помощь, только навлекло бы на них со стороны пиратов жестокую месть»^{63}.

Командование союзным флотом договорилось начать решительную борьбу с греческими пиратами. Адмирал де Риньи составил Декларацию, подписанную русским и британским адмиралами 12 (24) октября 1827 г. В Декларации говорилось: «Тогда как союзники проливают кровь храбрых воинов своих, истребляя и поражая магометян, тогда греческие суда, вместо того чтобы стремиться на помощь к местам, угрожаемым опасностью, они как совершенные разбойники расселись в отдаленных водах, чтобы брать и грабить суда, принадлежащие нейтральным нациям». Командующие эскадрами осудили «законодательный греческий комитет», с чьими патентами «греческие корсары продолжают производить грабежи», а призовая комиссия — «единственное судилище, установленное греческим правительством, старается придать грабежам сим законный вид». Адмиралы объявили, что комиссия эта не имеет права «судить без их согласия ни одного купеческого судна», и запретили крейсерские действия греческого флота далее фактического района его военных действий против турок и египтян, то есть «от Воло до Лепанта, включая Саломину, Егину, Гидру (Идру) и Специю». А все военные суда греков, пересекавшие эту линию, будут преследоваться. В случае же явного нарушения данной Декларации греческий флот буден уничтожен «подобно турецко-египетскому».

Также Декларацией запрещалось «распространять восстание» на «турецкой» территории, то есть в Албании и на острове Хиос.

Борьба с греческими корсарами имела смысл только для Англии и Франции. Во-первых, серьезно страдали купеческие суда под их флагами, а во-вторых, правительства этих стран не желали полного поражения Турции.

А вот России воевать с корсарами не было никакого резона. Русских купеческих судов в начале 1828 г. в Восточном Средиземноморье не было, не считая греческих под русским флагом. Разгром же Турции был в интересах России.

Царь тянул с разрывом с Оттоманской империей из-за войны с Персией. Но 10 февраля 1828 г. Персия была вынуждена подписать Туркманчайский трактат о мире. Теперь у России были развязаны руки, и 14 апреля 1828 г. Николай I опубликовал манифест о войне с Турцией.

5 апреля 1828 г. эскадра Гейдена покинула Мальту и отправилась к берегам Греции. Оставаться в главной базе англичан на Средиземном море

после начала войны с Турцией было нежелательно и даже опасно.

По соглашению с греческим правительством Гейден выбрал базу русского флота на острове Порос (Поро). Окончательно Гейден убедился в правильности выбора Пороса 17 мая, когда туда корвет «Гремящий» привез из Анконы депешу министра иностранных дел Нессельроде от 21 марта 1828 г., в которой прямо говорилось, что в предстоящей войне с Турцией России «быть может, придется иметь дело с коалиций».

Тем не менее, пока англичане и французы формально были союзниками по проведению полицейской операции по сдерживанию турок в Греции. Не мудрствуя лукаво, Гейден пока решил ограничиться блокадой полуострова Пелопоннес, где еще в некоторых местах держались турецкие гарнизоны. Французский блокадный отряд включал в себя 1—2 корабля, 2—3 фрегата и 3—5 малых судов.

29 июля (н. ст.) командующие английской и французской эскадр подписали в Александрии соглашение об эвакуации армии Ибрагим-паши из Морей (Греция). Турецкие войска должны были на египетских судах перевезти войска из Наварина в Александрию. Туркам удалось восстановить один из 84-пушечных кораблей, выбросившийся на берег в ходе Наваринского сражения. Они загрузили корабль лошадьми и отправили его в Египет. Но по пути он затонул в свежую погоду. Людей спасли, а все лошади погибли. Всего из Морей было эвакуировано 20 тысяч египтян и турок. Вместо них на Пелопоннесе высадился французский корпус численностью в 17 тыс. человек.

8 сентября 1828 г. Гейден послал бриг «Ахиллес» с депешей к английским кораблям, крейсировавшим у острова Крит (тогда его именовали Кандией). Когда бриг подошел к английскому кораблю «Ревэндж», стоящему недалеко от крепости Суда, турки открыли интенсивный артиллерийский огонь.

14 сентября «Ахиллес» вернулся к Наварину, где стояла русская эскадра, и его командир капитан-лейтенант М.П. Бутенев доложил Гейдену об инциденте. Теперь у адмирала появился повод провести карательную экспедицию.

Уже на следующий день к берегам Крита вышел отряд контр-адмирала М.П. Лазарева в составе кораблей «Иезекииль», «Александр Невский» и брига «Ахиллес». На всякий случай союзники послали с русскими французский фрегат «Амфитриза» и английский шлюп «Эребус».

19 сентября вся эта компания подошла к Суде, где по-прежнему стоял на якоре «Ревэндж». Лазарев предложил его командиру Томсону бомбардировать крепость и высадить десант, но тот отказался, ссылаясь на

данные ему инструкции. Мало того, Томсон стал уговаривать Лазарева отказаться от военных действий и принять извинения турок, которые не преминули последовать. «Мудрый» Лазарев унялся и ретировался к Наварину.

18 сентября Гейден получил из Петербурга предписание приступить к выполнению первой самостоятельной задачи (то есть без участия англичан и французов) — блокаде Дарданелл.

К началу войны в эскадре Гейдена оставалось лишь три 74-пушечных корабля и три фрегата. На помощь им с Балтики в июне 1828 г. в Средиземное море была отправлена эскадра контр-адмирала П.И. Рикорда. В ее составе было 4 корабля и 3 фрегата. Все фрегаты были 44-пушечного ранга, но фактически несли по 54 пушки.

6 сентября 1828 г. к Мальте под флагом Рикорда подошли 4 корабля и 3 фрегата. Один фрегат и бриги пришли сюда позднее. 27 сентября на Мальту из греческих вод прибыла эскадра Гейдена.

11 октября Гейден отправил в Архипелаг корабли «Фершампенуаз» и «Эммануил» и фрегаты «Мария» и «Ольга» под командованием Рикорда. 2 ноября Рикорд установил блокаду Дарданелл.

Из Петербурга к Рикорду постоянно шли указания, ограничивавшие эффективность блокады. Нессельроде все время боялся — «а что скажут в Лондоне?» Зато Рикорд сумел наладить взаимовыгодную торговлю как с греками, так и с турками — жителями островов и даже прибрежных сел в районе Дарданелл.

По свидетельству очевидца, «в самый день нашего прибытия к острову Тенедосу от паши присланы к адмиралу два грека, исправляющие должности голландского и австрийского консулов, для узнавания, с какой целью мы прибыли. Через приехавшего с ними хромоногого итальянца, доктора паши, объявлено им, что мы должны наносить туркам всевозможный вред как нашим неприятелям, но если паша дозволит грекам своим свободно приезжать на суда нашей эскадры и доставлять воду и свежую провизию, в таком случае никаких военных действий не будет... На другой день, обрадованный таким предложением, в страхе пребывающий Паша не замедлил выслать греков, и суда наши были окружены лодками, выехавшими с разными для продажи припасами, как будто в дружественном порту»^[64].

В итоге турки с Тенедоса сами возили на эскадру воду, зелень, быков и баранов. В свою очередь, Ринард сквозь пальцы смотрел на сообщения Тенедоса с материком.

В начале января 1829 г. Рикорд на фрегате «Мария» отправился на

лежащий севернее Дарданелл остров Тасос (Тассо), гораздо более богатый водой, лесом и живностью, чем Тенедос. Местный турецкий ага Ходжа Аеман быстро наладил отношения с русскими, но не из-за дипломатии Рикорда, а боясь греческого населения острова, которое могло, увидев русский корабль, просто перерезать басурман. И с этого времени до самого конца блокады русская эскадра получала с Тасоса пресную воду, различную живность и зелень. Моряки сами заготавливали дрова и даже рангоутные «деревья». Русские корабли, заходя на Тасос, отпускали свои команды для отдыха на берег, где к тому же была возможность вымыть матросов «в народно для сего устроенных банях».

Так и шла эта «странная война». Рикорд пропускал в Дарданеллы свыше 90 % судов с различными товарами, зато снабжение его отряда исправно производилось «турецкоподданными». Понятно, что при полной блокаде Дарданелл в Стамбуле не позже чем через месяц вспыхнуло бы всеобщее восстание против султана.

А где-то далеко — за Дунаем и в Закавказье — грохотали пушки. Там шла настоящая война.

19 сентября 1828 г. из Кронштадта на Средиземное море вышел отряд капитана 1-го ранга И.Н. Игнатова, командира 74-пушечного корабля «Великий князь Михаил». Кроме «Михаила» (как его чаще всего называли на флоте) в отряд входил 44-пушечный фрегат «Княгиня Лович»^[18], а также 20-пушечные бриги «Телемак» и «Улисс».

8 ноября 1828 г. Англия и Франция дали понять туркам, что греческий остров Крит (Кандия) будет оставлен в составе Оттоманской империи. Турки все правильно поняли и направили туда дополнительные турецкие и египетские части. Однако Гейден по просьбе президента Каподистрии решил отправить русские суда для пресечения турецких коммуникаций между Критом и турецким портом Будрум (Бодрум).

28 января русский отряд после короткой перестрелки захватил два египетских судна — 26-пушечный корвет и 14-пушечный бриг. Захват этих судов произвел на правителя Египта Мехмет-Али удручающее впечатление, и до конца войны ни одного египетского судна в море не выходило.

9 (21) апреля 1829 г. на Лондонской конференции представители Англии и Франции потребовали дать объяснения действиям русской эскадры, на что русский посланник князь Ливен ответил: «Из человеколюбия», чем оппоненты были вынуждены удовлетвориться.

7 августа 1829 г. русские войска взяли Адрианополь. В связи с этим эскадра Гейдена поступила в подчинение главнокомандующего русскими сухопутными войсками генерала графа И.И. Дибича.

25 августа 1829 г. русские войска подошли к крепости Энос на берегу Эгейского моря, куда прибыла и средиземноморская эскадра Гейдена. Крепость, атакванная с суши и с моря, 26 августа была вынуждена сдаться. В тот же день она была занята русскими войсками.

Эскадра Гейдена готовилась к прорыву в Дарданеллы. Но приказа на прорыв не последовало — 2 сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мир.

Так закончилась двухлетняя странная война русского флота на Средиземном море, в которой Англия была полусоюзником-полуврагом.

А в это время на Черном море «владычица морей» вела диверсионную войну против России.

С начала XIX века русские на Кавказе и в том числе по всему Черноморскому побережью вели непрерывную войну со свирепыми племенами горцев. Западные историки и наши «либералы» представляют действия горцев как национально-освободительную войну против экспансии царизма. Мол, жили в тишине и покое горцы, и вот явились русские колонизаторы, и гордые черкесы встали как один на защиту своих прав, имущества и семей.

Поймать жулика-либерала на вранье очень просто. Задайте ему вопрос, а чем занимались оные горцы до прихода русских, скажем в XVI, или в X, или даже в I веках? Ответ один — грабежами! Мужчины многих племен считали вооруженный разбой единственным достойным для себя занятием. Соседи этих племен проклинали их в течение столетий. И вот пришли русские. Им ничего не надо было от горцев, да с них попросту и нечего было взять. Но гяуры потребовали невыполнимого — не грабить!

Справиться с горцами регулярным войскам было нелегко. В первую очередь это было связано со сложностью рельефа местности, отсутствием дорог и мирного населения. Да, да! Веками сложилась ситуация, когда в разбойничьих набегах в той или иной степени участвовало все население — дети, женщины и глубокие старики. Одни убивали, другие вели разведку, а главное — тыловое обеспечение.

До начала XIX века горцы дрались дедовским оружием. Но вот в 1820 г. в ходе боевых действий в Имеретии у горцев была захвачена английская горная пушка на железном лафете. Станины лафета служили оглоблями лошади, при разборке отделялись ось и колеса. Лафет был легче аналогичного деревянного и перевозился парой лошадей. Генерал Ермолов отправил трофейный лафет в Петербург в Артиллерийский департамент и попросил изготовить пару таких лафетов, чтобы испытать их на Кавказе.

Замечу, что к 1820 г. в русской армии состояли только деревянные

лафеты, железные же появились у нас лишь через 40 лет. Не было у русских и горной артиллерии. Ее созданием мы обязаны английским винтовкам, которые огромными партиями поставлялись горцам. На равнине русскую пехоту, вооруженную гладкоствольными ружьями, худобедно поддерживала артиллерия. Но в горах русские несли огромные потери, поскольку прицельная дальность британских нарезных ружей была как минимум в два раза больше, чем наших гладкоствольных.

И вот специально для борьбы с британскими новинками в 1830 г. по представлению фельдмаршала Паскевича последовало Высочайшее повеление о формировании горной артиллерии при Кавказском корпусе. Весной 1832 г. начались испытания первого отечественного горного орудия — 10-фунтового горного единорога.

Но как все это британское вооружение попадало на Кавказ? Естественно, морем. О размерах контрабандной торговли свидетельствует тот факт, что только за один 1830 год к берегам Кавказа прибыло из Турции до двухсот английских и турецких судов с военными грузами.

А чем расплачивались горцы? Ведь гяуры мешали грабить соседей. Рабами, которые были главной валютой горцев. Обратным рейсом контрабандисты доставляли в Турцию невольников, среди которых было много русских пленных. Контрабандисты обращались с ними особенно жестоко. По свидетельству Н.Н. Раевского, «в случае преследования нашими крейсерами, контрабандисты, во избежание наказания, привязывают балластные камни на шею русским пленным и бросают их в море»^{65}.

Чтобы воспрепятствовать провокационной деятельности англичан и турок на Кавказе и пресечь контрабандную торговлю оружием и невольниками, русское правительство вынуждено было уже с начала 30-х годов XIX века учредить регулярное крейсерство кораблей Черноморского флота у берегов Кавказа. Для крейсерской службы вдоль побережья была сформирована так называемая Абхазская экспедиция (эскадра), состоявшая из двух отрядов — Сухумского и Геленджикского, включавших фрегаты, бриги, катера, люгера — всего до десяти судов.

Сложилась довольно забавная ситуация. В Атлантике британские крейсера ловили суда, везущие в Америку «черное дерево». Англичане вешали на реях их капитанов и матросов, приравняв работорговцев к пиратам. А вот на Черном море «просвещенные мореплаватели» поставляли оружие работорговцам и с удовольствием получали плату живым товаром.

Непонятно лишь, откуда у нас берутся политики, делающие

удивленные лица по поводу двойных стандартов ангlosаксов в отношении российской политики на Кавказе. Увы, двойной стандарт у них был всегда и всегда будет.

Увы, Николай I был крайне строг по отношению к своим забитым подданным, но либерален с англичанами. Вместо того, чтобы топить все суда с оружием или рабами, а экипажи в полном составе вешать на реях, с захваченными британскими судами миндальничали, их экипажи всегда отпускали по-добру по-здорову, а случаи окончательной конфискации судов были крайне редки.

Так, в 1836 г. британская шхуна «Vixen» была захвачена у берега в Новороссийской бухте (Суджук-Кале). Российский МИД позволил Форин офис втянуть себя в более чем годичный дипломатический спор по поводу этого судна. А его капитана Джеймса Белла отпустили с миром. В 1839 г. он объявился на Кавказе среди убыхов и джигетов под именем Якуб-бея. Матерый шпион призывал горцев к нападению на Наваринский форт и даже обещал за голову генерала Раевского миллион рублей.

Помимо него на Кавказе операциями горцев руководили британские офицеры Лонгворт (Алкеб-бей), Давид Урпарт (Дауб-бей), Нант (Надир-бей).

Из письма Белла английскому посланнику в Персии господину Макнеллу. Написано близ Джубги, побережье Черкесии, 28 марта 1838 г.: «Заявить им, чтобы они больше не надеялись на добрую волю Англии, было бы то же, что предложить им сложить оружие, так как это — последняя надежда, которая их поддерживает»^{66}.

В 30—40-х годах XIX века помимо британских разведчиков и инструкторов английские суда стали высаживать на Кавказское побережье банды наемников по 100—200 человек. Подавляющее большинство их составляли польские паны, зоологически ненавидевшие Россию. В это же время англичане, чтобы прорвать линию русских парусных судов, стали использовать пароходы. Так, русская разведка засекла в 1846 г. рейс английского парохода «Кенгуру», доставившего на Кавказское побережье оружие, боеприпасы и отряд польских наемников. Увы судам Черноморского флота так и не удалось перехватить быстроходный «Кенгуру».

А теперь с Черноморского побережья Кавказа перенесемся в Лондон и немного поговорим о британской монархии. Как уже говорилось, британский король Георг III впал в маразм. Последние 10 лет своего царствования (1810—1820) он провел в полной изоляции.

Его наследником стал сын Георг (1762—1830). С юных лет наследник

британского престола прославился распутством и многочисленными скандалами. Теккерей писал о нем: «Праздность, и сластолюбие, и тщеславие, и пьянство, дружно бряцая веселыми кимвалами, толкали и манили его»^{67}.

Но вот в 23 года Георг решил остепениться и в декабре 1785 г. тайно женился. Почему тайно? Да потому, что его избранницей стала 25-летняя вдовушка Мэри Энн Фицгербет, да еще вдобавок католичка. Георг не мог не знать, что католичка по парламентскому акту от 1701 года не могла быть королевой. Естественно, что «сильные мира сего» засекретили брак наследника. Тайна была раскрыта лишь в 1905 г. Дабы быть объективным, скажу, что у нас в том же 1905 г. было впервые объявлено об убийстве императора Павла I в 1801 г., а до этого официальной версией был апоплексический удар. Как видим, уровень гласности на родине демократии и в «варварской» России был одинаков. Мало того, у нас во все времена, начиная со времен протопопы Аввакума, Баркова и Пушкина, был надежный источник информации — самиздат, а в просвещенной Англии — не было.

В 1794 г. Георг бросил жену и стал жить с леди Джерси. Через год ему подыскали и достойную супругу — принцессу Каролину, дочь герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Все британские короли женились на германских принцессах. Свадьбу сыграли в 1795 г. Известно описание такой сцены: принц явился в собор, еле держась на ногах, и заплетающимся языком произнес обет верности^{68}.

Вскоре у Каролины родилась дочь Шарлота, а затем, в январе 1796 г., Георг с ней расстался. Королева Каролина уехала в Италию. В 1820 г. принц-регент Георг становится королем Георгом IV. К этому времени он, подобно своему батюшке, тоже впал в маразм. Ко всему прочему он злоупотреблял алкоголем. У Байрона есть о Георге такие строки:

Кровавый деспот, правящий державой,
Властитель бессердечный и безглавый^{69}.

26 июня 1830 г. Георг IV умер. Ему наследовал брат, герцог Кларенс, царствовавший 7 лет под именем Вильгельма IV. Новый король не имел законной жены и, соответственно, законных детей. В итоге Ганноверская династия по мужской линии пресеклась.

24 мая 1819 г.^{19} в г. Дувре в семье герцога Кентского родился первый

ребенок — девочка. «Она полненькая, как куропаточка, — с восхищением сообщал герцог Кентский своей теще герцогине Кобургской, — и сочетает в себе силу и красоту».

Эдуард герцог Кентский был четвертым сыном британского короля Георга III, и казалось, что новорожденной будет уготовлен брак с каким-нибудь принцем или курфюрстом в лучшем случае, и тихая семейная жизнь. Но после смерти в 1817 г. дочери принца Уэльского Шарлотты у шестерых сыновей короля Генриха III либо вовсе не было детей, либо они были холосты. А из его дочерей четверо остались старыми девами, а две замужние были бездетными. Речь, понятно, идет о законных детях.

Как писал британский биограф императрицы Виктории Кристофер Хибберт: «И хотя позже было установлено, что король Георг III имел по меньшей мере пятьдесят шесть внуков, в то время ни один из них не обладал законными правами на престол и не считался законным наследником»^{70}.

Именно поэтому герцог Кентский и его жена Виктория так торопились из Германии в Англию. Яхта герцога в шторм пересекла Ла-Манш, и 24 апреля 1819 г. супруги прибыли в портовый город Дувр. Виктория себя плохо чувствовала, и высочайшая чета провела месяц в Дувре в Кенсингтоновском дворце. Главное, ребенок должен был появиться на британской территории, чтобы иметь права на престол.

А почему британский принц с женой жил в Германии? Ну, во-первых, его жена Виктория была немкой и сестрой принца Леопольда Саксен-Кобургского. Любопытно, что до своей свадьбы с герцогом Кентским, состоявшейся 29 мая 1818 г., она не умела говорить по-английски. Ну а во-вторых, герцог Кентский, равно как и его отец король Георг III, был чистокровным немцем.

24 июня 1819 г. в 3 часа дня состоялось крещение новорожденной. Крестными родителями девочки стали принц Леопольд, русский император Александр I, находившийся тогда с визитом в Англии, принцесса Огаста и Мери герцогиня Глостерская. Однако на самой церемонии никого из высочайших особ, кроме Леопольда, не было. Зато новорожденная получила свое первое имя в честь русского царя, а второе — в честь матери, и стала Александрой-Викторией. Но, поскольку она вошла в историю под вторым именем, я буду впредь называть ее просто Викторией.

Еще до коронации родственники подыскивали Виктории жениха. Разумеется, он тоже был немцем и даже ее отдаленным родственником. Это был принц Альберт, сын Эрнеста герцога Саксен-Гота-Кобургского. Принц родился 24 августа 1819 г. в Тюрингии. Как писал Кристофер Хибберт, по

словам его матери, Альберт был «"слишком subtilным для мальчика". Он действительно больше походил на девочку и отличался необыкновенной застенчивостью, скромностью, чувствительностью и слишком часто плакал по каждому поводу»^{71}.

В мае 1836 г. принц Альберт впервые посетил Англию. Там он «покорил всех приятной внешностью и обаянием. Но с другой стороны, его subtilная конституция не позволяла ему полноценно участвовать во всех увеселительных мероприятиях, балах, вечеринках, обедах и ужинах, концертах и в прочих придворных ритуалах, которые он вынужден был посещать. Кроме того, он не привык к ночной жизни и всегда стремился пораньше уйти спать. Однажды принц ушел спать в то время, которое для Виктории было просто детским. А когда на вечеринке, устроенной во дворце в честь семнадцатого дня рождения принцессы Виктории, Альберт дважды потанцевал в ней, она вдруг заметила, что тот "смертельно побледнел и чуть было не лишился чувств". После этого он два дня отлеживался в своей комнате и восстанавливал силы. "Мне очень жаль, — писала Виктория своему дядюшке Леопольду, — что в лице принца Альберта мы получили при дворе самого настоящего инвалида"»^{72}.

Тем не менее Виктория готова была пойти навстречу требованиям родни и министров. Но 9 (21) апреля 1839 г. в Лондоне появился наследник российского престола, будущий император Александр II. Он был высок и статен. Даже в 60—70-х годах XIX века Александр II считался одним из красивейших монархов мира, а тогда ему было всего 20 лет. Добавим к этому прекрасные манеры и знание иностранных языков. Замечу, что воспитателем цесаревича был поэт В.А. Жуковский, он, кстати, и сопровождал Александра в поездке по Европе.

Как писал В. Балязин: «За год до появления Александра в Лондоне одна из придворных дам показала Виктории письмо, написанное ей женой покойного русского посла в Англии княгиней Ливен. В нем княгиня писала: "Молодой цесаревич Александр — самый очаровательный из всех европейских принцев... Трудно себе представить более красивого молодого человека. У него привлекательное, прекрасное лицо и необыкновенно приятная манера говорить".

Виктория конечно же запомнила это, и, когда Александр предстал перед нею на официальном приеме в Букингемском дворце, юная королева убедилась в справедливости того, что она уже знала.

В свою очередь, и Александр помнил, что княгиня Ливен говорила о Виктории: очаровательная синеглазая красавица, с безукоризненными

манерами и необычайно глубоким для ее возраста умом. Александр понравился Виктории, о чем она не преминула записать в своем дневнике...

...Виктория день ото дня все более увлекалась Александром и наконец поняла, что влюблена в него. Тогда Виктория пошла на неслыханное — особенно в среде чопорной английской аристократии — нарушение этикета: она пригласила Александра навестить ее наедине, а после того, как они в досталь наговорились, поехала с ним на заранее оседланных лошадях на прогулку в парк. Она записала потом в дневнике: "Я страшно была довольна, видя, как легко вскочил он на лошадь и как она понравилась ему".

Вслед за тем Виктория дала бал в честь Александра, продолжавшийся допоздна. Однако это был не петербургский бал с сотнями приглашенных, а скорее дружеская молодежная вечеринка, где собрались несколько молодых придворных англичан, два голландских принца и свита Александра — граф Алексей Константинович Толстой, друг детства цесаревича, служивший в русском посольстве, еще два друга детства — барон Паткуль и граф Адлерберг, а также молодой князь Барятинский, флигель-адъютант полковник Юрьевич, князь Долгорукий и барон Ливен, сопровождавшие Александра.

Виктория танцевала с Александром и первый и последний танец, а на следующий день призналась премьер-министру лорду Мельбурну, что Александр ей страшно нравится. А в дневнике своем она записала: "Я покинула бальный зал в три с четвертью очень счастливой, с сердцем, полным радости".

В том же на следующий день сознался полковнику Юрьевичу и Александр.

Полковник Симон Юрьевич был в свите одним из самых старших по возрасту. Он тут же доложил об услышанном [графу] Орлову, а тот по долгу службы немедленно донес Николаю. Следует иметь в виду, что все это происходило почти сразу же после того, как Александр официально посватался к своей будущей жене — Марии Гессен-Дармштадтской. И все же, несмотря на это, Александр стал обдумывать, как бы ему отказаться от сделанного Марии предложения и жениться на Виктории. Этими своими раздумьями поделился он с Юрьевичем, после чего в дневнике полковника 12 мая появилась такая запись: "На следующий день Великий Князь опять огорчил меня. Я сказал ему, что этот брак совершенно невозможен. Я прибавил, что в случае такого поступка ему придется отказаться от своей будущей короны и что совесть его никогда не позволит ему сделать это. Он согласился со мной. Но было ясно, что он очень страдает. Выглядел он

бледным и несчастным..." и далее: "Было решено покинуть Англию 29 мая (по старому стилю). Но Царевич умолял продлить хоть немного пребывание в Лондоне. Однако я ответил ему, что наш английский визит уже и так продолжается целый месяц — это слишком долго, и ни при каком другом дворе мы не пробыли столько времени... У меня лично нет ни малейшего сомнения, что если бы Царевич сделал предложение королеве, она без колебаний приняла бы его". Страхась гнева Николая, Орлов и Юрьевич стали всячески отвлекать Александра официальными и неофициальными приемами, экскурсиями, парадами, а Виктория по традиции должна была уехать в Виндзорский замок. Однако Александр оставил Лондон и приехал в Виндзор. Он провел там несколько прекрасных дней и вечеров. 27 мая Виктория записала: "Я совершенно влюблена в Великого Князя... Мне было так приятно и так весело танцевать с ним... Великий князь такой невероятно сильный и так скоро кружится, что надо быстро следовать за ним, и мы кружились вихрем. Этим и закончился наш маленький бал около двух часов ночи. Я никогда не была так счастлива. Нам всем было так хорошо. Я легла в четверть четвертого, но не могла заснуть до пяти". 29 мая: "Великий Князь сказал мне, что он очень тронут столь прекрасной встречей здесь и никогда ее не забудет. Затем он прибавил по-французски: "Это не только слова, я вас уверяю, я так действительно чувствую". Он опять повторил, что проведенные им здесь дни навсегда останутся в его памяти. Я их тоже никогда не забуду, потому что я действительно люблю этого приветливого, милого молодого человека".

28 мая они провели вместе последний вечер. "Когда был кончен последний вальс, — записала в дневнике Виктория, — в двадцать минут третьего, я простилась со всеми джентльменами из свиты Великого Князя с чувством искренней печали... После я удалилась в маленькую синюю комнату, куда лорд Пальмерстон привел Великого Князя, чтобы попрощаться со мной. Мы остались наедине. Великий Князь взял мою руку и тепло сжал ее в своей руке. Он был бледен, и голос его задрожал, когда он сказал мне по-французски: "Мне не хватает слов, чтобы выразить все, что я чувствую", — и добавил, как глубоко он признателен за столь любезный прием. Он сказал, что надеется еще побывать в Англии. Затем он прижался к моей щеке и поцеловал меня так тепло и с таким сердечным чувством, и потом мы опять очень тепло пожали друг другу руки".

Встретившись на следующий день с Юрьевичем, Александр бросился к нему в объятия и заплакал. Он сказал, что никогда не забудет Викторию»^[73].

29 мая (по старому стилю) Александр покинул Англию и отправился в Гаагу. Виктория была оскорблена и как женщина, и как правительница самой сильной в мире империи, «над владениями которой никогда не заходит солнце».

Замечу, что никакой политической необходимости в отказе от брака цесаревича и Виктории у Николая I не было. Даже если бы Александру пришлось отказаться от наследования российского престола, у него было еще три брата — Константин (1827—1892), Николай (1831—1891) и Михаил (1832—1909). Все трое как на подбор здоровые крепкие парни, причем Константин, по мнению современников, был умнее и энергичнее своего старшего брата, а главное, был настроен более либерально. Вне всякого сомнения, Константин I стал бы куда лучшим императором, чем Александр II.

Очевидно, что Николаю I просто было забавно щелкнуть по носу зазнавшуюся девятнадцатилетнюю девчонку, но ослепленный манией своего величия император не понимал, чем все это может обернуться России. Зато Виктория навек запомнит эти оскорбления.

10 февраля 1840 г. королева Виктория вступила в брак с Альбертом Саксен-Кобург-Готским. А уже через месяц состоялась помолвка цесаревича Александра с шестнадцатилетней принцессой Максимилианой Вильгельминой Гессен-Дармштадтской. Герцогство Дармштадтское не превышало по размерам хорошего уезда в Российской империи, а таких принцесс в Германии на «ярмарке невест» было много десятков. Да еще ходили достаточно аргументированные слухи, что герцог Людвиг II вовсе не является отцом невесты.

Естественно, Виктория не могла не знать всего этого, и совсем нетрудно представить ее реакцию.

Менее всего автор склонен последующие события объяснять личной ненавистью королевы Виктории к Николаю I, Александру II и к России в целом. В Британии существует конституционная монархия, и ее политику в основном определяет кабинет министров, который в свою очередь прислушивается к мнению финансового и промышленного капитала.

И тем не менее королева Виктория сыграла за свое долгое правление во внешней политике Британии куда большую роль, чем все ее премьер-министры, вместе взятые. А русофобия не покидала королеву до самых последних ее дней.

В XX веке англосакская пропаганда и русскоязычные либералы потратили немало сил и средств, чтобы слово «концлагерь» в головах обывателей Европы и России автоматически ассоциировалось с Гитлером и

Сталиным. Но они оба всего лишь плагиаторы. Впервые концлагеря организовала мудрая и просвещенная королева Виктория в Трансваале в ходе англо-бурской войны. Замечу, что туда сгоняли не партизан и не политических противников, а семьи военнослужащих буров. Всего в концлагерях оказалось 120 тысяч человек, из которых 20 тысяч погибли.

Глава 10

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Война кавказских горцев с русскими, которую столь активно поддерживала Англия, не могла решить стратегическую задачу Лондона по низведению Российской империи до второразрядного государства. Горские племена упорно не хотели объединяться или воевать за пределами своего ареала обитания. Нужна была большая война. Первым кандидатом на роль пушечного мяса была Турция.

21 октября (2 ноября) 1849 г. английская эскадра адмирала Паркера вошла в Дарданелльский пролив и стала на якорь за внешними турецкими фортами. Русский посол Бруннов немедленно посетил британского министра иностранных дел Генри Джона Пальмерстона и потребовал объяснений. Пальмерстон начал выкручиваться и ссылаться на «плохие погодные условия», которые-де заставили эскадру Паркера укрыться в проливе. На это Бруннов резонно возразил: «На что имеет право адмирал Паркер, на то имеет право также адмирал Лазарев. Если первый законно может войти в Дарданелльский пролив, то последний может пройти через Босфор». Угроза подействовала, и Пальмерстон в конце концов признал маневры английского флота «ошибочными», пообещал, что «этого больше не случится», и объявил о недопустимости вольного толкования принципа закрытия Проливов. В тот момент англичане не имели достаточно чужого пушечного мяса для войны с Россией, и эскадра Паркера быстро убралась из Дарданелл.

Манной небесной для Лондона стал конфликт французской и русской миссий в Палестине из-за того, кому владеть ключами от Вифлеемской пещеры.

Во всех странах такие споры решаются на уровне городских властей. В Палестине было все иначе. За православными стояла Россия, а за католиками — вся Европа во главе с Францией. Хозяином же Палестины являлся турецкий султан. Среди его подданных было около 10 миллионов православных и всего несколько тысяч католиков. Поэтому вполне логично было бы преобладание православного духовенства в Палестине. Тем более что до захвата мусульманами Палестины в VII веке все христианские святыни были под контролем Византийской империи, а не Рима.

Правительству Франции было глубоко наплевать и на звезду, и на

обвалившийся купол, но нужен был повод для вмешательства в дела

Сирии. В 1830—1847 гг. Франция захватила Алжир, который был вассалом турецкого султана, после чего жадные взгляды французских буржуа устремились к восточному Средиземноморью.

22 марта 1853 г. французский министр иностранных дел вручил новому посланнику в Турции де Лакуру инструкцию. В ней говорилось: «Если русский флот в Севастополе предпримет передвижение, или в Дунайские княжества войдут русские войска, или даже будет осуществлено приближение русских кораблей к турецкому побережью Черного моря, то любое из этих предположений было бы достаточно для объявления войны России». Таким образом, французское правительство ни много ни мало требовало запретить плавать в Черном море русским военным кораблям.

Агрессивность Наполеона III вызвала восторг в Лондоне. Англия получила возможность в очередной раз вести чужими руками большую европейскую войну. В 1799—1815 гг. «владычица морей» усмирила Наполеона I с помощью России, причем сделала это исключительно в интересах Англии. Что же касается Палестины и Сирии, то это была лишь приманка для недалекого императора — отдавать их Франции англичане не собирались.

16 февраля 1853 г. в Константинополь на пароходо-фрегате^[20] «Громоносец» прибыл чрезвычайный царский посол князь А.С. Ментиков. 24 февраля Меншиков был принят султаном Абдул-Мехадом. Во время аудиенции он вручил султану собственноручное письмо Николая I. Целью приезда Меншикова было заключение конвенции о статусе православной церкви в Палестине и Сирии, кроме того, он был уполномочен царем предложить Турции заключить оборонительный договор против Франции.

Британский и французский послы подталкивали турецкое правительство к войне с Россией. И 4 (16) октября 1853 г. Турция объявила России войну. 18 (30) ноября 1853 г. эскадра адмирала Нахимова в ходе четырехчасового боя уничтожила турецкую эскадру в Синопской бухте. Британская пресса подняла страшный вой, называя это сражение не иначе как «массовой резней». Спору нет, по огневой мощи русские суда были намного сильнее турок — 6 кораблей и 2 фрегата против 7 фрегатов, 3 корветов и 2 вооруженных пароходов турок. Но если учесть мощь береговых батарей Синопа с орудиями калибра от 12 до 36 фунтов, то я уверен, что, командуй русскими Осман-паша, а турками — Нахим-паша, исход сражения был бы совсем иным.

Замечу, что еще до начала войны британское адмиралтейство начало мобилизацию флота. 27 октября (8 ноября) 1853 г. соединенный англо-

французский флот вошел в Мраморное море. В его составе имелось 22 корабля, из которых 8 — паровые винтовые, а также 15 фрегатов, из которых 6 винтовых и 7 пароходо-фрегатов, то есть фрегатов с колесным двигателем.

К 1854 г. в составе Черноморского флота состояли 15 парусных кораблей, 7 парусных фрегатов, 7 пароходо-фрегатов и 21 вооруженный малый колесный пароход. Винтовое судно на Черноморском флоте имелось лишь одно — шхуна «Аргонавт». Кроме того, было большое число парусных судов различных типов: корветов — 5 (90 орудий), бригов — 12 (166 орудий), шхун — 6 (80 орудий), тендеров — 7 (42 орудия), яхт — 2 (20 орудий), транспортов — 28 (156 орудий).

9 (21) февраля 1854 г. Англия и Франция разорвали дипломатические отношения с Россией, а через три недели заключили военный союз с Турцией и, наконец, 15 (27) марта 1854 г. Англия объявила войну России, а на следующий день это сделала Франция.

Главной целью английского правительства в Крымской войне было уничтожение Черноморского флота и его главной базы в Севастополе. «Газета "Тайме" писала: "Великие политические цели войны не будут достигнуты до тех пор, пока существует Севастополь и русский флот". Военная экспедиция в Севастополь называлась "основным условием достижения вечного мира". Член палаты лордов Линдхерст во всеуслышание и при всеобщей поддержке заявил: "Мы должны пойти на заключение мира только в самом крайнем случае" — и добавил: "Было бы самым величайшим несчастьем для всей человеческой расы, если бы этой варварской нации, врагу любого прогресса... удалось закрепиться в самом сердце Европы"»^[74].

Даже британский историк Хибберт пишет о «приступе ксенофобии», точнее, русофобии, охватившей Англию, объявившую 27 марта 1854 г. войну России. Бесконечные колонны войск проходили мимо Букингемского дворца, на балконе которого стояли Виктория с принцем Альбертом и детьми. Королева, приветствуя солдат, махала рукой и улыбалась.

Королева «часто проводила смотры воинских частей и военно-морских эскадр перед их отправкой в район пролива Дарданеллы, а в свободное время вязала шерстяные носки, шарфы, варежки и отправляла солдатам...

... "Уверяю тебя, — писала она принцессе Августе, — я чрезвычайно сожалею, что не мужчина и не могу участвовать в этой войне"»^[75].

10 (22) апреля англо-французский флот бомбардировал мирный город Одессу. «Мирный город» — это не обычный пропагандистский штамп. До

1854 г. в Одессе имелся лишь Торговый порт, не было ни береговых укреплений, ни береговых батарей.

11 (23) апреля 1854 г. император Николай I издал Манифест об объявлении войны Англии и Франции. Наивный Николай I был поражен, узнав о «предательстве» императора Франца-Иосифа, которого он в 1848 г. спас от революции.

Стоит заметить, что в подавлении венгерского восстания 1848 г. приняли участие до 170 тысяч русских войск. Потери составили 708 человек убитыми и 2447 ранеными. Зато заболело, в первую очередь холерой, 85 387 человек, из которых умерло 10 885 человек. Потери от болезней превысили боевые в 28 раз!

Николай I принес в жертву 11,5 тысячи русских жизней для удовлетворения собственных амбиций. Австрийцы и не подумали оплатить русским расходы.

Затраченная Россией на Венгерскую кампанию сумма — 47,5 млн. рублей — сама по себе ничего не говорит современному читателю. Поэтому я для сравнения скажу, что покупка в Англии пароходо-фрегата «Владимир», который к началу Крымской войны был самым мощным паровым кораблем России, обошлась в 437,8 тыс. рублей. А если бы сей корабль строили в России, а в Англии купили только паровую машину, то его стоимость составила бы 354 тыс. рублей. Таким образом, вместо авантюры в Венгрии Россия могла бы купить 108 морских пароходо-фрегатов типа «Владимир» или сама построить 134 таких судна.

Ну а к началу войны «Владимир» остался в одиночестве. На Балтийском флоте имелось 11 пароходо-фрегатов, на Черноморском флоте — еще 6, но все они уступали по своей огневой мощи «Владимиру» минимум в два раза.

Забегая вперед, скажу, что 22 февраля (4 марта) 1855 г. войну России объявило Сардинское королевство и послало в Крым 17 тысяч пьемонтцев. Любопытно, что Россия проигнорировала бравого сардинского короля Виктора-Эммануила и даже не удосужилась объявить ему войну. Таким образом, Сардиния воевала с нами, а мы с ними — нет. Пьемонтцами же в Крыму занялась холера.

О высадке союзных армий в Крыму и обороне Севастополя написаны сотни книг. Здесь же я хочу рассказать о причинах поражения России и об упущенных возможностях императорской армии и флота. По моему мнению, Крымская и Японская войны были проиграны царской Россией 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. И дело не в том, что были повешены и сосланы в Сибирь лучшие офицеры Российской армии и

флота. Стране требовались кардинальные реформы, а вместо них Николай I решил законсервировать существующие порядки. Царь боялся мыслящих самостоятельно генералов и офицеров.

Со своей точки зрения наши цари были правы. Талантливый полководец всегда будет коситься на ничтожество на троне, особенно если политика монарха идет вразрез с прогрессом и интересами страны. Так, например, князь Долгоруков в начале 60-х годов XIX века писал: «Наивны Гольштейн-Готторпы, если они думают свековать при своих штыках и пушках. Не все же военные будут олухами, как были по сию пору, поймут же они, наконец, свою пользу и еще более пользу дорогой своей родины»^[76].

И правительство делало все, чтобы не появлялось талантливых офицеров, о которых мечтал князь Долгоруков. Замечу, что среди декабристов хватало князей Рюриковичей, имевших юридически куда больше прав на престол, чем Готторпы. Кстати, и позднейшие диссиденты, те же Петр Долгоруков и Петр Кропоткин — тоже князья Рюриковичи, и оба они неоднократно в полусутильной форме писали о своих правах на престол.

Вот, к примеру, на фоне ничтожеств появился знаменитый «белый генерал» Михаил Дмитриевич Скобелев — герой русско-турецкой войны и завоеватель Средней Азии. Надо ли говорить, что герой попадает в немилость к Александру II. И наоборот, руководители «Народной воли» ищут с ним контакта^[21]. Через некоторое время М.Д. Скобелев скончался в московской гостинице при до сих пор невыясненных обстоятельствах. Многие историки говорят об отравлении генерала.

Итак, в 1854 г. в русской армии и флоте не оказалось ни Суворовых, ни Орловых, ни Потемкиных. Перевозка союзных войск в Турцию (в зону Проливов) началась 18 (30) марта 1854 г. В июне того же года союзные войска перебазировались в порт Варна на Черном море, принадлежавший тогда Турции. Союзный же флот вошел в Черное море еще 22 декабря 1853 г. (3 января 1854 г.). Как видим, времени на подготовку к союзному вторжению у русского командования было более чем достаточно.

Как уже говорилось, союзный флот почти полностью состоял из паровых судов, а у русских было всего лишь 7 пароходо-фрегат, из которых 6 (кроме «Владимира») имели весьма слабую огневую мощь.

При таком соотношении сил шансы русских на победу в генеральном сражении «а ля Трафальгар» были равны нулю.

Наши храбрые адмиралы провели несложные расчеты и решили:

драться нельзя, надо самим топиться с горя. Ну а что, если отступить от шаблона и от заученных наставлений? Сразу оговорюсь, что не следовало изобретать что-то новое, надо было действовать тем, что имелось под рукой.

Всего через 7 лет после описываемых событий, в 1861 г., начнется Гражданская война в США. Там обе стороны станут применять самые разнообразные способы войны на море. В ход пойдут и брандеры, и таран, и шестовые мины, и подводные минные заграждения. Никаких особых изобретений, необходимых для создания и использования этих примитивных типов вооружений, делать в 1855—1861 гг. не надо было.

Так, например, брандеры новгородцы использовали против шведских судов еще в 1300 г. на Неве, а в 1770 г. граф Орлов с помощью брандеров сжег при Чесме превосходящие силы турецкого флота. Но вот Орловых-то в 1854 г. в России и не оказалось.

Неужели нельзя было из 21 малого парохода, находившихся в составе Черноморского флота, сформировать несколько штурмовых флотилий? Можно было мобилизовать еще как минимум два десятка малых пароходов, принадлежавших различным гражданским ведомствам и частным лицам. Эти пароходы плавали ранее в Азовском море, по Днепру и Дону

В принципе можно было мобилизовать пароходы даже на Волге, где к 1854 г. их насчитывалось десятки. Так, например, с 1850 г. между Тверью и Астраханью ходили буксирные пароходы «Минин» и «Пожарский» с машинами мощностью в 200 номинальных лошадиных сил^[22], принадлежавшие обществу «Меркурий». В январе 1854 г. три парохода с машинами мощностью в 50 номинальных л. с. были доставлены в разобранном виде с завода Коккериль (Бельгия) в Тверь, и с апреля того же года они находились в плавании.

Риторический вопрос: при необходимости эти пароходы по частям или целиком могли быть перетащены с Волги на Дон, в районе современного канала Волга—Дон? Замечу, что в этом месте суда перетаскивали уже не менее тысячи лет.

Спору нет, речные пароходы были неспособны нести регулярную службу на Черном море. Но от них требовалось совершить один или два рейса, чтобы быть использованными в качестве брандеров.

Русские колесные пароходы если и уступали в скорости хода, то совсем немного союзным винтовым кораблям и фрегатам, не говоря уж о больших колесных пароходах. Зато они были значительно маневреннее больших пароходов.

В 1854 г. не было малокалиберных скорострельных орудий (они

появятся только через 15—20 лет), а пушки больших и средних калибров имели малую скорострельность. Эти орудия были рассчитаны на линейный бой с неподвижным или малоподвижным кораблем противника и в подавляющем большинстве своем не имели поворотных устройств для стрельбы по маневрирующим целям на малых дистанциях. Таким образом, в ночном бою малые пароходы, используемые в качестве брандеров и носителей шестовых мин, были малоуязвимы от огня артиллерии противника. Вспомним, что в 1877—1878 гг. ни одна русская миноноска не была потоплена артиллерийским огнем турецких кораблей, причем не только в ночных, но и в дневных атаках.

Защиту команд малых пароходов от ружейного огня организовать было проще простого. Для этого годилось все — от мешков с песком до железных щитов.

Разумеется, был риск потерять несколько пароходов и несколько десятков человек из их команд. Поэтому команды должны были состоять исключительно из охотников, как тогда называли добровольцев. А их явно хватало среди десятков тысяч офицеров и матросов Черноморского флота, да и матросов гражданских судов.

Увы, в Российской империи, как и позже в СССР, тратились огромные средства на вооружение, а героям, спасавшим страну, платили медяки. До царей и генсеков не доходило, что если человек идет на смерть за Родину, то он должен быть уверен, что члены его семьи будут пожизненно материально обеспечены и защищены от произвола чиновников.

В применении к 1854 г. это должно было означать, что команда малого парохода, потопившая большой пароход, получала бы как минимум треть стоимости потопленного судна. Офицеры подлежали производству через чин, а нижние чины получали бы наследственное дворянство.

Надо ли говорить, что при таких условиях команды из охотников сами бы рвались в огонь и в воду.

Внезапность операции штурмовых флотилий можно было бы обеспечить элементарной дезинформацией. Так, сбор большого числа малых, в том числе и речных пароходов можно было объяснить необходимостью буксировки парусных кораблей, фрегатов и корветов Черноморского флота к месту боя и в самом бою. Такой прием, как уже говорилось, использовали союзники при бомбардировке Севастополя, да и до войны во всех флотах Европы практиковалась буксировка малыми пароходами больших военных парусных судов.

Любопытный момент, 18 марта 1854 г. вице-адмирал Корнилов издал подробную инструкцию командирам судов Черноморского флота на случай

появления союзного флота у Севастополя. Из восьми страниц инструкции три посвящены действиям брандеров! «Ах! Какой прозорливый адмирал! — воскликнет квасной патриот. — А Широкоград еще говорит, что у нас не было Орловых!»

Увы, Корнилов подробно расписывал возможные действия союзных (!) брандеров против Черноморского флота. В инструкции Корнилов вспоминал успешные действия брандеров при Чесме, на Баскском рейде в 1809 г., но ему даже не пришло в голову самому атаковать врага брандерами, тараном и шестовыми минами. Уж лучше всем героически затопиться на Севастопольском рейде! Глядишь, и вице-адмиралу, и затопленным кораблям памятник красивый поставят.

Чтобы не быть обвиненным в пристрастности в описании действий союзного флота, я предоставлю слово известному морскому теоретику германскому адмиралу Альфреду Штенцелю: «...самое удивительное — это план, выработанный союзниками для перевозки войск. Вместо того, чтобы заблокировать русский флот в Севастополе и тем обезопасить переход транспортов с войсками, они решили только прикрыть их конвоем из военных судов. Конечно, эта роль выпала лишь на долю английских кораблей, т.к. французские были битком набиты войсками. Не было даже организовано наблюдение за стоявшим в гавани неприятельским флотом. Странным кажется то, что старшие флагманы остались на парусных линейных кораблях, между тем как младшие находились на винтовых судах. Столь же фантастичен, как переход морем, был и план десантирования: предполагалось высадить сразу 30 000 человек, без палаток, всего с несколькими батареями артиллерии и небольшим количеством припасов, несмотря на то что у западного берега Крыма часто бывал довольно сильный прибой.

В Варне были посажены на суда 28 000 французов с 3000 лошадей, 24 000 англичан и 8000 турок. Для перевозки войск французы предоставили 15 линейных кораблей (из них 4 винтовых), 5 парусных фрегатов, 35 военных пароходов, 80 парусных транспортов и 40 судов для перевозки провианта, англичане — 150 больших коммерческих судов, в том числе много паровых, турки — 9 линейных кораблей и 4 парохода. Прикрытие осуществляли 12 английских линейных кораблей и столько же фрегатов. Вся эскадра состояла их 350 судов...

...Посадка на суда французских экспедиционных войск продолжалась с 31 августа по 2 сентября. Некоторые линейные корабли приняли сверх 1000 человек собственной команды еще около 2000 десантных войск и были ввиду этого почти совсем неспособны к бою. Англичане, задержанные

плохой погодой, закончили посадку лишь 7 числа. Несмотря на это, первый эшелон французских транспортов из 14 парусных судов покинул рейд уже 5 сентября без всякого конвоя и находился трое суток в море совершенно беззащитным. Из английских линейных кораблей, назначенных для охраны транспортного флота, только на одном имелась паровая машина...

...8 сентября англичане догнали французов и турок у Змеиного острова. Здесь произошел инцидент, как нельзя лучше осветивший все недостатки совместных операций союзников, не имеющих общего начальника. Среди французских генералов вдруг возникли сомнения: они почему-то нашли более удобным высадиться не у Качи, а в другом месте, лучше всего у Феодосии, к западу от Керчи. Движение же на Севастополь они считали слишком опасным. Прямо во время перехода все генералы и адмиралы собрались на совет и пришли опять к согласию лишь благодаря дипломатическому искусству лорда Раглана. Решили произвести новую рекогносцировку западного берега Крыма, что и было сделано 10 числа целой комиссией. Флот в это время стоял на якоре в открытом море. Образ действий совершенно непонятный, если принять во внимание предшествовавшие всему этому основательные дискуссии, тянувшиеся целыми месяцами!..

...По позднейшим данным, русский флот не мог выполнить своего намерения атаковать транспорты во время перехода и высадки из-за того, что в течение этих дней у западных берегов Крыма был штиль или господствовали слабые противные ветры. Вернее же, причиной было отсутствие дальновидности и энергии у его начальников. Таким образом, весь переход и высадка десанта сопровождались редкостно удачным стечением обстоятельств»^{177}.

Итак, союзникам крупно повезло из-за «отсутствия дальновидности и энергии» у Корнилова, Нахимова и Истомина. Что же касается штиля, то он не только мешал русским парусникам, но и парализовывал парусники союзников, которых было большинство в союзной армаде. Можно легко представить, что было бы, если бы не сорок, а только два десятка русских малых пароходов атаковали ночью это огромное скопище слабо охраняемых судов. Что же касается семи русских пароходно-фрегатов, то они могли связать боем наиболее активные суда охранения противника.

Среди союзного командования и так существовали серьезные разногласия относительно целесообразности высадки в Крыму. Поэтому если бы в результате ночного боя погибло хотя бы 10 % судов и личного состава десанта, вопрос о высадке был бы окончательно решен. Одна ночь и двадцать смелых капитанов могли изменить весь ход войны.

Под стать морскому действовало в Крыму и сухопутное начальство. На суше причиной поражения стала косность мышления русских генералов, которые забыли собственную военную историю. Почему Карл XII в 1708 г. не дошел до Смоленска 14 верст и повернул на юг? Убоялся петровских войск? Да нет, он жаждал сражения, а русские, наоборот, бежали перед шведами. Карл испугался генерала Голода, который через сто лет погубит Великую армию Наполеона.

Дело в том, что по приказу Петра русские разоряли собственную страну так же, как и Польшу. Чтобы не быть голословным, приведу цитату из указа Петра: «Ежели же неприятель пойдет на Украину, тогда идти у него передом и везде провиант и фураж, також хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городов) ...польский и свой жечь, не жалея, и строенья перед оным и по бокам, также мосты портить, леса зарубить и на больших переправах держать по возможности». Нарушителей ждала суровая кара: «...сказать везде, ежели кто повезет к неприятелю что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, також равно и тот, который ведает, а не скажет». В другом указе царь велел не вывезенный в Смоленск хлеб «прятать в ямы», а «мельницы, и жернова, и снасти вывезть все и закопать в землю, или затопить где в глубокой воде, или разбить», чтобы «не досталось неприятелю для молонья хлеба». Генерал-поручик Боур получил аналогичный приказ Петра: «...главное войско обжиганием и разорением утомлять».

Поэтому-то Карл и не пошел на Москву, а повернул на Украину, где надеялся найти большие запасы продовольствия и союзные войска гетмана Мазепы.

Высадка союзников в Крыму вовсе не была неожиданностью для русского командования. Еще 5 марта 1854 г. военный министр писал командующему русским флотом в Крыму князю А.С. Меншикову: «По полученным здесь сведениям подтверждается, что соединенный англо-французский флот намеревается сделать высадку на Крымских берегах, чтобы атаковать Севастополь с сухопутной стороны... Государь император поручил мне сообщить о сем вашей светлости с нарочным фельдъегерем и покорнейше просить вас принять все зависящие от вас меры, дабы быть готовым встретить и отразить угрожающие Крыму и в особенности Севастополю неприятельские покушения».

Неужели за 6 месяцев светлейший князь не мог подготовиться к защите Крыма? Неужели русские генералы и адмиралы не понимали, где могли высадиться союзники? Может, князь Меншиков думал, что они полезут по горным дорогам и тропинкам в Балаклаве, Алушке, Ялте или

Судаке? Было только два удобных места высадки столь крупного десанта — район Евпатории и район Феодосии. Но Феодосия слишком удалена от Севастополя. Поэтому был лишь один десантоопасный район, и именно там нужно было строить укрепления и там попытаться задержать врага. Ну а если бы союзники прорвали оборону наших войск? Вопрос первый — куда бы они пошли? К Северной стороне Севастополя, чтобы взять город с ходу? Это надо быть сумасшедшим. Северная сторона еще до войны была относительно хорошо укреплена, взять ее с ходу было нереально.

Нужна длительная осада, а как прикажете в этом случае снабжать огромную армию? Из Евпатории? Так она слишком далека от Севастополя, а главное, там нет защищенной от бурь стоянки кораблей, тем более для огромного флота. У союзников был единственный путь — пройти вдоль побережья к Инкерману, а затем расположиться южнее Севастополя, получив таким образом вполне приемлемые места базирования для флота — Балаклаву и Камышовую бухту.

И тут-то у Меншикова оказалось меньше ума, чем у неграмотных татарских беев во времена крымского похода 1736 г. фельдмаршала Миниха^[23]. Почему тогда русская армия без сражений была вынуждена покинуть Крым с большими потерями? Правильно! Потому что татары оставляли русским выжженную землю. Неужто Меншиков за 6 месяцев не мог подготовить к взрыву мосты и крупные каменные здания? Все жители в районе Балаклавы подлежали выселению, домашний скот следовало забить и бросить в водоемы. Особых сложностей это не представляло, так как южный берег Крыма был очень мало заселен. К примеру, в Ялте насчитывалось всего 86 душ обоего пола! На «выжженной земле» союзников неминуемо ждала бы судьба наполеоновской армии в 1812 г.

Но, увы, светлейший князь Меншиков был слишком галантным кавалером. Он дал возможность союзникам захватить в Евпатории 12 тысяч кубометров зерна, которые еще до войны были собраны для вывоза за рубеж. Этого зерна хватило союзникам на 4 месяца.

В XIX веке не существовало специальных десантных судов, и союзники высадили сравнительно большую армию, но практически без обоза. То есть они могли провести успешное сражение у места высадки, что, кстати, и сделали 8 сентября 1854 г. на реке Альме, но наступать они не могли, не имея достаточного количества лошадей и телег.

Возможно, часть читателей испытывает некоторые сомнения — почему, мол, все наши мудрые историки не заметили то, что заметил Широкоград? Так это наши мэтры не заметили того, чего не пожелали заметить. А вот «за бугром» всё это давным-давно знали. Вот, к примеру,

известный британский историк Кристофер Хибберт так описывает высадку союзников в Евпатории: «Перед рассветом дождь кончился, и снова показалось солнце. Вся пехота и часть артиллерии уже находились на берегу, но на кораблях оставалась кавалерия. Оказалось, что труднее переправить на берег одну лошадь, чем сотню пехотинцев. Большинство офицеров с трудом сдерживали эмоции, глядя на то, как испуганных стреноженных животных укладывают в шлюпки, где они дрожат и фыркают от ужаса. Иногда шлюпка переворачивалась, и лошадь оказывалась в море, тщетно пытаясь вытянуть голову, чтобы не наглотаться соленой воды. Наконец, было решено приостановить выгрузку до тех пор, пока море не успокоится.

Тем не менее к концу следующего дня и лошадей, и остальное армейское имущество выгрузили на берег. Теперь главной проблемой стало перевезти горы продовольствия, боеприпасов и других грузов, беспорядочно сваленных горами по всему побережью...

Генерал Эйри... понимал, что основной заботой тыловых служб станет нехватка транспорта, поэтому попытался собрать как можно больше повозок и тягловых животных прежде, чем армия двинется в сторону Севастополя»^{78}.

Не лишен интереса и состав артиллерии союзников к концу обороны Севастополя. К началу августа в осадной артиллерии союзников имелось около 700 орудий, из них 205 тяжелых мортир. А у русских в составе артиллерии обороны сухопутного фронта Южной стороны насчитывалось 1259 орудий, из которых было лишь 69 мортир. Именно навесной огонь мортир разрушил укрепления Севастополя и нанес большие потери русским в личном составе.

Позже тяжелые мортиры решат судьбу Порт-Артура. В 1915 г. германские мортиры заставят быстро капитулировать западные русские крепости. Но отечественные генералы с тупым упорством будут игнорировать мортиры, и в результате зимой 1939/1940 г. бороться с фортами линии Маннергейма будет нечем, и их попросту завалят трупами.

Небезынтересны и людские потери сторон в Крыму в 1854— 1855 гг.:

Таблица 1

Потери сторон на Крымском полуострове^{79}

Страна	Убитые	Умершие от холеры	Всего безвозвратные потери
Россия	46 121	88 755	134 876
Франция	20 240	75 375	95 615
Англия	4 602	17 225	21 827
Турция	20 900	24 500	45 400
Всего убитых у союзников:			45 742
Всего умерших от болезней у союзников:			117 100
Итого безвозвратных потерь в войне у союзников:			162 842

Здесь, как видим, нет потерь сардинского воинства. До конца войны сардинцы потеряли в бою убитыми и умершими от ран аж 28 человек. Зато свыше двух тысяч сардинцев умерли в Крыму от холеры, дизентерии и других заболеваний.

Глава 11

ЛЕТОПИСЬ СЛАВНЫХ ДЕЛ БРИТАНСКОГО ФЛОТА

27 октября (8 ноября) 1853 г. англо-французский флот вошел в Черное море. Как уже говорилось, Николай I и командование русской армии ничего не сделали для создания противодесантной обороны в районе Севастополя и Евпатории. И вот началась оборона Севастополя. А рядом, на берегах Азовского моря, расположены десятки русских городов. Их склады (магазины) буквально ломались от экспортных товаров, которые русские и иностранные купцы не успели вывезти в связи с закрытием Проливов.

Особенно большими были запасы хлеба. Естественно, хранить его в зоне досягаемости корабельной артиллерии противника было преступлением. Донской наказной атаман Хомутов предлагал отправить запасы хлеба из азовских портов в Севастополь и на Кавказ в действующую армию. «Даже и острый русский штык без сухарей окажется туп», — писал он военному министру Долгорукову. Но, как и в Евпатории, тут сработало правило: «Частная собственность неприкосновенна», и никто из начальства с ней не захотел связываться.

Царские генералы и адмиралы могли защитить приазовские города, благо об этом позаботился Господь Бог (или Матушка-природа), создав мелководный Керченский пролив.

В то время пролив имел наибольшую глубину у входов в Черное (до 18 м) и Азовское (до 9 м) моря. В прочих же местах его глубина не превосходила 6—7,3 м, и даже местами встречались отмели. Керченский пролив суживается на двух пунктах: у Павловского мыса и у Еникале. У Павловского мыса ширина пролива 6 верст, но фарватер у Крымского берега не шире полуторы версты и не глубже 7,5 м. У Еникале пролив шириной около 4,5 версты, разделялся отмелью на два прохода, глубиной до 7 м. Наибольшая глубина Азовского моря доходила до 12 м, но у берегов она гораздо меньше: так, например, у Таганрога — всего 3 м при илистом вязком грунте^{80}.

За два года войны русское командование не удосужилось как следует защитить вход в Керченский залив, а все надеялось: «авось пронесет» и «само рассосется». Еще до войны в Керчи планировалось построить

казематные батареи, но построили их только после войны. Взамен казематных батарей у входа в Керченский пролив на мысах Павловский и Ак-Бурун были построены две земляные батареи, на которых установили шесть 68-фунтовых бомбических пушек и 23 пушки среднего калибра. Керченский рейд защищали 6 пушек. В районе давно упраздненной крепости Еникале было устроено три батареи (23 пушки), из которых одна (8 пушек) находилась на восточной стороне Керченского пролива на косе Чушка. Все эти батареи были слабо защищены с фронта и открыты с тыла. В 1854 г. приступили к заграждениям пролива сначала бонами из бревен и железных цепей, но после бури заградили вход у Павловского мыса и Еникале 53-я затопленными судами и двумя сотнями якорей. В 1855 г. были заложены подводные мины впереди обоих заграждений по 40 штук у Павловского мыса и Еникале и 20 штук для защиты Керченского рейда. Полуразрушенная крепость Арабат была приведена в оборонительное положение и вооружена 17 орудиями.

У Еникале находилась флотилия из трех малых пароходов, четырех транспортов и восьми барказов под командованием контр-адмирала Вульфа. На вооружении этой флотилии было 62 пушки малого калибра. Ясно, что с такой «армадой» Вульф в лучшем случае мог противостоять канонерским лодкам противника. Керченскую флотилию планировалось усилить 8 гребными канонерскими лодками и 16 большими казачьими лодками, которые строились на Дону в станице Ансаканской. Эти гребные суда должны были нести сорок 24-фунтовых карронад. Однако к маю 1855 г. закончить их строительство не успели.

Увы, мин было до смешного мало. Вооружение береговых батарей и малых пароходов состояло из малокалиберных и старых орудий. Использовать пароходы в качестве брандеров и тут никому не пришло в голову. Зачем нужно было строить гребные канонерские лодки, когда под рукой была куча находившихся в строю частных пароходов? Или наши адмиралы были настолько глупы, что считали, что канонерские лодки должны быть только гребными?

В азовских портах находилось 17 пароходов, принадлежавших частным владельцам, в основном грекам и финнам. На Дону было как минимум два новых речных парохода — «Хомутов» и «Опыт». И те и другие русские власти не рискнули тревожить, а англичане пришли и сожгли.

Да за два года можно было, имея сотни плавсредств, попросту завалили узкий фарватер пролива камнями как сбрасывая их в воду, так и топя баржи с камнями. Причем ничего нового и неизвестного русским

властям в этом не было. Вспомним, что со времен Петра Великого и до 1855 г. в Кронштадте такими способами было построено не менее дюжины довольно больших искусственных островов.

Для заграждения фарватера можно было использовать, к примеру, канатную дорогу. Кстати, в 1942—1943 гг. немцы создали канатную дорогу через Керченский пролив.

В середине XX века меры царского правительства по защите Керченского пролива называли бы коротко — вредительство.

Для захвата Керчи союзники выделили 6 кораблей, 27 паровых фрегатов и мелких судов под начальством Лайонса и 3 корабля, 21 паровой фрегат и мелких судов под начальством Брюа, 3-тысячный английский десантный отряд под командой Броуна, 7-тысячный французский отряд под начальством д'Отмара и 6-тысячный турецкий отряд под начальством Решида-паши. Общее же командование осуществлял Броун. 10 мая эскадра взяла курс на Одессу, чтобы ввести в заблуждение русское командование, затем повернула на восток и на следующий день, 11 мая, была уже ввиду мыса Ак-Бурун.

К этому времени полевые войска в районе Керчи насчитывали 8850 человек при 20 полевых пушках. Ими командовал генерал-лейтенант барон К.К. Врангель. Войска были разбросаны: у Феодосии, Арабата и между ними — 3132 человека пехоты, вдоль берега Керченского пролива — 2682 человека пехоты, у Аргина — 1325 человека кавалерии, от Керчи до Судака — 1711 казаков.

12 мая, получив сведения о движении союзной эскадры к Керченскому проливу, барон Врангель сосредоточил у Камыш-Буруна 9 рот (1900 человек) с четырьмя орудиями и перевел гусарский полк с батареей (1325 человек с 8 орудиями) от Аргина к Султановке. Феодосийский отряд был оставлен у станции Парпала и в Арабате для охраны сообщения Керченского отряда с главными силами армии.

Вдруг барона охватил страх, и он приказал береговые батареи в Керчи и Еникале взорвать, суда флотилии затопить, а полевым частям отступить по Феодосийской дороге, оставив противнику не только Керчь, но и весь Керченский полуостров.

Союзники беспрепятственно заняли Керчь. Город подвергся разграблению со стороны союзников и крымских татар. В поисках ценностей они даже раскапывали курганы и могилы на кладбищах.

Разграбив Керчь и Еникале, союзный отряд отправился в Азовское море. 15 мая англо-французы напали на совершенно незащищенный Бердянск, сожгли там провиантский магазин, где хранилось 8040

кубометров пшеницы, два частных дома, уничтожили все стоявшие у причалов суда, включая и рыбацкие лодки. А на другой день 13 пароходов отряда союзников встали в боевую линию напротив Арабата и открыли огонь. Но защитники крепостицы Арабат встретили врага огнем пяти 24-фунтовых пушек, повредив два неприятельских парохода. Несмотря на огромное превосходство в огневой мощи, неприятельский отряд после трехчасовой перестрелки вышел из-под выстрелов крепостицы, а затем и вовсе ушел.

17 мая 15 союзных пароходов под командованием Ланонса подошли к Геническу. Ланонс потребовал сдать ему стоящие в проливе суда и казенные запасы провианта, но получил категорический отказ. Тогда неприятельские пароходы начали бомбардировку города, результатом которой был большой пожар, уничтоживший 20,6 тысячи кубометров провианта из 23,7 тысячи кубометров, хранившихся в городе. Прорвавшиеся в пролив на шлюпках англо-французы сожгли там 48 купеческих судов.

22 мая отряд союзников подошел к Таганрогу и потребовал сдать город, но получил отказ. Тогда союзники открыли артиллерийский огонь с пароходов и под его прикрытием высадили на берег 300 человек десанта. В Таганроге не было артиллерии, и отвечать неприятельским пароходам было нечем, но рота русских солдат под командованием отставного саперного подполковника Македонского сбросила союзный десант в море. Союзники продолжали безнаказанно обстреливать город. Было сожжено 2 казенных здания и 17 частных домов, 77 магазинов с провиантом, повреждено 4 казенных здания, 52 частных дома и 4 церкви.

Затем союзный отряд так же безнаказанно обстрелял Мариуполь и Ейск, а к 3 июня возвратился к Севастополю, оставив в Керчи полк англичан, полк французов и всех бывших с ними турок.

На обороне Севастополя эта операция союзников никак не отразилась, так как ни один наш солдат из-под Севастополя не был отвлечен.

В начале июня 1855 г. союзная эскадра вновь появилась у северных берегов Азовского моря. 3(15) июля 12 пароходов открыли довольно сильную канонаду по Бердянску. Затем неприятель бомбардировал несколько приморских селений, а 5 (17) июля попытался высадить десант у Бердянска и у селения Глафировки на Ейском лимане, но был отражен казаками, успев зажечь только несколько строений и хлебных амбаров. Еще неудачнее были нападения Союзников между Кривою Косою и Мариуполем, где есаул Тарасов, с частью сотни 66-го полка, защищая свой собственный поселок, встретил высадившихся с лодки неприятелей

ружейным огнем, обратил их в бегство и, догнав в море, по колено в воде, изрубил собственноручно двух человек. Между тем большой пароход, приблизясь к берегу, осыпал казаков картечью, но не успел нанести им ни малейшего вреда.

6(18) июля английские суда снова подошли к Таганрогу. С этого дня в продолжение двух с половиною недель несколько пароходов постоянно громили город, ежедневно выпуская от двадцати до ста и более выстрелов. Вечером 9 (21) июля, в субботу, во время всеобщего бдения в соборе Успения Богородицы, 92-фунтовое ядро попало в алтарь и сильно ушибло осыпавшуюся штукатуркою одного из священников, стоявшего там на молитве. Другой священник, совершавший богослужение, приказал диакону произнести с коленопреклонением народа обычную при нашествии врагов молитву. Никто не вышел из церкви до окончания всеобщей службы.

Утром 12 (24) июля один из английских пароходов сел на мель близ Кривой Косы в 60 верстах от Таганрога. Командир Донского 70-го полка, донося о том генералу Краснову, просил прислать ему два орудия, а между тем казаки открыли ружейный огонь по матросам неприятельского парохода, с которого отвечали пулями и картечью. В 8 часов утра появился другой пароход, который, из-за своей осадки не имея возможности подойти к берегу, остановился в полуверсте и стал осыпать казаков гранатами и картечью. Но, несмотря на то, экипаж стоявшего на мели парохода, потеряв надежду на его спасение, зажег его и ушел в шлюпках на большой пароход. Несколько охотников, вызванных из казачьих команд, бросились в воду и доплыли до брошенного англичанами парохода, где нашли флаги неснятыми, орудия не заклепанными, и даже сигнальные книги, брошенные при поспешном уходе английского экипажа.

Подполковник Македонский, прибыв с орудиями, когда пароход был уже взят казаками, немедленно приступил к снятию с него орудий. Две 24-фунтовые карронады были вытащены на берег и отправлены в Таганрог. Хотели также увезти с парохода 92-фунтовую бомбическую пушку и паровую машину. Но 15 (27) июля появились два английских парохода, которые помешали русским водолазам вести работы. Судя по всему, англичанам удалось подорвать свой пароход, поскольку позже его не было видно на поверхности моря, а останки затянуло илом.

Тем временем британские суда занялись уничтожением рыбных заводов и жилых домов на Кривой косе. В последующие четыре дня англичане бомбардировали Таганрог и Новомариинское селение, принадлежащее господину Бенардаки, а 28 июля (9 августа) вся

неприятельская флотилия, крейсировавшая вдоль северного побережья в Азовском море, прошла мимо Мариуполя. На этом подвиги королевского флота на Азовском море завершились.

Не менее успешно действовал союзный флот и на Балтике. Весной 1854 г. англо-французский флот появился в Балтийском море. Английская эскадра адмирала Непира состояла из 10 винтовых и 7 парусных кораблей, 15 винтовых фрегатов и корветов, 17 малых судов (всего 2344 орудия). Французская эскадра адмирала Парсеваля-Дешена состояла из 31 судна, из которых 12 были паровыми. (Всего 1308 орудий.) В июле на Балтику пришла еще одна французская эскадра с десантным отрядом в 6 тысяч человек.

Русский флот был в основном парусным и не мог эффективно противостоять союзникам в открытом море. Начать крейсерскую войну на коммуникациях союзников или использовать штурмовые силы — брандеры, малые пароходы с шестовыми минами и т.д. — у русских адмиралов не хватило ни ума, ни смелости. Поэтому Балтийский флот в ходе кампаний 1854-го и 1855 годов отстаивался в базах.

«Командующий Балтийским флотом Англии адмирал Непир уже в марте 1854 г. получил приказ захватывать "корабли, которые принадлежат императору России, или его подданным, или другим лицам, проживающим в его странах, или на территории, находящейся под его управлением". Речь шла почти исключительно о финских кораблях, главным образом о тех, порт приписки которых находился в каком-нибудь приморском городе, например, в Похьянмаа. Но экономические факторы, однако, имели такой вес, что кораблям неприятеля, то есть на практике — финским, несмотря на войну, было разрешено производить выгрузку древесины и дегтя в Великобритании вплоть до 15 мая: эти товары, в соответствии с правилами того времени, чаще всего были уже собственностью покупателя. Но постепенно все корабли, шедшие под русским бело-сине-красным торговым флагом, стали подвергаться досмотру и захватываться. Финский торговый флот был потерян в Крымской войне почти полностью, что, конечно, сразу же поспособствовало возникновению антианглийских настроений в Финляндии»^[81].

В конце мая 1854 г. отряд союзных кораблей вошел в Ботнический залив. Корабли обстреляли порт Брагештадт (ныне Раахе), где была сожжена судоверфь, и порт Улеоборг (Оулу), где сожгли смолокурню и несколько домов. Было захвачено несколько десятков малых финских судов, принадлежавших частным лицам.

26 мая (7 июня) союзная эскадра под командованием британского

адмирала Плюмриджа появилась перед Гамле-Карлебю (Коккола). Противник на девяти барказах, каждый вооруженный пушкой, попытался высадить десант. Город защищали две роты финских стрелков при двух полевых пушках и около сотни вооруженных местных жителей.

Бой длился с 9 часов вечера до полуночи. Один барказ союзников затонул, другой с 22 матросами сдался. Англичане потеряли около пятидесяти человек, финны — 4 человека. Через месяц большой английский барказ местные жители установили в центре города в качестве памятника. «Позднее портреты коммерции советника А. Доннера и крестьянина Маттса Густавсона Канкконена, руководивших во время сражения местными жителями, были вывешены в императорском дворце в Хельсинки, а в период независимости эти портреты украшали зал, в котором послы иностранных государств вручали президенту верительные грамоты»^[82].

После неудачи у Гамле-Карлебю адмирал Плюмридж с двумя фрегатами двинулся на самый север Ботнического залива, где обстрелял город и порт Кеми.

М. Клинге пишет: «События, произошедшие в Ханко, Витсанде, Раахе и Коккола, решительным образом повлияли на формирование общественного мнения в Финляндии. Первым эту тему затронул Топелиус в своем стихотворении "Первая капля крови"».

Там говорилось:

Мы верили в добро и праведность Британии,
Наварин, Трафальгар известны были нам.
Блистательный Шекспир или дворец хрустальный
Всегда были милы отзывчивым сердцам!
Но гордые сыны седого Альбиона
Набросились на нас — собратьев во Христе.
Европы хлебный край — в пожарах, воплях, столах!
Как понимать такое служение мечте?
Когда ваш грозный флот, непревзойденный в мире,
Геройски стал топить торговые суда:
Беспомощных людей расстреливать, как в тире —
Уж так ли благородно и славно, господа?
И вот, когда ворвались вы с целью грабежа,
Чтоб уничтожить гавани, чтоб обескровить нас,
И вот на этих мирных торговых рубежах
Капля крови первая снова пролилась!

<...>

Если вы, люди юга, приведете свой флот
Снова в гавани наши, вам придется познать,
Как за родину финское сердце умрет —
Как бесстрашно мы будем ее защищать^{83}.

Естественно, что в правление Маннергейма эти стихи были запрещены.

Единственным сколько-нибудь существенным успехом союзников стало взятие недостроенной русской крепости Бормарзунд в Аландском архипелаге. Гарнизон крепости состоял из 42 офицеров и 1942 нижних чинов, среди которых был и финский батальон. Союзная пресса преподнесла взятие Бормарзунда как важную победу. На самом деле этот частный успех не дал союзникам почти никаких преимуществ.

Воодушевленный взятием Бормарзунда английский адмирал Непир попытался захватить город Або. Однако там был сосредоточен 10-тысячный русский корпус, вход в порт перекрывали боновые заграждения, которые защищали 10 канонерских лодок и два парохода. В 4 часа дня 10 августа 1854 г. пять английских пароходов открыли огонь с 2000 саженей (4,3 км, то есть с предельной для того времени дистанции) по канонерским лодкам. Канонерки открыли ответный огонь, поддержанный береговой артиллерией с острова Рунсола. После нескольких часов безрезультатной перестрелки союзники ушли.

На том и закончилась кампания 1854 г. Союзники побоялись оставить гарнизон в районе Бормарзунда, и развалины крепости были вновь заняты русскими.

В кампанию 1855 г. на Балтике союзникам также не удалось добиться сколько-нибудь серьезных результатов. Их попытки захватить ключевые точки финского побережья Гангут и Поркалаудд потерпели неудачу. Атаку Кронштадта союзники даже не планировали, а два корабля, посланные на разведку, 9 июля 1855 г. подорвались на русских минах севернее острова Котлин. Оба корабля остались на плаву, но психологическое воздействие оказалось столь сильным, что более союзники к Котлину не совались. Всего у Кронштадта было выставлено 609 мин.

С 28 по 30 июня 1855 г. союзный флот бомбардировал крепость Свеаборг. В ночь с 27 на 28 июня французский десант занял скалистый безлюдный островок Абрамс-Гольм, где установили шесть дальнобойных 27-см мортир. Эти мортиры превосходили по дальности стрельбы русские

орудия. Да и на многих британских и французских судах были сделаны приспособления для увеличения углов возвышения пушек, что позволяло увеличить дальность стрельбы. На некоторых финских либералов произвел большое впечатление факт, что русские орудия в большинстве случаев не доставали до союзников, а снаряды противника разрывались в крепости.

Но тем не менее попытка захватить или, по крайней мере, разрушить Свеаборг закончилась неудачей. К 30 июня почти все орудия союзников, стрелявшие под большим углом возвышения, вышли из строя — было несколько разрывов стволов, но чаще всего разрушались станки и проламывались деревянные палубы под орудиями.

Повреждения же крепости были незначительными. В ходе бомбардировки в Свеаборге были убиты 55 человек и ранено около двухсот, у союзников потери составили 33 человека убитыми и ранеными.

Всего союзники выпустили по Свеаборгу 20 тысяч снарядов общим весом 60 тыс. пудов (почти 5 тыс. т), израсходовав 12 тыс. пудов (200 т) пороха. Только стоимость боеприпасов составила свыше 5 млн. франков.

Забрав свои мортиры с островка Абрамс-Гольм, союзники 1 августа отплыли от Свеаборга. Дальше союзному флоту удалось пограбить несколько финских малых населенных пунктов на берегах Финского и Ботнического заливов. А в ноябре 1855 г. союзная эскадра ушла с Балтики.

Нападение англичан в 1809 г. на Кольский полуостров ничему не научило наших адмиралов и министров. Они ничего не делали ни для обороны Русского Севера, ни для создания там операционной базы крейсерских судов. Ведь в случае войны с Англией Балтийский и Черноморский флоты оказывались запертыми в своих базах, и лишь фрегаты и корветы, базировавшиеся в Екатерининской бухте, могли свободно в любое время года выходить в Атлантику на коммуникации противника.

В итоге к началу Крымской войны в Архангельске находился один малый пароход «Смирный» (длина 38 м, машина мощностью 60 номинальных л. с), шхуна «Полярная Звезда» (8 пушек, длина 23,1 м), старый бриг «Новая Земля» (16 пушек), исполнявший обязанности брандвахты при Архангельском порте, и четыре транспорта. Кроме того, в Архангельске 13 июля 1854 г. был заложен еще один малый пароход «Полезный»^[24], спустить на воду который удалось лишь 1 мая 1855 г.

Весной 1854 г. на Север двинулась англо-французская эскадра в составе 10 судов. В Белом море они появились 5 (17) июня 1854 г., и первое, что сделали, — захватили две ладьи крестьянина Ситкина и мещанина Ломова с грузом муки. 11 (23) июня они отобрали у кемского

мещанина Василия Антонова шхуну «Волга», шедшую в Норвегию («Волга» имела свидетельство норвежского консула, но англичане заявили, что свидетельство недействительно, так как написано не на гербовой бумаге!). 14 (26) июня три неприятельских судна захватили кочмару Кольского крестьянина Андрея Ильина с грузом трески. 29 июня (11 июля) английский винтовой корвет остановился против одинокой рыбацкой избушки между селениями Чаванским и Кузонемском. Два офицера и 15 матросов вломились в избушку, отняли у крестьянина Василия Климова ружье, три ножа, 50 сажень бечевы, 15 деревянных ложек, бумажный кушак, головной убор жены, прихватили с собой корову и теленка и ушли.

6 (18) июля 1854 г. два британских паровых фрегата, вооруженных 35 и 28 пушками калибра 3 пуда, 96, 36 и 24 фунтов, подошли к Соловецкому монастырю.

Никаких военных объектов на Соловецких островах никогда не было. Тем не менее монахи не ждали ничего хорошего от «носителей европейской цивилизации». В начале мая в монастыре по указанию настоятеля отца Александра была проведена ревизия вооружения, хранившегося в крепости со времен войны монастыря с царем Алексеем Михайловичем. Итого было найдено 16 пушек калибром от 3 до 18 фунтов, две 5-фунтовые медные пушки, две мортиры, четыре пищали, 645 различных ружей и... 20 арбалетов. Увы, пушки XVI—XVII веков при пробе рвались, а большую часть физически нельзя было отчистить от ржавчины. Боеспособными оказались лишь 3-фунтовые (76-мм) пушки.

В мае из Архангельска прибыла инвалидная команда в составе 50 человек во главе с поручиком Бугаевским, прапорщиком Никоновичем и фейерверкером Друшевским. Вместе с ними прибыли и восемь 6-фунтовых пушек.

Увидев вражеские пароходы, отец-настоятель вместе с прапорщиком Никоновичем, фейерверкером Друшевским, двумя унтер-офицерами, десятью нижними чинами и двенадцатью монахами, взяв две древние 3-фунтовые пушки, направились к берегу. После установки пушек на берегу настоятель и прапорщик отправились в монастырь.

Англичане, не мудрствуя лукаво, открыли огонь по монастырю. Позже они оправдывались, что, мол, первые выстрелы были холостые. Фейерверкер Друшевский в ответ велел палить из 3-фунтовых пушек, стоявших на берегу.

Первая английская бомба^[25] весом 1,5 пуда попала в ограду Преображенского собора, не разорвавшись. Следующий выстрел был сделан по больничному корпусу, но и эта бомба не взорвалась. Третья

бомба попала в Святые ворота, чудом не задев находившихся рядом настоятеля Александра и монахов. Несколько последующих бомб разорвались. За время первой бомбардировки ни один человек в монастыре не пострадал, хотя несколько зданий и получили повреждения.

3-фунтовые пушки Друшевского добились как минимум одного попадания в английский фрегат «Бриск». На следующий день с «Бриска» была спущена шлюпка под белым флагом. Парламентеры доставили настоятелю ультиматум командующего британскими силами на Севере Эразмуса Омманей. Тот потребовал в течение трех часов гарнизону цитадели капитулировать, а коменданту крепости сдать шпагу. В противном случае Омманей грозил немедленно начать бомбардировку. Отец Александр на это ответил, что шпаги у него нет, а сдавать монастырь неприятелю он не желает. Тогда Омманей пошел на хитрость — он заявил, что считает своим долгом высадить на берег пленных русских, захваченных им ранее. Однако хитрость не удалась — монахи отказались принять «пленных», а на самом деле английский десант.

Омманей все же попытался высадить десант, и несколько гребных судов уже направлялись к берегу, когда совершенно неожиданно высадка была сорвана. Спрятавшиеся в лесу охотники (то есть вооруженные богомольцы и монахи) не смогли совладать со своим любопытством и, нарушив «воинскую дисциплину», высунулись из леса посмотреть, что делается на море. А англичане, обнаружив эту «засаду», поспешили вернуться на свои суда. После этого Омманей приказал вновь открыть по монастырю огонь, продолжавшийся несколько часов.

Замечу, что 6 и 7 июля 6-фунтовые пушки исправно вели огонь со стен монастыря, но их ядра не долетали до вражеских фрегатов. Близко же к монастырю «просвещенные мореплаватели» подходить боялись, и поэтому их стрельба была малоэффективна против каменных строений с толстыми стенами. Монахи при обстреле не теряли присутствия духа и даже провели под огнем два крестных хода по крепостной стене. Архимандрит Александр доносил своему начальству: «В оба боевые дня из людей монастырских не было ни одного убитого, ни одного раненого, нигде ничего не загоралось и все повреждения оказались ничтожными».

К большому удивлению защитников монастыря утром 8 июля вражеские фрегаты снялись с якоря и двинулись по направлению к Заяцким островам. Подойдя к Большому Заяцкому острову, фрегаты сделали два выстрела и высадили десант, который разграбил деревенскую церковь апостола Андрея Первозванного. Англичане разрубили дверь церкви, разломали кружку с пожертвованиями, рассыпав медные монеты,

осквернили церковные святыни, украли три колокола и два серебряных крестика. Этим и закончились боевые действия англичан против Соловецкого монастыря.

За заслуги в обороне монастыря отца Александра наградили наперсным украшенным бриллиантами крестом на Георгиевской ленте. Золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте были награждены иеромонахи Матфей, Варнава и Николай.

В 1855 г. британский флот возобновил боевые действия на Севере. Был подвергнут артиллерийскому обстрелу городок Кола на Кольском полуострове. «9 (21) июля 1855 года английский пароход подошел к приморскому селению Мегры и высадил десант, который сжег три дома (из шести), уничтожил лодки рыбаков, а три карбаса с припасами увел. В августе с Мурманского берега в Архангельск шли на трех собственных шняках с грузом рыбы крестьяне Кемского уезда Сороцкой волости Павел Малашес, Семен Галанин и Петр Леонтьев; английский пароход остановил их, две шняки сжег, а третью увел. 18 (30) сентября во время отсутствия жителей, ушедших на рыбный промысел, английский десант сжег Екопский лопарский погост (7 избышек и несколько веж)»^[84].

Несколько раз вражеские пароходы появлялись в районе Соловецкого монастыря, но нападать на него не решались.

Не умея защитить свою территорию, бездарное царское правительство не могло вести даже психологическую войну. Когда в начале Первой мировой войны германские линейные крейсера обстреляли пару раз военные объекты в Англии, британская пропаганда кричала на весь мир о разрушении целых городов. Все германские линейные крейсера получили название... «детоубийц». Действия же союзников, как в Азовском море, так и на Балтике, грубо нарушали все международные нормы ведения войны.

Все эти «подвиги» просвещенных мореплавателей могли бы стать грозным оружием в пропагандистской войне. Царь обладал огромными финансовыми средствами, за ничтожную часть которых десятки, а то и сотни европейских газет начали бы ежедневно печатать фотографии изнасилованных английскими матросами чухонок, ограбленных русских купцов, а также лубочные рисунки, где британские корабли громят горящий Соловецкий монастырь.

Увы, ничего этого не было сделано. Мало того, когда несколько петербургских газет назвали действия британского флота пиратскими, то бездарный космополит канцлер Нессельроде строго предупредил редакторов о недопустимости подобных выражений.

Глава 12

БУМАЖНЫЙ КАНЦЛЕР РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В принципе британское адмиралтейство не возражало бы против уничтожения и Балтийского флота, но сделать это было весьма трудно из-за географического положения его главной базы Кронштадта, а главное, из-за огромной огневой мощи кронштадтских фортов. А, с другой стороны, Балтийский флот не очень-то и беспокоил «владычицу морей». С 1830 г. по 1855 г. число океанских плаваний судов Балтийского флота можно было пересчитать по пальцам.

Балтийский флот на бумаге к 1853 г. представлял собой грозную силу. В его составе было 33 корабля, 13 фрегатов, а также 11 пароходо-фрегатов. Всего на этих судах имелись 3422 пушки. Кроме того, было 15 малых пароходов, вооруженных 80-мм орудиями. Однако они и до войны 1854—1855 гг. плавали в основном в Финском заливе, а в ходе войны не выходили в море из-под защиты фортов Кронштадта и Свеаборга. Всю войну флоты Англии и Франции были безраздельными хозяевами Балтийского моря.

Но вот Черноморский флот был полностью уничтожен самими же русскими адмиралами, а Севастополь сдан. Таким образом, главные цели «владычицы морей» были достигнуты, и теперь стало возможно поговорить о мире с «варварской нацией».

13 февраля 1856 г. в Париже для подведения итогов Крымской войны открылся конгресс представителей великих европейских держав. Это был самый грандиозный европейский форум после 1815 г. Со стороны России в конгрессе принимали участие граф А.Ф. Орлов и барон Ф.И. Бруннов. Семидесятилетний граф Орлов, будучи опытным и удачливым дипломатом, выступал в роли первого уполномоченного. Барон Бруннов, бывший посланник в Лондоне, а затем при Германском союзе, был назначен вторым уполномоченным.

В работе конгресса принимали участие представители Франции, Англии, России, Австрии, Турции и Сардинии. Позднее были приглашены и представители Пруссии.

Первым актом Парижского конгресса было заключение перемирия с прекращением военных действий. 2 марта между воюющими сторонами состоялся обмен конвенциями о перемирии до 19 марта.

18 марта, после семнадцати заседаний конгресса, в Париже был подписан мирный договор, главные постановления которого заключались в следующем. Восстанавливается довоенный территориальный «status quo». Султан издает фирман, подтверждающий права и преимущества его христианских подданных и сообщает его для сведения державам. Последние не имеют права вмешиваться в отношения султана к его подданным и во внутреннее управление Османской империей. В мирное время Турция закрывает Проливы для всех военных судов, независимо от их принадлежности, за исключением стационаров в Стамбуле. Черное море объявляется нейтральным и открытым для торговых судов всех наций. Россия и Турция обязуются не иметь на его берегах военно-морских арсеналов. Им разрешается держать на Черном море для береговой службы не более десяти легких военных судов каждой. Дунай и его устья объявлены открытыми для речных судов всех наций, причем регулирование судоходства по Дунаю передано в ведение международной комиссии. Сербия, Молдова и Валахия остались в вассальной зависимости от Турции и сохранили все имеющиеся у них права по самоуправлению. Россия отказывается от части своей береговой полосы у устья Дуная, которая переходит к Молдове. Граница России и Турции в Азии восстанавливается в том виде, в котором она существовала до войны. Россия обязуется не укреплять Аландские острова и не держать на них военных сухопутных и морских сил.

Отдельная русско-турецкая конвенция конкретизировала типы судов на Черном море. Каждая из черноморских держав могла иметь для береговой службы по шесть паровых судов длиной до 50 м по ватерлинии и водоизмещением до 800 тонн и по четыре легких паровых или парусных судна водоизмещением до 200 тонн. России и Турции следовало отныне соблюдать одинаковые ограничения. Однако для турок это было пустой формальностью, ведь в целом на султанский флот не накладывалось никаких ограничений. И при необходимости весь турецкий флот за сутки мог проследовать из Мраморного моря в Черное. Россия же лишалась с таким трудом созданного флота.

Спору нет, Парижский мир унижал достоинство России, но фактически его грозные статьи были, мягко выражаясь, словоблудием. Никаких реальных ограничений нашей военной мощи на Черном море они не несли.

Истерия же «железного канцлера» А.М. Горчакова по поводу ограничений, навязанных России в Париже, была на руку лишь царским сановникам, получившим прекрасный повод ничего не делать для обороны

юга России, или, как тогда говорили, «мягкого подбрюшья империи».

Любимой поговоркой адмирала Нельсона была: «Умейте считать». Так давайте посчитаем и реально оценим ограничения Парижского мира.

Одной из причин поражения русских в Крыму в 1854—1855 гг. стало отсутствие железных дорог и ужасное состояние гужевых дорог на юге России. Волы месяцами везли тяжелую пушку или мортиру из Центральной России до Севастополя, в то время как тяжелые орудия союзников за несколько часов доставлялись по железной дороге с завода на пристань, а оттуда за неделю, максимум за две пароходом доставлялись в Балаклаву или Камышовую бухту. Замечу, что в начале 1855 г. англичане ввели в строй в Крыму железную дорогу для доставки орудий и других грузов с балаклавского причала прямо на позицию своих войск под Севастополем.

Риторический вопрос, мешал ли Парижский мир строительству железной дороги на юге России? Тогда другой вопрос: почему железные дороги были проложены в Одессу — в 1867 г., в Николаев — в 1873 г., в Севастополь — в 1875 г., в Феодосию — в 1892 г., и, наконец, в Керчь — аж в 1900 г.?!

Любое самое жестокое ограничение вооружения можно обойти, как это сделали немцы в 1920—1934 гг. А вот избавиться от двух главных бед России — дураков и дорог — нам вряд ли удастся даже в XXI веке.

Пойдем дальше. Кто мешал России приступить к постройке в Николаеве больших грузопассажирских судов водоизмещением от 3 до 15 тысяч тонн с мощными машинами и скоростью хода не менее 14 узлов? Сейчас такие суда назвали бы пароходами «двойного назначения». В мирное время они перевозили бы грузы и пассажиров по маршрутам Одесса — Марсель, Одесса — Владивосток и др., а в военное время вооружались и становились бы крейсерами и минными заградителями.

Никаких ограничений на строительство торговых судов на Черном море в Парижском договоре не было. Да и вообще не было предусмотрено никакого механизма контроля за деятельностью России на Черном море.

Прусский рейхсканцлер князь Бисмарк неоднократно в частных беседах говорил своему коллеге князю Горчакову: «Чего вы разводите пустую словесную трескотню, лучше стройте потихоньку броненосцы в Николаеве».

Но, увы, нашему «железному канцлеру», равно как и Александру II, более по душе были красивые циркуляры и громкие декларации, чем строительство кораблей и железных дорог. Опять «дураки и дороги».

Итак, Парижский мир был пустой бумажкой, но царское правительство

ухитрилось подписать там 4(16) апреля 1856 г. и куда более невыгодный документ — Декларацию по морскому праву. Тут уж были повинны не Николай I и Нессельроде, а Александр II и князь Горчаков.

В первой статье Декларации говорилось об уничтожении каперства^[26]. Мало того, даже пассажирский или торговый корабль, принадлежащий правительству данной страны, не может вести никаких боевых действий в море, если он не поднял военный флаг в порту своей страны и об этом не было официально заявлено. Согласно Декларации, «нейтральный флаг признан прикрывающим собственность неприятеля, а Нейтральные товары — не подлежащими захвату под неприятельским флагом, за исключением военной контрабанды; наконец, постановлено, что блокада обязательна только тогда, когда действительно содержится морскою силою, достаточною для преграждения доступа к неприятельским портам и берегам»^[85].

Таким образом, теперь установление блокады стало исключительным правом державы, обладавшей более сильным флотом.

К подписанию Декларации лучше всего подходят слова министра иностранных дел Франции Талейрана: «Это хуже, чем преступление, это — ошибка».

Увы, в России ни Горчаков, ни другие политики и адмиралы не осознали, какой подарок они преподнесли «владычице морей». Вот, к примеру, известный русский историк С.С. Татищев в 1902 г. написал по этому поводу: «Русские уполномоченные тем охотнее приложили свои подписи к этому акту, что провозглашенные им начала были те самые, которые положены Екатериной II в основание ее знаменитой декларации 1780 года о вооруженном нейтралитете и в течение целого столетия упорно отвергались Англией, тогда как Россия занесла их в конвенцию с Северо-Американскими Соединенными Штатами, заключенную как раз накануне Восточной войны»^[86].

Да, действительно, Екатерина Великая добивалась подобной декларации. Но ведь за 70 с лишним лет ситуация кардинально изменилась. В конце XVIII века Англия почти непрерывно вела морскую войну с Францией, Америкой и т.д., но даже не помышляла о нападении на Россию. Зато британские военные корабли и каперы постоянно захватывали русские суда и российские грузы на нейтральных судах. В такой ситуации принятие декларации было крайне выгодно нашей стране.

Однако в 1854—1855 гг. Англия совершила прямое нападение на Россию на Черном и Балтийском морях, на Севере и на Тихом океане, и с

тех пор до 1907 г. постоянно грозила повторить его.

В мирное время в России в 60—70-х годах XIX века большая часть зарубежной торговли шла через порты Балтики и Черного моря (до 70%), а остальная часть приходилась на гужевой и железнодорожный транспорт. Однако с началом войны с Англией торговые пути на Балтийском и Черном морях противник мог легко прервать, как это случилось в ходе Крымской войны. И, есть ли декларация, нет ли ее, русская морская торговля сводилась к нулю. Причем следует заметить, что с развитием железнодорожного транспорта при наличии больших сухопутных границ России любая морская блокада ее неэффективна и может привести лишь к небольшому росту цен, и то когда перевозка по железной дороге дороже, чем по морю.

Для любого островного государства (Англии, Японии и др.) эффективная морская блокада равносильна гибели. Вспомним, какой ущерб экономике нанесла в 1944—1945 гг. блокада японских островов американским флотом. И решающую роль в блокаде Японии сыграло не столько количественное и качественное превосходство флота США, сколько метод ведения крейсерской войны.

Представим себе фантастический вариант — американские корабли и подводные лодки в 1942 г. получили приказ вести крейсерскую войну в строгом соответствии с парижской Декларацией 1856 г. Американские крейсера и эсминцы должны были останавливаться, спускать шлюпки, сажать на них призовые партии, которые должны были осматривать японские транспорты. Подводные лодки, естественно, должны были еще и всплывать. Вся процедура занимала бы несколько часов. При таком методе ведения войны американцы в минимальном варианте понесли бы в 1941—1945 гг. вдвое большие потери, а в максимальном — проиграли бы войну.

На самом же деле командуя американским подводным флотом адмирал Локвуд отдал приказ «Sink them all!» («Топи их всех!»). И американские подводные лодки выполняли его в буквальном смысле, то есть топили любое судно в любом районе Тихого океана, где по их сведениям не было американских судов. Так были без предупреждения потоплены многие десятки нейтральных судов, включая советские. В отдельных случаях это происходило вблизи наших берегов. Так, подводная лодка SS-281 6 июня 1944 г. потопила советский пароход «Обь» в Охотском море у западного (!) берега Камчатки.

Замечу, что после войны американцы не только не извинились перед владельцами нейтральных судов, но тот же Локвуд набрался нахальства и выпустил свои мемуары под названием «Sink them all!»

Подписав парижскую Декларацию о крейсерской войне, Россия сделала большой подарок Англии и не только существенно сузила возможности действий собственного флота, но и лишила русских дипломатов весомых козырей в переговорах.

Русский крейсер в отдаленных районах Тихого или Индийского океана еще мог себе позволить роскошь обыскать британское судно со всеми формальностями. Но в водах у берегов Европы, перенасыщенных английскими военными кораблями, подобный метод означал смертельный риск для нашего крейсера. Чтобы свести этот риск к минимуму, крейсер должен был без предупреждения атаковать и потопить судно противника и немедленно уходить на полном ходу, не принимая никаких мер к спасению экипажа потопленного корабля. В море крейсер в целях маскировки должен был постоянно менять флаг, устанавливая на палубе фальшивые надстройки, мачты, дымовые трубы и т.д., то есть делать то, что делали германские рейдеры в 1914—1918 гг. и 1940—1943 гг.

Если бы у русских моряков были бы развязаны руки, то «владычице морей» стало бы накладно не только воевать с Россией, но и даже шантажировать ее, искусственно создавая кризисные состояния на грани войны. При действии Декларации, отправляясь в плавание в ходе очередного русско-британского кризиса, матросы и пассажиры английских судов ожидали в самом худшем случае, что их пересадят в теплые каюты русского крейсера, а затем высадят в нейтральном порту. Совсем другое дело проснуться от взрывов снарядов и торпед, а затем искупаться в ледяной воде Атлантики. Степень риска совсем другая, и убытки от отказов на перевозку пассажиров и грузов, возрастание стоимости фрахта, страховок вполне могли привести к краху британских судоходных компаний и без объявления войны.

В заключение стоит заметить, что парижскую Декларацию о крейсерской войне не подписали Соединенные Штаты Америки, Испания, Мексика, а позже к ней так и не присоединилась Япония.

Правительство Соединенных Штатов заявило, что уничтожение каперства может быть выгодно лишь для державы, обладающей сильным военным флотом, и ни одна нация, сколько-нибудь уважающая себя, не может никому позволять определять или как-либо иначе ограничивать характер ее вооружений. И государство, не обладающее достаточно мощным военным флотом, имеет полное право прибегнуть к выдаче каперских свидетельств, чтобы нанести неприятельской морской торговле тот вред, который терпит ее собственная торговля от крейсеров противника, что неизбежно, раз частная собственность на море не признается

неприкосновенной.

Единственно, чем можно хотя бы частично оправдать наших дипломатов, это международная практика, восходящая еще к римскому праву — договоры существуют, пока их выполняют обе стороны. Англичане же не привыкли на войне связывать себя какими-либо международными договоренностями, поэтому Россия могла в случае начала военных действий воспользоваться первым же нарушением морского права британским флотом и объявить о полном денонсировании Парижских трактатов.

Глава 13

РОССИЯ ВЫХОДИТ В ОКЕАН

В британском адмиралтействе были уверены, что после Крымской войны Россия надолго потеряет статус морской державы. Но все вышло как раз наоборот.

Сразу же после Крымской войны русские корабли вышли в океан. Для этого был ряд объективных и субъективных причин. Во-первых, английский кабинет постоянно грозил России войной, и присутствие русских крейсерских судов в океане было хорошим сдерживающим фактором для ретивых лордов. Во-вторых, присутствия русского флота на Средиземном море и в Тихом океане требовали государственные интересы России.

Был и субъективный фактор. В Морском ведомстве решили отказаться от ежегодного производства офицеров и перейти к системе производства только на свободные вакансии, в основу производства положить морской ценз, по которому для получения следующего чина необходимо было пробыть определенное число лет в плавании (мичману полтора года, лейтенанту 4,5 года), а для получения чина штаб-офицера — командовать судном. Понятно, что морской ценз надо было зарабатывать не в Финском заливе.

Еще перед Крымской войной старые адмиралы решили копировать Европу с отставанием на 5—10 лет, то есть строить обычные парусные корабли и фрегаты со вставкой внутрь корпуса паровых машин. А чтоб еще дешевле было, попросту снабжать паровыми машинами старые парусные корабли.

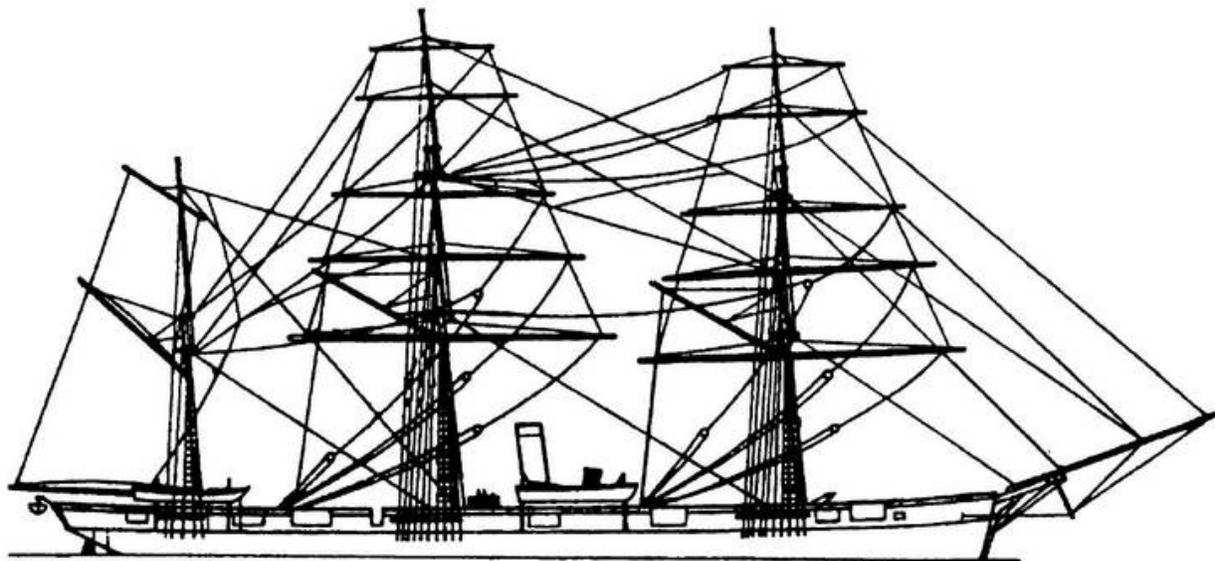
Куда более эффективными кораблями оказались винтовые фрегаты, корветы и клипера. Для удобства читателя я буду именовать их крейсерскими судами, хотя термин «крейсерские суда» времен Екатерины II был забыт, а термин «крейсер» ввели позже.

Еще в феврале 1854 г. находившийся в Североамериканских Штатах со специальными поручениями адъютант дежурного генерала Главного морского штаба капитан-лейтенант А.С. Горковенко направил генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу докладную записку «О губительном влиянии, какое имело бы на торговлю Англии появление в Тихом океане некоторого числа военных крейсеров наших, которые

забирали бы английские купеческие суда около западных берегов Южной Америки, в водах Новой Голландии и Китайских».

В самые трескучие морозы и полярную ночь 5 января 1856 г. в Архангельске были заложены первые шесть русских клиперов — «Разбойник», «Стрелок», «Джигит», «Опричник», «Пластун» и «Наездник». Любопытно, что даже в секретной переписке новые суда не называли клиперами, а именовали шхунами или винтовыми лодками.

Клипер — парусное или парусно-паровое военное или торговое судно. Парусные клипера были самыми быстроходными парусными судами дальнего плавания. Они строились с большим отношением длины к ширине, достигавшим 7:1, и имели более совершенные обводы. Русские военные клипера были только парусно-паровыми с одним гребным винтом. Парусное вооружение их по типу трехмачтовых барков, то есть бизань-мачта «сухая», не имела реев и несла только косые паруса, на остальных мачтах паруса прямые. В качестве вспомогательного двигателя клипера первого поколения снабжались паровой машиной с одним гребным винтом.

Винтовой клипер «Стрелок»

Уже 29 июля 1856 г. «Разбойник», «Стрелок», «Пластун» и «Джигит» ушли под парусами в Кронштадт, куда прибыли в начале сентября. На «Джигите» в разобранном виде находились его паровые котлы.

Русские клипера оказались превосходными крейсерскими судами. Во время хода под парусами труба заваливалась до палубы, чтобы не мешать действиям с парусами. Скорость под парусами достигала 10— 11 узлов. В

случае войны русский клипер мог находиться в океане год и более, не заходя в порт. Ну а продовольствие и воду он мог получать с захваченных торговых судов неприятеля. С 1856 по 1878 г. в состав русского флота были введены 15 клиперов.

Более крупными парусно-паровыми крейсерскими судами стали корветы и фрегаты. Их скорость под парусами немного уступала клиперам, но они имели куда более мощное вооружение. При плавании под парусами на корветах и фрегатах убирались дымовые трубы телескопического типа, а винты разделялись с валом и поднимались внутрь корпуса.

С 1856 по 1885 г. в строй было введено 27 корветов, а с 1854 по 1861 г. — 11 фрегатов.

С подачи министра иностранных дел А.М. Горчакова поначалу приоритет был отдан Средиземному морю. Новые суда еще не были готовы, и туда пошли морально устаревшие суда.

8 октября 1856 г. из Кронштадта вышла эскадра контр-адмирала А.Е. Беренса в составе паровых судов — корабля «Выборг»^[27] и фрегата «Полкан», а также парусников — фрегата «Кастор» и брига «Филоктет». При этом часть пути парусные суда шли на буксире у паровых. В декабре 1856 г эскадра пришла на Средиземное море.

Фрегат «Полкан» был отправлен в Грецию в распоряжение русского посланника, а бриг «Филоктет» для аналогичной функции — в Константинополь. «Выборг» и «Кастор» несколько недель простояли в Ницце, а затем в Генуе в связи с нахождением там вдовствующей императрицы Александры Федоровны.

Вскоре в Ниццу прибыл и пароходо-фрегат «Олаф». Из Ниццы в Геную он перевез великого князя Михаила Николаевича.

Замечу, что наряду с судами новейшего типа в России строились и нелепые пароходо-фрегаты, устаревшие еще ко времени Крымской войны. Так, последний пароходо-фрегат «Рюрик» был спущен 21 октября 1870 г. Водоизмещение его составляло 1662 т, а машины имели мощность 300/739 (номинальных/индикаторных) л. с.

Пароходо-фрегаты были созданы, когда еще не существовало винтовых судов. Их громадные колеса не позволяли развивать большую скорость хода под парами и создавали огромное сопротивление воды под парусами. Сражаться не только с броненосцами, но даже с деревянными винтовыми кораблями они не могли. Из-за колес они не могли эффективно использоваться в крейсерской войне.

Риторический вопрос — зачем же их строили? Хотите — верьте,

хотите — нет: из-за панического страха нашей августейшей фамилии перед винтовыми судами. Почему? Психически здоровому человеку не понять. И пароходо-фрегаты в основном использовались для перевозки Романовых (а число августейших особ к тому времени перевалило за три десятка) из Кронштадта на историческую родину — в Германию, а также для круизов по Средиземному морю. Причем ходить вокруг Европы на пароходо-фрегатах августейшие особы обычно не решались, а прибывали на юг Франции сухим путем. В 1858 г. пароходо-фрегат «Гремящий» был послан из Кронштадта в Архангельск только затем, чтобы перевезти Александра II из Архангельска в Соловецкий монастырь. В том же году пароходо-фрегаты «Олаф», «Гремящий» и «Выборг» был построен в 1839—1841 гг. как парусный корабль и в 1854 г. оснащен паровой машиной мощностью 450 номинальных л. с.

«Рюрик» неоднократно гонялись в Данию и Пруссию с менее значительными, но все же «августейшими» особами. Пароходо-фрегат «Рюрик» был построен специально для перевозки «особ».

8 июля 1857 г. из Кронштадта на Тихий океан ушел фрегат «Аскольд» под командованием флигель-адъютанта Унковского. Уже в Атлантике на фрегате открылась течь в колодце, служившем для опускания и подъема гребного винта. В Индийском океане во время шторма открылась сильная течь в рулевом отделении. Течь устранили лишь через три дня, а до этого «60 человек выносили воду ведрами». Во время урагана в ночь с 18 на 19 июня 1858 г. в трюме открылась течь. Вода прибывала по 4 дюйма в час (то есть на 10 см). С большим трудом течь устранили. Из-за всех неполадок фрегат был вынужден стать на средний ремонт в японском порту Нагасаки.

А 19 сентября 1857 г. из Кронштадта на Тихий океан впервые в истории российского флота пошла целая эскадра под командованием капитана 1-го ранга Д.Н. Кузнецова. Она получила название первого Амурского отряда, в составе которого были корветы «Воевода», «Новик», «Боярин» и клипера «Джигит», «Пластун» и «Стрелок». Российско-американская компания предоставила для них судно снабжения — транспорт «Николай I».

Впервые клипера шли в дальний поход, который с учетом сложности отношений с Англией в любой момент мог стать боевым. Понятно, что шесть быстроходных судов при первом же известии о войне немедленно бы разошлись и отправились в индивидуальное крейсерство, наделав «много шума» на вражеских коммуникациях.

Командир отряда Кузнецов писал о клиперах архангельской постройки: «Во всех портах иностранные морские офицеры любовались

наружным видом клиперов... Образование носовых линий превосходное, корветы и клиперы свободно разрезают воду, не претерпевают ударов в носовую часть и на волнение всходят легко. "Джигит", имея два паровых котла, никогда не уступал в ходу прочим судам отряда с тремя котлами, между тем топлива брал на семь дней, когда прочие клиперы имеют его не более чем на четыре или пять дней. При 24 фунтах пара ход был шесть узлов, а при 45 доходил до восьми-девяти».

Большая часть перехода осуществлялась под парусами. Так, у «Джигита» в 321-суточном плавании от Кронштадта до залива Де-Кастри из 190 ходовых суток лишь 15 суток 9 часов приходилось на долю машины, работавшей преимущественно в штиль и маловетрие.

В июле 1858 г. из Кронштадта на Тихий океан отправился второй Амурский отряд под командованием капитана 1-го ранга А.А. Попова. В его составе были корветы «Рында», «Гридень» и клипер «Опричник».

Почти через Год, в конце августа 1859 г., на Тихий океан отправится из Кронштадта новый отряд: корвет «Посадник» и клипера «Наездник» и «Разбойник». Причем, чтобы быстрее дойти до места, им было приказано идти раздельно. Впрочем, это, видимо, была формальная причина, а на самом деле это затрудняло слежение за ними британских кораблей.

Наряду с отправкой судов на Тихий океан Морское ведомство не забывало и о Средиземном море. Еще не успели уйти из Средиземного моря корабли эскадры контр-адмирала Е.А. Беренса, как туда в 1858 г. отправилась эскадра контр-адмирала Истомина в составе линейного корабля «Ретвизан», фрегата «Громобой», пароходо-фрегата «Рюрик», корветов «Баян» и «Медведь». Из этих кораблей «Баян» был оставлен стационаром в Афинах, а «Медведь» — в Константинополе.

После поражения России в Крымской войне в Западной Европе начался период нестабильности, произошла целая серия войн. В апреле — июле 1859 г. Франция и Сардинское королевство (Пьемонт) успешно провели войну против Австрии. 11 июня 1859 г. в Виллафранке был подписан мирный договор. Однако Сардиния сорвала его и в марте 1860 г. захватила Пармское и Моденское герцогства в центре Италии.

11 мая 1860 г. тысяча «добровольцев» под командованием Джузеппе Гарибальди высаживается на острове Сицилия, который входил в Неаполитанское королевство (Королевство Обеих Сицилии). В королевстве правил Франциск II из неаполитанской ветви Бурбонов. 27 мая при Калатафими гарибальдийцы разгромили неаполитанскую армию и вскоре завладели всем островом.

19 августа 1860 г. Гарибальди высадился в Каламбри на юге Италии.

1 октября 1860 г. в сражении при Вольтурно гарибальдийцы разбили пятидесятитысячное войско Бурбонов. Теперь уже все Неаполитанское королевство было передано Сардинии. 17 марта 1861 г. сардинский король Виктор-Эммануил II был провозглашен королем Италии.

В связи с этими событиями близ итальянских берегов постоянно находилась русская эскадра. К началу декабря 1858 г. в Генуе собрались линейный корабль «Ретвизан», фрегаты «Полкан» и «Громобой», пароходо-фрегат «Рюрик» и корвет «Баян». Командовал эскадрой сам генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич.

Летом 1859 г. корабли этой эскадры ушли в Россию, а взамен на Средиземное море прибыла новая эскадра под командованием контр-адмирала Нордмана. В составе его эскадры были линейный корабль «Гангут», фрегаты «Илья Муромец» и «Светлана» и корвет «Медведь». Кроме того, в Геную прибыл пароходо-фрегат «Олаф», которому было поручено состоять при вдовствующей императрице.

Но вернемся к нашим клиперам на Тихом океане. Одной из причин посылки Амурских отрядов на Дальний Восток была агрессия Англии против Китая. Русское правительство не слишком сильно беспокоили боевые действия в районе Гонконга. Но 20 мая 1858 г. британская эскадра подошла к устью реки Пейхо в Печилийском заливе и бомбардировала китайские форты. Затем последовала высадка англичан и марш-бросок к Тяньцзину, оттуда было всего 80 км до Пекина. 27 июня 1858 г. Китай был вынужден подписать унижительный мир.

Тем не менее в 1860 г. Англия, на этот раз вместе с Францией, вновь напала на Китай. Повод был анекдотичный: якобы их посланников не пропустили по какой-то причине в Пекин. Англо-французские эскадры вновь начали боевые действия в Печилийском заливе, то есть в непосредственной близости к территории Российской империи.

В такой ситуации русской эскадре на Дальнем Востоке требовался решительный командир. Им стал 34-летний капитан 1-го ранга Иван Федорович Лихачев. В 1850—1853 гг. он участвовал в кругосветном плавании на корвете «Оливуца». В Крымскую войну Лихачев был флаго-офицером начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала В.А. Корнилова. 6 мая 1854 г. Лихачев на пароходо-фрегате «Бессарабия» участвовал в бою с тремя англо-французскими пароходами.

10 марта 1858 г. Лихачев был назначен адъютантом генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. Он подал генерал-адмиралу «Записку о состоянии русского флота», в которой доказывал необходимость дальних плаваний судов российского флота и образования в морях

Дальнего Востока самостоятельной эскадры. В «Записке...» говорилось: «Только не держите эти суда в наших морях, где они как рыбы, вытасценные на берег... Не ограничивайте их поприще дорогою к Амуру и обратно... держите их в океане, в Китайском и Индийском морях, естественном поприще их военных подвигов в случае войны... У Вас образуются со временем настоящие адмиралы, которые будут бояться одной ответственности перед отечеством... которых не будет вгонять в идиотизм страх начальства».

В начале января 1860 г. в Особом комитете под председательством Александра II решили в помощь русскому посланнику Н.П. Игнатьеву собрать в китайских водах эскадру под командованием И.Ф. Лихачева. Иван Федорович срочно выехал из Петербурга во Францию и 31 января отправился на пассажирском пароходе из Марселя в Шанхай. Там он зафрахтовал французский пароход «Реми» и вышел на нем в Хакодате.

По прибытии в Хакодате Лихачев узнал, что англичане начали подготовку к высадке десанта в заливе Посьет^[28] с последующей оккупацией этого района. Лихачев принимает решение в инициативном порядке занять залив Посьет, формально принадлежавший Китаю. Но фактически это была ничейная территория, и в радиусе сотен верст там не было ни китайских солдат, ни чиновников.

В то время в Хакодате находилось два русских корабля — клипер «Джигит» и транспорт «Японец». Последний был построен в 1857 г. в Нью-Йорке и числился в Сибирской флотилии. Водоизмещение его составляло 1472 т, паровая машина мощностью 300 номинальных л. с. позволяла развивать скорость 10 узлов, вооружение состояло из 9 пушек малого калибра.

«Джигит» занимался ремонтом котлов, и Лихачев отправился в залив Посьет на «Японце». 11 апреля 1860 г. транспорт «Японец» бросил якорь в Новгородской гавани залива Посьет. На следующий день Лихачев осмотрел бухту и объявил ее территорией Российской империи. Собственной властью он распорядился основать пост в бухте Новгородская и оставил там команду численностью в 21 человек под командованием лейтенанта П.Н. Назимова, которому дал специальную инструкцию. Там говорилось, что в случае появления иностранных судов надлежит поднимать русский флаг и объяснять их командирам, что бухта Новгородская и залив Посьет являются собственностью России.

Объявив район залива Посьет русской территорией, И.Ф. Лихачев рисковал лишиться чина, пенсии, а то и попасть под суд. Однако генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, узнав о случившемся,

лично написал Лихачеву: «Ты совершенный молодец, и я обнимаю тебя мысленно от всей души!.. Все письма твои я давал читать государю, и он в высшей степени доволен твоей распорядительностью и находчивостью...»

С 1859 г. русский посланник генерал-майор Н.П. Игнатьев вел трудные переговоры в столице Китая о территориальном разделении земель. Правительство богдыхана упорствовало, и Александр II решил послать в Печилийский залив эскадру с целью демонстрации Китаю серьезных намерений Российской империи, да и англичан попугать, что наши «не лыком шиты».

В связи с этим фрегат «Светлана», находившийся в Тулоне, получил секретный приказ и 7 февраля 1860 г. срочно отправился на Тихий океан. 7 мая 1860 г. фрегат прибыл в Сингапур, где его ждали клипера «Посадник» и «Наездник». Спустя 10 дней «Светлана», ведя на буксире оба клипера, вышла из Сингапура. Это было сделано для сбережения запасов угля на клиперах, куда меньших, чем на фрегате. 2 июня 1860 г. «Светлана» и клипера соединились с эскадрой Лихачева.

Кроме того, еще осенью 1859 г. из Кронштадта на Дальний Восток вышел отряд судов в составе корветов «Рында», «Новик» и клипера «Пластун». А в 1860 г на Дальний Восток отправили корвет «Калевала», клипера «Абрек» и «Гайдамак», а также канонерскую лодку «Морж». Все суда шли раздельно. Замечу, что на «Калевале» впервые отправился в плавание семнадцатилетний кадет Морского корпуса Костя Станюкович, впоследствии знаменитый писатель.

Летом 1860 г. в Печилийском заливе у порта Таку, от которого до Пекина 150 верст, стояла эскадра в составе фрегата «Светлана», корвета «Посадник», клиперов «Джигит», «Разбойник» и «Наездник», а также транспорта «Японец».

Эскадра у ворот Пекина оказалась весьма кстати, а посланник даже приезжал 20 мая на «Джигит» советоваться с Лихачевым. Китайская сторона стала податливее, и 2 октября 1860 г. был заключен Пекинский договор, по которому неразграниченные ранее территории отошли к России.

Замечу, что речь шла не о территориях, заселенных китайцами, а о неразделенных между двумя государствами землях. Территории, официально присоединенные к России в 1858—1860 гг., были малонаселенными. Там жили негидальцы и ряд других малых народов. Никаких китайцев в этих краях не было.

Так 145 лет назад сформировались современные границы между Россией и Китаем по рекам Амуру и Уссури. Все побережье Приморья до

границы с Кореей стало русским.

Заслуга Лихачева и его эскадры в заключение Пекинского договора была по достоинству оценена в Петербурге. Ему в 35 лет был присвоен чин контр-адмирала и вручен орден Святого Владимира 3-й степени. Высочайший указ Александра II от 12 июня 1861 г. гласил: «Во внимание к чрезвычайно полезным трудам эскадры Китайского моря и отличной точности, с которой были выполнены ею предначертания, послужившие к заключению трактата с Китаем, Государь Император изъявил свое монаршее благоволение начальнику эскадры и всем командирам».

Русским крейсерским судам на Тихом океане неоднократно приходилось защищать наши торговые суда. Так, например, в начале апреля 1861 г. пароход Амурской компании «Святой Феодосии» совершил рейс по реке Янцзы до Нанкина с грузом британской компании и вернулся обратно. Шанхайский губернатор придрался к каким-то формальностям и решил конфисковать русский пароход. Русский консул попросил командира находившегося неподалеку корвета «Калевала» войти на Шанхайский рейд. После явления корвета с расчехленными орудиями все недоразумения сами собой исчерпались, и китайские власти отпустили с миром «Святого Феодосия».

Как уже говорилось, 30 декабря 1860 г. клипер «Гайдамак» покинул Плимут и отправился прямо на Дальний Восток. 7 февраля 1861 г. по пути у Порто-Гранде в Рио-де-Жанейро на клипере «прекратили пары» и приступили к подъему гребного винта, чтобы он не создавал дополнительного сопротивления при ходе под парусами. Из-за выхода из строя подъемного устройства и безграмотных действий командира винт вместе с передней частью подъемной рамы отправился на океанское дно.

Из-за этого инцидента клиперу пришлось пробыть в Рио-де-Жанейро четыре недели, которые были потрачены на ремонт подъемной рамы и установку запасного винта. «Так как подобных случаев никогда еще не было, и заводчики дорожили своими сношениями с нашим Правительством, то они приняли потерю винта на свой счет. Стоимость винта составляла 1000 фунтов стерлингов»^[87].

Переход «Гайдамака» из Рио до Батавии^[29] длился 56 дней. При попутном ветре ход клипера под парусами достигал 12,5 узла. Наибольшее суточное плавание составляло 258 миль, а среднесуточное — 160 миль. С 13 по 17 мая «Гайдамак» заправлялся углем и продовольствием в Батавии. А 31 мая клипер вошел на рейд Гонконга.

В конце июня 1861 г. «Гайдамак» прибыл в залив Посьет, где у поста

Новгородская гавань собралась эскадра контр-адмирала Лихачева.

Несколько слов стоит сказать и о плавании на Дальний Восток канонерской лодки «Морж». Еще в 1858 г. адмирал Е.В. Путятин предложил построить для Дальнего Востока серию канонерских лодок, которые бы совмещали сильную артиллерию и хорошую мореходность с небольшой осадкой, позволяющей безопасно плавать в Татарском проливе и устье Амура. Контракт на постройку головной лодки был заключен 23 октября 1859 г. с французским заводчиком О. Норманом, владельцем верфи в Гавре, а 22 ноября того же года был заключен контракт с английской фирмой «Моделей и Фильд» на изготовление котлов и паровой машины мощностью 80 номинальных л. с.

Головная лодка, получившая название «Морж», была спущена 1 июля 1860 г. 7 января 1861 г. на пробе машин в Англии лодка развила скорость 9,82 узла при мощности машины 292 индикаторные л. с. Так же как и на крейсерских судах винт лодки (диаметром 1450 мм) был сделан подъемным. «Морж» имела парусное вооружение трехмачтовой шхуны (галеты). Запас угля составлял 57 тонн и был рассчитан на пять дней плавания 9-узловым ходом (1080 миль). Материал корпуса — дуб с частями из тика и ильма^[30]. Общая стоимость корпуса лодки составила 105,5 тыс. руб., а механизмов — 32,48 тыс. руб.

Первоначальное вооружение лодки состояло из двух 60-фунтовых пушек № 1 и четырех 4-фунтовых нарезных заряжаемых с дула пушек. Кроме того, в виде опыта была установлена нарезная пушка Армстронга, впоследствии оказавшаяся негодной.

12 января 1861 г. канонерка «Морж» под командованием капитан-лейтенанта А.Е. Кроуна вышла из Фалмута (Англия) и, не заходя на Балтику, отправилась на Дальний Восток. Отдадим должное храбрости русских моряков, которые на почти плоскодонном деревянном судне длиной 47 м и водоизмещением 457 т отправились зимой в Атлантику.

9 мая 1861 г. по пути из Рио-де-Жанейро в Монтевидео «Морж» попала в ураган. «Лодка черпала обоими бортами», «огромные волны часто перекачивались через нос». Однако судно без повреждений выдержало шестичасовой ураган.

«Морж» прошла Магелланов пролив и 15 августа 1861 г. бросила якорь в чилийском порту Вальпараисо. Затем лодка пересекла Тихий океан с заходом в Гонолулу и 17 марта 1862 г. прибыла в Нагасаки, где пробыла месяц, а затем отправилась в залив Святой Ольги, где 25 апреля закончила свое долгое плавание.

Замечу, что и «Моржу», и другим канонерским лодкам Сибирской

флотилии приходилось выполнять обязанности пограничных судов, то есть защищать от браконьеров и контрабандистов берега на Тихом океане, выполнять обязанности стационаров в портах Китая и т.д. Нет никаких сомнений, что в случае начала боевых действий наши парусно-паровые канонерки могли бы успешно вести крейсерскую войну в западной части Тихого океана.

Следует заметить, что из-за отсутствия надежных военно-морских баз с сухими доками и ремонтными мастерскими, а также из-за нежелания господ офицеров долго находиться вдали от Петербурга постоянно происходила ротация судов на Дальнем Востоке. Замечу, что последний, вроде бы субъективный довод вовсе не личное мнение автора. С созданием постоянного отряда судов, базировавшихся на Дальний Восток — Сибирской флотилии, в Морском ведомстве началась серьезная дискуссия, разрешить ли жениться младшим офицерам. И, в конце концов, для Сибирской флотилии было сделано исключение — теперь даже мичман мог жениться и везти супругу во Владивосток. А вот господам офицерам судов Балтийского флота приходилось довольствоваться гейшами в Нагасаки и других портах Японии.

Надо ли говорить, что активность русского флота в мировом океане представляла собой лишь превентивные меры на случай агрессии «владычицы морей». Да, действительно, русские моряки сделали множество географических открытий, вели охрану морских рубежей на Дальнем Востоке, но все это делалось лишь попутно. Наши клипера, корветы и фрегаты постоянно находились в полной боевой готовности, чтобы дать ответ «на любой британский ультиматум».

Глава 14

АССИМЕТРИЧНЫЙ ОТВЕТ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА

Во второй половине XIX века, рассматривая любой сколь угодно малый конфликт на границах России — на западе, Балканах, Кавказе, в Средней Азии, Синьцзяне, на Дальнем Востоке, мы всегда обнаруживаем британский след. Везде английское оружие, инструкторы, «путешественники в штатском», ну и, самой собой разумеется, дикий вой британской прессы, поддерживающей каждого, кто конфликтует с Россией.

В январе 1863 г. в Польше вспыхнуло восстание. Царское правительство по старинке стало пугать европейские правительства призраком революции, очагом которой на сей раз стала Польша. Увы, это было далеко от действительности. Восстание было поднято исключительно шляхтой и католическим духовенством, к которым присоединилось некоторое число деклассированных элементов.

Напомню, что 1863 г. — это разгар реформ в Российской империи, проводимых императором Александром II: освобождение крестьян (в самый разгар восстания царь подписал закон о запрещении телесных наказаний), идет подготовка к созданию земств, судебной реформы и др. Другой вопрос, что довольно узкий круг русских революционеров из дворян и разночинцев требовал более кардинальных реформ — ликвидации помещичьего землевладения и др. Советские историки в своих трудах даже пытались объединить польских повстанцев и русских революционеров, мол, они вместе боролись с «проклятым царизмом». Увы, цели у них были совсем разные.

В Польше был самый большой в Европе процент дворян. К 60-м годам XIX века польское шляхетство непомерно, фантастически разрослось. Из шести миллионов поляков, живших в пределах Российской империи, потомственных дворян было около пятисот тысяч человек. Для сравнения: на пятьдесят миллионов остального населения европейской части империи приходилось всего лишь чуть больше двухсот пятидесяти тысяч потомственных дворян.

Откуда же взялась такая прорва благородных панов? Начнем с того, что многие были потомками шляхтичей из частных армий, собственность которых состояла из сабли и кафтана и которые кормились за счет подачек

магнатов. Кроме того, в Польше было сравнительно легко пролезть в дворяне всякому сброду. На этот случай были под рукой евреи, которые охотно брались за фабрикацию необходимых документов.

Замечу, что в первой половине XIX века в западных областях России было обнаружено несколько еврейских контор, наладивших массовое производство документов, подтверждавших дворянское происхождение, причем качество этих документов было превосходным.

Естественно, что этим «благородным панам» позарез нужна была война и смута. Повстанцы отбирали у польского населения под «квитанцию» лошадей, подвод, одежду и продовольствие. Деньги приобретались сбором податей за два года вперед, вымогательством у состоятельных лиц, грабежом касс и другими подобными способами. Сначала повстанцы набрали 400 тысяч злотых (1 злот = 15 коп.), потом, в июне 1863 г. в Варшаве из главной кассы Царства было похищено три миллиона рублей, и в других местах еще около миллиона.

Повстанцы не ставили своей целью провести какие-либо демократические или экономические реформы. Главным их лозунгом была полная независимость Польши в границах 1772 г. «от можа до можа», то есть от Балтийского до Черного моря, с включением в ее состав территорий, населенных русскими или немцами. Диссиденты, то есть православные и протестанты, должны были кормить оголодавшую шляхту. Любопытно, что ряд польских магнатов «умеренных взглядов» предлагали русским сановникам компромиссное предложение — Польша останется в составе Российской империи под властью царя, но ее административные границы следует расширить до территориальных границ Речи Посполитой образца 1772 г., то есть попросту панам нужны хлопы, и бог с ними, с «тиранией» и самодержавием.

Объективно говоря, в ходе восстания 1863 г. в роли революционеров выступили не паны и ксендзы, а Александр II и его сановники. Так, 1 марта 1863 г. Александр II объявил указ Сенату, которым в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и в четырех уездах губернии Витебской прекращались обязательные отношения крестьян к землевладельцам и начинался немедленный выкуп их угодий при содействии правительства. Вскоре это распространилось и на другие уезды Витебской губернии, а также на губернии Могилевскую, Киевскую, Волынскую и Подольскую. Таким образом, царь резко ускорил ход реформ в губерниях, охваченных восстанием.

Подавляющее большинство польских крестьян оставались в стороне от восстания, а многие помогали русским войскам. В отчетах об

уничтожении польских отрядов в Люблинской и Гродненской губерниях говорится: «Местное население (малороссы) приняли самое деятельное участие в истреблении шаек».

Возникает риторический вопрос, о чем думали ясновельможные паны, затеявая мятеж? Как без поддержки всего населения одолеть сильнейшую в мире армию? Увы, расчеты панов опирались не на хлопов, а на французскую армию и британский флот. И замечу, что эти расчеты не были беспочвенны. И в Лондоне, и в Париже всерьез рассматривали планы вооруженного вмешательства во внутренние дела Российской империи. Папа Пий IX призывал всех католиков в мире помочь Польше, то есть к новому крестовому походу. В Петербурге Александр II, вице-канцлер Горчаков и другие сановники трепетали от одной мысли о новой Крымской войне.

И тут в очередной раз империю выручили лихие моряки на своих быстроходных клиперах, корветах и фрегатах.

Начну с того, что в октябре 1862 г. из Кронштадта в Атлантику к берегам Америки вышел клипер «Алмаз», а на Дальний Восток — клипер «Жемчуг». По ряду причин оба клипера задержались в иностранных портах для ремонта. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Из-за льдов до мая месяца русский флот фактически заблокирован в Кронштадте, а поляки через балтийское побережье постоянно получали французское и английское оружие. Поэтому оба похода были отменены, а «Алмаз» и «Жемчуг» получили приказ возвратиться на Балтику. В апреле 1863 г. оба клипера прибыли в Либаву, оттуда несколько раз выходили в крейсерство у берегов Курляндии, «между параллелями Либавы и Паланген [\[31\]](#)», с целью предотвращения перевозки оружия и личного состава в Царство Польское. В начале 1863 г. в мире сложилась очень любопытная ситуация. Англия и Франция — поборники «свободы в Польше», одновременно выступили на стороне южан в Америке, которые вступили в войну с Североамериканскими Штатами, чтобы не допустить освобождения черных рабов. Это, в свою очередь, привело к сближению североамериканских демократов с самой реакционной монархией Европы.

Флот Североамериканских Штатов был слишком слаб, чтобы противостоять флотам Англии и Франции, так что они могли легко высадить большой десант в любом пункте американского побережья. Не следует забывать и 35-тысячную французскую армию, находившуюся к 1863 г. в Мексике, оттуда было совсем недалеко до южных штатов, примкнувших к конфедерации.

23 июня 1863 г. управляющий Морским министерством полный

адмирал Н.К. Краббе подал Александру II всеподданнейшую записку. Там говорилось: «Примеры истории морских войн прежнего времени и нынешние подвиги наскоро снаряженных каперов Южных Штатов служат ручательством в том, что вред, который подобные крейсера в состоянии нанести неприятельской торговле, может быть весьма значителен. Не подлежит сомнению, что в числе причин, заставляющих Англию столь постоянно уклоняться от войны с Американскими Штатами, — опасения, возбуждаемые воспоминаниями об убытках, понесенных английской морской торговлей в прошедшие войны с Америкой. Они занимают одно из первых, если не первое место, и потому я позволяю себе думать, что появление нашей эскадры в Атлантическом океане в настоящее время может иметь на мирное окончание происходящих ныне переговоров более влияния, нежели сухопутные вооружения, имеющие в особенности в отношении к Англии чисто оборонительный характер, который не угрожает жизненным интересам этой морской и коммерческой страны».

Далее Краббе предлагал отправить эту эскадру как можно скорей и секретно, поскольку опасался, что если об этом узнают лорды Адмиралтейства, то британская эскадра легко заблокирует Датские проливы и воспрепятствует выходу в океан судов Балтийского флота. По мнению Краббе, крейсерские суда следовало отправить поодиночке и дать им вид очередной смены судов, плавающих в Средиземном море и Тихом океане. По выходе из Бельта судам надлежало соединиться и следовать в Нью-Йорк по самым неоживленным морским путям. Тихоокеанской эскадре он тоже предлагал предписать следовать в Сан-Франциско, и обеим эскадрам ожидать в этих портах конца дипломатических переговоров, а в случае неблагоприятного их исхода занять все важнейшие торговые морские пути и начать крейсерские операции с целью нанести наивозможно больший убыток воюющим против России державам, истребляя и захватывая их коммерческие корабли.

Краббе советовал не останавливаться из-за возможности потери некоторых крейсерских судов, так как это неизбежная случайность, всегда допустимая во время военных действий.

Александр II в столь сложной обстановке попросту был вынужден согласиться на это смелое предложение адмирала. Подробную разработку планов операций для обеих эскадр царь поручил тому же Краббе, который в отсутствие генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, бывшего в то время наместником Царства Польского, временно исполнял его обязанности.

Разработанной адмиралом Краббе инструкцией предписывалось в

случае открытия военных действий по прибытии наших эскадр в Америку распределить суда обеих эскадр на торговых путях Атлантического, Тихого, а по надобности и других океанов и морей для нанесения всевозможного вреда неприятельской торговле и, в случае возможности, для нападения на слабые места английских и французских колоний.

Для обеспечения продовольствием и снабжения обеих эскадр, уходивших в Америку в полной боевой готовности, туда был выслан капитан 2-го ранга Кроун. Он по соглашению с начальниками обеих эскадр и с русским посланником в Вашингтоне должен был организовать быструю и непрерывную доставку на эскадры всех нужных припасов при помощи зафрахтованных судов, на заранее условленных рандеву.

В состав снаряжавшейся в Кронштадте эскадры Атлантического океана, начальником которой был назначен контр-адмирал С.С. Лесовский, вошли фрегаты «Александр Невский», «Пересвет» и «Ослябя», корветы «Варяг» и «Витязь» и клипер «Алмаз».

В состав эскадры Тихого океана вошли корветы «Богатырь», «Калевала», «Рында» и «Новик» и клипера «Абрек» и «Гайдамак». Начальником эскадры был назначен контр-адмирал А.А. Попов.

В ночь на 18 июля 1863 г. фрегат «Александр Невский», имея на борту адмирала Лесовского, тайно покинул Кронштадтский рейд. У Ревеля к нему присоединился фрегат «Пересвет», у Дагерорта (Хийумаа, западная оконечность о. Даго) — корветы «Варяг» и «Витязь», а в проливе Малый Бельт — клипер «Алмаз» и доставившие уголь для пополнения запасов винтовые транспорты «Артельщик» и «Красная Горка».

Только утром 26 июля, когда корабли находились в походном строю, командам было объявлено, что «Александр Невский» — флагманский корабль впервые сформированной эскадры Атлантического океана, отправлявшейся под командованием С.С. Лесовского к берегам Североамериканских штатов. Сберегая уголь на случай боя или длительного штиля, отряд шел в основном под парусами.

24 сентября 1863 г. (ст. ст.) эскадра Лесовского вошла в Нью-Йоркскую гавань, где ее уже ждал фрегат «Ослябя», пришедший туда из Средиземного моря.

Вскоре фрегат «Александр Невский» под флагом контр-адмирала Лесовского в сопровождении фрегата «Пересвет» и корвета «Витязь» отправился в Карибское море и Мексиканский залив, то есть в районы, буквально кишевшие английскими торговыми судами. Фрегат «Ослябя», корвет «Варяг» и клипер «Алмаз» были оставлены в портах США ^[32]. Командовать ими было поручено командиру фрегата «Ослябя» капитану 1-

го ранга Бутакову.

8 пути отряд Лесовского разделился. «Пересвет» посетил южные порты Кубы. «Витязь» посетил Британский Гондурас, Гавану, порт Рояль (на о. Ямайка), Кюрасао и Картогену. Сам адмирал на «Александре Невском» посетил северные порты Кубы. Следует заметить, что испанцы с удовольствием снабжали русских углем и продовольствием. С одной стороны, наши моряки платили золотом, а с другой — испанцы недолюбливали англичан.

Между тем корабли отряда Бутакова также не стояли на одном месте, а постоянно перемещались вдоль восточного побережья США. Они заходили в крепость Мойр, в Балтимор, в Аннаполис и т.д. Таким образом, англичане не смогли бы внезапно заблокировать русские крейсерские суда.

9 февраля 1864 г. «Александр Невский» покинул гостеприимную Гавану и пошел в Нью-Йорк. 6 апреля в Нью-Йорк после крейсерства у Больших Антильских островов и захода в Гавану возвратился «Пересвет». Вместо него к Антильским островам отправился «Варяг».

А теперь перенесемся из Америки на другую сторону земного шара, в Николаевск-на-Амуре — главную базу Сибирской флотилии. 8 июля 1863 г. там получили срочный приказ из Петербурга от адмирала Краббе: «Немедленно сосредоточить силы, чтобы по получении известия об открытии военных действий немедленно направить их на слабые и уязвимые места противника». Контр-адмирал Попов отправил в Петербург достойный ответ: «В случае нужды мы будем в состоянии сделать много вреда неприятелю, прежде чем понадобится нас исключить из списков флота».

Русские крейсера поодиночке пересекли Тихий океан и встретились все вместе на рейде Сан-Франциско. К 27 октября 1863 г. здесь собрались корветы «Калевала» (флагман), «Богатырь» и «Рында», клипера «Абрек» и «Гайдамак».

К сожалению, по пути из Хакодате в США погиб корвет «Новик», которым командовал капитан-лейтенант Скрыплев. 14 сентября 1863 г. в сильный туман «Новик» налетел на камни у мыса Лос-Рейес севернее Сан-Франциско. Мичману Гертнеру удалось добраться до берега, а оттуда — в Сан-Франциско и обратиться за помощью к русскому консулу М. Клинковстрему. Тот обратился за помощью к американским властям и получил в свое распоряжение пароход «Шабрик».

Когда «Шабрик» подошел к корвету, все команда его уже находилась на берегу в бухте Драк. После краткого совещания консул, командир «Шабрика» и капитан-лейтенант Скрыплев решили не проводить

спасательные работы. Экипаж «Новика» был переправлен на «Шабрик» и доставлен в Сан-Франциско. Позже по приказу контр-адмирала Попова вся команда корвета была распределена по другим судам эскадры. Остатки разбитого корвета были проданы с аукциона за 1700 долларов.

Присутствие эскадры Попова внесло реальный вклад в безопасность порта Сан-Франциско от набегов каперов конфедератов. В начале Гражданской войны правительство Североамериканских Штатов послало один из своих броненосцев в Сан-Франциско для охраны его от нападения южан. Вскоре после прихода Тихоокеанской эскадры этот броненосец погиб, оставив, таким образом, город практически не защищенным, поскольку имеющиеся там береговые батареи были слишком слабы для оказания эффективного отпора. В связи с этим контр-адмирал Попов предписал командирам своих судов следующее. Если на рейде покажется какой-нибудь корсар, старший из присутствующих офицеров делает сигнал: «Приготовиться к бою и развести пары!» и одновременно посылает офицера на пришедшее судно, чтобы передать требование оставить рейд, а в случае отказа должен силой удалить его. Если же ворвавшийся корсар прямо откроет огонь, то старший на рейде делает сигнал: «Сняться с якоря по способности!», а сам, подойдя к пришедшему кораблю, требует прекращения военных действий, а в случае отказа немедленно атакует его.

Копия с этого предписания была отослана управляющему Морским министерством, который передал его вице-канцлеру Горчакову для отзыва. Тот ответил, что не может одобрить этого предписания, так как Россия должна держаться строго нейтралитета, о чем и было сообщено контр-адмиралу Попову.

8 марта 1864 г. вся эскадра выходила на 5 дней в море для артиллерийской стрельбы и возвратилась обратно в Сан-Франциско. 21 марта по получении тревожных известий из Китая корвет «Калевала» был послан в Гонолулу, чтобы в случае надобности он мог появиться в китайских водах, и в то же время быть вблизи эскадры. Корвет «Абрек» 8 марта отправился в Ситху, а корвет «Рында» пошел в южное полушарие для отвлечения внимания иностранных держав.

Весной 1864 г. в европейских и американских газетах появились воззвания французского капитана Маньяка к матросам российского флота польского происхождения. Капитан призывал их к службе на корсарских судах, вооруженных им для нападения на русские военные суда в Старом и Новом Свете, а также для пресечения нашей морской торговли.

Поэтому Краббе отдал распоряжение начальникам обеих эскадр принять соответствующие меры предосторожности, войти в непрерывные

сношения по этому поводу с русским посланником в Вашингтоне и со всеми нашими консулами в Америке. Кроме того, послать в крейсерство вдоль берегов наши корабли и в случае появления корсаров принять самые решительные меры к их уничтожению.

Вскоре появились слухи, что в Ванкувере собирается много поляков, которые замышляют нападение на суда Русско-Американской кампании. Контр-адмирал Попов упомянул об этом в своем рапорте. Для проверки этих слухов корвету «Абрек» было приказано из Ситхи зайти в Ванкувер.

Все эти сведения частично подтвердились. Выяснилось, что действительно капитан Маньяк с другими выходцами из поляков приобрел в Англии для корсарства одномачтовый колесный пароход «Princess» и переименовал его в «Prince Poniarovski». Этот пароход вышел из Нью-Кастла в Анкону (Италия). Выяснилось также, что главный театр действий польских корсаров предполагался в Черном море. И план бы этот удался, но Турция, боявшаяся войны с Россией, решительно заявила, что будет поступать с поляками как с пиратами.

Говоря о первой экспедиции русского флота в Америку, нельзя забывать, как это делают наши историки, о том, что часть наших крейсерских судов одновременно находилась на Средиземном море. Суда были в полной боевой готовности. Надо ли объяснять, что «добычи» для них на Средиземном море было более чем достаточно. Так, например, фрегат «Олег» 16 сентября 1863 г. вышел из Кронштадта и ровно через месяц вошел на Тулонский рейд. 25 октября фрегат покинул Тулон и через 6 дней бросил якорь в греческом порту Пирей. За время перехода из Кронштадта в Пирей «Олег» находился в море 24,5 суток, то есть среднесуточное плавание его составляло 189 миль.

Независимо от фрегата «Олег» в Средиземном море в 1863 г. крейсировал и черноморский корвет «Сокол».

Ну а теперь перейдем к реакции на действия русских крейсеров Англии и США. В Лондоне о приходе русской эскадры в Нью-Йорк узнали через неделю из американских газет, доставленных рейсовым пароходом из Нью-Йорка. Немедленно в Форин офис заявили, что это обычная «газетная утка». Позже наступил шок. Судоходные компании резко подняли стоимость фрахтов, страховые компании начали менять правила страховок. К сожалению, никто из современников не посчитал убытки, нанесенные экономике Британии. Замечу, что и без этого английская промышленность находилась в кризисе, вызванном войной в Соединенных Штатах и рядом других причин.

Увы, вместе с англичанами здорово перетрухнули и наши дипломаты.

Из Лондона в Петербург прислал истеричную депешу наш посол барон Бруннов. А вице-канцлер князь Горчаков отправился с упреками к Краббе и стал сравнивать приход наших кораблей в Америку с уничтожением в 1853 г. Нахимовым турецкой эскадры, что, мол, тоже неизбежно приведет к войне с великими державами.

На это адмирал резонно возразил в служебной записке: «Это, быть может, синопские выстрелы были причиной падения Севастополя, но если бы выстрелы эти могли в то время раздаваться в Океане на путях английской морской торговли, то торговое сословие этой страны, имеющее на ход государственных дел то огромное влияние, о котором упоминает барон Бруннов, вероятно столь же сильно восстало против войны с Россией, как оно всегда восставало и восстает против войны с Америкой, несмотря на то, что каждый англичанин ненавидит американца более всего на свете за исключением разве француза».

Копия записки была препровождена Александру II, на которой он соизволил собственноручно написать: «Дельно».

Через три недели после прибытия русских эскадр в Америку Александр II в рескрипте на имя генерал-адмирала (от 19 октября) назвал Польшу страной, «находящейся под гнетом крамолы и пагубным влиянием иноземных возмутителей». Упоминание в обнародованном рескрипте об «иноземных возмутителях», которое до прибытия русских эскадр в Америку могло бы послужить *casus belli*, теперь было встречено западными державами молча, как заслуженный урок.

Сразу же после прибытия эскадр в Америку антирусская коалиция развалилась. Первой поспешила отойти Австрия, которая, сразу почуяв всю шаткость положения, предвидя близкую размолвку Англии и Франции, побоялась принять на себя совместный удар России и Пруссии. Австрия, круто изменив свою политику, не только пошла на соглашение с Россией, но даже стала содействовать усмирению мятежа в Царстве Польском.

Английским дипломатам с большим трудом удалось задержать на полпути, в Берлине, грозную ноту с угрозами в адрес России, которую должен был вручить Горчакову лорд Непир. Теперь Форин офис пошел на попятную.

Пытаясь «спасти лицо», император Наполеон III предложил, как последнее средство, созвать конгресс для обсуждения польского вопроса. Но и эта его попытка не была принята ни Англией, ни Австрией. Наполеон, оставшись в одиночестве, вынужден был и сам отказаться от всякой мысли о вмешательстве.

Итак, исход «польского кризиса» 1863 г. без единого выстрела решили

наши храбрые моряки, готовые драться с англичанами на всех широтах. Не меньшую роль сыграли и наши солдаты, которые совместно с польскими и малороссийскими крестьянами укротили буйное панство.

После урегулирования польского кризиса весной 1864 г. русские крейсерские суда перешли на положение мирного времени. Часть их ушла в Кронштадт, а часть продолжала патрулирование в Средиземном море и в дальневосточных водах.

Глава 15

КОНФЛИКТ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ПЕРВАЯ ФАЗА

Постоянные набеги кочевых орд на юг Западной Сибири вынудили императора Николая I приказать оренбургскому генерал-губернатору графу В.А. Перовскому предпринять ответные меры.

В декабре 1839 г. Перовский с трехтысячным отрядом при шестнадцати орудиях выступил в поход Тургайскими степями. Лютые морозы, бураны, цинга и тиф остановили отряд, дошедший почти до Аральского моря. С большим трудом Перовскому удалось спасти остатки отряда, лишившегося почти половины своего состава.

Лишь в 1847 г. русские войска вновь достигли Аральского моря. В 1847—1848 гг. в местечке Раим (позже переименованном в Аральск) на Аральском море был построен порт и спущены на воду две парусные шхуны «Николай» и «Константин», на которых капитан Алексей Иванович Бутаков^[33] обследовал море.

Чтобы не возвращаться более к Аральской флотилии, замечу, что в 1853 г. в Раиме были собраны два парохода — «Перовский» и «Обручев». Первый был вооружен пятью 10-фунтовыми медными единорогами, а второй — двумя 6-фунтовыми медными карронадами. К 1867 г. личный состав флотилии состоял из 13 офицеров и 344 нижних чинов. В составе флотилии было пять колесных пароходов. Вооружение их составляли 22 орудия (4-фунтовые нарезные пушки, 10-фунтовые единороги и 6-фунтовые карронады). Флотилия базировалась на порты Аральск и Казалинск (на реке Сырдарья).

Но вернемся к наступлению русских войск. В апреле — мае 1853 г. граф Перовский выступил из Оренбурга в поход на самую крупную крепость Кокандского ханства Ак-Мечеть. В его отряде было около пяти тысяч человек, в том числе пятьсот конных башкир. В отряде имелось 36 орудий и ракетная команда. Перевозочные средства состояли из 2038 верблюдов, 228 волов и 494 подвод.

2 июля 1853 г. русские войска подошли к Ак-Мечети, а через три дня к крепости по Сырдарье пришел пароход «Перовский». С 5 июля начался обстрел крепости. Огонь вели одна 12-фунтовая и две 6-фунтовые пушки,

два полупудовых и четыре 10-фунтовых единорога, пять полупудовых мортир и ракетная команда.

28 июля под стенами крепости были взорваны два фугаса, в образовавшийся пролом в 40 сажень (85 м) хлынула русская пехота. В ходе штурма русские потеряли убитыми и ранеными 11 офицеров и 164 нижних чина, а кокандский гарнизон был почти полностью уничтожен. В плен попало только 74 человек, 35 из которых были ранены.

5 августа основные силы графа Перовского ушли, а в Ак-Мечети (позже переименованной в форт Перовский) остались две роты пехоты и две с половиной сотни казаков при семнадцати орудиях и нескольких ракетных станках.

Форт Перовский стал главным опорным пунктом новоучрежденной оборонительной Сырдарьинской линии, которая стала как бы авангардом Оренбургской линии и связывалась с ней кордоном укреплений от Аральского моря до нижнего течения Урала (защищавшим киргизскую степь от туркмен пустыни Усть-Урт).

В 1856 г. основной задачей русского правительства стало соединение Сырдарьинской и Сибирской линий. На одном из этих направлений имелось 11 оренбургских линейных батальонов, уральских и оренбургских казаков, а на другом — 12 западносибирских линейных батальонов и казаков Сибирского войска. Эти небольшие силы были разбросаны на двух громадных фронтах, общим протяжением свыше 3,5 тысячи верст.

В конце лета 1860 г. кокандский хан собрал 22-тысячное войско для того, чтобы уничтожить город Верный, поднять на русских киргизскую степь и разгромить все русские поселки Семиречья. Положение для русских сложилось угрожающее. Подполковник Колпаковский двинулся из Верного навстречу хану с тысячей человек при восьми орудиях. В трехдневном сражении на реке Кара-Костек (Узун-Агач) кокандцы были наголову разбиты. Одновременно отряд полковника Циммермана разорил кокандские крепости Такмак и Пишпек. В 1862 г. Колпаковский взял крепость Мерке и утвердился в Пишпеке. Россия стала твердой ногой в Семиречье.

Александр II в 1863 г. приказал завершить соединение Сибирской и Сырдарьинской оборонительных линий. Весной 1864 г. навстречу друг другу выступило два отряда: от Верного — полковник Черняев с полуторатысячным отрядом при четырех орудиях, а от Перовска — полковник Веревкин с 1200 человеками и десятью орудиями.

Пройдя Пишпек, Черняев 4 июня взял штурмом крепость Аулие-Ата. В июле его отряд подошел к Чимкенту, где 22 июля вступил в бой с 25

тысячами кокандцев и разбил их. А Вережкин тем временем 12 июля занял крепость Туркестан и выслал летучий отряд для связи с Черняевым. Черняев считал свои силы недостаточными (7 рот, 6 сотен и 4 пушки) для штурма сильно укрепленного Чимкента и отступил в крепость Туркестан, где соединился с Вережкиным. Оба отряда поступили под общее командование только что произведенного в генералы Черняева и, отдохнув, в середине сентября направились к Чимкенту.

22 сентября 1864 г. русский отряд численностью в тысячу человек при 9 орудиях штурмом овладел Чимкентом и обратил в бегство десятитысячную кокандскую армию. Черняев овладел крепостью, переведя свои роты через ров поодиночке по водопроводной трубе. В ходе штурма русские потеряли убитыми и ранеными 47 человек. В крепости русский отряд захватил трофеи: 4 знамени, 31 орудие, много другого оружия и разных военных принадлежностей.

Кокандское войско бежало в Ташкент. Генерал Черняев решил немедленно использовать свое моральное преимущество после чимкентской победы и двинуться на Ташкент. 27 сентября русский отряд подошел к сильно укрепленному Ташкенту и 1 октября штурмовал его, но был отбит и отступил в Туркестанский лагерь. Кокандцы решили взять реванш и, собрав около 12 тысяч головорезов, в декабре 1864 г. предприняли попытку напасть на крепость Туркестан. Но в трехдневном бою (с 4 по 6 декабря) у Икан кокандское воинство было остановлено сотней 2-го Уральского полка есаула Серова.

Весной 1865 г. по Высочайшему повелению была учреждена Туркестанская область, а генерал Черняев назначен ее военным губернатором. С отрядом в 1800 человек при двенадцати орудиях он выступил под Ташкент и 9 мая под его стенами разбил кокандское войско. Жители Ташкента отдались под власть бухарского эмира, выславшего туда свои войска. Решив опередить бухарцев, Черняев поспешил со штурмом и на рассвете 17 июля овладел Ташкентом. В Ташкенте, защищаемом тридцатитысячным войском, русские взяли 16 знамен и 63 орудия, потеряв 123 человека. Занятие Ташкента окончательно упрочило положение России в Средней Азии.

Англия всегда крайне болезненно воспринимала любое продвижение русских на юг, в Среднюю Азию. Поэтому, чтобы успокоить европейские правительства, и в первую очередь британское, 21 ноября 1864 г. князь Горчаков разослал по европейским столицам специальный циркуляр, объясняющий среднеазиатскую политику России.

Горчаков писал: «Положение России в Средней Азии одинаково с

положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации. В подобном случае интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными. Оно начинает прежде всего с обуздания набегов и грабительств. Дабы положить им предел, оно бывает вынуждено привести соседние народцы к более или менее близкому подчинению. По достижению этого результата эти последние приобретают более спокойные привычки, но, в свою очередь, они подвергаются нападениям более отдаленных племен. Государство обязано защищать их от этих грабительств и наказывать тех, кто их совершает. Отсюда необходимость далеких, продолжительнейших, периодических экспедиций против врага, которого общественное устройство делает неуловимым. Если государство ограничится наказанием хищников и потом удалится, то урок скоро забудется; удаление будет приписано слабости: азиатские народы, по преимуществу, уважают только видимую и осязательную силу; нравственная сила ума и интересов образования еще нисколько не действует на них. Поэтому работа должна начинаться постоянно снова. Чтобы быстро прекратить эти беспрестанные беспорядки, устраивают среди враждебного населения несколько укрепленных пунктов; над ним проявляют власть, которая мало-помалу приводит его к более или менее насильственному подчинению. Но за этою второю миссиею другие, еще более отдаленные народы скоро начинают представлять такие же опасности и вызывать те же меры обуздания. Таким образом, государство должно решиться на что-нибудь одно: или отказаться от этой непрерывной работы и обречь свои границы на постоянные неурядицы, делающие невозможным здесь благосостояние, безопасность и просвещение, или же все более и более подвигаться в глубь диких стран, где расстояния с каждым сделанным шагом увеличивают затруднения и тягости, которым оно подвергается. Такова была участь всех государств, поставленных в те же условия. Соединенные Штаты в Америке, Франция в Африке, Голландия в своих колониях, Англия в Ост-Индии, — все неизбежно увлекались на путь движения вперед, в котором менее честолюбия, чем крайней необходимости, и где величайшая трудность состоит в умении остановиться»^{88}.

Вследствие вышесказанного, говорилось дальше в циркуляре, решено устройство кордонной линии, связывающей Оренбургскую линию с Сибирской, и притом так, чтобы она была расположена в местности

довольно плодородной, чтобы не только обеспечить ее продовольствием, но и обеспечить ее заселение и, наконец, «определить эту линию окончательным образом, чтобы избежать опасных и почти неизбежных увлечений, которые могли бы, от возмездия к возмездию, привести к безграничному расширению»^[89].

Циркуляр заканчивался уверениями, что Россия не намерена переступить за Чимкент, которому надлежит стать военным и административным центром Зачуйского края.

Заметим, что Горчаков писал о Чимкенте, зная, что Черняев уже в Ташкенте. Справедливости ради скажу, что русские власти пытались кое-как соблюсти «невинность». В сентябре 1865 г. в Ташкент прибыл оренбургский генерал-губернатор Крыжановский. Его встретила толпа жителей, просившая принять Ташкент в подданство русского царя.

Однако Крыжановский объявил, что желание их не может быть исполнено и что город должен образовать отдельное владение под покровительством России, для чего он предложил жителям избрать себе хана. Но предложение это осталось без последствий.

После отъезда Крыжановского бухарский эмир арестовал отправленное к нему Черняевым посольство и стал собирать войска на северной границе ханства. Черняев потребовал освободить своих посланников и в поддержку этого требования в январе 1866 г. направил войска к бухарской крепости Джизаку, но поход не увенчался успехом, и русский отряд был вынужден отступить за Сырдарью.

Весной 1866 г. генерал Черняев был отозван, а на его место военным губернатором Туркестанской области царь назначил генерала Романовского. К этому времени война с Бухарой была уже неизбежна. Эмир собрал все свои силы вокруг Ура-Тюбе и стал лагерем посреди урочища Ирджар, на Сырдарье выше Чиназа. Там 7 мая русский трехтысячный отряд под командованием Романовского атаковал в десять раз сильнейшего противника и разбил его наголову. Эмир с остатками войска бежал в направлении к Джизаку и Самарканду. Романовский их не преследовал, а пошел на занятую бухарцами кокандскую крепость Ходжент и взял ее приступом. Последствием этого стало поздравление генералу Романовскому, принесенное кокандским ханом Худояром, освобождение русских посланцев в Бухаре и отправление в Оренбург бухарского посольства с мольбой о мире.

Во второй половине августа 1866 г. генерал Крыжановский снова приехал в Ташкент и объявил о принятии этого города в подданство России. Генерал-губернатор хотел отклонить мирные намерения ко-

кандского хана Худояра, который по своему положению должен быть вассалом России. Но на переговорах в Оренбурге с бухарским посланцем не удалось договориться, и Крыжановский решил возобновить военные действия с эмиром, чтобы силой оружия принудить его к заключению мира и подчиниться всем предъявленным ему требованиям. Русский отряд под командованием Крыжановского вступил в бухарские владения и штурмом взял города Ура-Тюбе и Джизак. Однако в Петербурге эти действия оренбургского генерал-губернатора сочли нарушением полномочий и изъяли Туркестанский край из его подчинения. А из всех земель, занятых с 1847 г. в киргизских степях и в кокандском ханстве, образовали Туркестанское генерал-губернаторство, во главе которого поставили генерал-адъютанта Константина Петровича фон Кауфмана, назначив его генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа.

Туркестанское генерал-губернаторство административно делилось на две области — Семиреченскую (город Верный) во главе с военным губернатором генералом Колпаковским, и Сырдарьинскую (город Ташкент) с генералом Романовским. Войска на территории Туркестанского военного округа — 7-й Оренбургский и 3-й Сибирский линейные батальоны — развернуты в 1-ю стрелковую дивизию и 12 линейных туркестанских батальонов.

Весной 1867 г. в Петербург прибыла депутация из Туркестанского генерал-губернаторства для заявления Белому царю верноподданнических чувств. Александр II принял посланцев в Зимнем дворце 26 марта. Депутат от города Туркестана шейх Ислам, потомок султана Азрета, гробница которого, находящаяся в этом городе, считается мусульманской святыней, поднес адрес от жителей области с выражением преданности и признательности монарху, принявшему их в свое подданство. Александр II выслушал адрес и выразил удовольствие, что видит депутатов и что они, как новые подданные России, довольны нынешним своим положением. Император выразил надежду, что со временем их положение еще более улучшится. В беседе с депутатами царь осведомился о состоянии торговли в крае, о народном образовании, о положении мусульманского духовенства и собственноручно роздал пожалованные им ордена, медали и перстни.

Между тем война с Бухарой продолжалась. Летом 1867 г. бухарцы атаковали русский отряд под командованием полковника Абрамова, выставленный у Яны-Кургана.

Генерал Кауфман, прибыв во вверенный ему край, 29 января 1868 г. заключил мир с правителем Кокана, признавшим за Россией все ее

завоевания. Новый генерал-губернатор не утвердил мирного договора, подписанного в Оренбурге Крыжановским с бухарским послом, а предъявил эмиру новые условия, но они были отвергнуты Бухарой.

В конце апреля 1868 г. Кауфман с четырехтысячным отрядом при десяти орудиях вышел из Ташкента к Самарканду, на подступах к которому эмир собрал шестидесятитысячное войско. 2 мая 1868 г. пехота генерала Головачева прямо на глазах у неприятеля по грудь в воде перешла реку Зеравшан и в штыковой атаке заняла высоту Чапан-Ата. Войско эмира обратилось в бегство, но самаркандцы закрыли ворота бегущим и сдались русским. Русские солдаты, перейдя реку, сразу же шли в бой. Сапоги солдат были полны воды, разуваться и вытряхивать воду было некогда, и солдаты тогда становились на руки, а товарищи при этом трясли их за ноги.

Бухарцы решили, что разгадали секрет русских. Месяц спустя, в бою при Зарабулаке, передние ряды «халатников», подойдя на ружейный выстрел, встали на руки, а задние стали добросовестно трясти их за ноги. По совершении этого обряда никто из них не сомневался в победе.

Оставив в Самарканде гарнизон, генерал Кауфман с войсками Головачева и Романовского двинулся на юг. 18 мая он разбил бухарцев при Кагга-Кургане, а 2 июня добил армию эмира в жестоком бою на Зарабулакских высотах. В этой битве приняли первое боевое крещение игольчатые винтовки Карле. Плотные ряды бухарцев винтовочный огонь косил, как траву. Эмир потерял здесь около десяти тысяч своих воинов. Потери русских составили всего 63 человека. Всего же в этом бою против двух тысяч русских эмир выставил 35 тысяч. Потрясенный эмир запросил аман. Бухара признала над собой протекторат России, уступила России Самарканд и все земли до Зарабулака.

В этот день решительной битвы, 2 июня, в русском тылу восстал Самарканд. К восставшим присоединились отряды воинственных горцев-шахрисябцев, и пятьдесят тысяч повстанцев атаковали цитадель, где засел русский гарнизон майора Штемпеля. Шесть дней семьсот защитников самаркандской крепости отбивали приступы повстанцев. Лишь 7 июня вернувшийся из-под Зарабулака Кауфман деблокировал гарнизон. Потери русских составили 150 человек убитыми и ранеными.

2 июня 1868 г. бухарский эмир Музаффар прислал Кауфману послание. Эмир собирался отречься от престола и просил разрешить ему паломничество в Мекку. Генерал-губернатор успокоил Музаффара и заявил, что не собирается лишать его власти. Через десять дней был заключен русско-бухарский мирный договор на условиях Кауфмана. Бухара должна была выплатить России контрибуцию — 500 тысяч рублей. До полной

выплаты контрибуции Самарканд и Кагга-Курган с окрестностями включались в состав русских владений как новый Зеравшанский округ. Коканд и Бухара предоставляли русским подданным право свободной торговли в своих владениях и обязались обеспечивать их безопасность и не препятствовать сооружению торговых складов. Причем пошлина с русских товаров оставалась неизменной и определялась в 2,5 % их стоимости.

Узнав о договоре с бухарским эмиром, князь Горчаков вновь запаниковал и стал стращать царя гневом Альбиона. В результате в августе 1868 г., когда Кауфман выехал из Ташкента в Петербург для личного доклада, на одной из почтовых станций в степи его встретил фельдкурьер с категорическим предписанием царя немедленно вернуть Самарканд и Катта-Курган бухарскому эмиру. Генерал-губернатор прочитал предписание и, не сделав никакого распоряжения, двинулся дальше.

Во время аудиенции у Александра II Кауфман прямо заявил, что отдать Самарканд и другие завоеванные города и кишлаки значит резко уронить престиж России в глазах местных правителей и населения. Всерьез после этого ни к каким российским требованиям относиться не будут и всегда будут сравнивать Россию с Англией, которая никогда так себя не ведет. Александр II, выслушав, смягчился и приказал: «Пойди и скажи все это Горчакову». Канцлеру ничего не оставалось, как принять к сведению волю императора и скрыть свою досаду.

Вернувшись осенью в Ташкент, Кауфман еще менее стеснялся в выражениях: «Наша дипломатия, да и все правительство поддались угрозам и беснованию Англии. Выяснилось же главное — полное непонимание положения России в Средней Азии... Да, это бюрократическое невежество наше поразительно... само беснование Англии должно было не пугать наше правительство, а радовать его.

Если наше движение в Азии приводит англичан в такое неистовство, то, значит, оно верно попало в цель, для кого-то опасную, следовательно, непременно полезную нам. Ведь несомненно, что Англия — враг России и нигде не уязвима, кроме как в Азии... Эта узда, которой мы всегда можем сдерживать Англию, готовую нам всюду вредить, что уже и показала она в Крымскую кампанию»^{90}.

Разумеется, Средняя Азия была не только плацдармом для похода на Индию. Так, либеральный «Вестник Европы» (май 1869 г.) по сему поводу писал: «Нам предоставляется новое обширное поле для деятельности... громадный рынок для сбыта изделий восточной России, несмотря на английскую конкуренцию». Журнал сетовал на недостаточную поддержку правительством русской торговли, которая «должна прокладывать себе

путь сама», в том время как британскую торговлю ее правительство активно поддерживает. В статье указывалось на необходимость активно приступить к разработке местных минеральных ресурсов, развивать промышленность и пути сообщения в крае, не увлекать только административными мерами, а придать русской политике в крае «характер экономический, промышленный, торговый».

Весной 1872 г. в Бухару был послан специальный агент Министерства финансов Н.Ф. Петровский, который в отчете Кауфману писал: «В настоящее время можно с уверенностью сказать, что торговля русским товаром имеет здесь первостепенное место и тяготение Бухары к Макарию^[34] чувствуется на каждом шагу. Русскими хлопчатобумажными произведениями (кроме кисеи, но с прибавлением тика, которого из Афганистана не привозят) Бухара завалена буквально сверху донизу. На мой взгляд, русского бумажного товара, по крайней мере, раз в шесть более английского. Я видел на базаре этикетки фабрик Соколова, Богомазова, Сучкова, Истомина, Муравьева, Корнилова, Шереметьева, Мануйлова, Сидорова, Морозова, Урусова, Баранова, Зубкова, Борисова, Миндовского, Фокина и Зизина. Затем идут сукно фабрик Осипова, Ремезова и Туляева, плис, парча и бархат, кожи кунгурская и уфимская, юфть, пряжа (ярославская и Лодера), прutowое, полосатое и листовое железо, чугунные котлы, медь, латунь, олово, свинец, меха, медные и железные изделия, фаянсовая посуда, сахар, леденец (преимущественно Кокина), сахарный песок, квасцы (идут больше Ушковские), купорос (синий), нашатырь, сандал (идет тертый), фуксин (первый сорт; второй и третий не идут), стеариновые свечи, писчая бумага, ртуть, мишура, бисер, краски, сундуки и всякая мелочь»^[91].

Прочитав доклад, генерал-губернатор констатировал: «В настоящее время русские товары на бухарских рынках преобладают и смело могут конкурировать с немногочисленными английскими произведениями, встречающимися на рынках Бухары»^[92].

Россию облетела крылатая фраза Кауфмана о Туркестане: «Здесь русская земля, в которой не стыдно лежать русским костям».

А потом русские покорили Туркестан. Навстречу им из Индии двинулись английские войска.

С конца 50-х годов XIX века англичане пытались расширить свои владения на север от Индии. В 1858 г. генерал Сидней Коттон вторгся в Афганистан, но вынужден был ограничиться лишь уничтожением нескольких поселений моджахедов.

8 апреля 1863 г. генерал Невиль Чемберлен с пятитысячным отрядом пехоты при 11 орудиях направился к южному подножию Махабана, но на следующий день повернул к ущелью Амбелах, чтобы через него пройти в долину Чемла, расправиться там с моджахедами и вернуться обратно тем же путем, прежде чем горцы успеют собраться. Утром 20 октября отряд втянулся в ущелье, и авангард его в тот же день достиг выхода в долину Чемла, не встретив нигде сопротивления. Но 22 октября на передовой отряд напали горцы, а главные силы и обоз к этому времени еще не успели достичь долины. Чемберлен с авангардом не решился идти дальше, боясь быть отрезанным от основных сил, но и отступить он не желал. Тогда Чемберлен остался в ущелье и послал в тыл за подкреплением, которое прибыло только через два месяца. За это время англо-индийскому отряду пришлось выдержать несколько упорных боев с горцами. К счастью для англичан плохо вооруженные и ослабленные раздорами горцы скоро прекратили свои нападения. В середине декабря в ущелье прибыл генерал Гарвок с девяти тысячным отрядом, сменил Чемберлена, вышел в долину Чемла, а затем вернулся в Пешавар.

Большие потери, понесенные англичанами в ходе Амбелахской экспедиции, заставили их вернуться к принципу «закрытой границы».

В 1869 г. в Афганистане закончился шестилетний период феодальных усобиц. Эмир Шер Али-хан одолел своих противников и приступил к политической централизации страны под своей властью. Вице-король Индии лорд Майо от лица английского правительства решил завербовать Шер Али и сделать его агентом влияния. 27 марта 1869 г. в Амбале (Британская Индия) лорд Майо встретился с эмиром. На первом же заседании конференции Шер Али заявил: «В самом начале моего правления, когда в Афганистане вспыхнули восстания, я просил оказать мне помощь, однако Англия отклонила мою просьбу. Поэтому я возвращаю вам долги и оружие, которые вы только что послали. Я не могу пойти на заключение с вами договора»^[93].

Как выяснилось в ходе последующих заседаний, эмир сделал это заявление только для того, чтобы подготовить себе лучшую позицию для дипломатических переговоров. После долгих споров Шер Али все же взял английское оружие и ежегодную денежную субсидию.

Шер Али-хан настаивал на заключении союзного договора. Он требовал от Англии признать в Афганистане власть за ним и его наследником, которым эмир назначил своего младшего сына Абдуллу-хана. Но лорд Майо был категорически против, поскольку Англия не желала лишиться себя возможности продолжать обычную игру, которую она вела во

всех феодальных монархиях Востока — противопоставлять правителю, в случае недостаточной его покорности, его соперника-претендента. Все же вице-король дал обязательство не вмешиваться во внутренние дела Афганистана и не стал посылать туда резидентов-англичан, что было особенно важно для эмира, который считал, что английские резиденты станут средоточием направленных против него интриг. Взамен Шер Али обещал лорду Майо согласовывать свою внешнюю политику с правительством Британской Индии.

В начале 1869 г. английское правительство во главе с лидером либералов Гладстоном предложило Александру II создать в Средней Азии между английскими и русскими владениями нейтральную зону, неприкосновенную для обеих сторон и предотвращающую их непосредственное соприкосновение. Следует заметить, что на Гладстона произвела большое впечатление записка, составленная известным специалистом по Индии сэром Генри Раулинсоном, утверждавшим, что если русские дойдут до Мерва, то в руках у них окажется ключ от Индии. Министр иностранных дел лорд Кларендон осведомился у русского посла барона Бруннова, нельзя ли, для успокоения общественного мнения в Англии и для предупреждения осложнений, договориться о создании между русскими и английскими владениями в Средней Азии нейтрального пояса, «который предохранит бы их от всякого случайного соприкосновения». Под этим «нейтральным поясом» лорд Кларендон подразумевал Афганистан.

Князь Горчаков принял предложение британского министра и поручил Бруннову объяснить в Лондоне, что создание нейтральной зоны как нельзя более отвечает намерениям русского правительства. 24 февраля 1869 г. Горчаков, приглашая Англию отказаться от закоренелых предубеждений против России, писал: «Оставим эти призраки прошлого, которые должны бы были исчезнуть при свете нашего времени!.. Со своей стороны, мы не питаем никакого страха к честолюбивым видам Англии в центре Азии, и мы вправе ожидать такого же доверия к нашему здравому смыслу. Но что может смутить рассудок, так это взаимное недоверие!» В заключение канцлер поручал Бруннову повторить британскому правительству «положительное уверение, что его императорское величество считает Афганистан совершенно вне той сферы, в которой Россия могла бы быть призвана оказывать свое влияние, и что никакое вмешательство, противное независимости этого государства, не входит в его намерения»^[94].

Александр II изложил британскому послу свой собственный взгляд на среднеазиатские дела: «Я убежден, что правительство ее британского

величества верит мне, если я говорю, что не имею честолюбивых замыслов в Средней Азии. Оно должно по собственному опыту знать, что положение наше в этих землях в высшей степени затруднительно. Наши действия не столько зависят там от наших намерений, сколько от образа действий, принятого в отношении нас окружающими нас туземными государствами»^[95], и добавил, что если, к несчастью, в Средней Азии произойдут новые столкновения, то не он будет их виновником.

Получив согласие русского правительства на им же сделанное предложение, лорд Кларендон вдруг объявил, что Англия не может считать Афганистан нейтральной зоной, поскольку страна эта не удовлетворяет требуемым условиям. Британский министр предложил считать «нейтральным поясом» реку Амударью к югу от Бухары. Россию предложение это не устраивало, поскольку Хивинское ханство оказывалось бы тогда на нейтральной территории, и это позволило бы хивинцам безнаказанно продолжать свои грабительские набеги на русские земли.

В сентябре 1869 г. в Гейдельберге состоялась встреча князя Горчакова с лордом Кларендоном. Министры обменялись мнениями по среднеазиатскому вопросу. Кларендон настаивал на создании в Средней Азии «нейтральной полосы», ссылаясь на то, что Англия на собственном опыте убедилась, как трудно в отдаленных районах контролировать действия своих же военачальников, обуреваемых чрезмерным честолюбием. Горчаков был с ним вполне согласен и даже привел в пример действия генерала Черняева, но утверждал, что то же можно ожидать и от нового генерал-губернатора Туркестана Кауфмана. Однако «нейтральный пояс» вдоль Амударьи не устраивал русское правительство, так как владения Бухары находятся по обе стороны от этой реки, и все они должны остаться под влиянием России. Горчаков доказывал, что территория Афганистана как нельзя лучше подходит для создания там нейтральной полосы.

Кларендон же, ссылаясь на то, что границы Афганистана недостаточно определены, отклонил это предложение. По его мнению, неопределенность границ может привести к конфликтам между среднеазиатскими ханствами и к еще более «прискорбным последствиям», имея в виду столкновение Англии с Россией.

Переговоры затянулись на три года, теперь главным вопросом стало четкое определение границ Афганистана. Русское правительство, опираясь на сведения, собранные туркестанским генерал-губернатором, доказывало, что северной границей Афганистана следует считать реку Амударью от слияния ее с рекой Кушкой до переправы Ходжа-Соля. Две области,

расположенные к северо-востоку, — Вахан и Бадахшан — Россия не желала признавать территорией Афганистана, а Англия же, наоборот, настаивала на включении их во владения афганского эмира.

Россия готовилась к походу на Хиву, и, чтобы устранить противодействие Англии, русскому правительству пришлось уступить. 12 января 1873 г. Горчаков отправил Бруннову депешу с уведомлением британскому правительству о том, что Россия признает принадлежность Вахана и Бадахшана афганскому эмиру, а также самостоятельность Афганистана во внутренних и внешних делах.

В 1874 г. кабинет либерала Гладстона сменило консервативное правительство Дизраэли^[35], которое решило перейти к наступательной политике («forward policy») в колониях по всему миру от Африки до Китая.

Дизраэли твердо решил сделать Афганистан британской колонией, но при этом попытался избежать конфликта с Россией. В мае 1875 г. Россия и Англия совместно выступили против Германии, так что отношения между ними на некоторое время улучшились. Но это не помешало британскому и русскому кабинетам продолжать свои интриги в Персии, Туркмении и Западном Китае. Министр иностранных дел в кабинете Дизраэли лорд Дерби 13 мая заявил русскому послу Шувалову: «Ничто не может помешать России и Англии договориться друг с другом в Азии... Там хватит места для обеих»^[96].

Новый британский кабинет, пытаясь договориться с Россией, уже отказывался от «нейтральной полосы» в Афганистане, а предлагал встать на путь прямого раздела Средней Азии. Дизраэли, по существу, отказывался подтвердить русскому правительству признание независимости Афганистана и в октябре 1875 г. заявил, что сохранит по отношению к этому государству полную свободу действий.

Горчаков, сделав выводы, вытекавшие из новой позиции Англии, ответил в феврале 1876 г. Он подтвердил достигнутое в 1873 г. соглашение о границе Афганистана и повторил, что страна эта остается «вне сферы действий» России. Канцлер заявил, что русское правительство считает переговоры о буферной зоне законченными. Оба правительства полностью сохраняют свободу действий в отношении стран «нейтрального пояса», но будут принимать во внимание взаимные интересы и по мере возможности избегать непосредственного соседства.

Александр II не упустил шанса воспользоваться «свободой действий» в отношении стран «нейтрального пояса» и издал 17 февраля 1876 г. указ о присоединении к Российской империи Кокандского ханства. Дизраэли

понял, что поторопился. Англии, чтобы завоевать Афганистан, надо было преодолеть огромные природные трудности и принять в расчет готовность афганского народа любой ценой отстоять свою независимость.

До назначения Дизраэли премьером афганский эмир Шер Али вел политику, угодную Англии и враждебную России. Он пытался не только укрепиться на южных берегах Амударьи, но и распространить свое влияние на Туркмению. Английское правительство, чтобы влиять на эмира, поддерживало тесные связи с его соперниками среди афганских феодалов. Это был типичный прием колониальной политики для не вполне централизованных феодальных государств. К примеру, англо-индийское правительство скрыто помогало сыну эмира Якуб-хану, бывшему правителем Герата и все время строившему козни против своего отца.

Шер Али брал с англичан деньги и оружие, выполнял многие их требования, но все же не желал полного подчинения своей страны Англии. В июле 1873 г. в индийском городе Симл состоялась англоафганская конференция. Эмира представлял Сеид Нур-Мухаммед-хан. Он требовал признания Англией династии эмира, большей помощи деньгами и оружием и пересмотра вынесенного англичанами арбитражного решения об афгано-персидской границе в Сеистане, крайне невыгодного Афганистану. Англичане же вновь выдвинули требование, в свое время отвергнутое Шер Али, о допуске английских резидентов в Герат и Кандагар.

В мае 1876 г. новый вице-король Индии лорд Эдуард Роберт Лит-тон, ставленник Дизраэли, потребовал от Шер Али приема в Кабуле английского посольства и получил категорический отказ. Эмир по-прежнему был убежден, что английские резиденты станут центром интриг и диверсий, опасных для независимости страны, но согласился вести переговоры на индийской территории. Переговоры должны были состояться в Пешаваре, эмира опять представлял Нур-Мухаммед-хан.

Переговоры начались в январе 1877 г. Нур-Мухаммед огласил длинный список жалоб на вмешательство Англии в дела Афганистана. Английские представители выдвинули свои требования: отказ Афганистана от самостоятельных сношений с иностранными государствами, размещение английских офицеров-резидентов в важнейших центрах страны и на ее границах. Последнее требовалось англичанам не только для ведения интриг против эмира, но и для проникновения в Бухару и Туркмению. Требования эти еще раз подтвердили афганцам, что целью Англии является полное подчинение себе Афганистана.

Шер Али-хан через Нур-Мухаммеда передал англичанам, что скорее погибнет, чем уступит. Лорд Литтон ответил на это в оскорбительном тоне

и признал дальнейшие переговоры бесполезными. Нур-Мухаммед умер в Пешаваре при странных обстоятельствах, наводящих на подозрения в убийстве. Шах-Али был готов пойти на уступки и направил в Пешавар своего нового представителя, но Литтон прервал переговоры, хотя и знал о примирительных намерениях эмира. Новому представителю эмира сообщили на границе, что в его присутствии не нуждаются. Вопрос о начале войны с Афганистаном был решен английским правительством еще в 1876 г.

Англичане начали непосредственную подготовку к боевым действиям. В ноябре 1876 г. они получили от властителя Келатского ханства, граничащего с Афганистаном, договор о признании им протектората Англии. В Келате зрело большое недовольство против феодальной группировки, находящейся у власти. Англичане предложили помощь хану в усмирении его собственных подданных, а хан за это позволил англо-индийскому правительству содержать свои войска на территории Келата.

Сразу же после подписания договора Литтон направил в Келат отряд для занятия города Кветты — очень важного пункта на случай войны с Афганистаном. Кветта обеспечивала господство над Болан-ским перевалом, через который шла дорога на Кандагар. Также Кветта оказалась очень удобным местом и для ведения интриг среди феодалов Западного Афганистана против Шер Али. Англичане немедленно приступили к укреплению города, который должен был стать базой для наступления на Афганистан по Кандагарскому операционному направлению. Англичане отремонтировали дороги, ведущие к афганской границе, и соорудили мост через Инд.

В 1876 г. англичане заняли княжество Читрал, граничащее с Афганистаном с востока и открывающее путь в Бодахшан. Плацдармы для вторжения в Афганистан были готовы.

В начале 1877 г. англо-индийское правительство наложило эмбарго на ввоз в Афганистан оружия. На горных проходах, ведущих в эту страну, началось сосредоточение англо-индийских войск. Отношения с Шер Али были порваны. В течение 1877 г. англичане захватили территории некоторых пограничных племен и проложили по ним дороги, облегчавшие вторжение в Афганистан. Литтон планировал расчленить страну, отделив Герат и Кандагар.

Продолжая активно готовиться к войне, английское правительство попросило турецкого султана Абдул Гамида II послать в Кабул посольство с целью попробовать еще раз уговорить Шер Али подчиниться Англии и объединиться с ними «для общих действий против русских». В апреле 1877

г. началась русско-турецкая война, и Дизраэли планировал нанесение России удара в Средней Азии. Турецкое посольство, снаряженное на английские деньги, благополучно прибыло в Кабул.

Султан, готовясь к войне с Россией и подстрекаемый Англией, предлагал эмиру союз для борьбы за ислам против христианской России и шиитской Персии. Шер Али отказал, прекрасно понимая, что союз с Англией против России и появление английских войск в его стране положит конец независимости Афганистана.

Еще в июле 1876 г. эмир отправил письмо Кауфману, где выразил надежду на укрепление дружественных отношений между Афганистаном и Россией. 15 сентября, видя военные приготовления Англии, Шер Али вновь написал Кауфману о желательности установления непосредственных политических связей с Россией. Туркестанский генерал-губернатор отвечал ему в благожелательном духе.

Кауфман послал в Кабул специальную миссию во главе с генерал-майором Н.Г. Столетовым. В состав ее входили полковник генерального штаба А.К. Разгонов, топограф Бендерский, врач Яворский с фельдшером и три переводчика: с персидского — подпоручик Назиров, с западноевропейских языков — титулярный советник Малевинский, с тюркских — Замаан-бек Шихалибеков, а также 22 казака охраны. 27 мая 1878 г. генерал-губернатор вручил Столетову «Предписание № 4407». «С получением сего, — говорилось в документе, — вы имеете отправиться в г. Кабул, к эмиру афганскому, для скрепления с ним наших дружественных отношений, выяснения эмиру всех от того для него происходящих выгод и для заключения, если то окажется возможным, с ним союза на случай вооруженного столкновения нашего с Англией». Далее в предписании говорилось о захвате Англией приграничных с Афганистаном территорий и указывалось на то, что «образ действий англичан, стремящихся утвердиться в Афганистане, не может окончательно примирить с ними эмира и устранить совершенно поводы к новым столкновениям»^{97}.

Кауфман поручил Столетову разъяснить Шер Али, что российское правительство «всегда смотрело на Афганистан как на оплот против посягательств английской политики на независимость среднеазиатских владетелей и что оно расположено оказывать со своей стороны поддержку стремлениям эмира противодействовать таким посягательствам»^{98}.

Столетов прибыл в Кабул. 9 августа 1878 г. между Россией и Афганистаном была подписана дружественная конвенция. В ее первой статье говорилось: «Российское императорское правительство считает

государство Шер Али-хана, эмира Афганистана, государством независимым и желает, как с другими независимыми государствами, иметь с ним дружественные отношения, по старой дружбе»; а в последней: «Друг государства Шер Али-хана, эмира Афганистана, должен считаться другом императорского Российского правительства, и враг государства Шер Али-хана, эмира Афганистана, должен считаться врагом Российского правительства, равно и наоборот»^[99].

11 августа 1878 г. Столетов с половиной конвоя двинулся обратно в Ташкент. Другие члены миссии остались в Кабуле.

Замечу, что генерал Столетов был направлен в Кабул в разгар русско-английского кризиса 1878 г., вызванного русско-турецкой войной.

В начале лета 1878 г. в Туркестане были сформированы три войсковые группировки (их официально именовали отрядами) общей численностью 20 тыс. человек для похода в Индию в случае дальнейшего обострения обстановки. Еще одна ударная группировка была сосредоточена на восточном побережье Каспийского моря. Последняя группировка была дальше от границ Индии, но зато благодаря Каспийской флотилии имела отличное снабжение. В такой ситуации помощь или, по крайней мере, благожелательный нейтралитет афганского эмира был крайне важен для русских войск.

Английская разведка своевременно сообщила вице-королю Индии Эдуарду Литтону о прибытии Н.Г. Столетова в Кабул. Литтон потребовал от эмира принять английское посольство генерала Нэвиля Чемберлена. В ответ эмир Шер Али заявил, что в Афганистане траур по случаю смерти наследного принца Абдулладжана, во время которого принять британское посольство невозможно. А затем эмир... продолжил переговоры с русской миссией.

29 октября (9 ноября) 1878 г. вице-король Индии особой декларацией объявил Афганистану войну. Англичане планировали быстрым маршем дойти до Кабула, взять его штурмом и на этом войну закончить.

Для наступления на Кабул предназначались две колонны — Пешаварская и Курамская, сформировавшиеся в окрестностях Пешавара и Когата. Для захвата Кандагара и наблюдения за Южным Афганистаном была сформирована третья, Кандагарская, колонна. В состав ее вошли Мультиганская дивизия (сформированная в Мультигане) и войска Кветского гарнизона, присоединившиеся к колонне уже в пути. В каждой из колонн пехота почти на четверть состояла из туземных частей, кавалерия придавалась в размерах от полка до бригады.

Эмир Шер Али немедленно обратился за помощью к России. Но, увы,

еще в августе русские отряды, предназначенные для действий против Индии, приказом из Петербурга были остановлены на Амударье. Через три дня после прибытия Столетова в Ташкент, 9 сентября, Кауфман отправляет его в Петербург с посланием к военному министру Д.А. Милютину. Кауфман просил «передвинуть в округ не менее двух пехотных дивизий и четыре казачьих полка, начать передвижение нынешней же зимой». Далее он обосновывал свою просьбу тем, что «уклониться от этого проекта — значит отдать Афганистан не только английскому влиянию, но, может быть, и полному подчинению... Все это покажет Афганистану и Индии английскую силу и могущество и наше сравнительное бессилие. Мы сами себе закроем в этом случае среднеазиатский театр действий при разрыве с Англией, а этот театр действий, по моему убеждению, для нанесения решительного удара Англии возможен только при условии союза с Афганистаном. Едва ли мы можем быть опасны для Англии, иначе как при условии мирного пути от реки Амударьи до границ Индии. При этом условии среднеазиатский театр действий приобретает важность первостепенную. Обеспечить себе возможность действовать на этом театре нам необходимо ввиду будущего окончательного решения восточного вопроса»^{100}. Под «решением восточного вопроса» Кауфман подразумевал установление русского контроля над Черноморскими проливами.

Инициатива Кауфмана была отклонена Особым совещанием в Петербурге, на котором присутствовал сам Александр П. Горчаков традиционно паниковал, а военному министру Милютину военные реформы были важнее интересов государства, поскольку даже маленькая война путала его планы. В итоге Милютин отписал Кауфману: «Совещание пришло к заключению, что нам никак не следует прямо идти на войну с Англией из-за настоящего столкновения ее с Афганистаном... На основании всего вышеизложенного государем императором благоугодно было повелеть дать туркестанскому генерал-губернатору приказание, чтобы он посоветовал миру во избежании несвоевременной войны идти на примирение»^{101}.

Тем не менее Кауфман упорно защищал свою линию и написал Милютину: «У Шер Али-хана есть свои шансы на успех... Мы могли бы отсюда рискнуть поддержать его с меньшими средствами, чем те, которые исчислены были мною в записке, представленной по этому вопросу с генералом Столетовым... Позволю себе думать, что все существующие и могущие еще быть затруднения в делах наших в Европе идут от Англии, и все они разрешались здесь. Будь мы вовремя сильны в Средней Азии, мы

могли бы достигнуть и на Балканском полуострове, и в Малой Азии всего, что нам нужно...»^{102}

В ответе Кауфману военный министр заявил, что государь и его министры признают правоту суждений Кауфмана, «тем не менее государь император не изменил твердого своего намерения поддерживать европейский мир до последней крайности и не допустит, чтобы повод к решительному разрыву с Англией был поднят с нашей стороны. Столкновение с этой державой в Азии было бы сигналом общей и упорной войны при обстоятельствах и обстановке крайне для нас невыгодных»^{103}.

Здесь царь попросту пересказывает идеи князя Горчакова, который так и не смог излечиться от синдрома Крымской войны.

Между тем мир кардинально изменился. Англия могла сколь угодно угрожать России, но это был только блеф. Англия не имела армии, способной сражаться с Россией. Крымская война ослабила Россию, которая была ведущей военной державой Европы, и установила примерное равновесие между французской, австрийской и русской армиями. Предположим, что в 1880 г. Англии удалось бы сколотить коалицию из Германии и Австрии и разгромить Россию. После этого Бисмарк стал бы в Европе тем, кем был Наполеон в 1810 г., то есть случилось бы то, чего англичане боялись во все века. И это из-за какого-то Афганистана?

Кроме того, Россия могла сделать то, что сделали США в 70—80-х годах XX века в ходе оккупации Афганистана советскими войсками. То есть давать афганцам современные винтовки и пушки, готовить афганских офицеров, посылать советников из числа уволившихся из армии офицеров. В этом случае англичане могли увязнуть в Афганистане на многие десятилетия, да и война могла перекинуться в Индию. При этом Россия оказалась бы в стороне и громко сетовала бы на британские зверства в Афганистане. Увы, узость мышления Александра II, Милютина, Кауфмана и высшего русского офицерства в целом не допускала даже мысли о поддержке партизанской войны.

В итоге русские власти предали Шер Али-хана и фактически выдали его англичанам. В ночь на 1 декабря 1878 г. русская миссия бежала из Кабула.

9 ноября 1878 г. англо-индийская действующая армия численностью около 36 тысяч человек тремя колоннами вступила в пределы Афганистана. Пешаварская колонна под командованием генерал-лейтенанта Самуила Броуна (16 тысяч человек при 48 орудиях) направилась через Хайберский проход к Дакке и Джелалабаду. В Хайберском проходе 9 и 10 ноября

афганцы попытались задержать продвижение англо-индийских войск, но из-за своей слабости были вынуждены отступить к Дакке.

Курамская колонна под началом генерал-майора Робертса (6600 человек при 18 орудиях) двинулась по долине Курама и 18 ноября неудачно штурмовала Пейвар-Котальский перевал. Через два дня англо-индийские войска возобновили штурм и заняли перевал.

Кандагарская колонна под командованием генерал-лейтенанта Стюарта (13 тысяч человек) долго сосредотачивалась у Боланского прохода, а затем, не встречая сопротивления со стороны афганцев, 20 декабря прошла перевалами Гваджа и Коджак. 26 декабря колонна имела стычку у Тахт-и-Пуля и на следующий день вступила в Кандагар.

Афганские войска первоначально вели себя пассивно. Шер Али, покинув Кабул и передав правление своему старшему сыну Якуб-хану, выехал в Мазари-Шериф. В Афганистане начались беспорядки, вместо того чтобы объединиться против напавшего на них врага, афганцы принялись за свои обычные распри. Однако за первыми успехами англичан последовал ряд неудач, совершенно расстроивших их планы.

Разрозненные афганские отряды, не имея ни единого плана, ни элементарной координации своих действий, тем не менее наносили весьма ощутимые удары по коммуникациям противника. Не имея возможности держать верблюдов на подножном корму, англичане были вынуждены доставлять им фураж, который требовался в огромном количестве. Начался страшный падеж вьючного скота, что сильно осложнило подвоз к войскам продовольствия. Вместе с тем неудачная экспедиция генерала Робертса в долину Хоста (к югу от долины Курама) поставила Курамскую колонну в критическое положение. Между тем генералу Стюарту было предписано двинуться из Кандагара на Герат, колонну его было решено усилить подкреплениями из Индии. Но так как вместо десяти тысяч верблюдов, необходимых для этого, удалось собрать лишь чуть больше полутора тысяч, все операции на южном театре военных действий были приостановлены. Колонну Стюарта надо было спасать от голодной смерти. Когда был занят Кандагар, в Кветте не оказалось ни зерна, ни провианта. Собранный в Суккуре четырехмесячный запас продовольствия не мог быть доставлен в отряд за неимением перевозочных средств.

К этому времени Кандагарская колонна потеряла более 20 тысяч верблюдов. При таких условиях Стюарт разделил свой отряд на три части и направил одну часть за продовольствием в Гиришк, а другую — за тем же в Келат-и-Гильзай.

В Пешаварской колонне, большая часть которой была распределена по

этапам, охранявшим коммуникации с Индией, погибло к этому времени более 14 тысяч верблюдов, в войсках начались болезни, что вынудило английское командование наиболее расстроенные части отправить обратно в Индию.

Вообще эта зимняя кампания дорого обошлась англичанам. Положение с каждым днем ухудшалось. Горные пограничные племена все время находились в состоянии опасного возбуждения. Ввиду чрезвычайных продовольственных трудностей, постигших колонну Стюарта, решено было уменьшить ее численность. Свыше семи тысяч человек из ее состава вернулись в Индию, в отряде осталось всего около четырех тысяч.

Между тем 9 февраля 1879 г. в Мазар-и-Шерифе внезапно скончался Шер Али, и власть перешла в руки его сына Якуб-хана. Новый эмир первое время находился в нерешительности, не зная, что ему предпринять. С целью воздействия на него англичане произвели со стороны Пешавара небольшое движение в долину Лагмана, как бы намереваясь двинуться на Кабул. И действительно, сразу после этого и неожиданно для самих англичан Якуб-хан явился в Гандамак и изъявил желание приступить к мирным переговорам. 26 мая 1879 г. в Гандамаке между Якуб-ханом и английским представителем майором Каваньяри был заключен договор, по которому эмир подчинил свои внешние сношения контролю Англии, допустил постоянное пребывание в Кабуле британского резидента, передал англичанам Хайберский проход и, наконец, уступил им на неопределенное время долину Курама и округа Сиби и Пишин, с правом контроля над соседними горными племенами. Англия, в свою очередь, обязалась выплачивать эмиру ежегодную субсидию в 600 тыс. рупий.

После заключения Гандамакского мира английские войска начали покидать Афганистан. Уже в июне 1879 г. большая часть войск экспедиционного отряда была отправлена на постоянные квартиры. Пешаварская колонна, больше всех пострадавшая от болезней, была почти вся отправлена в Индию. Курамскую колонну расформировали, но большую ее часть оставили в Курамской долине. Из Кандагарской колонны лишь небольшой отряд в две тысячи человек оставался с генералом Стюартом в Кандагаре.

По одному из условий договора в Кабул прибыл британский резидент майор Каваньяри. При нем был конвой из 25 кавалеристов и 50 пехотинцев под командованием лейтенанта Гамильтона. Миссию сопровождали сотни слуг, камердинеров, грумов и носильщиков.

Цель посольства хорошо была сформулирована вице-королем Индии в письме в Лондон виконту Крэнбруку, отправленном 23 июня 1879 г. из

Симлы. «Мой дорогой лорд Крэнбрук, — писал Литтон, — я бесконечно признателен за ваше письмо от 27 мая. Майор Каваньяри теперь у меня, и, судя по тому, что сообщают он и другие, я думаю, вам нечего беспокоиться об осуществлении и результатах договора с Кабулом или о возможных волнениях в Афганистане после вывода наших войск. Полагаю, что договор с Кабулом надо рассматривать не как итог, а как начало... Новый договор — скорее начало, чем результат, венчающий разумную и рациональную политику. Соблюдение этой политики должно среди прочих плодов снять с Индии проклятие постоянной русской угрозы и дать нам на всей нашей границе определенные покой и безопасность, доселе неведомые... Афганцы будут тем больше любить и уважать нас за победу, одержанную над Шер Али, и за урок, который мы преподали России. Во всей этой части света... великодушного врага предпочитают ненадежному и неверному другу»^{104}.

Миссия Каваньяри поселилась в Бала-Гисаре (цитадели Кабула). Там англичане находились как в осажденной крепости. Брожение среди афганских войск и кабульского населения постоянно росло. И нужен был только малейший повод, чтоб искра упала на заготовленный в изобилии горючий материал и пожар вспыхнул. Таким поводом стало недовольство трех афганских пехотных полков недополучкой жалованья. Солдаты возмутились и, подстрекаемые муллами, 21 августа (4 сентября) 1879 г. бросились на штурм цитадели. Англичане ответили метким винтовочным огнем. Но афганцы подкатили пушки и взяли цитадель приступом. Все англичане были перебиты.

Вице-король Литтон приказал генерал-майору Робертсу двинуться на Кабул. Робертсу были подчинены 3 полка британской и 4 полка туземной пехоты, саперная рота, эскадрон британской кавалерии, 2,5 полка туземной кавалерии и 3 батареи артиллерии, всего до 6,5 тыс. человек. Отряд был разделен на три бригады: две пеших под командованием генерал-майоров Макферсона и Бекера и одну конную под командованием генерал-майора Масси. Целью отряда ставилось занятие Кабула и местности между ним и Шутаргардским перевалом. Для занятия местности между этим перевалом и Талем был сформирован особый отряд под началом генерал-майора Гордона. В него вошел 1 британский пехотный полк, 5 полков туземной пехоты, 2 полка туземной кавалерии и 2 артиллерийские батареи, всего 4000 человек.

Пешаварская колонна генерал-майора Брайта была пополнена 2 полками британской пехоты, 5 полками британской кавалерии, 4 полками туземной кавалерии и 5 артиллерийскими батареями, всего около 6000 человек, не считая гарнизона Пешавара и войск, занимавших Хайберский

проход. Этот отряд предназначался для обеспечения сообщений между Пешаваром и Гайдамаком, для образования гарнизонов на промежуточных пунктах и для различных мелких предприятий между Пешаваром и Кабулом.

Для усиления индийской армии англичанам пришлось взять из Европы и из других колоний 10 батальонов пехоты, 4 кавалерийских полка и 8 артиллерийских батарей.

7 сентября 1879 г. афганцы напали на Шутаргардский перевал, занятый бригадой генерала Бекера, но были отбиты. 10 сентября афганцы снова напали на Бекера, и снова были отбиты. 11 сентября бригада Бекера покинула перевал и заняла селение Куши, расположенное в 75 верстах к югу от Кабула. К 19 сентября там сосредоточилась вся колонна Робертса. 22 сентября Роберте продвинулся до Загидабада (в 23 верстах от Кабула), где английские войска встретились с передовыми отрядами афганцев.

Предстояло сражение за обладание Кабулом. Оно состоялось 24 сентября в 12 верстах от Кабула близ селения Чар-Азиаб. Афганский отряд состоял из 11 батальонов с артиллерией и занимал высоты к северу от Чар-Азиаба. План афганцев состоял в том, чтобы одновременно с фронтальной атакой бросить в тыл англичанам свою конницу. Рано утром 24 сентября Роберте произвел рекогносцировку и решил, демонстрируя с фронта, обойти оба неприятельских фланга, правый — отрядом майора Уайта (600 человек), левый — отрядом генерала Бекера (1600 человек). В резерве Роберте оставил 2800 человек.

Обе обходные колонны англичан последовательно и без труда овладели высотами противника, не встречая серьезного сопротивления.

Афганцы дрались вяло, а конница племени гильзаев, которая должна была атаковать тыл англичан, оставалась в бездействии, ограничиваясь бесполезными демонстрациями. Бой длился с 11 часов утра до 5 часов вечера. Афганцы, обойденные с флангов, отступили, понеся значительные потери. Английская кавалерия не преследовала их.

30 сентября 1879 г. генерал Роберте направился к Бала-Гиссару, занял его и затем торжественно вступил в Кабул. Эмир Мухаммед Якуб-хан отрекся от престола и в ноябре того же года под конвоем англичан был вывезен в Индию. В Кабуле же англичане начали расправу над участниками нападения на миссию Каваньяри. При этом не была соблюдена даже видимость законности. Хватали тех, кто просто подвернулся под руку.

Поначалу афганцев попросту вешали. Но со временем настоящим джентльменам это наскучило. Кто-то вспомнил, как двадцать лет назад индусов привязывали к жерлам английских пушек и разрывали на части

пороховыми газами при холостом выстреле. Но полковник Мак-Грегор предложил сжигать афганцев. Генералу Робертсу идея пришла по душе. На одной из площадей Бала-Хиссара в Кабуле закипела работа. Британские саперы строили огромную виселицу: по кругу было расставлено попарно сорок столбов, соединенных общей переключиной. От обычных сооружений подобного рода это изобретение отличалось не только размерами и формой, здесь вместо веревок на каждом столбе крепились цепи. Палачам пришлось потрудиться, изготавливая быстро воспламеняющуюся горючую смесь. Помог какой-то интендант, вовремя вспомнивший о находившихся в обозе нескольких бочках колесной мази. Туда что-то добавили, перемешали, и получился вполне подходящий для данного случая состав.

Как писал известный востоковед профессор Н.А. Халфин: «Трещали барабаны. У чанов действовали ачхуты — индийцы из касты "неприкасаемых". Они обмазывали воспламеняющейся смесью одежду приговоренного. Затем палачи вешали его на цепь и разжигали под ним костер. Пламя быстро охватывало сухие дрова. Его языки, набирая силу, сливались, превращаясь в мощные огненные руки, которые рвались вверх, к жертве... Еще секунда — и человек превращался в пылающий факел...

Зверская расправа, напоминавшая времена инквизиции и унесшая более двухсот жизней, растянулась на несколько дней. Над Бала-Хиссаром поднялось облако густого зловонного дыма. Оно разрасталось, превращаясь в мрачную тучу. И долго висела эта туча над Кабулом, напоминая жителям о страшной участи, постигшей их родных, близких, друзей, сограждан.

По завершении казни Роберте распорядился разобрать на топливо деревянные части строений Бала-Хиссара и перевезти их вместе с остатками пороха в Шерпур, а все остальное, и прежде всего цитадель, взорвать и сровнять с землей. Вскоре великолепные памятники афганской архитектуры, слава и гордость Кабула, взлетели на воздух»^[105].

Расправа над населением Кабула привела к диаметрально противоположным результатам. Афганцы не только не испугались, а наоборот, повсеместно взяли за оружие. Газни стал центром сосредоточения племен среднего Афганистана. Во главе этого союза стал престарелый Мушк-и-Алим, один из наиболее почитаемых мулл, а командование войсками принял генерал покойного эмира Мухаммет-Джан. По всей стране начали формироваться ополчения, постепенно стягивающиеся к Кабулу. Чтобы парализовать это движение, генерал Роберте выслал по расходящимся направлениям отряды, чтобы разогнать

афганские скопища раньше, чем они успеют сосредоточиться.

28 ноября отряд генерала Макферсона, направленный в Кугистан (к северу от Кабула) для разъединения кугистанских отрядов, встретил значительные силы кугистанцев и в бою 29 ноября потерпел неудачу, потеряв несколько орудий. Отряд генерала Бекера, посланный в тыл газийскому ополчению, был окружен афганцами, но 1 декабря с боем пробился к своим.

К концу ноября в крепости Кабула собралось значительное число афганских отрядов, одно присутствие которых должно было внушить англичанам большие опасения. Однако генерал Роберте не придавал этому обстоятельству серьезного значения. Но события вскоре вынудили Робертса посмотреть на проблему гораздо серьезнее. Кох-и-Асмайское сражение открыло ему глаза.

Рано утром 2 декабря густые массы афганцев заняли удлинённый горный кряж Асмай, отходящий к северо-западу от Кабула, и приготовились атаковать английский лагерь. Роберте, не дожидаясь нападения афганцев, решился немедленно атаковать неприятеля. В ходе упорного боя англичане были разбиты. Генерал Роберте отступил в Шир-Пурский лагерь, туда же подтянулась и бригада генерала Макферсона. Англичане, укрывшись за стенами укрепленного лагеря, не показывались из него в течение девяти дней, пока их не выручил отряд, направленный из Пешаварской колонны.

Поражение Робертса под Кабулом произвело большое впечатление в Индии. Из метрополии были потребованы подкрепления, а войскам из Пешаварской колонны было приказано идти на выручку Робертса. С большим трудом удалось собрать в Джигделике отряд силой в 3700 человек при двенадцати орудиях под командованием генерал-майора Гофа и отправить его к Кабулу, куда он прибыл 12 декабря и освободил гарнизон Шир-Пурского лагеря.

Мухаммет-Джан, убедившись в невозможности овладеть английским лагерем, отвел свои войска от Кабула.

Не лучше шли дела и в Кандагарской колонне генерала Стюарта. В день убийства Каваньяри последние две тысячи человек этой колонны начали покидать Кандагар, но их вернули обратно. Из-за дальности расстояния и небезопасности сообщений с Индией Кандагарскую колонну долго не удавалось усилить. После сражения при Чар-Азиабе (24 сентября) было решено поторопиться с усилением действующих отрядов для ведения более энергичных наступательных действий. Пока же положению англичан в Кандагаре и окрестностях серьезная опасность не угрожала.

В сентябре 1879 г. Стюарту было приказано выслать к Газни отряд для связи с Кабулом. Командированный для этого небольшой отряд генерала Пока не смог пройти далее Келат-и-Гильзая, где и остановился на зимовку. С наступлением нового года войска Стюарта были усилены дивизией генерала Примроза. Весь Кандагарский отряд было решено направить через Газни к Кабулу с целью по дороге отряда уничтожить скопища афганских племен, а затем усилить войска в Восточном Афганистане, где ожидалось закончить кампанию.

19 марта 1880 г. шеститысячный отряд Стюарта выступил из Кандагара. Отряд был обременен огромным количеством нестроевых (6300 человек) и большим обозом (3500 лошадей и мулов, 6300 верблюдов и 11 слонов). Как только войска тронулись, воины из племени патанов напали на форт Дубрай (между Кандагаром и Кветтой), вырезали его гарнизон и прервали сообщение Стюарта с Индией. Войскам Стюарта в пути пришлось выдержать несколько столкновений с афганцами. В 15 верстах к югу от Газни у селения Ахмет-хейля произошла наиболее серьезная стычка между английским отрядом и афганцами.

20 апреля Стюарт подошел к Кабулу, соединился с Робертсом и принял командование над всеми английскими войсками, действовавшими в Афганистане. Между тем за зимние месяцы в отряде Робертса не произошло никаких изменений. Гильзай по-прежнему нападали на английские коммуникации, так, Джигделик, Джадзаильх (возле Джелалабада), форт Мични и другие пункты не раз подвергались атакам афганских племен. Англичане фактически владели лишь узкой полосой местности, по которой пролегалась дорога, связывавшая Пешавар с Кабулом.

Таково было положение дел на театре военных действий, когда на горизонте политических событий появился сардар^[36] Абдуррахман-хан, племянник покойного эмира Шер Али-хана. В 1869 г. в ходе афганских междоусобиц Абдуррахман-хан бежал за Амударью. Какое-то время он провел у Хивинского хана, а затем — у Бухарского эмира, но в конце концов решил, что ему безопаснее будет в русском Туркестане.

Генерал-губернатор Кауфман разрешил поселиться Абдуррахман-хану в Самарканде. Там он с большой свитой неплохо проводил время за счет русской казны. Но Кауфман получил весть о свержении англичанами Мухаммеда Якуб-хана, и Абдуррахман-хан был срочно вызван в резиденцию генерал-губернатора. Там ему тактично напомнили о его династических правах.

Долго уговаривать Абдуррахман-хана не пришлось, он сразу же попросил денег, оружие и офицеров Белого царя. Кауфман был не прочь

дать сардару и то, и другое, но боялся петербургской клики Горчакова и К°. И, думаю, направь он в Афганистан дюжину или две смелых офицеров да тысяч пять винтовок Бердана, колесо истории могло покатиться совсем в другом направлении.

Но, увы, генерал-губернатор был вынужден строжайше скрывать свою поддержку Абдуррахман-хана. Ни один русский человек не должен был появиться в Афганистане. Свите Абдуррахман-хана лишь передали 25 винтовок Бердана. А вот деньги не имеют национальности, и хотя 11 ноября 1879 г. пришлось на воскресенье, дело не терпело отлагательств. Из канцелярии Туркестанского генерал-губернатора в Ливадию, где в это время находился царь с семьей, была отправлена шифрованная депеша с запросом об отпуске 25 тысяч рублей для претендента на афганский престол. Через пять дней Кауфман запросил еще 12 тысяч для ближайших родственников Абдуррахман-хана — двоюродных братьев Мухаммеда Исхак-хана и Мухаммеда Сарвар-хана. Александр II дал согласие, и деньги были высланы, понятно, не рублями, хотя тогда был не советский «деревянный» и не «демократический» постоянно падающий рубль.

11 декабря 1879 г. Абдуррахман-хан «бежал» из Самарканда и обходными путями через Бухарский эмират в январе 1880 г. с 250 всадниками переправился через бурную реку Пяндж.

Население и власти города Рустока радостно встретили Абдуррахман-хана. Из Рустока сардар направил послание в соседний город Файзабад: «Бек Хасан, начальники и подданные Файзабада! Извещаю вас, что я прибыл в страну, чтобы освободить ее из рук англизи. Если мне удастся сделать это мирным путем, хорошо. Если нет, нам придется сражаться. Все вы правоверные, и вам нельзя допускать, чтобы страна оказалась под властью англизи»^[106].

К тому времени и премьер Дизраэли в Лондоне, и вице-король Лит-тон в Индии, и генерал Роберте в Кабуле поняли, что войну в Афганистане надо выиграть любой ценой. И вице-король предложил договориться с Абдуррахман-ханом. Англичане могли предложить ему титул эмира и большие деньги. Не меньшую роль играла и разобщенность афганской знати. Никаких правил престолонаследия в Афганистане не существовало, и правитель Герата молодой сардар Аюб-хан тоже рвался к власти.

По приказу вице-короля в Кабул для переговоров с Абдуррахманом отправился в качестве политического комиссара Леппель Гриффин. 1 апреля 1880 г. генерал Роберте объявил в Кабуле афганцам, что английские войска будут отведены в Индию, как только афганские начальники согласятся между собой на счет выбора эмира, расположенного дружески к

англичанам. На вопрос афганцев об Якуб-хане Гриффин заявил, что о возвращении его в Кабул не может быть и речи. Начались очень долгие переговоры. Абдуррахман держался уклончиво, пока не выяснил, что англичане хотят выделить Кандагар в отдельную область под протекторатом Англии. Против этого он возражал очень упорно. Одновременно Абдуррахман вел в Афганистане бурную пропаганду против англичан и стал в лице афганцев поборником единства и независимости своего отечества. Вскоре влияние Абдуррахмана стало сказываться. В Кабуле на генерала Ро-бертса было совершено покушение, вблизи Кабула стали собираться афганские отряды, на дорогах между Кабулом и Джелалабадом происходили постоянные нападения. Было очевидно, что страна перешла на сторону Абдуррахман-хана.

2 июня 1880 г. англичане послали Абдуррахману ультиматум, а через два дня в Кабуле узнали, что сардар двинулся на столицу с двухтысячным отрядом при 12 орудиях. 14 июня англичане получили ответ Абдуррахмана, где он твердо заявлял, что должен владеть той же территорией, что и его дед Дост-Мухаммет. Англичане были в замешательстве. На сторону Абдуррахмана перешел Мушк-и-Алим, а также союз афганских племен, выставивший в окрестностях Газни 20-тысячное ополчение. Сам Абдуррахман-хан шел к Кабулу, нападения афганских отрядов участились. Со стороны Кандагара шли тревожные вести о наступлении Аюб-хана. И англичане решили примириться с создавшимся положением.

10 июля в Кабуле был собран дюрбар (народное собрание), где афганцам объявили, что английская королева Виктория признает Абдуррахман-хана эмиром Афганистана и что английские войска скоро покинут страну.

А тем временем сардар Аюб-хан двинулся из Герата на Кандагар. У него было около пяти тысяч человек при 37 орудиях. Следует заметить, что большинство афганских пушек были старинными гладкоствольными орудиями, а их прислуга была плохо обучена.

23 июня из Кандагара навстречу Аюб-хану вышла англо-индийская бригада генерала Бурроуза (2800 человек при шести орудиях), впереди которой с туземным отрядом шел кандагарский вали Шир-Али — ставленник англичан. В его отряде имелось 3000 пехоты, 1500 кавалерии и 6 орудий. Как только отряд Шир-Али в окрестностях Гиришка встретился с войском Аюб-хана, в его рядах началось брожение, враждебное англичанам.

2 июля бригада Бурроуза встала биваком у реки Гельменда в двух верстах от Гиришка, а за рекой расположился отряд Шир-Али. В этот день

весь отряд, за исключением кавалерии, которой командовал лично Шир-Али, перешел на сторону Аюб-хана, и англичанам пришлось усмирять вчерашних своих союзников.

15 июля 1880 г. у городка Майванд (Мейвенд) произошло кровопролитное сражение. Англичане были разбиты. Из 2446 английских солдат было убито и ранено 1109 человек, а 338 попали в плен. Потери союзника англичан вали Шир-Али не установлены. Афганцы захватили две английские пушки.

Остатки английских войск бежали в Кандагар, где находился британский генерал Примроз с 3230 солдатами и шестнадцатью пушками. Аюб-хан осадил Кандагар. 30 июля артиллерия афганцев открыла огонь по укреплениям города. 4 августа 1100 англичан под командованием генерала Брука пошли на вылазку, но, потеряв 223 человека, включая самого Брука, англичане были вынуждены ретироваться.

Разгром у Майванда вызвал шок в Индии и Англии. Британское командование стянуло все силы против Аюб-хана. Решено было направить в Кандагар дивизию Файра, усилить Кандагарский отряд дивизией из Бомбейской армии и послать генерала Робертса с особым отрядом из Кабула через Газни в Кандагар. Одновременно с выступлением последнего по требованию Абдуррахман-хана англичане начали эвакуировать свои войска из Кабула. 27 июля выступил Роберте, а 30 июля Кабул покинули остальные английские части во главе с генерал-лейтенантом Стюартом.

Отряд генерала Робертса состоял из 12 бригад, 13 эскадронов и 18 орудий, всего около десяти тысяч человек. Число нестроевых и обозных было ограничено и не превышало семи тысяч человек. Вьючных животных имелось около шести тысяч. На каждое орудие было взято по 236 снарядов, на ружье — по сто патронов сверх комплекта. Отряд двигался, не встречая сопротивления, фуража и провианта было достаточно, поскольку Абдуррахман-хан оказывал англичанам содействие в доставке всего необходимого. Весь путь до Кандагара (474 версты) был пройден за 24 дня.

19 августа генерал Роберте подошел к Кандагару и на следующий день, не дожидаясь генерала Файра, атаковал Аюб-хана, отошедшего еще 12 августа от Кандагара на 12 верст к северу к реке Аргендабу. Зная, что на него идут соединенные войска Робертса, Примроза и Файра, значительно превышавшие его силы (10 тысяч человек при 37 орудиях), Аюб-хан 19 августа решил отступить.

На следующий день англичане атаковали отступавшие афганские войска. Лагерь афганцев отделялся от Кандагарской равнины длинным и узким хребтом с перевалом Баба-вали. Роберте задействовал свой план

сражения: войска генерала Примроза (3000 человек при 14 орудиях), только что освободившиеся от осады, демонстрировали с фронта, от Кандагара на перевал Баба-вали, а все остальные английские войска (8000 человек при 18 орудиях) направлялись в обход горного кряжа с юга и атаковали афганцев в обход их правого фланга. Афганцы оказывали упорное сопротивление, но после четырехчасового боя начали отход. Англичане захватили пустой лагерь Аюб-хана и 32 пушки. Однако конница англичан не сумела или не захотела догнать отступавшего противника. По английским данным, они потеряли 43 человека убитыми и 239 ранеными, а афганцы — тысячу человек.

В Англии стычку под Кандагаром раздули до грандиозного сражения. Н.А. Халфин писал: «Успех Робертса вызвал невиданную со времени борьбы с Наполеоном бурю восторга на Британских островах. За один день сэр Фредерик превратился в национального героя, чье имя упоминалось наравне с именами адмирала Нельсона и герцога Веллингтона. Его благодарили королева и обе палаты парламента. Роберте стал баронетом, кавалером Большого креста рыцарской степени ордена Бари, был награжден двумя шпагами "за храбрость", получил кучу почетных званий и степеней, а также увесистое материальное добавление в виде двенадцати с половиной тысяч фунтов стерлингов.

Вдобавок к уже имевшейся медали за афганские кампании 1879—1880 годов была учреждена особая медаль "От Кабула до Кандагара. 1880 г."; ее окрестили "Звездой Робертса". Королева Виктория была столь любезна, что наградила обеими медалями даже лошадь сэра Фредерика — Вонолея, а одной из них — его дога Бобби...»^{107}

Между тем британские войска покидали Афганистан. 27 августа 1880 г. одна бригада из войск Робертса была направлена в Индию, с ней отправился и сам Роберте. 3 сентября туда же вышла другая бригада, а 18 сентября ушли в Индию последние части Кабульского отряда.

В самом Кандагаре оставался десятитысячный английский отряд, но и он был выведен в начале 1881 г. В Кандагар вступили войска Абдуррахман-хана. Новому хану англичане передали большое количество вооружения и крупную сумму денег. Это позволило Абдуррахману в ряде сражений разбить Аюб-хана и овладеть Гератом. Аюб-хан бежал в Иран и умер там после 33 лет изгнания. А вот Абдуррахман-хан правил Афганистаном 20 лет и спокойно умер в своей постели, что было редчайшим случаем для афганских эмиров.

После 1880 г. англичане надолго отказались от планов захвата Афганистана, удовольствовавшись контролем над Хайберским проходом,

который открывал дорогу к Кабулу.

Британская авантюра в Афганистане стоила больших денег и тысяч убитых солдат британской армии. Но для Англии это был булавочный укол. Большую часть убитых солдат составляли индийцы, а вся кампания велась за счет бюджета Индии, не затронув финансов Великобритании ни на один пенс.

Надо ли говорить, что дела в Афганистане, да и в самой Индии, могли пойти по-другому, если бы Александр II послушался бы не трусливого старца Горчакова, а боевых генералов Столетова и Кауфмана.

Глава 16

КОЛОСС НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ

Англичане в XIX веке придерживались «ту пауэр стандарт», что означало — британский флот должен быть сильнее двух вместе взятых самых сильных флотов мира. Поддерживать такое соотношение Лондону удавалось до 1905 г., когда англичане на беду себе построили линейный корабль нового типа «Дредноут». После этого гонка морских вооружений началась с нуля. Но корабли XIX столетия были лишь транспортными средствами для несения тяжелых пушек, а вот с пушками у англичан после Крымской войны вышла заминка.

Со времен Петра Великого и до Крымской войны и с 1890 по 2009 г. русские и английские корабельные орудия мало отличались друг от друга как по устройству, так и по основным тактико-техническим характеристикам. Период с 1855 по 1885 г. был временем революции в артиллерии. За это время дальность стрельбы и бронепробиваемость орудий возросла в разы. Русские артиллеристы совместно с фирмой Круппа создали лучшие в мире нарезные казнозарядные орудия с клиновым затвором системы 1867 г. и 1877 г. Собственно, орудия крупповской системы 1877 г. и сейчас, в 2009 г., состоят на вооружении армий всего мира. И сейчас снарядами из русской 6-дюймовой пушки образца 1877 г. можно стрелять из 152-мм САУ «Акация» и «Гиацинт», а их снаряды, если немного уменьшить заряды, подходят к 6-дюймовой осадной пушке образца 1877 г. Зато в Англии...

У шотландцев есть средневековая баллада. В кузнице не хватило одного гвоздя для подковы лошади командира конницы. В результате «лошадь захромала, командир убит, конница разбита, армия бежит. Враг вступает в город, пленных не щадя, потому что в кузнице не было гвоздя». Вот таким же гвоздем для Британской империи в 60—80-х годах XIX века и оказалась корабельная артиллерия.

В 1851 г. английский инженер Ланкастер предложил свою систему нарезных орудий, заряжаемых с дула. Продолговатый снаряд системы Ланкастера в своей средней части имел эллиптическое сечение, соответствующее сечению канала. Никаких ведущих частей (поясок, оболочка, выступ и т.д.) у снаряда не было. Снаряды изготавливались из кованого железа, так как Ланкастер считал, что хрупкий чугун не выдержит

больших напряжений о стенки канала.

Пушки Ланкастера были приняты на вооружение в английской армии и флоте. Несколько 8-дюймовых (203-мм) пушек Ланкастера было доставлено в начале 1855 г. под Севастополь. Имелись они и на кораблях, обстрелявших Свеаборг. Большинство этих пушек разорвало при первых же выстрелах. После этого нарезные пушки Ланкастера были сняты с вооружения, и флот вернулся к гладкоствольным орудиям.

Несколько забегаю вперед, скажу, что в 60-х годах XIX века Ланкастер предложил новую систему нарезных орудий. У них снаряд свободно досылался в канал с дула. При выстреле же под давлением пороховых газов оболочка (поддон) раздавалась, заполняя собой канал, и снаряд при движении получал вращение вокруг своей оси.

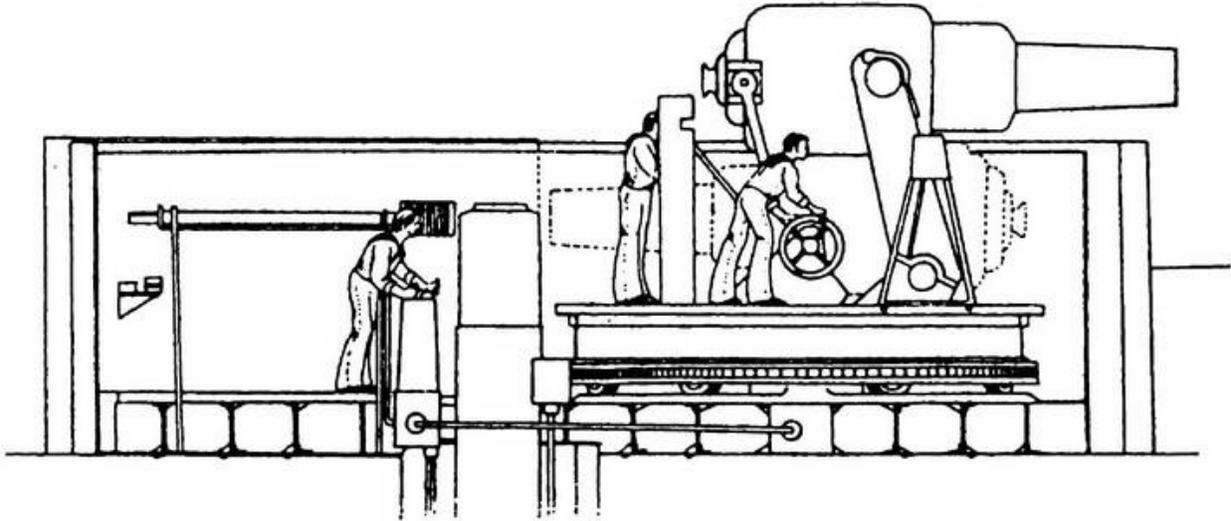
Здесь и далее я прошу извинения у читателя за рассказ о различных типах британских пушек и снарядов. Но, увы, без этого доказать парадоксальность ситуации, что самая передовая в техническом отношении страна имела самую худшую среди развитых стран артиллерию, будет невозможно.

В 1853 г. инженер Армстронг изготовил нарезное орудие нового типа, заряжаемое с казенной части. Канал орудия имел несколько десятков мелких нарезов угловатой формы. Снаряд длиной в 2,5 калибра имел тонкую свинцовую оболочку. Замок представлял собой сложную комбинацию винтового и клинового затвора.

Адмиралтейство приняло на вооружение 7-дюймовые (178-мм) орудия Армстронга, но по старинке их называли 110-фунтовыми. Увы, качество этих орудий оставляло желать лучшего. Начальник артиллерии линейного корабля «Кембридж» доносил: «Ни одно из орудий Армстронга, которые я видел, не было свободно от изъянов. До того, как они разорвутся, проходит довольно много времени, но с точки зрения артиллериста весьма неприятно стоять рядом с пушкой, имеющей несколько трещин в стволе. Я полагаю, что производителям этих орудий следовало бы самим испытывать свои изделия до того, как подпускать к ним нас»^[108].

В 1862 г. в Японии началась гражданская война. Надо ли говорить, что Лондон решил вмешаться, поскольку японцы, как, скажем, французы в 1792 г. или русские в 1918 г., никак без «просвещенных мореплавателей» не могли сами решить свои дела. 3—4 августа 1863 г. английская эскадра подвергла бомбардировке столицу княжества Когосима и уничтожила большую часть города и стоявшие на рейде три парохода князя Симадзу. В ходе бомбардировки пятью кораблями из 21 казнозарядного орудия Армстронга выпущено 365 снарядов. При этом имели место 28 случаев

заклинивания снаряда при зарядании и разрывов снарядов в канале ствола. К тому же стрельба из казнозарядных орудий была неравномерной, с частыми задержками. Снаряды летели «куда угодно, но только не прямо, а отклонялись влево до 600 ярдов [550 м], многие из них не взрывались»^{109}.

Размещение в барбете 11-дм 25-тонной дульнозарядной пушки на броненосце «Темерер»

Вскоре после этой бомбардировки британское Адмиралтейство распорядилось о снятии с вооружения 110-фунтовых орудий Армстронга. Так в 1864 г. закончилась первая фаза казнозарядных орудий в британском флоте.

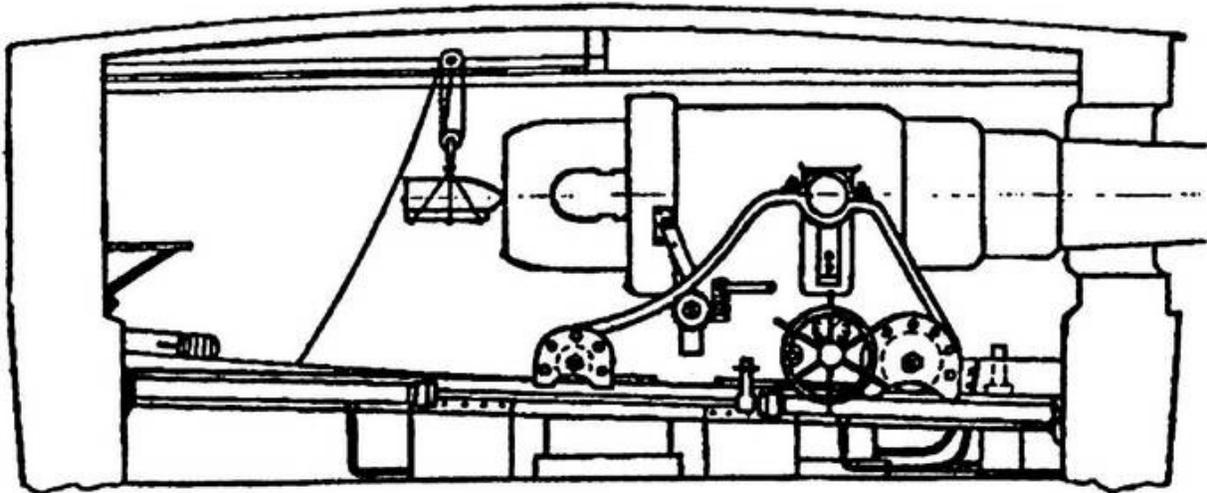
Армстронг с горя «вместе с грязной водой выплеснул и ребенка». В 1859—1860 гг. он разработал новую систему нарезных орудий. Они заряжались с дула и имели так называемую разветвляющуюся систему нарезов, которая имела две ветви — входную и боевую. Снаряд имел цинковые выступы по числу нарезов (от 6 до 12). При зарядании выстрелы входили во входную ветвь нареза, а после выстрела выступы снаряда двигались по менее глубокой боевой ветви нареза. Представьте себе, каково прислуге, да еще в бою, засовывать 50—120-килограммовые снаряды в дуло, да еще так, чтобы цинковые выступы входили в нарезы с ювелирной точностью. Цинк — мягкий металл, на миллиметр ошибешься — помнешь выступ — снаряд при выстреле заклинит — пушку разнесет.

Чем больше становился калибр дульнозарядных орудий, тем больше возникало с ними проблем.

Так, дуло казнозарядного орудия после выстрела всегда оставалось за

пределами башни, и дым вылетал в атмосферу, а дульнозарядное орудие заряжалось в башне, после выстрела откатывалось внутрь ее и продолжало дымиться, отравляя прислугу башни.

Из-за этого, а также с увеличением длины ствола корабельных орудий английские инженеры создали целую систему досылателей, расположенных вне башен под верхней палубой. Практически каждый тип британского броненосца имел свою систему досылателей оригинальной конструкции. В инженерном отношении они очень интересны, но крайне сложны, очень дороги, а главное, не очень надежны.

1-дм пушка Круппа обр. 1867 г. в башенной установке для броненосных фрегатов типа «Адмирал Грейг»

Существенно было и то, что орудия русских и германских броненосцев заряжались в башнях, не меняя угла горизонтального наведения, то есть будучи направленными на цель. А вот все дульнозарядные орудия британских броненосцев после выстрела должны были поворачиваться к своим подпалубным зарядным установкам, заряжаться, а затем опять наводиться на цель, что при тогдашних примитивных устройствах наведения было делом непростым и весьма длительным.

Англичане изготовили большое число орудий Армстронга, заряжаемых с дула. И опять повторилась история с орудиями Ланкастера. Срочно пришлось искать новую систему орудий. И тогда Адмиралтейство стало заготавливать для флота сразу две кардинально отличающиеся друг от друга системы — Вуличскую и Витворта.

Орудия Вуличской системы заряжались с дула. Они имели от 3 до 9

нарезов симметричного дугообразного сечения. Снаряды имели медные выступы. Орудия Вуличской системы в основном сохранили свои принципиальные пороки второй системы Армстронга, разве что заклиниваться снаряды стали реже.

Сведения о небоеспособности британской корабельной артиллерии периодически просачивались и в английскую печать. В конце 1869 г. в Атлантику вышел только что вступивший в строй броненосец «Геркулес». Его водоизмещение было около 9000 тонн, главный калибр состоял из восьми Вуличских 10-дюймовых орудий весом 18 т, заряжаемых с дула, помещенных в каземате, а также одного 9-дюймового и двух 7-дюймовых дульнозарядных орудий в носовой части. У берегов Португалии в ходе первой же практической стрельбы шесть из восьми орудий вышли из строя. Добавлю от себя, что на практических стрельбах обычно стреляют практическими (половинными) зарядами.

Лондонская «Army and Navy gazette» от 15 января 1870 г. писала: «Орудия самого сильного нашего броненосца приведены в негодность собственными снарядами». Вот оно, действие цинковых выступов!

Английские инженеры изобретали все новые и новые системы нарезных орудий, но все они обладали неустранимыми конструктивными дефектами. Но вот в начале 60-х годов XIX века капитан королевского флота Пембертон нашел очень простой и дешевый способ переделать все тяжелые гладкие пушки в нарезные.

Для начала он переделал 15-дюймовую (381-мм) корабельную гладкую пушку Родмана по так называемой «гаечной системе». В этой системе в дно канала обычной гладкой пушки ввинчивался стержень. На наружной поверхности стержня было 4 спиральных нареза. В продолговатом снаряде делалось по его оси отверстие с нарезами, соответствующими нарезами стержня. Таким образом, снаряд представлял собой как бы гайку, навинченную на стержень. Говоря более образно, стержень в канале орудия можно сравнить с шампуром, на который вместо куска шашлыка нанизывался снаряд.

15-дюймовая пушка, переделанная по системе Пембертона, была успешно испытана в Англии в 1865 г. При стрельбе лишь возникла проблема с досылкой в канал картузного заряда. Поэтому Пембертон изготовил специальное пневматическое устройство для заряжания орудия порохом без картуза.

Тем не менее и эта оригинальная система орудий также не получила широкого распространения из-за своей сложности и малой живучести.

Инженер Витворт еще в 1858 г. предложил так называемые

полигональные орудия. В сечении канал орудия и снаряд имели форму правильного многоугольника (большинство орудий Витворта — шестиугольники). Таким образом, отпала надобность в нарезках, медных поясах, поддонах и т.п. Появилась возможность стрелять более длинными снарядами, до 5—6 калибров длиной. Для сравнения, длина крупновских снарядов 2,3—2,8 калибра. Снаряды Витворта имели лучшую в мире бронепробиваемость.

Стоит отметить, что идея полигонального ствола не принадлежит Витворту. Кто первый изобрел полигональный ствол — неизвестно. Но в 1753 г. русский оружейник Цыгаев изготовил полигональную винтовку, в сечении канала которой был треугольник.

Витвортом были созданы опытные пушки калибром от 38 до 280 мм. Первое орудие, испытанное в 1858 г., было сделано из чугуна, но в дальнейшем Витворт изготавливал орудия из стали.

В 1868 г. 230-мм пушки Витворта показали рекордную для того времени дальность стрельбы 10 300 м при угле возвышения 33° и весе снаряда 133 кг.

Однако самой крупной пушкой, принятой на вооружение британского флота, стала 7-дюймовая (178-мм) пушка Витворта. Ствол ее имел длину 17,1 калибра. Снаряд весом 40,7 кг при заряде 5,4 кг пороха имел начальную скорость 343 м/с.

В 1874 г. в Англии был заложен броненосец «Индепенденсия» для бразильского флота. Его стандартное водоизмещение составляло 9310 т, а скорость 14,3 узла. Броненосец имел полное фрегатское парусное вооружение. Бразильские военные были очарованы системой Витворта, и главный калибр броненосца был представлен казнозарядными орудиями Витворта с шестиугольным сечением канала. (Четыре 305-мм пушки весом по 35 т и две 8-дюймовые пушки.)

Однако в 1878 г. в ходе «очередной военной тревоги» британское правительство со страху купило строившийся броненосец за 600 тысяч фунтов стерлингов. Для сравнения, броненосцы «Девастейшн» и «Дредноут» обошлись британскому Адмиралтейству меньше, чем в 377 тысяч фунтов стерлингов каждый. В отличие от них «Индепенденсия» был еще на стапелях.

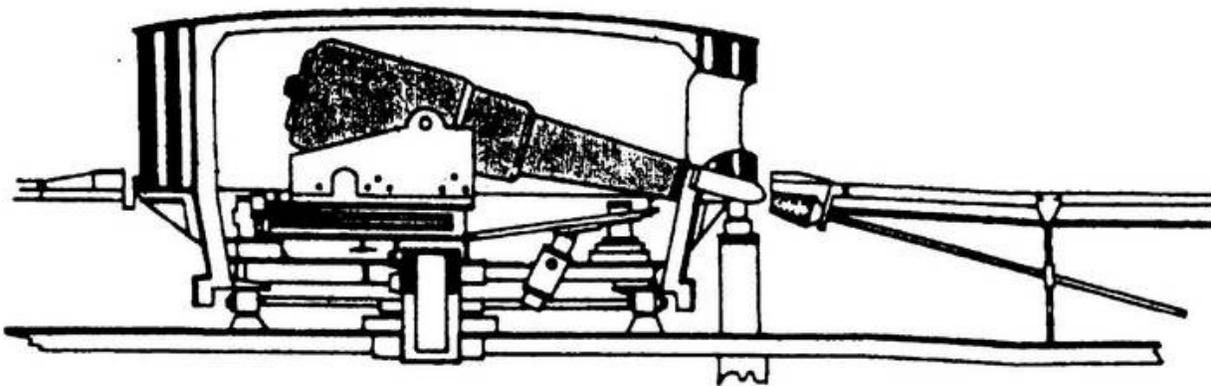
После покупки броненосец был переименован в «Нептун». Лорды адмиралтейства и слышать не хотели о казнозарядных орудиях и велели заменить пушки Витворта на дульнозарядные пушки вульвичского типа: четыре 305-мм весом 38 т и две 9-дюймовые весом 12 т. Однако конструкция броненосца не позволяла стрелять из 305-мм орудий полным

зарядом весом 90,7 кг, и заряд пришлось снизить до 81,6 кг, что, естественно, сказалось на баллистике. Замечу, что вперед могли стрелять только две 9-дюймовые пушки, а 12-дюймовые пушки не могли вести огонь ни назад, ни вперед. Назад вообще могли стрелять только малокалиберные орудия.

Переделки на «Нептуне» обошлись еще в 90 тысяч фунтов стерлингов. И этот корабль, по мнению британского историка Паркса, стал самым дорогим и неудачным кораблем британского флота.

Полигональные орудия могут быть только казнозарядные, и Витворт создал для них затвор, который представлял собой крышку с прочным дном, навинчивающуюся на задний конец ствола. Крышку охватывала рамка, шарнирно соединенная с телом орудия. Заряды помещались в оловянные картузы (прообраз гильз). Винтовые затворы действовали очень медленно, прочность их была низка, а конструкция оловянных гильз неудачна. А главное, полигональные снаряды имели ряд неустранимых недостатков — сложность изготовления снаряда, трудность заряжания, заклинивание снарядов в канале при стрельбе и др. Все это заставило Адмиралтейство отказаться от полигональных орудий.

О покойниках принято говорить только хорошее. Но вот по случаю смерти Витворта в 1877 г. английский журнал «Engineering» писал: «Летопись всех артиллерийских опытов с орудиями Витворта представляет собой источник стыда для английской нации и позора для ее администрации».

Заряжание 12,5-дм (318-мм) пушки весом в 38 т на броненосце «Тандерер»

Однако следует отметить, что опыты с полигональными снарядами велись также во Франции в 1917—1922 гг., а с 1930-х годов — и в СССР. Увы, все опыты подтвердили выводы 60—70-х годов XIX века.

В итоге во время очередного противостояния с Россией в 1878 г. британский флот имел на вооружении лишь дульнозарядные пушки. Часть их была нарезными с неудачной системой нарезок, а часть — гладкоствольными; полигональные же орудия с вооружения были сняты.

По мнению британских историков, взрыв в 1879 г. на броненосце «Тандерер» («Thunderen») 12,5-дюймового 38-тонного орудия, заряженного по ошибке прислуги двойным зарядом, что физически невозможно при зарядании с казны, стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Адмиралтейства. Было принято решение на переход к казнозарядным орудиям. По моему же мнению, куда большее воздействие на лордов Адмиралтейства произвел отчет о визите в августе 1879 г. группы британских морских артиллеристов на завод Круппа, где им были показаны 28-см и 30,5-см германские корабельные пушки с клиновыми затворами.

В 1880 г. тот же Армстронг спроектировал систему корабельных орудий от 4-дюймовых (101-мм) до 16,25-дюймовых (402-мм), заряжаемых с казенной части. Орудия были стальными и дополнительно скреплялись стальной проволокой и кольцами. Не мудрствуя лукаво, Армстронг принял поршневой затвор французской системы с обтюратором де Банжа. На вооружение же такие орудия поступили в 1885—1886 гг.

Первые британские боеспособные казнозарядные орудия были установлены в 1885 г. на броненосце «Колоссус» водоизмещением 9150 т. Замечу, что проектировался этот броненосец под 12-дюймовые (305-мм) 38-тонные дульнозарядные пушки. Теперь же на него установили четыре 12-дюймовые 45-тонные казнозарядные пушки.

Любопытно, что в системе зарядания консервативные лорды остались верны себе. 12-дюймовые казнозарядные орудия заряжались так же, как старые дульнозарядные — из подбашенных помещений вне башни, правда, с другой стороны, то есть с казны.

При стрельбе 4 мая 1886 г. 12-дюймовое 45-тонное казнозарядное орудие разорвалось. Первый заряд его составлял 214,4 кг, а после его уменьшили до 131,4 кг, а затем вообще до 100,7 кг. Дело дошло до того, что в первом плавании командиру «Колоссуса» в конце 1886 г. — в 1877 г. было вообще запрещено стрелять из орудий главного калибра. Вот уже действительно «колосс на глиняных ногах»!

Итак, с 1856 по 1887 г. английский флот был малобоеспособен, чем, однако, не сумели воспользоваться другие европейские державы.

Глава 17

ПРЕДЫСТОРИЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 ГОДОВ

Писать о взаимоотношениях России и Англии в XIX веке очень трудно, потому что Англия участвовала в любом конфликте, и мне приходится постоянно лавировать между Сциллой и Харибдой, то есть соблюдать пропорцию между описанием конфликта в целом и участием в нем англичан.

Сразу после Крымской войны Англия начала строить туркам большой броненосный флот. В 1864—1865 гг. в Глазго были спущены четыре первых турецких броненосных корабля — фрегаты «Азизие», «Османие», «Орхание» и «Махмудие». В 1869 г. в Англии для Турции были спущены на воду два броненосных корвета «Авни-Иллах» и «Муини Зафр». В 1870 г. в Англии был спущен на воду еще один броненосный корвет «Фехти Буленд», а однотипный корвет «Микадем Хаир» был спущен в 1872 г. в Константинополе. Это был первый броненосный корабль, построенный в Турции. Строить его, естественно, помогали английские инженеры.

Самым мощным турецким кораблем был фрегат «Мессудие», спущенный в Англии в 1874 г. В декабре 1875 г. он прибыл в Константинополь. Водоизмещение фрегата составляло 9140 т. Машины мощностью 1250/7430 номинальных/индикаторных лошадиных сил позволяли развивать на пробе 13-узловую скорость. «Мессудие» имел барковое парусное вооружение. Броневого пояса по ватерлинии имел толщину 178—305—127 мм. Двенадцать 10-дюймовых орудий^[37] расположены в каземате, защищенном 254-мм броней. На верхней палубе установлено три 7-дюймовых и шесть 20-фунтовых пушек.

Несколько броненосных судов были построены на верфях Франции и Италии. В итоге в составе оттоманского флота к 1877 г. имелось 15 броненосцев, а еще 7 броненосцев находились в составе турецкой Дунайской флотилии.

Летом 1875 г. в южной Герцеговине вспыхнуло антитурецкое восстание. Крестьяне, подавляющее большинство которых было христианами, платили огромные налоги турецкому государству. В 1874 г. натуральный налог официально считался 12,5% со сбора урожая, а с

учетом злоупотреблений (с отступными и т.д.) — до 40 %.

Ближайшим поводом к восстанию послужили притеснения христианского населения турецкими сборщиками податей, вызвавшие кровавые схватки между христианами и мусульманами. В дело вмешались оттоманские войска, встретившие неожиданное сопротивление.

Просвещенная Европа получила традиционный повод вмешательства в Балканские дела — защита мирного населения. Разумеется, демагогическая болтовня была лишь дымовой завесой для прикрытия корыстных целей. Англия стремилась установить свое господство в Египте и Константинополе, но при этом не допустить усиления России.

Несколько упрощая проблему, можно сказать, что политика Австро-Венгрии на Балканах имела программу-минимум и программу-максимум. Программа-минимум состояла в том, чтобы в ходе конфликта на Балканах не допустить территориального расширения Сербии и Черногории. В Вене считали, что само по себе существование этих государств несет угрозу «лоскутной империи», поработившей миллионы славян. Надо ли говорить, что Австро-Венгрия была настроена категорически против любого продвижения России к Проливам.

Программа-максимум предусматривала присоединение к Австро-Венгерской империи Боснии и Герцеговины. И, конечно, в Вене не отказывались от традиционной мечты — контроля за устьем Дуная. Императору Францу-Иосифу очень хотелось хоть чем-нибудь компенсировать себя за потери, понесенные в Италии и Германии. Поэтому он с большим сочувствием прислушивался к голосу сторонников захвата Боснии и Герцеговины. Тем не менее в Вене хорошо помнили 1859 и 1866 гг. и не торопились лезть в драку, прекрасно понимая, чем может кончиться война один на один с Россией.

Франция и Германия были практически лишены возможности участвовать в силовом разрешении Балканского кризиса. Франция лихорадочно перевооружалась и готовилась к реваншу. Националистическая пропаганда сделала возвращение Эльзаса и Лотарингии целью всей нации. В начале 1875 г. Германия решила прекратить рост вооружений Франции и пригрозила войной. В историю эта ситуация вошла как «военная тревога 1875 года». Против намерений Германии резко выступили Россия и Англия. Британский премьер Дизраэли был чрезвычайно обеспокоен возможностью захвата Бельгии, появления Германии у берегов Па-де-Кале и перспективой нового разгрома Франции, поскольку английская дипломатия основывалась на наличии в Западной Европе нескольких соперничающих великих держав. Английская политика

ввиду этого всегда стремилась к поддержанию «европейского равновесия» и к предотвращению гегемонии той или иной державы на Европейском континенте.

Подобно тому, как Англия в свое время боролась вместе с Россией против Наполеона, так и теперь Дизраэли выступил против Бисмарка рука об руку с русским правительством. «Бисмарк — это поистине новый Бонапарт, он должен быть обуздан», — заявил Дизраэли. «Возможен союз между Россией и нами для данной конкретной цели», — писал он.

В 1875 г. Германия вынуждена была отступить. Но целью германской внешней политики по-прежнему было уничтожение или существенное ограничение французской военной мощи, чтобы гарантировать неприкосновенность Эльзаса и Лотарингии. Не будем забывать, что в 1877 г. Германия напоминала питона, заглотившего гораздо больше, чем он мог переварить. Германии нужно было провести интеграцию Пруссии и многочисленных земель, присоединенных к ней в 1859, 1866 и 1870 гг. В таких условиях для Германии было безумием затевать войну на два фронта — с Россией и Францией, и канцлер Бисмарк прекрасно это понимал. Бисмарк всеми силами пытался удержать Австрию от конфликта с Россией, а Горчакову заявил, что в случае военного разгрома Австрии Германия будет вынуждена вмешаться. Через германского посла в Петербурге Швейница Бисмарк посоветовал Горчакову на случай войны с Турцией купить нейтралитет Австро-Венгрии, предоставив ей захватить Боснию.

Только в одном случае Бисмарк готов был пожертвовать Австро-Венгрией. В инструктивном разговоре со Швейницей перед его отъездом в Петербург канцлер заявил, что согласен активно поддержать Россию в случае, если она гарантирует Германии обладание Эльзасом и Лотарингией. В интимной беседе с одним из приближенных Бисмарк еще откровеннее формулировал свои замыслы: «При нынешних восточных осложнениях единственной выгодой для нас могла бы быть русская гарантия Эльзаса. Эту комбинацию мы могли бы использовать, чтобы еще раз совершенно разгромить Францию».

Как видим, к 1877 г. в мире сложилась чрезвычайно благоприятная обстановка для активных действий России на Балканах, включая захват Константинополя. Перед русской дипломатией стояла сложная, но вполне достижимая задача, состоявшая из двух частей.

Во-первых, найти достойные компенсации Австро-Венгрии и Германии в качестве платы за нейтралитет при захвате Россией Проливов. Австрии можно было предложить Боснию, Герцеговину, ну а в крайнем случае, свободный выход к Эгейскому морю через Салоники. Кстати,

Австро-Венгрия и так захватила Боснию и Герцеговину, а Россия ничего не получила. Маленькая Греция и так была настроена крайне агрессивно по отношению к своему большому, но больному соседу. Достаточно было пообещать ей Крит и ряд островов Эгейского моря, чтобы Турция получила второй фронт на юге, а русские корабли — базы в Эгейском море. Германии же на определенных условиях можно было гарантировать неприкосновенность Эльзаса и Лотарингии. С одной стороны, уже в 1877 г. было очевидно, что Франция никогда не смирится с потерей Эльзаса и Лотарингии и рано или поздно нападет на Германию, втянув в войну Россию. Русская гарантия на Эльзас и Лотарингию уничтожала бочку с порохом в центре Европы. Усиление же в этом случае Германии и охлаждение отношений с Францией были ничтожным фактором по сравнению с решением вековой задачи России. Захват Проливов существенно увеличивал военный потенциал России, который бы с лихвой компенсировал потерю столь опасного и сомнительного союзника, как Франция.

Второй же задачей русской дипломатии была жесткая политика в отношении с Англией, вплоть до разрыва дипломатических отношений и начала войны. Но такая позиция не исключала и компенсации Англии, например, передачу ей Кипра и Египта, которые ею также были захвачены в конце концов.

В начале 1876 г. князь Горчаков предложил главам правительств Австрии и Германии графу Андраши и князю Бисмарку обсудить сложившуюся на Балканах ситуацию при встрече трех министров, приурочив ее к предстоявшему визиту царя в немецкую столицу. Предложение Горчакова было принято.

29 апреля (10 мая) 1876 г. император Александр II прибыл в Берлин и провел там три дня. Все эти дни происходили непрерывные консультации между Горчаковым, Андраши и Бисмарком.

1 мая (12 мая) 1876 г. был опубликован знаменитый меморандум трех императоров — Александра II, Франца-Иосифа I и Вильгельма I. Суть меморандума формально заключалась в сохранении целостности Османской империи при «облегчении участи христиан». Однако там содержался пункт, серьезно ограничивавший власть султана на славянских землях. Так, в пункте 3 говорилось: «для устранения всяких столкновений турецкие войска будут сосредоточены в нескольких определенных пунктах, по крайней мере, до тех пор, пока умы не успокоятся». Пункт 4 гласил: «Христиане сохраняют оружие, также как и мусульмане». Пункт 5: «Консулы или делегаты держав будут наблюдать за введением реформ вообще...»^[110]

Разумеется, меморандум в лучшем случае закреплял нестабильную ситуацию на Балканах.

Правительства Франции и Италии незамедлительно ответили, что они согласны с программой трех императоров. Но Англия в лице кабинета Дизраэли высказалась против нового вмешательства в пользу балканских славян. Англия, подобно Австро-Венгрии, не желала допустить ни их освобождения, ни усиления русского влияния на Балканах. Руководители британской внешней политики считали Балканы плацдармом, откуда Россия могла угрожать турецкой столице, а, следовательно, выступать в роли соперника Англии, оспаривая у нее первенствующее влияние в Турции и на всем Востоке.

Премьер Дизраэли был очень озабочен продвижением русских в Средней Азии и желал остановить их руками турок и австрийцев, начав войну на Балканах. Либеральная оппозиция в лице Гладстона возражала, что Англия сейчас не имеет никакого интереса бороться с Россией и что для цивилизованного государства позорно оказывать поддержку столь варварскому правительству, как турецкое. Корреспондент либеральной газеты «Daily News» обрисовал картину болгарских погромов, где турецкое правительство, чтобы предупредить возмущение, дало волю башибузукам безнаказанно жечь, убивать и насиловать. Гладстон издал свою брошюру под заглавием «Болгарские зверства», направленную против туркофильской политики британского кабинета. Оппозицией были созваны во многих больших городах митинги для выражения негодования политикой султана.

В свою очередь, Дизраэли начал играть на шовинизме британских лавочников. В лондонских кафешантанах пелись патриотические и воинственные куплеты. Сильно распространенная уличная песня «Мы не хотим войны, но, черт возьми (by jingo), если нельзя иначе...» внесла в английский политический жаргон два новых слова — «джинго» и «джингоизм» — для обозначения шовинистов и шовинизма.

Британская эскадра покинула Мальту и стала на якорь в Безикской бухте недалеко от входа в Дарданелльский пролив.

30 мая 1876 г. в Константинополе был свергнут своими новыми министрами, а затем убит султан Абдул-Азиз, которого подозревали в намерении уступить «Европе». На престол был возведен Мурад V. Это событие совершилось в обстановке бурного подъема турецкого национализма и мусульманского фанатизма.

27 июня (8 июля) 1876 г. в Рейхштадском замке в Чехии состоялась встреча Александра II с Францем-Иосифом и Горчакова с Андраши. В результате состоявшихся там переговоров не было подписано ни

формальной конвенции, ни даже протокола. Итоги достигнутого сговора были изложены обеими сторонами каждой в отдельности в двух записях. Одна была продиктована Андраши, другая — Горчаковым. Эти две записи, никем не заверенные и притом в ряде пунктов расходившиеся друг с другом, являлись единственными документами, в которых закреплены были результаты рейхштадтских переговоров. Согласно обеим записям, в Рейхштадте было условлено «в настоящий момент» придерживаться «принципа невмешательства». Если же обстановка потребует активных выступлений, решено было действовать по взаимной договоренности.

В случае успеха турок обе державы «потребуют восстановления довоенного status quo в Сербии». Что касается Боснии, Герцеговины, а также Болгарии, державы будут настаивать в Константинополе на том, чтобы они получили устройство, основанное на программе, изложенной в ноте Андраши и в Берлинском меморандуме.

В случае победы сербов «державы не окажут содействия образованию большого славянского государства». Впрочем, под давлением России Андраши все-таки согласился на территориальное приращение для Сербии и Черногории. Сербия, согласно горчаковской записи, получала «некоторые части старой Сербии и Боснии», Черногория — Герцеговину и порт на Адриатическом море. По записи Андраши, Черногория получала лишь часть Герцеговины. «Остальная часть Боснии и Герцеговины должна быть аннексирована Австро-Венгрией». По русской же записи, Австрия имела право аннексировать только «турецкую Хорватию и некоторые пограничные с ней (то есть с Австрией) части Боснии, согласно плану, который будет установлен впоследствии». О правах Австрии на Герцеговину в русской записи вообще не упоминалось. Ясно, что Рейхштадское соглашение таило в себе источник недоразумений и конфликтов: Австро-Венгрия претендовала на всю Боснию и Герцеговину, а Россия не желала соглашаться на их передачу сопернице.

Далее, по Рейхштадскому соглашению Россия получала согласие Австрии на возвращение Юго-Западной Бессарабии, отторгнутой у России в 1856 г., и на присоединение Батума.

В случае полного развала европейской Турции Болгария и Румелия должны были, по русской версии, образовать независимые княжества, по австрийской записи — автономные провинции Османской империи; по австрийской версии, такой провинцией могла стать и Албания. Русская запись не упоминала об этом. Эпир, Фессалию (по австрийской записи, также и Крит) предполагалось передать Греции. Наконец, «Константинополь мог бы стать вольным городом».

20 июня 1876 г. Сербия и Черногория, стремясь поддержать повстанцев в Боснии и Герцеговине, объявили Турции войну. Большая часть русского общества поддержала это решение. В Сербию отправилось около семи тысяч русских добровольцев. Во главе сербской армии стал герой туркестанской войны генерал Черняев. Тем не менее в Петербурге все понимали, что одним сербам и черногорцам с турками не сладить. И действительно, 17 октября 1876 г. под Дьюнишем сербская армия была наголову разбита.

3 октября в Ливадии Александр II собрал секретное совещание, на котором присутствовали цесаревич Александр, великий князь Николай Николаевич и ряд министров. На совещании наряду с продолжением дипломатических усилий с целью прекращения конфликта на Балканах было решено начать подготовку к войне с Турцией. Основной целью военных действий должен был стать Константинополь. Для движения к нему будут мобилизованы четыре корпуса, которые перейдут Дунай у Зимницы, двинутся к Адрианополю, а оттуда — к Константинополю по одной из двух линий: Систово — Шипка или Руцук — Сливно. По последней в том случае, если удастся в самом начале овладеть Руцуком. Командующими над действующими войсками назначены: на Дунае — великий князь Николай Николаевич, а за Кавказом — великий князь Михаил Николаевич. Решение вопроса — быть или не быть войне — поставлено в зависимость от исхода дипломатических переговоров.

4 сентября 1876 г. в письме к своему министру иностранных дел Дерби Дизраэли изложил свои взгляды на дальнейшее развитие восточного кризиса. Он выразил сомнение в возможности скорого соглашения и полагал, что дело затянется до весны, когда «Россия и Австрия начнут продвигать свои армии на Балканы», и за этим последует «решение восточного вопроса». «А если это так, — продолжал Дизраэли, — то благоразумно, чтобы мы взяли руководство в свои руки». Дизраэли наметил «раздел балканской добычи между Россией и Австрией при дружеских услугах Англии». Наиболее интересной была заключительная часть его плана. «Константинополь с соответствующим районом должен быть нейтрализован и превращен в свободный порт под защитой и опекой Англии по примеру Ионических островов». Это был план фактического раздела Турции, мало напоминающий распространенную легенду, будто бы Дизраэли был последовательным охранителем ее целостности. «Нет разницы между нашим планом и разделом»^{111} Турции, пояснил он в письме к Дерби 23 сентября 1876 г. Дизраэли стремился к одному — к установлению господства Англии на Востоке. Он обдумывал вопрос о

приобретении военной базы в Черном море.

Для публики же Дерби выдвинул следующую программу мирного урегулирования: мир с Сербией на основе status quo, местная автономия для Боснии, Герцеговины и Болгарии.

15 октября 1876 г. в Ялту прибыл английский посол в России лорд Август Лофтус, через два дня он был принят в Орианде князем Горчаковым. А 21 октября в Ливадии состоялась откровенная беседа Александра II с лордом Лофтусом. Царь выразил сожаление, что в Англии питают застарелую подозрительность по отношению к русской политике и постоянный страх перед приписываемыми России наступательными и завоевательными замыслами. Сколько раз он торжественно уже заявлял, что не хочет завоеваний, что не стремится к увеличению своих владений, что не имеет ни малейшего желания или намерения овладеть Константинополем. Все, что говорилось или писалось о видах Петра Великого или помыслах Екатерины II, — иллюзии и призраки, никогда не существовавшие в действительности, и сам он, император, считал бы приобретение Константинополя несчастьем для России.

Александр II «торжественно и серьезно» дал «священное честное слово», что не имеет намерения приобрести Константинополь, и прибавил, что если обстоятельства вынудят его занять часть Болгарии, то только на время, пока не будут обеспечены мир и безопасность христианского населения.

Упомянув о предложении занять Боснию австрийскими войсками, а Болгарию — русскими, и одновременно произвести морскую демонстрацию перед Константинополем, в которой преобладающая роль досталась бы на долю английского флота, царь указал на это, как на лучшее доказательство того, что он далек от намерения занять Константинополь. Ему непонятно, почему коль скоро две страны преследуют общую цель, а именно поддержание мира и улучшение участи христиан, коль скоро сам он дал несомненные доказательства того, что он не хочет ни завоеваний, ни земельного приращения, — почему бы не состояться между Англией и Россией соглашению, основанному на политике мира, одинаково выгодной их обоюдным интересам и вообще интересам всей Европы. «России приписывают намерение, — сказал Александр II, — покорить в будущем Индию и завладеть Константинополем. Есть ли что нелепее этих предложений? Первое из них — совершенно неосуществимо, а что касается до второго, то я снова подтверждаю самым торжественным образом, что не имею ни этого желания, ни намерения»^{112}.

26 октября Александр II с семьей выехал из Ливадии и 28 прибыл в

Москву. В этот день на банкете лондонского лорда-мэра граф Дизраэли произнес вызывающую речь, в которой упомянул об усилиях Англии поддержать мир в Европе, и выразил мнение, что твердым основанием этого мира должно служить уважение к договорам и соблюдение независимости и территориальной целостности Турции. Последнее начало было бы нарушено, если бы допущено было занятие турецких областей войсками какой-либо иностранной державы. Дизраэли подчеркнул, что мир составляет сущность политики Англии, но если Англия хочет мира, то ни одна держава лучше ее не приготовлена к войне, и если Англия решится на войну, то только за правое дело, и, конечно, не прекратит ее, пока право не восторжествует.

В конце сентября — начале октября 1876 г. в России началась частичная мобилизация. Численность русской армии, составлявшая по штатам мирного времени 272 тыс. человек, возросла до 546 тыс. человек.

3 (15) января 1877 г. в Будапеште была подписана секретная конвенция, которая обеспечивала России нейтралитет Австро-Венгрии в войне против Турции. В обмен Австро-Венгрии предоставлялось право оккупировать своими войсками Боснию и Герцеговину. При этом Австро-Венгрия обязывалась не распространять военных операций на Румынию, Сербию, Болгарию и Черногорию, а Россия — на Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию. Австро-Венгрия давала, впрочем, согласие на участие Сербии и Черногории в войне на стороне России.

18 марта 1877 г. была подписана дополнительная конвенция, но датирована она была 15 января — днем подписания первой конвенции, и предусматривала ожидаемые результаты предстоящей войны. Территориальные приобретения в Европе ограничивались: для Австро-Венгрии — Боснией и Герцеговиной, исключая Ново-Базарский санджак, то есть территорию, отделяющую Сербию от Черногории, о которой должно было последовать особое соглашение; для России — возвращением Юго-Западной Бессарабии. Таким образом, Россия уступила в вопросе о Боснии и Герцеговине.

Этот договор, заключенный в Будапеште между Россией и Австро-Венгрией, можно рассматривать как договор о разделе Турции.

В договоре подтверждались условия Рейхштадского договора о недопущении создания большого славянского государства на Балканах. Болгария, Албания и «оставшаяся часть Румелии могли бы стать независимыми государствами». Подтверждалось Рейхштадское соглашение о судьбах Фессалии, Эпира и Крита, равно как и Константинополя. О нем снова было постановлено, что он «мог бы стать вольным городом».

Обе конвенции — основная и дополнительная — были подписаны Андраши и русским послом в Вене Новиковым. Теперь Россия могла воевать, но результаты ее возможной победы были заранее урезаны до минимума. За нейтралитет Австро-Венгрии Россия дорого ей заплатила.

В специальных соглашениях было сказано, что ввиду необходимости для русских военных целей временного заграждения Дуная, Австро-Венгрия не будет протестовать против ограничения судоходства по этой реке, Россия же обязуется восстановить по ней свободу плавания, как только это окажется возможным. Русские военные лазареты могут устраиваться, с соблюдением постановлений Женевской конвенции, вдоль австро-венгерских железных дорог, прилегающих к границам России и Румынии, а русские больные и раненые солдаты и офицеры будут приниматься в военные и гражданские госпитали в Галиции и Буковине по тарифу, установленному для чинов австро-венгерской армии.

Обе стороны обязались не распространять своих военных операций: австрийский император — на Румынию, Сербию, Болгарию и Черногорию, а русский император — на Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию. Оба славянских княжества и территория между ними должны были служить нейтральной полосой, недоступной для армий обеих империй и которая должна была предотвратить непосредственное соприкосновение между их войсками.

В предвоенной ситуации попытался «половить рыбку в мутной воде» и Бисмарк. Он неоднократно говорил с английским послом лордом Одо Росселем о выгоде, которую представляет для Англии овладение Египтом. Бисмарк надеялся, что эта акция Англии надолго поссорит ее с Францией.

В конце января 1877 г. Бисмарк обратился к Росселю с еще более рискованным предложением, нежели захват Египта. Канцлер уверял посла, будто бы Франция готовится к вторжению в Германию. И для предотвращения этого Германии необходимо принять меры предосторожности. Меры эти, по словам Бисмарка, несомненно, будут истолкованы Францией как провокация. Возможно, последует война. И канцлер просил у Англии дать обязательство соблюдать «благожелательный нейтралитет», а в обмен предлагал свое сотрудничество в турецких делах.

В феврале Бисмарк уже предложил Англии заключить оборонительный и наступательный союз. Видимо, Бисмарк хотел втянуть Россию в войну с Турцией, чтобы тем временем окончательно сокрушить Францию. Британский кабинет рассмотрел германское предложение и отказался его принять. В беседе с русским послом в Англии графом Шуваловым Дизраэли заявил, что интересы как Англии, так и России

требуют, чтобы Франция не была низведена до положения второстепенной державы, что, несомненно, стало бы результатом новой войны между Германией и Францией.

В британском кабинете возникла настоящая паника. Многие министры советовали Дизраэли заключить компромиссное соглашение с Россией. Ведь в случае вторичного разгрома Франции германские войска выйдут на побережье Канала, и тут «туманному Альбиону» будет не до Константинополя. Однако новоиспеченный лорд Биконсфильд^[38] продолжал хладнокровно блефовать в отношениях с Россией.

24 апреля 1877 г. император Александр II в Кишиневе подписал манифест об объявлении войны Турции.

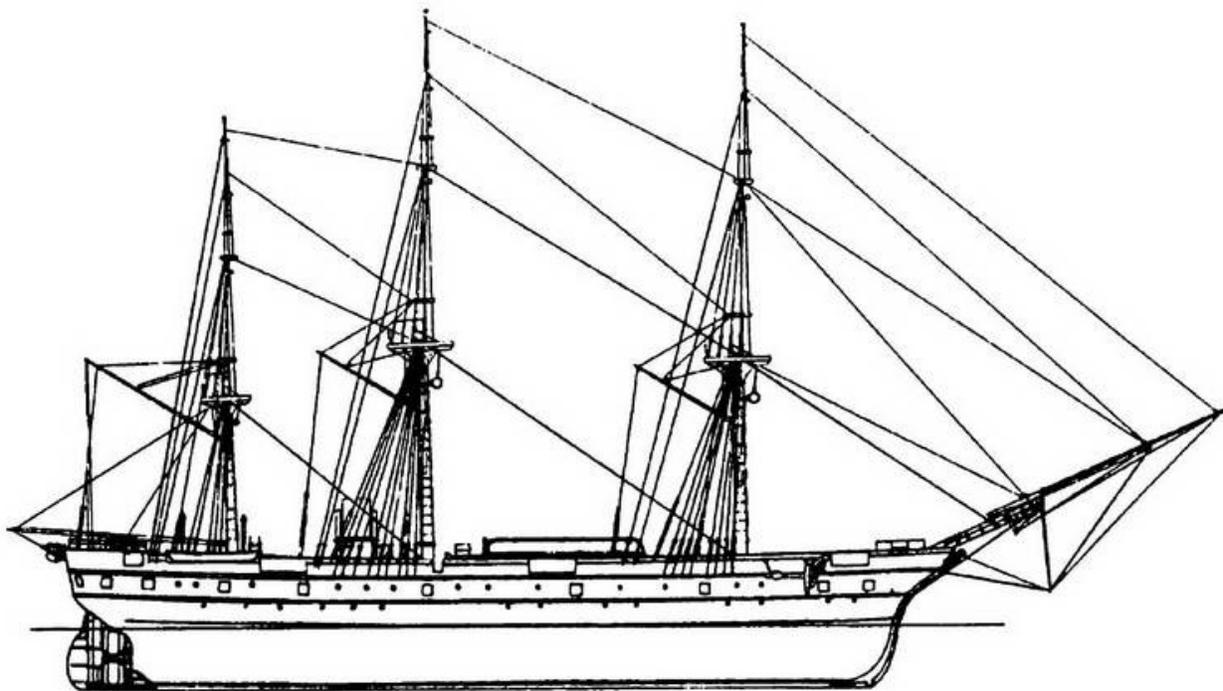
Глава 18

БРИТАНСКИЙ ВЕКТОР В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ

19 апреля 1877 г. министр иностранных дел Англии лорд Дерби отправил ноту канцлеру Горчакову. Там говорилось: «Начав действовать против Турции за свой собственный счет и прибегнув к оружию без предварительного совета со своими союзниками, русский император отделился от европейского соглашения, которое поддерживалось доселе, и в то же время отступил от правила, на которое сам торжественно изъявил согласие. Невозможно предвидеть все последствия такого поступка»^{113}.

Выслушав эти резкие замечания от британского посла, Горчаков ответил, что, желая избежать раздражающей полемики, которая ни в коем случае не может привести к добру, он оставит английскую депешу без ответа.

Но это не удовлетворило Лондон. Узнав о предстоящем отъезде в Петербург русского посла графа Шувалова, лорд Дерби вручил ему ноту, в которой, «во избежание недоразумений», перечислил те пункты, распространение на которые военных действий затронуло бы интересы Англии и повлекло бы за собой прекращение ее нейтралитета и вооруженное вмешательство в войну России с Турцией. Это были Суэцкий канал, Египет, Константинополь, Босфор, Дарданеллы и Персидский залив. Для успокоения общественного мнения Англии лорд Дерби требовал положительного ответа на свою ноту.

40-пушечный парусно-винтовой фрегат «Светлана»

Горчаков был страшно напуган английским блефом. Как уже говорилось, в случае начала русско-английской войны Германия немедленно напала бы на Францию, и Бисмарк бы стал властелином Европы, чего в Англии боялись больше всего на свете. И вот не на шутку перетрусивший старец поручил графу Шувалову передать лорду Дерби, что Россия не намерена ни блокировать, ни заграждать Суэцкий канал, ни угрожать ему каким бы то ни было образом, признавая его международным сооружением, важным для всемирной торговли. И хотя Египет является частью Османской империи, а египетские войска воюют против России, но, ввиду того, что в Египте замешаны европейские интересы, и в особенности интересы Англии, Россия не включит эту страну в сферу своих военных операций. Не предрешая исход войны, Россия признает, во всяком случае, что участь Константинополя составляет вопрос, представляющий общий интерес, который может быть разрешен только общим соглашением, и что если встанет вопрос о принадлежности этого города, то он не может принадлежать ни одной из европейских держав. Проливы, хотя оба их берега и принадлежат одному государству, являются истоком двух обширных морей, в которых заинтересованы все державы, а потому следует, при заключении мира, разрешить этот вопрос с общего согласия,

на основаниях справедливых и действительно обеспеченных. Русское правительство не посягнет ни на Персидский залив, ни на какой-либо иной путь в Индию.

Росчерк пера русского канцлера на много месяцев затянул войну и стоил жизни многим десяткам тысяч русских солдат.

Морское ведомство тщательно готовилось к войне с Турцией. Непосредственно перед войной в Атлантическом океане и частично в Средиземном море находилась крейсерская эскадра контр-адмирала Бутакова 2-го. В ее состав входили броненосный фрегат «Петропавловск» (20—8-дм и 1—6-дм пушка), фрегат «Светлана» (6—8-дм и 6—6-дм пушек), корветы «Богатырь» и «Аскольд» (по 8—6-дм и по 4—4-фн пушки на каждом) и клипер «Крейсер» (3—6-дм и 4—4-дм пушки).

На Тихом океане находился отряд контр-адмирала Пузина в составе корвета «Баян», клиперов «Всадник», «Гайдамак», «Абрек» и четырех транспортов. Всего 38 орудий — 6-дм, 9- и 4-фн. На всех кораблях, находившихся в плавании, были установлены новые пушки обр. 1867 г.

На Балтике находились два броненосных фрегата «Князь Пожарский» и «Севастополь», один фрегат, семь корветов и семь клиперов. В высокой степени готовности были достраивающиеся на плаву броненосные фрегаты «Минин» и «Генерал-адмирал».

Этих сил вполне бы хватило для крейсерской войны как в Атлантике, так и в Средиземном море. Хотя «Петропавловск» и «Светлана» были в состоянии потягаться с любым турецким броненосцем, за исключением, возможно, «Мессудие», но нужды искать встречи с боевыми кораблями султана не было. Достаточно было крейсерскими действиями парализовать как внешнюю, так и внутреннюю торговлю Турции. Бомбардировка с моря турецких городов на Средиземном море вызвала бы панику в Турции и восстания угнетенных народов, например, греков на Кипре, арабов в Аравии и т.п. В этом случае русские крейсера могли бы доставлять оружие повстанцам и при необходимости поддерживать их огнем.

Надо ли говорить, что Тихоокеанский отряд контр-адмирала Лузина мог наделать много шума на берегах Красного моря и Персидского залива.

Офицеры и матросы эскадр рвались в бой. 6 апреля 1877 г. из порта Антверпен в Турцию вышел бельгийский пароход «Fanny David» с грузом крупновских орудий. Фрегат «Петропавловск» был готов перехватить пароход с военной контрабандой, но Морское ведомство прислало срочную телеграмму «о неудобстве подобного образа действий».

А 29 апреля последовал приказ всем кораблям из Атлантики и Средиземного моря возвращаться в Кронштадт.

Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, уже не заикаясь о Средиземном море, попросил разрешение у Александра II послать пару крейсеров в Атлантику в район Бреста. Ему ответил управляющий Морским министерством: «Государь не согласен на Ваше предложение, он опасается, чтобы оно не создало неприятностей и столкновений с англичанами по близкому соседству с Брестом».

Повторяю, это все происходило в момент, когда Англия была изолирована дипломатически, она оказалась бессильной повлиять на войны 1858—1870 гг. в Европе. Все же государства континентальной Европы не хотели или не могли вести войну с Россией.

Поначалу Турция очень боялась русской Атлантической эскадры. Турки готовились начать минные постановки в районе Дарданелл. Переброска войск из Египта в Стамбул шла лишь под конвоем броненосцев. Но вскоре страх сменился удивлением и смехом. Конвои были отменены. Наконец к июлю 1877 г. турецкая эскадра Гуссейн-паши в составе двух броненосцев и шести паровых судов, базировавшихся в порту Суда на Крите, начала охоту за русскими торговыми судами в Средиземном море. Турки не боялись «неудобства» и «неприятностей». Россия ответила на захваты своих судов... энергичными нотами и протестами.

Ход русско-турецкой войны выходит за рамки нашего исследования, а интересующихся я отправляю к моим книгам «Русско-турецкие войны» и «Турция. Пять веков противостояния». Здесь лишь замечу, что русские моряки на Черном море храбро нападали на превосходящие силы турок, но при этом отчаянно боялись... англичан.

Вот, к примеру, в ноябре 1877 г. заведующий минной частью контр-адмирал К.П. Пилкин предложил пароходам «активной обороны» «разбросать несколько мин... перед входом в порты, занятые или посещаемые неприятельскими судами», то есть впервые в мире начать активные минные постановки. Предложение Пилкина было отвергнуто из-за отсутствия ответа на вопрос «как выловить... мины при заключении мира». Именно по этой причине генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич «не счел возможным решиться на предлагаемую меру». И опять боязнь — а что-де скажут в просвещенной Европе.

А вот еще пример. К концу 1877 г. в нижнем течении Дуная русские располагали разнородной, но в целом довольно мощной флотилией. На конец сентября русское командование запланировало совместное нападение на Сулин сухопутными силами и Дунайской флотилией. Силы турок были невелики, как в пехоте, так и в кораблях. Выше Сулина ближе к Черному морю стояли корветы «Хивзи Рахман» и «Микадем Хаир», а выше

города — корветы «Неджили-Шевкет» и «Муини Зафр». Шансы русских на успех были близки к 100%. Но в самом Супине стоял английский стационар «Кокатрик» («Cockatrice»). Серьезного боевого значения сия посуда не имела. Но русских генералов вновь охватил панический страх перед просвещенными мореплавателями — как бы чего не вышло. И генерал-лейтенант В.Н. Веревкин не придумал ничего более умного, чем за несколько дней сообщить командиру английского стационара не только сроки, но и детали атаки Сулина. Тот не замедлил поделиться информацией с турками, и к моменту атаки в Сулин пришла эскадра Гоббарта-паши, в составе которой было 9 броненосцев. В итоге захват Сулина был отменен.

К концу 1877 г. разгром турецкой армии стал свершившимся фактом. Переход русскими Балкан произвел на турок ошеломляющее впечатление.

6—7 января 1878 г. турки были разбиты под Филиппополем, лишившись 20 тысяч человек (двух пятых состава) и всей артиллерии (114 орудий). В Константинополе долго не знали, где находятся ее остатки. К 15 января они собрались у Карагача и оттуда морем были перевезены частью на Константинополь, частью на Галлиполи.

Пока генерал Гурко громил турок у Филиппополя, центр нашей армии, не теряя времени, пожинал плоды шейновской победы. В авангарде Скобелева шли 1-я кавалерийская дивизия и герои Шипки — орловцы и «Железные стрелки». Сразу оценив обстановку, сложившуюся на театре войны, Скобелев, немедленно по занятию 1 января Эски-Загры, двинул в глубокий рейд на Адрианополь имевшуюся у него конницу — три полка 1-й кавалерийской дивизии под командованием генерала Струкова.

Этот блистательный рейд решил кампанию. 2 января московские драгуны заняли важнейший железнодорожный узел театра войны — Семенли, отрезав армию Сулеймана от Адрианополя и предрешив ее разгром. Девять русских эскадронов нарушили все стратегические расчеты Турции. Неутомимый Струков громил тылы противника, захватывал обозы, огромные склады продовольствия и снаряжения и 6 января стоял уже в Мустава-Паше, в кавалерийском полупереходе от Адрианополя.

8 января была без боя захвачена сильная крепость Адрианополь. В крепости было 70 исправных орудий.

В середине января 1878 г. русские продолжили наступление. Передовые отряды были высланы на востоке к Каракилиссе, а на юге — к Демотике. Авангард генерала Струкова, направляясь вдоль железной дороге к Константинополю, занял Люле-Бургас и 17 января с боем взял город Чорлу, находящийся всего в трех милях от Константинополя.

Как записал 9 января 1878 г. в своем дневнике военный министр

Милютин, весть о перерыве переговоров в Казанлыке и об общем наступлении наших войск к Константинополю нисколько не смутила царя, а наоборот, вызвала в нем «живейшую радость». Александр II воскликнул: «Если суждено, то пусть водружают крест на Св. Софии!» «В этом настроении поддерживал его великий князь Константин Николаевич, выступивший на одном из совещаний, проходивших под председательством императора, со смелым предложением идти прямо на Константинополь, занять его и оттуда возвестить России и Европе об окончании многовековой борьбы христианства с исламом и о прекращении турецкого владычества над христианами, после чего Россия, довольная совершенными ею подвигами и ничего не требуя для себя, созывает в Царьград представителей европейских держав, дабы сообща с ними воздвигнуть на очищенной ею от обломков прошлого почве здание, достойное XIX века»^{114}.

Однако идеи генерал-адмирала не были поддержаны большинством участников совещания. Как всегда, Горчаков оглядывался на Англию, на сей раз его поддержал и Милютин. Уступая им, Александр II решил предпринять наступление на Константинополь только в случае окончательного отказа Порты принять все предложенные Россией условия мира.

Султан Абдул-Хамид II лично по телеграфу обратился к королеве Виктории, прося ее посредничества в достижении перемирия, и его обращение было передано русскому царю, который ничего не ответил, отослав вопрос своим полевым командирам.

В конце декабря 1877 г. — начале января 1878 г. британский кабинет чуть ли не круглосуточно обсуждал ситуацию на Балканах. Королева Виктория заявила премьеру Дизраэли: «О, если бы королева была мужчиной, она бы пошла в армию и показала этим негодным русским, которым никогда и ни в чем нельзя верить на слово»^{115}.

«В конце концов она в очередной раз пригрозила скорее "сложить с себя корону", чем "терпеть оскорбительное поведение русских". При этом она признала, что никогда еще не говорила так резко со своими подчиненными, как в случае с министром по делам колоний лордом Карнарвоном, который, по ее мнению, был слишком миролюбивым и постоянно предупреждал о возможности повторения новой Крымской войны. Воодушевленная британским львом, сообщала она своей старшей дочери, я "набросилась на него с такой решительностью и злостью, что он стоял передо мной и не знал, что сказать. А сказать он мог только то, что

мы не можем действовать в мире так, как считаем нужным! О, англичане всегда останутся англичанами! "»^{116}.

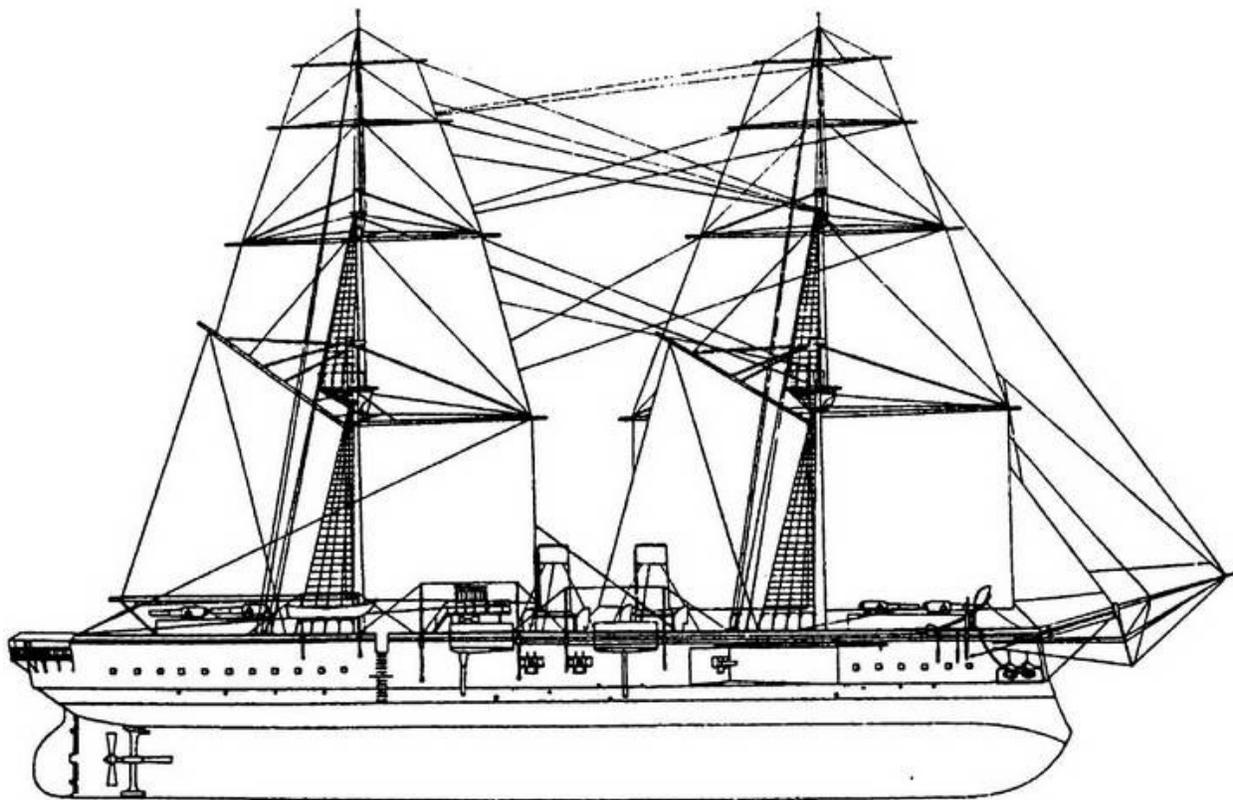
Дело кончилось отставкой членов кабинета, занимавших осторожную политику в отношении России — министра иностранных дел лорда Дерби и министра по делам колоний лорда Карнарвона. Однако Дизраэли с большим трудом удалось упротить лорда Дерби погодить с отставкой.

Королева задавала тон шовинистической кампании, которая захлестнула весь остров. Как писал Кристофер Хибберт: «...ее [Виктории] настроение выражала популярная в то время песенка, написанная на злобу дня и исполняемая практически в каждом музыкальном зале страны:

Мы не хотим войны, но если нас заставят, черт возьми,
У нас есть корабли, есть воины и денег вдоволь,
Мы били медведя раньше, и пока останемся истинными
британцами,
Русские не получают Константинополь»^{117}.

Турецкий же султан Абдул Хамид II, которого так рьяно лезла защищать королева, помалкивал и отказывался официально просить Британский кабинет об отправке эскадры в Проливы, о чем его чуть ли не ежедневно просил английский посол Лайард.

Тем не менее Дизраэли послал приказ командующему британской средиземноморской эскадрой адмиралу Хорнби войти в Дарданеллы и идти прямо к Константинополю.

Броненосец «Темерер».

Адмирал Хорнби действовал оперативно, и шесть британских броненосцев, заранее сосредоточенных у Дарданелл, 2 (14) января 1878 г. вошли в пролив. Но, увы, флагманский броненосец «Александра» сел в проливе на мель. Хорнби пересел на другой броненосец, для охранения «Александры» был оставлен «Султан». А четыре броненосца — «Эжинкорт», «Ахиллес», «Свифтшур» и «Темерер» — вошли в Мраморное море. Но войти в гавань Константинополя Хорнби не решился, опасаясь реакции русских, то есть штурма Царьграда, и бросил якорь у Принцевых островов. В ответ русские заняли местечко Сан-Стефано в 25—30 верстах от стоянки англичан. Тогда эскадра по просьбе султана была отведена еще дальше — в Гемликский залив к Муданье, к азиатскому побережью Мраморного моря.

На снятие с мели «Александры» потребовалось свыше недели, и лишь 15 (27) января она вошла в Мраморное море.

Позже знаменитый британский адмирал Джон Фишер писал, что «эскадра адмирала Хорнби подвергалась огромному риску». Русские

войска, действуя полевой и осадной артиллерией, могли без труда расстрелять в Дарданеллах британские броненосцы. Те же 6-дюймовые мортиры обр. 1867 г., которые в изобилии были в действующей армии, могли, действуя с закрытых позиций, пробить тонкие палубы броненосцев и пустить их на дно. Так, 29 апреля 1877 г. на Дунае у Браилова одного попадания 6-дюймовой мортирной бомбы оказалось достаточно для взрыва и гибели турецкого башенного броненосца «Люфти Джелиль».

Кроме того, русские могли использовать и орудия турецких фортов в Дарданеллах. В конце декабря 1877 г. — начале января 1878 г. турецкие войска были полностью деморализованы, и занятие русскими Дарданелл не представляло трудности. Но, увы, из-за трусости престарелого канцлера и колебаний императора драгоценное время было упущено.

Извещая русского посла графа Шувалова о решении послать эскадру в Проливы, лорд Дерби пытался его уверить, что это нужно исключительно для обеспечения безопасности проживающих в Константинополе англичан и их собственности от проявлений мусульманского фанатизма, и отнюдь не является враждебной России демонстрацией. В том же смысле высказался и британский премьер перед обеими палатами парламента и в сообщении великим державам, приглашая их последовать примеру Англии и также послать свои эскадры в Босфор.

Граф Шувалов длительное время был настроен проанглийски, но сейчас его прорвало. В письме Горчакову 28 января 1878 г. он призывал канцлера действовать решительно и объявить, что посылка британских броненосцев в Мраморное море освобождает Россию от прежних обещаний Англии и что если англичане высадут на берег хоть одного матроса, то русские войска будут вынуждены, «подобно им», вступить в Константинополь. «Я думаю, — писал далее Шувалов, — что такая решимость не только не вызовет разрыва, но предупредит его, остановив англичан на наклонной плоскости опасных вызовов, которые без нее, конечно, продолжались бы»^{118}.

Как записал в своем дневнике Д.А. Милютин, посылка британской эскадры в Черноморские проливы сразу же после заключения перемирия между Россией и Турцией была наглым и вопиющим нарушением Англией не только целого ряда европейских договоров, запрещающих иностранным судам доступ в Проливы, но и обязательств, принятых Англией перед Россией во время войны, которыми были обусловлены все уступки России. Александр II воспринял действия Англии как оскорбление, требующее немедленного возмездия. Заявив своим министрам, что принимает на себя всю ответственность «перед Богом и народом», он 29 января лично

продиктовал телеграмму главнокомандующему: «Из Лондона получено официальное извещение, что Англия, на основании сведений, отправленных Лайярдом, об опасном будто бы положении христиан в Константинополе, дала приказание части своего флота идти в Царьград для защиты своих подданных. Нахожу необходимым войти в соглашение с турецкими уполномоченными о вступлении и наших войск в Константинополь с тою же целью. Весьма желательно, чтобы вступление это могло исполниться дружественным образом. Если же уполномоченные воспротивятся, то нам надобно быть готовыми занять Царьград даже силою. О назначении числа войск предоставляю твоему усмотрению, равно как и выбор времени, когда приступить к исполнению, приняв в соображение действительное очищение турками дунайских крепостей»^{119}.

Однако опять Горчаков и Милютин чуть ли не на коленях стали умолять царя не отправлять этой телеграммы и в конце концов добились своего. На следующий день, 30 января, Александр II отправил брату другую телеграмму, в которой занятие Константинополя русскими войсками ставилось в зависимость от появления английской эскадры в Босфоре и от высадки английского десанта на берег. «Вступление английской эскадры в Босфор слагает с нас прежние обязательства, принятые относительно Галлиполи и Дарданелл. В случае, если бы англичане сделали где-либо вылазку, следует немедленно привести в исполнение предположенное вступление наших войск в Константинополь. Предоставляю тебе в таком случае полную свободу действий на берегах Босфора и Дарданелл, с тем однако же, чтобы избежать непосредственного столкновения с англичанами, пока они сами не будут действовать враждебно»^{120}, — говорилось в телеграмме.

Александр II был в полнейшем смятении. 31 января он втайне от Милютина и Горчакова все-таки отправил великому князю Николаю Николаевичу свою первую телеграмму, составленную 29 января.

Историограф Александра II Татищев пытался оправдать противоречивые действия царя: «Поступая так, Александр Николаевич, очевидно, хотел посвятить главнокомандующего во все свои намерения, причем одна депеша должна была служить как бы пояснением и дополнением другой. Между ними, в сущности, не было ни малейшего разногласия. Первая телеграмма выражала решимость государя ввести наши войска в Константинополь, как прямое последствие прорыва английской эскадры через Дарданеллы, предоставляя усмотрению великого князя

определение времени и способа исполнения этого приказа; вторая же предписывала тотчас же принять эту меру возмездия в случае появления британских броненосцев в Босфоре или высадки англичан на берегах его...»^{121}

На самом же деле отправка обеих телеграмм была не чем иным, как классическим русским «казнить нельзя помиловать».

Решение Александра II занять Константинополь вызвало панику в британском кабинете. В тот же день, 30 января, лорд Дерби через посла лорда Лофтуса срочно запросил русское правительство, чем вызвана эта мера: заботой о безопасности христианского населения или же военными причинами, чтобы в то время, когда Англия и другие государства развевают свои флаги в Константинополе, там появилось и русское знамя? Горчаков ответил, что русское правительство руководствуется теми же побуждениями, что и британское, с той лишь разницей, что считает своим долгом покровительствовать не только своим подданным в Царьграде, но и всем христианам вообще, что оба правительства таким образом исполняют долг человеколюбия, и что общее их миролюбивое дело не должно поэтому иметь вид взаимной враждебности.

Но, увы, дальше угроз дело не пошло. А ведь в январе 1878 г. русские войска могли занять без проблем берег Босфора севернее Стамбула. Тогда же можно было потребовать от ошеломленных турок прохода русских судов из Черного моря в тот же Сан-Стефано. Повод мог быть вполне человеколюбивый — эвакуация больных и раненых из русской армии, в чем, кстати, русские весьма нуждались. Пароходы могли привезти в армию не только продовольствие и медикаменты, но и боеприпасы, а главное, морские мины. Несколько десятков мин, поставленных в узком Дарданелльском проливе или даже просто брошенных в него, могли надолго закупорить пролив.

Надо сказать, что Морское ведомство подготовило в январе — марте 1878 г. несколько пароходов для постановки мин, правда, не в Дарданеллах, а в Босфоре. Но ни великий князь, ни дипломаты, видимо, вообще не представляли себе, что такое морские мины.

Была и другая важная причина ввода войск в Константинополь или хотя бы занятия пары бухт в Босфоре или Мраморном море. В ходе боевых действий в 1877 г. у русских генералов и политиков постоянно вызывала сильную головную боль угроза Австрии нанести удар по Румынии и Бессарабии и полностью прервать растянутые коммуникации нашей действующей армии. Это было по силам австрийской армии. Другой вопрос, что две трети русской армии не были задействованы в турецкой

кампании, и их было достаточно, чтобы раздавить лоскутную империю.

Взятие Константинополя могло полностью исключить угрозу австрийцев нашим коммуникациям. В этом случае боевая мощь русской армии резко возрастала. Вместо тысячи километров ужасных дорог от Бессарабии до Адрианополя любой груз мог быть оперативно доставлен по железной дороге до Одессы, Севастополя или портов Азовского моря, а затем за сутки на пароходе или за двое-трое суток на паруснике переброшен в Константинополь. Таким образом, 8-дюймовые мортиры из Брестской или Ивангородской крепостной артиллерии, снаряды, изготовленные петербургскими заводами, и мобилизованные резервисты из Нижегородской губернии могли быть доставлены за неделю в Проливы.

Русская береговая артиллерия из Севастополя, Одессы, Керчи и Очакова могла быть за одну-две недели переброшена к Дарданеллам. Половины ее было бы достаточно, чтобы отразить атаку всего британского флота. В принципе в узких проливах английские броненосцы могли быть расстреляны даже 6-дюймовыми мортирами обр. 1867 г. Тонкие броневые палубы английских броненосцев (25—75 мм) не могли выдержать попадания бронебойных мортирных бомб. Броненосцы же ранней постройки вообще не имели брони на палубах.

И это не авторские фантазии. В конце концов, русское командование отдало приказ о переброске тяжелой артиллерии в Босфор. Но сделало это на четыре месяца позже, чем следовало, и очень бестолково. 31 марта 1878 г. в Керченской крепости начали погрузку на корабли пяти 11-дюймовых пушек, пяти 9-дюймовых пушек, шести 9-дюймовых мортир и девяти 6-дюймовых мортир, как говорилось в приказе: «...для отправления их по назначению». Куда же береговые орудия назначались, в приказе было дипломатично опущено. Однако вскоре было получено распоряжение о выгрузке орудий и возвращении их на батареи Керченской крепости.

По приказу главнокомандующего в Галаце начали погрузку на суда орудий береговой и осадной артиллерии, оставшейся после захвата крепостей на Дунае. К 16 апреля 1878 г. на пароход «Одесса» и шхуны «Ингул» и «Салгир» было погружено восемь 8,5-дюймовых пушек, одна 8-дюймовая свинтная пушка, одна 9-дюймовая свинтная мортира, десять 6-дюймовых пушек дальнего боя (в 190 пудов) и двадцать 9-фунтовых пушек. Суда готовы были двинуться к Босфору, но 17 апреля поступил приказ об отмене похода.

Дело в том, что угроза занять Константинополь частично подействовала на англичан, и они решили вывести свои броненосцы из Мраморного моря. 19 (31) марта 1878 г. эскадра Хорнби прошла

Дарданеллы и вышла в Средиземное море.

Однако уход Хорнби означал не конец кризиса, а лишь переход его в другую фазу. Русская армия по-прежнему стояла под Константинополем, а обе великих империи лихорадочно готовились к войне. Британский парламент проголосовал за выделение 6 млн. фунтов стерлингов на закупку вооружения. В Англии был произведен набор резервистов. А на Мальту стали прибывать транспорты с индийскими войсками. Риторический вопрос, стали бы индусы воевать с русской армией, особенно если бы Россия объявила о походе войск Туркестанского военного округа на Индию с целью ее освобождения от английских оккупантов.

Британское Адмиралтейство в срочном порядке «добровольно-принудительно» купило у Турции и Бразилии 4 броненосца, строившихся в Англии. Они получили названия «Орион», «Белляйл», «Суперб» и «Нептун».

Британии пришлось выплатить правительствам Турции и Бразилии свыше полутора миллионов фунтов стерлингов. Все корабли были разнотипными и, по оценке британских адмиралов, неудачными. Естественно, что все они имели дульнозарядную артиллерию. Причем только «Белляйл» вступил в строй к «шапочному разбору» — 19 июля 1878 г., а остальные еще позже: «Суперб» — 15 ноября 1880 г., «Нептун» — 3 сентября 1881 г., а «Орион» — 3 июля 1882 г., то есть через 2 года после окончания кризиса.

Естественно, что эти корабли не попали в состав «особой эскадры», которая с мая 1878 г. лихорадочно собиралась в водах метрополии. Ее командующим был назначен адмирал Кей, который 7 июня 1878 г. (н. ст.) поднял свой флаг на броненосце «Геркулес». «Особая эскадра» должна была войти в Балтийское море и атаковать Кронштадт.

18 июня (н. ст.) «особая эскадра» выстроилась на рейде Портленда. В ее состав входили 6 казематных броненосцев («Геркулес», «Резистенс», «Вэлиант», «Лорд Уорден», «Гектор» и «Пенелопа») и башенный броненосец «Тандерер», 6 броненосцев береговой обороны типа «Принц Альберт», один парусный фрегат, 4 канонерские лодки и одно посыльное судно.

Таким образом, хваленая «особая эскадра» представляла собой скопище самых разнотипных судов, неспособных взаимодействовать в составе соединения.

Зато британская пресса не скупилась на похвалы своей непобедимой армаде. Кульминацией пропагандистской кампании стал высочайший смотр «особой эскадры» 13 августа 1878 г. адмирал Фишер, заместитель

адмирала Кея, знал, что королева Виктория не любит громкой пушечной пальбы, и сделал так, чтобы, когда эскадра давала «королевский салют», яхта королевы находилась на приличном расстоянии, чтобы «не слишком беспокоить ее величество». Эти меры предосторожности оказались кстати, и адмирал Кей получил благодарность от ее величества за «хорошее состояние кораблей эскадры».

А что ждало «армаду» на Балтике? На борту броненосных судов Балтийского флота состояло 123 пушки калибра от 8 до 12 дюймов. Главным же препятствием англичанам стала Кронштадтская крепость. Броненосцы могли пройти мимо Кронштадта к Петербургу только южным узким (в несколько сотен метров) фарватером под кинжальным огнем кронштадтских фортов «Константин», «Александр I», «Павел I», «Кроншлот» и др. Северным же фарватером могли пройти лишь мелкосидящие суда. Однако в северной части залива от острова Котлин до финского берега тянулась цепь номерных фортов.

С начала 1877 г. строительство новых и модернизация старых фортов в Кронштадте резко ускорилась. В 1877 г. на эти цели ушло 261,6 тысячи рублей, из них 120 тысяч — из экстраординарных ассигнований, предназначенных для приведения крепости в оперативную боевую готовность. В 1878 г. экстренные работы продолжались, всего было затрачено 255 тысяч рублей, в том числе из экстраординарного кредита около 137 тысяч рублей.

К 20 августа 1876 г. на вооружении кронштадтских фортов было орудий обр. 1867 г.: 14-дм пушек — 1; 11-дм пушек — 51; 9-дм пушек — 79; 8,5-дм пушек — 8; 8-дм пушек — 98; 6,03-дм пушек — 8; 24-фн (6-дм) — 30. Гладкоствольных орудий имелось: 10,75-дм пушек — 5; 3-пуд. (273-мм) пушек — 176.

Кроме того, имелось 79 6-дюймовых мортир обр. 1867 г., которые с дистанции в 4 версты представляли серьезную опасность для британских броненосцев, часть из которых имела тонкую палубную броню, а большинство не имело и того. Дульнозарядных нарезных орудий ни флот, ни крепости в России вообще не имели, если не считать небольшого числа малокалиберных (9-фунтовых и 4-фунтовых) пушек.

Через год с небольшим число орудий в кронштадтских фортах составляло: обр. 1867 г.: 14-дм пушек — 1; 11-дм пушек — 51; 9-дм пушек — 98; 8-дм пушек — 87.

В случае появления британского флота на Балтике Финский залив в районе Кронштадта должен был быть перегорожен в несколько рядов минными и ржевыми заграждениями. При этом большинство мин должно

было быть крепостными и управляться с берега.

Большое внимание уделялось различным подводным преградам. Так, согласно докладу комиссии Главного инженерного управления: «Подводная преграда, расположенная по линии морских батарей Северного фарватера Кронштадта для воспрепятствования прорыва судов неприятельского флота между укреплениями, состоит частью из отдельных ряжевых ящиков, наполненных камнями, и частью из сплошного каменного мола, образованного наброскою из бульжняка камня»^{122}.

В южной части залива ряжевые заграждения в два ряда тянулись от южного берега до форта «Павел I».

Таким образом, не только «особая эскадра», но и пять таких эскадр не смогли бы взломать русскую оборону в районе Кронштадта. Если бы адмирал Кей пожаловал на Балтику, перед ним бы оказалась альтернатива — или постоять пару-тройку месяцев у входа в Финский залив, захватить десяток малых каботажных судов, пограбить дюжину чухонских деревень, изнасиловать десятка два чухонков, то есть в точности повторить стояние британской эскадры на Балтике в 1854—1855 гг., или атаковать в лоб Кронштадт. Последний вариант привел бы к уничтожению не менее половины британских броненосцев.

Надо ли говорить, что лорды адмиралтейства не были дураками и что всерьез нападать на Кронштадт никто не думал. «Особая эскадра» была одним из великих британских блефов, на который, увы, купились Александр II и его «железный канцлер». Был, естественно, и финансовый аспект сбора великой армады. Не надо забывать, что воруют не только в России. В 1877—1878 гг. десятки миллионов фунтов стерлингов уплыли в бездонные карманы подрядчиков и лордов адмиралтейства.

Между тем Россия готовилась не только к пассивной обороне, но и к нападению на британские коммуникации. Русские крейсера, корветы и клипера были отправлены в Атлантику и Тихий океан.

Еще до начала войны с Турцией Морское ведомство провело несколько зондажей на предмет возможности закупки в Североамериканских Штатах быстроходных пароходов, которые могли бы начать операции на коммуникациях Англии. В частности, был запрошен русский посланник в Вашингтоне: «Не осталось ли в архивах русского посольства... следов от плана, который был разработан на эскадре в 1863 г.? Если да, то пусть в посольстве составят докладную записку из имеющихся документов».

Телеграмма эта поставила посланника в сложное положение, но вскоре он вспомнил, что один из флаг-офицеров С.С. Лесовского лейтенант Л.П. Семечкин, к настоящему времени уже капитан-лейтенант и адъютант

великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича, находится на Всемирной выставке в Филадельфии. И посланник обратился к нему. «Просьба пришлась как раз по адресу. Семечкин мог ясно припомнить всю переписку 1863 г., которая велась через него. Поработав над имеющимися документами, пополнив недостающие сведения своими воспоминаниями, он составил подробную докладную записку. Ее вывод звучал так: "Не нарушая своего нейтралитета, Америка может дополнить наш флот продажей России нескольких крейсеров и снаряжением их у себя"».

В марте 1878 г. русское правительство решило приобрести в Америке 12 пароходов с тем, чтобы вооружить их и переоборудовать в крейсера, однако из-за финансовых затруднений было решено ограничиться четырьмя судами. Естественно, что вся операция проводилась в строжайшей тайне. 1 апреля 1878 г. из Ораниенбаума вышел зафрахтованный Россией германский пароход «Цимбрия», на борту которого находилось 66 русских морских офицеров и 606 нижних чинов под командованием капитан-лейтенанта К.К. Гриппенберга. Замечу, что все господа офицеры получили огромные для того времени подъемные: мичман — 400 рублей, капитан-лейтенант — 800 рублей. Поэтому недостатка в добровольцах не было. Только в море Гриппенберг вскрыл пакет и прочитал приказ: «...обогнуть Северную Англию и... идти в небольшой порт Северо-Американских Штатов, South-West-Harbour». Этот порт, расположенный в штате Мэн почти на границе с Канадой, как нельзя лучше подходил для пребывания русских экипажей — подальше от любопытных глаз и ушей. Впрочем, была и еще одна причина, чисто русская: в штате Мэн действовал «сухой закон» и были запрещены все крепкие напитки.

Замечу, что «Цимбрия» шла в Атлантике под торговым флагом Германской империи.

16 апреля «Цимбрия» прибыла в Соут-Вест-Харбор. Прибывшие представились русскими эмигрантами, приехавшими в Америку. «Эмигранты» были в штатском, но уж больно однообразно одеты, да и выправка выдавала.

Гриппенберг немедленно отправился на телеграф и отослал несколько зашифрованных цифрами телеграмм в Россию. Телеграфистам никогда не приходилось отправлять цифровые телеграммы, и это обстоятельство привлекло большее внимание прессы, чем сам факт прибытия «Цимбрии», Увы, у наших адмиралов не хватило ума составить зашифрованный текст на английском языке.

Покупку судов вел капитан-лейтенант Л.П. Семечкин, ранее

прибывший в США на рейсовом пароходе. Семечкин заранее вступил в сговор с филладельфийским банкиром Вортоном Баркером. В марте 1878 г. Баркер объявил, что собирается создать судоходную компанию для обслуживания линии Аляска — Сан-Франциско и приобрести три-четыре быстроходных парохода. Благодаря огромному капиталу и связям в правительственных кругах проект этот возражений не встретил. Правительство оставило за собой лишь право освидетельствовать пароходы и признать их годными для предполагаемой цели. Так возникло, очевидно, не без ведома американского правительства, фиктивное пароходство Баркера.

Первым судном, которое купила Россия уже через двое суток после прибытия Семечкина в Америку, стало «Stat of California». Л.П. Семечкин писал впоследствии: «Я остановился в Филадельфии, чтобы возобновить сношение с некоторыми из прежних друзей... и осмотреть на верфи гг. Крампов оконченный в постройке, но еще не спущенный пароход "Stat of California"... Осмотрев внимательно корпус, стоявший на стапеле, и машину, собранную в мастерской, я убедился, что пароход... имеет право называться лучшим в Соединенных Штатах по тщательности и прочности постройки».

Пароход был признан годным «для крейсерских целей» и куплен за 400 тыс. долларов.

Узнав о намерении русских, англичане также начали скупать через своих агентов в Америке пароходы. «Положили глаз» они и на «Stat of California», за который Крамп запросил с них 500 тысяч долларов. Но в британском Адмиралтействе слишком долго думали и рассчитывали, и разрешение на его покупку пришло через два дня после того, как пароход приобрела Россия.

Покупка «Stat of California» сильно взволновала американскую прессу, газеты подняли шум: «Имеют ли русские право покупать суда? Даже если соблюдены все формальности, должно ли этим довольствоваться правительство?» Тогда русские представители обратились к самым крупным юристам-международникам, среди которых были известный государственный деятель, соратник Авраама Линкольна, сын и внук двух президентов Ч. Адаме, крупнейший юрист и дипломат, бывший министр юстиции К. Кашинг, член Конгресса, герой Гражданской войны генерал В. Бутлер и другие. Все они сочувствовали русским. «Г-н Адаме созвал репортеров главнейших газет и разъяснял, что американский закон позволяет продавать оружие, но запрещает выпускать вооруженные экспедиции. Закон... позволяет продавать корабли, но последние должны

выходить из гавани без пороха и вооруженных людей... Статьи, разъясняющие дело, были напечатаны в 35 газетах».

Но американские юристы настаивали, чтобы спуск американского флага и подъем Андреевского производился вне территориальных вод США, то есть на расстоянии трех морских миль от американского берега. «Всякий корабль пользуется правом экстерриториальности. Приобрести его он может только у своих берегов или в пределах вод, никому не принадлежащих».

Американские судовладельцы быстро посчитали ожидаемые барыши от продажи пароходов русским и пришли к выводу, что дело это очень выгодное. Большую роль сыграла и поддержка Промышленной лиги, объединявшей полторы тысячи заводов и более двух миллионов рабочих. «Русские дали работу многим тысячам людей, и потому Лига также приняла сторону наших».

Проблема была решена, и 8 мая 1878 г. пароход «Stat of California» сошел на воду. Впоследствии, будучи переоборудованным в крейсер, он получит название «Европа».

Затем Россия купила в Филадельфии за 275 тыс. долларов пароход «Columbus», переименованный затем в «Азию». Его также переоборудовали на заводе Крампа.

«Последовательность... и осмотрительность, с которой действовала наша экспедиция, произвела на американцев сильное впечатление», — вспоминал Л.П. Семечкин. Американские судовладельцы резко подняли цены на пароходы, они были уверены в кредитоспособности русских, и сколько им понадобится еще пароходов — никто не знал. И третий пароход, «Saratoga», переименованный в «Африку», пришлось купить уже за 335 тыс. долларов. Переделывался он также на заводе Крампа. Русские моряки — офицеры и нижние чины — принимали активное участие в переоборудовании купленных пароходов.

Между тем Морское ведомство России заказало Крампу за 275 тыс. долларов клипер «Забияку». По контракту на постройку корабля от закладки до спуска на воду отводилось всего четыре месяца. В случае невыполнения договорных условий предусматривалась система штрафов. Всего за три недели была разработана проектная документация, и 1 июля 1878 г. на верфи Крампа произошла закладка крейсера. 9 сентября «Забияка» был спущен на воду и уже 27 сентября прошел пробные ходовые испытания. Зима в этот год выдалась суровая, реку Делавер рано сковало льдом, и это не позволило закончить испытания в 1878 г. Только на следующий год Крампу удалось сдать клипер, да и то с большими

штрафами. За опоздание со спуском на 9 дней с Крампа сняли 63 тыс. долларов, за переуглубление на 9 дюймов — 60 тыс. долларов, за меньшую на 0,5 узла скорость — 35 тыс. долларов. В результате Крамп получил всего 153 тыс. долларов, да еще он должен был за свой счет снабдить корабль всем необходимым для перехода в Европу. В итоге «Забияка» стал самым дешевым крейсером русского флота.

21 декабря 1878 г. «Европа» и «Азия» с русской командой вышли в океан. В трех милях от берега они спустили американские и подняли русские Андреевские флаги. Через пять дней то же проделала и «Африка».

Поскольку к этому времени кризис миновал, все три крейсера под Новый год пришли в Копенгаген, где и перезимовали, ожидая освобождения Кронштадтского рейда ото льда.

Об этой экспедиции и до 1917 г., и после написано очень много. Однако во всех источниках обойден один очень любопытный момент — откуда на русских кораблях должны были взяться пушки? Ведь без орудий эти корабли были абсолютно беспомощны. Получалось, что в условиях войны с Англией надо идти в Кронштадт, там вооружаться, а затем вновь идти в океан на британские коммуникации? Надо ли объяснять бредовость такого плана.

На самом же деле орудия для русских крейсеров были заказаны фирме Круппа. «Европа» получила одну 8,26-дм (210-мм) гаубицу, три 5,9-дм (149,3-мм) пушки и четыре 9-фн (107-мм) пушки; «Азия» — три 5,9-дм и четыре 9-фн пушки; «Африка» — пять 5,9-дм и четыре 9-фн пушки. Все эти орудия были изготовлены Круппом. Кстати, 5,9-дм крупповские пушки в 1878 г. получили и другие наши крейсерские суда, как, например, корветы «Богатырь» и «Варяг».

Первоначальный замысел предусматривал вооружение «Европы», «Азии» и «Африки» в море с нейтральных пароходов, доставивших пушки из Германии. И лишь после окончания Берлинского конгресса было решено пушки ставить в Кронштадте.

Что же касается клипера «Забияка», то он с 28 мая по 5 августа 1879 г. перешел из Филадельфии в Кронштадт.

Покупка пароходов в Америке были осуществлена Морским ведомством и на казенные деньги. Однако параллельно по всей стране в 1878 г. шел сбор средств с населения на покупку за границей крейсерских судов. Инициативу в сборе средств проявило «Императорское общество содействия русскому торговому мореходству». В Москве был учрежден главный комендант для сбора пожертвований, а звание почетного председателя принял на себя цесаревич Александр Александрович. К

началу мая 1878 г. было собрано уже более двух миллионов рублей, в мае 1879 г. — 3 835 500 рублей, к концу 1881 г. — 4 132 800 рублей. Суммы пожертвований частных лиц составляли от нескольких копеек до 100 тысяч рублей. Большая часть населения с энтузиазмом отнеслась к строительству Добровольного флота. Любопытно, что великий композитор Петр Ильич Чайковский в 1878 г. сочинил марш «Добровольный флот». Он попросил издателя П.И. Юргенсона перечислить гонорар за марш на строительство флота.

6 июня 1878 г. Россия купила в Германии первые три парохода. Первый пароход «Holsatia» прибыл в Кронштадт уже 14 июня. Газета «Новое время» так описала торжественное мероприятие, посвященное приходу судна в Россию: «20 июня, около часа пополудни, после торжественного молебна, первый рейдер добровольного флота "Holsatia" был окрещен "Россией". На рейдере под звуки музыки, игравшей национальный гимн, был поднят русский флаг и гюйс. По окончании молебна надпись на пароходе "Holsatia" была немедленно закрашена».

Второй из приобретенных пароходов «Hommnia» прибыл в Кронштадт 19 июня и впоследствии был переименован в «Москву». Третий пароход «Turingia», оказавшийся в Кронштадте, 24 июня был назван «Петербургом». Все три парохода были приобретены за 165 тыс. фунтов стерлингов, что по курсу 1878 г. составляло примерно 1 580 тыс. рублей. Водоизмещение судов составляло около 3000 т, а скорость 13,5—14,5 узла.

А 17 июля, отремонтированные, вооруженные крупновской артиллерией и укомплектованные военными экипажами, они уже стояли на кронштадтском рейде в полной готовности для крейсерской службы. 26 июня был приобретен пароход «Нижний Новгород».

Между тем мирный исход Берлинского конгресса устранил угрозу войны, и 1 августа разоруженные крейсера были исключены из списков военного флота и переведены в ведение комитета. Крейсера были отправлены на Черное море и приняли участие в перевозке русских войск из Сан-Стефано в Одессу (до 13 тыс. человек, 3600 лошадей и около 5 тыс. т другого груза).

1 июня 1878 г. представители великих европейских держав подписали в Берлине трактат, состоявший из 64-х статей, который фактически лишил Россию плодов ее победы над турками.

Вернувшись в Петербург, Горчаков грустно сказал при встрече с императором: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере». Александр ответил: «И в моей тоже».

Стратегический просчет и Горчакова, и самого Александра II был в

том, что они оценивали внешнеполитическую обстановку и силы по речам политиков (ах, Дизраэли заявил, ах, Андраши заметил), не обращая внимания на реальное соотношение сил в Европе и на последствия тех или иных угроз Англии или Австро-Венгрии.

Англия была бессильна вести войну с Россией без помощи сильных европейских армий. Из-за географического расположения России с учетом развитой сети железных дорог британский флот даже не мог осуществить эффективную морскую блокаду России.

Такую точку зрения разделяют и многие британские историки. Тот же Хибберт писал: «...войны Дизраэли не хотел, а военную риторику использовал в качестве фактора политического давления на противников как внутри страны, так и за ее пределами. Словом, он предпочитал угрожать войной, а не вести ее, и очень надеялся, что это будет вполне достаточно для реализации своих внешнеполитических целей»^[123].

Что же касается Австро-Венгрии, то ее армия в войне один на один заведомо бы проиграла, и лоскутная империя могла бы развалиться, как это и случилось в 1918 г.

Наконец, рассмотрим теоретически самый худший для России вариант развития событий. Германская империя поддерживает Австрию, и их соединенные армии наносят тяжелое поражение русской армии. Ну и что? И Аустерлиц, и Фридланд были булавочными уколами для огромной Российской империи. Ну, заключила бы Россия невыгодный, но не позорный мир. Берлинский мир был позорным, поскольку Россия капитулировала без военного поражения. Что могла потерять Россия в случае неудачной войны в 1878 г.? Максимум — это Привисленскую губернию, населенную поляками. И пусть бы немцы одни разбирались с буйными панами. А вот зато вся Европа оказалась бы под германским сапогом. Далее последовало бы строительство на верфях объединенной Европы огромного флота, превышавшего по тоннажу британский, затем — серьезный разговор с владычицей морей о ее заморских колониях. Учитывая природную жадность просвещенных мореплавателей, можно с уверенностью сказать, что они вцепились бы в колонии зубами. Ну а это привело бы к войне, и германизированная Европа, имея мощный флот, легко бы форсировала Ла-Манш.

Рискнет ли кто утверждать, что это-де фантазии автора? Ведь Германская империя и так шла по этому пути с 1870 по 1914 г., и без разгрома России в 1878 г.

Все ведущие британские политики именно так и оценивали перспективы развития европейских отношений в случае поражения России

в войне с Германией. Об этом красноречиво свидетельствует опубликованная позже их неофициальная переписка. Разница в позициях британских политиков была лишь в том, насколько далеко идти в блефе, угрожая России войной. Так было в 1878 г., так будет в 1885 и 1904-1905 гг.

Британские власти одновременно осуществляли двойной блеф. С одной стороны, пугая Россию войной, а с другой — пугая собственное население, а заодно и всю Европу страстью русских царей к мировому господству.

Увы, Александр I, его брат Николай Николаевич, министры Горчаков и Милютин испугались британского шантажа и согласились на созыв Берлинского конгресса. Конгресс открылся 13 июня 1878 г. в Берлине. Участвовали в нем только Германия, Россия, Англия, Австро-Венгрия, Франция, Италия и Турция. Представители Балканских государств были допущены в Берлин, но они не являлись участниками конгресса. Делегации великих держав возглавлялись министрами иностранных дел или же премьерами — Бисмарком, Горчаковым, Биконсфильдом, Андраши, Ваддингтоном и Корти. Согласно принятым решениям, приобретения России сводились к Карсу, Ардагану и Батуму. Баязетский округ и Армения до Саганлуга возвращались Турции. Территория Болгарского княжества урезывалась вдвое. Особенно неприятно для Болгарии было то, что ее лишили выхода в Эгейское море.

Зато существенные территориальные приращения получили невоювавшие страны. Австро-Венгрия получила в управление Боснию и Герцеговину. Англия — турецкий остров Кипр. Кипр имеет стратегическое значение в восточной части Средиземного моря. В течение почти 100 лет он использовался англичанами в агрессивных целях. Несколько английских баз и поныне остаются на острове.

Так закончилась Русско-турецкая война 1877—1878 гг., стоившая столько крови и страданий русскому народу.

Глава 19

КОНФЛИКТ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ВТОРАЯ ФАЗА

К 1869 г. наиболее враждебным России государственным образованием в Средней Азии стало Хивинское ханство. Хивинский хан помогал оружием и деньгами бандитским шайкам туркмен и киргизов, действовавших на русской территории. В итоге в 1869 г. русское правительство приняло решение унять агрессивного хана.

Действовать против хана было решено с двух сторон: из Туркестана и с восточного побережья Каспийского моря. Последнее направление было стратегически более удобным.

С 5 по 7 ноября 1869 г. в Красноводском заливе с кораблей Каспийской флотилии высадился русский десант в составе одного батальона пехоты и полусотни казаков при шести пушках. Командовал десантом полковник Н.Г. Столетов. Там был основан форт Столетова, а позже — город Красноводск.

Одновременно генерал-губернатор Кауфман отправил хивинскому хану грозное послание, в котором требовал способствовать русско-хивинской торговле и допустить в ханство русских купцов. Кауфман обвинял хана в подстрекательстве казахских племен к неповиновению русским властям и требовал отказаться от вмешательства во внутренние дела казахских жузов.

Но хивинский хан не пожелал ответить на это послание русского генерал-губернатора, и на то у него был повод: волнения среди казахов усиливались, они просили у хана помощи и даже прислали богатые подарки — 50 соколов, 100 иноходцев, 100 верблюдов и 50 белых войлоков.

Хан начал готовиться к войне с «неверными». В цитадели Хивы возвели башню с двадцатью пушками. Хивинцы перегородили фарватер Амударьи Талдык и развели воду по арыкам, чтобы русские суда не смогли из Аральского моря войти в реку. Близ мыса Урге на Аральском море была построена новая крепость Джан-Кала, еще одно укрепление хивинцы начали строить в урочище Кара-Тамак.

Проезжий турецкий купец был объявлен послом турецкого султана, прибывшим с предложением союза и военной помощи от Блистательной Порты.

Однако Кауфман медлил и не начинал войну. Это было связано прежде всего с вредительской деятельностью Министерства иностранных дел, руководимого пресловутым Горчаковым. Определенную роль в задержке операции сыграл и ввод в 1871 г. войск в Кульджи и Восточный Туркестан.

Лишь в конце зимы 1873 г. было решено начать поход на Хиву. Русские войска выступали четырьмя отрядами с трех направлений: из Туркестана — Кауфман с шеститысячным отрядом при 18 орудиях; со стороны Оренбурга — генерал Веревкин с 3500 человек при 8 орудиях и 6 ракетных станках, и со стороны Каспийского моря два отряда из войск Кавказского округа — Мангышлакский полковника Ломакина с тремя тысячами человек при 8 орудиях и 3 ракетных станках, и Красноводский полковника Маркозова с двумя тысячами человек при 10 орудиях. Всего должно было участвовать в операции около 15 тысяч человек при 44 орудиях^[39], 20 ракетных станков, 4600 лошадей и 20 тысяч верблюдов.

Оренбургский отряд Веревкина тронулся в поход в середине февраля 1873 г., он двигался северо-каспийскими путями небольшими переходами с Эмбы на Амударью. Туркестанский отряд (колонны Кауфмана и Головачева) выступил 13 марта, Закаспийский и Красноводский — в середине марта, а Мангышлакский — в середине апреля.

Самый трудный переход выдержал Туркестанский отряд: континентальный климат показал себя полностью — резкие морозы в марте сменились ужасным зноем в апреле. С середины апреля отряд шел безводной пустыней, вода кончилась, люди стали умирать, а когда 21 апреля отряд пришел в урочище Адам-Крылган (в переводе «гибель человека»), никто уже не надеялся выжить. К счастью, удалось отыскать колодцы, и это спасло войско, и Кауфман упорно шел вперед. 12 мая отряд вышел к Амударье и после несколько дней отдыха отправился к Хиве.

Два закаспийских отряда должны были преодолеть 700 верст по сыпучим песчаным барханам пустыни Усть-Урт. Красноводский отряд, не выдержав трудностей перехода, вернулся с полдороги, но зато своим движением задержал наиболее воинственное из туркменских племен — текинцев. Мангышлакский же отряд, где начальником штаба был подполковник Михаил Дмитриевич Скобелев, преодолел пустыню Усть-Урт в пятидесятиградусный зной, неоднократно отбиваясь от нападавших отрядов хивинцев и туркмен, и 18 мая близ Мангыта соединился с Оренбургским отрядом Веревкина. 20 мая здесь войска Веревкина и Ломакина вступили в жестокий бой с хивинцами, потери хивинцев достигали трех тысяч. А 26 мая оба отряда подошли к Хиве, куда затем прибыл и Туркестанский отряд Кауфмана.

Командиры русских отрядов рвались первыми войти в Хиву. Первым утром 28 мая на штурм двинулся генерал Веревкин. Но атака его отряда была отбита, а сам Веревкин был ранен в лицо и сдал командование своему начальнику штаба полковнику Саранчеву.

На следующий день, 29 мая, Кауфман вступил в переговоры с парламентаром хана с целью оговорить условия капитуляции. Веревкин получил от Кауфмана записку: «Я полагаю с частью отряда и с войсками от вас войти в город и занять цитадель и ворота. Грабежа не должно быть. Нужна большая осторожность, теперь даже больше, чем прежде. Я беру ваши роты, орудия и кавалерию, чтобы они были представителями кавказского и оренбургского округов. Поздравляю Вас с победой и с раной, дай Бог скорее выздороветь»^{124}.

Веревкин проглотил злую шутку Кауфмана. Но в его отряде нашелся лихой подполковник М.Д. Скобелев, который, никого не спросив, повел две роты солдат на штурм Хивы. Веревкин отправил к послушнику ординарца с приказом остановиться, пригрозив расстрелом за неповиновение. Скобелев послал ответ начальнику: «Идти назад страшно, стоять на месте — опасно, остается взять ханский дворец»^{125}.

Скобелевские молодцы лихо взяли дворец, и только тогда в город с музыкой вступили войска Кауфмана. Но победа была неполной, поскольку хан Мохаммед Рахим II ухитрился удрать из Хивы накануне штурма. Кауфману с большим трудом удалось уговорить хана вернуться.

Встреча Мохаммеда Рахима II с туркестанским генерал-губернатором состоялась 2 июня 1873 г. недалеко от Хивы в тенистом Гандемианском саду — загородной резиденции хана.

Стороны подписали мирный договор, в котором говорилось: «Хан признает себя покорным слугой императора всероссийского, отказывается от всяких непосредственных дружеских сношений с соседними владетелями и ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии не предпримет никаких военных действий против них. Весь правый берег Аму-Дарьи и прилегающие к нему хивинские земли уступаются России, причем хан обязуется не противиться переуступке части этих земель эмиру бухарскому, если последует на то воля государя императора. Русским пароходам и другим судам, как правительственным, так и частным, предоставляется свободное и исключительное плавание по Аму-Дарье, а суда хивинские и бухарские пользуются этим правом не иначе, как с разрешения русской высшей власти в Средней Азии...

Ханское правительство не принимает к себе разных выходцев из России, являющихся без дозволительного вида от русской власти, к какой бы национальности они не принадлежали, а укрывающихся в ханстве русских преступников задерживает и выдает русскому начальству. Все невольники освобождаются на вечные времена. На Хиву налагается для покрытия расходов русской казны по ведению войны, вызванной ханом и его подданными, пеня [контрибуция. — А.Ш.] в размере 2 200 000 рублей, уплата которых рассрочена на двадцать лет. Одна часть земель, уступленных Хивою на правом берегу Аму-Дарьи, отошла непосредственно к России и на ней возведено Петро-Александровское укрепление, занятое русским гарнизоном. Другая часть переуступлена эмиру бухарскому»^{126}.

Хану пришлось освободить множество рабов, из которых только персов было не менее сорока тысяч.

Кокандский хан Худояр не имел оснований быть недовольным русским правительством. Наоборот, он благоприятствовал русской торговле и, соответственно, имел хорошие «барыши». Русские власти такая ситуация вполне устраивала. Но в июле 1875 г. в Коканде начались волнения. Возглавил мятежников кипчак Абдуррахман-Автобачи — сын казненного ханом Худояром регента ханства Мусульман-Кула, фанатика, поклявшегося на гробе Магомета вести войну с «неверными». К Автобачи примкнули все недовольные русским присутствием в крае, все лишенные выгодных мест и влияния, а также все духовенство. Худояр-хан бежал на русскую территорию, и восставшие провозгласили ханом старшего сына Худояра Наср-Эддина.

В начале августа 1875 г. 15-тысячное кокандское войско перешло русскую границу, вторглось в долину Ангрена и осадило город Ходжент.

Генерал-губернатор Кауфман среагировал немедленно. Он собрал отряд из 16 рот пехоты, 8 сотен казаков, 20 орудий и 8 ракетных станков, который сосредоточился 19 августа близ Ходжента. Десятитысячное войско Автобачи к тому времени заняло кокандскую крепость Махрам.

20 августа русский отряд выступил из Ходжента и к вечеру стал лагерем у селения Кастакоз. На следующий день отряд двинулся дальше, все время отражая стычки кокандской конницы. К вечеру отряд был уже в четырех верстах от Махрама и заночевал близ селения Каракчикум.

Утром 22 августа русский отряд начал наступление и в тот же день овладел крепостью Махрам. Кокандцы бросились к Сырдарье, надеясь спастись вплавь, и сотнями гибли от винтовочного огня наших стрелков. Русские потеряли всего пятерых человек убитыми и восьмерых ранеными.

Оставив в Махраме небольшой гарнизон, Кауфман 26 августа выступил к столице ханства Коканду. 29 августа русские войска без единого выстрела заняли Коканд, а 5 сентября двинулись дальше и 8 сентября прибыли в Маргелан. Здесь для дальнейшего преследования скопищ Автобачи был сформирован летучий отряд под командованием генерал-майора Скобелева в составе шести казачьих сотен, двух рот пехоты, посаженных на арбы, конной восьмиорудийной батарееи и ракетной команды. Отряд занял без боя Ош — самый восточный город ханства и рассеял скопища Автобачи, бежавшего в Узгент. 13 сентября летучий отряд возвратился в Маргелан. Таким образом, в течение трех недель Кауфман овладел всем ханством.

22 сентября 1875 г. генерал-губернатор Кауфман заключил с ханом Наср-Эдцином договор, по которому последний признавал себя покорным слугой русского царя, обязывался выплачивать в виде дани ежегодно 500 тыс. рублей и уступал России все земли к северу от реки Нарын. Из этих земель, согласно приказу по Туркестанскому генерал-губернаторству от 16 октября 1875 г., был образован Наманганский отдел, начальником которого назначался отличившийся во время Кокандского похода генерал-майор Скобелев.

После заключения мирного договора русский отряд выступил из Маргелана и 26 сентября прибыл в Наманган.

Но вновь приобретенные земли еще не были окончательно покорены. Наср-Эдцин, заключивший договор с Россией, не в состоянии был поддерживать спокойствие в крае. Абдуррахман-Автобачи, все еще находившийся на свободе, пользовался большим авторитетом у кокандцев. Он вновь поднял восстание, центром которого стал город Андижан. Автобачи удалось свергнуть Наср-Эдцина и провозгласить ханом родственника Худояра Пулат-бека (Фулаш-бека).

Для подавления восстания 28 сентября из Намангана был выслан отряд генерал-майора Троцкого в составе 5,5 роты, конной батарееи, 3,5 казачьих сотен и четырех ракетных станков, всего 1400 человек. В Андижане скопилось около семидесяти тысяч восставших, не считая 15 тысяч кара-киргизов Пулат-бека, расположившихся вокруг города. Несмотря на такое численное превосходство противника, русскому отряду удалось 1 октября занять Андижан. Но недостаток сил не позволил Троцкому развить успех до полного разгрома восставших, как это было под Махрамом. Разрушив наполовину город, русский отряд в тот же день направился обратно в Наманган, куда прибыл 8 октября.

В конце концов, 15 января 1876 г. последовало Высочайшее

разрешение «занять остальную часть Кокандского ханства, когда Кауфман признает это необходимым»^{127}.

Тем временем Скобелев взял Андижан. У Скобелева было 9 рот пехоты, 7,5 сотен казаков, 12 орудий и ракетная батарея, всего 2800 человек. 8 января 1876 г. русский отряд штурмом овладел центральной частью города и высотой Гультюбе, где немедленно была установлена батарея. Потери русских ограничились двумя убитыми и семью ранеными (среди них один офицер). Потери же кокандцев были огромны, а сам Абдуррахман-Автобачи с большей частью своего воинства бежал в Ассаке.

Жители Ассаке быстро перешли на его сторону. Генерал Скобелев 18 января двинулся на Ассаке и, лично руководя артиллерийским огнем, уничтожил остатки кокандского войска. Это поражение наконец-то убедило Автобачи в бесполезности дальнейшего сопротивления, и 24 января он добровольно сдался русским. А 28 января русский летучий отряд поймал в горном кишлаке Учъ-Курган и другого виновника волнений в крае — Пулат-бека. Абдуррахман-Автобачи сослали в Екатеринослав, а Пулат-бека повесили в Маргелане.

Хан Наср-Эддин вернулся из России в успокоившийся Коканд и начал было уже принимать меры для утверждения своей власти, но тут Скобелев получил приказание от Кауфмана о присоединении Кокандского ханства к России. Во исполнение этого Скобелев быстро сосредоточил войска у Коканда и 7 февраля 1876 г. арестовал хана. Наср-Эддина сослали в Оренбург.

19 февраля 1876 г. Александр II издал указ о том, чтобы вновь занятую область, составлявшую до 1875 г. Кокандское ханство, включить в границы Российской империи и образовать из нее Ферганскую область.

Теперь только племя кара-киргизов оставалось непокоренным. В апреле 1876 г. генерал Скобелев занял Гульчу и разбил скопище каракиргизов у Янги-Арыка, а летом того же года предпринял экспедицию в долину Большого и Малого Алая. В результате этих действий каракиргизы были вынуждены «изъявить покорность», и в их племени было учреждено принятое для кочевников управление.

С присоединением Ферганской области территория Российской империи увеличилась на 1596 кв. миль с населением до 675 тысяч человек.

К 1877 г. туркменские степи огромным клином вдавались в русские среднеазиатские владения, разделяя Закаспийский край и Туркестан и пересекая все русские караванные пути, поэтому сообщение между Красноводском и Ташкентом приходилось поддерживать через Оренбург.

В январе 1881 г. русские штурмом взяли крепость Геок-Тепе. Через три

дня после взятия Геок-Тепе Скобелев разослал воззвание к туркменам: «Объявляю всему ахалтекинскому населению, что силою войск великого моего государя крепость ваша Геок-тепе взята и защитники ее перебиты... Войска могущественного белого царя пришли сюда не разорять жителей Ахалтекинского оазиса, а, напротив, умирить и водворить в них полное спокойствие с пожеланием добра и богатства»^{128}.

И население Ахалтекинского оазиса смирилось. Сердар Тькма и старейшины присягнули на верность Белому царю и приняли подданство России. К Александру II отправилась депутация текинцев, милостиво принятая им. «Текинцы такие молодцы, — отзывался о текинцах генерал Скобелев, — что свести несколько сотен такой кавалерии под Вену — не последнее дело»^{129}.

В феврале 1881 г. русские войска заняли Ашхабадский округ, на том кампания и закончилась. Российская империя увеличилась на 28 тысяч кв. верст.

В 1882 г. начальником Закаспийской области был назначен генерал-лейтенант А.В. Комаров. Он обратил особое внимание на город Мерв — «гнездо разбоя и разрушения, тормозившее развитие чуть ли не всей Средней Азии»^{130}, и в конце 1883 г. отправил туда штабс-ротмистра Алиханова и текинца майора Махмут-Кули-хана с предложением мервцам принять русское подданство. Поручение это было выполнено блестяще, и уже 25 января 1884 г. депутация мервцев прибыла в Ашхабад и поднесла Комарову прошение на имя императора о принятии города Мерва в русское подданство. Высочайшее согласие вскоре было поручено, и мервцы присягнули на верность русскому царю.

Любое продвижение русских войск в Среднюю Азию вызывало истерику в Лондоне и взрыв эмоций в продажной прессе — «русские идут в Индию!» Понятно, что эта пропаганда была рассчитана на британского обывателя, дабы он охотнее поддерживал военные расходы и авантюры своего правительства. Но побочным эффектом этих кампаний стало то, что индусы действительно поверили в то, что русские могут прийти и освободить их от англичан. В 80-х годах XIX века в Индии побывал известный востоковед, исследователь буддизма И.П. Минаев. В своем путевом дневнике, опубликованном только через 75 лет, он не без иронии писал: «Англичане так много и давно толковали о возможности русского нашествия, что индийцы поверили им»^{131}.

В итоге в Ташкент потянулись «просители». Так, в начале 60-х годов XIX века прибыло посольство магараджи Кашмира Рамбир Синга. Его

принял военный губернатор Черняев. Посланцы Синга заявили, что народ «ждет русских». Черняев был вынужден ответить, что «русское правительство не ищет завоеваний, а только распространения и утверждения торговли, выгодной для всех народов, с которыми оно желает жить в мире и согласии»^{132}.

Затем в Ташкент явился посланец от магараджи княжества Индур. Он представил чистый лист бумаги русским офицерам. Когда листок подогрели на огне, на нем проступили буквы. Магараджа Индура Мухамед-Галихан обращался к русскому императору: «Услыхав о геройских подвигах ваших, я очень обрадовался, радость моя так велика, что если бы я желал всю выразить ее, то не достало бы и бумаги». Послание это было составлено от имени союза княжеств Индур, Хайдарабад, Биканер, Джодхпур и Джайпур. Заканчивалось оно словами: «Когда начнутся у вас с англичанами военные действия, то я им буду сильно вредить и в течение одного месяца всех их выгоню из Индии»^{133}.

За этим посольством последовал целый ряд других. Вскоре в Ташкент прибыла новая миссия от магараджи Кашмира во главе с Баба Карам Паркаасом. А в 1879 г. начальник Зеравшанского округа принял семидесятилетнего Гуру Чаран Сингха. В переплете книги ведийских гимнов старец пронес тонкий листок голубой бумаги. Это было письмо, написанное на пенджаби, без подписи и без даты, адресованное туркестанскому генерал-губернатору. К нему обращался с призывом о помощи «верховный жрец и главный начальник племени сикхов в Индии» Баба Рам Сингх.

Подполковник Н.Я. Шнеур, путешествовавший по Индии в 1881 г., писал: «Отправляясь на остров Элефанту, на пристани ко мне обратился таможенный чиновник, предварительно громко спросив, я ли русский офицер, и сообщил, что дело в таможне улажено. Слово "русский офицер" произвело сильное впечатление на лодочников и особенно на нашего проводника. Лишь только мы высадились на остров, он с лихорадочным волнением удалил меня от прочей публики и спросил: "Скоро ли придет генерал Скобелев с русской армией?" Помня данное мне предписание быть осторожным, я ответил, что я еду из Японии и ничего не знаю, не знаю даже, куда генерал Скобелев должен идти. "Вы, конечно, этого не скажете, — ответил он, — но мы знаем, что Скобелев уже близко и скоро придет в Индию". К несчастью, дальнейший разговор стал невозможным, но и этот случайный разговор, именно потому, что он был чисто случайным, мне кажется, доказывает, что на массу индийского населения движение наше к

Ахал-теке произвело чрезвычайно сильное впечатление, и что массы именно в России видят своего будущего избавителя.

До какой степени имя "русского" пользуется обаянием в Индии, показал мне и другой случай на другой день. Назойливый продавец индийских редкостей хотел меня обмануть, но, уличенный в обмане, не краснея, утверждал свою правоту. В разговоре случайно он узнал, что я русский. Немедленно поведение его изменилось: он предлагал мне взять вещь действительно себе в убыток и со слезами упрашивал целый час, чтобы я взял или хоть простил его, так как его особенно мучило то, что русский будет считать его мошенником»^{134}.

Любопытна история принца Дулип Сингха. Он был сыном прославленного правителя крупного государства Пенджаб на севере Индии Ранджит Сингха, правившего с 1805 по 1839 г., и сам еще маленьким мальчиком в 1843 г. был провозглашен махараджей этого государства. После второй англо-сикхской войны 1848—1849 гг. он — десятилетний мальчик — был свергнут с престола англичанами и вскоре увезен в Англию, где получил образование, женился и, получая от английского правительства значительную пенсию, безбедно жил с женой и шестью детьми в своем имении в графстве Суффолк и часто бывал в Лондоне при дворе королевы Виктории, демонстрируя идиллические отношения между английским правительством и свергнутыми индийскими князьями, которых было в общей сложности несколько сот. Он даже дал уговорить себя принять христианство (англиканство).

Совершенно неожиданно для английского правительства и королевы Виктории, которая всячески опекала Дулип Сингха, именовала себя его другом и даже стала крестной матерью его первенца, он взбунтовался, потребовал возвращения отобранного у него имущества и земельных владений и, когда власти отказали ему в этом, в 1886 г. объявил о намерении вернуться в Индию. Возвращение в страну, где зрело возмущение правлением колонизаторов, сына прославленного Ранджит Сингха сулило хозяевам Индии непредсказуемые последствия. И когда Дулип Сингх вместе с семьей прибыл проездом в Индию в Аден, который был тогда английским владением, он был арестован и снят с парохода. Это еще больше укрепило желание махараджи вернуться в Индию, и он заявил, что если англичане не дают ему возможности вернуться на родину прямым путем, он вернется туда через Россию.

В конце концов Дулип Сингх поселился в Париже. Принц отрекся от христианства и вернулся к религии синхов. В Париже Дулип Сингх познакомился с русскими журналистами и генералом Е.В. Богдановичем. В

конец концов принц написал письмо Александру III с просьбой позволить ему «обрести убежище во владениях Вашего императорского величества в качестве одного из Ваших самых лояльных подданных» и просил российского журналиста М.Н. Каткова, издателя «Московских ведомостей» и «Русского вестника», передать это письмо царю.

В Россию Дулип Сингх прибыл по паспорту Патрика Кази. Известный ирландский революционер Патрик Кази предоставил ему свой британский паспорт с уже проставленной российской визой, с которой он и отправился в Россию поездом через Берлин.

Дулип Сингх надеялся получить русское подданство и, считая вооруженный конфликт между Россией и Англией неизбежным, предложил русскому правительству свою помощь в завоевании Индии: «Если бы Императорское правительство нашло удобным употребить меня в дело, то я буду служить ему без всяких видов на какое-либо вознаграждение. Одного я только позволил бы себе желать в случае счастливого освобождения Индии, допущения жить в моих родовых имениях в Пенджабе, из которых англо-индийское правительство изгнало меня, когда я еще был одиннадцатилетним ребенком, но и этого я не ставлю условием. Я желаю только посвятить остаток моей жизни интересам императора, которого верным подданным я горячо желаю стать.

Через моего близкого родственника, сердаря Тхакура-Синга, человека, хорошо известного в Пенджабе и во всей Индии, я уполномочен от большей части государей Индии прибыть в Россию и просить Императорское Правительство взять их дело в свою руку. Эти государи в совокупности располагают войском в 300 тысяч человек и готовы к восстанию, как только Императорское Правительство приняло бы решение двинуться на Британскую Империю в Индостане, если бы только при этом было дозволено мне, их представителю, сопровождать Императорскую армию и свидетельствовать о великодушии и милостивых намерениях Императора Всероссийского по отношению к ним. Дело в том, что англичане всячески озаботились распространить между крайне невежественными населенными Индия фальшивые сведения о притеснительном будто бы характере русского управления. Между тем как именно британское правительство нарушало свои торжественнейшие обязательства, когда это было ему нужно».

Однако Александр III, опасаясь протестов Лондона, не принял принца, и в ноябре 1888 г. Дулип Сингх вернулся в Париж.

Чтобы создать проблемы русским в Средней Азии, британское правительство с начала 80-х годов XIX века предпринимало попытки

втянуть в конфликт с Россией афганского эмира.

В 1883 г. эмир Абдуррахман-хан, подстрекаемый англичанами, занял Пендинский оазис на реке Муртабе. Хан уже забыл о гостеприимстве русских в бытность его в Самарканде, русские берданки и русские деньги.

Британский генерал Лемсден с отрядом из 1500 солдат проследовал из Индии в Герат, а затем часть англичан прошла через Гератские горы и заняла городок Гульлен (Гульран) в 60 верстах от нынешнего города Кушка.

Одновременно афганские войска захватили стратегически важный пункт Акрабат — узел горных дорог. Акрабат был населен туркменами, и сейчас он находится на территории Туркменистана.

Афганские войска заняли пост Таш-Кепри на реке Кушке, там, где сейчас находится город Кушка. Терпению генерала Комарова наступил предел, и он сформировал специальный Мургабский отряд для оказания отпора захватчикам. В отряде было 8 рот пехоты, 3 сотни казаков, сотня конных туркмен, саперная команда и четыре горные пушки, всего около 1800 человек.

К 8 марта 1885 г. Мургабский отряд перешел в Аймак-Джаар, 12 марта подошел к урочищу Круш-Душан, а на следующий день подошел к Каш-Кепри и остановился у русского передового поста из тридцати милиционеров на бугре Кизиль-тепе. В двух-четырёх верстах от русского отряда находились позиции афганцев под командованием Наиб-Салара. У Салара было 2,5 тысячи конников и полторы тысячи пехоты при восьми пушках.

Генерал Комаров попытался договориться с афганцами и британским офицером капитаном Иетта. Как доносил Комаров, афганцы становились все более и более дерзкими, считая, очевидно, начатые с ними переговоры за проявление слабости. Они не только укрепили свои позиции, но охватили постами расположение русского отряда и даже подъезжали близко к биваку. Чтобы покончить с этим, Комаров послал Наиб-Салару ультиматум и частное письмо, советуя не доводить дело до вооруженного столкновения.

18 марта 1885 г. в 5 часов утра русские части двинулись на афганцев. Они подошли на пятьсот шагов к неприятелю и остановились. Первыми открыли огонь афганцы. С воплями «Алла» в атаку пошла конница. Русские встретили их интенсивным ружейным и артиллерийским огнем, а затем перешли в контратаку. Как позже написал в своей автобиографии Абдуррахман-хан, едва начался бой, «английские офицеры сейчас же бежали в Герат, совместно со всеми своими войсками и свитой»^[135]. За ними кинулись бежать и афганцы. Генерал Комаров не желал ссориться с

эмиром и запретил коннице преследовать бегущих афганцев. Поэтому те отделились сравнительно легко — около 500 человек было убито и 24 взято в плен. Число раненых неизвестно, но, во всяком случае, их было много. Ранен был и сам Наиб-Салар.

Среди трофеев русских были все восемь афганских пушек и семьдесят верблюдов. Потери русских составили убитыми 9 человек (1 офицер и 8 нижних чинов) и 35 человек ранеными и контужеными (5 офицеров и 30 нижних чинов). Генерал Комаров за победу на Кушке был награжден Александром III золотой шпагой с бриллиантами. Кстати, этот бой официально считался единственным сражением в царствование «царя-миротворца».

На следующий день после победы, 19 марта 1885 г., к Комарову явилась депутация от независимых пендинских сарыков и эрсаринцев с просьбой принять их в подданство России. В результате из земель, очищенных от афганцев, был учрежден Пендинский округ.

После сражения на Кушке Россия и Англия вновь оказались на грани войны.

Английское правительство требовало, чтобы при предстоявшем разграничении Россия предоставила Афганистану Пендже и некоторые другие туркменские территории. Русское правительство отказалось выполнить эти требования, ссылаясь на то, что земли эти населены туркменами и никогда не принадлежали Афганистану.

В конце концов, в Лондоне 29 августа (10 сентября) 1885 г. русский посол Георг фон Стааль и британский статс-секретарь по иностранным делам Роберт Сесил лорд Солсбери подписали соглашение о разграничении афганских владений от Ходжа-Салеха до Герируда. По условиям этого соглашения Афганистан безоговорочно включался в зону интересов Англии. В состав Афганистана Россия соглашалась включить и ранее независимый Бадахшан, и связанный с Бадахшаном округ Вахан. Граница русской и английской сфер интересов устанавливалась по реке Амударья так, что к северо-западу от Амударьи располагалась русская зона, а к востоку, юго-востоку и югу — английская зона.

Более подробное разграничение земель вошло в русско-английский протокол от 10 (22) июля 1887 г., подписанный в Петербурге директором Азиатского департамента И.А. Зиновьевым и полковником Уэстом Риджуэем.

В этих соглашениях Россия сделала большую уступку Англии: был зафиксирован ее протекторат над Афганистаном. Напомню, что в январе 1873 г. князь Горчаков и английский премьер Уильям Гладстон

договорились считать Афганистан «нейтральной зоной». Мало того, спорные земли в районе Амударьи, населенные туркменами, отходили к Афганистану. К 1970 г. этих туркмен насчитывалось около трехсот тысяч человек, и они составляли 2% от населения Афганистана.

Соглашения 1885 и 1887 гг. лишь временно и ненадолго сгладили конфликт между Англией и Россией в Средней Азии. Англичане тянули железные дороги на север Индии. Несколько раз они собирались их строить даже на территории Афганистана, но так до сих пор (на 2009 г.) и не построили.

В свою очередь, Россия также начала интенсивно строить железные дороги в Средней Азии. Так, строительство Закаспийской железной дороги было начато с прибытием в Красноводск генерала Скобелева. К 4 октября 1880 г. железнодорожный путь был уложен от Красноводска до Муллакары, на протяжении 22,5 версты, а к началу января 1881 г. — уже до 115-й версты. В 1885 г. железная дорога достигла Ашхабада, в 1886 г. — Чарджуй, а в 1888 г. — Самарканда.

Российские железные дороги были протянуты и к главным портам Каспийского моря. В 1883 г. вошла в строй линия Поти — Баку, а в мае 1894 г. Ростов-на-Дону был соединен с Петровском.

В 1885 г. принято решение о создании Амударьинской флотилии, просуществовавшей до 1917 г. Первые больше пароходы «Царь» и «Царица» водоизмещением в 165 т были построены в 1887 г. в Петербурге и в разобранном виде доставлены на Амударью. Навигацию они начали в 1888 г. В 1895—1901 гг. были введены в строй еще четыре парохода, два паровых катера и девять барж. Любопытно, что с самого начала все пароходы флотилии работали на нефти. Это была первая русская флотилия, переведенная на жидкое топливо. К примеру, на Черноморском флоте к 1905 г. на нефть, да и то частично, был переведен только один корабль (броненосец «Ростислав»).

Кушка — самая южная точка Российской империи — стала важным опорным пунктом для борьбы с Англией. Кушка была превращена в крепость. 30 мая 1893 г. там сформировали отдельную крепостную артиллерийскую роту, а к 1 февраля 1902 г. там было уже три крепостных артиллерийских роты. К этому времени вооружение крепости состояло из 26 легких полевых пушек (обр. 1877 г.), десяти 6-дюймовых (152-мм) полевых мортир и шестнадцати полупудовых (152-мм) гладких мортир обр. 1838 г. Вооружение это не шло ни в какое сравнение с западными крепостями России, такими, как Ивангород или Брест, но крепостной артиллерии Кушки хватало против всей артиллерии Афганистана.

Но в Кушке было сосредоточено и отделение осадного артиллерийского парка в составе шестнадцати 6-дюймовых (152-мм) осадных пушек в 120 пудов, 16 легких полевых пушек (обр. 1877 г.), четырех 8-дюймовых (203-мм) полевых легких мортир и 16 полупудовых гладких мортир. На случай войны с Афганистаном нужды в тяжелых 6-дюймовых пушках и 8-дюймовых мортирах не было. Эти орудия предназначались для индийских крепостей.

В 1900 г. Кушка через Мерв была соединена с Закаспийской железной дорогой, а в 1906 г. вступила в строй стратегическая железная дорога Оренбург — Ташкент (1852 км). До Оренбурга железная дорога была доведена еще в 1877 г. Таким образом, Россия гораздо проще и быстрее могла перебросить в Афганистан и Северную Индию личный состав и артиллерию, нежели Англия из своей метрополии.

Глава 20

СПОР О «КРЫШЕ МИРА»

Демаркация западного участка северной границы Афганистана была закончена русско-английским соглашением, подписанным 10 (22) июля 1887 г. в Петербурге. Но восточный участок северной границы Афганистана был по-прежнему не определен. Тут Афганистан граничил с Памиром, который окружавшие его племена именовали «крышей Мира». Разумеется, граница была условной, и никто никогда не занимался ее демаркацией.

Высокогорный район Памира с его суровым климатом сам по себе никогда не интересовал завоевателей. В долинах Памира проживало около 2,5 тысячи таджиков и около 18 тысяч кара-киргизов. И те, и другие были мусульманами, но таджики относились к шиитам, а киргизы — к суннитам.

К концу XIX века Памир приобретает важное стратегическое значение, поскольку через его перевалы можно было попасть в Кашгарию, Афганистан и Индию.

Впервые русские генералы поднимают вопрос о присоединении Памира в 1876 г. в связи с окончательным покорением Кокандского ханства, в число владений которого формально входил и Памир. Однако в связи с началом русско-турецкой войны решение этой проблемы было отложено.

С начала 80-х годов XIX века англичане под видом научных экспедиций стали посылать на Памир своих эмиссаров и разведчиков. В свою очередь, Военное ведомство в 1888 г. отправило туда свою экспедицию под командованием капитана Громбчевского. Примеру англичан последовали и китайцы, выставив свои посты в долинах озер Рангкуль и Яшилькуль. Но вскоре туда прибыли войска афганского эмира, оттеснившие китайцев к Рангкулю. В 1890 г. в Кашгар из Индии прибыла английская миссия, официально для учреждения в этом городе консульства, а неофициально для переговоров с китайскими властями о разделе Памира.

Русское правительство не могло допустить, чтобы этот стратегический район был поделен между Англией и Китаем, и приняло решение немедленно занять Памир. Для этого в Маргилане был сформирован специальный отряд, состоявший из охотников (добровольцев) из 2, 7, 15, 16 и 18-го Туркменских линейных батальонов и 24-х казаков из 6-го Оренбургского полка. Всего в отряде было 8 офицеров и 114 рядовых под

командованием полковника Ионова.

Ионову было приказано прекратить «хозяйничанье» китайцев и афганцев на Памире, указать на его принадлежность России, по возможности избегать столкновений и производить геодезические съемки. Преодолев с огромными трудностями перевал Тенгиз-Бай (в Алайском хребте), отряд двинулся правым берегом реки Кызыл-Суу и перешел ее вброд напротив урочища Бордаба. Отсюда 10 июля 1890 г. отряд выступил через перевал Кызыл-Арт и 12 июля был на реке Музкол. Здесь отряд разделился: казаки с полковником Ионовым пошли на перевал Уз-Бель и озеро Ранкуль, а пехота с вьюками пошла на перевал Акбайтал. Затем пехота по реке Акбайтал вышла в долину реки Оксу, а оттуда в долину реки Аличур, где и остановилась, охотясь и производя рекогносцировки, пока Ионов с казаками объезжал районы, принадлежавшие к Гиндукушу

От озера Ранкуль Ионов отправился по реке Оксу к Ак-Ташу, затем 21 июля через перевал Беик вышел в долину реки Карачукура, поднялся по реке на перевал Вахджир и к 25 июля достиг Базаи-Гумбеца. У перевала Беик русские арестовали английского лейтенанта Девинсона и отправили его под конвоем в Маргелан. А у Базаи-Гумбеца был арестован английский капитан Юнгхесбенд, с него Ионов взял письменное обязательство покинуть Памир и более здесь не появляться.

После этого Ионов с казаками через перевал, названный его именем, перешел на южную сторону Гиндукуша и через перевал Болро-гиль вернулся обратно в долину Вахандарьи к селению Сархад. Отсюда Ионов направился в долину реки Памир и 11 августа, выйдя через перевал Хзаргош в долину реки Аличур, соединился с пехотой у озера Яшилькуль, откуда и двинулся в обратный путь, в город Ош.

Отряд во время своего движения убедился, что население колеблется относительно своего подданства, и поэтому действовал тут как на территории, бесспорно принадлежащей России — расставлял пограничные знаки, утверждал беков и т.д. Но после ухода русского отряда китайцы и афганцы опять начали хозяйничать в долинах рек Оксу и Аличур, что вынудило туркестанскую администрацию опять отправить в 1892 г. на Памир отряд под началом полковника Ионова.

Отряд был значительно увеличен. В его составе имелись 4 пехотные роты добровольцев, 3 сотни казаков из 6-го Оренбургского полка, двухорудийный взвод Туркестанской конно-горной батареи и команда саперов.

2 июня 1892 г. отряд Ионова выступил из Маргилана и 17 июня прибыл к озеру Ранкуль, где находился китайский отряд, бежавший при

приближении русских войск. 27 июня отряд встал биваком на берегу реки Мургаб (Оксу) около слияния ее с рекой Акбайтал вблизи урочища Шаджан. Здесь Ионов получил сведения о нахождении афганского поста у впадения реки Аличур в озеро Яшилькуль и о готовящемся нападении китайской конницы на русский отряд в случае его движения к озеру.

Ионов решил действовать, он сам выступил против афганцев, а капитана Скерского выслал против китайцев. Скерский выбил китайцев из укрепления Ак-Таш в верховьях реки Оксу, а Ионов, после рукопашной схватки 12 июля, уничтожил афганский пост у Сума-Таша около озера Яшилькуль в долине реки Аличур.

25 июля Ионов двинулся в обратный путь на Мургаб (Оксу). Здесь, на месте прежнего бивака, он заложил укрепление и выслал капитана Скерского с полусотней казаков для рекогносцировки отдаленных районов Памира, где снова появились китайцы.

25 августа Ионов отправился обратно в Фергану, оставив в новом укреплении Шаджанский отряд (160 человек пехоты и 40 казаков) капитана Кузнецова. Кузнецов успокоил китайцев относительно неприкосновенности их территории и наладил с ними дружеские отношения.

Зима 1892/93 г. прошла спокойно. Весной 1893 г. афганцы начали стягивать войска к границам Бухары и производить рекогносцировки в Шигнани и Рушани, собирая с местного населения незаконную подать. Для прекращения произвола афганцев в этот район был послан штабс-капитан Ванновский с двумя офицерами и десятью нижними чинами. Афганцы бежали при появлении команды Ванновского.

В начале 1894 г. на Памир были отправлены подкрепления под командой уже знакомого нам полковника Иопова. В мае 1894 г. Ионов получил сведения о появлении вооруженных афганцев в Шигнани и Рушани и немедленно отправил туда два отряда: подполковника Юденича — по реке Гунт и капитана Скерского — по реке Шахдаре, до впадения обеих рек в Пяндж. В ту же сторону был выслан казачий разъезд капитана Александровича.

Шахдаринский отряд (12 человек пехоты, 20 казаков, 2 орудия) 22 июля прибыл к границе Шигнани, где был радостно встречен местным населением во главе с сыном правителя, присоединившимся к отряду. Однако, подойдя к крепости Рош-Кала 28 июля, отряд был встречен огнем. 31 июля Скерский направил к крепости два отряда, и афганцы покинули Рош-Кала и отошли на 12 верст от бивака русских.

К афганцам подошло подкрепление, но и к отряду Скерского подошла команда капитана Эттингена, у которого было 60 пехотинцев, 12 казаков и

пара пусковых станков с 32 осколочно-фугасными ракетами.

С 4 по 8 августа 1894 г. афганцы несколько раз пытались атаковать русских, но каждый раз, попадая под огонь, они отступали. 9 августа афганцы скрытно ушли и через десять дней уже были в пределах владений своего эмира.

Наряду со смелыми действиями русских пехотинцев и казаков следует отметить и блестящую работу расчетов горных орудий и ракетных команд. Чего стоит только переход конно-горной батареи через перевал Акбайтал на высоте 4593 м над уровнем моря. Сейчас далеко не каждый альпинист может похвастаться покорением таких высот, а тут простые солдаты без всякого снаряжения тащили на себе и коней, и пушки.

К концу 1894 г. Памир был окончательно очищен от китайцев и афганцев. Успешные операции русских войск заставили британское правительство вступить в переговоры с Россией.

27 февраля (11 марта) 1895 г. в Лондоне посол России Георг фон Стааль и министр иностранных дел Великобритании лорд Кимберли обменялись нотами по вопросу ограничения подвластных им территорий в Средней Азии. В историю дипломатии этот обмен нотами вошел как «Третье русско-английское соглашение по Средней Азии». (Первое состоялось в 1872—1873 гг., а второе в 1885—1887 гг.).

Условиями «третьего» соглашения были:

1. Соглашение определяло восточный (бухарский) участок северной границы Афганистана.

2. Сферы влияния России и Англии на восток от озера Зоркуль разделялись пограничной чертой, которая шла от точки на восточной оконечности озера Зоркуль по гребню горной цепи до перевала Орта-Бель, а оттуда далее на восток, примерно чуть южнее параллели озера Зоркуль, затем пограничная черта поворачивала к пункту Кызыл-Рабат, лежащему на реке Оксу, а оттуда далее на восток до смыкания с китайской границей.

3. Река Пяндж становилась пограничной рекой между Афганистаном и Бухарой, между сферой английских и российских интересов. С этой целью Афганистану отошли бухарские владения к югу от Аму-дарьи, на левом берегу реки Пяндж (округ Дарваз), а к Бухаре присоединились таджикские округа Рушан и Шигнан, а также часть Вахана, лежащая на правом берегу Пянджа.

4. Остальная часть Вахана, лежавшая выше впадения реки Памир в реку Пяндж, так называемый Вахандарья, остался за Афганистаном. Тем самым Россия отделилась узкой полоской афганских владений от Гиндукуша, сохранявшегося безусловно в сфере владений Великобритании.

5. Эта полоска между Гиндукушем и русско-афганской границей, хотя и входила в сферу влияния английских интересов, не была присоединена к владениям Британии, а осталась афганской и на ней не разрешалось возводить ни военных постов, ни укреплений.

6. Установленная соглашением пограничная черта должна быть демаркирована Смешанной русско-английской комиссией погранично-технического характера с участием представителя эмира Афганистана.

7. Обе стороны обязались не вмешиваться в политические дела сферы другой стороны: то есть Россия — к югу от разграничительной линии, а Англия — к северу от разграничительной линии.

Демаркация границы на местности была проведена в июле 1895 г. Пограничный столб № 1 установили на восточном берегу озера Зоркуль.

Таким образом, часть Памира отошла к Афганистану, часть — к России, а часть — к Бухарскому эмирату. Однако власть бухарского эмира в своей части владений была фиктивной. Фактически и русский, и бухарский Памир находились в ведении начальника памирского отряда, пользовавшегося по отношению к населению правами начальника уезда и подчиненного по исполнению своих административных обязанностей военному губернатору Ферганской области.

Русский отряд на Памире состоял до 1917 г. из нескольких сотен пехотинцев и нескольких десятков казаков, взятых из состава частей Туркестанского военного округа. Из-за суровых климатических условий личный состав отряда ежегодно менялся. Первоначально штаб-квартирой отряда служил Памирский пост на реке Мургаб, а затем — урочище Хорог, расположенное при впадении реки Гунта в Пяндж.

Таким образом, в 1895 г. была окончательно установлена южная граница России, которая позже стала границей СССР и просуществовала до 1991 г.

Глава 21

КАК «ПРОСВЕЩЕННЫЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ» ОКАЗАЛИСЬ В ТИБЕТЕ

С 1720 г. Тибет считался вассальным владением Поднебесной империи. Однако политические и экономические связи его с Китаем были относительно слабыми. Фактическим правителем Тибета был духовный лидер буддистов далай-лама.

К 60-м годам XIX века англичане заняли господствующее положение в Гималайских княжествах — Непале, Бутане и Сиккиме, после чего «просвещенные мореплаватели» обратили свое внимание на Тибет. В 1866 г. лорд Дэферин снарядил в Тибет «торговую» экспедицию Кольмана Маколея. Надо ли говорить, что в составе экспедиции хватало и офицеров, и разведчиков. Однако экспедиция Кольмана застряла в Сиккиме из-за противодействия китайских властей.

Вскоре возник пограничный конфликт между Сиккимом и Тибетом. В 1888 г. в Сикким были введены британские войска, которые вытеснили тибетцев в долину Чэмби. Английские войска заняли находящийся на сиккимо-тибетской границе город Гангток. Состоявшееся вскоре после этого, в 1890 г., соглашение с Китаем об установлении английского протектората над Сиккимом, а также заключенный в Дарджилинге в 1893 г. англо-китайский договор о торговле с Тибетом не удовлетворили англичан. По их мнению, тибетцы игнорировали этот договор, взимали с индийских купцов произвольные пошлины и всячески затрудняли торговые сношения с Индией. Англичане неоднократно обращались по этому поводу к китайскому правительству, но безрезультатно. Китайцы ссылались на свое слабое влияние в Тибете, а тибетцы — на приказания китайских властей. В 1901 г. лорд Керзон попытался вступить в переговоры с далай-ламой, но получил свое письмо обратно нераспечатанным.

Между тем русское Военное ведомство внимательно следило за проникновением англичан в Тибет. В свою очередь, Министерство иностранных дел старалось парализовать активность военных в Тибете. Поэтому для начала в Тибет было организовано несколько экспедиций под эгидой Императорского русского географического общества. Экспедициями

руководили Пржевальский, Роборовский и Козлов.

Одним из энтузиастов русского проникновения в Тибет стал надворный советник Петр Александрович Бадмаев, бурят по национальности^[40]. Бадмаев с 1871 по 1875 г. учился в Петербургском университете на факультете восточных языков по китайско-монголо-маньчжурскому разряду, затем служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

23 февраля 1893 г. Бадмаев подал Александру III записку о задачах русской политики на азиатском востоке. В записке рассматривалась возможность присоединения к империи Монголии и Тибета. Бадмаев писал: «Буддисты считают белого [т.е. русского. — А.Ш.] царя перерожденцем одной из своих богинь Дара-эхэ — покровительницы буддийской веры. Она перерождается в белого царя для того, чтобы смягчить нравы жителей северных стран. Легендарные сказания имеют гораздо более значения в этих странах, чем действительные явления». А далее следовал пассаж: «Русский царь — идеал для народов Востока»^{136}.

Александр III наложил на записку собственноручную резолюцию: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха»^{137}.

В 1898—1899 гг. Бадмаев под видом ламы побывал в столице Тибета Лхасе. Однако русским резидентом в Лхасе стал не он, а другой бурят — Агван Доржиев. В 1888 г. тибетская Брабунская мистическая академия присвоила 33-летнему монаху Агвану титул Цанид-Хамбо-лама. С этого момента ему в обязанности вменялись упражнения по богословию с далай-ламой и проведение с монархом философских диспутов. В конце концов, Доржиев откровенно рассказал о своей миссии далай-ламе XIII. Глава Тибета благосклонно отнесся к идее союза с Россией и в 1898 г. отправил Доржиева в Петербург с секретной миссией.

В 1901 г. далай-лама отправляет новую миссию в Россию. В Петербурге тибетский посланец ведет переговоры с представителями МИДа, переводчиком им служит подъесаул Н.Э. Уланов, калмык по национальности, хорошо владевший тибетским языком и знавший буддийские обычаи и обряды.

О русско-тибетских переговорах стало известно англичанам, и они решили вторгнуться в Тибет. Для начала в июне 1903 г. была снаряжена дипломатическая миссия полковника Ионгхэсбенда. Переговоры начались в местечке Камба-Дженг на тибетской территории.

Одновременно с этим британское правительство решило направить в

Тибет войска, чтобы силой оружия принудить тибетцев выполнять английские требования. Дипломатическое руководство экспедицией было возложено на полковника Йонгхэсбенда, а командование войсками — на генерала Макдональда. В отряд входили 23-й и 32-й пионерные и 8-й гусарский полки, пулеметная команда Норфолькско-го английского полка и команда мадрасских саперов, всего около трех тысяч человек.

В ноябре 1903 г. англо-индийский отряд сосредоточился в Секкиме и 1 декабря через перевал Джелепля вступил в Тибет. Главные силы отряда остались в долине Чэмби, а авангард (в составе четырех рот и пулеметной команды) выдвинулся на Пари-Джонг и далее, через перевал Танг-ля, к урочищу Туна, на главное Тибетское плато. В этом положении отряд пробыл до апреля 1904 г., укрепляя свои коммуникации.

В Туне английские войска пришли в соприкосновение с тибетскими войсками, стоявшими лагерем в Гуру, у озера Бамцо. Попытки столковаться с тибетскими вождями не привели к положительным результатам. К 17 марта весь английский отряд сосредоточился у Туны, а на следующий день продвинулся к Гуру. Там англичане атаковали тибетский отряд. После непродолжительного, но упорного боя тибетские войска, потеряв около шестисот человек, отошли к северу.

Английский отряд продолжал наступление и 29 марта занял Джиантзе. Тут англичане простояли до лета, периодически пытаясь возобновить переговоры с далай-ламой, поджидая подкреплений и устраивая здесь промежуточную базу на случай необходимости дальнейшего наступления.

Тибетцы периодически беспокоили англичан, что обернулось рядом боевых столкновений. 21 апреля тибетцы напали на английский лагерь в Джиантзе. 22 апреля отряд полковника Брандера штурмовал перевал Кароля, а 13 мая этот же отряд, после упорного рукопашного боя, занял селение Пала. 25 мая тибетцы напали на пост Кангма, а 13 июня штурмовали тибетский монастырь в Джиантзе.

Англо-индийский отряд в Джиантзе был усилен новыми частями и доведен до 4 батальонов пехоты (4 туземных и 1 английского), 2 саперных рот, 2 горных батарей и роты конной пехоты, всего 4600 человек при 12 орудиях. Численность тибетского войска, выступившего против англичан, достигала 12 тысяч человек. Многие тибетцы были вооружены фитильными ружьями.

1 июля англо-индийский отряд возобновил наступление. В этом наступлении приняли участие 21 рота пехоты, две роты конной пехоты, восемь горных орудий, рота саперов и пулеметная команда. В Джиантзе остался гарнизон в составе 23-го пионерного полка.

Во время своего движения до Лхасы англо-индийский отряд не имел ни одной стычки с тибетцами. 5 июля в Нагартзе-Джонг отряд встретили тибетские представители, выехавшие из Лхасы для переговоров. Но соглашения достичь не удалось, и отряд продолжил свое движение. 18 июля англо-индийский отряд переправился на пароме через реку Брахмапутру, а 21 июля отряд подошел к Лхасе и разбил лагерь под городом.

Узнав о приближении англичан, далай-лама бежал на север в сопровождении Агвана Доржнева, врача, трех придворных и восьми человек прислуги. Вскоре далай-лама прибыл в Ургу (Монголия), где остановился в буддийском монастыре Гандан.

После бегства далай-ламы полковник Ионгхэсбенд вступил в переговоры с китайским резидентом (амбанем). Заручившись поддержкой китайского правительства, Ионгхэсбенду удалось склонить тибетские власти к подписанию мирного договора, которое состоялось 25 июля 1903 г. Сущность договора заключалась в следующем: тибетцы обязуются исполнять условия англо-китайского договора 1893 г.; обеспечивается свобода индо-тибетской торговли; Тибет выплачивает англичанам в течение 75 лет контрибуцию в размере 7,5 млн. рупий; в обеспечение этой уплаты англичане временно занимают долину Чэм-би; наконец, англичане гарантируют Тибету неприкосновенность его владений.

Вскоре после заключения этого договора англо-индийский отряд покинул Лхасу и вернулся в Индию. В Джиантзе остался британский торговый агент и при нем пятьдесят человек конвоя, а в долине Чэм-би — гарнизон из пяти рот пехоты.

Вступление британских войск в Тибет вызвало серьезное беспокойство как в Пекине, так и в Петербурге. Оба правительства начали неофициальные переговоры с далай-ламой, находившимся в Монголии.

Чтобы прояснить обстановку и по возможности поддержать антибританские элементы в Тибете, русское Военное ведомство решило отправить в Тибет секретную миссию.

В январе 1904 г. Николай II получил секретную записку от военного министра генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина. Там говорилось: «3-го сего января вашему Императорскому Величеству благоугодно было соизволить на командирование весьма секретно в Тибет для сбора сведений об этой стране прикомандированного к Главному управлению казачьих войск Первого Донского казачьего полка подъесаула Уланова, сроком приблизительно на один год в сопровождении штатного гелюна^[41] Потаповской станицы Войска Донского Дамбе Ульянова и переводчика той

же станции Лиджи Шарапова.

Для сохранения в тайне сего командирования полагалось бы по бывшим примерам уволить подьесаула Уланова в отставку под рубрикой "по домашним обстоятельствам" с условием обратного приема на военную службу по окончании командировки и с зачетом проведенного в ней времени за действительную службу с сохранением всех прав.

Вызываемый сей командировкой расход в сумме 13 840 рублей полагалось бы отнести на суммы запасного кредита Канцелярии Военного Министерства.

Кроме того, подьесаулу Уланову полагалось бы отпустить для вооружения его, спутников его, а равно для подарков 5 винтовок казачьего образца и 8 трехлинейных револьверов с надлежащим количеством патронов.

Испрашивается: благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству соизволить на изложенное?

Генерал-адъютант Куропаткин»^{138}.

Николай II придавал столь важное значение этой экспедиции, что даже 13 января 1904 г. записал в дневнике: «В 3 часа принял двух донских калмыков — офицера Уланова и ламу Ульянова, которые отправляются в Тибет...»^{139}. На приеме Николай, не мудрствуя лукаво, приказал Уланову «разжечь тибетцев против англичан». Царь отдал приказ держать экспедицию в строжайшей тайне от... своего министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа. Замечу, что это был не первый и не последний случай, когда царь внешнеполитические дела вел за спиной своих министров иностранных дел.

В октябре 1904 г. разведгруппа прибыла в город Кульджа в Синьцзяне. Далее группа переделась в одеяния буддийских монахов и стала изображать из себя паломников. По пути умер подьесаул Уланов, и руководство группой взял на себя Ульянов.

Группа прибыла в Лхасу в двадцатых числах мая 1905 г. «Паломников» встретили с большим почтением, приняв Ульянова за Великого Хубильгена или генна (высшего представителя буддийского духовенства). На поклон к нему стали приходиться и местные жители, и иностранные паломники.

Ульянов вступил в тайные переговоры с голданом Гива-Рамбуче, который правил страной в отсутствие далай-ламы. Рамбуче рассказал, что после прошедших антианглийских народных выступлений англичане ушли из Лхасы, но он опасается, что они могут вернуться. Рамбуче считал, что англичан больше сдерживала негативная реакция других стран на их

вторжение, чем противодействие народа, который все равно не мог оказать им серьезного сопротивления. Рамбуче также высказал свое мнение о том, что отношение населения и лам к далай-ламе не изменилось, тибетцы продолжали считать его своим духовным вождем. Рамбуче сам с нетерпением ждал возвращения далай-ламы, но ситуация в Тибете оставалась пока нестабильной из-за опасности вторжения англичан.

Группа пробыла в Лхасе три месяца и 15 августа 1905 г. отправилась обратно.

Информация Ульянова о ситуации в Тибете вызвала особый интерес в МИДе и в Военном ведомстве. В это время русская дипломатия вела тонкую работу с целью остановить английскую экспансию в Тибет и создать условия для укрепления позиций России в Китае. В проводившихся в то время дипломатических ходах вопрос о времени возвращения далай-ламы в Тибет стоял не на последнем месте. Контакт с ним поддерживался постоянно. В Петербург часто приезжал его представитель Доржиев.

В марте 1906 г. Военное министерство предложило далай-ламе вернуться в Тибет. Тот попросил усилить ему конвой, состоящий из казаков-бурят, поскольку путешествие предстояло дальнее и опасное. Эта просьба была удовлетворена. Но вопрос о конвое был настолько деликатным, что несколько раз обсуждался министром иностранных дел и военным министром с самим царем. Было опасение, что китайские власти увеличение конвоя для сопровождения далай-ламы воспримут как недоверие к ним и заподозрят русское правительство в наличии каких-то особых планов решения тибетского вопроса.

Одновременно далай-лама просил русское правительство отправить в Лхасу две научные экспедиции, которые в случае необходимости смогут укрыть его и переправить в безопасное место. Еще далай-лама предлагал разместить на территории Монголии недалеко от тибетской границы подразделение из казаков-бурят, одетых в обычную одежду — для связи с русскими представителями и оказания далай-ламе в случае необходимости вооруженной поддержки.

Вскоре началась подготовка двух «научных» экспедиций для отправки в Тибет. Одной командовал капитан Козлов, второй — ротмистр Козаков.

В декабре 1906 г. далай-лама отбыл из Монголии. Вначале он поселился на территории Китая в монастыре Гумбут в окрестностях Синина, вблизи тибетской границы, а затем переехал в Лхасу.

Активность России в тибетском вопросе произвела определенное действие на Лондон. В итоге в рамках общего четвертого русско-английского соглашения о разграничении сфер влияния в Средней и

Центральной Азии, подписанного 18 (31) августа 1907 г. в Петербурге, по Тибету было принято компромиссное решение.

В пункте 1 соглашения говорилось: «Обе стороны обязуются воздерживаться от всякого вмешательства в дела Тибета и сноситься с ним только через правительство Китая, исключая случаи, предусмотренные для Англии по ее соглашению с Китаем от 1904 и 1906 гг.», а в пункте 2: «Англия и Россия воздержатся от посылки своих диппредставителей в Лхасу». В приложении к соглашению, касающемуся Тибета, говорилось: «Англия прекратит оккупацию долины Чэмби в Тибете, когда получит от Китая три вноса по 25 млн. рупий каждый, а тибетские власти откроют тибетский рынок для Англии. Если это дело с урегулированием задержится, то Англия обменяется по этому поводу мнениями с Россией и проинформирует ее о ситуации»^{140}.

Кроме того, английское правительство попросило Россию не посылать в Тибет и не разрешать доступа туда в течение трех лет никаких русских и других научных экспедиций. Правительство России дало согласие на эту просьбу.

Как видим, в ходе переговоров Англии удалось выторговать для себя кое-какие уступки, но главная цель русской дипломатии — признание Тибета частью Китая — была достигнута.

Глава 22

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Правление королевы Виктории длилось 64 года. «Викторианскую эпоху» многие историки считают золотым веком Англии. Супруг королевы Альберт Саксен-Кобургский не играл особой роли в государственных делах, зато роль Виктории в управлении империей была куда больше, чем у ее предшественников.

В 1861 г. Виктория овдовела и больше замуж не вышла. При дворе сплетничали о ее связи с лакеем Джоном Брауном, которого она называла «самым близким другом». Близкие Виктории его терпеть не могли, особенно старший сын Альберт Эдуард. Браун регулярно докладывал королеве об их поведении. Первое, что сделал Альберт Эдуард, став королем Эдуардом VII, — это распорядился снести сооруженный Викторией памятник Джону Брауну.

У Виктории и Альберта родилось 9 детей. Из них интерес для нас представляют четверо.

Дочь Виктория Адельгейда вышла замуж за германского императора Фридриха III. Их сын и, соответственно, внук Виктории стал германским императором Вильгельмом II.

Сын Эдуард после смерти Виктории стал королем Эдуардом VII (1901-1910).

Сын Альфред герцог Эдинбургский, он же герцог Сакен-Кобург-Готтский, женился на великой княжне Марии, дочери царя Александра I, а их дочь Виктория Мелита во второй раз вышла замуж за великого князя Кирилла Владимировича, который в эмиграции провозгласил сам себя императором всероссийским.

Но наибольший интерес для нас представляет дочь Виктории Алиса.

1 июля 1862 г. в летней резиденции королевы Виктории на острове Уайт состоялась свадьба ее дочери Алисы с Людвигом герцогом Гессенским.

Людвиг был ничем не выдающейся серой личностью, а Великое герцогство Гессен по площади не превышало хорошего уезда в Рязанской губернии. Тем не менее Виктория собиралась церемонию бракосочетания провести с большой помпой, но смерть принца-консорта Альберта внесла грусти на эту церемонию. Бракосочетание проводилось не в церкви, а в

банкетном зале, наскоро превращенном в часовню, мать же невесты — королева Виктория — появилась на свадьбе в траурном платье. Братья и сестры невесты плакали в продолжение всей церемонии бракосочетания. После свадьбы родители жениха выразили Виктории свои соболезнования, а архиепископ не скрывал своих слез. Фактически свадьбы не было. Брачная церемония больше напоминала траурную — безутешно рыдающие родственники невесты, королева-вдова в траурном платье. Сама Виктория потом вспоминала: «Свадьба Алисы больше походила на похороны».

Когда Алиса выходила замуж за герцога Людвига, Гессен был независимым княжеством. А в 1866 г., с началом австро-прусской войны, Гессен вошел в состав Австрии. 29-летний Людвиг сражался против пруссаков, командуя всей гессенской кавалерией (несколько сот сабель). После разгрома Австрии Гессен потерял свою независимость и был принужден выплатить Пруссии большую (для столь малого княжества) контрибуцию.

После поражения в войне 1866 г. к политическим унижениям прибавилась... бедность. «Выйдя замуж, Алиса принесла тридцать тысяч фунтов стерлингов приданого, но эта сумма наряду с большей частью личного состояния великого герцога ушла на строительство нового дворца в Дармштадте. Принцесса была вынуждена уволить часть прислуги и отказаться от намерений нанять новую. Она писала матери: "Приходится жить так скромно — мы никуда не ходим, мало кого видим — для того чтобы немного сэкономить... Мы продали четырех ездовых лошадей, осталось всего шесть. Две из них постоянно нужны придворным дамам для выездов в театры, поездок с визитами и так далее, так что нам порой приходится туго".

Как-то, в 1876 году, Алиса обратилась к матери с просьбой разрешить ей провести пару ночей в Букингемском дворце перед поездкой в Балморал — королевский замок, расположенный в Шотландии. Но королева ответила дочери отказом, заявив, что это слишком хлопотно для нее. Алисе пришлось признаться, что у нее нет иного выбора: она не состоянием платить за гостиницу»^{141}.

К бедности прибавились и постоянные конфликты с мужем. Неудачное замужество и неблагоприятное окружение в Дармштадте начали сказываться на характере Алисы. Все чаще ее охватывали приступы меланхолии, случались нервные срывы, перемежавшиеся с периодами физического истощения и недугами. Ее здоровье неуклонно ухудшалось.

Не на пользу здоровью Алисы было и то, что в течение первых двенадцати лет замужества она родила семерых детей. Самая старшая,

Виктория, родилась в 1863 г., потом, в 1864 г. родилась Елизавета (Элла), Ирена — в 1866 г., Эрнст Людвиг — в 1868 г. и Фридрих Вильгельм (Фритти) — в 1870 г. В 1872 г. родилась Алиса, будущая императрица Александра Федоровна, и, наконец, в 1874 г. появилась на свет Мария Виктория, прожившая всего 4 года.

После смерти сына Фритти великая герцогиня большую часть времени проводила в постели. С детьми, особенно с младшей Алисой, она говорила в основном о Боге, о смерти и о встрече с умершими близкими в загробном мире.

Лето 1878 г. Алиса с выводком детей, включая Алису-младшую, провела в Англии. Грозный кризис 1878 г. не произвел на них никакого впечатления. Скорей всего, они толком ничего не знали о нем. Зато 8 сентября 1878 г. обе Алисы стали свидетельницами столкновения двух пароходов на Темзе. Колесный пароход «Алиса» перевернулся и затонул, погибло свыше 600 пассажиров. И мать, и дочь сочли это недобрым предзнаменованием.

И, увы, оно оправдалось 13 декабря того же года — Алиса-старшая умерла от дифтерии. Причем в тот же день исполнилась семнадцатая годовщина смерти ее отца принца-консорта. Тут и взрослый здоровый человек может удариться в мистику, а каково было шестилетней девочке, с детства напичканной мистическими историями.

Бабушка Виктория забрала к себе на несколько лет маленькую Алису. Летом Алиса по несколько недель жила в Осборн-хаусе — резиденции на берегу залива Солент напротив острова Уайт, зимой — в Виндзорском замке недалеко от Лондона. Самым же любимым местом пребывания Алисы был королевский дворец Балморал, построенный в 1855 г. Дворец был построен с учетом пожеланий принца Альберта и имел милый его сердцу вид старинного немецкого замка.

Весной 1884 г. старшая сестра Алисы принцесса Виктория вышла замуж за своего кузена принца Луи Батгенбергского. Вскоре и принцесса Елизавета (Элла) обручилась с великим князем Сергеем Александровичем. Помолвка должна была состояться в Петербурге, и туда ожидалось прибытие всей семьи невесты. Вместе со всеми в Россию поехала и двенадцатилетняя Алиса. Красота города на Неве и грандиозность свадьбы поразили девочку. Уже тогда она обратила внимание на шестнадцатилетнего наследника престола. В свою очередь, цесаревич Николай 8 июня 1884 г. записал в своем дневнике: «Встретили красавицу невесту дяди Сережи, ее сестру и брата. Все семейство обедало в половине восьмого. Я сидел рядом с маленькой двенадцатилетней Аликс, и она мне

страшно понравилась».

Эта фраза кочует из книги в книгу. Вот, мол, настоящий рыцарь в 16 лет влюбляется и пронесит любовь через всю жизнь. Но, увы, после этого пассажа в дневнике наследника стоит не точка, а запятая, а дальше: «...Элла еще больше». Естественно, что не слишком умному, но уже сексуально озабоченному мальчику понравилась больше двадцатилетняя девица, нежели двенадцатилетняя. Другой вопрос, что Ники быстро осознал, что волочиться за женой дяди Сережи пустой номер, и обратил свои взгляды на младшую сестру. И вот через две недели он пишет в дневнике: «Мне очень и очень грустно, что Дармштадтские уезжают завтра, а еще больше, что милая Аликс покинет меня».

Зимой 1889 г. Аликс вновь приехала в Россию и провела несколько недель в гостях у сестры. Собственно, ничего необычного в этом не было — рутинная поездка к родственникам. На самом же деле сводничеством занялись самые высокопоставленные особы в Дармштадте и Петербурге. А вообще-то кем была Аликс? — нищей принцессой из герцогства, давно ставшего захолустьем Германской империи. Мать ее страдала нервным расстройством, но, самое страшное, она была носителем наследственной болезни — гемофилии, которая передается по женской линии сыновьям, но сами носительницы при этом не болеют.

Естественно, что ни Александр III, ни императрица Мария Федоровна поначалу и слышать не хотели об этом браке.

«Сущий младенец»^[42] не мог в одиночку бороться за Аликс с отцом, матерью и всей родней. Но ему буквально подсовывали гессенскую принцессу.

Дармштадская родня Аликс старалась вовсю, но, увы, ее возможности были невелики.

Решающую роль сыграли королева Виктория и две петербургские пары — великий князь Сергей Александрович с женой Елизаветой, а также Сандро с Ксенией. Речь идет о влюбленной паре — великом князе Александре Михайловиче и дочери императора Александра III.

Первоначально британская королева была против брака Алисы с Николаем. Это, кстати, и сбилось с толку многих историков. Королева собиралась выдать любимую внучку за... своего непутевого внука Альберта Виктора Эдварда, а короче — Эдди. Эдди, герцог Кларенский, старший сын Эдуарда и Александры Датской, был потенциальным наследником короны. Его отец после смерти Виктории станет королем Эдуардом VII.

В 1889 г. королева в очередной раз пригласила Алису в гости. Катая кузину в коляске, герцог Эдди сделал ей предложение и получил отказ.

Удивляться тут нечему. Эдди был известен всей Англии как пьяница и завсегдатай низкопробных публичных домов. Дабы избежать обвинений в предвзятости, процитирую современного британского историка Грега Кинга: «Вот уже свыше сотни лет ходят упорные слухи, что Джеком-Потрошителем был не кто иной, как принц Эдди. Принц был поражен сифилисом мозга, который он подцепил где-то во время кругосветного путешествия. Разрушающее действие этой болезни и могло привести к убийствам в Уайтчепеле. Один свидетель, видевший Мэри Келли в обществе ее убийцы, описал того, как мужчину среднего роста с каштановыми волосами, небольшими нафиксатуаренными усами, хорошо одетого, в очень высоком крахмальном воротничке, скрывавшем его длинную шею, и крахмальных манжетах. Судя по этому описанию, можно заключить, что убийцей был Эдди. Эдди не раз наблюдал, как охотники разделяют оленей, и можно предположить, что это позволило ему изучить анатомическое строение животных, знание которого демонстрировал Потрошитель. Предполагают также, что письма от Джека-Потрошителя, полученные рядом газетных редакций, были составлены кембриджским наставником принца Джеймсом Кеннетом Стивенсом. Вызывает также подозрение и то, что почти вся важная информация о Джеке-Потрошителе была уничтожена. Создается впечатление, что полиция не хотела, чтобы правда о нем стала известна публике»^{142}.

Нашим читателям я поясню, что с 31 августа 1888 г. Англию шокировали квалифицированные убийства женщин, совершаемые маньяком, который подписывался: Джек-Потрошитель. Убийства прекратились после смерти Эдди в 1892 г.

Отказ Эдди, а также сведения о гомофилии, поражавшей родственников Аликс, изменили отношение королевы Виктории к браку с цесаревичем Николаем. Естественно, что Виктория была слишком умна, чтобы открыто заявить о своей новой затее. Формально королева оставалась против этого брака, месяц за месяцем медленно смягчая свой тон.

Итак, в игру включились самые мощные силы в Лондоне, Дармштадте и Петербурге.

Если бы цесаревич Николай сам попросил отца принять в Петербурге гессенскую принцессу, то последовал бы резкий отказ, но запретить делать это брату Сергею и его жене Элле (Елизавете) царь не мог. А по прибытии Аликс в Россию эти персонажи и дюжие ребята Михайловичи (сыновья великого князя Михаила Николаевича) обеспечили «крышу» для свиданий Николаю и Аликс. Сергей и Элла тайно вступили в переговоры о браке с

отцом Аликс, а после его смерти в 1892 г. — с ее братом Эрнстом Людвигом, ставшим владетельным герцогом Гессенским. Дядя Сергей убеждал племянника в необходимости лично поехать в Германию и самому обо всем договориться.

Ни Александр III, ни Мария Федоровна не разрешили Николаю ехать в Дармштадт. Но случай вскоре представился: весной 1894 г. в Кобурге должно было состояться бракосочетание гессенского герцога Эрнеста Людвиг с дочерью Марии и Альфреда Эдинбургских принцессой Викторией-Мелитой. Королева Виктория тоже решила осчастливить внучку своим присутствием на свадьбе.

Русскую делегацию возглавил цесаревич Николай, с ним поехали великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Владимир Александрович, великая княгиня Мария Павловна и великий князь Павел Александрович. Цесаревич и Аликс оказались в кругу титулованной английской, немецкой и русской родни, усиленно подталкивающих их друг к другу. Другой вопрос, что королева Виктория умело вела игру, изображая полную незаинтересованность. Это дало повод историку А. Боханову утверждать, что она-де была против брака Николая и Аликс^{143}. Понятно, что подобные пассы всерьез принимать невозможно. Да стоило британской королеве мигнуть, как ее родня, британские дипломаты, разведка и пресса мгновенно развеяли бы все марьяжные планы.

Самое забавное, что двумя абзацами ниже Боханов цитирует письмо Эллы королеве Виктории: «Теперь об Аликс. Я коснулась этого вопроса, но все как и прежде. И если когда-нибудь будет принято то или иное решение, которое совершенно закончит это дело, я, конечно, напишу сразу. Да, все в руках Божьих... Увы, мир такой злобный. Не понимая, какая это продолжительная и глубокая любовь с обеих сторон, злые языки называют это честолюбием. Какие глупцы! Как будто трон заслуживает зависти! Только любовь чистая и сильная может дать мужество принять это серьезное решение. Будет ли это когда-нибудь?»^{144}.

Обратим внимание, письмо датировано ноябрем 1893 г. Риторический вопрос на бытовом уровне, станет ли старшая сестра подробно сообщать планы младшей сестры бабушке Виктории, которая так мечтает их разрушить?

А теперь риторический вопрос на уровне большой политики — могла ли «императрица Индии» (один из титулов Виктории) не желать, чтобы ее любимая внучка стала супругой слабовольного русского царя, империя

которого как раз и угрожала «жемчужине британской короны»?

Что же касается фразы «как будто трон заслуживает зависти», то ее мог написать или глупец, или крайне циничный человек. Почему же тогда Элла и Сергей не посоветовали Николаю не тянуть несколько лет, а вопреки воле императора жениться на Аликс и тихо жить за границей, как сделал это великий князь Михаил Михайлович, женившись на внучке Пушкина графине Софье Меренберг, а позже также поступали и другие великие князья. На престоле оказался бы куда более умный Михаил, и есть все основания полагать, что Россия избежала бы ужасов Гражданской войны.

Бабушка Виктория четко и уверенно вела свою игру в интересах британской империи. Так, в Кобурге она периодически по-родственному беседовала *tete-a-tete* то с Аликс, то с Ники. И 8 апреля 1894 г. Николай официально сделал предложение Аликс.

Замечу, что кайзер Вильгельм II практически не имел отношения к этому решению, он вообще прибыл в Кобург за день до предложения цесаревича.

Тот же Боханов писал, что Николай и Аликс «сразу же пошли к королеве Виктории, которая обняла и поцеловала обоих, пожелала счастья»^{145}.

Родители жениха были поставлены перед свершившимся фактом. Теперь им оставалось лишь делать хорошую мину при плохой игре. Ситуация усугублялась тяжелой почечной болезнью Александра III. После простуды в январе 1894 г. он уже не мог оправиться. Жить после помолвки сына ему оставалось лишь шесть месяцев. И Александр, и Мария понимали это и, скрепя сердце, дали согласие.

Замечу, что до самого 1917 г. императрица-мать и молодая императрица были в крайне неприязненных отношениях. Дошло до того, что Марии Федоровне пришлось покинуть Петербург и переселиться в Киев — факт беспрецедентный в истории жизни русских вдовствующих императриц.

Итак, желание королевы Виктории сбылось, внучка Аликс стала русской императрицей Александрой Федоровной. Наши читатели знают, что ее в России звали немкой. Но это относилось к годам Первой мировой войны, когда либеральная оппозиция пыталась дискредитировать императрицу Александру Федоровну. Повлияло на это и назначение ее родного брата Эрнста на руководящую должность в германском Генеральном штабе. Наконец, важную роль сыграло и стремление Распутина (точнее, его кукловодов) заключить сепаратный мир с кайзером.

А вот в 1894—1907 гг. Александру Федоровну в России именовали не «немкой», а «англичанкой». Конечно, это не следует принимать буквально. Аликс даже не пыталась стать проводником британской политики при русском дворе. Но надо ли говорить, что она была противницей всех конфликтов с туманным Альбионом, с ее бабушкой, двоюродными братьями, со столь дорогими ей британскими образом жизни и культурой.

Все русские монархи, начиная с Павла I и кончая Александром III, категорически были против участия своих жен в решении любых внутриполитических и тем более внешнеполитических проблем. Законы Российской империи допускали лишь представительские функции императрицы. В крайнем случае, ей разрешалось заведовать богоугодными заведениями.

Николай II не был подготовлен к управлению империей. Правда, тот же Боханов во всех своих «исторических трудах» с пафосом восклицает: «А кто был готов к этому!» Не помнит наш маститый историк о бомбардире Петре Михайлове, об Александре Македонском, ставшем к 27 годам повелителем Мира, забыл, бедный, про хрестоматийный пример с князем Александром Ярославичем, в 19 лет побившим шведов на Неве, а в 21 год — псов-рыцарей на Чудском озере. Да, кстати, исход той битвы решил удар кованой Владимирской рати, которой командовал четырнадцатилетний князь Андрей Ярославич. Да и двадцатичетырехлетний капитан Буона-Парте не шишками кидался^[43] под Тулоном.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что Николай II состоял из противоречий. Так, он, в отличие от Наполеона, Петра I и Екатерины II, не любил властвовать, процесс управления страной вызывал у него скуку и отвращение, но расставаться с властью он не хотел ни при каких обстоятельствах. Николай с легкостью менял свои решения, иногда по несколько раз в день, но в то же время был крайне упрям и не желал попадать под чье-либо влияние.

Это был не господин бомбардир, служащий России, и не рачительная хозяйка, принеся в приданое империи десяток новых губерний, каковой себя считала Екатерина Великая. Николай II сам написал о себе в анкете переписи: «Хозяин земли русской».

Современники писали, что уровень мышления государя остался на уровне гусарского поручика. Справедливости ради скажем, что из него получился бы хороший командир полка, но исключительно при действии в составе дивизии с умным генералом, или начальник средней железнодорожной станции, но на уровень императора он не тянул.

Так что же делать монарху с ограниченными умственными способностями? На этот случай еще Пушкин дал отменный совет: «Так если невозможно тебе скорей домой убраться осторожно... хоть умного себе возьми секретаря».

Ведь, в конце концов, при весьма недалекой Елизавете русские войска разбили Фридриха Великого и взяли Берлин. А Франция стала лидером в европейской политике при слабовольном и неумном Людовике XIII, которому и Елизавета, и Николай II могли дать сто очков вперед. Ведь короля делает свита, а иногда всего один человек из свиты, особенно когда он кардинал Ришелье.

Свита знаменитых монархов сама становится знаменитой в истории, вспомним «Екатерининских орлов», «птенцов гнезда Петрова», «когорту Бонапарта».

Увы, Николай II больше всего боялся своей свиты. Да, да, больше, чем немцев, японцев, большевиков, эсеров и Льва Толстого, вместе взятых.

В такой ситуации Николай все чаще обращался за советом к Аликс, которую считал верным и единственным другом. Замечу, что с самого начала Николай старался предельно минимизировать участие своих родственников — матери, дядей, двоюродных братьев и прочих — в делах управления государством. Пусть как хотят хозяйничают в своих уделах: Алексей — во флоте, Сергей Михайлович — в артиллерии, но не лезут с советами по принципиальным вопросам. В итоге влияние Аликс на Николая постоянно возрастало, и к 1914 г. она стала фактически его соправительницей. Другой вопрос, что если в 1914—1917 гг. царица регулярно давала конкретные указания мужу, а то и прямо министрам, то в 1894—1905 гг. она лишь оказывала очень сильное эмоциональное воздействие на царя в семейном кругу.

Николай с детства был воспитан в антибританском духе. «Однажды Индия станет нашей», — написал отцу Николай во время своего путешествия на Дальний Восток. Александр III сделал на письме следующую приписку: «Думать об этом всегда, но никогда не говорить вслух»^{146}.

Надо ли говорить, как повлияло на молодого Ники, имевшего «легкость в мыслях необыкновенную», общение с Аликс и бабушкой Викторией. Осенью 1899 г. в ходе Англо-бурской войны царь писал бабушке Виктории: «Не могу высказать Вам, как много я думаю о Вас, как Вас должна расстраивать война в Трансваале и ужасные потери, которые уже понесли Ваши войска. Дай Бог, чтобы это скорее кончилось»^{147}. А

чуть ли не на следующий день написал сестре Ксении: «Ты знаешь, милая моя, что я не горд, но мне приятно сознание, что только в моих руках находятся средства вконец изменить ход войны в Африке. Средство это — отдать приказ по телеграфу всем Туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для нее месте»^{148}.

Автору не хотелось бы, чтобы читатель воспринял эти пассажи как свидетельство двуличия и лицемерия Николая. Это, скорее всего, смена настроения, столь характерная для него. Царь мог под влиянием одного сановника объявить мобилизацию, затем, приняв другого сановника, отменить ее, а через несколько часов вновь отдать приказ продолжить мобилизацию и т.п.

Сановники и генералы приходили и уходили, а затем император возвращался к любимой Аликс. И нежный взгляд, и пустые, но ласковые слова становились куда более весомым аргументом, чем таблицы в докладе военного министра или содержание дипломатических нот.

Глава 23

СОЮЗ БРИТАНСКОГО ЛЬВА И ЯПОНСКОГО ДРАКОНА

Вопрос о занятии незамерзающего порта на Дальнем Востоке постоянно обсуждался руководством Морского и Военного ведомств еще с 70-х годов XIX века. Толчком же, заставившим поспешить Россию в этом вопросе, стали действия Германии и Англии.

Англия уже имела несколько военно-морских баз на Дальнем Востоке — Сингапур, Гонконг и другие. В конце XIX века англичане специально для войны с Россией закончили Трансканадскую железную дорогу до порта Ванкувер на Тихоокеанском побережье. Дорога эта имела не столько хозяйственное, сколько военное значение. Поэтому лорд Джон Макдональд, обращаясь к парламенту с предложением приступить к постройке Трансканадской железной дороги, ясно выразил все значение этого важнейшего пути: «Я рекомендую это великое предприятие не с коммерческой точки зрения, хотя я убежден, что и хозяйственная роль его будет велика, но — с точки зрения высших интересов Великобритании. Этот путь явится смычкой между востоком и западом Канады. Он обеспечит Англии экономическое общение с Японией и Китаем. Он явится безопасным путем для британских войск, если их понадобится перевозить к берегам Тихого океана»^{149}.

На строительство этой дороги британское правительство потратило много денег, хотя сама эта дорога постройкой была отдана частной компании. Правительство субсидировало компанию суммой в 5 млн. фунтов стерлингов и отдало ей даром 25 млн. акров земли.

Рядом с портом Ванкувер на одноименном острове англичане построили военно-морскую базу и береговую крепость Эскимо. Расходы на строительство базы оплачивались совместно Англией и Канадой. Первоначально, до 1902 г., на острове Ванкувер находился английский гарнизон, а в 1902 г. его сменил канадский.

Британское правительство мечтало и о захвате новой базы в Северном Китае. Внимание английских, германских и русских адмиралов привлекла бухта Циндао (Киао-чоу). Коллежский советник русского МИДа писал: «Стратегическое значение Циндао (Киао-чоу), в силу его графического

положения, громадно, оно отдает в руки занявшего его весь Шаньдун и открывает свободный доступ в Пекин, упраздняя все Печилийские укрепления как средства для обороны подступов к столице против владеющего названной бухтой»^{150}.

В 1896—1897 гг. германский посол в Китае барон Гейканг несколько раз поднимал вопрос о передаче Циндао Германии. Китайское правительство все время отвечало Германии решительным отказом, ссылаясь, с одной стороны, на свое собственное намерение воспользоваться этой бухтой, как стоянкой для возрождавшегося в те дни китайского флота, а с другой стороны, на право первенства, принадлежавшего по отношению к этой бухте России.

Действительно, еще в 1895 г., в период переговоров с Японией, командовавший в это время соединенными эскадрами в Тихом океане вице-адмирал Тыртов 2-й на совещании со своими ближайшими сотрудниками — вице-адмиралом Макаровым и контр-адмиралом Алексеевым, указал именно на Циндао как на удобнейшую зимнюю стоянку русских судов. Эта же стоянка была необходима России потому, что Владивосток замерзал, рейд Чифу имел большие недостатки, корейские порты были неудобны тем, что телеграф там находился в руках японцев, а стоянка в японских портах, которой Россия пользовалась раньше, после событий 1895 г. оказалась уж совсем неудобной в политическом отношении. «Киао-чоу удовлетворяет условиям, имеется телеграф и провизия»^{151}, — писал вице-адмирал Тыртов.

20 октября 1897 г. в Шаньдуне, недалеко от Циндао, местным населением были убиты два католических миссионера, по национальности немцы. Теперь Германия получила повод для захвата Циндао. 26 октября Вильгельм II отправил в Петергоф телеграмму, в которой, сообщая о самом факте нападения китайцев на католических миссионеров, находящихся под его личным покровительством, писал, что он обязан наказать этих китайцев, и выражал уверенность, что Николай II ничего не будет иметь против его решения отправить германскую эскадру в Циндао, дабы с этого пункта действовать против «китайских разбойников». Вильгельм II писал, что Циндао наиболее подходящая стоянка, что наказания необходимы и произведут хорошее впечатление на всех христиан, что он, император, несет известные обязательства перед католической партией в Германии и должен показать себя перед католиками способным оказать им покровительство.

Николай II ответил на эту телеграмму, что он не может быть ни за, ни

против отправки германской эскадры в Циндао, поскольку недавно выяснилось, что стоянка там оставалась за русскими судами только временно, а именно на зиму 1895/96 г. Вместе с тем Николай II высказал опасения, что строгие меры наказания только вызовут волнения, произведут тяжелое впечатление на Дальнем Востоке и расширят или углубят пропасть, уже и без того существующую между христианами и китайцами.

Утром 2 ноября 1897 г. три германских судна вошли в бухту Циндао, высадили двести человек десанта и разрушили телеграфную линию. Уступая угрозе германского адмирала, начальник китайского гарнизона очистил порт и укрепления и отступил, оставив в руках немцев орудия, снаряды, амуницию и припасы. Отправившийся к германскому адмиралу за объяснениями генерал Чжан был обезоружен и задержан немцами.

Германская пресса представила убиение двух миссионеров как угрозу всей германской нации. В помощь германской эскадре Тихого океана была немедленно отправлена вновь сформированная из четырех судов 2-я крейсерская дивизия под командованием брата императора принца Генриха. Отправка этих судов происходила с большой помпой и рядом патриотических манифестаций.

Германское правительство воспользовалось шаньдунским инцидентом и внесло в рейхстаг проект об усилении флота.

Китайское правительство пыталось сопротивляться. К Циндао был послан пятитысячный отряд, а князь Гун^[44] обратился к русскому послу А.И. Павлову с просьбой послать русскую эскадру в Циндао. Николай II сгоряча отдал приказ эскадре идти в Циндао, но 8 ноября приказ этот был отменен.

Потеряв надежду на помощь извне, Китай вступил с Германией в новые переговоры и в конце декабря 1897 г. заключил с ней особое соглашение, по которому Германия получала право на арендное пользование бухтой Циндао в течение 99 лет.

Любопытно, что район Циндао был подчинен ВМФ, а не министерству колоний Германии. За несколько лет Циндао превратился из маленькой рыбацкой деревушки в 60-тысячный город с многочисленными промышленными предприятиями и мощной крепостью. На Циндао стала базироваться эскадра германских кораблей.

Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что аннексия Циндао вызовет лавинообразную серию захватов других китайских территорий прочими империалистическими государствами, среди которых первыми будут Англия и Япония. Одним из самых лакомых кусочков Китая

был Порт-Артур. Захват его был неизбежен. Вопрос заключался лишь в одном — кто это делает.

Таким образом, России пришлось решать — занимать ли ей Порт-Артур, или его займут другие. Кроме того, русской эскадре на Дальнем Востоке давно уже требовался незамерзающий порт. Единственная военно-морская база на Тихом океане, Владивосток, зимой замерзала. Хороших ледоколов не было, и приходилось или на полгода ставить эскадру на прикол, или на зиму уходить гостить в порты Японии или Китая. Обычно наши адмиралы предпочитали гостить в Японии. Причем не последним аргументом базирования в Нагасаки были любвеобильные гейши. Морское министерство рассматривало несколько вариантов создания незамерзающей военно-морской базы. Причем моряки отдавали предпочтение не Порт-Артуру, а базе на юге Корейского полуострова. Основные аргументы: контроль над стратегическим Цусимским проливом, защита Кореи от вторжения японцев и, наконец, то, что Владивосток был вдвое ближе (почти на 800 миль).

Управляющий Морским министерством вице-адмирал Тыртов писал: «Помешать из далекого Порт-Артура подготовлениям Японии к внезапному занятию Кореи нам будет значительно труднее, чем английской эскадре из Безикской бухты захвату Босфора. Для того чтобы... своевременно разрушить такой план захвата и чтобы Япония не решилась на это предприятие в сознании риска неудачи и неизбежных громадных потерь, необходимо иметь опорную точку на юге Кореи. База эта... нужна сверх того как связующее звено Владивостока с Порт-Артуром. Станция в южной Корее являлась бы, кроме того, сильной угрозой... более многочисленному торговому флоту Японии. Приобретение такого порта должно составлять цель, к которой необходимо стремиться неуклонно...

Для обеспечения нашего спокойствия и развития на крайнем Востоке нам нужны не дальнейшие приобретения в Китае..., а достижение преобладания на море. Но такое преобладание недостижимо одним уравнением наших сил в Тихом океане с японскими и даже некоторым излишком с нашей стороны, пока расстояния наших баз от объекта действий, т.е. Кореи, будут так велики, как теперь по сравнению с Японией, для которой всегда будет служить большим соблазном возможность... перебросить в Корею целую армию раньше, чем это даже будет известно во Владивостоке или Порт-Артуре. Поэтому нам необходимо стремиться приобрести... защищенную базу в юго-восточной части Кореи, предпочтительнее всего Мозампо^[45], чтобы обеспечить себя от всяких

неожиданностей со стороны Японии»^{152}.

Как видим, и тогда нашим адмиралам были однозначно видны все недостатки Порт-Артура. Но дело решили экономические интересы, и не столько России, сколько конторы Витте и К°. Им Порт-Артур нужен был не как военно-морская база, а как опорный пункт для торговой экспансии в Северном Китае. А формально для царя и для общественности выдвигается совершенно справедливый аргумент — не захватим мы, захватят другие.

Действительно, захват немцами Циндао заставил Англию начать сосредоточение своей Тихоокеанской эскадры у Чусанских островов, недалеко от устья Янтсекианга. Намерения англичан были известны. Отдельные суда английской эскадры появились в Печилийском заливе^[46]. С конца ноября в Петербург стали поступать тревожные известия, что в Чифу ожидается британская эскадра в полном составе, что она идет затем в Порт-Артур, дабы предупредить Россию.

Посол Павлов сообщил об этом в Петербург 25 ноября. 27 ноября из самого Чифу донес об этом русский консул Островерхов. Наконец, о подобных планах Англии намекнул русскому представителю в Пекине и германский посол барон Гейкинг.

Когда известие о намерениях англичан дошло до командующего Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала Федора Васильевича Дубасова, то он предложил Морскому министерству занять архипелаг Кор-годо с портом Мозампо. Русская военно-морская база там, как доносил Дубасов, вполне разрешила бы вопрос о стратегическом упрочнении России на берегах Восточного океана и давала русским опорный пункт, господствующий над сообщениями Кореи с Северным Китаем и Японией, связанный к тому же с Сеулом главной в Корее большой дорогой, расстоянием всего до 400 верст. 27 ноября 1897 г. Дубасов доносил в Петербург: «Мог бы занять эту базу и удержать, минировав второстепенные проходы и защищая эскадрой главные»^{153}. Телеграмма эта была получена 30-го вечером, уже после того, как 29 ноября в 3 часа ночи в Нагасаки, где находилась русская эскадра, были посланы совсем иные распоряжения, расходившиеся с мнением командующего Тихоокеанской эскадрой. Впрочем, если бы его телеграмма и была получена до этих распоряжений, вряд ли Петербург изменил бы свое решение — занять не Мозампо, а Порт-Артур.

Барон Розен, русский посланник в Токио, писал: «Нам очевидно опасно оставление этой важнейшей для нас позиции в бессильных руках Китая»^{154}. Того же мнения держались и в Петербурге. Управляющий

МИДом граф Муравьев находил, что теперь, по получении согласия китайского правительства на свободное посещение русскими судами китайских закрытых портов, он находит вполне возможным и своевременным немедленную отправку нескольких русских судов в Порт-Артур, «дыбы предупредить занятие этой гавани другой нацией»^{155}.

Генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович заявил: «Надо послать в Артур сильную эскадру». Николай II, как всегда, не имел ни своего мнения, ни вообще каких-то идей в области дальневосточной политики. Он традиционно колебался. Наконец, 28 ноября дядя Алексей уговорил царя согласиться на отправку русской эскадры в Порт-Артур.

29 ноября 1897 г. в 3 часа ночи контр-адмиралу Дубасову было послано по телеграфу приказание немедленно по получении этой телеграммы отправить в Порт-Артур отряд из трех судов. «Отряд должен спешить, — говорилось в депеше, — и по прибытии оставаться в этом порту впредь до распоряжения, причем судам быть готовым ко всяким случайностям. Сохраните поручение в строжайшем секрете даже от командиров; его должны знать только вы и Реунов. Официально назначьте посылку отряда в какой-нибудь другой порт. Остальные суда эскадры держите в полной готовности; уведомьте срочно о получении телеграммы и о выходе отряда»^{156}.

1 декабря в Петербург пришло новое известие, что четыре английских судна спешно грузятся углем в Чифу и что они, по всей видимости, идут к Порт-Артуру. Очевидно, что англичане могли предупредить русских: от Чифу до Порт-Артура было несколько часов хода, от Нагасаки до Квантуна — два с половиной дня. В Морском министерстве начали беспокоиться. Наконец, 2 декабря от Дубасова была получена телеграмма о сделанных им распоряжениях и депеша о состоявшемся в ночь на 1 декабря выходе контр-адмирала Реунова из Нагасаки.

Предполагалось, что в Порт-Артуре уже могут находиться английские корабли. Поэтому Реунову было предписано тотчас же по прибытии в Порт-Артур заявить местным властям, что русские корабли, имея право в силу состоявшегося соглашения пользоваться китайскими арсеналами, пришли фактически осуществить это право; что вслед за отрядом Реунова придут и другие корабли русской эскадры, для которых нужно при помощи местного арсенала выполнить некоторые работы; что китайские власти должны передать это заявление английским кораблям, если последние находятся в Порт-Артуре или придут туда, и просить англичан об очищении места для русской эскадры. Если же англичане не приняли бы

заявления властей и приступили бы к занятию порта, то Реунов должен был до получения определенных указаний из Петербурга ограничиться энергичным протестом. Во всяком случае, он не имел права непосредственно требовать от иностранных судов, чтобы они покинули порт, а тем более начать против них какие-либо враждебные действия.

Но англичан в Порт-Артуре не оказалось. Когда 4 декабря задержанный в пути свежим ветром отряд Реунова появился наконец на его внешнем рейде, там находилось всего два военных судна, да и то китайских. Английская же лодка «Дафнэ» пришла в Порт-Артур только 6 декабря. Несмотря на запрещение китайских властей, она вошла во внутренний рейд и, простояв три часа, ушла обратно.

Контр-адмирал Дубасов считал необходимым наряду с Порт-Артуром занять и Талиенван. 2 марта 1898 г. он телеграфировал в Петербург генерал-адмиралу: «Без поддержки Талиенвана — Порт-Артур мог быть изолирован, и связь их обоих с внутренней базой могла быть прервана»^{157}. Об этом еще 27 ноября говорил управляющий Морским министерством граф Муравьев, считая, что одновременно с занятием Порт-Артура должны быть отправлены суда и в Талиенван. Как раз 2 декабря из Чифу был передан новый слух, будто бы Англия уже овладела Талиенваном. Поэтому 3 декабря в три часа ночи Дубасову было отправлено приказание Николая II немедленно послать в бухту Талиенван один крейсер и две канонерские лодки. «Невозможно позволить англичанам хозяйничать на севере»^{158}, — телеграфировал великий князь Алексей Александрович.

8 и 9 декабря крейсер «Дмитрий Донской» и лодки «Сивуч» и «Гремящий» вошли в гавань Талиенвана. Английских судов там не оказалось. 17 декабря в Порт-Артур пришла канонерка «Кореец». Одновременно с ней пришли на внешний рейд и встали на якорь английские крейсера «Immortalite» и «Iphigenia». Китайцы подняли им сигнал, что вход в порт запрещен, и англичане через некоторое время ушли.

Первоначальные отношения русских и китайцев были самые дружественные. Русский посол Павлов писал: «Китайские власти в Порт-Артуре и Талиенване оказывают нашим судам самое широкое внимание»^{159}. Три китайских судна по очереди ходили в Чифу для подвоза русским кораблям провизии. Сухопутное китайское начальство предупреждало каждое желание русских моряков. Происходил взаимный обмен подарками, обедами и любезностями. Весь запас угля в Порт-Артуре был передан контр-адмиралу Реунову совершенно бесплатно, затем по

распоряжению центрального китайского правительства из Шанхайгуаня был выслан дополнительный запас угля для русских кораблей. Наши корабли пришли в Порт-Артур с минимальным запасом угля и без денег, так как при выходе из Нагасаки командирам дано было знать, что они идут в Фузан^[47]. А в Фузани уголь был уже заготовлен, и расстояние было недалеко. Когда же в море были вскрыты запечатанные конверты с приказанием, оказалось, что отряд идет в Порт-Артур. «К счастью, угля хватило, но были и такие суда, которые висели на волоске»^{160}, — писал один из очевидцев. По приходе же в Порт-Артур русских выручили китайцы.

Следуя инструкциям из столицы, генерал-губернатор Печили заявил английскому консулу в Тяньцзине, что «русские пришли в Порт-Артур для защиты интересов Китая».

Известие о появлении русских судов в Порт-Артуре вызвало тревогу в Англии и Японии. 18 декабря 1897 г. английская эскадра адмирала Бюллера в составе шести кораблей (общее водоизмещение 24 940 т) появилась на рейде Чемульпо. Тогда же разнеслись слухи о намерении англичан высадить десант на острова Чусан и в порт Гамильтон. 10 января 1898 г. газета «Starndart» поместила на своих столбцах самую воинственную статью, лорд Уолсней заявил, что если война начнется, то она застанет британскую армию в блестящем состоянии.

Русскому послу в Лондоне приказано было заявить английскому правительству, что Россия крайне удивлена тревогой, возникшей как в лондонской печати, так и в общественных сферах столицы, что, по мнению русского правительства, интересы России и Англии на Дальнем Востоке не могут прийти в серьезное столкновение. Из дальнейших объяснений с английским премьером стало очевидно, что Лондон вполне удовлетворен этим ответом. Вообще же солидарность России с Германией невольно заставила Англию действовать с особой осторожностью. Уже 10 января 1898 г., в тот самый день, когда в Лондоне появилась статья в «Starndart», контр-адмирал Дубасов донес, что общее настроение стало спокойнее, что отношения русских и английских судов носят дружественный характер, а встречи между адмиралами русской и английской эскадр отличаются особенной любезностью.

В Японии появление русских судов у Квантуна повлекло целый ряд воинственных приготовлений. Всем адмиралтействам было приказано держать корабли в полной боевой готовности, поспешить с их ремонтом, вести работы даже ночью.

Министр иностранных дел Японии Нисси запросил русского посланника, какие цели преследовала Россия, занимая Порт-Артур, и имеют ли русские в виду содействие или противодействие германским предприятиям в Китае. Барон Розен ответил, что занятие Порт-Артура стоит в прямой связи с занятием Циндао, что поступок немцев побуждает Россию искать обеспеченной стоянки вблизи Шаньдунского полуострова, что «наша политика всецело направлена к поддержанию мира и спокойствия на Крайнем Востоке», и что посылка отряда для временной стоянки в Порт-Артуре, очевидно, лишь мера предосторожности, «ни против кого не направленная и принятая с согласия китайского правительства»^{161}.

В то же время японский посланник в Пекине потребовал от китайцев объяснений и напомнил им данное при возвращении Ляодунского полуострова обещание не уступать этой местности никакой другой державе. Китайцы ответили, что о территориальной уступке Порт-Артура нет и речи, и что по дружескому соглашению с Россией ее флоту лишь предоставлено право пользоваться Порт-Артуром и Талиенваном для временной стоянки.

Подобно Англии, Япония не решилась на активный протест. Она не могла не видеть, что «тройственный союз», с которым она уже имела дело в период ратификации Симоносекского договора, не рухнул, а живет. Настолько согласованы были все операции германской и русской эскадр, что всего за один месяц они заняли у Китая три лучших северных гавани. Конечно, Япония еще более убедилась бы в силе и прочности этого союза, если бы могла слышать, что сказал 5 декабря 1897 г. русскому послу в Берлине император Вильгельм II, беседуя с ним по поводу Циндао и Порт-Артура: «Ваши враги — будь то англичане или японцы — становятся и моими врагами, и какими бы агрессивными они ни были, как бы ни противостояли вашим интересам, будьте уверены в том, что германская эскадра станет бок о бок с вашими военными судами»^{162}. Таким образом, управляющий морским министерством был прав, сообщая 9 января Дубасову, что «опасаться неприязненных действий Японии или Англии нет оснований»^{163}.

За день до прихода русской эскадры в Порт-Артур китайцы попросили у России новый заем в сто миллионов лан. Деньги Китаю были крайне необходимы для выплаты Японии последних взносов денежной контрибуции. 2 декабря 1897 г. Д.Д. Покотиллов^[48] передал министру финансов России просьбу Китая, чтобы Россия гарантировала и этот заем

подобно тому, как она уже обеспечила заем 1895 г. В ответ на это СЮ. Витте 4 декабря уведомил Покотилова, что Россия возьмет на себя совершение нового займа при условии, если Китай: 1) предоставит ей надлежащие гарантии в исправности своих платежей по этому займу; 2) подтвердит в безусловной форме разрешение южного направления Китайской Восточной железной дороги (то есть задуманного в то время направления на Бодуне и Нингуту взамен нынешнего направления на Цицикар и Нингуту); 3) примет на себя обязательство не допускать никаких иностранцев, кроме русских, к сооружению железных дорог и к эксплуатации других промышленных предприятий во всех трех провинциях Маньчжурии, а равно и в Монголии и т.д. А, кроме того, Китай предоставит России выбрать гавань для устройства порта для Добровольного флота, причем в новый порт будут иметь право входить все суда под русским флагом.

12 марта 1898 г. в Желтое море вошли прибывшие с Балтики броненосные крейсера «Рюрик» и «Дмитрий Донской». Но еще 11 марта китайские сановники в Пекине на переговорах с русским послом А.И. Павловым согласились передать России Порт-Артур и Талиенван с прилегающими территориями в аренду сроком на 25 лет. Статья 6-я соглашения определяла, что Порт-Артур для военных и коммерческих судов других государств будет считаться закрытым портом, но зато Талиенван, кроме одной из его внутренних бухт, будет считаться открытым для иностранной торговли и доступ в него будет предоставлен коммерческим судам всех наций.

Параллельно с переговорами в Пекине русское командование вело переговоры в самом Порт-Артуре с местным начальством — генералами Сун-Цином и Ма-Юйкунем. Под их началом только в Порт-Артуре состояло 7500 человек пехоты и конницы при двадцати полевых орудиях. В конце концов, генерал Сун-Цин получил 100 тыс. рублей, а генерал Ма-Юйкунь — 50 тыс. рублей. Досталось и мелким чиновникам.

28 февраля Павлов сообщил Колесову, прикомандированному в качестве переводчика к русской эскадре: «...в мое распоряжение уже предоставлены денежные средства на выдачу пособия китайским властям Порт-Артура и Даляньваня, дабы привлечь их на нашу сторону... Полагаю чиновникам категории Гу, Ли, Хо практичнее всего определить теперь ежемесячно от 100 до 200 лан со дня прихода наших судов в Порт-Артур и обещать единовременно более крупную сумму в несколько тысяч лан»^{164}.

Трудно сейчас сказать, что произвело большее впечатление на китайских военных — приказ из Пекина, «живые» деньги или 12-

дюймовые пушки броненосцев «Сисой Великий» и «Наварин». Но меньше, чем за сутки (с 15 на 16 марта) все китайские солдаты покинули Порт-Артур. Взятка китайским генералам окупалась хотя бы тем, что в Порт-Артуре ими были брошены в исправном состоянии десятки мощных крепостных орудий, многие из которых позже участвовали в обороне крепости в 1904 г.

На занятие Порт-Артура Англия ответила традиционным британским шантажом — послала мощную эскадру в Желтое море. Эта эскадра превосходила по силе русскую, но у наших адмиралов на сей раз оказались крепкие нервы, и они попросту игнорировали англичан. Отважиться на войну против России без союзников Англия бы никак не осмелилась.

Поскольку «владычице морей» не удалось отстоять китайский суверенитет над Порт-Артуром, она решила забрать у Поднебесной империи порт Вэйхайвэй^[49] с окрестностями. 25 марта 1898 г. Англия потребовала от китайского правительства уступки Вэйхайвэя на северном побережье Шаньдуна, дабы иметь собственную базу на подступах к Пекину. Заодно английское правительство заявило претензии на увеличение своих владений на полуострове Цзюлун (Коулун) на материке напротив Гонконга. Аренда Цзюлуна была оформлена англо-китайским договором от 9 июня, а аренда Вэйхайвэя — 1 июля 1898 г.

Одновременно британская дипломатия добилась расширения прав английского судоходства по рекам Китая. Так, к примеру, она получила фактическое признание бассейна реки Янцзы, богатейшей части Китая, в качестве сферы влияния Англии. Забегая вперед, замечу, что сразу же после занятия Вэйхайвэя Англия сосредоточила там мощную эскадру. С 1900 г. в составе этой эскадры находилось не менее пяти новейших британских броненосцев, а также крейсера, миноносцы и другие суда. Назначение этой эскадры понятно уже из того, что все пять броненосцев ушли с Дальнего Востока в Англию в течение месяца после Цусимского боя.

В декабре 1900 г. в первом номере социал-демократической газеты «Искра» была опубликована статья В.И. Ленина «Китайский вопрос». Там говорилось: «Одно за другим, европейские правительства так усердно принялись грабить, то бишь "арендовать" китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая...

Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам

колоний...

Ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны... вспомните восстания индийских туземцев против Англии и голод в Индии, или теперешнюю войну англичан с бурами...»

Указывая на размеры вызванных войной расходов, Ленин писал о политике русского царизма: «И эти бешеные деньги бросает правительство, которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на казенных заводах, из мелких служащих...»

Эта статья интересна не только отражением точки зрения русских социал-демократов — будущих большевиков и меньшевиков, взгляды которых по данному вопросу не расходились. Увы, и сейчас на просторах «СНГовии» есть немало либералов-антикоммунистов, разделяющих взгляды Ленина, но выражающих их куда менее внятно. Вот, мол, какая императорская Россия, захватила Порт-Артур и покушалась на всю Маньчжурию. Уж куда лучше деньги потратить на обустройство Дальнего Востока, переадресовать на нужды народного образования, здравоохранения и т.п. Допускаю, что такая позиция была бы справедлива, если бы Англия, Германия, Япония и другие государства не вели экспансии в Тихоокеанском бассейне вообще и в Китае в частности. Если бы Россия не заняла Порт-Артур, она через несколько лет получила бы сильного и агрессивного противника вдоль всей многотысячекилометровой границы от Байкала до Владивостока, то есть то, что мы имели в 1935—1945 гг.

И, надо заметить, что такое развитие событий предсказывали десятки русских генералов, дипломатов и журналистов с 1894 по 1903 год. Разница была лишь в том, что до 1900 г. наиболее вероятным считался захват всего или только Северного Китая Англией, то есть индийский вариант с созданием огромной «туземной» армии, вышколенной британскими инструкторами, которая неизбежно будет выдвинута к русским границам. А с 1900 г. стал преобладать японский вариант, то есть перспектива захвата Маньчжурии Японией.

О захвате Англией Вэйхайвэя и Гонконга уже говорилось. В 80-х годах XIX века Англия захватила Сингапур, Малаю и северную часть острова Борнео, а также ряд архипелагов в Тихом океане, имевших важное стратегическое значение. Среди них были острова Гилберта (заняты Англией в 1892 г.), острова Эллис (1892 г.), острова Санта-Крус (1898 г.), Соломоновы острова (1885 г.) и т.д.

Франция в 80-х годах оккупировала Камбоджу, Лаос и Вьетнам, а

также ряд архипелагов в Тихом океане (Новая Каледония, острова Лоялти, острова Общества, Маркизские острова и др.).

Германия кроме Циндао захватила западную часть Новой Гвинеи, Марианские острова, Маршалловы острова, Каролинские острова, архипелаг Бисмарка, острова Западные Самоа и т.д.

Соединенные Штаты в 1893 г. окончательно присоединили к себе Гавайские острова, а в ходе испано-американской войны захватили Филиппинские острова (янки будут оттуда выбиты японцами лишь в 1942 г.), острова Гуам, Уэйк, Мидуэй, Восточное Самоа и т.д.

В такой ситуации у России не было иного выхода, как укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. В ином случае ее бы попросту выкинули с берегов Тихого океана.

Занятие Порт-Артура и постройка КВЖД поставили перед русским правительством сложный вопрос — как их охранять? Восстание «боксеров» показало в Китае, что охранная стража КВЖД способна защищать дорогу лишь от шаекхунгузов^[50]. В правящих кругах России никто не сомневался в целесообразности укрепления крепости Порт-Артур, усилении Дальневосточной эскадры и создании надежной защиты для КВЖД. Вопрос был лишь в том, как и в каком объеме это делать.

Занятие Россией Порт-Артура многими европейскими политиками и журналистами было воспринято с явным удовольствием и, я бы сказал, с радостью. Причем речь идет не о друзьях, а о заклятых врагах России. По этому поводу наиболее ясно выразилась германская газета «Fremdenblatt»: «Весь цивилизованный мир должен единодушно радоваться, что Россия так глубоко увязла в делах Дальнего Востока и что европейские и особенно балканские дела теперь надолго избавлены от ее грубого и кичливого влияния»^[165]. Таким образом, Англия страховала для себя целостность Индии, Австрия — свободу на Балканском полуострове, Германия — в Турции и Малой Азии.

После занятия Порт-Артура русская политика в Европе не изменилась. Руководство армии и флота докладывало царю, что Россия в состоянии иметь флот на Дальнем Востоке, существенно превосходящий японский, и в то же время оставшиеся на Балтийском флоте силы будут равны по мощи всему Германскому флоту. Армия готовилась к наступательной войне с Германией. А параллельно продолжалась подготовка к захвату Проливов на юге. И все это делалось в исключительно благоприятной для России внешнеполитической обстановке. Германия в 1894—1905 гг. не была еще готова к войне на два фронта (одновременно с Россией и Францией). Да и

сил воевать с Россией у Германии не было. Турция переживала очередной период внутренней нестабильности и абсолютно не была готова к войне даже в союзе с Англией. Британия на три года (1899—1902 гг.) погрязла в англо-бурской войне, а главное, на Даунинг-стрит все с большим и большим опасением смотрели на возрастание экономической и военно-морской мощи Германии. Итак, Англии вроде тоже было не до России.

Однако в этот момент британские дипломаты сумели найти себе достаточно сильного союзника в лице Японии. Сразу замечу, что союз со Страной восходящего солнца был нужен не только против России, но в перспективе и против Германии, и он действительно сработал и в 1904-м, и в 1914 гг.

Первые зондажи о возможности заключения англо-японского союза были начаты в марте 1901 г. в Лондоне. Их вели японский посол Хаяси и министр иностранных дел Англии Ленсдаун. Условия союза стали предметом длительных споров в правящих кругах Лондона и Токио. Только 8 октября 1901 г. Хаяси получил указание возобновить переговоры об англо-японском соглашении, и только 16 октября он изложил Ленсдауну содержание японского предложения: Япония всегда более заинтересована в Корее. В Маньчжурии она заинтересована якобы лишь постольку, поскольку захват этой области Россией легко может привести к захвату ею также и Кореи. Японское правительство желало бы иметь с Англией такой союз, который обеспечивал бы каждому участнику военную помощь союзника на случай войны из-за интересов на Дальнем Востоке более чем с одним противником.

6 ноября Ленсдаун встретился с Хаяси и передал ему английский проект союзного договора. Британское правительство предложило расширить сферу действия союза за пределы Дальнего Востока. Оно желало иметь японскую помощь также и на случай войны из-за Индии. Зато в отношении Кореи английский проект предусматривал совместные действия только в целях предотвращения захвата ее Россией. Японское правительство возражало. Оно не соглашалось расширить сферу союзных обязательств за пределы Китая и Кореи. С другой стороны, оно желало распространить действие договора не только на случай покушения третьей державы на Корею, но и на войну из-за любых попыток какой-либо державы ограничить господствующее влияние Японии в этой стране. Иными словами, Япония хотела получить поддержку Англии на тот случай, если Россия будет мешать Японии самой произвести фактический захват Кореи.

Параллельно с переговорами Хаяси состоялся визит в Европу бывшего

японского премьера маркиза Ито. 13 ноября 1901 г. он прибыл в Париж и встретился там с Делькассе. Французский министр иностранных дел был крайне заинтересован в примирении Японии с Россией. Он всеми силами стремился избавить свою союзницу от необходимости отвлекать свои войска от германской границы в Восточную Азию. Делькассе убеждал Ито в необходимости соглашения с Россией. Он рассчитывал, что Япония нуждается в средствах, и Ито будет просить о предоставлении займа, но этого не произошло. Ито только выразил надежду, что соглашение будет достигнуто, и пообещал в случае необходимости прибегнуть к посредничеству Франции.

12 (24) ноября Ито прибыл на берега Невы. Японский дипломат Исии писал в своих «Дипломатических комментариях», что «русские деятели... и сам царь устроили более чем королевский прием маркизу Ито. Они говорили с ним о политических вопросах и заняли чрезвычайно благожелательную позицию»^{166}.

В беседах с Николаем II, Ламздорфом и Витте Ито требовал установления японского протектората в Корее, на что ему было заявлено, что интересы России требуют обеспечения свободы плавания по Корейскому проливу. Если это условие будет принято, то Россия признает промышленные и коммерческие интересы Японии в Корее. Русское правительство было готово предоставить Японии преимущественное право «подавать советы» и оказывать «помощь», в том числе и военную, корейскому правительству. Но, признавая право Японии вводить в Корею свои войска, русское правительство настаивало, чтобы численность этих войск и сроки их пребывания в Корее были ограничены, и чтобы Корея не использовалась Японией «для стратегических целей» против России. Японские войска не должны были переступать определенную зону воль русско-корейской границы. В обмен от японцев требовалось признание русского преобладания в Маньчжурии и в других областях Китая, граничащих с Россией. Япония должна была «ни в чем не стеснять там свободы действий России».

Сотрудник японского посольства в Лондоне привез в Петербург к Ито проект англо-японского договора, хотя информировать Ито об этом можно было бы гораздо проще — по телеграфу из Токио. Но специально был выбран более демонстративный способ. Ито посоветовал своему правительству не торопиться с подписанием союза с Англией, пока не выяснится полностью вопрос о возможности заключить выгодное соглашение с Россией.

В конце переговоров в Петербурге Ито предложил продолжить

переговоры и заключить соглашение в Токио, куда он и выехал через Италию. Внезапно 17 января 1902 г. в Петербурге было получено извещение о заключении договора между Англией и Японией.

Причины столь резкого поворота японской дипломатии не ясны до сих пор. Советские историки склонны винить в этом генералов Катцура и Ямагато, занимавших ключевые посты в японском кабинете. Исследования же В.А. Золотарева указывают и на жесткий нажим британского правительства на Японию.

Как бы то ни было, 18 (30) января 1902 г. Ленсдаун и Хаяси подписали союзный договор. В первой его статье обе стороны признавали друг за другом право на охрану в Китае и Корее своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее, и потребуется интервенция какой-либо из договаривающихся сторон для защиты жизни и собственности ее подданных»^{167}.

Таким образом, договорные обязательства касались не только отпора покушениям третьей державы на захват Кореи или Китая. Они предусматривали также «право» на противодействие любым попыткам третьей державы — предположительно России — «угрожать интересам» Японии или Англии в этих двух странах Восточной Азии. В высшей степени растяжимые формулировки статьи 1 предоставляли широкие возможности для изыскания поводов как для вмешательства во внутренние дела Китая и Кореи, так и для развязывания войны против России. Если бы, например, Россия воспротивилась каким-либо агрессивным действиям Японии в Корее, то японскому правительству было бы нетрудно подвести этот случай под формулировки статьи 1 англо-японского договора. Оно могло бы заявить, что, противодействуя Японии, Россия «угрожает» японским интересам.

Статья 2 обязывала каждую из договаривающихся сторон соблюдать строгий нейтралитет в случае, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется вовлеченной в войну с третьей державой.

В случае войны одного из союзников с двумя или более державами договор (статья 3) обязывал другого его участника оказать союзнику военную помощь.

Этот англо-японский союзный договор стал крупной победой японской дипломатии. Об Индии в договоре не было сказано ни слова, зато в отношении Кореи и Маньчжурии договор обеспечивал Японии все, чего добивалось ее правительство. Договор этот давал возможность Японии

начать войну против России, не опасаясь, что какая-либо держава окажет России вооруженную поддержку, поскольку воевать бы тогда пришлось не только с Японией, но и с ее союзницей — Англией. Договор был одобрен парламентом и опубликован.

Заключение англо-японского союзного договора сопровождалось обменом секретными нотами. В них устанавливалось, что «в мирное время» военно-морские силы обеих сторон, «насколько это возможно», будут действовать согласованно и что будут предоставлены взаимные льготы в использовании доков и в снабжении углем военных кораблей каждого союзника в портах другого. В нотах констатировалось, что в данный момент Англия и Япония содержат на Дальнем Востоке силы, превосходящие морскую мощь любой другой державы. Обе союзницы заверяли друг друга, что они не имеют намерения ослаблять усилий к сохранению такого превосходства.

Англо-японский договор оживленно обсуждался в Европе. В Германии не скрывали злорадства, считая, что этот договор поставит в затруднительное положение и Англию, и Россию. Некоторые берлинские газеты дошли до того, что объявили этот договор делом германского правительства. Во Франции считали, что англо-японский договор направлен главным образом против России, и решили, что Франция, как союзница, обязана внимательно отнестись к указанному договору, способному, кроме того, повлечь за собой и борьбу против французского влияния в южных провинциях Китая. Соединенные Штаты приняли этот союз «скорее хорошо, чем дурно», так как им все же проповедовался в китайской политике принцип открытых дверей, причем статс-секретарь Хэй заявил, что англо-японское соглашение «вполне соответствует американским интересам»^{168}.

В России, увы, должного значения этому договору не придали. Хотя еще в 1897 г. в особой записке от 12 апреля русский посол в Токио барон Розен высказал предположение, что в корейском вопросе Япония будет искать опоры в Англии и найдет здесь полное сочувствие и нравственную поддержку. «Англия нуждается на Дальнем Востоке в союзнике, — писал Розен, — который поддерживал бы сухопутными войсками действия английского флота. Такого союзника она могла бы найти в лице Японии с ее превосходно организованной и сравнительно сильной армией. Вследствие этого Англия и стремится всеми силами втянуть Японию в союз с собой, который обеспечил бы за ней преобладание, которого она, несомненно, ищет как здесь, так и повсюду»^{169}.

Кстати, в Петербурге вспомнили и высказывание старого русофоба лорда Керзона, сделанное им в Палате общин еще 7(19) июля 1897 г. в ответ на запрос сэра Чарльза Дилька. Керзон определил интересы Англии так: во-первых, «чтобы независимость Кореи была обеспечена» и «чтобы она не была поглощена территориально или административно Российской империей»; во-вторых, «чтобы корейская территория и корейские порты не сделались базисом для планов территориальных расширений, могущих нарушить равновесие сил на Крайнем Востоке и дать одной державе [естественно, России. — А.Ш.] военно-морское преобладание в восточных водах». Лорд Керзон закончил свои объяснения словами: «Какие бы то ни было попытки одной державы вроде тех, которые я описывал, найдут нас готовыми к охране там наших интересов»^{170}.

В начале 1902 г. Ламздорф обратился к французскому правительству с предложением совместно выступить с ответом на англо-японский союз. Французское правительство не одобряло отвлечения сил России на Дальний Восток, но все же согласилось на то, чтобы 20 марта 1902 г. оба союзных правительства опубликовали общую декларацию. В ней говорилось: «Будучи вынужденными учитывать возможность враждебных действий других держав, либо повторения беспорядков в Китае... оба союзных правительства оставляют за собой право озаботиться в такого рода случаях принятием мер, необходимых для охраны их интересов»^{171}.

Декларация эта намекала правительствам Японии и Англии на возможность франко-русского сотрудничества на Дальнем Востоке, но вопрос, примет ли это сотрудничество военные формы, оставался открытым. Поэтому декларация имела малообязывающий характер, Франция не оказала своей союзнице существенной политической помощи на Дальнем Востоке.

Чтобы более не возвращаться к отношениям России и Франции в 1900—1905 гг., скажу, что в 1893 г. — начале 1894 г. был заключен русско-французский союз. Этот союз был основан на целом ряде политических и военных соглашений, подписанных обеими сторонами. Советские и нынешние «демократические» историки смотрят на этот союз сквозь призму 1914 г. и рассматривают его исключительно как союз против Германии. Но русское правительство полагало, что Франция будет союзницей России и в конфликтах с другими странами. Причем для этого были вполне реальные основания.

В 70—80-х годах XIX века произошло несколько серьезных дипломатических конфликтов между Англией и Францией, когда дело шло

к вооруженным столкновениям. Это касалось Египта, Судана, Экваториальной Африки, Индокитая и т.д. В ряде случаев в те годы русская и французская дипломатия действовали единым фронтом против англичан.

Летом 1900 г. состоялось совещание начальников Генеральных штабов России и Франции. Принятые на них решения, зафиксированные протоколом от 2 июля, вносили во франко-русский союз еще два важных изменения. Первая поправка касалась Австро-Венгрии, а вторая — Англии. Впервые союзнические обязательства России и Франции распространялись на случай войны против Англии, правда, не автоматически, как против Германии, а только при условии, что оба правительства приняли бы специальные решения «об ожидании взаимной помощи в возможной войне с Англией». В протоколе говорилось: «Если Англия нападет на Францию, то Россия в состоянии совершить тактическую диверсию в пользу Франции на границах Афганистана и Британской Индии» с целью «произвести в Англии большой моральный эффект»^{172}. В протоколе указывалось, что после завершения строительства железной дороги Оренбург — Ташкент Россия сможет сосредоточить для этой цели в течение шести недель до 300 — 350 тысяч человек. В связи с этим Франция предоставила России заем на строительство железной дороги в Средней Азии.

Если же Англия нападет на Россию, то «Франция может произвести в пользу России диверсию путем концентрации на побережье Ла-Манша от 100 до 150 тыс. человек»^{173}.

Таким образом, имелся в виду только случай нападения со стороны Англии. Если бы война с Англией перешла бы в войну с Германией, то Германия стала бы для обеих союзниц основным противником. То есть франко-русский союз теперь направлялся и против Англии, хотя Германия и признавалась главным противником.

На самом же деле французское правительство не только не собиралось ссориться с Англией, но и желало союза с ней. А антибританское соглашение с Россией предназначалось, с одной стороны, с целью задобрить и усыпить бдительность восточного партнера, а с другой — легонько пошантажировать Англию.

Дипломаты с обоих берегов Канала быстро нашли общий язык. Весной 1903 г. состоялся визит нового короля Эдуарда VII в Париж. (Королева Виктория умерла 22 января 1901 г). Визит этот носил характер эффектной демонстрации сближения Англии и Франции. В Париже король много говорил о том, что время вражды ушло в прошлое и что должна наступить эра англо-французской дружбы.

Летом 1903 г. президент Французской республики Лубэ прибыл с визитом в Лондон. Его сопровождал Делькассе — главный поборник англо-французского сближения. Между Делькассе и главой Форин офис лордом Ленсдауном начались деловые переговоры. После отъезда гостей переговоры продолжились между Ленсдауном и французским послом Камбоном.

Главной темой переговоров было устранение колониальных разногласий между Англией и Францией. Французская сторона выдвинула вопрос о Марокко и Сиаме, а англичане добавили и Египет.

Заключенный 8 апреля 1904 г. договор принял форму соглашения о разделе колоний. Пресса обеих стран окрестила его «сердечным согласием».

Договор Антанты^[51] представлял собой очень любопытный документ. Он состоял из двух частей: открытой, предназначенной для опубликования, и секретной.

В открытой декларации «О Египте и Марокко» английское правительство заявило, что оно не имеет намерения изменять политический статус Египта и Марокко. В статьях же секретного соглашения в полную противоположность статьям публичной декларации предусматривалась возможность изменения «политического статуса» как Марокко, так и Египта.

Отдельной декларацией устанавливался раздел Сиам между Англией и Францией на сферы влияния по реке Менам. Западная часть страны, граничащая с Бирмой, становилась сферой влияния Англии, а восточная, граничащая с Индокитаем, — Франции.

После заключения соглашения с Францией британское Адмиралтейство стянуло в метрополию из Средиземного моря и других многочисленных владений Англии около 160 боевых кораблей. После создания Антанты английские коммуникации по всему миру оказывались в относительной безопасности, их теперь обеспечивал французский флот. А свои основные военно-морские силы Англия теперь сосредоточила против Германии. Раньше главные базы английского флота располагались по побережью Ла-Манша, напротив французских берегов, а с 1903 г. Англия начала строить крупные военно-морские базы на своем восточном побережье, обращенном в сторону Германии.

Английское адмиралтейство подумывало, а не лучше ли заблаговременно, посредством неожиданного нападения, разбить германский флот, как это когда-то сделали англичане с датским флотом на Копенгагенском рейде. Адмирал Фишер и первый гражданский лорд

адмиралтейства Ли придерживались мнения, что внезапный удар по неприятельскому флоту был бы с военной точки зрения самым целесообразным способом действий. «Если возникнет война, британский флот сумеет нанести первый и сокрушительный удар, прежде чем противная держава узнает из газет, что война объявлена»^[174], — говорил лорд Ли.

Поведение Франции в конце XIX века и особенно после 1902 г. ясно показывает, что ни на какой конфликт с Англией ради России она не пойдет, и в лучшем случае можно рассчитывать на ее нейтралитет, как в случае войны с Японией, так и с Англией.

Стать противовесом Англии могла только Германия, но этого не понимали ни Николай II, ни его тугодумы с Певческого моста^[52]. Тот же Ламздорф и К° были не прочь использовать Германию против Англии и Японии, но платить не хотели. А минимальная плата Германии заключалась в русской гарантии стабильности существующих европейских границ, на что Николай II никак не мог решиться.

Возвращаясь к Англии, стоит заметить, что владычица морей еще с 80-х годов XIX века стала помогать строить японский флот.

В 1895 г. японское правительство сразу же после окончания войны с Китаем приняло первую программу усиления своего флота. Япония планировала начать постройку кораблей всех классов, и в первую очередь эскадренных броненосцев, броненосных крейсеров и миноносцев, предназначенных для ведения активных наступательных действий. Поскольку японская судостроительная промышленность была еще недостаточно развита, правительство разместило заказы на постройку кораблей, предусмотренных программой 1895 г., за границей.

Таблица 2

Корабли, построенные для Японии за границей

Класс кораблей	Количество	Место постройки
Эскадренные броненосцы	4	Англия
Броненосные крейсера 1-го класса	6	Англия, Франция
Небронированные крейсера	5	Англия, США
Минные крейсера	3	Япония
Минные истребители (эсминцы)	11	Англия
Миноносцы водоизмещением более 100 т	23	Франция, Германия
Миноносцы водоизмещением более 800 т	31	Франция, Германия
Миноноски	35	Япония

В 1896 г. японское правительство, считая судостроительную программу 1895 г. недостаточной, дополнительно приняло рассчитанную на 10 лет программу, предусматривавшую постройку главным образом крейсеров и значительного количества эсминцев, а также оборудование военно-морских баз и портов, предназначенных для обеспечения боевой деятельности японского флота в Желтом и Японском морях.

Третья судостроительная программа была принята на специальном заседании японского парламента в июне 1903 г. 2 февраля 1904 г., то есть буквально перед началом войны, японское правительство заключило в Лондоне контракты с фирмами Виккерса и Армстронга на поставку двух эскадренных броненосцев «Кашима» и «Катори» водоизмещением в 16 400 т каждый. Вооружение броненосцев составляли четыре 304/45-мм, четыре 254/45-мм и двенадцать 152/45-мм пушек.

«Кашима» был заложен 29 февраля 1904 г. на верфи Армстронга в Эльсвине, а «Катори» — 27 февраля 1904 г. на верфи Виккерса в Барроу, то есть уже после начала Русско-японской войны. Спущены броненосцы были 22 марта 1905 г. и 4 июля 1905 г. соответственно. В строй они вошли одновременно — 23 мая 1906 г.

Как видим, нейтральная Англия наплевала на все международные законы и соглашения и буквально в бешеном темпе, менее чем за полтора года ввела в строй два мощнейших броненосца.

Глава 24

ТАЙНАЯ ВОЙНА АНГЛИИ 1904-1905 ГОДОВ

Англия формально соблюдала нейтралитет в Русско-японской войне, но, по мнению автора, именно позиция Англии стала одним из главных факторов поражения России.

Беспрецедентным в истории военного морского права стал провод британскими моряками под конвоем королевского крейсера двух японских броненосных крейсеров из Италии в Японию.

В марте — мае 1902 г. на итальянской верфи Ансальдо в городе Сестри-Поненте (близ Генуи) были заложены для Аргентинского флота два броненосных крейсера водоизмещением по 7628 т — «Митра» и «Рока». Весной 1903 г. их переименовали в «Бернардино Ривадавия» и «Маонано Морено».

За время их постройки произошли важные политические изменения — пограничный спор между Чили и Аргентиной разрешился мирным путем, причем обе стороны в соглашениях, заключенных в мае, июле и декабре 1902 г., обязались установить равновесие морских сил. Помимо других мероприятий предусматривалась продажа ранее заказанных кораблей. Третий пункт договора, подписанный в Буэнос-Айресе, гласил: «Правительства республик обязуются теперь же известить соответствующие заводы, что строящиеся у них корабли по взаимному соглашению предоставлены в распоряжение его величества короля Великобритании и без его личного приказания не могут быть переданы какой бы то ни было державе».

К тому времени аргентинские корабли уже находились в высокой степени готовности, а в январе 1903 г. спустили на воду и чилийские броненосцы «Контитусьон» и «Либертад». Представители обоих недавно конфликтовавших государств, действуя через посредников, срочно искали покупателей. Русско-японские отношения к началу 1903 г. мало у кого вызывали сомнения в неизбежности скорой войны на Дальнем Востоке.

28 ноября 1902 г. вице-адмирал итальянского флота Кандиани направил личное письмо своему старому знакомому по службе на Средиземном море вице-адмиралу Н.И. Скрыдлову с предложением фирмы «Орландо» продать заложенный для Аргентины броненосец типа

«Витторио Эммануэле» водоизмещением 12 600 т. Речь шла, очевидно, о корабле, который Аргентина только собиралась заказать Италии. Скрыдлов доложил об этом начальнику Главного морского штаба вице-адмиралу Ф.К. Авелану, который 17 декабря сообщил мнение управляющего Морским министерством адмирала П.П. Тыртова — есть указание Николая II строить корабли только на русских верфях. С Тыртовым в данном случае трудно не согласиться — предлагаемый броненосец существовал только на бумаге. 20 января 1903 г. адмирал отказался от приобретения уже спущенных на воду в Англии броненосцев, предложенных России чилийским правительством через торговый дом Ротшильдов.

28 апреля 1903 г. министр иностранных дел России В.М. Ламздорф направил управляющему Морским министерством Ф.К. Авелану копию донесения посольства в Риме: представитель фирмы «Ансальдо» Ф.М. Перроне конфиденциально предложил послу купить два чилийских броненосца.

В начале августа в Главный морской штаб поступило письмо от фирмы «Ансальдо», датированное 27 июля 1903 г., с предложением купить крейсера: «Дело идет о двух судах современного типа, мощных, быстроходных, хорошо бронированных, с мощной артиллерией. При испытаниях первый из них дал свыше 18,5 узла при естественной тяге и даст свыше 20 узлов при искусственной».

Несмотря на обострение обстановки, адмирал Зиновий Петрович Рожественский решил действовать «на основе ранее принятого решения» и 9 августа уведомил посольство в Риме о том, что Морское министерство не намерено приобретать суда. Рожественский считал достаточным обеспечить равенство русского флота с японским, полагая, что превосходство ни к чему, поэтому ограничился «плановыми мероприятиями». Постройка русских кораблей шла обычным порядком, а на Дальний Восток отправлялись два очередных броненосца и два крейсера, из которых, несмотря на спешку, к началу войны в Порт-Артур успели прийти только «Цесаревич» и «Баян».

В ноябре Япония мобилизовала свой флот, а 6 декабря Главный морской штаб вновь отклонил сделанное через морского агента в Лондоне капитана 1-го ранга И.Ф. Бострема предложение аргентинского консула продать строящиеся в Италии крейсера с полным боевым запасом. В итоге 29 декабря 1903 г. крейсера были куплены Японией.

К этому времени на пути на Дальний Восток находился отряд русских кораблей под командованием контр-адмирала А.А. Вирениуса. В отряд входили: эскадренный броненосец «Ослябя», крейсера 1 -го ранга

«Дмитрий Донской» и «Аврора», крейсер 2-го ранга «Алмаз», семь миноносцев водоизмещением по 350 т («Бодрый», «Быстрый», «Бравый», «Бедовый», «Буйный», «Безупречный» и «Блестящий»), два миноносца водоизмещением по 186 т и три парохода Добровольного флота («Орел», «Саратов» и «Смоленск»).

Между прочим, броненосец «Ослябя» вышел из Кронштадта 25 июля 1903 г. вместе с крейсером «Баян». Последний благополучно дошел до Порт-Артура. А вот «Ослябя» из-за незначительного повреждения днища в Гибралтарском проливе задержался и 12 октября 1903 г. встал на ремонт в итальянском порту Специя. Затем броненосец вместо Дальнего Востока отправили в Бизерту конвоировать малые миноносцы № 212 и № 213. Замечу, что проку от малых миноносцев на Дальнем Востоке не было.

Крейсер «Аврора» ушел из Кронштадта 25 сентября 1903 г. и в начале октября вошел в Средиземное море. 25 октября «Аврора» пришла в Бизерту. Но петербургское начальство погнало «Аврору» назад в Специю, куда она пришла 9 ноября 1903 г.

Риторический вопрос — кто и зачем накануне войны гонял русские корабли по Средиземному морю? В 1941 г. никто не отличал преступного дурака от вредителя, и оба становились к стенке. А вот в 1903—1905 гг. все преступники-адмиралы, кроме несчастного Небогатова, получили кресты и огромные пенсии.

Лишь в конце декабря 1903 г. русская эскадра прибыла в Порт-Саид.

А между тем крейсера, закупленные Японией (их называли «Ниссин» и «Касуга»), ранним утром 27 января 1904 г. покинули Геную и отправились в Порт-Саид. По свидетельству русского генерального консульства в Генуе, спешка была такая, что на «Ниссине» не только не успели закончить работы, но и не погрузили все необходимое оборудование. Крейсера шли под английским коммерческим флагом, командовали ими английские офицеры резерва флота Х. Пейнтер («Ниссин») и Д.Ф. Ли («Касуга»). Общая численность экипажей, состоящих в основном из английских моряков и итальянских механиков, была около 240 человек.

Вирениус преступно упустил японские крейсера. «Ниссин» и «Касуга» были полностью небоеспособны, с обоими мог легко разделаться один «Дмитрий Донской» или «Аврора». «Кинг Альфред» (водоизмещение 14 150 т; вооружение: 2—234/46-мм, 16—152-мм и 14—76-мм пушек) был существенно слабее «Ослябя». А главное, как уже говорилось, Англия ни под каким видом не собиралась вступать в войну с Россией, тем более из-за каких-то японских крейсеров.

3 февраля 1904 г. «Ниссин» и «Касуга» благополучно прибыли в

Йокосуку и менее чем через два месяца появились под Порт-Артуром.

Эскадра же Вирениуса пришла в Джибути, где и получила приказ из Петербурга возвращаться обратно. Пароходы Добровольного флота «Орел», «Саратов» и «Смоленск» должны были идти в Севастополь, а остальные суда — на Балтику.

Таким образом, петербургские адмиралы и Вирениус совершили две роковые ошибки. Во-первых, они упустили японские крейсера, а во-вторых, отказались от блестящей возможности пройти во Владивосток. Японский флот не мог весной 1904 г. уйти из Желтого моря и ловить эскадру Вирениуса по проливам — Сангарскому, Лаперуза, Татарскому и другим. По пути русская эскадра могла наделать много «шума» вдоль берегов Японии.

Япония, как известно, остров, и Россия могла выиграть одной крейсерской войной.

В 1902 г. из собственного сырья железной руды Япония была в состоянии выплавить 240 тысяч тонн чугуна и добывала всего 10 миллионов литров нефти. Потребность страны в том же году составила 1 850 тысяч тонн чугуна и 236 миллионов литров нефти. Стоимость импорта черных металлов и металлоизделий в 1901 г. составила 24 406,5 тысячи иен, нефти и нефтепродуктов — 15 миллиона иен, машин и оборудования для промышленных предприятий — 16,6 миллионов иен, шерсти и шерстяных изделий — 12 миллионов иен. А всего эти четыре вида товаров, имеющих важное значение для военно-экономического потенциала, обходились Японии в 73 006,5 тысячи иен, или 54,1 % всей стоимости импорта в 1901 г.

В годы войны почти все тяжелые орудия, включая 11-дюймовые гаубицы, были получены Японией из-за рубежа. В 1904—1905 гг. в Японию было ввезено огромное количество военно-морского вооружения, включая пушки и торпеды, и даже подводные лодки.

С другой стороны, Япония расположена на десятках островов, ее береговая линия составляет тысячи миль. Большинство ее городов находятся на побережье в пределах досягаемости 152/45-мм пушек Кане. Страна в значительной мере зависит от рыболовства.

Все это было хорошо известно русским политикам и адмиралам задолго до 1904 г. Прервав морские коммуникации японцев и напав на ее побережье, можно быстро «принудить к миру» Империю восходящего солнца. Так, кстати, и сделали американцы в 1943—1945 гг. Их надводные корабли и подводные лодки и самолеты действовали по принципу «Sink them all»^[53], и пускали на дно все суда, идущие в Японию или из нее,

невзирая на национальность.

А чтобы избежать обвинений, что, мол, в 1904 г. были совсем иные нравы, чем в 1941 г., я процитирую адмирала и лорда британского Адмиралтейства Джона Фишера: «На первой мирной конференции в Гааге в 1899 г., когда я был британским делегатом, городили ужасную чушь о правилах ведения войны. Война не имеет правил... Суть войны — насилие. Самоограничение в войне — идиотизм. Бей первым, бей сильно, бей без передышки!»^{175}

Нравы за последние двести лет были, увы, одинаковые, менее всего думали о соблюдении правил войны в Англии и США, а более всего — в России и СССР. Последним русским правителем, который не боялся западного «общественного мнения», была Екатерина II. Когда ей доложили, что французский посол спрашивает, на каком основании были введены русские войска в Варшаву, она велела спросить посла, а на каком основании он ей задает такие вопросы?

Самое интересное, что Россия, по крайней мере, с 1855 г., интенсивно готовилась к крейсерской войне. Правда, не с Японией, а с Англией, то есть с многократно более сильным противником. На русских верфях строились специальные броненосные крейсера, предназначенные для действий на коммуникациях противника. На казенные средства и добровольные пожертвования был создан так называемый Добровольный флот. В мирное время корабли Добровольного флота перевозили грузы и пассажиров, а в военное они должны были использоваться как вспомогательные крейсера (рейдеры) на коммуникациях врага. К концу 1903 г. в составе Добровольного флота насчитывалось 74 парохода водоизмещением от 900 до 15 000 т.

Но, увы, робкие попытки ведения крейсерской войны против Японии позорно провалились. Если ограничиться изучением только военных документов, то создается впечатление, что Николай II сознательно подрывал обороноспособность страны. Три императора создали на западных границах России лучшую в мире систему крепостей, а Николай II довел ее до такого состояния, что русские крепости стали легкой добычей немцев в первые месяцы Первой мировой войны. Столь же впустую ушли миллиарды народных денег, потраченные на крейсерский и Добровольный флот.

Россия вполне могла к концу 1903 г., переоборудовав в угольщики (суда снабжения) часть пароходов Добровольного флота и зафрахтовав для этого часть угольщиков, например, германских, создать тайные склады снабжения на бесчисленных тихоокеанских островах, на Камчатке и

Сахалине. Кроме того, Китай с 1904 г. был уже достаточно децентрализован, и туземные китайские начальники за хорошие деньги всегда бы продали русским крейсерам уголь, пресную воду, продовольствие и даже девиц для господ офицеров. Своевременный выход броненосцев, броненосных и вспомогательных крейсеров в океан и порты Китая в начале 1904 г. стал бы отличным козырем в дипломатических переговорах и исключил бы нападение Японии^[54].

Не поздно было начать крейсерскую войну и после нападения японцев на Порт-Артур. На Балтике к тому времени находилось несколько броненосцев и крейсеров, которые устарели для линейного боя с современными японскими броненосцами и были бы обузой для 2-й Тихоокеанской эскадры, но вполне годились бы для крейсерской войны. Да и создавались эти крейсера в первую очередь для крейсерской войны. Среди этих кораблей были броненосцы «Александр II» и «Николай I», введенные в строй в 1891 — 1893 гг. Водоизмещение их составляло 9244 и 9600 т, вооружение: две 305/30-мм, четыре 229/35-мм, восемь 152/35-мм пушек, а также несколько бесполезных 65-, 47- и 37-мм пушек. Скорость хода броненосцев достигала 14,5—15 узлов, дальность плавания — до 4000 миль при нормальном запасе угля.

«Николай I» был включен в состав 3-й Тихоокеанской эскадры, захвачен японцами в Цусиме и под названием «Ики» находился до мая 1915 г. в составе японского флота.

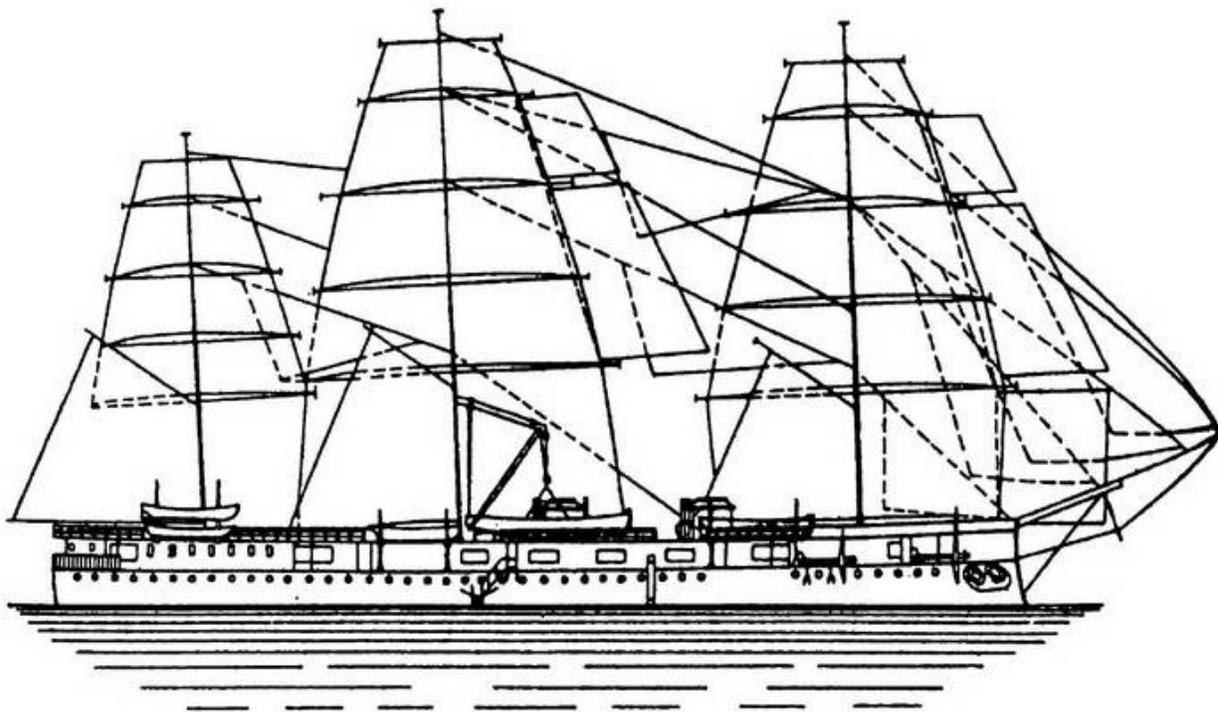
«Александр II» прибыл в Кронштадт из последнего дальнего плавания в сентябре 1901 г. и встал на ремонт. В декабре 1903 г. была закончена замена котлов. В 1904 г. всю артиллерию, кроме двух 305-мм пушек, заменили на одну 203/45-мм, десять 152/45-мм, четыре 120/45-мм и четыре 47-мм пушки. Кстати, в 1915 г. десять 152-мм пушек заменили на пять 203-мм.

Замечу, что 152/45-мм и 203/45-мм установки были палубными тумбового типа. Монтаж и демонтаж их проводили легко и быстро. В годы Гражданской войны и белые, и красные производили монтаж 152-мм и 203-мм пушек на мобилизованные суда и бронепоезда за сутки — двое.

К 1904 г. 152/45-мм пушек Кане было более чем достаточно. Это и новые корабельные пушки, изготовленные Обуховским и Пермским заводами. Это пушки кораблей Черноморского флота «Потемкин», «Кагул», «Очаков», «Три Святителя» и др. Наконец, десятки 152-мм пушек Кане можно было взять в береговых крепостях — Кронштадте, Либаве, Севастополе и др. Береговые 152-мм пушки Кане отличались от корабельных мелкими деталями. К примеру, сейчас на крейсере «Аврора» в

Петербурге большая часть 152-мм пушек — это пушки сухопутных крепостей, но вряд ли во всем СНГ найдется хоть дюжина специалистов, способных отличить их от рядом стоящих корабельных пушек.

Так что «Николай I» и «Александр II» могли выйти в крейсерство из Кронштадта уже весной 1904 г., вооруженные современными 152/45-мм и 203/45-мм пушками. Эти броненосцы могли стать легкой добычей японских броненосцев, но были вполне способны потопить броненосный крейсер и гарантированно разнесли бы в щепки японские суда береговой обороны, включая «Чин-Иен» и «Фузо».

Броненосный крейсер (фрегат) «Владимир Мономах»

К 1904 г. в строю на Балтийском флоте находились броненосные крейсера:

«Владимир Мономах», вступил в строй в 1883 г., водоизмещение 6000 т, вооружение: 5—152/45, 6—120/45-мм орудий;

«Дмитрий Донской», вступил в строй в 1885 г., водоизмещение 6200 т, вооружение: 6—152/45-мм, 10—120/45-мм орудий;

«Адмирал Нахимов», вступил в строй в 1887 г., водоизмещение 8300 т, вооружение: 8—203/35-мм, 10—152/35-мм орудий (все три корабля отправлены на Дальний Восток в составе эскадр Рождественского и

Небогатова);

«Адмирал Корнилов», вступил в строй в 1889 г., водоизмещение 5377 т, вооружение: 14—152/35-мм орудий;

«Память Азова», вступил в строй в 1890 г., водоизмещение 6734 т, вооружение: 2—203/35-мм, 13—152/35-мм орудий.

Имелось и несколько судов меньшего тоннажа, но вполне годившихся в рейдеры. Это яхта «Алмаз», построенная в 1903 г. Ее водоизмещение составляло 3885 т. Вооружение в Цусиме состояло из четырех 75/50-мм и восьми 47-мм пушек, но в 1915 г. она несла семь 120/45-мм пушек и четыре гидросамолета.

Яхта «Полярная Звезда» 1891 г. постройки водоизмещением 4000 т. К 1904 г. была императорской яхтой, но проектировалась как «яхта-крейсер» и по проекту должна была нести после мобилизации восемь 152/35-мм, четыре 9-фунтовые и шесть 47-мм пушек, а также два торпедных аппарата.

Яхта «Штандарт», вошедшая в строй в 1896 г. Водоизмещение ее 5500 т. К 1904 г. была императорской яхтой. В 1930-х годах большевики переделали яхту в минный заградитель. Ее вооружили четырьмя 130/55-мм пушками, семью 76-мм зенитными установками 34К и четырьмя 45-мм пушками. Запас мин — 516 образца 1908 г.

В 1904 г. профессор Военно-морской академии по кафедре стратегии Н.Л. Кладо неоднократно обращался по инстанциям с предложением об обращении императорских яхт в крейсера. Отчаявшись, он даже написал об этом статью в газете «Новое Время», за что был немедленно отправлен под арест.

Замечу, что царь-батюшка и его многочисленная августейшая родня в случае ухода «Полярной Звезды» и «Штандарта» на Дальний Восток не остались бы без морских прогулок. Только на Балтике в строю были яхты «Царевна» (678 т), «Стрела» (290 т), «Марево» (51 т) и «Александрия» (544 т). Однако в ходе войны никто более не посмел и заикнуться о мобилизации «Штандарта» и «Полярной Звезды». Мало того, «принц-бастард» Е.И. Алексеев^[55] — наместник на Дальнем Востоке — решил и себе занять океанскую яхту.

1 августа 1903 г. в списки крейсеров 2-го ранга был включен один из лучших пароходов Добровольного флота «Москва». Он получил название «Ангара» и был вооружен шестью 120/45-мм и шестью 75/52-мм пушками. Но не тут-то было! Наместник приказал сохранить роскошную деревянную отделку судна, его пассажирские каюты и фактически превратил «Ангару» в свою яхту. Поэтому такой ценный крейсер водоизмещением 12 050 т, имевший максимальную скорость хода 20,1 узла и дальность плавания 5160

миль при 12,5-узловом ходе было приказано держать в Порт-Артуре, а не во Владивостоке, где он мог принести огромную пользу.

Столь же бездарно использовался и другой вспомогательный крейсер «Лена» (бывший пароход Добровольного флота «Херсон»). Его водоизмещение составляло 10 675 т, скорость хода 20 узлов, дальность плавания 5500 миль. Вооружение: шесть 120-мм и шесть 75-мм пушек.

Вначале «Лену» зачем-то таскали с эскадрой владивостокских крейсеров «Рюрик», «Россия» и «Громобой». Видимо, для поднятия духа командования — вот, мол, как нас много! А далее следует совсем запутанная история, которая еще ждет своих исследователей. Я же не люблю фантазировать и лишь процитирую «Военную энциклопедию», том XIV, изданный в 1914 г.: «29 июля 1905 г. [крейсер «Лена»] отправлен совместно с транспортом "Якут", "Камчатка" и "Тунгуз" в экспедицию для охраны промыслов в Охотском море. Транспорты отправились Татарским проливом к рандеву в устье Амура, крейсер "Лена" Лаперузовым проливом вошел в Охотское море, зашел в Корсаковский пост, оттуда на Тюлений остров, около которого захватил и потопил японскую хищническую [браконьерскую. — А.Ш.] шхуну. В устье Амура, получив известие о поражении Порт-Артурской эскадры 28 июля и Владивостокской 1 августа, начальник экспедиции и командир крейсера (капитаны 1-го ранга Гинтер и Берлинский) донесли о негодности его механизмов, получив разрешение из Владивостока прекратить экспедицию, отправили транспорты в Николаевск на Амуре, а сами пошли в крейсерство на торговые пути из Сан-Франциско в Иокогаму. Однако дня за два до предполагавшейся встречи с японскими пароходами, везшими артиллерию из Америки, "Лена" свернула с обычного пути и пошла в Сан-Франциско. 29 августа крейсер получил разрешение из Санкт-Петербурга разоружиться, хотя состояние механизмов вполне допускало дальнейшее крейсерство. С окончанием войны "Лена" после частичного очередного ремонта с теми же котлами вернулась во Владивосток, а оттуда в Либаву»^{176}.

Кроме военных судов и яхт в крейсера можно было обратить и несколько пароходов Добровольного флота, а также пассажирских судов, закупленных за границей. Причем все возможности для этого имелись. Российские финансы к 1904 г. были в полном порядке, денег хватило бы и на покупку сотни пароходов.

А где взять личный состав для крейсеров? Традиционно в случае войны происходила мобилизация экипажей торговых судов. Но это само собой. Кроме того, в России имелось два источника, откуда можно было получить тысячи хорошо подготовленных матросов и офицеров. Это

старые корабли Балтийского и Черноморского флотов.

К 1904 г. в составе Балтийского флота состоял ряд кораблей (формально они считались броненосцами береговой обороны) постройки 60—70-х годов XIX века, которые уже не представляли никакой боевой ценности. Орудия главного калибра этих броненосцев стали опасны только для их прислуги, а не для противника. Речь идет о броненосцах «Первенец», «Кремль», «Чародейка», типа «Адмирал Грейг» (4 единицы); устаревших крейсерах 1-го ранга «Князь Пожарский», «Минин», «Генерал-Адмирал», «Герцог Эдинбургский»; устаревших крейсерах 2-го ранга «Азия», «Африка», «Вестник» и других.

Можно было взять часть экипажей и снять торпедные аппараты с ряда малых миноносцев Балтийского флота, которые были неспособны идти на Дальний Восток.

Огромным запасом личного состава и вооружения для войны на Дальнем Востоке мог стать Черноморский флот. В мае 1904 г. контр-адмирал З.П. Рожественский поднял вопрос об отправке двух черноморских броненосцев «Потемкин» и «Три Святителя», а также минного заградителя «Дунай» с несколькими миноносцами на Дальний Восток. Однако из рапорта командующего Черноморским флотом вице-адмирала Г.П. Чухина стало известно, что и такой небольшой отряд невозможно подготовить к сроку: «Потемкин» еще достраивался, а готовившийся ему на замену эскадренный броненосец «Ростислав» требовал переделки отопления котлов с нефти на уголь — общее топливо для отправляемой эскадры. Остальные суда, по мнению Чухина, можно было приготовить к 1 августа 1904 г.

Главной же причиной отказа от посылки кораблей Черноморского флота на Дальний Восток стала трусость русского министра иностранных дел Ламздорфа и его коллег. Они представили в Морское ведомство резюме: «В общем, стало быть, получилась бы следующая картина: тяжелая война с Японией, требующая все большего напряжения морских и сухопутных сил: разрыв добрых отношений с Турцией; столкновение русского и английского флотов в Средиземном море и, наконец, война с Афганистаном и Великобританией в Средней Азии».

В этом «резюме» все было поставлено с ног на голову. Это англичане еще во времена Павла I смертельно боялись похода русских на Индию. Там прекрасно понимали, что такое Порт-Артур и что такое Булонь и Антверпен, куда в случае войны неизбежно пришли бы русско-германские войска.

Англичане желали поражения России в войне с Японией, но они

никогда не вступили бы в войну на стороне Японии. Об этом говорят и мемуары британских руководителей, и рассекреченные ныне документы. Главным противником Британии уже тогда была Германия, а Россия представлялась единственным средством для ее укрощения.

Справедливости ради надо сказать, что противодействие Англии проходу военных русских судов через турецкие проливы и трусость наших дипломатов (и Николая II, разумеется!) не были фатальными для России. Под командованием столь бездарного флотоводца, как Рожественский, «Три Святителя» и «Ростислав» не смогли бы изменить ход Цусимского сражения. Но зато без всяких проблем на торговых судах через Проливы и по железной дороге с Черноморского флота и из береговых крепостей можно было свободно вывезти десятки 152-, 120- и 75-мм пушек Кане, сотни снарядов калибра 37—305 мм, торпедные аппараты, торпеды, мины заграждения и, наконец, тысячи хорошо обученных матросов, а также крепостных артиллеристов и минеров (наши крепости имели свои морские мины и минные заградители).

Элементарный расчет показывает, что несколько десятков русских крейсеров могли довести Японию до экономического краха еще в 1904 г., до похода 2-й Тихоокеанской эскадры. В 1904 г. японский флот должен был сторожить Порт-артурскую эскадру и владивостокские крейсера, а также обеспечивать коммуникации между Японией, Кореей и Маньчжурией, где находились многочисленные японские армии. Поэтому выделить достаточных сил для противодействия русским крейсерам японцы физически не могли.

Русские крейсера могли не только перехватывать суда, идущие в Японию, но и регулярно производить обстрелы японских портов и промышленных объектов, высаживать диверсионные отряды и т.д. Наконец, тихоокеанские суда, маскируясь под «нейтралов», могли ставить активные минные заграждения у берегов Японии и Кореи.

Собственно, и нет нужды описывать возможные действия русских крейсеров, достаточно почитать о действиях германских рейдеров в 1939—1943 гг. Причем 15-см пушки KL/45, установленные на германских рейдерах (по 6 орудий), не превосходили по своим баллистическим данным русские 152/45-мм пушки Кане. Скорость хода рейдеров была 14—16 узлов (у русских вспомогательных крейсеров в среднем больше). Причем все же достижения техники (дальняя радиосвязь, радары, авиация и т.д.) пошли только во вред рейдерам.

А к 1904 г. радиостанции на торговых судах были большой редкостью, да и дальность их действия составляла 50—100 миль. Японский флот был

на порядок слабее английского. И, наконец, условия базирования у русских рейдеров к 1904 г. были несравненно лучше, чем у немцев в 1939—1943 гг.

Выход 2-й Тихоокеанской эскадры сопровождали слухи о том, что в Европу неведомым способом прибыл отряд японских миноносцев и что злые самураи хотят-де напасть на русскую эскадру при прохождении Датских проливов или в Северном море. Источники этих слухов до сих пор не выяснены. По моему мнению, было два независимых источника дезинформации — японская разведка и родная «охранка». Первой хотелось затянуть и осложнить поход эскадры Рождественского, а второй — получить лишние чины и кресты, а главное, сорвать огромный куш. Морское ведомство уже в апреле 1904 г. обратилось с просьбой к Министерству иностранных дел об организации с его помощью активной агентурной разведки при посредстве русских дипломатических служб в Швеции, Дании, Германии, Франции и других странах. Однако МИД отклонил просьбу флота, а запрошенные послы «дипломатически» отказались взять на себя организацию агентурной разведывательной работы в странах, где они были аккредитованы.

Тогда Морское ведомство вступило в переговоры с Министерством внутренних дел и его Департаментом полиции. Директор Департамента полиции А.А. Лопухин поручил организацию охраны пути следования 2-й Тихоокеанской эскадры не только в датских и шведско-норвежских водах, но и на северном побережье Германии заведующему берлинской политической русской агентурой коллежскому советнику А.М. Гартингу. Гартинг (настоящая фамилия Абрам Геккельман) в начале 1880-х годов был революционером, затем последовал арест. Мастер политического сыска жандармский подполковник Г.П. Судейкин завербовал Геккельмана. На его совести было несколько громких провокаций. За одну из них Геккельман был заочно приговорен парижским судом к пяти годам тюрьмы. Агент Гартинг создал большую сеть наблюдательных постов в Дании и Северной Швеции. Для наблюдения за японскими миноносцами им была зафрахтована шхуна «Эллен».

Но, увы, и агентурная сеть, и шхуна существовали только в отчетах Гартинга. Зато новый агент получил несколько сотен тысяч франков на расходы, десять тысяч рублей наградных и чин статского советника (то есть генерала).

Командиры кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры нервничали, им повсюду мерещились японские миноносцы. В Северном море плавучая мастерская «Камчатка» под командованием капитана 2-го ранга А.И. Степанова отстала от третьего эшелона и оказалась в 20 милях позади

отряда самого командующего эскадрой. Около 20 ч 40 мин 8 октября на «Суворове» была получена радиограмма с «Камчатки» о том, что она атакована миноносцами. Уже ночью, в 0 ч 55 мин, по обе стороны броненосца «Князь Суворов» появились силуэты малых судов, шедших без огней. Опасаясь, что неведомый противник может в темноте набросать впереди эскадры плавучие мины, Рождественский со своим отрядом уклонился вправо от курса. Когда из темноты впереди флагманского корабля снова показался силуэт, на судах отряда открыли прожектора, в лучах которых с обоих бортов оказались суда, принятые на эскадре за миноносцы. Немедленно с «Суворова», а затем и с других кораблей эскадры по этим судам открыли огонь. Стрельба велась 10 минут, и было выпущено около двух тысяч снарядов. Часть снарядов попала в собственные крейсера. В «Аврору» попало три 75-мм и два 47-мм снаряда, которыми были пробиты дымовая труба и машинный кожух, тяжело ранен судовой священник (скончавшийся затем в Танжере) и легко ранен командир.

Позже выяснилось, что за японские миноносцы были приняты английские рыболовецкие суда, которые по неясным причинам шли без огней. В результате обстрела одно судно было потоплено и пять повреждены, двое рыбаков были убиты и шестеро получили ранения. Рыболовецкие суда имели порт приписки Гуль, поэтому вся история получила название Гульского инцидента.

Британские власти, воспользовавшись этим инцидентом, развязали беспрецедентную кампанию в печати и начали угрожать нападением на русскую эскадру.

Английские газеты называли эскадру Рождественского «эскадрой бешеной собаки», а сам инцидент «актом открытого пиратства». Сами по себе эти заголовки были направлены на развитие русофобии в британском обществе. Ведь любой нормальный человек мог посмотреть в юридический справочник, где написано, что пиратство, то есть морской разбой, включает в себя как необходимый состав преступления корыстный мотив. И, кроме того, пиратом может быть лишь частное лицо, а любые действия, совершаемые по приказу своего правительства, не могут быть приравнены к пиратству.

Замечу, что инциденты, подобно Гульскому, периодически имели место и тогда, и теперь. Так, в 1900 г. в ходе подавления Боксёрского восстания в Китае английские моряки убили там несколько русских солдат, приняв их за «боксеров». Этот инцидент был исчерпан выражением сожаления со стороны английского адмирала. Куда более серьезный

инцидент случился в 1894 г., когда японский крейсер, которым, кстати, командовал Того — будущий знаменитый японский адмирал, потопил английский пароход «Коушинг», зафрахтованный китайским правительством. Отягощающим обстоятельством инцидента стало то, что японцы потопили «Коушинг» еще до объявления войны Китаю, и Того приказал расстрелять из винтовок людей, спасшихся с парохода.

И что же сделала Англия, ревностная защитница морского права? Да попросту промолчала.

А теперь британская пресса и даже официальные лица требовали немедленного возвращения эскадры Рождественского и придания суду адмирала и капитанов судов, открывших огонь.

Британские газеты более всего возмущались тем, что «один из русских миноносцев до утра оставался на месте происшествия и не оказал никакой помощи рыбакам, спасавшим своих товарищей».

Это свидетельство, данное рыбаками, комментировалось на все лады. Говорили, что даже варвары щадили случайные жертвы войны и не отказывали им в сострадании, что после этого не должно быть колебаний, что это — пощечина Англии, оскорбление, которое можно смыть только кровью.

Как позже писал участник похода Семенов: «Адмирал [Рождественский], осведомившись о кампании, поднятой английской прессой, немедленно телеграфировал нашему морскому агенту в Лондоне для опубликования, что в момент инцидента все наши миноносцы были впереди эскадры на 200 и даже более миль — факт, который легко проверить, осведомившись о времени их прибытия в порты Франции, а потому миноносец, оставшийся на месте происшествия до утра, был, несомненно, из числа тех, которые атаковали эскадру и который, по свидетельству офицеров эскадры, был сильно подбит. Ясно, он исправлял свои повреждения или поджидал товарищей.

Весьма знаменательно, что едва это строго мотивированное опровержение появилось в одной из газет, как высокодисциплинированная английская пресса немедленно забыла о показании рыбаков, на которые раньше так настойчиво указывала. Мало этого, на заседаниях следственной комиссии в Париже английские делегаты высказали убеждение, что рыбаки, несомненно, ошиблись, что никакого миноносца не было, что просто утром через это место проходила "Камчатка" (!) и они приняли ее за миноносец... Возможно (по расчету времени), что "Камчатка" действительно утром 9 октября проходила этим местом, но ведь речь шла о миноносце, который оставался на месте до утра!»^[177].

Замечу, что вопрос о таинственных миноносцах дискутируется до сих пор, но ни один автор не может достоверно доказать или опровергнуть их присутствие.

Британские официальные представители грозились собрать эскадру из 28 броненосцев и 18 крейсеров и уничтожить эскадру Рожественского. Уже это одно должно было показать низкопробность очередного британского блефа. Технически собрать эскадру было возможно, но только через несколько месяцев. При этом пришлось бы убрать все корабли из вод метрополии, Атлантического и Индийского океанов и Средиземного моря, что само по себе могло привести к непредсказуемым военно-политическим последствиям.

19 октября 1904 г. к русской эскадре приблизился британский крейсер «Ланкастер» (9800 т; 23 узла; 14—152-мм и 8—76-мм орудий). Вскоре появилось еще четыре крейсера, один из них был опознан русскими моряками как «Дрейк»^[56] (14 150 т; 23 узла; 2—234/46-мм, 16—152-мм, 14—76-мм орудий).

Адмирал Рожественский еще 16 октября написал жене: «Англичане либо подстроили инцидент, либо вовлечены японцами в положение, из которого нет легкого исхода... Без всякого сомнения, союз англо-японский предусматривает вооруженную помощь, когда в ней явится потребность... она очевидно наступила»^{178}.

20 октября британские крейсера вновь близко подходили к русской эскадре. «Маневры англичан наблюдали с мостика "Князя Суворова", где зарядили орудия боевыми зарядами. "Любуетесь? " — спросил адмирал у В.И. Семенова и продолжил: "Любуйтесь! Есть на что! Вот это — эскадра! Это — моряки! Эх, если бы нам..." — и, не договорив, начал быстро спускаться по трапу. В его голосе звучало столько искренней горечи, по его лицу скользнуло выражение такого глубокого страдания, что я сразу понял... Я понял, что он тоже не тешит себя несбыточными надеждами, хорошо знает цену своей эскадры, но, верный долгу, никому не уступит чести быть первым в рядах людей, добровольно идущих к кровавому расчету!..

В Санкт-Петербург адмирал докладывал более определенно: "Пушки были заряжены, и я не раз чувствовал, что залп наших 12-дюймовых орудий был бы уместен... Опасаюсь, что пушки застреляют без приказа, если такое в высшей степени наглое поведение будет продолжаться"»^{179}.

Но тут в дело вмешался Вильгельм II. В Лондоне быстро сообразили, что кайзер не шутит. Британская пресса в один день сменила тон. Россия

предложила передать рассмотрение Гулльского инцидента в ведение Гаагского суда. Англия немедленно согласилась. В конце концов, русское правительство 23 февраля 1905 г. выплатило гулльским рыбакам компенсацию — 65 тысяч фунтов стерлингов. На этом инцидент был исчерпан.

Однако британское правительство продолжало вредить России. Как писал тот же Семенов, чтобы возместить расход снарядов эскадры Рожественского на практических стрельбах, «вдогонку за эскадрой был послан транспорт со снарядами. Для этого был зафрахтован английский (!) пароход "Carlisle". А дальше началась обычная во время этой войны комедия с английскими транспортом. Ждали его у Мадагаскара, — не пришел; ждали в Камранской бухте, и туда не пришел. Пройдя Малаккский пролив, английский пароход... сбился с пути и вместо Карана попал в Манилу. Японские агенты ему там сделали демонстрацию и объявили, что, если только он выйдет из порта, он будет взорван... Тогда он остался спокойно стоять в порту, а вся эта комедия имела для нас весьма трагический конец: русская эскадра пошла в бой без достаточного запаса снарядов. Плохие снаряды и те надо было экономить в бою, испытывая на себе частый град японских снарядов...»

Япония не смогла бы вести войну, не опираясь на финансовую поддержку английского и американского капитала. Английские банки еще до войны финансировали Японию и ее военную подготовку. На нью-йоркский денежный рынок Японии до войны пробраться не удавалось, несмотря на поддержку президента Соединенных Штатов и еще более авторитетную в данном случае поддержку банкиров лондонского Сити. Руководящие круги Уолл-стрит отказывались доверять Японии свои деньги или же выдвигали ростовщические требования — уплату огромного процента и др.

Но вскоре после начала войны против России настроение в Нью-Йорке изменилось. В апреле 1904 г. еврейский банкир Шифф и крупный банкирский дом «Кун, Леб и компания» вместе с синдикатом английских банков, включая Гонконг-Шанхайский, предоставили Японии заем на сумму 50 миллионов долларов из высокого процента (6% годовых); половина займа размещалась в Англии, половина — в США. Недоверие к японскому кредиту было все же столь велико, что банкиры потребовали точного определения конкретного источника доходов японского правительства, который даст возможность исправно погашать платежи по займу. В качестве такого источника в контракте были указаны доходы таможен.

В ноябре 1904 г. в Англии и США был размещен новый японский заем — на 60 млн. долларов — тоже из 6 %. В марте 1905 г. последовал третий англо-американский заем, уже на 150 млн. долларов и всего из 4,5 %, но опять-таки под конкретное обеспечение — на этот раз доходами от табачной монополии. Наконец, в июле 1905 г. Япония получила четвертый заем — снова 150 млн. долларов из 4,5 %. В размещении займа на этот раз приняли участие и германские банки. Чистая выручка японского правительства от внешних займов за вычетом комиссионных и других расходов и потерь составила 697 млн. иен и покрыла свыше 40 % всех военных расходов Японии, достигших 1 730 млн. иен. Без английских и американских денег исход войны был бы иной.

В заключение рассказа об участии Англии в Русско-японской войне я хочу процитировать британского морского офицера Сеппинга Райта, служившего с августа 1904 г. по февраль 1905 г. на кораблях эскадры адмирала Того: «В то время, когда я готовил для печати отчет о впечатлениях, вынесенных мною из пребывания в японском флоте, до Англии долетело известие о подавляющем торжестве этого самого флота в его последней встрече с русскими судами — торжестве, дополнившем и достойно увенчавшем трудное и доблестное дело, которое на моих глазах исполняли под Порт-Артуром храбрые японские моряки. Эта великая победа превращает Японское море в простой ров под стенами Токио. Теперь под покровительством флага Восходящего Солнца торговые суда всех наций будут бороздить с полной безопасностью поверхность восточных морей. Новые гавани широко распахнутся для мировой торговли, и территории, население которые было подавлено тяжестью русской оккупации, перейдя под благодетельное господство Японии, насладятся сияющим над ними светом цивилизации, мира и благоденствия. Банзай!»^{180}.

До поражений в Малайе и Бирме, до сдачи Гонконга и Сингапура, до утопления «Принца Уэльского» и «Рипалса», до японских погромов на Цейлоне и Мадагаскаре оставалось 36 лет. Банзай!

До стремительного броска Красной армии, которая за месяц дошла от берегов Амура до Порт-Артура и Пхеньяна, взяв по пути 600 тысяч пленных, до резкого приказа Сталина остановиться, когда танки Т-34 были в одном переходе от Пекина, а десант на Хоккайдо грузился на суда, оставалось 40 лет. Ура!

Глава 25

ЛОНДОНУ ОПЯТЬ НУЖНО «ПУШЕЧНОЕ МЯСО»

Целью Англии в Русско-японской войне было лишь ослабление России и поворот ее внешней политики с востока на запад, а не полный разгром империи.

С конца XIX века правящие круги Англии считали своим главным экономическим конкурентом и политическим противником Германию. Но для войны с ней требовалось «пушечное мясо», а его могли дать только Франция и Россия. Францию подталкивать к войне не было необходимости. С 1871 г. буквально вся страна была охвачена психозом реванша за проигранную войну. Но без помощи России Франция была заведомо обречена на поражение.

Уже 7 октября 1905 г. британский посол Чарльз Гардинг на встрече с министром иностранных дел России Ламздорфом попытался прозондировать почву для начала переговоров о союзе. Ламздорф был крайне рад и посоветовал послу затронуть этот вопрос на предстоящей аудиенции у царя. Следует заметить, что в тот же день, 7 октября, началась всероссийская политическая стачка.

Ободренный советом Ламздорфа, Гардинг 11 октября при встрече с Николаем II стал убеждать его в искреннем желании как британского правительства, так и оппозиции добиться дружественных отношений с Россией. Гардинг учел все возможные опасения и контраргументы. Он уверял царя, что Англия вовсе не имеет намерения расширять границы империи, она-де не ищет союзов в Европе, а добивается лишь мира со всеми нациями. Стремясь к разрешению спорных вопросов с Россией, английское правительство надеется, что российско-английское урегулирование «не будет рассматриваться как направленное против какой-либо другой страны, как это, к несчастью, было в случае англо-французского соглашения о Марокко». Николай II, выслушав посла, ответил, что и Россия не ищет новых завоеваний, и что если Россия и Англия договорятся о сохранении целостности Персии, то связанные с этим технические вопросы легко можно будет согласовать.

После аудиенции, произведшей на Гардинга самое благоприятное впечатление, посол записал в дневник: «Улучшение, проявившееся уже в

отношениях между Англией и Россией, требует только заботливого ухода, чтобы собрать плоды в соответствующий сезон»^{181}.

Отношения Англии и России в начале XX века серьезно омрачало соперничество двух империй в Персии. После включения Туркмении в состав России, 9 декабря 1881 г., в Тегеране была подписана конвенция о разграничении между русскими и персидскими владениями к востоку от Каспийского моря. Персы, находившиеся в рабстве у туркменских ханов, вернулись на родину.

Русские власти завербовывали в свои агенты ханов и вождей племен Хорасана. Для этого все средства шли в ход: подкуп, запугивание, поддержка и протекция, скупка земли и феодальных прав. Центром такого рода деятельности в Хорасане стал Ашхабад — резиденция администрации вновь созданной Закаспийской области. Затем таким центром стал Мешхед, где в 1889 г. было учреждено русское генеральное консульство.

Экспансия России в Хорасане способствовала получению концессий на строительство шоссейной дороги от Ашхабада до Кучана. Дорога была закончена в 1882 г. и обеспечила связь русских владений с Мешхедом. Русская торговля вытесняла из Хорасана английскую. В северных провинциях, а затем и во всей Персии стали преобладать русские товары. Персия стала важным рынком для русской текстильной, сахарной и нефтяной промышленности.

С середины 50-х годов XIX века все побережье Персии от Астары до Горгана было занято русскими рыбными промыслами. В 1908 г. «Товарищество Южно-Каспийских рыболовных промыслов Г.С. Лианозова» было крупнейшим промышленным предприятием на территории Персии, принадлежавшим русским промышленникам. В «Товариществе...» работало около 800 человек — российских подданных, и более трех тысяч персиян. Сумма инвестиций товарищества в годы Первой Мировой войны составляла 9 млн. рублей.

1 мая 1896 г. во время церемонии празднования пятидесятилетия царствования Насер ад-Дина шах был убит. Убийца — Мирза-Реза Кермани — был духовным последователем видного мусульманского политического деятеля Сейида Джамал ад-Дина Асадабади (Афгани). На престол вступил сын убитого хана Мозаффар ад-Дин.

В начале 1902 г. британский бизнесмен Вильям Нокс д'Арси получил у шаха концессию на добычу нефти. Статья 6 концессионного соглашения гласила, что д'Арси получает монопольное право разрабатывать и эксплуатировать месторождения нефти, газа, асфальта и битума по всей территории Персии в течение 60 лет. Не распространялась концессия

только на пять северных областей и провинций:

Иранский Азербайджан^[57], Гилян, Мазендеран, Астрабад и Хорасан. Эти территории были исключены из соглашения по требованию русского посланника.

После нескольких лет неудачных поисков нефти англичанами 26 мая 1908 г. в районе Месджеде-Солеймана (Майдане-Нафтун) из скважины глубиной около 340 м забил нефтяной фонтан. С этого момента и началась промышленная добыча нефти в Персии.

14 апреля 1909 г. в Лондоне была учреждена Англо-персидская нефтяная компания (АПНК), эксплуатирующая нефтяные месторождения в концессионной зоне. Первоначальный капитал компании составлял 2 млн. фунтов стерлингов, большая часть этой суммы принадлежала компании «Бирма Ойл Компани». АПНК скупила все акции ранее действовавших в Персии английских компаний и стала единственным обладателем концессионных прав, в свое время полученных д'Арси.

Добыча нефти в Персии принесла огромные доходы как британскому правительству, так и частным компаниям. Впоследствии Уинстон Черчилль с удовольствием отмечал, что доходы эти в целом «оказались более чем достаточны не только для оплаты топлива, потребляемого кораблями адмиралтейства, но и для строительства большого британского военно-морского флота, причем без единого пенни, полученного от налогоплательщиков»^[182].

В середине XIX века англичане построили большую военно-морскую базу и сильную береговую крепость в Адене, на юге Аравийского полуострова. С тех пор британские военные суда постоянно дежурили в Персидском заливе. Английские корабли, базировавшиеся на Аден, имели возможность в любой момент быстро доставить на южное побережье Персии англо-индийские войска из Бомбея и Карачи.

В британских правительственных кругах давно вынашивалась идея о разделе Персии между Россией и Англией. В 1892 г. вышла книга лорда Керзона «Персия и персидский вопрос», которая стала для британских колонизаторов как бы библией по персидским делам. В своей монографии лорд издевательски отзывался как о России, так и о русском народе. Замечу, что это тот самый Джордж Натаниэл Керзон (1859—1925), который в мае 1923 г. предъявил знаменитый ультиматум советской республике. В своей книге Керзон выдвинул идею раздела Персии с Российской империей. Заявив, что Россия вот-вот захватит северные провинции, Керзон продолжал: «Через всю Персию может быть проведена линия от Сеистана

на востоке, через Керман и Йезд на Исфахан и далее на запад на Буруджир, Хамадан и Керманшах, к югу от которой никакое враждебное политическое влияние не может быть терпимо»^{183}.

Пытаясь изобразить из себя защитников Персии, англичане не только желали ее раздела, но и поощряли внутри страны центробежные силы в лице феодалов южных племен — бахтиар, кашкайцев, белуджей и др.

Если с Россией у Персии торговля была взаимовыгодной, то с Англией баланс складывался в пользу последней. Англичане видели в развитии англо-персидской торговли и в британских капиталовложениях не только экономические выгоды, но и укрепление своего политического влияния в Персии.

Одновременно с усилением влияния России в Северной Персии в Южной укреплялось господство Англии. В Тегеране обе державы с переменным успехом вели борьбу за влияние на шаха и его правительство. Но в целом в конце XIX века чаша весов склонялась в пользу России.

При этом следует заметить, что, обратив особое внимание на северные провинции Персии, ни русское правительство, ни русские промышленники не забывали о юге страны и о Персидском заливе. Так, в конце XIX века «Русское общество пароходства и торговли» учредило регулярную грузопассажирскую линию Одесса — порты Персидского залива, на которой работали только русские пароходы.

Главной целью политики России в Персии считалось постепенное подчинение последней «своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя»^{184}.

В августе 1905 г. в Петербурге прошли переговоры с шахом и его премьер-министром. Русские дипломаты сформулировали персам условия финансовой помощи их стране, которая могла привести Персию к односторонней экономической зависимости от России и ограничить права шахского правительства в ряде важных вопросов. Но переговоры эти закончились безрезультатно.

После поражения России в войне с Японией и последовавшей затем первой русской революции персидское правительство решило отказаться от идеи прорусской ориентации своей страны.

В конце 1905 г. в Персии начались антишахские выступления. Их возглавило духовенство.

В итоге в сентябре 1906 г. шах Мозаффар-ад-Дин ввел некое подобие конституции. А 8 января 1907 г., вскоре после ратификации конституции

шах Мозаффар-ад-Дин скончался. Новым шахом стал его сын Мохаммед-Али, бывший при жизни отца правителем Иранского Азербайджана.

Однако антишахские выступления продолжались. Рештские повстанцы победили сторонников правительства и в городе Казвине. Там к восставшим присоединилась группа крестьян. Предводители конфедерации бахтиарских племен Сардар Асад и Самсам ос-Салтане предложили конституционалистам Гиляна и Казвина объединиться и двинуться на Тегеран. 3 июля их объединенные силы вошли в столицу, и после нескольких стычек со сторонниками шаха Тегеран оказался полностью в руках восставших. Мохаммед-Али шах со своими приближенными укрылся в летней резиденции российской дипмиссии в предместье Тегерана Зергенде.

Высший совет, в который вошли кадjarский принц, депутаты разогнанного меджлиса, бывшие министры, религиозные авторитеты, крупные купцы и саррафы (менялы) принял решение о низложении шаха Мохаммеда-Али, а новым шахом был провозглашен его двенадцатилетний сын Ахмед. Регентом стал предводитель царствующего племени Каджар, либерально настроенный Мирза Али-Реза хан Азуд оль-Мольк.

Свержение шаха в известной степени устраивало Лондон, но совершенно не устраивало Петербург. В северные районы Персии были введены небольшие отряды русских войск. Еще летом 1907 г. по Мариинской водной системе с Балтики перешли на Каспий миноносцы «Пылкий» и «Пронзительный». Их появление у персидских берегов произвело фурор. П. Стрелянов писал: «В 1907 году, на Энзелийском рейде, появился русский миноносец и стал на якорь. На другой день, утром, был день тезоименитства Государыни Императрицы. Командир миноносца произвел установленный салют. При первых выстрелах Энзели опустело. Жители бросились в погреба, часть их поспешно, в лодках и пешком, направились по дороге к Решту»^{185}.

Русские войска заняли города Тебриз, Решт и Энзели. В марте 1912 г. генерал-майор Редько штурмом взял Мешхед. Британские войска, в свою очередь, заняли Бушир, Шираз и несколько других городов Южной Персии.

24 декабря 1911 г. персидское правительство и регент, опираясь на бахтиар, разогнали меджлис, а затем и все демократические организации. Персидская революция была окончательно подавлена. Монархия и феодальное землевладение уцелели в Персии при прямой поддержке России и Англии.

20 марта 1912 г. персидское правительство официально признало русско-английское соглашение 1907 года о разделе Персии на сферы

влияния. Согласно этому соглашению, подписанному 18 (31) августа 1907 г. в Петербурге, сферой интересов условно обозначалась территория в Персии к северу от линии Карс — Ширин — Исфахан — Иезд — Хакк и до точки стыка русской, персидской и афганской границ. В эту зону Англия не должна была вступать и домогаться там политического, экономического, торгового, транспортного и других видов влияния и преимуществ. Сферой английских интересов определялась область в Персии к югу от линии, идущей от афганской границы через Газик — Бирдженд — Керман и оканчивающаяся в Бендер-Аббасе, в которую Россия не должна была вступать и домогаться там каких бы то ни было интересов. Территория между этими линиями объявлялась временно нейтральной, где стороны должны действовать только по предварительной договоренности.

Реализация соглашения 1907 года в 1912 г., естественно, не привела к идиллии в отношениях русских и британцев в Персии. Так, большим «камнем преткновения» стала деятельность «Англо-Персидской компании» в нейтральной зоне. Тем не менее после 1912 г. англичане стали проявлять куда меньше агрессивности, чем раньше. Их уже мало волновало, что русские войска стоят в Казвине в нескольких дневных переходах от Тегерана.

Как видим, Лондон энергично отстаивал свои интересы в Персии, но в то же время воздерживался от прямой конфронтации с Россией.

Любопытно, что переговоры Лондона и Петербурга шли не только на дипломатическом уровне. Великий князь Александр Михайлович, женатый на родной сестре Николая II Ксении, давно облюбовал для себя и своей семьи уютный французский курорт Биарриц на берегу Атлантического океана. Там же постоянно отдыхали члены британского королевского дома.

Весной 1907 г. в Биарриц приезжает «дядя Берти» — английский король Эдуард VII. Берти был женат на Александре Датской, дочери «общеевропейского тестя» короля Кристиана IX, которая приходилась родной сестрой вдовствующей императрице Марии Федоровне. Александр Михайлович на редкость тепло отозвался о своем дальнем родственнике: «Ксения была племянницей его жены, королевы Александры, и наши отношения всегда отличались большой теплотой даже тогда, когда Британия поддерживала Японию во время войны с Россией. Король Эдуард поселился в "Отель де Палэ". Местное население относилось к нему с особою теплотою, сам он, приехав инкогнито, наслаждался свободной жизнью в Биаррице, быстро завоевав всеобщие симпатии».

Увы, мемуары великого князя Александра Михайловича во многом являются лишь ширмой для прикрытия истинных событий. Шарм короля,

его остроумие и игра в гольф были совсем не главными в его отношениях с русским великим князем.

Их отношения не ограничивались выпивкой, спортом и женщинами. Тут Александр Михайлович вновь лукавит в своих мемуарах. Начну с того, что обе титулованные особы были масонами высших градусов. Эдуард стал великим магистром английских масонов еще в 1874 г., будучи принцем Уэльским. Правда, он сложил с себя полномочия в 1902 г. после вступления на престол.

Что же касается Александра Михайловича, то он стал масоном еще в конце XIX века вместе со всеми своими братьями. О русских масонах XIX—XX веков написаны сотни книг, но достоверной информации, содержащейся в них, хватит лишь на тоненькую брошюрку. Эти ребята не оставляли после себя резолюций, протоколов съездов и конференций, списков членов президиумов, центральных комитетов, что было свойственно тогда социалистическим партиям. Все делалось исключительно «под ковром», решения принимались устно.

В своих беседах два высокопоставленных масона не могли не коснуться направления внешней политики России после японской войны. Россия оказалась на перепутье — с кем идти дальше? С союзной Францией, которая предала ее в ходе войны, или с Германией, которая активно помогала ей в борьбе с японцами?

Началась «дипломатия яхт». 10—11 июля 1905 г. в шхерах у Бьёрке на яхте «Полярная Звезда» состоялась встреча Николая II и Вильгельма. Там кайзер уговорил царя подписать союзный договор. Однако через несколько дней под давлением министров и сановников (среди которых было много масонов) Николай II дезавуировал этот договор. 21 июля 1907 г. Николай II нанес ответный визит кузену Вильгельму, прибыв на яхте в порт Свинемюнде. На сей раз свидание императоров прошло с большой помпой, но оказалось политически бессодержательно.

Есть все основания полагать, что провал переговоров в Свинемюнде был предрешен не в последнюю очередь в тихих беседах двух масонов в Биаррице.

18 (31) августа 1907 г. на яхте, стоявшей в четырех верстах от полуострова Гангут, Николай II и британский посол Артур Никольсон подписали соглашение о разграничении сфер влияния двух стран в Персии, Афганистане и Тибете. Причем Россия пошла на гораздо большие уступки, чем «коварный Альбион».

28 мая (10 июня) 1908 г. в Ревель прибыла королевская яхта «Виктория и Альберт» в сопровождении внушительной британской эскадры. После

салюта от борта яхты отвалил барказ, на котором находилась королевская чета — Эдуард VII и Александра Датская. На борту яхты «Полярная Звезда» их приветствовали Николай II и Александра Федоровна. Зная пристрастие русского императора к униформам и различным регалиям, Берти произвел Ники в чин адмирала британского флота. Царю преподнесли красивый мундир и морскую саблю образца 1827 г., чем несказанно порадовали нашего самодержца. В ходе королевского визита было на высшем уровне согласовано создание Антанты — союза, направленного против Германии.

Разумеется, Николай II втягивал в конфликте Германией не только Лондон, но и Париж. Но об этом я уже рассказал в книге «Франция. История вражды, соперничества и любви».

Под натиском Франции и Англии Россия в царствование Николая II резко сократила свое плодотворное военное сотрудничество с Германией.

Французская фирма «Шнейдер» вместе с генерал-инспектором артиллерии великим князем Сергеем Михайловичем, его метрессой Матильдой Кшесинской и правлением частного Путиловского завода взяли под контроль создание русской сухопутной артиллерии. В результате Россия осталась вообще без тяжелой артиллерии, ведь Франция и Англия желали, чтобы русская армия выполняла функции «парового катка», катящегося на Германию. А «пушечному мясу» достаточно и легкой артиллерии.

Ну а британские дельцы решили прибрать к рукам русскую корабельную артиллерию. И действительно, все русские корабельные орудия после 1905 г. были образца фирм Армстронга и Виккерса.

В начале 1912 г. ряд дельцов (генерал-лейтенант В.М. Иванов, действительный статский советник П.И. Балинский) вошли в контакт с правлением британского концерна «Виккерс». Затем они предложили царскому правительству построить огромный частный пушечный завод с участием фирмы «Виккерс». Между тем Орудийный завод в Петербурге и Мотовилихинский завод в Перми крайне нуждались в капитальных вложениях и заказах. Мощности Обуховского завода позволяли полностью выполнять заказы Морского ведомства, а Мотовихинский вообще стоял без работы. Никакой особой нужды в строительстве нового пушечного завода попросту не было. Тем не менее дельцам удалось уговорить руководство Морского ведомства, ну а Николай II, не мудрствуя лукаво, подмахнул соответствующее Высочайшее повеление.

Огромный завод решили построить в Царицыне. Согласно контракту, завод должен был к 1 сентября 1915 г. уже вести производство морских

орудий калибра от 130 до 406 мм. А до этого срока фирма «Виккерс» должна была поставить в Россию двадцать четыре 356/52-мм пушки, предназначенные для установки на линейные крейсера типа «Измаил». Цена одного орудия составляла 185 тысяч рублей.

И вот в конце августа 1915 г. в Царицын приехала комиссия. Их взгляду предстали несколько недостроенных цехов, два-три десятка станков и т.д. В докладе комиссии говорилось, что на сооружение орудийного завода израсходовано свыше 20 миллионов золотых рублей, «но не может быть и речи об использовании его для нужд фронта». Куда там до Иванова и К^о какому-нибудь Корейко с его химической артелью и маленькой электростанцией в виноградной республике?

Правда, англичане все-таки поставили 16 из 24-х обещанных 356/52-мм пушек, но девять их было некуда, поскольку Адмиралтейский завод даже не приступил к производству башенных установок для этих пушек. Начальник ГАУ русской армии генерал-лейтенант А.А. Маниковский писал о царицынской афере: «Предприятие это имело определенную конечную цель: под видом заказа заводу, предполагаемому к постройке, получить замаскированный крупный заграничный заказ на орудия и только отделку этих орудий производить в России»^[186].

Благодаря условиям военного времени, в том числе жесточайшей цензуре, правительству удалось скрыть масштабы «царицынской Панамы»^[58]. Но с заводом что-то надо было делать, и 17 февраля 1916 г. в Морском министерстве был рассмотрен вопрос о национализации Царицынского завода, или, как тогда говорили, «приеме в казну». Любопытно, что совет министров высказался за секвестр, то есть конфискацию завода. Но тут наши господа-концессионеры и фирма «Виккерс», которая неведомыми путями стала обладателем 25 % акций, подняли страшный вой. Британский посол сделал предложение Николаю, и тот согласился выкупить завод. Царицынским заводом стала управлять... Комиссия по определению цены «завода» под началом полковника П.В. Филлипова. Пока считали, сколько кому платить, грянули Февральская, а затем и Октябрьская революции.

Любопытно, что в 1914—1917 гг. Обуховский завод, принадлежавший Морскому ведомству, без каких-либо проблем начал производство 356/52-мм пушек (однотипных с английскими, но лучшего качества) и изготовил опытный образец 406/45-мм пушки. Эти работы были приостановлены в связи с революцией, но они показывают, что Обуховский завод мог выполнить любые заказы нашего флота, и никакой нужды в Царицынском

заводе не было.

При советской власти Царицынский завод, переименованный в «Баррикады», пришлось строить почти с нулевого уровня, и лишь в начале 1930-х годов он сдал первую 122-мм корпусную пушку, а к 1939 г. завод «Баррикады» приступил к изготовлению 406-мм пушек для линкора «Советский Союз».

Как видим, наши верные союзники даже не попытались реально помочь России подготовиться к войне с сильнейшей в мире державой. Наоборот, они по-прежнему обворовывали Морское и Военное министерства России.

Глава 26

МИЗЕРНАЯ ПОМОЩЬ ЦАРЮ И ВСЕМЕРНАЯ ПОДДЕРЖКА ЗАГОВОРЩИКОВ

Помогала ли Англия России в Первой мировой войне? Формально да, но объем помощи «британского союзника» можно рассматривать как издевательство.

Россия воевала на огромном фронте от Балтики до Каспийского моря против Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции.

В России в годы Первой мировой войны было мобилизовано 19 млн. человек, в Англии без колоний — 4,7 млн., а с колониями — 8,2 млн. В ходе боевых действий Россия потеряла 2,3 млн. человек, а Англия — 700 тысяч ^[59].

Сколько-нибудь реальную помощь Англия оказала России только на Балтике. Осенью 1914 г. британское правительство решило направить туда несколько своих подводных лодок типа «Е» водоизмещением 655/800 ^[60] тонн. Официальная цель — помочь русским. Известный британский морской историк Дж. Корбегг в своем труде «Naval operations» писал, что планы адмиралтейства тогда базировались на принципе «watching from a distance» — наблюдение на расстоянии, то есть попросту слежение за германским флотом, которого так боялось британское адмиралтейство.

В 5 часов утра 15 октября (н. ст.) 1914 г. британские подводные лодки Е-1 и Е-9 покинули Ярмут и взяли курс на Датские проливы. Е-11 вышла чуть позже из-за неисправностей в машинах. Е-11 и Е-9 благополучно прибыли в Либаву, а Е-1 была повреждена в проливах германским гидросамолетом и вернулась домой.

18 августа 1915 г. британские подводные лодки Е-8 и Е-13 попытались прорваться через Датские проливы в Балтийское море. 21 августа Е-8 встретили русские корабли и отконвоировали в Ревель. Подводная лодка Е-13 села на мель в Датских проливах и была расстреляна германским миноносцем.

4 сентября 1915 г. третий и последний отряд британских подводных лодок в составе Е-18 и Е-19 двинулся к Датским проливам. 12 октября обе лодки в центре Балтийского моря встретил эсминец «Гремящий» и

отконвоировал в Ревель.

Осенью 1916 г. в Архангельск были доставлены четыре британские малые подводные лодки С-26, С-27, С-32 и С-35 (водоизмещением 290/320 т). Лодки были погружены на баржи и по внутренним водным путям доставлены в Петроград.

Всего английские лодки потопили на Балтике от 8 до 10 германских пароходов, а также старые крейсера «Принц Альберт» и «Ундина». При этом были потеряны лодки Е-18 и С-32.

После заключения Брестского мира оставшиеся британские подводные лодки 8 апреля 1918 г. были взорваны командами в финском порту Гонге, а личный состав лодок через Швецию вернулся домой.

Как уже говорилось, великий князь Сергей Михайлович и фирма Шнейдера оставили Россию без тяжелой артиллерии. Поэтому Военное министерство попыталось закупить тяжелую артиллерию за границей. С началом войны и до конца 1917 г. из Англии поступило тяжелых орудий: 9—305-мм гаубиц Виккерса, 39—203-мм гаубиц, 96—152-мм гаубиц Виккерса и 52—127-мм пушки Виккерса. Замечу, что 305-мм гаубицы Виккерса были поставлены с тягачами — паровыми тракторами «Большой Лев». Однако ни одно русское шоссе не могло выдержать такой тяжести. В результате системы так и остались на складах.

Для полевой артиллерии англичане поставили четыреста 114-мм гаубиц, пять 75-мм зенитных пушек и 66 минометов.

Помимо этого в 1915—1916 гг. из Англии прибыл 161 легкий броневик, а также двенадцать 40-мм зенитных самоходных установок на шасси автомобиля «Пирлесс».

Из стрелкового оружия из Англии получено 128 тысяч винтовок Арисака, ранее предназначавшихся для Японии, а также 540 ручных пулеметов Гочкиса.

Для вооружения русской авиации англичане поставили 400 ручных пулеметов «Льюис», которые использовались в Гражданскую войну в основном как оружие пехоты.

Замечу, что все перечисленное вооружение поставлялось не безвозмездно, а оплачивалось золотом, причем в большинстве случаев цены были сильно завышены. Так, английское правительство взяло заказ на станковые пулеметы типа Виккерс (мало отличавшиеся по своим тактико-техническим характеристикам и внешнему виду от русских «Максимов»). Англичане передали сей заказ американской фирме Кольт. В результате заказ был сорван, но Россия оплатила счет — 2362 рубля за пулемет. Тульский же завод брал в два раза меньше за родной «Максим».

Британская помощь русскому флоту ограничилась поставкой примерно двадцати 305/40-мм стволов взамен расстрелянных на русских броненосцах, а также сорока 40-мм зенитных автоматов Виккерса.

Англия принципиально не посылала своему союзнику новейшие образцы самолетов и принципиально не желала давать танки. Зато позже Лондон с удовольствием отправит их белым армиям.

Как видим, «помощь» России принесла большие дивиденды британским фирмам, но была попросту незаметна в общем производстве военной техники на русских заводах.

Россия вступила в мировую войну с небоеспособными крепостями на западной границе и не имея ни одного современного тяжелого орудия или миномета.

Ко всему прочему население империи даже не знало целей войны. Формальным поводом для вступления в войну была защита братьев-славян. Да, это был неплохой пропагандистский лозунг — русская душа склонна к состраданию, особенно когда это касается слабых и убогих. Но братья-славяне были, увы, ненадежными союзниками и проявляли любовь к матушке России, лишь когда это было им выгодно. Вспомним, как братья-славяне передрались между собой в 1912 г., как Болгария в обеих мировых войнах воевала против России, дважды предоставляла свою территорию для агрессии против Югославии: первый раз — Гитлеру, а второй — НАТО.

«А как же Проливы? — спросит эрудированный читатель. — Неужели Россия могла допустить, чтобы они попали под контроль Австро-Венгрии?» Ну, начну с того, что захват Проливов Австрией или Германией не меньше светил Англии и Франции, и они были готовы воевать за них с «тевтонскими варварами» даже без России.

Уже в ходе войны Англия и Франция пообещали России Константинополь, а сами заключили тайный сепаративный договор, по которому взаимно обещали никаким образом Проливы России не отдавать.

Мало того, и Лондон, и Париж вынашивали планы раздела Российской империи после разгрома Германии. Отъему подлежали Привисленский край, Прибалтика, Финляндия, а по возможности и Украина, и Кавказ.

Первая мировая война не стала и не могла стать второй отечественной войной. Николай II втянул страну в войну за интересы Англии и Франции. Россия впервые в истории воевала не за приобретение новых земель, а за собственное расчленение.

В конце 1916 г. в Лондоне и Париже в кругах военных и политиков царило предвкушение скорой победы, до которой осталось несколько месяцев, а то и недель. Предполагалось, что Германия из-за нехватки

продовольствия и сырья сдастся на милость победителя. Но что тогда делать с Россией? Ведь русская армия и флот к 1917 г. стали в несколько раз сильнее, чем в 1914 г. И в случае победы речь пойдет не о расчленении России, а придется Проливы отдавать. Союзники оказались в положении попа, которому приходится подставлять лоб под щелбаны Балды.

Не исключали западные политики и другую ситуацию. Попав в трудное положение, кайзер капитуляции на западе мог предпочесть сепаратный мир на востоке. В первом случае пришлось бы отдавать германскую территорию — Эльзас, Лотарингию и Рурскую область, колонии, флот и т.д. А во втором случае предполагалось, что Россию удовлетворят Проливы, то есть за мир будут платить не немцы, а турки.

Просчитывая ситуацию, политики Англии и Франции находят оптимальный, по их мнению, вариант — свергнуть самодержавие в России, установить республику с «демократическими» лидерами во главе. Причем многие из этих лидеров были «братьями» по ложам тем же западным политикам. Правительства Англии и Франции выдали желаемое за действительное. Они считали, что падение самодержавия и приход к власти «демократов», с одной стороны, сохранит боеспособность русской армии и даст ей возможность довести войну до победного конца, а с другой — дестабилизирует страну так, что она не только не сможет воспользоваться плодами победы, но и не сможет удержать ряд территорий. Таким образом, западные политики одновременно ставили себе две взаимоисключающие цели.

С начала 1916 г. английский посол Джордж Бьюкенен и французский посол Морис Палеолог наладили интенсивные контакты с представителями всех трех групп заговорщиков — великокняжеской, генеральской и масонской. Послы вели переговоры на великосветских раутах и тайных совещаниях. Многие заговорщики открыто посещали посольства.

В отдельных случаях дело доходило до открытого вызова царю. Так, в конце мая 1916 г. посол Бьюкенен специально прибыл в Москву, чтобы наградить высшим британским орденом московского городского голову М.В. Челнокова. «Мэр» Челноков стал пэром, но одновременно он был еще и главноуполномоченным Всероссийского городского союза, а, по данным Нины Берберовой^[187], и «братом высокой степени». Кстати, вместо занятий благоустройством первопрестольной Челноков в 1916 г. начал челночить в Ставку для переговоров с Алексеевым и другими генералами. Официально наградить заговорщика, которого подозревает правительство? Представим на секунду реакцию Лондона, если бы в 1970-х годах советский посол в Англии вручил бы Героя Советского Союза лидеру

североирландских сепаратистов.

Бьюкенен и Палеолог, благодаря знакомству с великими князьями и генералами, получают самую конфиденциальную информацию о боевых операциях русских войск, возможных кадровых перестановках в правительстве, высказываниях царя и царицы в узком кругу. Такие беседы в любом государстве были бы сочтены изменой. Но для заговорщиков Бьюкенен и Палеолог не послы союзных государств, а союзники в борьбе против Николая II. В присутствии послов начинаются и разговоры о вариантах переворота, но ни Бьюкенен, ни Палеолог не прерывают собеседников.

Фактически послы Англии и Франции становятся участниками заговора против монарха, при котором они аккредитованы. Причем Бьюкенен больше общался с заговорщиками из думской среды, промышленниками и юристами. А Палеолог больше предпочитал аристократические салоны, тот же салон великой княгини Марии Павловны. Кроме того, Палеолог регулярно встречался с верхушкой польской аристократии князем Станиславом Радзивиллом, графом Иосифом Потоцким, графом Адамом Замоиским и т.д. Разумеется, ясновельможные паны не собираются участвовать в заговоре против Николая, их интересуют последствия. В спокойной обстановке французского посольства паны вместе с любезным хозяином уже делят на части Российскую империю.

Кое-какая информация о деятельности послов союзников доходит и до охраны. Анна Вырубова позже в своих мемуарах пишет: «Государь заявил мне, что он знает из верного источника, что английский посол, сэр Бьюкенен, принимает деятельное участие в интригах против их величеств и что у него в посольстве чуть ли не заседания с великими князьями. Государь добавил, что он намерен послать телеграмму королю Георгу с просьбой воспретить английскому послу вмешиваться во внутреннюю политику России, усматривая в этом желание Англии устроить у нас революцию и тем ослабить страну ко времени мирных переговоров. Просить же об отозвании Бьюкенена государь находил неудобным: "Это слишком резко", как выразился его величество».

А вот что вспоминает в эмиграции княгиня Палей, вдова великого князя Павла Александровича, одна из самых активных заговорщиц в великокняжеской группировке: «Английское посольство по приказу Ллойд-Джорджа [премьер-министра] сделалось очагом пропаганды. Либералы, князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и т.д., постоянно его посещали. Именно в английском посольстве было решено отказаться от

легальных путей и вступить на путь революции».

Сам Джордж Бьюкенен в 1924 г. оправдывался: «...многие все еще думают, что я был ее [Февральской революции] основной пружиной, что именно я дергал за веревку и пустил ее в ход. Даже после моего возвращения в Англию в начале 1918 года это обвинение неотступно меня преследовало, и мне никогда не удавалось сбросить его с себя. Некоторые из моих прежних русских друзей все еще смотрят на меня с подозрением, а некоторые из них даже повернулись ко мне спиной, как к косвенному виновнику несчастий, выпавших на долю их родины и их последнего императора».

Итак, против императорской четы сплотились все — семейство Романовых, верхушка генералитета, Государственная дума и бесчисленные городские и промышленные буржуазные организации. Координация действий этих разнородных сил осуществлялась масонскими ложами и посольствами «союзных держав». Дело шло к развязке.

И вот царь низложен, а власть в России перешла к Временному правительству. Сразу же возникает вопрос: а что делать с бывшим царем и его семейством? Поначалу они были оставлены под домашним арестом в царской резиденции Александровском дворце в Царском Селе.

4 марта (ст. ст.) 1917 г. Николай II письменно обратился к председателю Временного правительства князю Львову с просьбой разрешить ему с семьей уехать в Англию. Через три дня Львов ответил, что Временное правительство согласно вывезти Романовых в Романов (ныне Мурманск), а оттуда — в Англию. 7 марта министр иностранных дел Временного правительства Милюков встретился с послом Бьюкененом. Стороны обсудили возможность отъезда Николая II в Англию и пришли к согласию.

23 марта царь записал в дневнике: «Ясный день после 2 час. и оттепель. Утром погулял недолго. Разбирался в своих вещах и в книгах и начал откладывать все то, что хочу взять с собой, если придется уезжать в Англию»^[188].

Забавно, что сейчас монархисты утверждают, что, мол, император категорически был против отъезда из России. На самом деле он уже вещички складывал. Несостоятельна и большевистская версия о том, что революционные рабочие и солдаты не допустили выезда царя. В марте 1917 г. влияние большевиков на массы было крайне незначительно, а авторитет Временного правительства еще высок. В самом Романове (Мурманске) стояли британские военные корабли, которые при необходимости могли высадить несколько сот десантников для конвоирования Романовых. Так

почему же Николай II не уехал, а принял смерть в подвале дома Ипатьева? Историк Сергей Порохов дает следующее объяснение:

«Премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж, хотя и не принадлежал к роялистам и не симпатизировал российскому императору, положительно ответил на эту просьбу. Он желал одного, чтобы Россия продолжила войну против Германии, и полагал использовать царя в качестве козырной карты, дополнительной меры воздействия на членов Временного правительства, которое в случае непослушания можно было бы объявить нелегитимным. У британского премьера не было сомнений в том, что его действия будут поддержаны Букингемским дворцом. Ведь супруга бывшего русского самодержца Алиса Гессен-Дармштадтская приходилась внучкой английской королеве Виктории, а мать Николая II императрица Мария (Дагмар Дармштадтская) была родной теткой правившего в это время в Англии Георга V.

Вскоре выяснилось, что Ллойд Джордж поспешил. У британского короля "не нашлось" свободного помещения, кроме летней резиденции Балморал в Шотландии, которая как раз весной "непригодна для жилья". Король высказывал сомнения в целесообразности приезда кузена в Лондон, по его указанию личный секретарь лорд Стамфордем пишет министру иностранных дел Артуру Бальфуру: "С каждый днем король все больше тревожится по поводу возможности приезда императора и императрицы в нашу страну. Как вы знаете, с самого начала король полагал, что присутствие императорской семьи, особенно императрицы (немки), вызовет разного рода трудности, и вы, вероятно, понимаете, в какое неловкое положение будет поставлена наша королевская семья, связанная тесными узами с российским императором и императрицей..."

Через несколько дней Бальфур получает очередное послание: "Король Георг просит вас убедить премьер-министра, что, судя по публикациям в печати, английский народ будет возражать против переезда в нашу страну экс-императора и императрицы, что, несомненно, может скомпрометировать короля и королеву".

Наконец, королевский секретарь высказался и в том роде, что дело не столько в опасениях императрицы насчет немцев, сколько в опасениях, что присутствие Ники на английской земле будет способствовать распространению революционной заразы. Король предложил изучить возможность переезда Николая II с семьей во Францию, но видеть его у себя в стране он категорически отказывался»^{189}.

Британская пропаганда до сих пор гневно обвиняет русских в убийстве своего царя.

Кстати, в 1917 г. в Англии среди высшей аристократии было модно движение «Повесим кайзера». Эту идею поддерживал и сам Уинстон Черчилль. Речь идет о кайзере Вильгельме II, родном внуке королевы Виктории.

Отказав во въезде Николаю II, король Эдуард VII фактически подписал царю смертный приговор. Ну а кайзера от петли спасли успехи Красной армии в боях с белогвардейцами, националистами и интервентами. В такой ситуации Лондон решил оставить Вильгельма в качестве запасного варианта козыря.

Глава 27

БРИТАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Согласно официальной британской пропаганде, Первая мировая война была начата Германией, а английский народ поднялся защищать свою родину и всю цивилизацию от нашествия злых тевтонов. Но вот враг повержен. Германской империи больше нет на карте Европы. Кайзер, его министры, генералы и адмиралы превратились в политические трупы. Казалось, Англия должна была засунуть меч в ножны и заняться внутренними делами, благо, их и в метрополии, и в колониях накопилось более чем достаточно.

Однако, закончив одну войну, Лондон начинает втягиваться в другую. Зачем? С одной стороны, Россия — вроде бы союзник, с другой — она ослаблена мировой войной, двумя революциями и, наконец, Гражданской войной, и в обозримом будущем не может представлять идя Англии угрозы, подобно Германии. Увы, в Лондоне уже многие десятилетия сидели люди, которые считали себя сверхчеловеками, которым Бог поручил управлять всем миром. Двум-трем десяткам снобов всегда и до всего было дело.

Как можно оценить в целом значение британской интервенции в Россию? Есть две достойные внимания точки зрения. Согласно первой версии, масштаб британского вторжения в Россию был невелик. Действия англичан на Севере, Балтике, Черном море в Закавказье и на Дальнем Востоке в большинстве своем не были согласованы, велись бессистемно и с чисто военной точки зрения совершенно бездарно.

Но если оценку действий Лондона проводить исходя из последствий, то с этой точки зрения именно Англия раздула страшную войну на территории бывшей Российской империи, приведшую к миллионам жертв, разрушению инфраструктуры на огромной территории. Главным же итогом британской интервенции стали созданные ею замедленные мины огромной мощности, которые взорвутся через двадцать лет.

Удивительно, ни советские, ни нынешние «демократические» историки не обращали внимания на тот факт, что число людей, добровольно или по мобилизации вступивших в Красную армию, на порядок превышало те же цифры во всех белых формированиях вместе взятых. Почему же Гражданская война длилась целых три года и была

столь кровопролитна? Дело в том, что сепаратисты, пытавшиеся создать свои государства на территории бывшей Российской империи, собрали под свои знамена как минимум в пять раз больше бойцов, чем Колчак, Деникин и Юденич вместе взятые. Так что большевикам пришлось сражаться не только с белыми, но и с сепаратистами, и с интервентами (французами, американцами, японцами и т.п.).

Англичане же играли первую скрипку среди интервентов. Без британских войск, без новейшей британской техники — бомбардировщиков, танков, артиллерии — ни белые, ни сепаратисты долго не продержались бы. Ну а в прибрежных районах части Красной армии постоянно подвергались обстрелам британского флота.

Рассказ о британской интервенции я начну с Севера.

В годы войны, пользуясь слабостью царской России и спекулируя на многочисленных просьбах о военной помощи, англичане прочно обосновались на Русском Севере. Даже после Октябрьской революции и заключения Брестского мирного договора они не собирались уходить оттуда. В Мурманске их поддержали меньшевики и эсеры, а также офицеры флотилии, большинство из которых было враждебно настроено по отношению к советской власти. Англичане и другие «союзники» были на Севере не единственными врагами Советской республики.

С началом 1918 г. северные районы России оказались под угрозой нападения... белофиннов. 18 марта в поселке Ухта, занятом финскими войсками, собрался «Временный Комитет по Восточной Карелии», принявший постановление о присоединении Восточной Карелии к Финляндии.

Целью финского вторжения в Карелию и на Кольский полуостров были не только территориальные приобретения, но и захват оружия, продовольствия и различного ценного оборудования, доставленного союзниками в 1915—1918 гг.

В конце апреля 1918 г. крупный отряд белофиннов на лыжах двинулся к порту Печенга. По просьбе мурманского Совета рабочих и солдатских депутатов английский адмирал Кемп приказал посадить отряд русских красногвардейцев на крейсер «Кохран» («Cochrane», водоизмещение 13 550 т, вооружение: 6—234-мм, 4—190-мм и 24 —47-мм орудия).

3 мая «Кохран» прибыл в Печенгу, где высадил красногвардейцев. В помощь им капитан крейсера «Фарм» направил отряд английских матросов под командованием капитана 2-го ранга Скотта.

Первое нападение на Печенгу было произведено финнами 10 мая. Основные же силы финнов атаковали союзников 12 мая. Однако

совместными усилиями английским матросам и красногвардейцам (в большинстве своем матросам с крейсера «Аскольд») удалось рассеять и отогнать финнов.

В начале апреля союзное командование послало французский крейсер «Amiral Aube» в Кандалакшу для помощи советским силам в отражении предполагаемого набега финнов. Но крейсер не смог пройти через лед в горле Белого моря. Тогда в Кандалакшу по железной дороге выслали 150 британских морских пехотинцев. Финны решили не связываться с англичанами, и нападение на Кандалакшу было отменено. Таким образом, местным русским властям с помощью англичан и французов удалось отстоять от финнов Кольский полуостров.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что местное население, включая большинство членов местных совдепов, видело в англичанах не только защитников от финнов, но и кормильцев (они привезли продовольствие). Петроград был далеко, железные дороги работали из рук вон плохо, а Ленин и Троцкий в угоду немцам слали отчаянные телеграммы мурманскому и архангельскому совдепам с требованием полного разрыва с англичанами. В итоге в августе 1918 г. где мирным путем, а где после небольших перестрелок власть на Севере перешла в руки противников советской власти, поддерживаемых англичанами.

2 августа 1918 г. в Архангельске было создано «Верховное управление Северной области». Правительство представляло собой коалицию эсеров, народных социалистов и кадетов. Председателем его стал известный еще с 70-х годов XIX века народник, а с 1904 г. эсер И.В. Чайковский (1850—1926)^[61]. 28 сентября это правительство было расформировано и получило название «Временное правительство Северной области» во главе с тем же Чайковским.

Осенью 1918 г. союзники высадили в Архангельске две английские пехотные бригады, полк американской пехоты и французский батальон,

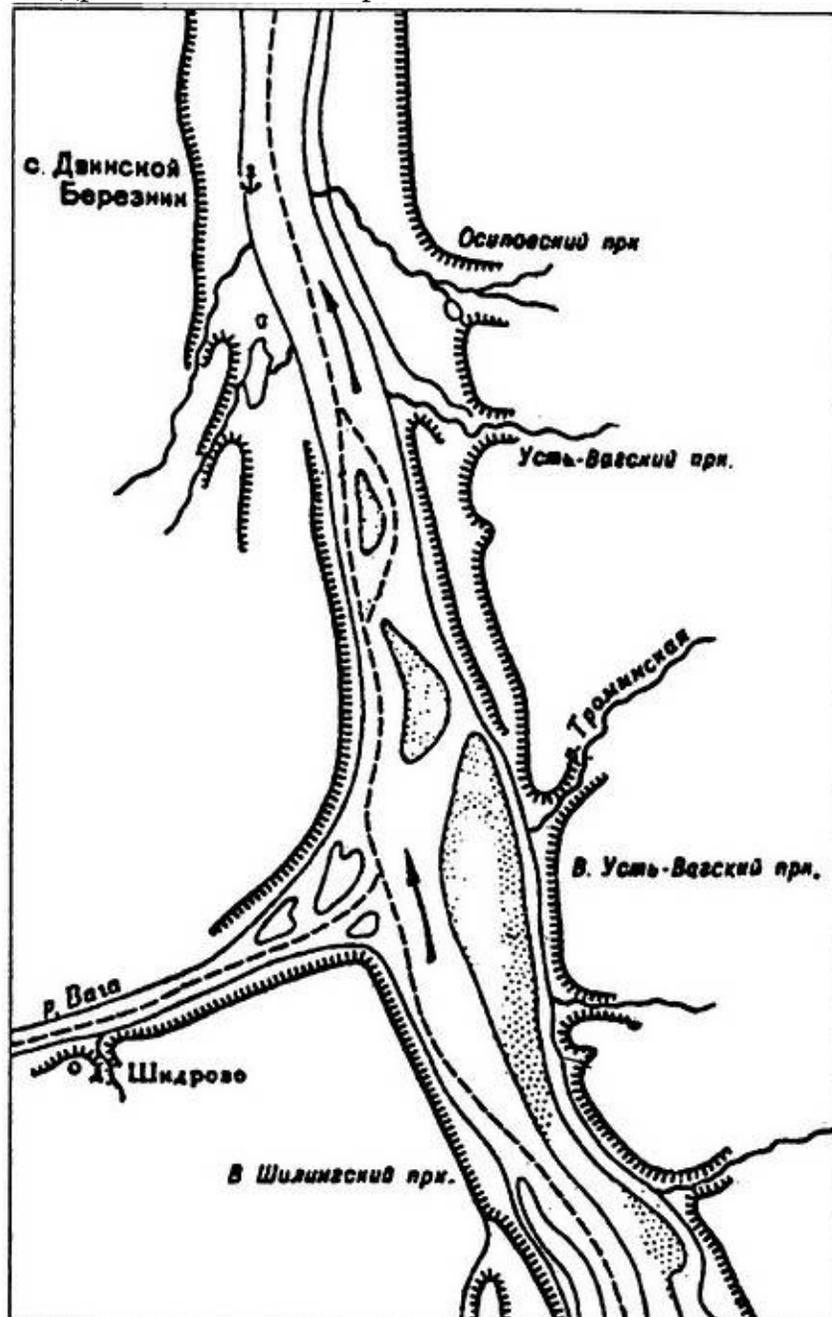
Еще 2 августа большевики и часть матросов бывшей флотилии Северного Ледовитого океана увели из Архангельска большую часть речных пароходов (до 50 единиц). Проходя через населенные пункты на реке (Холмогоры, Емецкое, Двинский Березник), большевики забирали с собой все стоявшие там пароходы и баржи.

В устье реки Ваги был оставлен один буксир, вооруженный тремя пулеметами, и 22 человека команды. Все остальные суда 5 августа в 11 часов утра пришли в город Котлас, находящийся в 625 верстах от Архангельска.

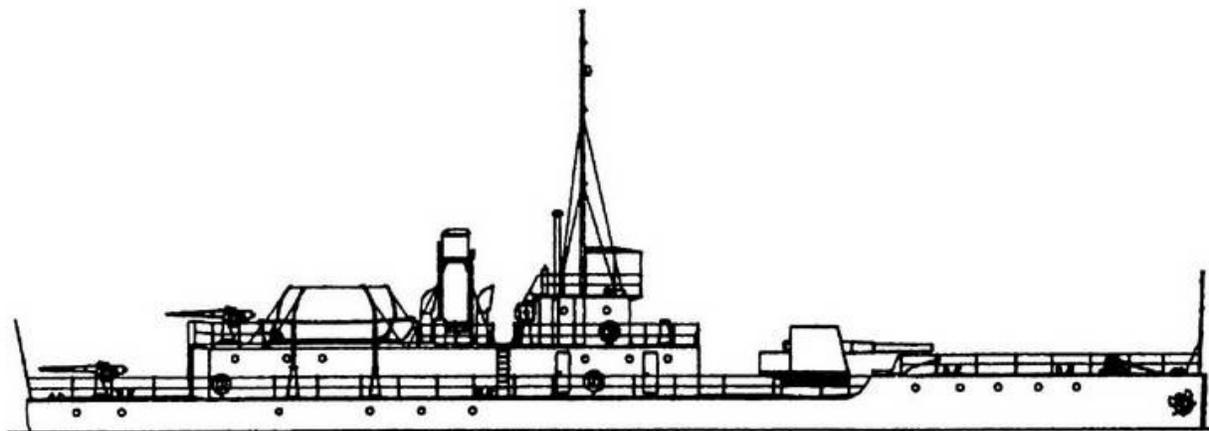
В Котласе под руководством бывшего заместителя архангельского

губисполкома Павлина Виноградова началось создание красной Северодвинской флотилии.

Англо-французские интервенты решили двинуться вверх по Северной Двине к Котлину, а оттуда — в центральные районы России. В Архангельске с британского крейсера «Аттендив» были сняты несколько 12-фунтовых (76-мм) орудий и ими вооружили пароходы «Адвокат» и «Городок» (по одной пушке каждый). Кроме того, тремя 12-фунтовыми пушками вооружили несамоходную баржу и на ее палубу подняли два поплавковых гидросамолета «Фэйри».

Район речного боя Северодвинской флотилии с кораблями союзников 11 августа 1918 г.

Британский монитор М-25

10 августа канонерки «Адвокат» и «Городок», взяв на буксир баржу, вышли из Архангельска вверх по Двине. 7 августа суда красного отряда под командованием Павлина Виноградова вышли из Котласа и направились вниз по реке навстречу союзному отряду. 11 августа состоялся первый бой красной Северодвинской флотилии с англо-белогвардейским флотом.

В конце августа — начале сентября англичане вооружили в Архангельске еще два парохода — «Разлив» (две 12-фунтовые пушки) и «Опыт» (три 77-мм пушки Шкода и одна 120-мм гаубица). Четыре моторных катера вооружили 37-мм и 40-мм автоматическими пушками и пулеметами.

К этому времени из Англии в Архангельск пришли два монитора: М-23 (капитан-лейтенант Ст. Джон) и М-25 (капитан-лейтенант Грин). Мониторы прошли сначала в Кандалакшу, где М-23 остался для поддержки отряда генерала Мейнарда, а М-25 вернулся в Архангельск и вступил в состав речной флотилии. Этот монитор так разгрузили, что он смог плавать по Двинскому фарватеру.

28 августа монитор М-25 пошел вверх по реке на разведку и попал под сильный обстрел. Монитор почти не имел снарядов, так как большая часть боевого запаса была свезена на берег, чтобы уменьшить осаду. Тем не менее ему удалось привести к молчанию батарею красных, потеряв при этом четырех человек убитыми и семерых ранеными.

30 августа в Березник на моторном катере пришел капитан 1-го ранга Альтхэм (Altham). Он был назначен старшим морским начальником на Двине и принял от лейтенанта Кавендиша в командование флотилию.

В начале сентября английский генерал Пуль окончательно отказался от планов наступления на Котлас, решив перенести это на весну 1919 г., и избрал Березник местом зимней квартиры своих войск. Село Березник расположено при впадении реки Ваги в Северную Двину, и первым мероприятием стало очищение от красных всего района между этими реками. Операция началась 14 сентября. Одна группа войск двинулась по правому берегу Ваги, другая — по левому берегу Двины с целью захватить расположенную в 15 милях от Березника деревню Чамово. Впереди группы, продвигавшейся по берегу Ваги, шли две канонерки. Остальная же часть флотилии — монитор, две канонерки, два моторных катера и буксирный пароход в густом тумане двинулись на поддержку отряда, наступавшего на Чамово.

Мониторы плохо слушались руля, управлять ими вообще было делом нелегким, и М-25 в этом отношении не был исключением. Управлять же монитором на стремительном течении Двины, покрытой островками и отмелями, к тому же в густом тумане было исключительно трудно. Ранним утром 14 сентября, не доходя двух миль до Чамово, с флотилии увидели стоящую у берега канонерку красных «Могучий». На «Могучем» тоже заметили противника, немедленно отдали швартовы, и корабль стал быстро уходить, имея преимущество в ходе перед судами союзной флотилии. Однако два попадания 83-мм снарядов, выпущенных с монитора М-25, заставили «Могучий» остановиться. Он начал тонуть, команда попрыгала за борт. 18 человек команды «Могучего» погибло, 7 было поднято из воды союзниками, а пятерым удалось доплыть до берега и скрыться.

В начале сентября красные расположили у Чамово артиллерию и пехотное прикрытие, командовал засадой сам Павлин Виноградов. Первые стычки состоялись еще до начала генерального наступления союзников. 8 сентября показали четыре союзных судна. Красная батарея открыла огонь, союзники немедленно ответили. Одним из первых снарядов были убиты Павлин Виноградов и красноармеец Фомичев. Красные бросились бежать. После боя у Чамово союзники двинулись дальше.

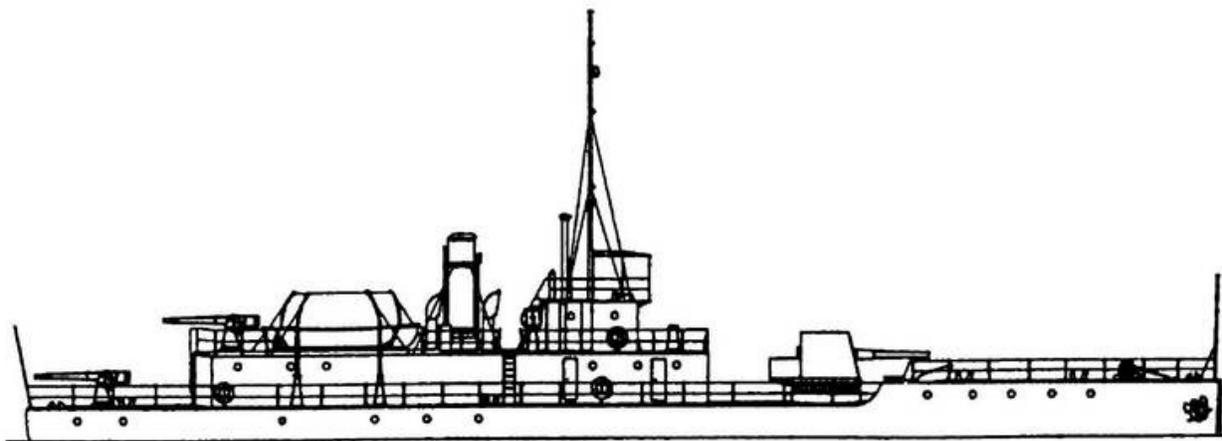
В районе села Троица красные выставили морские мины. Англичане были вынуждены остановиться. Замерзание Северной Двины обычно происходило между 15 октября и 5 ноября. Поэтому осторожные лорды британского Адмиралтейства отдали приказ союзной флотилии заблаговременно уйти в Архангельск.

7 октября союзная флотилия ушла с фронта. Перед этим Альтхэм приказал свезти на берег часть орудий с прислугой и разместить их в районе Березника.

Ободренные уходом вражеской флотилии красные части атаковали позиции союзников и после упорных четырехдневных боев заняли район Борки — Городок.

К началу навигации 1919 г. англичане сформировали на Северной Двине сравнительно мощную флотилию из судов специальной постройки. Первоначально в состав союзной флотилии входили четыре речные канонерские лодки: «Кокчафер» («Cockchafer»), «Сайкала» («Sicala»), «Крикет» («Cricket») и «Глоуорм» («Glowworm»), а также два монитора: М-23 и М-25. Все перечисленные суда перешли в Архангельск еще осенью 1918 г. и в начале 1919 г. появились на фронте, участвуя в боевых операциях под начальством командора Грина (Green). В начале июня 1919 г. к союзной флотилии присоединились пришедшие из Англии броненосная канонерская лодка «Хамбер» («Humber») и мониторы М-26, М-27, М-31 и М-33.

Кроме судов специальной постройки в состав союзной флотилии входили моторные катера, тральщики «Fandango», «Sword Dance», «Step Dance», посыльное судно «Бородино», на котором держал свой брейд-вымпел командующий флотилией, шесть быстроходных моторных катеров, вспомогательное судно «Hyderabad», госпитальное судно, баржи и другие плавсредства.

Британский монитор М-27

Помимо этого, в распоряжении английского морского командования

находились следующие суда со смешанными командами: речная флотилия на реке Северной Двине: две канонерские лодки с английской командой (бывшие пароходы «Разлив» и «Адвокат»); санитарные пароходы «Курьер» и «Вологжанин»; пароход «Вятка», вооруженный 152-мм орудием; пароход «Петр Великий» (два 37-мм автомата, 12 автоматических ружей, команда 50 человек); пароход «Олечка» (бывший тральщик, невооруженный); пароход «Опыт», вооруженный шестью легкими орудиями; пароход «Ретвизан» (штабной, с радиостанцией), четыре плота, на каждом по одному 152-мм орудю.

Кроме того, союзники создали небольшую речную флотилию на реке Печоре.

На Северной Двине, как, впрочем, на всем Северном крае, интервенты (англичане и др.) превалировали над белогвардейцами. Как писал историк британского флота Генри Ньюболт: «...русский народ не высказывал желания помогать самому себе. Большинство относилось к собственной участи фаталистически, с готовностью примириться с тем, что случится, не желая сделать ничего, чтобы повлиять на ход текущих событий. Мурманский край, населенный не очень густо, дал всего 360 добровольцев, но даже в Архангельском районе с гораздо более плотным населением изъявило желание поступить в армию лишь 1900 человек. Карелы не отказывались защищать свою территорию против вторжения финнов и немцев, но не хотели воевать нигде за ее пределами. Что же касается русских, то представлялось сомнительным, чтобы они без поддержки союзных войск стали бы драться где бы то ни было»^{190}.

К началу навигации 1919 г. союзные войска на Северной Двине закрепились на правом берегу в деревне Кургомень, а на левом берегу в деревне Тулгас. Укрепления союзников состояли из ряда пулеметных блокгаузов, приспособленных к обороне домов, обнесенных сплошным рядом проволочных заграждений. В деревне Кургомень была установлена тяжелая батарея из двух морских 152-мм орудий. Тыловые позиции союзников находились у села Конецгорского и Пантелеевской (Шужега), у устья реки Ваги и у Березников.

С 1 мая 1919 г. корабли красной флотилии с боями пытались прорваться вверх по реке. В середине мая на фронт прибыла и союзная флотилия, в составе которой были мониторы М-23 и М-25, канонерки «Кокчафер», «Сайкала», «Крикет», «Глоуорм». Союзникам удалось несколько потеснить красных.

Заняв 21 июня линию реки Топса, союзники заставили красных отойти на позицию линии реки Сельменга — на правом берегу, и деревни Сельцо

— на левом берегу. Эти позиции были достаточно оборудованы и давали возможность удерживаться на них при условии содействия Северодвинской флотилии.

Англичане на захваченном участке реки немедленно приступили к тралению мин и дноуглубительным работам. При этом 24 июня два тральщика — «Fandango» и «Sword Dance» — взорвались на советских минных заграждениях.

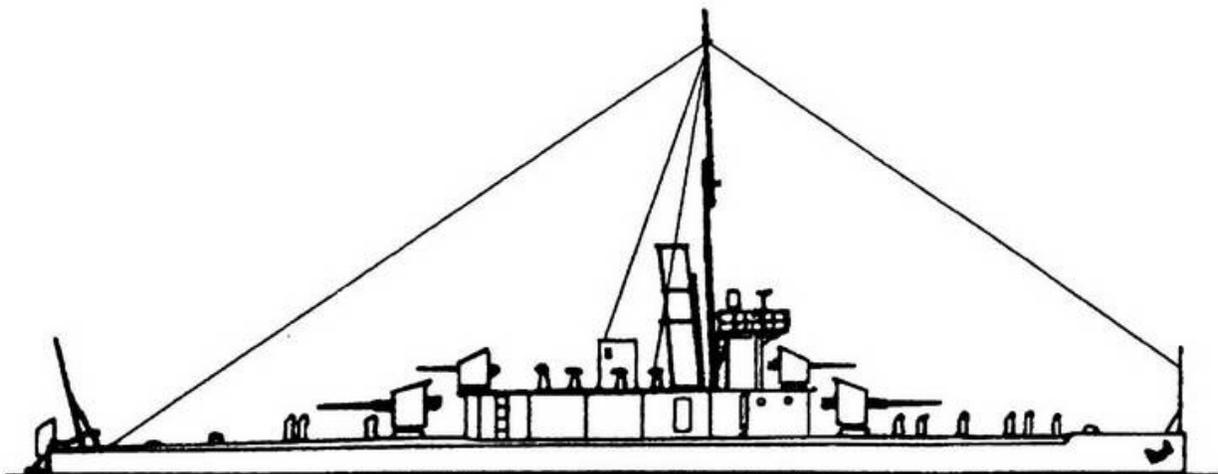
Выставив минные заграждения в устье реки Топса (мины типа «Рыбка»), союзная флотилия продвинулась к деревням Троицкая — Плес, где тоже провела траление фарватера. Там было смешанное заграждение красных из мин «Рыбка» и мин образца 1912 г.

Красные заняли позиции у деревни Рубеж в 100 верстах ниже Котласа. У Рубежа было оборудовано заграждение реки Двины. Для заграждения красные затопили 70 больших лодок и барж, при этом левый рукав преградив совершенно, а в правом оставили «ворота», вблизи которых установили три баржи, которые в случае необходимости можно было затопить и тем самым совершенно преградить устье Двины.

Для борьбы с британскими мониторами на канонерские лодки Северодвинской флотилии были установлены дальнобойные 130/55-мм и 120/50-мм корабельные пушки.

8 июля красные пехотные части перешли в наступление по правому берегу и ненадолго заняли деревню Сельменга. Поводом к наступлению стал переход к красным 126 перебежчиков, сообщивших о волнениях в британском полку.

Красная пехота атаковала русские белые части у деревни Троица и заставила их отступить в лес, находившийся между Троицей и рекой Сельменгой. На следующее утро белые и англичане начали совместную атаку, и красным пришлось оставить позиции и ретироваться на дальний берег Сельменги.

Британская речная канонерская лодка «Глоуором» постройки 1915 г.

По советским источникам «во время боя с нашей флотилией монитор М-33 получил попадание тяжелого снаряда, а канлодка "Крикет" получила попадание у ватерлинии и принуждена была спуститься вниз по реке и ошвартоваться у баржи-мастерской, чтобы спастись от затопления. На канлодке "Сайкала" вследствие длительной стрельбы при больших углах возвышения вышла из строя артиллерия. Положение англичан было критическое, вследствие неприбытия подкреплений сухопутных войск, и лишь четырехкратные обстрелы нашей флотилии и нашего расположения мониторами, при содействии авиации и особенно 6-дюймовой артиллерией британской канлодки "Гумбер", позволили неприятелю отбить все наши атаки»^[191].

14 июля в ходе очередного налета союзной авиации ружейно-пулеметным огнем с посыльного судна «Некрасов» был сбит английский гидросамолет «Фэйри-IIIВ». Самолет сел на воду, а его экипаж — летчик Маршалл и наблюдатель Лаксдоун — бежали в лес. Позже их выдали красноармейцам местные крестьяне.

Англичане, подтянув силы, попытались перейти в контрнаступление. Однако, нарвавшись на минные заграждения красных, «просвещенные мореплаватели» вновь отступили.

В первой половине августа начался отход британских войск к Архангельску. С отводом вниз британских судов возникли серьезные проблемы в связи с временным обмелением Северной Двины. Так, у деревни Чамово уровень воды на фарватере упал до 2 футов (0,61 м). Чтобы облегчить свои суда, англичане сняли с них все, что могли, включая

артиллерию.

С большим трудом британские суда преодолели Чамовский перекаат, но два монитора (М-25 и М-27) стащить с мели так и не смогли и 16 сентября (по другим сведениям 17 сентября) взорвали их. Остальные суда английской флотилии встали на якорь у деревни Лявля в 30 верстах от Архангельска.

Затем все суда благополучно достигли Англии. Мониторы типа «М» в 1920 г. были выведены из боевого состава флота, причем М-26 был обращен в танкер, а М-31 и М-33 стали минными заградителями «Мельпомена» и «Минерва». В качестве блокшива М-33 сохранился до начала XXI века.

На фронте у деревни Троицкой остались три канонерки, переделанные из колесных пароходов, и десять быстроходных моторных катеров, переданных англичанами белым.

Уходя, англичане забросали Северную Двину минами. Наряду с обычными минами ударного действия англичане впервые в мировой истории применили донные магнитные мины. Тральщики красных оперативно тралили шаровые мины и малые мины типа «Рыбка». Но вот 23 сентября в районе предполагаемого минного заграждения от необычайно сильного взрыва погиб советский тральщик «Белогор», что стало полной неожиданностью для красного командования. Начальство решило, что раз накануне фарватер был тщательно исследован тральщиками, то взрыв произошел от мелко поставленной шаровой мины, и приказало продолжить тральные работы.

На следующий день недалеко от места гибели «Белогора» от взрыва погиб тральщик «Посыльный» и получил повреждения «Удачный». Это заставило командование флотилии отказаться от прохода судов до окончательного обследования фарватера при помощи водолазов, что еще более обострило положение на фронте.

Поскольку сухопутное командование постоянно требовало артиллерийской поддержки судов, командование Северодвинской флотилии придумало оригинальный выход — было решено красноармейцев и моряков обратить в... бурлаков. Так как плавбатарей обладали сравнительно малой осадкой, то «бурлаки» могли протащить их по довольно мелким местам вдоль берега, где, по предположению красных, магнитных мин не должно было быть. А в случае же подрыва баржи человеческие жертвы были исключены. А 29 сентября водолазы у острова Селец извлекли первую магнитную мину.

Помимо Северной Двины британские интервенты вели активные

действия в районе Онежского озера. На Онеге действовала довольно сильная флотилия красных. Белые и интервенты в июне 1919 г. по железной дороге в Медвежью Гору доставили семь моторных катеров-истребителей. Также в Медвежью Гору по железной дороге были доставлены десять английских малых моторных катеров, вооруженных одной 47-мм, одной 37-мм пушками и одним пулеметом каждый.

Слабость в корабельном составе англичан компенсировалась массированным применением новейших самолетов. Вот только несколько эпизодов. 7 июня канонерки № 4, № 6 и № 8, находившиеся в дозоре к югу от острова Мег, подверглись атаке «Фэйри-IIIС», пилотируемого летчиками Хеймсом и Идсом. Гидросамолет сбросил одну 112-фунтовую и три 20-фунтовые бомбы. Тогда красные канонерки не имели зенитных орудий, и им ничего не оставалось делать, как «разойтись по радиусам на дистанцию, позволявшую двум из них обстреливать гидроаэроплан, атакующий третью. Из четырех бомб, сброшенных на канлодку № 8, и четырех — на канлодку № 4, — ни одна не попала»^[192].

9 июня гидросамолет «Фэйри» несколько раз бомбардировал дозорные канонерские лодки. «В 4 ч. гидроаэроплан сбросил безрезультатно 4 бомбы на канлодку № 7; в 5 час. — 4 бомбы на канлодку № 2. В это же время бронированный бомбовоз [выделено мною. — А.Ш.] сбросил 21 бомбу на канлодку № 2 и 7 бомб на канлодку № 7».

12 июня английские летчики сбросили 230-фунтовую бомбу на бронепоезд красных, бомба взорвалась рядом с составом. Чтобы увеличить точность бомбометания, британские летчики действовали на сверхмалых высотах. 11 июня лейтенанты Айзек и Иде бомбили 10-й разъезд. Они сбросили с высоты 30 футов (9 м) 230-фунтовую бомбу с взрывателем замедленного действия на полотно железной дороги. На месте взрыва образовалась шестиметровая воронка. Вечером 29 июня экипаж в составе Хеймса и Идса к югу от Кяппесельги обнаружил поезд и атаковал его. Летчики зигзагом снизились к цели и с высоты 70 футов (около 20 м) сбросили 230-фунтовую бомбу с взрывателем замедленного действия, поставленным на замедление на 2,5 секунды. Поезд на полном ходу налетел на бомбу, от взрыва которой паровоз разорвался пополам.

Помимо обычных бомб англичане к концу сентября 1919 г. сбросили в районе Онежского озера 321 химическую авиабомбу, начиненную ипритом.

А пока на Северной Двине и Онеге шли упорные бои, в Архангельске и Мурманске разворачивали русскую флотилию Северного Ледовитого океана. 5 августа «временное правительство» эсера Чайковского передало во «временное пользование» интервентам посыльное судно «Горислава»,

ледоколы «Святогор» и «Микула Селянинович» и восемь тральщиков. Ранее, в июне, в Мурманске англичанам были переданы посыльное судно «Соколица» и крейсер «Аскольд». Суда передавались под тем предлогом, что белые власти, считая себя в состоянии войны с Германией, должны оказывать интервентам «союзную помощь» против общего врага.

Значительная часть русских военных судов потом так и не была возвращена. На этих судах в нарушение соглашения был поднят английский или французский флаг. Так остались у англичан и плавали под английским флагом крейсер «Аскольд» и десять тральщиков.

Те же суда, которые были все же возвращены интервентами, оказались в самом плачевном состоянии. Так, комиссия, назначенная для приемки от англичан посыльного судна «Горислава», в акте от 25 апреля 1919 г. отметила, что «запущенность и загрязненность корабля в момент его оставления британским экипажем не поддается описанию».

В результате такого хозяйничанья белых и их союзников судовой состав флотилии Северного Ледовитого океана резко сократился и к февралю 1919 г. насчитывал всего 12 посыльных и гидрографических судов, 4 миноносца и 9 тральщиков, не считая старого линейного корабля «Чесма», потерявшего боевое значение.

Развал флотилии продолжался и дальше. В сентябре того же года командующий флотилией доносил в Омск «морскому министру», что, «не считая четырех тральщиков, лишь посыльные суда "Ярославна" и "Горислава" держатся готовыми к плаванию».

Особенный интерес для англичан представлял ледокольный флот. 7 ноября 1918 г. «Временное правительство Северной области» постановило: «Пять ледокольных грузовых пароходов "А. Сибиряков", "С. Дежнев", "Г. Седов", "В. Русанов" и "Соловей Будимирович" передать в ведение Британского адмиралтейства на зимнюю навигацию».

Осенью 1918 г. на ремонт в Англию ушел ледокол «Микула Селянинович». Вскоре он был передан англичанами французам, которые подняли на нем свой флаг.

Осенью 1919 г. под английским флагом плавали ледоколы «Св. Александр Невский» и «Святогор». Правда, ледоколы «Князь Пожарский», «Козьма Минин», «Канада» и три ледокольных парохода, отремонтировавшиеся в Англии, были под русским флагом. Но видимо, у белых не было никакой уверенности, что и эти ледоколы не захватят англичане.

13 сентября 1919 г. генерал Миллер телеграфировал русскому послу в Париже: «Скорейшая передача всех ледоколов в русские руки существенно

необходима, о чем прошу Ваших настояний перед английским и французским правительствами». 23 сентября Миллер получил из Парижа ответную телеграмму: «Три ледокола "Канада", "Пожарский" и "Минин" будут готовы в начале октября и пойдут в Северную Россию, но будут находиться под английским контролем, чтобы не попали в руки большевиков». Союзники не верили в прочность положения белых на Севере, власть которых действительно близилась к концу.

27 сентября английские войска эвакуировались из Архангельска. Обнадеженный временными успехами Деникина и переоценив свои силы, генерал Миллер решил продолжать борьбу против Красной армии. Но дни северной контрреволюции уже были сочтены. В начале 1920 г. Красная армия закончила освобождение Русского Севера от интервентов.

Глава 28

АНГЛИЧАНЕ НА БАЛТИКЕ

Сразу же после перемирия с Германией британское адмиралтейство направило 6-ю эскадру легких крейсеров, флотилию эсминцев и большой транспорт с грузом вооружения и боеприпасов для белогвардейцев и прибалтийских националистов. Командовал соединением контр-адмирал Александер Синклер. 28 ноября 1918 г. британская эскадра была уже в Копенгагене. После краткого захода в Либаву (Лиепая) англичане двинулись в Финский залив.

2 декабря в порт Виндаву прибыли четыре легких крейсера, шесть эсминцев и несколько тральщиков. Следует заметить, что все британские корабли были новейшей постройки. После короткой стоянки британская эскадра двинулась в Ревель.

В ночь с 4 на 5 января 1919 г. на mine подорвался и затонул британский крейсер «Кассандра». Зато британский транспорт «Принцесса Маргарет» сумел выгрузить в Ревеле несколько тысяч винтовок, пулеметы и 76-мм зенитные орудия, которые немедленно были отправлены на фронт.

С 15 декабря 1918 г. британские крейсера и эсминцы начали систематический обстрел красных частей на правом фланге 7-й армии на берегу Финского залива. После 20 декабря к ним присоединилась канонерская лодка «Лембит» (бывшая русская канонерка «Бобр», захваченная 3 апреля 1918 г. немцами на Аландских островах и переданная ими белоэстонцам).

Балтийский флот, несмотря на подавляющее превосходство по числу кораблей и огневой мощи, не смог оказать достойного отпора англичанам. Отчасти это было связано с ледоставом в районе Кронштадта. (В западной части Финского залива лед встает позже, а то и вообще море не замерзает.) Но главной причиной стали низкий уровень дисциплины военморов и бездарность красного командования.

2 декабря подводная лодка «Тигр» выходит из Кронштадта. Ее цель — вести разведку, а при случае и атаковать британские силы. Однако из-за неисправности она через два дня вернулась в базу. 11 декабря в поход выходит подводная лодка «Тур», 23 декабря — «Пантера». Однако и они возвращаются из-за технических неисправностей и тяжелой ледовой обстановки.

Командование Балтийского флота решило провести операцию в районе Ревеля силами «отряда судов особого назначения Балтфлота» в составе линкора «Андрей Первозванный», крейсера «Олег» и эсминцев «Автроил», «Азард» и «Спартак». Обладая большим перевесом в огневой мощи, отряд теоретически мог вдребезги разнести британскую эскадру. Однако из-за бездарности командира отряда мичмана Ф.Ф. Раскольниковца суда отряда действовали порознь, а их командиры даже не знали всего плана операции.

Так, крейсер «Олег» занял позицию восточнее острова Сурсари, а линкор «Андрей Первозванный» (командир В.Т. Загуляев) — у маяка Шепелевский. 26 декабря эсминец «Спартак» обстрелял острова Аэгна и Найссаар (Нарген), а затем захватил и отправил в Кронштадт финский пароход. В 13 ч 15 мин 25 декабря на подходе к Ревелю «Спартак» встретил английский отряд в составе легких крейсеров «Калипсо» и «Карадос», эсминцев «Вендетта» и «Вайкфул». «Спартак», отстреливаясь, стал отходить, но из-за паники на борту сбился с курса и около 14 часов сел на банку Курадимуна (Девельсей) и был вынужден сдаться в плен англичанам. В тот же день англичане у острова Махни (Экхольм) захватили эсминец «Автроил».

Оба эсминца англичане передали эстонцам, и они под названиями «Леннук» и «Вамбола» вошли в состав эстонского флота.

В конце 1918 г. в Таллине (Ревеле) начались выступления рабочих против самозванного националистического правительства Константина Пятса. Премьер приказал держать в Палдиски под парами специальное судно, на котором правительство намеревалось бежать в случае опасности. Восстание рабочих в Таллине было предотвращено лишь пребыванием на рейде английской эскадры.

Все свои надежды националисты возлагали на оккупацию Эстонии войсками Антанты. 27 декабря 1918 г. правительство на закрытом заседании решило послать делегацию к адмиралу Синклеру, чтобы передать ходатайство о немедленной оккупации Эстонии. 29 декабря делегация, состоявшая из представителей аграрной партии, народной партии, трудовиков и социал-демократов, передала британскому адмиралу меморандум, в котором просила «правительство его величества оккупировать и взять под свой военный протекторат территорию Эстонской республики, подчинив своему высшему командованию все военные силы, которые уже созданы, а также те, которые будут созданы в будущем»^[193].

В конце декабря с помощью англичан и русских белогвардейцев Пятсу удалось стабилизировать ситуацию в Эстонии.

6—7 января 1919 г. объединенные силы эстонцев, финнов и

белогвардейцев перешли в наступление в Северной Эстонии. С моря их поддерживали британские корабли, канонерская лодка «Лембит» и введенный в строй 6 января эсминец «Леннук» (бывший «Автроил»)^[62]. Балтийский же флот был скован льдом в Кронштадте и не мог оказать поддержки своим частям.

В мае — июне британские силы на Балтике получили подкрепление — авианосец «Виндиктив» с 12-ю самолетами, четыре крейсера («Дрэгон», «Дели», «Даная», «Дентлесс»), несколько эсминцев, 7-ю флотилию подводных лодок с плавбазой «Люсия» и ряд вспомогательных судов.

11 августа 1919 г. британский генерал Ф. Марш у себя в кабинете в Таллине сформировал «Правительство русской Северо-Западной области» («Северо-Западное правительство»). Председателем Совета министров и министром иностранных дел стал нефтяной магнат С.Г Лианозов, военным министром — Юденич, морским министром — контр-адмирал Пилкин. Замечу, что иных «морских сил», кроме трех канонерок Чудской флотилии, у этого правительства не было. Для начала «борцы за единую и неделимую» признали независимость Эстонии, а заодно пообещали Маннергейму отдать Великой Финляндии Карелию и Кольский полуостров.

Даже Колчак отказался признать «Северо-Западное правительство», зато в августе 1919 г. Юденич лично получил от англичан 860 тыс. фунтов стерлингов.

Советское командование не уделяло серьезного внимания эстонскому флоту. Так, нарвский участок обороняла 6-я стрелковая дивизия численностью до 5 тысяч штыков и сабель, 147 пулеметов, 32 орудия, 2 бронепоезда и 4 броневика. На 80-километровом фронте обороны слабые части дивизии располагались в виде отдельных застав.

13 мая русские белогвардейцы и эстонцы начали наступление на всем фронте от Балтики до Чудского озера. С моря их поддерживала британская эскадра. При этом английский крейсер «Кюрасао» подорвался на mine и был увезен в Англию на ремонт.

Британская авиация базировалась в Финляндии и регулярно бомбила Кронштадт и корабли Балтийского флота.

18 мая 1919 г. эсминец «Гавриил» вошел в Копорский залив для обстрела побережья, занятого противником. Советский эсминец был атакован четырьмя британскими эсминцами. Пока шел бой, по красным судам, находившимся восточнее «Гавриила», открыла огонь финская батарея из района форта Ино. В свою очередь, форт Красная Горка открыл ответный огонь из 12-дюймовых орудий. На форту Ино был замечен пожар, и огонь финнов прекратился. Британские эсминцы повернули назад, и

«Гавриил» благополучно вернулся в Кронштадт.

4 июня эсминцы «Азард» и «Гавриил» потопили в Копорском заливе большую английскую подводную лодку Л-55. Тем не менее из-за множества мин в Финском заливе, постоянных технических неисправностей на кораблях, а главное, из-за расхлябанности «братишек» Балтийский флот не сумел реализовать свое большое численное превосходство над англо-эстоно-финскими силами.

В ночь на 13 июня начался антисоветский мятеж в фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь». Однако британский флот ничего не делал, чтобы помочь мятежникам. После обстрела этих фортов кораблями Балтийского флота и кронштадтским фортом «Риф» мятежники попросту разбежались.

6 июля гидроавианосец «Виндиктив» налетел на камни у Выборга и ушел на ремонт в Англию.

30 июня в Бьёрке (Приморск) прибыло морем семь английских торпедных катеров, и еще один затонул при буксировке в Балтийском море. Несколько позже в Финский залив прибыл монитор «Эребус» с 381-мм артиллерией.

С помощью финнов англичане оборудовали секретную базу торпедных катеров в Териоки в 40 км от Петрограда в полуразрушенной базе бывшего Российского императорского яхтклуба.

В июне 1919 г. английские торпедные катера совершили 13 походов в Петроград Северным фарватером мимо северных фортов Кронштадтской крепости. И только два раза они были обнаружены и обстреляны ружейно-пулеметным огнем, но большая скорость (33—37 узлов) позволила им уйти. На одном из островов Невской дельты катера высаживали или принимали британских агентов.

17 июня крейсер «Олег» стоял на якоре у Толбухина маяка под охраной двух эсминцев и двух сторожевых судов. Катер Эгара подошел почти в упор к крейсеру и выпустил торпеду. Крейсер затонул. Как неслась служба у красных военморов, легко понять из того, что ни на крейсере, ни на охранявших его судах никто не заметил при дневном свете и отличной видимости подходящий катер. После взрыва был открыт беспорядочный огонь по «английской подводной лодке», которая привиделась военморам.

С 1 августа начались ежедневные бомбардировки Кронштадта английскими самолетами, базировавшимися на финской территории. В ответ 6 августа четыре советских бомбардировщика в сопровождении двух истребителей были отправлены на бомбежку аэродрома близ Бьёрке. Из-за интенсивного зенитного огня три бомбардировщика вернулись, не выполнив задания, и лишь один сбросил бомбы на ангары.

Во время бомбардировки Кронштадта 13 августа произошел большой пожар складов леса, а также сгорело здание таможни.

В ночь с 17 на 18 августа английские торпедные катера атаковали корабли Балтийского флота в Кронштадской гавани. Пять катеров вышли из Бьёрке и два катера — из Териоки. Они встретились в районе форта И но, а оттуда пошли Северным фарватером к Кронштадту. Чтобы отвлечь внимание большевиков, в 3 ч 45 мин 18 августа над Кронштадтом появились английские гидросамолеты, сбросившие 100-фунтовые бомбы и открывшие огонь из пулеметов.

В результате атаки был поврежден старый линкор «Андрей Первозванный» и потоплен старый крейсер «Память Азова», который использовался как база подводных лодок. При этом три катера были потоплены огнем эсминца «Гавриил».

31 августа подводная лодка «Пантера» у острова Сескар потопила английский эсминец «Виттория», а 4 сентября на русском минном заграждении погиб однотипный с «Витторией» эсминец «Верулэм».

6 августа в Ревельском порту выгрузили первые четыре английских танка типа Mk.V. Вскоре был создан танковый дивизион под командованием капитана 1-го ранга П.С. Шишко. На вооружении дивизиона имелось шесть танков Mk.V.

К исходу 20 октября войска Юденича вышли на линию южнее фортов «Красная Горка» и «Серая Лошадь», Большая Ижора, Большой Узигонт, Сосновка, Московская Славянка, восточнее Ям-Ижора, Аннолово и далее на юг.

Переломным моментом в борьбе за Петроград стали бои за Пулковские высоты, господствовавшие над юго-западной частью города. 21 октября 1919 г. красные перешли в контрнаступление. Упорные встречные бои шли за Царское Село. Любопытно, что там танки белых напоролись на красных латышей. Два танка Mk.V было подбито, затем латыши перешли в контратаку и отбросили противника.

23 октября красные овладели Павловском и к исходу 26 октября вышли на подступы к Гатчине.

Активно велись и операции на море. При попытке в ночь на 21 октября поставить минное заграждение в Копорском заливе погибли на минах три эсминца Балтийского флота.

27 октября в Копорском заливе появился самый мощный британский монитор «Еребус» (водоизмещение 8 тыс. т, вооружение: 2—381-мм и 10—102-мм пушек). Он открыл огонь по форту «Красная Горка». Корректировка огня велась английскими самолетами, базировавшимися на

Финляндию. 30 октября «Еребус» в сопровождении английских и эстонских эсминцев («Леннук» и «Вамбола») вновь вел обстрел «Красной Горки». На сей раз над фортом для коррекции артогня был поднят аэростат с летчиком-наблюдателем В.П. Конокотиным. Британский истребитель с двух попыток не сумел уничтожить аэростат. В конце концов, Конокотин из ручного пулемета «Люис» сбил истребитель, а затем благополучно совершил посадку.

«Пятнадцатидюймовки» монитора и «двенадцатидюймовки» форта стреляли одинаково метко — за два дня ни один снаряд не попал ни в форт, ни в корабль.

В декабре 1919 г. британская эскадра покинула Финский залив, где начинался ледостав. Теперь эстонскому правительству лишь оставалось заключить мир с большевиками. Что же касается генерала Юденича, то он убыл в Париж, где немедленно приобрел особняк за 3 млн. франков, а еще 9 миллионов положил в несколько французских банков. (О сих операциях славного генерала поведала белогвардейская газета «Русское слово».)

Британские историки считают действия английской эскадры на Балтике весьма успешными. Мол, эскадра помогла отстоять независимость балтийских лимитрофов^[63] и спасти их от захвата Советской Россией. Бесспорно, английская эскадра сыграла в этом роль, но совсем не главную. Имелись и другие более важные факторы. Так, Красная армия была отвлечена действиями на других фронтах, а из-за разрухи Советской республике срочно нужен был выход на мировой рынок. Заключив мир с прибалтами, большевики получили возможность свободного транзита товаров на Запад.

Потери британского флота на Балтике были сравнительно невелики — крейсер «Кассандра», эсминцы «Верулэм» и «Виттория», подводная лодка Л-55, три тральщика, семь торпедных катеров и транспорт «Велтурнис».

15 февраля 1928 г. командор Эгер, командовавший британскими торпедными катерами на Балтике, зачитал в Институте королевских соединенных служб в Лондоне доклад «Операции английского флота на Балтике в Гражданскую войну». В нем приводились потери англичан в корабельном и личном составе. Среди погибших оказались 130 моряков (и еще 9 взяты в плен) и 5 морских летчиков. Данные сии подозрительно малы. Так, адмиралтейство объявило, что все моряки с подводной лодки Л-55 были спасены. Но в августе 1928 г. Л-55 подняли советские водолазы, и в Англию было отправлено 38 гробов с останками экипажа.

Глава 29

«ПРОСВЕЩЕННЫЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ» НА ЧЕРНОМ МОРЕ

24 ноября в Севастополь пришел британский легкий крейсер «Кентербери», посланный на разведку. А на следующий день заявила большая эскадра «тетушки Антанты».

Впереди шли британские дредноуты «Суперб» и «Темерер», за ними — французский дредноут Джастис («Justice») и итальянский «Леонардо да Винчи», крейсера «Галатея», «Агордат» и девять эсминцев.

Как только дредноуты бросили якорь, к британскому флагману двинулись три катера: на одном находились деятели нового крымского правительства, на другом — губернского земского собрания, а на третьем — представители Добровольческой армии. Англичане быстро поставили почетную публику на место, как в переносном, так и в прямом смысле. Им пришлось постоять пару часов в помещении линкора, где не было мест для сидения. Затем их принял британский адмирал Колторн. Он выслушал гостей, но отказался вступать в какие-либо переговоры, сославшись на отсутствие инструкций от своего правительства.

На берег были высажены шестьсот британских морских пехотинцев и 1600 сенегальцев из 75-го французского полка. Англичане строго потребовали, чтобы на всех судах в Севастополе были спущены Андреевские флаги и подняты английские. Однако другие союзники потребовали и свою долю в разделе германских и русских судов.

Как писал советский военно-морской историк В. Лукин: «Англичане споров не заводили, и когда французы пожелали поднять свои флаги на боевых германских подводных лодках, коих было четыре — "UB-14", "UB-42", "UB-37", "UB-23", то англичане спустили на двух из них свои флаги, а французы подняли свои. На "Воле" и миноносцах были подняты английские флаги и посажена английская команда (было оставлено всего три русских офицера), и суда эти отправились в Измид (залив и порт в Мраморном море). Германские подводные лодки англичане быстро снабдили командой, и через три дня суда стали опять действующими боевыми судами, но уже английского флота. Французы лодки только перекрасили, ими не воспользовались, и их две лодки пришли вскоре в полный беспорядок. Про весь происшедший разбор флота спрашивается

такая заметка, если судить по имеемым письменным документам. Англичане желали все годное в боевом отношении забрать себе или сделать так, чтобы этих судов не было, т.к. всякий военный флот, кроме своего, им органически противен; французы желали взять флот для того, чтобы как трофеи привести его в свои порты; итальянцы были скромны и вели себя вежливо, греки зарились на коммерческие суда»^{194}.

В первые дни апреля 1919 г. 1-я Заднепровская Украинская советская дивизия прорвала оборону деникинцев на Перекопе и начала наступление в степном Крыму. 7 апреля Краевое правительство бежало из Симферополя в Севастополь под защиту союзного флота.

Союзники могли передать корабли бывшего Черноморского флота Добровольческой армии, о чем их слезно просили русские морские офицеры. Но британское адмиралтейство принципиально не желало видеть на Черном море русские боевые корабли ни под красными, ни под Андреевскими флагами.

Лучшие транспорты и вспомогательные суда Черноморского флота англичане поделили с французами. Самый сильный корабль Черноморского флота «Воля» и наиболее боеспособные эсминцы были уведены англичанами в турецкий порт Измид, где стали рядом с германским «Гебеном».

У линейных кораблей дредноутного типа «Иоанн Златоуст», «Евстафий», «Борец за свободы» (бывший «Пантелеймон»), «Три Святителя», «Ростислав», «Синоп», а также крейсера «Память Меркурия» англичане взорвали машины и тем самым сделали невозможным их использование в течение всей Гражданской войны.

26 апреля англичане вывели в открытое море на буксире 11 русских подводных лодок и затопили их, 12 подводных лодок типа «Карп» были затоплены в Северной бухте.

Так что именно англичане уничтожили большую часть Черноморского флота.

11 декабря 1918 г. на британском крейсере «Форсайт» великий князь Александр Михайлович навсегда покидает Россию.

По приказу короля Георга V линкор «Мальборо» бросил якорь на внешнем рейде Ялты. На борт дредноута поднялись: родная тетя Георга императрица Мария Федоровна, кузина великая княгиня Ксения Александровна с младшими детьми, великий князь Николай Николаевич, Феликс Юсупов с женой и родителями, а также несколько их придворных.

Утром 28 марта (11 апреля) 1919 г. «Мальборо» поднял якорь и направился к Босфору. Старая императрица молча стояла на корме корабля,

и из ее глаз текли слезы. Ни она, ни ее спутники больше никогда не увидят Россию.

Весной 1919 г. Красная армия захватила не весь Крым — Добровольческой армии удалось удержать Керченский полуостров. Это отчасти объясняется тем, что корабли союзников поддерживали огнем белые части, занявшие оборону на Акманайском перешейке шириной 22 км. 27 апреля к Керченскому перешейку подошел белый крейсер «Кагул», из-за недостатка кочегаров имевший 6-узловой ход.

К этому времени в Феодосийском заливе, примерно в двух милях от берега, вытянувшись в одну линию, стояли английские дредноуты «Айрон Дюк» и «Мальборо», один гидрокрейсер (база гидросамолетов) «Емпресс», греческий броненосец «Лемнос», несколько английских и два французских миноносца.

28 апреля по просьбе штаба сухопутного отряда дредноут «Айрон Дюк» под флагом командующего английским флотом адмирала Сеймура бомбардировал селение Владиславовка, где сосредоточились части красных. Через несколько дней по Владиславовке одним орудием стрелял «Кагул», а корректировалась стрельба с английского гидросамолета. Это были первые выстрелы деникинского флота по позициям красных.

С 1 по 4 мая красные вели отчаянные атаки позиций белых, особенно на берегу Азовского моря. Но, увы, и туда доставали 13,5-дюймовые (343-мм) снаряды британских дредноутов. Огонь корабельной артиллерии корректировался с привязанных аэростатов, поднятых над транспортами. Наступление красных 5 мая окончательно захлебнулось.

Еще 23 декабря 1917 г. юг России был разделен на британскую и французскую сферы влияния, а точнее, зоны оккупации. Англичанам достались Северный Кавказ, Закавказье и Туркестан. Согласно приказу военного министра от 11 декабря 1917 г., британские войска должны были взять под контроль железную дорогу и нефтепровод Баку — Батум. Часть Салоникской армии в составе 80, 81 и 82-й бригад переместилась в середине ноября в Константинополь, создав штаб-квартиру Черноморской армии генерала Дж. Милна.

Высадка 80-й британской бригады в Батуме была произведена с 15 декабря 1918 г. по 8 января 1919 г. Три батальона англичан во главе с бригадным генералом Кук-Келлиосом оккупировали Батум. Оный генерал объявил себя военным губернатором Батумской области.

Остальные части во главе с генералом Форестье-Уокером двинулись на Тифлис. 24 декабря 1918 г. передовые части англичан прибыли в Тифлис, а на следующий день соединились с английскими войсками, наступавшими

со стороны Баку. В январе 1919 г. британские войска оккупировали Карскую область, до войны принадлежавшую Российской империи. Военным губернатором Карса стал капитан Темперлей. Первым делом бравый капитан наладил вывоз запасов зерна из Карской области.

Теперь Форестье-Уокер стал чем-то вроде вице-короля Закавказья. К концу января 1919 г. в Закавказье находились до 20 тысяч английских солдат, а к весне их число возросло до 30 тысяч.

В конце января 1919 г. бригадный генерал Браф взял под свой контроль все железные дороги Закавказья. Нефтяная промышленность и нефтепроводы были подчинены подполковнику Рулу. Англичане попросту игнорировали туземные правительства. Вот, к примеру, в феврале 1919 г. Азербайджан отказался от продолжения поставок нефти из-за нежелания Грузии заплатить за уже полученное топливо. Последовал британский окрик, и согласие было установлено.

Батумскую область Лондон решил сделать своей колонией, а для начала объявить ее независимым государством. Замечу, что теоретически англичане были правы — Батумская область никогда не входила в состав Грузии.

Уже в конце января англичане создали в Батуме марионеточное правительство — «Совет по управлению Батумской областью». Главой Совета стал лидер кадетов Аджарии П. Маслов.

21 апреля 1919 г. батумские профсоюзы, возглавляемые большевистским Советом профсоюзов под руководством М. Маркмана, устроили всеобщую забастовку. Стачечный комитет потребовал от английского генерал-губернатора распустить Совет по управлению Батумской областью, изгнать белогвардейских офицеров из Аджарии, прекратить снабжение режима деникинщины оружием и нефтепродуктами, а также вербовку «добровольцев» в белогвардейскую армию.

Оккупационные власти 22 апреля арестовали стачечный комитет и большинство членов Совета профсоюзов, но 24 апреля, напуганные размахом забастовочного движения, освободили арестованных. 28 апреля англичане объявили о ликвидации Совета по управлению Батумской областью, а также распустили городскую думу и городскую управу.

После этого в течение почти 18 месяцев британские строевые офицеры полностью контролировали жизнь области, в том числе управлением делами казначейства, трудовых отношений, делами таможни, сборов и налогов, департаментом по делам беженцев, почты и телеграфа, полиции, пожарной службы, а также судебными органами.

13 сентября 1919 г. «Комитет освобождения мусульманской Грузии»

образовал в Батуме меджлис Аджарии. 8 апреля 1920 г. решением Верховного совета Антанты Батумский порт был объявлен свободным, так называемым порто-франко, а Батум и приморская область Аджарии — территорией под покровительством Лиги Наций, с нахождением там войск Великобритании, Франции и Италии.

Батумские большевики во главе с А. Беленьким и А. Блумзаком, всего 380 человек и около 5 тысяч сочувствующих, вели активную борьбу с оккупантами. В частности, в Батумском порту был взорван пароход «Возрождение», груженный оружием; в Кобулету взорваны железнодорожный мост и нефтепровод.

Грузинское опереточное правительство пришло к власти на германских штыках. (8 июня 1918 г. было объявлено о создании Грузинской республики, а через день туда вошли германские войска.) Ну а в январе 1919 г. эта компания пересела на британские штыки.

И вот тифлиссские самозванцы решают создать Великую Грузию. Они захватывают Абхазию и оттуда двигаются на север — в Россию. Грузинам удалось захватить Сочи. Там собралось несколько опереточных персонажей, попросивших принять город в состав Грузинской республики.

В конце концов терпение командующего Добровольческой армией Антона Деникина лопнуло. 24 января 1919 г., несмотря на тяжелейшую ситуацию под Новочеркасском, на который наступала Красная армия, и угрозы англичан, он двинул на Сочи свои войска.

Русское наступление застало грузинскую армию врасплох: ее командование проводило время в попойках и гуляло на свадьбах. Когда белые форсировали реку Лоо, «главнокомандующий» генерал Кониев, изрядно подвыпивший, вез со свадьбы своего офицера к себе домой женщин. Но «продолжению банкета» помешал казацкий разъезд, который остановил его автомобиль. Так что вечер грузинский «Бонапарт» закончил не в постели с веселыми дамами, а в русском плену.

А тут еще вдобавок с тыла ударили армянские ополченцы, что совсем сбило с толку грузинских вояк. 8 февраля 1919 г. гарнизоны Сочи и Адлера сдались в плен, куда попал и начальник грузинского штаба полковник Церетели. В одном лишь Сочи были пленены 700 солдат и 48 офицеров армии Грузии.

Операция по очищению Сочинского округа от грузинских захватчиков должна войти в учебники военного искусства одновременно как успешная по своим конечным результатам, так и по «малокровию»: белые потеряли 7, а грузины — 12 человек убитыми. Такие низкие для времен Гражданской войны потери объяснялись тем, что грузинская армия сдалась в плен почти

без боя.

Англия потребовала вывода российских войск с российской же территории, заявляя о своем желании установить свой контроль над Сочи. В противном случае Лондон угрожал Деникину разрывом отношений, прекращением военных поставок и даже войной, в частности, обстрелом кавказского побережья России из 343-мм орудий дредноутов. Англичане даже высадили небольшой британский отряд в Гаграх.

На угрозы Альбиона Антон Иванович ответил коротко и ясно: «Сочинский округ очищен не будет». В результате он остался в составе России. Демаркационная линия между белыми и грузинами была установлена южнее Адлера, в районе которого устанавливалась «нейтральная зона».

В августе 1919 г. началась эвакуация английских войск из Грузии. К 9 сентября 1919 г. последнее подразделение британской армии покинуло Тифлис.

В начале лета 1920 г. английские войска покинули Батумскую область. Покидая Аджарию, англичане взорвали форты Михайловской крепости в Батуме. Но начиная с ноября 1920 г. грузинское правительство начало звать англичан обратно. На уровне правительств Англии, Италии и Греции рассматривался приоритет Италии над Батумской областью.

Как показал на допросе в ВЧК в ноябре 1921 г. генерал Яков Слащёв, британское правительство рассматривало планы совместного с врангелевскими войсками десанта в порты Кавказа.

Как видим, англо-французская интервенция в районе Черного моря закончилась полным фиаско. Косвенным результатом этой интервенции стала передача Москвой Турции Карской и Ардаганской областей бывшей Российской империи. Ленин и Троцкий передали эти области Кемалю Ататюрку, чтобы он смог без помех очистить Проливы от войск Антанты. Союзники были вынуждены уйти из Константинополя в 1922 г., но земли, которые армяне и грузины считают своими, так и остались за Турцией.

Глава 30

БРИТАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ПРИКАСПИИ

Весной — летом 1918 г. британские войска вышли на южное побережье Каспийского моря и захватили порт Энзели, сделав его своей главной базой. Там они приступили к формированию военной флотилии. Командовал английскими морскими силами командор Норрис. Задача создания флотилии на Каспии для англичан облегчалась наличием британской военной флотилии на реке Тигр. Перевезти на Каспий канонерские лодки они, естественно, не могли, зато сняли с них морские орудия калибра 152, 120, 102, 76 и 47 мм.

Англичане захватили в Энзели несколько русских торговых судов и приступили к их вооружению. Команды поначалу были смешанные — русская вольнонаемная команда и английские расчеты орудий. Командовали всем судами английские офицеры, на второстепенные должности брали и русских морских офицеров.

Крайне любопытна инструкция британского адмиралтейства, переданная по телеграфу 24 октября 1918 г. руководителю британской военно-морской миссии в Багдаде и коммодору Норрису, в Энзели. В ней, в частности, говорилось: «...пора, наконец, понять, что время для разговоров и уговоров кончилось и настало время предпринимать решительные меры. Надо немедленно завладеть Каспийским флотом: или путем подкупа капитанов и экипажей, или прямой покупкой кораблей. Если это удастся сделать, все остающиеся на Каспийском море суда необходимо будет захватить или потопить. Если же этот метод не даст результатов, нам следует захватить все находящиеся в Энзели корабли и, после вооружения достаточного их числа, предпринять кампанию захвата и потопления всех судов на Каспийском море — вооруженных и невооруженных, которые откажутся повиноваться нашим приказам».

К тому времени власть в Баку находилась в руках правозсеровско-меньшевистско-дашнакского блока, сформировавшего 1 августа правительство «Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов».

18 августа 1918 г. главнокомандующий британскими войсками генерал Денстервиль и штаб командора Норриса на пароходах «Президент Крюгер»

и «Орел» отправился в Баку. Перед выходом на «Крюгере» англичане поставили четыре 102-мм сухопутные пушки.

Уже при подходе к Баку был слышен отдаленный гул артиллерийской стрельбы. Город был обложен войсками турецкого генерала Нури-паши.

15 сентября 1918 г. турецко-мусаватистские войска почти без боя заняли Баку. Англичане и руководство «Центрокаспия» бежали на судах Каспийской флотилии сначала в Петровск, а затем в Энзели. Турки и местные татары три дня грабили Баку, при этом было убито около 30 тысяч мирных жителей.

30 октября 1918 г. в порту Мудросе на борту английского броненосца «Агамемнон» была подписана капитуляция Турции. Формально она имела вид перемирия.

По Мудросскому перемирию Турция вывела свои войска из Закавказья, а мусаватистское правительство бежало в Гянджу. 17 ноября 1918 г. в Баку опять вошли англичане во главе с генералом В. Томсоном, объявившим себя военным губернатором Баку. Ф.П. Коккерель был назначен комиссаром полиции союзных держав в Баку, майор Браун стал управляющим транспортом Каспийского флота. Общая численность союзных войск в Баку составила 5 тысяч солдат.

Приказом генерала Томсона в Баку вводилось военное положение до того момента, когда «гражданская власть окажется настолько сильной, чтобы освободить войска от ответственности за поддержание общественного порядка». С введением в Баку военного положения, английское командование фактически всю административную власть в городе и в Бакинской губернии брала в свои руки. Вся судебная и исполнительная власть оказалась сосредоточенной в руках генерала Томсона. 29 ноября 1918 г. все торговые суда Каспийского флота перешли в распоряжение английского командования. За девять месяцев, с декабря 1918 г. по август 1919 г., англичанами было вывезено из Баку до 30 млн. пудов нефти на сумму в 113,5 млн. рублей.

18 ноября британские корабли с десантом пришли в Красноводск. В городе был оставлен батальон 39-й пехотной бригады.

Британский генерал Джордж Мильн доносил в Лондон в Военное министерство: «Обладание Красноводском представлялось весьма важным как единственным портом, свободным ото льда в течение всего года. В то же время это был конечный пункт Среднеазиатской железной дороги. Владея портом, можно было также поддержать связь между двумя группами британских войск в Персии: силами, которыми командовал бригадный генерал Бетмен-Чэмпейн, и находящейся в районе Ашхабада

группой генерал-майора Маллесона. Эта группа, базировавшаяся на Индию, была переброшена из Мешхеда в Ашхабад. Оттуда ее войска были направлены в район Мерва с целью помешать наступлению большевиков из Ташкента в направлении Каспийского моря»^[195].

Под дулами орудий британских крейсеров (бывших торговых судов русского флота) в январе — феврале в Баку были полностью расформированы команды русской военной Каспийской флотилии.

13 января 1919 г. британские войска заняли город и порт Петровск (с 1922 г. Махачкала). Там были дислоцированы два англо-индийских батальона. К северу от Петровска, на острове Чечень англичане создали базу своей морской авиации. Эта база использовалась британскими воздушными силами для налетов на Астрахань и бомбардировки находившихся там кораблей советской Волжской военной флотилии.

Одной из задач британских войск, оккупировавших Петровск, было недопущение в Дагестан частей Добровольческой армии Деникина.

Теперь все порты Каспия, кроме Астрахани, были оккупированы англичанами. 147 торговых кораблей, то есть большая часть коммерческого флота Каспия, оказались в руках «просвещенных мореплавателей». Часть кораблей (около двадцати) вошла в состав британской военной флотилии, а остальные были формально возвращены частным владельцам. Однако англичане поставили во главе «Совета судовладельцев» своего «контролера» и пытались руководить всеми грузоперевозками на Каспии.

Британская флотилия вела активные действия против большевиков. Так, еще 29 декабря крейсера «Слава», «Вентюр» и «Азия»^[64] уничтожили артиллерийским огнем склады большевиков в Старо-Теречной, потопили несколько груженных барж и захватили красное госпитальное судно с персоналом, ранеными и здоровыми. Госпитальное судно отвели в Петровск, большевиков посадили в тюрьму, а медицинский персонал, чрезвычайно довольный, что удалось избавиться от красных, отпустили на все четыре стороны.

К концу 1918 г. в Баку по железной дороге прибыли первые три английских торпедных катера. В качестве плавбазы для всех шести британских торпедных катеров выбрали самое большое каспийское судно «Волга». Это был бывший танкер «Алейдар Усейнов», построенный в 1905 г в Сормово.

Русские офицеры предложили укомплектовать торпедные катера русскими командами, но англичане категорически отказались.

В начале 1919 г. англичане обзавелись гидроавиацией. Первая партия

гидросамолетов под командованием Д. Норриса отправилась на грузовиках из Багдада 27 июля 1918 г. и прибыла в Энзели 6 августа. Далее людей и технику погрузили на флагманский корабль «Президент Крюгер». Вторая партия прибыла в Энзели в сентябре и проследовала тем же маршрутом в Петровск, где было решено организовать базу гидросамолетов. Подразделение для службы в России формировалось на базе 266-й эскадрильи 62-го крыла Королевских воздушных сил Великобритании и 437-го отряда. В дальнейшем для переброски самолетов англичане пользовались железной дорогой Батум — Баку.

В качестве носителей гидросамолетов (гидрокрейсеров) англичане приспособили товаро-пассажирские суда «Орленок» (вместимость 1406 брт, две 102-мм пушки), а позже и «Алейдар Усейнов» («Волга»).

Для защиты от британских интервентов еще в апреле 1918 г. большевики создают в Астрахани Военный флот Астраханского края. Амбициозное название «флот» поначалу не соответствовало действительности. В апреле — мае были вооружены лишь четыре морских судна. Каждое было вооружено двумя 76-мм пушками обр. 1902 г.

Не надеясь на собственные силы, местный Астраханский краевой военный совет ходатайствовал перед Москвой об усилении флотилии миноносцами и сторожевыми катерами. Но в Москве и без них прекрасно понимали, сколь важно для молодой Советской республики удержать Астрахань и по возможности контролировать Каспий. Тут следует отдать должное энергичным действиям Ленина и Троцкого.

7 сентября 1918 г., еще не оправившись от ранения после покушения эсерки Ф. Каплан, Ленин передал директиву в Петроград члену Коллегии Народного Комиссариата по морским делам С.Е. Саксу: «Идет борьба за юг и Каспий. Для оставления за собой всего этого района (а его можно оставить за собой!) необходимо иметь несколько миноносцев легкого типа и штуки две подводных лодок».

В итоге с Балтики по речным системам на Каспий были отправлены 7 эсминцев, 4 миноносца, минный заградитель «Припять» и 4 старые подводные лодки. Не менее 20 судов было мобилизовано и вооружено в Астрахани.

В ночь на 29 апреля 1919 г. Астрахано-Каспийская флотилия начала боевые действия. Речной отряд флотилии в составе вооруженных пароходов «Каспий» (флаг командира отряда), «Коммунист», «Спартаковец» и «Адлер» вышел в море с целью захватить форт Александровский. Через рыбаков и по радио гарнизону форта красные предъявили ультиматум, на который вскоре был получен ответ: «Никакого

сопротивления вам оказано не будет. Выслана делегация от форта Александровского и степного населения».

20 мая из Петровска вышел отряд английских судов в составе «Президента Крюгера», «Вентюра», «Азии», «Эммануила Нобеля», «Славы», «Зороастра», «Биби Эйбата» и «Виндзора Кастла». Отряд, шедший кильватерной колонной, на рассвете подошел к форту Александровскому.

К этому времени на рейде форта Александровского находились эсминец «Москвитянин», два вооруженных парохода, плавбатарей № 2, подводные лодки «Миного» и «Макрель», шесть катеров-истребителей и свыше десятка транспортных и вспомогательных судов.

Произошедший бой очень хорошо иллюстрирует британскую политику времен Гражданской войны. Английские корабли вели огонь с больших дистанций — 12—13 км. Англичанам удалось поджечь минный заградитель «Демосфен» и базу подводных лодок «Ревель», а также потопить плавбатарей № 2. Английские суда получили несколько попаданий, но в целом красные военморы стреляли плохо.

Мичман Лишин, служивший у англичан, позже писал: «Мы продолжали идти тем же строем, не меняя скорости (около семи узлов), в направлении Форта Александровска. Вскоре полевая батарея на высоком берегу получила несколько эффективных попаданий, снялась и переменила место. Вновь пристрелявшись, она дала попадание в "Крюгер": снаряд разорвался в ванной каюте...

У нас был один легкораненый. Больше попаданий в "Крюгер" за все время боя не было, что можно объяснить только очень плохой стрельбой большевиков.

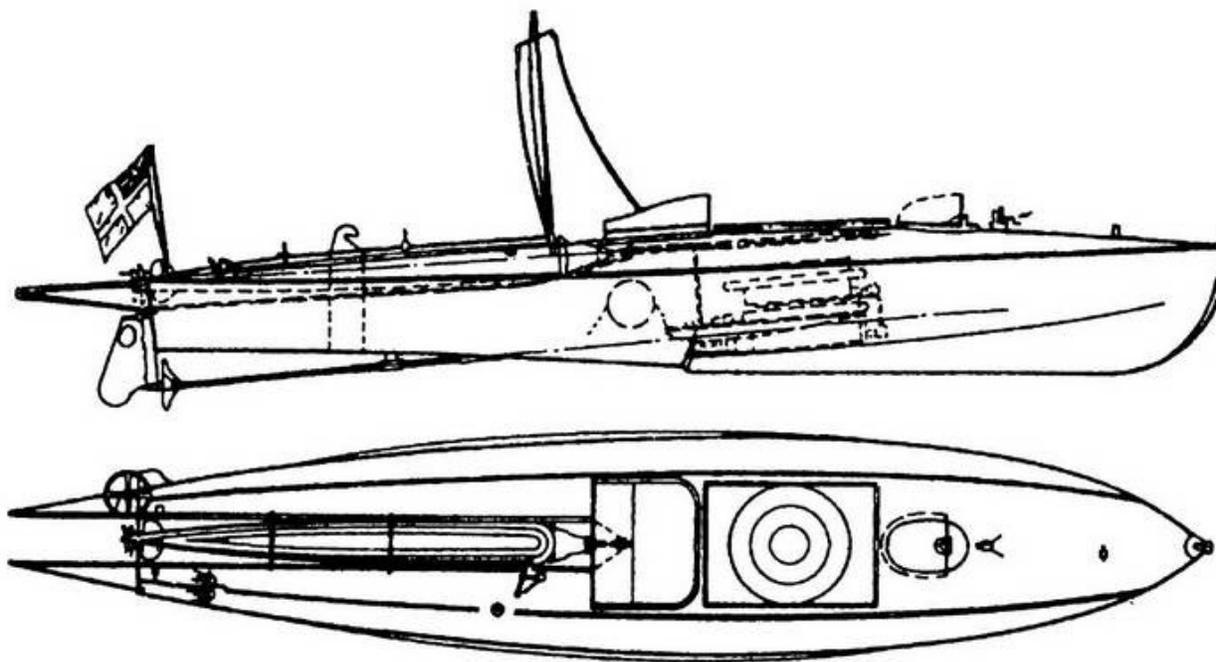
Несколько позже попадания в "Крюгер", шедший третьим или четвертым "Эммануил Нобель" внезапно рыскнул в стороны и застопорил ход; в него попал шестидюймовый снаряд с баржи. Вслед за этим "Нобель" получил еще второе шестидюймовое попадание. Мы несколько замедлили ход, но "Нобель" скоро оправился и вошел в строй. Наш курс оставался тем же.

Теперь уже ясно стали видны строения в глубине бухты и суда, стоящие грудой у пристаней. Отдельных кораблей не было возможности разобрать. Эти корабли долгое время безмолвствовали, но когда они открыли огонь, стрельба их была беспорядочной. От стенки они так и не отошли.

Впоследствии оказалось, что еще некоторые наши корабли получили попадания, но эти попадания иначе, как бессистемными, назвать было

нельзя. Море вблизи и вдали от наших кораблей кипело разрывами, но ясно было, что большевики не способны корректировать своей стрельбы, так как одновременно стреляли их орудия из трех разных направлений, по разным целям, и одни мешали пристрелке других. Никакой согласованности или общего управления огнем не было.

Огонь "Крюгера" был перенесен в кучу кораблей у берега. Наши попадания были ясно видны. Разрывы наших снарядов подымались в этой куче один за другим. Скорострельность английских орудий "Крюгера" была прекрасной, и прислуга работала, как часовой механизм. Остальные корабли не имели возможности открыть огонь по куче большевицких кораблей, так как эти последние были у нас прямо на носу, а наши корабли шли за "Крюгером" в кильватерной линии. Их единственным объектом (второстепенным по обстановке боя) могла в этой стадии быть только полевая батарея и она была вскоре уничтожена»^[196].

Первый английский торпедный катер Си-Эм-Бэ

Вот на горизонте показалась плавбатарея «Волга», на борту которой находились британские торпедные катера. Да и сама «Волга» была вооружена 152-мм пушками. Теперь полное уничтожение красной эскадры было неминуемо. Однако британская эскадра уходит.

13 июля 1919 г. Лишин в Омске доложил о бое у форта

Александровского Колчаку. Адмирал буквально взорвался: «Почему командор в первой части боя, до поворота, шел кильватерной колонной, а не развернутым строем? Почему ушли, имея возможность закончить бой как следует? Ведь большевики еще отвечали, а вы не могли быть уверены, что вами нанесено решительное поражение. Почему не послали "Си-Эм-Би"? Почему «Волга» с шестидюймовыми орудиями и полным запасом снарядов не была использована хотя бы в последней стадии боя?»^{197}

Ответ один — англичане не хотели полного уничтожения красной флотилии. Ведь следствием этого могло стать падение Астрахани. Ну а далее генерал Деникин стал бы хозяином северной части Каспия, а с южной бы вежливо или не совсем попросил убраться «просвещенных мореплавателей».

Как уже говорилось, в августе 1919 г. британские войска начали эвакуироваться из Закавказья. Еще раньше англо-индийские силы были выведены из Закаспийской области через Ашхабад. Причем английские части отправили по железной дороге в Красноводск, а индийские — в Мешхед. 4 августа 1919 г. англичане окончательно ушли из Красноводска.

Уходя, англичане передали большую часть своей военной флотилии Добровольческой армии, а корабли специальной постройки из бывшей императорской военной флотилии — мусаватистскому правительству Азербайджана.

С началом навигации 1920 г. Волжско-Каспийская флотилия приступила к активным действиям. В апреле корабли красных пришли в Петровск и форт Александровский. Белая флотилия под командованием капитана 1-го ранга Аполлинария Сергеева ушла в Баку. Там Сергеев попросту сбежал. Азербайджанский флот был только на бумаге — команды его кораблей не умели и не желали воевать. Не сделав ни единого выстрела, азербайджанский флот поднял красные флаги. Командование белой флотилией принял капитан 2-го ранга Бушен. Он увел флотилию в порт Энзели. Там белая флотилия встала на внешнем рейде.

После подписания условий интернирования корабли флотилии вошли во внутреннюю гавань Энзели. Замки орудий были сняты и складированы на берегу. То же проделано и с боеприпасами. Несколько пушек было снято, и англичане установили их на берегу. Большинство членов команд остались жить на судах, питаясь запасами, вывезенными из Петровска. Во внутреннюю жизнь флотилии англичане не вмешивались, жизнь на ней текла согласно составленным расписаниям.

Чтобы покончить с мусаватистским режимом в Баку, оказалось достаточно... четырех советских бронепоездов. Рано утром 27 апреля на

поезда погрузили десант в составе двух стрелковых рот, а также руководителей компартии Азербайджана А.И. Микояна, Г.М. Мусабекова и Т.П. Джалебекова. В 10 ч 05 мин бронепоезда двинулись в путь.

Бронепоезда без боя пересекли границу и проехали через Самурский мост. Мусаватисты даже побоялись открыть огонь, лишь сообщили начальству по телефону на станции Ялама. При подходе к Яламе противник пустил паровоз-брандер навстречу красным бронепоездам. Но огнем головного бронепоезда брандер был разбит, а десантная группа сбросила его остатки с путей.

На станции Ялама трофеями красных стали гаубичная батарея и 500 пленных. В районе станции Худат навстречу красным выдвинулись два мусаватистских бронепоезда, но после короткой артиллерийской дуэли они ретировались. На станции Худат красные бронепоезда захватили пять артиллерийских батарей.

Наконец бронепоезда достигли узловой железнодорожной станции Баладжары. Оттуда 2 бронепоезда были отправлены в сторону Елизаветполя^[65], а 2 других пошли на Баку. Рано утром 2 красных бронепоезда ворвались в Баку. Мусаватистская армия капитулировала перед двумя нашими бронепоездами.

Утром 1 мая корабли Волжско-Каспийской флотилии вошли на рейд Баку. Толпы народа встречали их красными флагами, оркестр играл «Интернационал».

Нефтяные промыслы удалось захватить неповрежденными, но большая часть наливных и грузопассажирских судов была угнана англичанами в Энзели.

1 мая 1920 г. командующий морскими силами Советской России Немитц^[66], еще не зная о занятии флотилией Баку, дал директиву Раскольникову о захвате персидского порта Энзели: «Очищение Каспия от белогвардейского флота должно быть выполнено во что бы то ни стало. Так как для достижения этой цели потребуются десант на персидской территории, то он и должен быть совершен вами»^{198}.

Ситуация с белой флотилией, стоявшей в Энзели, была очень сложной в правовом отношении. С одной стороны, Персия — формально независимое государство, придерживавшееся формального нейтралитета в Гражданской войне в России. Белые суда, пришедшие в Энзели, были интернированы в полном соответствии с международным правом. Но, с другой стороны, не было никакой гарантии, что белые или британские суда в нужный момент не будут вооружены и не начнут крейсерские операции

на Каспии. А дело как раз шло к этому.

В начале апреля 1920 г. преемник Уордропа на посту Верховного британского комиссара в Закавказье Г. Люк телеграфировал в Константинополь, в штаб командования британской «Армии Черного моря» о необходимости немедленно направить в Энзели группу британских моряков. В результате из Константинополя через Тифлис были срочно направлены в Энзели 32 британских морских офицера и технические специалисты во главе с будущим первым лордом адмиралтейства Б. Фрээрером. Они приехали в Баку в день вступления в город Красной армии, и вся группа оказалась в плену.

Наконец, согласно Туркманчайскому миру (от 10 февраля 1828 г.), Персия вообще не имела право содержать на Каспии военный флот. В начале XX века было несколько прецедентов — высадок русских десантов в Энзели. Прочитую «Военную энциклопедию» 1912 г.: «Постоянные волнения и беспорядки в Персии за последние годы заставляли очень часто наших дипломатических представителей обращаться за содействием к Каспийской флотилии; своз десанта в Энзели, в Решт, в район Астрабада и других пунктах побережья сделался обычным явлением»^[199].

И тут нарком иностранных дел Чичерин предложил хитрый ход — считать высадку в Энзели личной инициативой Раскольникова, а в случае осложнений с Англией «повесить на него всех собак», вплоть до объявления его мятежником и пиратом.

База в Энзели охранялась частями 36-й английской пехотной дивизии (около 2 тыс. человек, несколько броневых автомобилей и самолетов). На восточной окраине города была установлена батарея 130-мм орудий, вход в бухту прикрывался плавбатареей из двух 130-мм орудий.

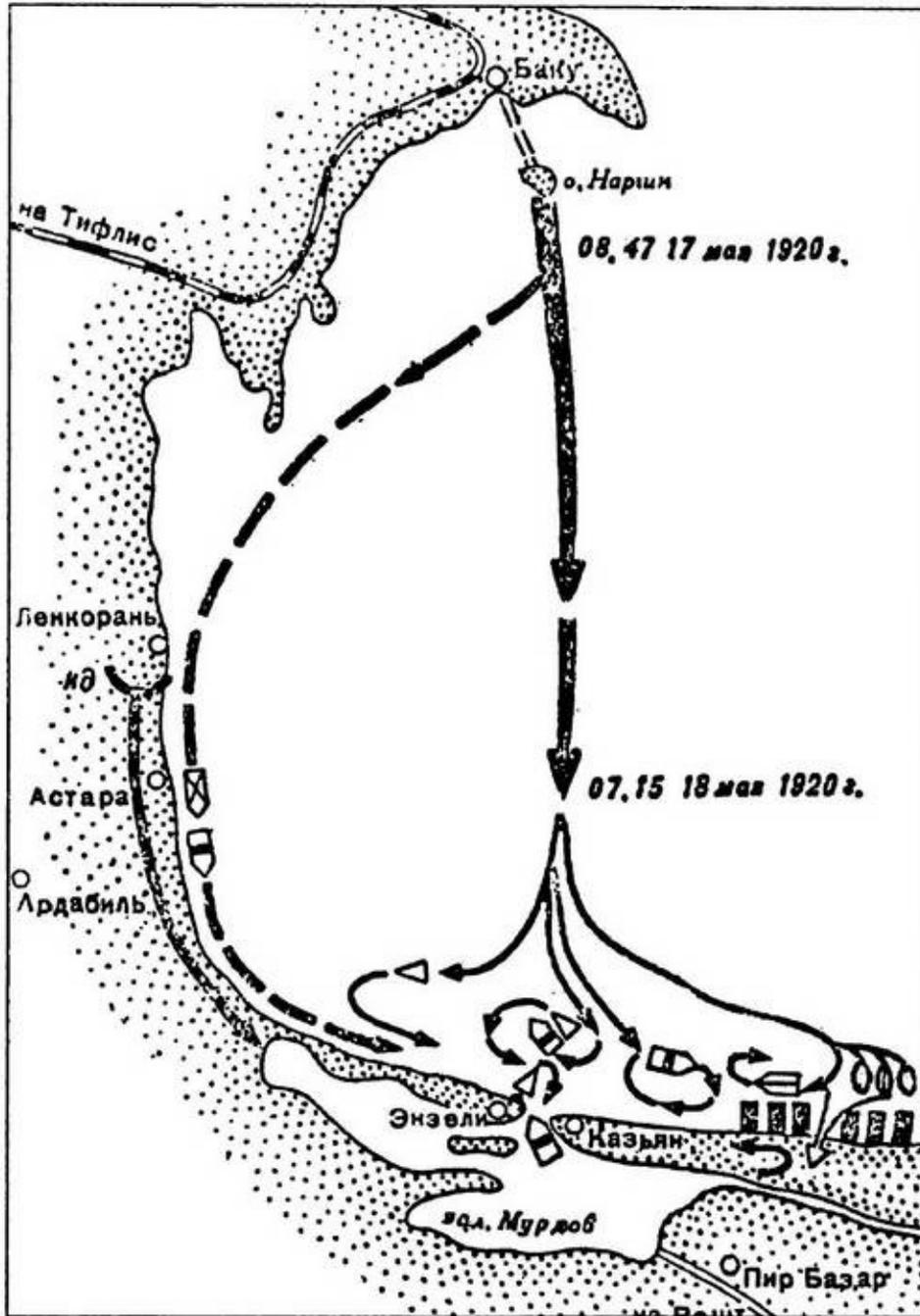
Для проведения десантной операции было выделено два вспомогательных крейсера, две канонерские лодки, три эсминца, один тральщик, три транспорта, три сторожевых катера с десантом (2 тыс. моряков). Утром 17 мая корабли под командованием Ф.Ф. Раскольникова вышли из района Баку в море, и 18 мая в 7 ч 15 мин флотилия была уже в 60 кабельтовых от Энзели. Здесь корабли разделились. Четыре эсминца — «Карл Либкнехт», «Деятельный», «Расторопный» и «Дельный» — повернули на запад для обстрела района Копурчаль, чтобы отвлечь внимание противника от места высадки десанта. Вспомогательный крейсер «Роза Люксембург» в охранении сторожевого катера «Дерзкий» направился к югу для обстрела района Казьяна. Транспорты в сопровождении отряда артиллерийской поддержки (вспомогательный крейсер «Австралия», канонерские лодки «Каре» и «Ардаган», тральщик «Володарский»)

направились к населенному пункту Кивру для высадки десанта.

В 7 ч 19 мин эсминцы открыли артиллерийский огонь по району Копурчаль. В 7 ч 25 мин вспомогательный крейсер «Роза Люксембург» начал артобстрел Казьяна, где находился штаб английских войск. Вскоре после начала артобстрела по радио был направлен ультиматум командующему английскими войсками о сдаче порта Энзели со всеми находящимися там русскими кораблями и имуществом.

Любопытно, что один из первых 130-мм снарядов крейсера «Роза Люксембург» взорвался в помещении британского штаба. Английские офицеры выпрыгивали из окон буквально в нижнем белье. Просвещенные мореплаватели просто-напросто проспали советскую флотилию. Время в Волжско-Каспийской флотилии и у англичан различалось на 2 часа, и первые выстрелы «Карла Либкнехта» для красных прозвучали в 7 ч 19 мин утра, а для англичан в 5 ч 19 мин (по второму поясному времени). Кто ж встает в 5 часов утра? Порядочные джентльмены должны еще спать.

Согласно условиям капитуляции, англичанам был разрешен отход в Решт. Еще до этого белогвардейцы в панике бежали вглубь Персии. 23 судна Каспийского флота, 4 торпедных катера, 4 гидросамолета, свыше 50 орудий, 20 тыс. снарядов, 20 радиостанций и т.д. стали трофеями красной флотилии и были отправлены в Баку. На этом боевые действия при Каспии окончательно завершились.

Занятие Волжско-Каспийской флотилией порта Энзели

Англия принимала участие и в интервенции на Дальнем Востоке. Однако там лидировала Япония, и поэтому выделять действия англичан в отдельную главу нецелесообразно.

1 января 1918 г. вместо Деда Мороза на Владивостокский рейд

пожаловал английский броненосный крейсер «Суффолк» с двумя ротами морской пехоты на борту. Цель непрошеного визита — защита интересов британских граждан. К тому времени интересы японских граждан во Владивостоке представляли крейсера «Асахи» и «Ивами». Кстати, «Ивами» — это бывший русский броненосец «Орел», сдавшийся в Цусимском бою.

С началом чехословацкого мятежа англичане в июне 1918 г. оперативно сняли с «Суффолка» одну 152-мм и четыре 76-мм пушки и вооружили ими бронепоезд «Суффолк». Командиром бронепоезда был назначен капитан 3-го ранга Джордж Вольф-Меррей. Бронепоезд с британской командой патрулировал железную дорогу между Омском и Уфой до конца ноября, когда из-за сильного мороза замерзли накатники и стрельба стала невозможной.

3 января 1919 г. крейсер «Суффолк», стоявший во Владивостокской гавани, сменил однотипный крейсер «Кент».

В феврале 1919 г. капитан Вольф-Меррей, состоявший в союзной морской миссии при адмирале Колчаке, предложил установить орудия бронепоезда на судах Камской флотилии, начинавшей формироваться в Перми. Адмиралтейство дало согласие при условии, что для расчетов найдется достаточно добровольцев из числа солдат роты морской пехоты крейсера «Кент».

Командование белой Камской флотилии выделило англичанам колесный пароход «Медведь» и баржу. «Медведь» был обращен в канонерскую лодку «Кент», а баржа — в плавбатарей «Суффолк». Тумбы от 12-фунтовых британских пушек остались где-то в Сибири, поэтому в Перми к ним по чертежам лейтенанта Вадима Макарова изготовили новые тумбы. Британской плавбатарее был придан буксирный пароход.

«Кент» и «Суффолк» участвовали в нескольких боях с красной флотилией. 25—26 июня 1919 г. орудия с «Кента» и «Суффолка» были переставлены на железнодорожные платформы, а оба судна затоплены близ Перми. А через месяц, 26 июля, новый морской министр Уолтер Лонг отдал приказ об эвакуации отряда Вольф-Меррея из Сибири. На этом участие англичане в боевых действиях закончилось.

Говоря о британской интервенции, нельзя не сказать о поддержке Англией Верховного правительства России адмирала Колчака. Английские генералы Л. Нокс и Д. Уорд непосредственно принимали участие в подготовке переворота, приведшего к власти Колчака. Англия оказывала большую военную помощь и дипломатическую поддержку Верховному правителю. Историк Сергей Порохов писал: «Согласно документам из английских и американских архивов, британская разведка завербовала

Колчака еще в его бытность командиром минной дивизии на Балтике в чине капитана 1-го ранга. Вскоре, 28 июня 1916 года, он был назначен на пост командующего Черноморским флотом, причем по прямой протекции главы английской разведки в России полковника Самуэля Хора и посла Великобритании Бьюкене-на, которые попросту уломали Николая II сделать это назначение. Так Колчак стал контр-адмиралом. Находясь в командировке за границей как представитель Временного правительства, после падения его поступил на английскую службу и получил назначение командовать войсками в Месопотамии. Однако, не успев вступить в эту должность, был переназначен в Россию»^[208].

Лично я пока капитально не занимался Колчаком и не буду комментировать Порохова, но и имеющихся у меня материалов достаточно, чтобы считать вероятность этой версии весьма высокой.

В завершение стоит упомянуть о небольших группах англичан, сражавшихся почти на всех фронтах Гражданской войны. Значительная часть белых танков (30—50 %) имела британские экипажи. Всего англичане поставили белым свыше 100 танков типа MKV («Риккардо»)^[67] и «Тейлор». Британские танки вместе с английскими командами действовали на Севере, в армиях Юденича, Деникина и Врангеля.

В первых числах мая 1919 г. в Новороссийский порт на судах был доставлен 47-й дивизион королевских ВВС, оснащенный новейшими бомбардировщиками «Де Хевиллен» DH-9. Красные военлеты на старых иномарках и отечественной рухляди физически не могли перехватить DH-9. 23 июня 1919 г. самолеты DH-9 с английскими экипажами впервые бомбили Царицын. Позже британские летчики помогли Врангелю оборонять Крым.

Подводя итоги участия англичан в Гражданской войне, нельзя не отметить тактически грамотные действия британского командования. С минимальными затратами и потерями личного состава они сумели превратить ряд локальных конфликтов на территории бывшей Российской империи в огромный пожар, унесший жизни нескольких миллионов человек.

Однако решить свою главную задачу — низвести Россию до уровня третьеразрядного государства — англичанам не удалось. В результате 16 июля 1919 г. британское правительство принимает решение о выводе войск с территории России. О причинах этого еще 16 января 1919 г. хорошо сказал британский премьер Ллойд Джордж на совещании с французами: «Положение в России очень скверное. Неизвестно, кто берет верх, но

надежда на то, что большевистское правительство падет, не оправдалась. Есть даже сообщение, что большевики теперь сильнее, чем когда бы то ни было, что их внутреннее положение сильно, что их влияние на народ теперь сильнее... Но уничтожить его мечом... это означало бы оккупацию нескольких провинций в России. Германия, имея миллионы человек на восточном фронте, держала только край этой территории. Если послать теперь для этой цели тысячу британских солдат в Россию, они взбунтовались бы... Мысль о том, чтобы уничтожить большевизм военной силой — безумие... Военный поход против большевиков сделал бы Англию большевистской и принес бы Лондону Совет».

Глава 31

ВЕРСАЛЬСКАЯ СИСТЕМА И ЕЕ КРАХ

Начало 1919 г. для руководителей Антанты стало «страдной порой». Они делили мир. Самое любопытное, что Англию и Францию можно именовать победителями в Первой мировой войне лишь условно.

Летом 1918 г. на Западный фронт прибывают американские части, и союзники переходят в наступление. В сентябре 1918 г. войска Антанты на западноевропейском театре имели 211 пехотных и 10 кавалерийских дивизий против 190 германских пехотных дивизий. К концу августа численность американских войск во Франции составляла около 1,5 млн. человек, а к началу ноября превысила 2 млн. человек.

Ценой огромных потерь союзным войскам за три месяца удалось продвинуться на фронте шириной примерно 275 км на глубину от 50 до 80 км. К 1 ноября 1918 г. линия фронта начиналась на побережье Северного моря в нескольких километрах западнее Антверпена, далее шла через Монс, Седан и далее до швейцарской границы, то есть война до последнего дня шла исключительно на бельгийской и французской территории.

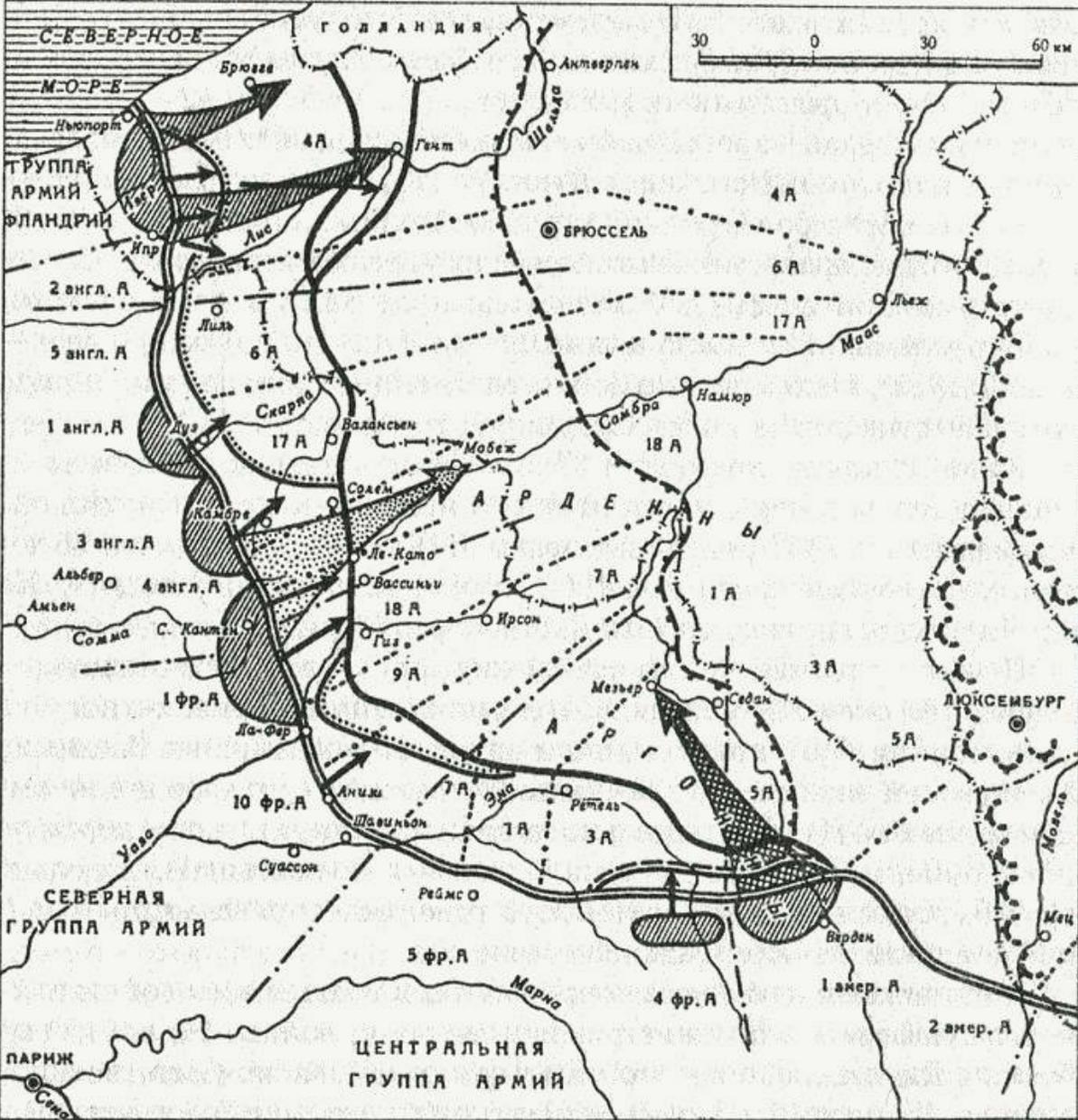
В ходе наступления союзников в июле — ноябре 1918 г. немцы потеряли убитыми, ранеными и пленными 785,7 тыс. человек, французы — 531 тыс. человек, англичане — 414 тыс. человек, кроме того, американцы потеряли 148 тыс. человек^[209]. Таким образом, потери союзников превысили потери немцев в 1,4 раза. Если экстраполировать эти цифры, то, чтобы дойти до Берлина, союзники потеряли бы все свои сухопутные силы, включая американцев.

К моменту подписания перемирия Германия имела 15 тыс. легких полевых орудий, 10 тыс. тяжелых и 2600 зенитных орудий. Франция имела 10 тыс. легких 75-мм полевых орудий, Англия — 7 тыс. легких и 400 тяжелых орудий. Франция и Англия вместе имели на фронте 800 зенитных орудий.

Огромный перевес был у союзников в танках. У Англии и Франции имелось 7 тыс. танков, а у Германии — 70, то есть в 100 раз меньше.

Но на самом деле германское командование готовило большой танковый погром в конце 1918 г. — начале 1919 г. В 1918 г. германская промышленность изготовила 800 танков, однако большинство их не успело дойти до фронта. В войска начали поступать противотанковые ружья и

крупнокалиберные пулеметы, которые легко пробивали броню британских и французских танков. Было начато массовое производство 37-мм противотанковых пушек.

Положение к 26 сентября (позиция Зигфрида-Камбрэ-Ла-Фер)

Позиция Герман Гундинг-Брунгильда-Крингильда и положение к 20 октября

Антверпен-Маасские позиции

Намеченные позиции вдоль германской границы

Направление удара, наносимого группой армий Фландрии

Направление удара, наносимого английскими армиями

Направление удара, наносимого американской армией

Изменение в положении к вечеру 30 сентября

Изменение в положении 13 октября

Положение и планы сторон перед заключительным наступлением Антанты. Общая схема отступления немецких войск

В годы Первой мировой войны не погиб ни один германский дредноут (линкор новейшего типа). В ноябре 1918 г. по числу дредноутов и линейных крейсеров Германия уступала Англии в 1,7 раза, но германские линкоры превосходили союзные по качеству артиллерии, системам управления огнем, непотопляемости кораблей и т.п. Все это хорошо продемонстрировано в знаменитом Ютландском бою 31 мая — 1 июня 1916 г. Напомню, что бой имел ничейный результат, но потери англичан существенно превосходили германские.

В 1917 г. немцы построили 87 подводных лодок, а исключили из списков (из-за потерь, по техническим причинам, из-за навигационных аварий и т.п.) 72 подводные лодки. В 1918 г. было построено 86 лодок, а исключена из списков 81. В строю находилась 141 лодка^[210]. На момент подписания капитуляции строилось 64 лодки.

Почему же германское командование попросило у союзников перемирие, а фактически согласилось на капитуляцию? Германию погубил удар в спину. Суть происшедшего одной фразой выразил Владимир Маяковский: «...и если б знал тогда Гогенцоллерн, что это и в их империю бомба». Да, действительно, германское правительство передало революционным партиям России, включая большевиков, довольно крупные суммы. Однако Октябрьская революция привела к постепенной деморализации германской армии.

Английская и французская пропаганда в течение всей войны именовала кайзера и его министров виновниками войны. Но вот кайзер бежал в Голландию, а все его министры оказались не у дел, да еще и в опале. Казалось бы, самый момент заключить мир без аннексий и контрибуций и вернуть Европу к ситуации на август 1914 г.

Что же касается России, то она три года была союзницей Антанты. Но Англия и Франция приняли решение расчленив оба государства, а из новых гособразований, получивших на Западе название «лимитрофы», создать «санитарный барьер».

Собственно, идея «санитарного барьера» не нова. С XII века римские папы, а с XVII века французские короли и кардиналы пытались создать санитарный буфер против России в виде Швеции и Польши.

И в данном случае планы «санитарного кордона» Россия, Англия и

Франция разрабатывали еще в 1916 г., то есть когда их правителям Октябрьская революция не снилась и в кошмарном сне.

Ллойд Джордж в своих военных мемуарах рассказывает, что осенью 1916 г. английское министерство иностранных дел представило правительству меморандум относительно основ, на которых предполагалось разрешить территориальные вопросы в Европе после окончания войны. В меморандуме предусматривалось, что Польша должна стать буфером между Россией и Германией. По мысли автора меморандума, создание такой Польши, а также нескольких государств на территории Австро-Венгрии «оказалось бы эффективным барьером против русского преобладания в Европе»^{211}.

Каким диссонансом звучат планы западных союзников в отношении России и бредни наших либералов о победе, украденной у царя Николая II злодеями масонами и большевиками! Да если бы и не было Октябрьский или даже Февральской революции, не видать бы России не только Константинополя, но и Прибалтики, и Кавказа, и «санитарный кордон» все равно бы был, хотя и с другой вывеской: не против большевизма, а против «царского империализма».

В июне 1919 г. в Версале был подписан мирный договор, кардинально изменивший карту Европы. Германскую делегацию даже не допустили к обсуждению условий договора, русскую делегацию не пригласили вообще. Споры нет, в России шла Гражданская война, но ведь Англия, Франция и США признали Колчака Верховным правителем России. В целостности и сохранности были все дипломатические миссии России за рубежом. Десятки ведущих российских дипломатов находились в Европе и рвались участвовать в конференции в Версале.

В январе 1919 г. в Париж прибыл великий князь Александр Михайлович — самый умный и образованный член императорской фамилии. Кстати, у его четверых сыновей после расстрела царской семьи в 1918 г. было больше прав на российский престол, чем у кого-либо из уцелевших великих князей. Александр Михайлович попытался встретиться с французским премьером Жоржем Клемансо. Но тот не пожелал встречаться с великим князем и удостоил его лишь беседой со своим секретарем, на которой Александру Михайловичу дали понять, что дальнейшее его общение с главами государств Антанты неуместно.

По мнению Лондона и Парижа, ни царская, ни демократическая, ни советская Россия не должна иметь права голоса на конференции, решавшей судьбы Европы и определявшей границы России.

По условиям Версальского договора от Германии была отторгнута

одна восьмая часть территории и одна двенадцатая часть населения. Союзники заняли все германские колонии.

Армия Германии превращалась в полицейские силы и была неспособна воевать даже с Бельгией. Всеобщая воинская повинность в Германии отменялась. Армия, состоявшая из добровольцев, не должна была превышать 100 тысяч человек, включая контингент офицеров, не превышающий 4 тысяч человек. Генеральный штаб распускался. Германский флот сокращался до 6 старых броненосцев, 6 легких крейсеров, 12 контрминоносцев и 12 миноносцев. Согласно статье 191: «Постройка и приобретение всяких подводных судов, даже торговых, будут воспрещены Германии».

Германия была лишена права пользоваться дальней радиосвязью. «Германия не должна строить радиотелеграфных станций большой мощности как на своей собственной территории, так и на территории Австрии, Венгрии, Болгарии или Турции».

Ни армия, ни флот не должны были иметь вообще никаких самолетов и даже «управляемых воздушных шаров».

Германия фактически теряла суверенитет над своей территорией. Так, все ее аэродромы должны были быть открыты для самолетов союзников, которые могли летать куда угодно и когда угодно. Кильский канал, проходящий в глубину германской территории, должен был быть всегда открыт для торговых и военных (!) кораблей союзников. Были объявлены международными путями реки Эльба, Одер, Неман и Дунай (от Ульма до впадения в Черное море).

Для наблюдения за выполнением военных условий договора создавались три международных контрольные комиссии.

Экономические условия договора сводились к следующему. Особая репарационная комиссия должна была определить к 1 мая 1921 г. сумму контрибуции, которую Германия обязана была покрыть в течение 30 лет. До 1 мая 1921 г. Германия обязывалась выплатить союзникам 20 миллиардов марок золотом, товарами, судами и ценными бумагами. В обмен за потопленные суда Германия должна была предоставить все свои торговые суда водоизмещением свыше 1600 т, половину судов свыше 1000 т, одну четверть рыболовных судов и одну пятую часть всего своего речного флота и в течение пяти лет строить для союзников торговые суда общим водоизмещением по 200 тыс. т в год.

Сейчас русскоязычные интеллигенты-образованцы умиляются барону Врангелю, который-де сохранил честь русского флага, приведя в Бизерту русский флот под Андреевским флагом. Любопытно, что Врангель увел из

Крыма 134 вымпела, один малый миноносец утонул по пути, а вот в Бизерту прибыло около 15 кораблей. Риторический вопрос: куда делись остальные? Да по пути из Константинополя в Бизерту продал их барон по демпинговой цене!

Список унижительных для Германии условий договора можно продолжить и далее. Подробнее об этом рассказано в моей книге «Великий антракт» (М.: АСТ, 2009).

В Версале союзники признали большую часть границ лимитрофов, созданных на территориях, веками принадлежавших России и Германии. Большая часть золотого запаса России была разворована союзниками с помощью адмирала Колчака. Торговые суда и ледоколы с Севера были уведены в Англию. Большая часть торгового флота на Балтике разными путями досталась Финляндии, Эстонии и Латвии. Тридцать три судна с Дальнего Востока были уведены адмиралом Старком и распроданы в Шанхае и Маниле. Наконец, почти весь торговый флот Черного моря — около ста судов — был уведен Врангелем. В итоге у Советской России к 1922 г. на Севере осталось 21 судно, на Балтике — 38, на Черном и Азовском морях — 49. В лучшем положении оказался Каспий — 162 судна, то есть 60% грузовых и пассажирских судов. Как мы помним, наши моряки вернули в Энзели ворованное, да еще и хорошо наподдали англичанам.

Риторический вопрос, о чем думали сильные мира сего в Лондоне и Париже, учиняя дикую расправу над двумя сильнейшими в мире военными державами, которые были не в силах победить 14 держав Антанты и которые оказались в сложном положении из-за смены власти?

Ленин по сему поводу писал, что создание Версальской системы — это самый сильный удар, который могла нанести сама себе буржуазная Антанта. Смутные сомнения терзали и британского премьера Ллойд Джорджа. В Версале он пытался увещевать зарвавшегося Клемансо: «Не надо создавать новую Эльзас-Лотарингию»^[212]. Речь шла о создании польского государства. Клемансо настоял на своем, угрожая покинуть конференцию.

25 марта 1919 г. Ллойд Джордж прислал Клемансо и Вильсону меморандум, озаглавленный «Некоторые замечания для мирной конференции до составления окончательного проекта мирных условий». Меморандум этот известен под названием «Документа из Фонтенбло». В нем изложена была английская программа и вместе с тем дана критика французских требований. Прежде всего Ллойд Джордж выступил против расчленения Германии. «Вы можете лишить Германию ее колоний, — писал Ллойд Джордж, — довести ее армию до размеров полицейской силы

и ее флот до уровня флота державы пятого ранга. В конечном итоге это безразлично: если она сочтет мирный договор 1919 г. несправедливым, она найдет средства отомстить победителям... По этим соображениям я решительно возражаю против отторжения от Германии немецкого населения в пользу других наций в больших пределах, чем это необходимо».

Тем не менее подавляющее большинство населения России и Германии считало именно Англию главной виновницей своих бедствий.

Что же касается лимитрофов, то там пришли к власти агрессивные националисты, стремившиеся не к миру со своими могущественными соседями, временно оказавшимися в тяжелом положении, а к захвату новых территорий. Так, умеренные политики Финляндии требовали присоединения Кольского полуострова, всей Карелии и части Вологодской области, ну а крайне правые хотели границу... по Енисею.

В Польше собственно поляки составляли около 60 % населения, а остальные были немцы, русские, белорусы и украинцы. Да и в 60% поляков наследственно включили ряд славянских народов — лемков, кашубов и др. Кстати, язык кашубов куда больше отличается от польского, чем русский — от украинского. И при такой ситуации Пилсудский и К° хотели воссоздать Речь Посполитую «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря.

Германский разведчик и историк Оскар Райле писал о польском министре иностранных дел Беке^[68]: «Все больше и больше Бек склонялся к тезисам историка Адольфа Боженского, который провозглашал политику кровопролития как единственно верную для Польши. Он задумал с помощью держав Запада снова ввергнуть Европу в большую войну. Поскольку Первая мировая война дала Польше самостоятельность и вернула часть исконных польских земель, следовало надеяться, что другая большая война подарит Польше остальные территории, на которые она могла притязать»^{213}.

Замечу, что после смерти Пилсудского (12 мая 1935 г.) Бек в Польше, будучи министром иностранных дел, значил куда больше, чем быстро сменявшиеся премьеры и президенты с труднопроизносимыми фамилиями. Поэтому западная пресса до сентября 1939 г. польское правительство именовало правительством Бека.

Будущая «жертва германской агрессии» к 1938 г. имела территориальные претензии ко всем государствам по периметру своих границ — к буржуазной Литве, СССР, Чехословакии, Германии и вольному городу Данцигу.

На развалинах «лоскутной» Австро-Венгерской империи усилиями Англии и Франции было создано не менее лоскутное государство — Чехословакия. Там проживало чехов — чуть более 50 %, немцев — 25 % и словаков — 18 %. Среди этих цифр затерялось и несколько миллионов русинов. Ни славяне, ни немцы, ни русины не желали жить вместе с чехами. Уже 29 октября 1918 г. немецкое население попыталось отделиться от самопровозглашенной республики, но вооруженные отряды чехов подавили сопротивление немецкого меньшинства.

16 июня 1919 г. в городе Прешове была провозглашена Словацкая Советская республика. Под ее контролем оказались две трети территории Словакии. Но Словацкое государство просуществовало недолго — в начале июля чешские войска захватили Словакию.

Стоит заметить, что оппозицию чешскому владычеству в Словакии составили не только левые, но и правые. В начале 1920-х годов была создана Словацкая Народная партия, активно поддерживаемая местной католической церковью. Народная партия боролась за независимую Словакию.

История показала, что союз чехов и словаков возможен лишь под дулами пушек Англии и Франции, а позже в присутствии советских танков. Исчезло давление Запада, и в марте 1939 г. Словакия обрела независимость. Ушли советские танки, и Словакия вновь развелась с Чехией.

Чехословакия оказалась такой же «тюрьмой народов», как и Польша. Разница была лишь в том, что в Чехословакии к 1938 г. остались какие-то элементы демократического устройства, которые позже дадут повод западным и советским историкам представлять ее тихой овечкой, ставшей жертвой кровожадного тевтонского волка.

Германия физически не могла выплатить огромные репарации западным державам. Это стало предлогом для оккупации Рура французской армией, начатой 11 января 1923 г. На территории Рура проживало 10 % населения Германии, производилось 40 % стали, 70 % чугуна и добывалось 88 % угля всей страны.

После оккупации Рура в Германии резко обостряется экономический кризис. Добыча камерного угля, производство чугуна и стали в течение года сокращаются почти наполовину по сравнению с предыдущим годом. Реальная заработная плата рабочих стала на 30—60 % ниже довоенной.

Инфляция достигла невиданных размеров. В июле 1923 г. золотая марка стоила 262 тысячи бумажных марок, а 5 ноября — уже 100 миллиардов!

Советский Союз стал единственным государством в мире, которое

публично осудило оккупацию Рура французскими империалистами. 13 января ВЦИК принял обращение «К народам всего мира в связи с оккупацией Францией Рурской области». В обращении говорилось, что французский империализм совершил преступление в отношении немецкого народа, и указывалось, что «в эти решающие дни рабоче-крестьянская Россия снова подымет голос негодующего протеста против безумной политики империалистической Франции и ее союзниц. Снова и с особой энергией она протестует против подавления права германского народа на самоопределение».

В 1922—1938 гг. главной внешнеполитической целью советского правительства было поддержание мира. Это не лозунг, а горькая необходимость. Советский Союз действительно был окружен врагами, стремившимися к захвату наших земель. По всему периметру русской границы были желающие поживиться. Среди них — Финляндия, Прибалтийские лимитрофы, Польша, Румыния, Турция, претендовавшая на Крым и Кавказ, басмачи на юге, Япония на востоке.

Поэтому советское правительство вело политику лавирования между интересами разных империалистических держав.

Установление добрососедских отношений со всеми государствами, вне зависимости от их общественно-политического устройства, было жизненно необходимо для Советского государства.

16 марта 1921 г. советский посол Леонид Красин подписал в Лондоне торговый договор, что означало признание де-факто Советского государства. Любопытный штрих: Красину удалось добиться возвращения Англией угнанного с Севера русского ледокола «Святогор». По прибытии в СССР ледокол получил новое название — «Красин».

8 мая 1923 г. британское правительство передало СССР ноту, составленную министром иностранных дел лордом Джорджем Керзоном, которая получила известность как «ультиматум Керзона».

Английское правительство требовало от советского правительства: отзыва советских дипломатических представителей из Ирана и Афганистана и принесение извинений за их якобы неправильные действия против Британской империи; установления трехмильной зоны береговых вод вдоль Мурманского побережья (вместо 12-мильной); денежной компенсации за репрессивные действия советских органов в отношении английских шпионов; пыталось присвоить себе право вмешательства во внутренние дела СССР под предлогом борьбы с так называемыми религиозными преследованиями и т.д. Меморандум имел характер ультиматума; английское правительство грозило разрывом англо-советского

торгового соглашения 1921 г. в случае, если советское правительство в течение 10 дней не согласится полностью и безусловно удовлетворить требования меморандума.

Замечу, что Керзон еще в далеком 1892 г. опубликовал книгу «Персия и персидский вопрос», в которой откровенно издевался над Россией и русским народом.

Через два дня после ультиматума Керзона белогвардеец Конради застрелил в Лозанне (Швейцария) советского посланника Вацлава Воровского.

Оба эти события вызвали стихийное возмущение всего русского народа. Михаил Булгаков писал, что таких манифестаций в Москве он не видел и в 1917 г. Толпы народа загрохотали Москву. Комсомольцы пели: «Пиши, Керзон, но знай ответ — бумага стерпит, а мы — нет». На трибуне у памятника Свободе (позже вместо него поставят памятник Юрию Долгорукому) Маяковский читал стихи:

Британский лев — вой!
Левой! Левой!
Позже он напишет:
Что значит, что г-н Керзон
Разразился грозой нот?
Это значит — чтоб тише лез он,
Крепи воздушный флот!

По всей стране развернулся сбор средств на создание воздушного флота. Тема ультиматума даже вошла в текст знаменитого авиационного гимна «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью... И на любой британский ультиматум воздушный флот сумеет дать ответ».

В самой Англии начались массовые демонстрации против политики правительства консерваторов и лично лорда Керзона. На парламентских выборах 6 декабря 1923 г. победила лейбористская партия, а 22 января 1924 г. было сформировано лейбористское правительство Джеймса Рамсея Макдональда. В своей книге «Внешняя политика рабочей партии» Макдональд писал: «Когда отказ в дипломатическом признании какого-либо народа связан с отказом от торговли с этим народом, то это безумие обходится весьма дорого».

Де-факто признание Англией Советского Союза и полномасштабное установление дипломатических отношений состоялось 2 февраля 1924 г.

25 октября, за пять дней до выборов в парламент, газета «Дейли мейл» опубликовала так называемое «письмо Зиновьева». В тот же день советский поверенный в делах Христиан Раковский получил ноту протеста правительства Великобритании: «Письмо содержит даваемые британским подданным инструкции работать над насильственным ниспровержением существующего строя Англии и над разложением вооруженных сил его величества в качестве средства для указанной цели...

Мой долг состоит в том, чтобы уведомить вас, что правительство его величества не позволит вести такого рода пропаганду и рассматривает ее как прямое вмешательство во внутренние дела Великобритании».

Разумеется, письмо тогдашнего главы Коминтерна Зиновьева было грубо сработанной подделкой. Никаких шансов на успех в случае вооруженного выступления у английских коммунистов не было и быть не могло. Мало того, советское правительство в таких случаях никогда не составляло подобных документов с подписями официальных лиц. Кстати, кроме Зиновьева стояли подписи лидера английских коммунистов Артура Мак-Мануса и одного из руководителей Коминтерна Отто Вильгельмовича Куусинена. Я не зря привожу имя и отчество последнего. Дело в том, что он всю жизнь подписывался «О.В. Куусинен», а в документе стояло «О. Куусинен». Видимо, авторы фальшивки были весьма малограмотны или слишком ленивы, чтобы посмотреть хоть на один подлинный документ Коминтерна. Английские власти так и не сообщили, откуда взят этот документ. По версии прессы, он был получен 2 октября 1924 г. рижским резидентом британской разведки. Судя по всему, это была подделка белогвардейцев, причем английские спецслужбы и дипломаты прекрасно знали цену этой бумажке.

Тем не менее британские СМИ подняли страшнейшую шумиху, и 29 октября лейбористы потерпели поражение на выборах в Палату общин. Премьером вновь стал Стэнли Болдуин. Парламент не ратифицировал ранее подписанные торговый и общеполитический договоры с СССР.

В первых числах мая 1926 г. в знак протеста против сокращения зарплаты рабочим горнодобывающей промышленности британские профсоюзы объявили всеобщую забастовку.

В связи с материальной помощью, которую советские профсоюзы оказали английским горнякам, британское правительство обратилось 12 июня 1926 г. в Наркоминдел с протестом. Оно заявляло, что «не может обойти молчанием акцию советских властей, заключающуюся в специальном разрешении перевода в Великобританию фондов, предназначенных для поддержки всеобщей забастовки».

15 июня 1926 г. Наркоминдел ответил, что советское правительство не может лишить граждан СССР права переводить за границу денежные суммы для оказания поддержки профессиональным союзам другой страны.

Тогда английское правительство известило всех коммерсантов, торгующих с Советской Россией, что не считает возможным брать на себя ответственность за их торговые операции с СССР и за кредиты, открываемые ими советским организациям.

23 февраля 1927 г. министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен направил советскому правительству ноту, обвиняющую СССР в ведении «антибританской пропаганды». Нота предупреждала, что продолжение такой политики неизбежно повлечет «аннулирование торгового соглашения; условия которого так явно нарушались, и даже разрыв обычных дипломатических отношений».

Нота Чемберлена не приводила ни одного факта нарушения советским правительством принятых на себя обязательств. Она ссылалась лишь на речи, произнесенные отдельными политическими деятелями СССР, да на статьи в советских газетах, выражавшие сочувствие Китаю.

12 мая 1927 г. по личному распоряжению министра внутренних дел полиция ворвалась в помещение англо-советского акционерного общества «Аркос». Агенты полиции взломали сейфы и захватили дипломатическую почту торгпреда, неприкосновенность которой была обеспечена соглашением 1921 г. В тот же день поверенный в делах СССР в Лондоне обратился к Чемберлену с нотой протеста. Оставляя за собой право требовать удовлетворения за нанесенное оскорбление и причиненный Советскому Союзу материальный ущерб, советское правительство в новой ноте от 17 мая 1927 г. требовало прямого и твердого ответа, «желает ли британское правительство дальнейшего сохранения и развития англо-советских отношений, или оно намерено и впредь этому противодействовать».

24 мая 1927 г. вопрос об обыске в «Аркосе» обсуждался в Палате общин. Сообщение об этом событии сделал Болдуин. По его заявлению, советское правительство через «Аркос» и торгпредство якобы вело разведывательную работу и пропаганду в Великобритании. Выступивший затем Ллойд Джордж заявил, что он не усматривает в доводах правительства никаких доказательств обоснованности предъявленных им обвинений. «Кстати, — добавил язвительно Ллойд Джордж, — следует иметь в виду, что в арсенале дипломатических органов такие методы, как шпионаж, являются общепринятыми».

27 мая 1927 г. Чемберлен послал советскому поверенному в делах ноту

с извещением об аннулировании торгового соглашения и о прекращении дипломатических сношений между СССР и Англией. Нота предлагала поверенному в делах, персоналу полпредства, а также торгпредству покинуть Англию в десятидневный срок.

Как мы уже знаем, английский военный флот ушел с Русского Севера еще в навигацию 1919 года. Но с началом навигации 1920 года туда пришли сотни английских и норвежских траулеров и приступили к хищническому лову рыбы и морского зверя в Белом море, являвшемся внутренними водами СССР.

Военного флота тогда на Севере у нас не было, и охрану побережья вело несколько слабо вооруженных судов ОГПУ. 31 января 1921 г. тральщик Т-21 задержал английский рыболовный траулер «Магнето» и, высадив на него двух военморов, отправил траулер в Мурманск. Но судно попало по пути в жестокий шторм и затонуло вместе со всем экипажем и советскими конвоирами. 3 марта 1922 г. в районе Териберки в 10 милях от берега тот же Т-21 задержал английский траулер «Санкт Губерт», на борту которого было обнаружено 20 тонн свежевыловленной рыбы. Траулер был отконвоирован в Мурманск.

В целом же пограничники действовали вяло, в основном требуя покинуть советские воды. Лишь изредка случались задержания браконьеров. Так, в марте 1923 г. пограничное судно Т-15 обнаружило в районе острова Большой Олений два английских траулера, промышлявших в 3-мильной зоне. Командир Т-15 Котов потребовал от капитанов траулеров прекратить промысел и покинуть советские территориальные воды, но англичане на это никак не среагировали. Приказ остановиться также был проигнорирован, и Котову пришлось высаживать осмотровую группу на борт траулеров на ходу. Траулеры были задержаны и из-за надвигавшегося шторма отконвоированы на рейд губы Захребетной. Котов по радио донес о задержании браконьеров и получил приказание начальника флотилии с улучшением погоды доставить их в Мурманск. Ночью пошел густой снег, и, воспользовавшись этим, один из траулеров попытался уйти. Находившиеся на его борту три красноармейца были убиты, но побег не удался — при выходе из бухты траулер наскочил на камни и затонул. Нескольким членам экипажа удалось добраться вплавь до берега, но там их обнаружила поисковая группа, высаженная с Т-15. Браконьеров доставили в Мурманск, где они предстали перед судом.

Сравнительно мягкие меры, принимаемые к британским, норвежским, японским и другим браконьерам, были элементами крайне осторожной внешней политики советского правительства, тщательно избегавшего

повода для любого военного конфликта. Для усиления своих дипломатических позиций и с целью обострить взаимоотношения Англии и Франции с Италией, Германией и Японией советские дипломаты и СМИ развязывают кампанию против «поджигателей войны», главным из которых объявляется Германия.

Однако, нравится кому или нет, но главными виновниками Второй мировой войны являются Англия и Франция. Именно они навязали Европе грабительский Версальский мир и всеми силами пытались противодействовать исправлению хотя бы самых вопиющих его несправедливостей. Как мог немецкий город Данциг быть вольным городом, когда поляки постоянно грозили ему блокадой? Как могла Восточная Пруссия быть оторванной от остальной Германии и не иметь экстренной железнодорожной и шоссейной связи? Как мог Ленинград, где было сосредоточено свыше 60 % оборонной промышленности страны, находиться в радиусе действия дальнобойной финской артиллерии? Как мог главный флот Страны Советов ютиться на маленьком острове Котлин в досягаемости не только дальнобойной, но и корпусной артиллерии финнов^[69]? А чтобы выйти в Белое море, нашему флоту нужно было прорываться свыше 100 км по Финскому заливу в радиусе поражения русских же береговых 305-, 245-, 234- и 203-мм орудий, в 1917—1919 гг. захваченных финнами и эстонцами. Неужели в Лондоне думали, что так будет продолжаться вечно?

Чтобы избежать агрессии Англии и Франции, правительства Германии и СССР пугали их призраками коммунизма и фашизма.

Советская пропаганда с начала 1930-х годов представляла Гитлера агрессором, жертвой которого последовательно становились страны Центральной Европы — Австрия, Чехословакия и Польша. Великая Отечественная война намертво закрепила этот штамп.

На самом же деле все без исключения партии Германии с 1920 по 1933 г. призывали к ликвидации Версальской системы. Так, коммунисты еще в ходе оккупации Рура в 1923 г. призывали немцев к войне «с Пуанкаре на Рейне и Куно на Шпрее» (имелись в виду президент Франции и канцлер Германии). В начале 1930-х годов германские коммунисты призвали молодежь изучать военное дело, чтобы идти в поход против Версаля. Но, борясь против Версаля, надо одновременно бороться против собственной буржуазии. Таким образом, коммунисты предлагали германскому народу одновременно бороться на два фронта. Гитлер акцентировал внимание на одном фронте — Версале. Народ выбрал Гитлера.

Европа физически не могла жить в тисках Версальского договора,

даже если бы в Германии и России вместо Гитлера и Сталина у власти оказались бы центрист фон Папен, император Вильгельм III или Эрнст Тельман и, соответственно, Сергей Киров, Михаил II Александрович или Александр IV Михайлович, то и в этом случае Германия и Россия разнесли бы в щепки «санитарный барьер», устроенный Антантой. Поскольку это было объективной жизненной необходимостью обеих стран.

А вот война Германии и России была явлением случайным, противоречащим интересам обоих великих народов. Наши историки предпочитают забывать, что с 1813 по 1914 г. русско-германская (прусская) граница была самой мирной в Европе. За сто лет русские войска приводили в боевое состояние всего один раз — в 1870 г. Тогда русские генералы всерьез рассматривали возможность разгрома германской армии французами и поход Наполеона III на восток. Тогда русская армия должна была прийти на помощь германской. Но, как известно, племянник оказался лишь злой карикатурой на своего великого дядю.

Причин нападения Германии было много. Среди них и ненависть к русским австрияка (не немца!) Адольфа Гитлера, и близорукость германских генералов, воспринявших неудачу Красной армии в Финляндии, обусловленные спецификой театра военных действий, как общую слабость «колосса на глиняных ногах», и многое другое. Причем не последнюю роль сыграли и козни британских дипломатов и разведчиков, традиционно стравливавших Россию и Германию.

Гитлер повторил ту же ошибку, что и Наполеон. Вместо того, чтобы отдать России Черноморские проливы, а потом вместе заняться вековым врагом всей Европы — Англией, он пошел войной на Россию.

Но мы забежали далеко вперед, а пока вернемся назад. Еще 12 ноября 1918 г. Национальное собрание Австрии провозгласило Австрию составной частью Германской республики. Это был первый аншлюс.

22 ноября четыре судетские немецкие провинции были приняты Национальным собранием в состав Немецкой Австрии.

И только в конце ноября чешские войска выступили против немецких провинций и к концу года заняли их окончательно.

2 марта 1919 г. между Германией и Австрией был заключен секретный договор (Берлинский протокол) о присоединении Немецкой Австрии к Германии, если мирный договор не запретит аншлюс.

Понятно, что Антанта категорически запретила аншлюс, что и было закреплено в Версальском и Сен-Жерменском договорах. А 4 октября 1922 г. западные державы приняли так называемый Женевский протокол, запрещавший аншлюс даже в форме экономического союза Австрии с

Германией.

Тем не менее 19 марта 1931 г. австрийский вице-канцлер Шобер и германский министр иностранных дел Курциус подписали соглашение о едином таможенном законе, о согласованных тарифах и об уничтожении таможенной границы между обоими государствами.

Идею аншлюса поддерживало практически все население Австрии. Даже социал-демократы в своей предвыборной программе призыв к аншлюсу исключили лишь в октябре 1933 г. При этом они выступали не против самой идеи, а лишь против союза с Гитлером. Пришел бы к власти в 1933 г. Тельман, аншлюс все равно бы состоялся.

11 марта 1938 г. германские войска вошли в Австрию. Танки были украшены флагами и цветами. Толпы народа радостно приветствовали их. На проведенном плебисците по поводу присоединения Австрии к Германии «за» высказались свыше 90 % проголосовавших. Считать аншлюс агрессией может только неосведомленный человек или жулик. Никакого сопротивления вводу германских войск не было, ни один человек не ушел партизанить в Альпы.

Любопытно, что в марте 1938 г. в Европе произошел еще один кризис. Наши советские и либеральные историки не зря забыли этот «параллельный» кризис — он просто не укладывался в прокрустово ложе идеологических догм: «во всем виноваты немцы». А тут как на грех немцы и «поджигатель войны» Гитлер были уж совсем «не при делах».

Начнем по порядку. 14 февраля 1938 г. Гитлер предупредил польское правительство о воссоединении с Австрией. Бек и компания ничего не имели против аншлюса, но при этом решили сами сорвать куш и присоединить к себе Литву.

И вот 11 марта, то есть в день, когда германские войска вступили в Австрию, поляки находят на литовской границе труп своего солдата. Кто это мог сделать? Ну конечно же, злыдни-литовцы.

«В Польше начались антилитовские демонстрации. На литовской границе сосредоточивались польские войска. В ночь на 17 марта 1938 г. польское правительство через своего дипломатического представителя в Таллине предъявило литовскому правительству ультиматум. Оно требовало заключения конвенции, гарантирующей права "польского меньшинства" в Литве, а также отмены параграфа литовской конституции, провозглашающей Вильно столицей Литвы. Польская военщина грозила в случае отклонения ультиматума в течение 24 часов проделать "марш на Каунас" и оккупировать Литву.

Польско-литовский конфликт угрожал перерасти в войну в Восточной

Европе. Дипломатические представители Великобритании и Франции ограничились пожеланиями, чтобы Польша и Литва воздержались от насильственных действий»^{214}.

Но тут в Москве громко цыкнули, и ясновельможное панство быстро поджало хвост. Зато паны отыгрались на Чехословакии, выступив против нее вместе с Гитлером в ходе судетского кризиса.

Вот краткая хроника кризиса. В мае — июне 1938 г. в ходе муниципальных выборов в Чехословакии более 90 % этнических немцев проголосовали за судетскую партию, требовавшую воссоединения с Германией.

12—13 сентября сторонники Генлейна устроили вооруженный путч с целью захвата власти в Судетской области. Однако благодаря четким действиям полиции и армии беспорядки были быстро подавлены.

23 сентября в Чехословакии была объявлена всеобщая мобилизация. Еще 3 сентября во Франции было призвано 300 тысяч резервистов, 4 сентября отменены отпуска в гарнизонах на восточной границе, 5 сентября линия Мажино была полностью приведена в боевую готовность.

Сталин привел в полную боевую готовность части на западной границе. К этому времени в Красной армии насчитывалось 18 664 танка и 2741 бронемашина, из которых 3609 танков и 294 бронемшины находились в войсках Белорусского особого военного округа, а 3644 танка и 249 бронемашин в войска Киевского особого военного округа.

28 сентября 1938 г. нарком обороны доложил советскому правительству о готовности направить в Чехословакию из Белорусского военного округа 16-ю авиационную бригаду в составе 56-го и 54-го среднебомбардировочных авиаполков и 58-ю авиационную бригаду в составе 21-го и 31-го истребительных авиаполков; из Киевского военного округа — 10-ю (33-й среднебомбардировочный авиаполк) и 69-ю (17-й и 43-й истребительные авиаполки); из Харьковского военного округа — 60-й среднебомбардировочный авиаполк. Всего 548 боевых самолетов.

Всего же на 1 октября 1938 г. авиационная группировка Калининского, Белорусского и Киевского особых военных округов насчитывала 2 690 самолетов.

Для сравнения, к 1 апреля 1938 г. вермахт располагал 15 213 орудиями и минометами и 1983 танками (из них Т-I — 1468 машин, Т-II — 443, Т-III — 43 и Т-IV — 30 машин). В вермахте имелось 51 дивизия и одна кавалерийская бригада, а летом 1938 г. были созданы восемь резервных дивизий.

Таким образом, Красная армия одна могла в сентябре 1938 г.

разгромить объединенные армии Германии и Польши. Но советское правительство не желало действовать в одиночку, не зная заранее дальнейших намерений Франции и Англии. Кроме того, не следует забывать, что в июле — августе 1938 г. Красная армия вела тяжелые бои на озере Хасан и была на грани большой войны с Японией.

Англия и Франция не пожелали идти на серьезный конфликт с Гитлером. 29 сентября 1938 г. на конференции в Мюнхене Чемберлен и Даладье подписали соглашение с Гитлером о передаче Судетской области и еще ряда районов Германии. В соглашении указывалось также на необходимость «урегулировать» вопрос о польском и венгерском национальных меньшинствах в Чехословакии. Таким образом, имелось в виду отторжение от Чехословакии еще некоторых частей ее территории в пользу Польши и Венгрии. Гитлер, провожая гостей, сказал Риббентропу: «Это ужасно, какие передо мной ничтожества!»

Замечу, что представители Чехословакии и СССР даже не были приглашены на Мюнхенскую конференцию.

1 октября 1938 г. германские войска вступили в Чехословакию. Они беспрепятственно заняли не только Судетонемецкую область, но и ряд районов и городов, где почти не было немецкого населения.

По приказу своего правительства чехословацкие войска 1 октября начали отход с польской границы, а на следующий день польские войска оккупировали район Тешина, где на тот момент проживало 80 тысяч поляков и 120 тысяч чехов и словаков. Таким образом, Польша увеличила у себя процент неполяков, но зато за счет присоединения столь экономически развитого района увеличила производственные мощности своей тяжелой промышленности почти на 50 процентов.

28 ноября окрыленные успехом Бек и К^о потребовали передачи им Чехословакией Моравской Островы и Виткович. Однако Гитлер отказал им в довольно категорической форме.

Зарвавшиеся паны приписывали успех в занятии Тешинской области мощи непобедимого Войска Польского. Польские генералы всерьез рассматривали план войны против Германии и СССР и на штабных учениях лихо брали Берлин, а также «исконные польские города» Киев и Одессу.

21 марта 1939 г. германское правительство предложило Варшаве заключить новый договор. Суть его состояла в трех пунктах. Во-первых, возвращение Германии города Данцига с окрестностями. Во-вторых, разрешение польских властей на строительство в «польском коридоре» экстерриториальной автострады и четырехколейной железной дороги. Это

было крайне необходимо для экономики Восточной Пруссии, которая, согласно Версальскому договору, была связана с остальной Германией или по морю, или через польскую территорию. Причем в 1930-е годы поляки год от года увеличивали сборы за проезд. (Уж больно ситуация напоминает положение Калининграда в 2009 г.!)

Третьим пунктом немцы предложили полякам продление действия существовавшего германо-польского пакта о ненападении еще на 15 лет.

Нетрудно понять, что германские предложения никак не затрагивали суверенитет Польши и не ограничивали ее военную мощь. Данциг и так не принадлежал Польше и был населен в подавляющем большинстве немцами. А строительство автострады и железной дороги было, в общем-то, рутинным делом.

Польша 1939 года:

o — русские крепости Первой мировой войны.

---- линия сферы интересов СССР и Германии по договору от 23 февраля 1939 г.

Тем не менее 26 марта правительство Бека отвергло германские предложения. Мало того, в Польше были призваны «три возраста резервистов».

«Людей охватил энтузиазм. В тот же день демонстранты выбили стекла в домах некоторых немцев в Познани и Кракове, а также в здании немецкого посольства в Варшаве. Участники демонстрации перед зданием посольства кричали: "Долой Гитлера! Долой немецких псов! Да здравствует польский Данциг!" Ходили слухи, что в Верхней Силезии уже начались бои. Многие считали войну неизбежной. Почти никто не сомневался в том, какую позицию займет в этом случае немецкое национальное меньшинство»^{215}.

28 апреля 1939 г. Гитлер объявил о расторжении польско-германского пакта о ненападении.

15 апреля 1939 г. через своего посла в Москве Чемберлен запросил советское правительство, согласно ли оно дать односторонние гарантии Польше и Румынии.

17 апреля 1939 г. Литвинов вручил британскому послу официальное предложение советского правительства. В нем говорилось:

«Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств».

По этому поводу Уинстон Черчилль писал: «Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: "Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею" — или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил... и история могла бы пойти по иному пути».

4 мая 1939 г. Черчилль опубликовал заявление: «Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без содействия со стороны России. Самое главное — нельзя терять времени».

В ходе дебатов в парламенте Черчилль сказал: «Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией... в широкой и простой форме, предложенной русским Советским правительством? Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Что плохого в этом простом предложении? Почему вы не хотите стать союзниками

России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну!.. Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ней по мере возможности...»

«Без России, — доказывал Ллойд Джордж, выступая 19 мая 1939 г. в прениях по внешней политике в Палате общин, — наши гарантии Польше, Румынии и Греции являются безрассудными». «Как мы сможем воевать без России, — вопрошал Ллойд Джордж, — если Япония на этот раз будет против нас? Вы нуждаетесь в СССР, — обращался оратор к скамьям правительства, — но вы не хотите союза с ним».

В итоге в мае 1939 г. в Москве начались переговоры представителей Англии, Франции и СССР о создании военного союза с целью обуздать агрессора. Однако и Лондон, и Париж не желали разгрома Германии, а лишь хотели сравить Москву и Берлин. Их уполномоченные в Москве даже не имели полномочий для подписания военного союза.

Мало того, СССР не имел тогда общей границы с Германией. Нежелание Польши в столь ответственный момент пропустить советские войска объясняется двумя причинами. Во-первых, это боязнь восстания белорусов и украинцев, которые при виде советских танков пошлют помещиков и осадников^[70] к известной матери.

18 августа французский министр иностранных дел Боннэ запросил польского посла в Париже Ю. Лукасевича о причинах отказа в пропуске советских войск. Тот ответил, что «Бек никогда не позволит русским войскам занять те территории, которые мы у них забрали в 1921 г. Пустили бы вы, французы, немцев в Эльзас-Лотарингию?» На это Боннэ заметил, что угроза столкновения с Германией делает «для вас необходимой помощь Советов». В ответ Лукасевич заявил, что «не немцы, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны!» Тем не менее он пообещал передать запрос французского правительства в Варшаву. А на следующий день, 19 августа, Бек заявил французскому послу, что «у нас нет военного договора с СССР, мы не хотим его иметь».

Польша 4 августа 1939 г. предъявила ультиматум вольному городу Данцигу. «6 августа, в День легионов Пилсудского, польский маршал Рыдз-Смиглы произнес в Кракове большую праздничную речь. Он заверил, что Польша готова отвечать за все последствия в споре вокруг Данцига. Тогда толпа как по команде закричала: "Отдайте нам Данциг! Отдайте нам Данциг! " Годами ведшаяся психологическая война против Германии переживала апогей...

14 августа польские власти начали массовые аресты немцев в Верхней

Силезии. Тысячи арестованных в принудительном порядке отправлялись вглубь страны. Тысячи других пытались бежать в Германию. Немецкие предприятия и благотворительные организации закрывались, немецкие общества потребкооперации и торговые объединения распускались. Панический страх охватил всех немцев, пока еще проживающих в Польше»^[216].

29 июня 1939 г. газета «Правда» опубликовала большую статью под названием «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Там говорилось: «Англо-франко-советские переговоры о заключении эффективного пакта взаимопомощи против агрессии зашли в тупик. Несмотря на предельную ясность позиции Советского правительства, несмотря на все усилия Советского правительства, направленные на скорейшее заключение пакта взаимопомощи, в ходе переговоров незаметно сколько-нибудь существенного прогресса...

Англо-советские переговоры в непосредственном смысле этого слова, то есть с момента предъявления нам первых английских предложений 15 апреля, продолжаются уже 75 дней, из них Советскому правительству потребовалось на подготовку ответов на различные английские проекты и предложения 16 дней, а остальные 59 ушли на задержку и проволочки со стороны англичан и французов. Спрашивается: кто же в таком случае несет ответственность за то, что переговоры продвигаются так медленно, как не англичане и французы?»

Под статьей стояла подпись: депутат Верховного Совета СССР А. Жданов, то есть формально это была точка зрения отдельного депутата. Но Андрей Александрович Жданов был еще и секретарем Ленинградского обкома ВКП(б), а также членом Политбюро. Ясно, что на публикацию статьи Жданов не мог не получить санкции Сталина. Как видим, и содержание, и тон статьи должны были служить серьезным предупреждением правительствам Англии и Франции, но, увы, были ими проигнорированы.

В конце мая 1939 г. Япония начала наступление на реке Халхин-Гол. Советское правительство всеми силами старалось избежать тотальной войны с Японией, поэтому и МИД, и контролируемая властями пресса именовали бои на Халхин-Голе провокациями, в крайнем случае, конфликтом. На самом деле это была война, вполне сравнимая по масштабам с германско-польской войной в сентябре 1939 г. На реке Халхин-Гол Красная армия использовала танков больше, чем их было во всей польской армии. Потери японцев в два раза превышали потери германской армии в сентябре 1939 г.

18 июля немцы в очередной раз вступили в секретные переговоры с англичанами. С германской стороны переговоры вел «экономист в штатском» некий Вольтат, а с британской — сэр Горас Вильсон, сэр Джозефом Болл и другие. Прочитую служебную записку от 24 июля 1939 г. Сэр Горас представил проект Программы германо-английского сотрудничества, в которой говорилось, что к сотрудничеству можно привлечь и Россию, «в том случае, если политика Сталина будет развиваться соответствующим образом». Как должна была вести себя Россия — нетрудно догадаться.

С весны 1939 г. по май 1941 г. правящие круги Англии готовили сговор с Гитлером за счет Советского Союза. Недаром значительная часть британских правительственных документов до сих пор засекречена, хотя по закону их положено было открыть через 30 лет. Переговоры с нацистами вели не только лорды, но и члены королевской династии. Замечу, что в Англии правила и сейчас правит германская Ганноверская династия. Сам король Эдуард VIII заявил, что все его капли крови — немецкие. Другой вопрос, что из политических соображений Ганноверская династия в, 1917 г. переименовала себя в Виндзорскую по месту расположения королевского дворца. Переписку с правительством Германии члены династии вели через своих родственников принцев Вольфганга и Филиппа Гессенских. Причем Филипп имел членский билет нацистской социалистической партии за № 53, то есть входил в руководство рейхом.

Замечу, что в Лондоне работал целый ряд наших блестящих разведчиков, занимавших высокое положение в Великобритании. Так что Сталин был хорошо осведомлен о германо-британских контактах.

В 4 ч 45 мин утра 15 августа 1939 г. шифровальщик германского посольства в Москве разбудил посла графа фон Шуленбурга и вручил ему срочную телеграмму министра иностранных дел фон Риббентропа.

В телеграмме говорилось: «Прошу Вас лично связаться с господином Молотовым и передать ему следующее: ...интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности... У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Черным морями не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств...

Имперский Министр иностранных дел фон Риббентроп готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени Фюрера изложить взгляды Фюрера господину Сталину».

В сложившейся ситуации Сталин принял единственное решение, соответствовавшее интересам СССР, и согласился принять в Москве Риббентропа.

23 августа 1939 г. Молотов и Риббентроп в Москве подписали «Договор о ненападении между Германией и СССР». На следующий день газета «Правда» опубликовала текст договора. Наиболее интересными там были статья II: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу»; и статья IV: «Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны». Кроме того, стороны подписали и секретный дополнительный протокол к договору.

Английская карикатура 1939 года

Полностью этот протокол был опубликован в начале так называемой «перестройки».

Сталин с начала 1920-х годов до августа 1939 г. боялся возникновения мировой войны и справедливо полагал, что она в любом случае коснется СССР, и всячески противодействовал изменению статуса-кво в мире.

Опять же, надо различать коммунистическую пропаганду о победе мировой революции и реальные планы советского правительства. Споры нет, СССР оказывал материальную поддержку коммунистам в различных странах. Но она не шла ни в какое сравнение с помощью СССР буржуазным правительствам Китая (Чан Кайши), Испании и Чехословакии, куда были посланы сотни самолетов, танков и артсистем.

Риторический вопрос: почему Сталин не мог предположить, что война закончится в ноябре — декабре 1939 г. соглашением между Германией и западными союзниками? Кто в Париже и Лондоне мог предположить, что Польша будет вдребезги разбита за две-три недели, а Франция с Бельгией, Голландией да еще с английской армией — за четыре-пять недель? А если бы такой эксперт и нашелся, то его немедленно упекли бы в психушку.

В 1939 г. в Англии не думали о Дюнкерке, а планировали вторжение в Норвегию и операцию «Катерин». В ходе последней английская эскадра в составе четырех линкоров типа «Роял Соверен» и других кораблей должна была войти в Балтийское море и навести страх на проклятых «бошей». Надо ли приводить дальнейшие примеры уровня мышления западных военных теоретиков?

А почему Сталин не мог, подобно западным теоретикам, предположить, что война на Западе по образцу Первой мировой будет носить позиционный характер, благо, французы на весь мир раструбили о неприступности линии Мажино. Таким образом, через два-три года позиционной войны противники были бы измотаны, а Красная армия, не сделав ни одного выстрела, могла бы диктовать свои условия. Кому могло хоть в страшном сне привидеться, что армии Польши, Франции, Англии, Голландии, Бельгии, Норвегии, Греции и другие не только разбегутся перед немцами, но и галантно отдадут им в полной целостности и сохранности все вооружение, а заводы всей Европы, включая «нейтральную» Швецию, начнут работать на Третий рейх?

Подписав договор с Германией, Молотов одним росчерком пера покончил с боевыми действиями на Дальнем Востоке. В секретной телеграмме временного поверенного в делах СССР в Японии Н.И. Генералова, отправленной из Токио в Москву 24 сентября 1939 г., говорилось: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь. Вчера и сегодня происходил непрерывный обмен визитами, и этот факт оживленно обсуждался членами правительства, двора и тайного совета».

Спору нет, потери японцев в людях и технике у реки Халхин-Гол оказали нужное действие. Подобное поражение стало бы катастрофой для, скажем, польской или финской армии, но для Японской империи это была просто неудачная операция, а, попросту говоря, булавочный укол. И именно

договор с Германией положил конец необъявленной войне на Дальнем Востоке. Замечу, что кроме крупных сражений на озере Хасан и на реке Халхин-Гол на советско-маньчжурской границе с 1937 по сентябрь 1939 г. периодически происходили боевые столкновения. А вот после подписания договора и вплоть до 8 августа 1945 г. на границе стало относительно тихо.

Договор 1939 года, как и договоры 1918 и 1807 годов в Бресте и Тильзите, был вынужденным и, как все вынужденные договоры, носил временный характер. И пока еще ни один из критиков договора не предложил разумной альтернативы действиям советского руководства. На кого работало время в 1939—1941 гг., вопрос спорный, и он ждет исследования объективных историков.

Глава 32

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

1 сентября 1939 г. германские войска вторглись в Польшу. Моторизованные части стремительно наступали внутрь польской территории. В тот же день в Англии, Франции и Бельгии была объявлена мобилизация. Вечером 1 сентября послы Англии и Франции Гендерсон и Кулондр вручили министру иностранных дел Германии две одинаковые ноты. В них содержалось требование отвода немецких войск с польской территории. В случае отказа правительства Англии и Франции предупреждали, что немедленно приступят к выполнению своих обязательств по отношению к Польше.

3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, тем самым превратив локальную германо-польскую войну в тотальную мировую войну. Но из конъюнктурных целей западные и отечественные историки перенесли дату начала Второй мировой войны с 3 на 1 сентября. Нелогичность этого очевидна. Если считать начало мировой войны от начала локального конфликта, ставшего позже элементом мировой войны, то Вторая мировая война началась 7 июля 1937 г., когда Япония напала на Китай. Кстати, СССР помогал Китаю, а Англия — нет. Советский Союз поставил Китаю 1285 самолетов, 1600 орудий, 82 танка, 1850 автомашин и прочее. В Китае погибли 227 советских инструкторов. По числу участников и по числу потерь война 1937—1939 гг. в Китае превосходит как минимум на порядок аналогичные цифры в той же Польской кампании.

Но всем нужно, чтобы именно немцы, а не англичане и французы начали мировую войну, и дата ее начала переносится на 1 сентября.

В сентябре — октябре 1939 г. Англия и Франция имели вполне реальные шансы поставить Германию на колени. Англия и Франция к августу 1939 г. имели 57 дивизий и 21 бригаду против 51 дивизии и 3 бригад у немцев, притом что большая часть германских дивизий была брошена против Польши.

Замечу, что англичане и французы могли в первый же день войны начать с воздуха разрушение германских промышленных центров. К началу войны англичане имели в метрополии 1476 боевых самолетов и еще 435 самолетов в колониях. И это не считая морской авиации сухопутного базирования. На шести английских авианосцах базировался 221 самолет.

В английской бомбардировочной авиации были подготовлены к боевым действиям 55 эскадрилий (480 бомбардировщиков) и еще 33 эскадрильи находились в резерве.

Франция располагала почти четырьмя тысячами самолетов. В 100-километровой зоне вдоль французской границы находились десятки германских крупных промышленных центров: Дуйсбург, Эссен, Вупперталь, Кельн, Бонн, Дюссельдорф и др. По этим целям с приграничных фронтовых аэродромов могли действовать с полной боевой нагрузкой даже легкие одномоторные бомбардировщики, совершая по два-три вылета в день. А истребители союзников на всем маршруте могли прикрывать действия своих бомбардировщиков.

Однако после формального объявления войны на француско-германской границе ничего не изменилось. Немцы продолжали возводить укрепления, а французские солдаты передовых частей, которым было запрещено заряжать оружие боевыми патронами, спокойно глазели на германскую территорию. У Саарбрюккена французы вывесили огромный плакат: «Мы не произведем первого выстрела в этой войне!» На многих участках границы французские и немецкие военнослужащие обменивались визитами, продовольствием и спиртными напитками.

Позже германский генерал А. Йодль писал: «Мы никогда, ни в 1938, ни в 1939 г., не были собственно в состоянии выдержать концентрированный удар всех этих стран. И если мы еще в 1939 г. не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездеятельными». Это подтвердил и генерал Б. Мюллер-Гиллебранд: «Западные державы в результате своей крайней медлительности упустили легкую победу. Она досталась бы им легко, потому что наряду с прочими недостатками германской сухопутной армии военного времени и довольно слабым военным потенциалом... запасы боеприпасов в сентябре 1939 г. были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение войны для Германии стало бы невозможным».

Замечу, что к августу 1939 г. политическое положение Гитлера не было столь прочно, как в августе 1940 г., после многочисленных побед германского оружия. Генералы вермахта были недовольны фюрером, и в случае решительного наступления союзников на Западе и массированных бомбардировок германских городов генералы вполне могли устроить путч и уничтожить Гитлера.

Однако союзники и пальцем не пошевелили, чтобы помочь Польше.

Ни одна дивизия союзников не перешла в наступление на Западе, и ни одна бомба не упала на германские города. Союзная авиация ограничилась разбрасыванием листовок над Германией. Позже эти действия английские и французские историки справедливо окрестят «странной войной». Вот на море, правда, английские моряки занялись любимым со времен сэра Фрэнсиса Дрейка делом — каперством. Они с удовольствием захватывали во всех районах мирового океана германские суда. Дело это, кстати, очень прибыльное — потерь никаких, а деньги большие.

Стоит заметить, что с панской Польшей воевала не одна Германия. 3 сентября войну Польше объявила Словакия. 27 августа генерал фон Бон доложил начальнику Генерального штаба Гальдеру о сосредоточении литовских войск на польской границе. Гальдер ответил: «Это сделано отнюдь не против нас». В свою очередь, Польша выставила завесу из двух дивизий на литовской границе. Однако вторжению литовских войск в Польшу помешал энергичный дипломатический демарш Москвы.

К 17 сентября польская армия была вдребезги разбита, а правительство бежало в неизвестном направлении. Чтобы не допустить выхода частей вермахта к советской границе и германской оккупации западных районов Белоруссии и Украины, которые были захвачены Польшей в 1920 г., советское правительство отдало приказ о вводе войск в Польшу.

А как Запад отреагировал на ввод частей Красной армии в Польшу? Тут сразу нужно отделить мух от котлет, то есть реакцию прессы и отдельных экстремистских политиков и реакцию руководителей государств. Пресса начала бешеную антисоветскую кампанию, а вот премьер-министр Франции Э. Даладье вежливо осведомился у советского посла, берет ли СССР украинское и белорусское население под свой вооруженный протекторат временно, или Москва намерена присоединить эти территории к СССР. Вновь вспомним, что в свое время французский посол спрашивал у Екатерины Великой, на каком основании в Польшу введены русские войска, а императрица ответила вопросом: «А какое право имеют французы вообще задавать подобные вопросы?»

18 сентября английское правительство приняло решение, что согласно англо-польскому соглашению, Англия связана обязательством защищать Польшу только в случае агрессии со стороны Германии, и поэтому посылать протест в Советский Союз не следует.

Замечу, что в сентябре 1939 г. Англия и СССР вели переговоры по ряду аспектов взаимной торговли, и 11 октября было заключено советско-английское соглашение об обмене советского леса на каучук и олово.

Англия всячески стремилась избежать обострения отношений с СССР.

Вот, к примеру, в начале сентября 1939 г. несколько германских торговых судов, застигнутые войной в отдаленных от Германии морях, направились в Мурманск, откуда, простояв некоторое время и дождавшись тихой погоды, отправились в германские порты. Среди этих судов был и огромный лайнер «Бремен». Некоторые наши историки называют это событие чуть ли участием СССР в войне. Увы, это обнаруживает лишь безграмотность оных писак в области морского права. Действия германских судов и советских портовых властей были абсолютно законными, а германские суда, к примеру, чуть ли не до самого последнего дня войны ходили в Швецию, причем до середины 1944 г. шведские военные корабли конвоировали германские торговые суда.

Английские корабли готовились перехватить германские торговые суда у Мурманска. В результате два британских эсминца оказались в зоне действия береговых батарей Северного флота и были обстреляны. Эсминцы поставили дымзавесу и ушли. При этом МИД Великобритании никак не среагировал на этот инцидент. Больше британские корабли близко к Кольскому полуострову не подходили.

28 сентября 1939 г. в Москве был подписан «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией».

На следующий день, то есть 29 сентября 1939 г., было опубликовано Заявление советского и германского правительств: «После того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят свои общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах»^[217].

Молотов заявил: «Уродливое детище Версальского договора прекратило свое существование». Это название вполне подходило к государству, управляемому маршалом Пилсудским и его полковниками и имевшему территориальные претензии ко всем без исключения соседям по

всему периметру своих границ.

В конце сентября 1939 г. Гитлер не имел никаких планов нападения на СССР или другие страны в Восточной и Западной Европе. Как уже говорилось, никаких боевых действий, кроме крейсерской войны на море, в Европе не велось.

Англия и Франция не понесли ни военных, ни политических потерь. Были лишь ликвидированы оскорбительные для Германии и России статьи Версальского пакта и частично восстановлен статус «кво» на август 1914 года.

В октябре 1939 г. заключить мир в Европе было легко и просто. Утверждение, что в этом случае весь континент стал бы вотчиной Гитлера, несерьезно. В интересах Англии, Франции, США и СССР было сохранить сложившийся баланс сил и не допустить дальнейшего усиления Германии.

В годы войны бульдог с лицом Черчилля не раз использовался, чтобы подчеркнуть решимость Англии. Надпись на шляпе Черчилля: «Попробуй сунься!»

Теоретически можно предположить, что через несколько лет после заключения мира в Европе разразилась бы новая война. Но, на мой взгляд, куда более вероятно, что Германия начала бы попросту переваривать захваченные, а точнее возвращенные территории. Через 10—20 лет Гитлер бы умер, и в рейхе началась бы «перестройка» по советскому, испанскому или китайскому варианту. Так что у мира был еще шанс избежать великой мировой бойни.

Тем не менее Англия продолжала войну с Германией. Имея огромный флот и мощные ВВС, она практически ничем не рисковала. Разгром немцами Франции летом 1940 г. позволил британским СМИ до смерти напугать собственное население, а также американцев. Однако дальновидный Черчилль отнесся к этому спокойно и продолжал вести с Германией «экзотическую войну». Перед британскими вооруженными силами были поставлены три задачи — вести планомерное уничтожение мирного германского населения путем бомбардировок крупных городов; захватывать чужие колонии и уничтожать вражеский и нейтральные флоты; ну и наконец, защищать свои морские коммуникации от подводных лодок и рейдеров противника.

Замечу, что германские военные объекты, в том числе оборонная промышленность, мало страдали от воздушных налетов англичан, а с 1942 г. — и американцев. Военные заводы были рассредоточены, часть их переведена в подземные укрытия. В итоге объем военного производства в Германии резко увеличивался до конца 1944 г. Зато потери гражданского населения резко росли. Англия применяла специальные методы уничтожения гражданского населения. Подробности можно найти в моей книге «Германия под бомбами союзников» (М.: Вече, 2008).

Английские сухопутные силы вместо того, чтобы драться с немцами, предпочитали экзотические колониальные экспедиции в Сирию, Иран и т.д. Британские войска захватили у французов Мадагаскар, но в Западной Африке потерпели от французов поражение при попытке захвата Дакара. В Северной Африке в порту Мерс-эль-Кебер англичане предательски потопили наполовину демобилизованную французскую эскадру. (По соглашению с Германией эта эскадра должна была разоружиться и хранить нейтралитет в течение всей войны.)

Конец 1940 г. — первая половина 1941 г. ознаменовались целым рядом секретных контактов между Германией и Англией. 10 мая 1941 г. весь мир облетела сенсация — в Шотландии выбросился с парашютом заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс. Эта история до сих пор окутана завесой тайны. Еще в августе 1940 г., по инициативе герцога Бедфордского и других английских влиятельных политиков, в Женеве состоялась встреча английских уполномоченных с немецким профессором Альбрехтом Гаусгофером, посланным Гессом в Женеву для предварительных переговоров с англичанами.

Во время переговоров англичане заявили о готовности Англии начать мирные переговоры с Германией. Предварительным условием англичане выставили расторжение пакта о ненападении, заключенного в 1939 г. между Германией и СССР. Гесс сказал своему адъютанту генералу Пинчу, что Гитлер и он согласны были выполнять это условие англичан, но Гитлер хотел отложить начало конкретных переговоров с Англией до занятия Балкан.

В середине апреля 1941 г. Гесс совершил неофициальный визит в Испанию, где встречался с Франко и какими-то британскими политиками.

В день Труда, 1 мая, когда Гитлер по традиции обращался к народу, Гесс стоял рядом с ним. Он произнес речь на церемонии на заводе Мессершмитта в Аугсбурге, хорошо знакомом ему по многочисленным приездам и тренировкам.

10 мая дальний истребитель Me-110, пилотируемый Гессом, взлетел с аэродрома в Аугсбурге и взял курс на Северное море. Гесс, соблюдая меры предосторожности, чтобы не быть обнаруженным британскими РЛС, пересек береговую линию Шотландии на сверхмалой высоте (10—15 м). Затем «мессершмитт» увеличил высоту. Гесс, судя по всему, заблудился и начал летать зигзагами. Он пролетел над британской военно-морской базой, где, по словам Гесса, увидел «стройный ряд крейсеров». По непонятным причинам британская зенитная артиллерия огонь не открывала.

Гесс позже утверждал, что над Шотландией за ним на дистанции 5 км следовал британский истребитель «Спитфайр». Тот был легче, маневренней Me-110 и имел большую скорость. В случае атаки у Me-110 не было шанса уйти. Тем более что на двухмоторной тяжелой машине Гесс летел один, без кормового стрелка. Но «Спитфайр» вел себя вполне корректно.

Гесс планировал посадить Me-110 на взлетную полосу в имении герцога Гамильтона в Дангевел Хаус. Но из-за того, что он длительное

время потратил на поиски имени Гамильтона и израсходовал все топливо, пришлось прыгать с парашютом.

Любопытный нюанс: первоначально англичане утверждали, что Гесс сбросил подвесной топливный бак еще над морем. На самом деле Me-110 упал с подвесным топливным баком. Деталь крайне важная. Если бы Гесс летел в один конец, то он действительно еще над морем сбросил бы подвесной бак — тот создавал дополнительное сопротивление воздуха и был бы серьезной помехой в воздушном бою. Тем не менее Гесс сохранил уже ненужный дополнительный бак. Это можно было сделать лишь для того, чтобы позже вернуться обратно в Германию, после выполнения миссии.

Что произошло после посадки, точно неизвестно до сих пор. Гесс оказался в руках людей Черчилля. Кстати, премьер так и заявил в парламенте: «Гесс — мой пленник». В британской прессе появились скудные и противоречивые данные о миссии Гесса. При поступлении из Лондона сообщения о том, что герцог Гамильтон отказался признать свое знакомство с Гессом, у Гитлера вырвалось восклицание: «Какое лицемерие! Теперь он его не хочет знать!»

В разговорах о полете Гесса в штабе Гитлера под большим секретом передавалось, что Гесс взял с собой в Англию меморандум об условиях мира с Англией, составленный им и одобренный Гитлером. Суть меморандума сводилась к тому, чтобы Англия предоставила Германии свободу действий против Советской России, а Германия, со своей стороны, соглашалась гарантировать Англии сохранение ее позиций в колониальных владениях и господство в Средиземноморском бассейне. В этом меморандуме, кроме того, подчеркивалось, что союз «великой континентальной державы Германии» с «великой морской державой Англией» обеспечит им господство над всем миром.

Теперь Гитлеру ничего не оставалось делать, как объявить Гесса сумасшедшим.

14 мая НКГБ получил информацию от Анатолия Горского, который руководил «кембриджской группой», что «от Сони [Филби] получена информация, что Гесс при прибытии в Англию заявил, что прежде всего он рассчитывает обратиться к Гамильтону... Гамильтон входит в так называемую Кливденскую клику». Далее сообщалось о первой беседе заместителя министра иностранных дел Киркпатрика с Гессом, но ничего не говорилось о подробностях мирных предложений, с которыми он прибыл. Через несколько часов поступило более точное и деловое сообщение о предложениях Гесса со ссылкой на информацию, полученную

Филби в личной беседе со своим другом Томом Дюпри, который был заместителем начальника департамента прессы в Форин офисе.

В ходе своей беседы с офицерами английской военной разведки Гесс заявил, что он прибыл в Англию, чтобы предложить компромиссный мир, целью которого было бы прекратить бедствия двух воюющих сторон и сохранить Британскую империю как стабилизирующую силу. Гесс объявил, что он по-прежнему лоялен Гитлеру. В разговоре с Киркпатриком Гесс заявил, что война между двумя нордическими нациями является преступной и что он верит, что в Англии имеется мощная античерчиллевская партия, которая хочет мира и которая с его прибытием получит мощный стимул в борьбе за мир.

В справке НКГБ от 22 мая 1941 г. говорится: «Бивербрук и Иден посетили Гесса, но официальными сообщениями это опровергалось»^{199}.

Так что переговоры с Гитлером «на высшем уровне» велись. Другой вопрос, что не с теми политиками, на которых надеялись Гесс и Гитлер. Тот же герцог Гамильтон был отправлен в почетную ссылку послом в Вашингтон.

Стоит обратить внимание и на время полета Гесса. 30 апреля Гитлер окончательно установил дату нападения на СССР — 22 июня 1941 г.

Глава 33

«БРИТАНСКИЙ СОЮЗНИК»

Вечером в пятницу 20 июня 1941 г. премьер-министр Англии Уинстон Черчилль, как обычно, отправился на свою виллу в Чекере. На следующий день к нему прибыли члены правительства Антони Идеи, Стаффорд Криппс, лорд Бивербрук, лорд Крэнбори и американский посол Уайнант, который привез Черчиллю сообщение от Рузвельта, что президент поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника».

Личный секретарь Черчилля Колвилл, дежуривший в те дни в Чекере, позже вспоминал, что в субботу, прогуливаясь с Черчиллем по крокетной площадке, он спросил его, не будет ли для него, злейшего врага коммунистов, отступлением от принципа поддержка Советского Союза в войне против Германии, на что Черчилль дал знаменательный ответ: «Нисколько. У меня лишь одна цель — уничтожение Гитлера, а это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я в палате общин по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане»^{200}.

Как видим, в Лондоне прекрасно знали дату нападения Германии на СССР.

Вечером 22 июня Черчилль в своем выступлении по радио заявил: «Мы поможем России и русскому народу всем, чем только сможем. Опасность для России — это опасность для нас и для Америки, и борьба каждого русского за свой дом и очаг — это борьба каждого свободного человека в любом уголке земного шара»^{201}.

12 июля было подписано соглашение о совместных действиях правительств СССР и Англии в войне против Германии. По этому соглашению обе стороны обязывались оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в этой войне, а также не вести переговоров и не заключать с Германией сепаратного перемирия или мира.

Постепенно советско-британские отношения налаживались, хотя Черчилль не всегда способствовал этому. Так, например, при обсуждении вопроса о заключении соглашения от 12 июля 1941 г. Черчилль выдвинул предложение на тот случай, если СССР все-таки устоит, включить в соглашение пункт, предусматривавший пересмотр его границ на мирной конференции после войны. Британский премьер подразумевал отторжение

от СССР тех территорий, которые вошли в его состав в 1939—1940 гг. Тогда британский военный кабинет не поддержал премьера, но выдвижение Черчиллем вопроса о наших границах весьма симптоматично.

В начале июля 1941 г. в Англию была направлена советская военная миссия. Ее возглавил генерал Ф.И. Голиков, в состав вошли адмирал Н.М. Харламов, полковник Н.Н. Пугачев и другие.

Позже маршал Ф.И. Голиков писал в своих мемуарах, что речь шла прежде всего о том, чтобы договориться с английским правительством об организации совместных действий против общего врага. Миссия должна была поставить вопрос о последовательном осуществлении следующих операций:

Операция № 1 — создание общего с англичанами фронта на севере Европы. На этот фронт англичане могли бы направить военно-морской флот, авиацию и несколько дивизий пехоты. Советское правительство считало целесообразным занятие союзниками в ближайшее время островов Шпицберген и Медвежий, что было необходимо для обеспечения морских коммуникаций между СССР и Англией, а также между СССР и США.

Операция № 2 — высадка значительного контингента английских войск на севере Франции. Правительство СССР поручило военной миссии при обсуждении этого пункта передать правительству Англии, что оно считает особенно важным осуществление «французской операции», то есть высадки английских войск на французской территории если не сейчас, то хотя бы через месяц.

Операция № 3 — боевые действия английских войск на Балканах. По срокам и по выделенным силам эта операция должна была занимать второстепенное место.

С британской стороны в переговорах участвовали начальник Генштаба вооруженных сил генерал Дилл, начальник штаба ВВС адмирал Паунд и эпизодически — министр иностранных дел Идеи со своим заместителем лордом Кадоганом.

Увы, английские военные уклонились от конкретных договоренностей. Тем не менее британское правительство в конце июля 1941 г. решило передать СССР 200 истребителей «Томагавк» из тех, что поставили Англии Соединенные Штаты. Советская миссия добивалась, чтобы англичане передали СССР и 700 «Томагавков», находившихся в то время в Каире, но англичане отказались, ссылаясь на недостаток боевых самолетов на Ближнем Востоке.

В конце сентября — начале октября 1941 г. в Москве состоялась трехсторонняя конференция представителей СССР, Англии и США. В

первый же день пребывания миссии в Москве лорд Бивербрук и Аверелл Гарриман были приняты главой Советского правительства. При этом Гарриман передал И.В. Сталину личное послание президента Рузвельта.

В ходе беседы, сделав обзор военного положения, Сталин добавил, что немцы будут добиваться превосходства в танках, поскольку без поддержки танков германская пехота слаба по сравнению с советской. Из необходимой Советскому Союзу боевой техники Сталин поставил на первое место танки, а на второе — противотанковые орудия, затем — средние бомбардировщики, зенитные орудия, истребители и разведывательные самолеты, а также колючую проволоку.

Обращаясь к лорду Бивербруку, Сталин особо подчеркивал значение более активных действий Англии и ее военного сотрудничества с СССР. Генсек предложил послать английские войска в СССР, что бы, присоединившись к советским, они сражались вместе на Украине. Лорд Бивербрук заметил, что британские дивизии, дислоцированные в Иране, могут в случае необходимости передвинуться на Кавказ. Но Сталину это предложение не понравилось, и он заявил: «На Кавказе нет войны, война идет на Украине».

Как видим, ни Англия, ни США не собирались оказывать серьезную поддержку СССР, который фактически в одиночку сражался с Германией. Тем не менее эти встречи заложили основу военного сотрудничества СССР, Англии и США в течение всей войны.

Конкретная военная помощь англичан в борьбе с немцами имела место лишь на Севере. 4 августа 1941 г. в главную базу Северного флота Полярное прибыла первая британская подводная лодка «Тайгрис», а 10 августа — вторая — «Трайидент». «Тайгрис» совершила три боевых похода и убыла домой 20 октября того же года. «Трайидент» также выполнила три похода и убыла в Англию. Им на смену 6 ноября 1941 г. прибыла подводная лодка «Силайн», а 11 ноября — «Сивульф». Они совершили по два похода и окончательно ушли из Полярного в декабре 1941 г.

24—25 ноября 1941 г. отряд кораблей в составе английского крейсера «Кения», английских эсминцев «Бедуин» и «Интрепид», а также советских эсминцев «Громкий» и «Гремящий» под командованием адмирала Барроу произвел поиск германских кораблей в районе остров Варде — мыс Нордкап и обстрелял береговые батареи на острове Варде.

Замечу, что британские корабли ходили на Север не специально для проведения операций, а в составе конвоя.

В начале сентября 1941 г. в Полярное прибыло британское 151-е авиакрыло в составе 40 истребителей «Харрикейн». В сентябре и октябре

летчики этого авиакрыла совершили 411 самолето-вылетов, сбили в воздушных боях 15 германских самолетов, потеряв при этом одну свою машину. С 28 ноября по 1 декабря английские летчики и обслуживающий персонал убыли в Англию, а 36 оставшихся «Харрикейнов» были переданы Северному флоту.

В 1942 г., после разгрома конвоя PQ-17, британское командование решило усилить воздушное прикрытие, встречавшее караваны у советского берега. Наряду с 210-м дивизионом, оснащенным амфибиями «Каталина», и подразделением разведчиков «Спитфайр» PRU в Заполярье отправились два дивизиона торпедоносцев «Хэмпден». 32 торпедоносца вылетели с аэродрома Сумбург на Шетландских островах и взяли курс на аэродром Африканда на Кольском полуострове. В качестве запасных были определены аэродромы в Белом и Гремике. Каждый самолет кроме четырех членов экипажа нес также по одному технику. До советских аэродромов в Африканде, Кандалакше и Мур-машах добрались только 23 «Хэмпдена».

14 сентября все «Хэмпдены» совершили свой первый и единственный боевой вылет с советской территории — в течение 7 часов патрулировали подходы к Альтенфьорду, но встреч с противником не имели.

Командиру 455-го дивизиона подполковнику Линдемону удалось убедить руководство RAF в нецелесообразности перелета торпедоносцев обратно в Шотландию. А пока шла переписка, 29 сентября шесть истребителей Me-109 и восемь Me-110 сбросили 12 фугасных бомб на аэродром Ваенга. Три «Хэмпдена» были уничтожены и девять повреждены.

1 октября 1942 г. советская сторона сделала официальное предложение о передаче торпедоносцев. 6 октября премьер-министр Черчилль утвердил решение о предоставлении оставшихся самолетов СССР.

В 1942—1944 гг. британские крейсера, эсминцы и другие корабли, эскортировавшие конвой, заходили в Полярное и несколько раз атаковывали германские подводные лодки в Баренцевом море.

Осенью 1941 г. Красная армия и британские войска предприняли совместную операцию по захвату Ирана. 19 июля 1941 г. британское и советское правительства приступили к обсуждению деталей вторжения в Иран. Для дипломатического прикрытия вторжения Великобритания и СССР предприняли ряд совместных дипломатических демаршей 19 июля и 16 августа, потребовав «высылки немцев из Ирана», которых к августу 1941 г. насчитывалось, по советским данным, до 5 тысяч человек. Персы вывезли всех немцев из страны в Турцию, но это, естественно, им не помогло.

На рассвете 25 августа 1941 г. 47-я и 44-я армии начали с севера

вторжение в Иран. В районах Астари и порта Похлеви (бывший Эн-зели) высадился десант Каспийской флотилии. 29 августа иранские вооруженные силы капитулировали перед англичанами, а 30 августа — перед Красной армией. Советские части к этому времени вышли на линию Мехабад — Казвин, а 53-я армия Среднеазиатского военного округа вышла на рубеж Сари — Дамган — Сабзевар и продвинулась за Мешхед. Англичане взяли под свой контроль Хузестан, заняли Кер-маншах и Хамадан, а также продвинулись к Сенендеджу и в порты Персидского залива.

Первое время поставки оружия из Англии и США Советский Союз оплачивал золотом, но в ноябре 1941 г. правительство США распространило действие закона о ленд-лизе на СССР.

За наличный расчет и по ленд-лизу Англия поставила в СССР 3894 истребителя: типа «Харрикейн»: МК.IIB — 1557 шт. и iМК.IIC — 1009 шт. (1941-1942 гг.); типа «Спитфайр» Mk.VB - 143 шт. (1942-1943 гг.) и типа МК.IXC - 1185 шт. (1944 г.).

Первые британские танки прибыли в Советский Союз на судах конвоя PQ-1. Конвой прибыл в Архангельск 11 октября 1941 г. Он доставил 20 танков Mk.II «Матильда» и Mk. III «Валентайн».

К 8 декабря 1941 г. из Англии в СССР доставили 142 «Матильды» и 182 «Валентайна».

Прибытие и использование английских танков хорошо иллюстрирует таблица по состоянию на 3 марта 1942 г. [\[202\]](#)

Таблица 3

Использование английских танков

Тип танка	Mk.IV	Mk. II	Mk.III	Mk.VII	Итого
Поступило в порты Севера	124	835	1086	—	3709
Поступило в порты Юга	—	—	293	20	904
Выдано формирующимся частям	40	22	7	—	158
Выдано на фронт	42	652	1109	20	3605

Всего в 1941 г. в СССР было отправлено английских танков: «Валентайн» — 3782 (из них канадского производства — 1388), «Матильда» — 1084, «Черчилль» — 301, «Кромвель» — 6, «Тетрарх» —

20.

При проводке северных конвоев было потеряно 320 «Валентайнов», 43 «Черчилля», 252 «Матильды» и 224 бронетранспортера «Универсал».

Всего за войну в Россию было доставлено танков:

«Валентайн» Mk.III - 2590 (1941-1943 гг.);

«Матильда» Mk.II - 1084 (1941-1943 гг.);

«Черчилль» Mk.III - 301 (1942-1943 гг.);

«Тетрарх» Mk.VII — 20 (1942 г.);

«Кромвель» — 6.

Бронированных тягачей «Универсал» — 1212.^[71]

При советской власти бронетехнику ленд-лиза было модно ругать, зато с началом «перестройки» ее начали превозносить до небес. Вот в Интернете я нашел статью Семена Золотарева «Правда о ленд-лизе». У него ветераны дружно восхваляют ленд-лизовские танки. Так, ветеран Сергей Порядочный, «воевавший на Ленинградском фронте» в составе 45-го механизированного корпуса, пишет, что в ходе тяжелых боев у Ропши в их корпус поступили английские танки «Матильда» и «Валентин» и, американский тяжелый танк М-26. Дальше следуют восхищенные отзывы об обоих британских танках и особенно о М-26.

Ну что ж, ветерану мог понравиться «Валентайн», а не «Валентин». Но американский танк М-26 пошел в производство только в начале 1945 г. и уж в боях под Ропшей никак не мог участвовать. Да и 45-й механизированный корпус РККА был расформирован 1 февраля 1940 г., а нового корпуса с таким номером во время войны не сформировывали.

Я приведу несколько замечаний о британских танках из секретных отчетов ГБТУ. Вот, к примеру, выдержки из доклада начальника штаба управления бронетанковых войск полковника Ульянова от 19 октября 1943 г.: «Опыт боев показал, что успешное применение танков МК-2 и МК-3 на поле боя без взаимодействия их с отечественными машинами малоэффективно. Вызвано это тем, что задачу уничтожения пехоты, подавление огневых точек танки МК-2 и МК-3 полностью выполнить не могут, так как они не имеют достаточно мощного противопехотного огня. Подавлять огневые точки и живую силу противника танки могут только пулеметным огнем. 40-мм пушка, поставленная на танки, имеет снаряды только бронебойные (болванки) и вести эффективную борьбу с противотанковой артиллерией, огневыми точками с перекрытиями не может.

Сила танка заключается в маневренности, броневой защите и огне; этими качествами танки типа МК-2 и МК-3 полностью не обладают. Танк

МК-2 малоподвижен; танк МК-3 более подвижен, но его отрицательной стороной является то, что средством борьбы с пехотой служит только пулеметное вооружение. Зачастую танки МК-2 и МК-3 несут потери от ПТО [противотанковой обороны] лишь только потому, что защитить себя огнем пушек они не могут. ПТО открывает огонь с дистанции 600—800 м, тогда же как танки подавить ПТО с такой дистанции, да еще с ходу, не могут (на такую дистанцию огонь с ходу малоэффективен)»^{203}.

В связи со слабостью британских танковых пушек ОКБ-92 в Горьком в 1941 г. получило заказ на их перевооружение. В декабре 1941 г. были испытаны танк «Валентайн» с установкой ЗИС-95—45-мм танковой пушкой 20К и спаренным пулеметом ДТ, и «Матильда» с установкой ЗИС-96—76-мм танковой пушкой Ф-34 и спаренным пулеметом ДТ

Обе установки приняли на вооружение, и был выдан заказ на первую партию в 100 установок ЗИС-95. Однако из-за острой нужды в 45-мм танковых пушках для танков Т-70 и 76-мм пушках для танков Т-34 и КВ в серию установки ЗИС-95 и ЗИС-96 так и не пошли.

Кроме танков британская промышленность поставила Красной армии около 5 тысяч противотанковых пушек, 4 тыс. военных радиостанций и т.д.

В мае 1944 г. англичане передали советскому флоту линкор «Роял Соверен» (постройки 1916 г.) и четыре подводные лодки. Еще один легкий крейсер «Милоуки» (1923 г. постройки) и 9 эсминцев (постройки 1919 г.) передали Северному флоту США.

В результате огневая мощь Северного флота возросла в несколько раз. Ай да молодцы союзники!

Увы, на самом деле имел место обман. Эти корабли были поставлены СССР в счет раздела между союзниками итальянского флота, сдавшегося англичанам в сентябре 1943 г.

Среди сдавшихся итальянских кораблей были два новейших линкора — «Литторио» и «Витторио Венето», вступивших в строй уже в ходе войны, а также десятки новейших крейсеров и эсминцев. И уже поздней осенью 1943 г. (!) они могли прибыть в Полярное.

Ведь потери России в войне были огромные — свыше 20 млн. убитыми. Для сравнения, потери Англии в армии и на флоте составили 429,5 тыс. человек, из них жителей собственно Англии — 286,2 тыс., а остальные из населения британских колоний.

Ущерб от войны стран Европы — 260 млрд. долларов. Из них на СССР приходится 128 млрд. долларов, то есть половина от всей Европы. А ущерб Англии — 6,8 млрд. долларов^{204}.

Почему бы не отдать новые итальянские корабли стране, которая сдерживала основную мощь Германии? А может, союзникам самим нужны были современные итальянские корабли? Увы, нет, они не ввели в состав своих флотов ни одного большого итальянского корабля. Так, те же «Литторио» и «Витторио Венето» 5 лет гнили у причалов и были списаны в первой половине 1948 г.

Столь же издевательски поступили союзники и после войны при разделе германского флота. Они предпочли затопить или пустить на слом сотни первоклассных немецких кораблей и подводных лодок, но не передавать их своему союзнику, в верности которому они так распинались в течение четырех лет.

Раздел флотов Италии и Германии не был главной пакостью «британского союзника», но, на мой взгляд, этот пример достаточно характерен.

Летом 1944 г. контролируемое англичанами польское эмигрантское правительство в Лондоне решило силами Армии Крайовой провести операцию «Буря». Подразделения Армии Крайовой, с 1939 г. «державшие ружье у ноги», то есть затаившиеся в подполье, должны были захватить оставленные немцами крупные города еще до подхода советских войск и установить там власть лондонского правительства. Причем эта акция проводилась как на территории собственно Польши, так и на территории СССР. Так, «Аковцы» в июле 1944 г. безуспешно пытались захватить Вильнюс, чтобы затем присоединить его к Польше.

Главным элементом операции «Буря» стало Варшавское восстание начатое поляками 1 августа 1944 г. После захвата города и прилегающих аэродромов туда должны были быть переброшены из Шотландии польская воздушно-десантная бригада, а затем и другие части. На захваченные аэродромы должны были перелететь британские и американские истребители и бомбардировщики.

У германских генералов не хватило ума подыграть панам и эвакуировать свои части из района Варшавы.

Тогда перед Сталиным встала бы дилемма — или признать эмигрантское правительство в Варшаве, или начать полномасштабные действия против войск Армии Крайовой в этом районе.

Отдать Польшу лондонскому правительству было физически невозможно хотя бы из-за его непризнания новых границ СССР. Напомню, что отряды Армии Крайовой к 1 августа 1944 г. фактически вели партизанскую войну против Красной армии на территории СССР.

В свою очередь, уничтожение в большом городе стотысячной польской

армии потребовало бы несколько недель и участия нескольких советских армий, а то и фронтов. Нетрудно догадаться, как стали бы действовать американские и британские пилоты «Москито» при бомбардировке польских аэродромов в районе Варшавы советской авиацией. Начались бы воздушные бои. Бомбардировщики Б-24 и Б-17 начали бы бомбить позиции советских войск, и пошло-поехало... Дальнейший сценарий Третьей мировой войны я предлагаю продумать самим читателям.

Послевоенный германский историк Михель Фройнда заявил: «Подавляя польское восстание, немцы выручили "Советы", вместо того чтобы самим уйти из города и оставить в нем армию партизан».

Однако командование вермахта проявило политическую близорукость и оперативно подавило Варшавское восстание. Но и тут английские политики и СМИ обвинили Москву, мол, надо было завалить немцев трупами советских солдат и идти выручать части Армии Крайовой.

В конце войны британское командование, будучи не в силах оперативно захватить территории, где капитулировали германские или японские войска, под угрозой расстрела заставляло их воевать против местных партизан до подхода англичан или американцев. К примеру, так было на греческих островах в Эгейском море, в Голландской Индии, Малайе и Индокитае.

Глава 34

ЗАЧИНЩИКИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

В ходе Крымской конференции, состоявшейся 4—11 февраля 1945 г. в Ялте, главы союзных правительств договорились о принципах послевоенного урегулирования в Европе, в том числе и зонах влияния государств антигитлеровской коалиции.

Однако в мае 1945 г. Черчилль предложил американцам надавить на Сталина, шантажируя его отказом от эвакуации американских войск, вошедших в советскую зону оккупации (Тюрингию и другие германские земли).

«Черчилль считал необходимым провести встречу на высоком уровне и добиться от правительства СССР принятия английских и американских требований относительно Польши и ряда других стран Восточной и Юго-Восточной Европы, имея в виду подавление развивающейся в этих странах революции и сохранение капиталистического строя. Это явилось бы грубейшим нарушением лишь недавно заключенных тремя великими державами соглашений. Но Черчилля это не смущало. "Было бы катастрофой, — пишет он, — если бы мы твердо соблюдали все свои соглашения".

Реализация предложенного Черчиллем плана могла привести к возникновению войны между Англией, США и СССР. Черчилль прекрасно отдавал себе в этом отчет. Более того, он дал указание своим военным советникам изучить возможности и перспективы такой войны.

Английский фельдмаршал Аланбрук 24 мая 1945 г. записал в своем дневнике: "Сегодня вечером я внимательно просмотрел доклад о возможности открытия военных действий против России в случае, если в ходе дальнейших переговоров с ней возникнут осложнения. Нам было поручено провести такое исследование".

Встречавшийся в это время с Черчиллем личный представитель президента США Дэвис докладывал президенту, что целью английского премьера является "использовать присутствие американских войск и их выдвинутые вперед позиции как средство заставить Советы пойти на уступки... Он готов пойти на огромный риск, который содержится в этой азартной игре. Позиция Черчилля создает реальную угрозу миру не только в будущем, но и сейчас"»[{205}](#).

По приказу Черчилля в британской зоне оккупации в лагерях военнопленных была сохранена структура вермахта, рядом складировалось трофейное германское оружие. Дошло до того, что в городе Фленсбурге 5 июня 1945 г. начало функционировать германское правительство во главе с гроссадмиралом Карлом Деницем, которого Гитлер перед самоубийством назначил своим преемником. Однако твердая позиция советского правительства сорвала планы Черчилля. Ну а сами англичане с треском провалили его правительство на парламентских выборах 5 июля 1945 г., и 26 июля место Черчилля на Потсдамской конференции занял новый премьер — лейборист Клемент Этли.

Черчилль вышел в отставку, но продолжил политическую деятельность. 5 марта 1946 г. в Фултоне (штат Миссури, США) он произнес знаменитую речь, положившую начало «холодной войны» между Западом и СССР. «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах так называемой "советской сферы", все они в той или иной форме подчинялись не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы...

Ни уверенность в предотвращении войны, ни непрерывное повышение уровня мировой организации не будет получено без братского объединения англоговорящих народов. Это означает особые отношения между Британским Содружеством наций и США».

Упоминание Черчилля об англосакской расе достаточно завуалировано, но в нем проскальзывают и нотки британского поэта Киплинга:

Твой жребий — Бремя Белых!
Как в изгнание, пошли
Своих сыновей на службу
Темным сынам земли;
На каторжную работу —
Нету ее лютей, —
Править тупой толпою
То дьяволов, то детей.

Английский писатель Бернанд Шоу считал, что речь Черчилля

равносильна неофициальному объявлению войны России. В Советском Союзе это расценивали также. 14 марта 1946 г. И.В. Сталин в интервью корреспонденту «Правды» заявил: «По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок, — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство Гитлеров господством Черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство.

Трагедия господина Черчилля состоит в том, что он как закоренелый тори не понимает этой простой и очевидной истины.

Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Ясно также и то, что такая установка господина Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР..

Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против

фашистского режима, за свободу народов. Господин Черчилль иногда вспоминает в своих речах о "простых людях из небольших домов", по-барски похлопывая их по плечу и прикидываясь их другом. Но эти люди не такие уж простые, как может показаться на первый взгляд. У них, у "простых людей", есть свои взгляды, своя политика, и они умеют постоять за себя. Это они, миллионы этих "простых людей", забаллотировали в Англии господина Черчилля и его партию, отдав свои голоса лейбористам. Это они, миллионы этих "простых людей", изолировали в Европе реакционеров, сторонников сотрудничества с фашизмом и отдали предпочтение левым демократическим партиям. Это они, миллионы этих "простых людей", испытав коммунистов в огне борьбы и сопротивления фашизму, решили, что коммунисты вполне заслуживают доверия народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития.

Конечно, господину Черчиллю не нравится такое развитие событий, и он бьет тревогу, апеллируя к силе. Но ему также не нравилось появление советского режима в России после Первой мировой войны. Он также бил тогда тревогу и организовал военный поход "14 государств" против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории. Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки господина Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение. Я не знаю, удастся ли господину Черчиллю и его друзьям организовать после второй мировой войны новый поход против "Восточной Европы". Но если им это удастся, — что маловероятно, ибо миллионы "простых людей" стоят на страже дела мира, — то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад».

Итак, речь в Фултоне стала началом «холодной войны». В ходе нее Англия почти непрерывно затевала «горячие» локальные войны. Вот простой перечень войн, которые вела «владычица морей» с 1945 г. по ноябрь 1956 г.:

1. Интервенция Англии и Франции в Демократическую республику Вьетнам — сентябрь 1945 г. — март 1946 г.

2. Война английских колонизаторов против бирманского народа — сентябрь 1945 г. — декабрь 1947 г.

3. Интервенция Англии и Нидерландов в Индонезийскую республику — сентябрь 1945 г. — октябрь 1946 г.

4. Интервенция США и Англии в Грецию — июль 1946 г. — октябрь 1949 г.

5. Национально-освободительная война народов Малайи против английских колонизаторов — июнь 1948 г. — декабрь 1960 г.

6. Британская агрессия в Корее. По числу самолетов и солдат Англия была там на 2-м месте после США (разумеется, если не считать южнокорейские войска).

7. Вооруженное восстание в Хадрамауте и Адене (Южная Аравия) против английских колонизаторов — 1950—1963 гг.

8. Национально-освободительная война в Кении против английских колонизаторов — октябрь 1952 г. — июль 1956 г.

9. Вторжение английских войск в Кувейт — октябрь 1953 г.

10. Национально-освободительная война народов Кипра против английских колонизаторов — апрель 1955 г. — декабрь 1959 г.

11. Национально-освободительная война народов Омана против английских колонизаторов — май 1955 г. — декабрь 1959 г.

12. Вооруженный конфликт между Англией и Саудовской Аравией — май — ноябрь 1955 г.

13. Народное вооруженное восстание в Иордании против английских империалистов — декабрь 1955 г. — март 1956 г.

14. Освободительная война Йемена против английских захватчиков — июнь 1956 г. — май 1958 г.

В 1954 г. в Египте к власти приходит полковник Гамаль Абдель Насер. Он решает в течение 15—20 лет провести индустриализацию страны и освоить целый ряд пустынных районов. Стержнем этих планов стало строительство огромной гидроэлектростанции в Асуане на реке Нил.

Но для постройки плотины в Асуане требовались огромные средства. И вот Насер обратился к Международному банку реконструкций и развития (МБРР) с просьбой о займе 1,3 млрд. долларов, по тем временам огромной суммы. Банк тогда, как и теперь, контролировался США. И тут банкиры предложили Насеру кабальные условия. Президент Египта внимательно выслушал директора МБРР Юджина Блэка, а затем сказал: «Быть может, нам предоставит кредит другая великая держава. И без унижительных оговорок».

Насер знал, что говорит. Он еще 19 октября 1954 г. добился соглашения с Англией о выводе в течение 20 лет всех британских войск из зоны Суэцкого канала. А 26 июля 1956 г. Насер объявил о национализации компании Суэцкого канала. Теперь доходы от канала должны идти на строительство Асуанской плотины.

Естественно, это не понравилось «владычице морей». И вот 8 августа 1956 г. в Лондоне под руководством генерала Стокуэла был создан

объединенный англо-французский штаб планирования войны против Египта. Там разработали план захвата Суэцкого канала под кодовым названием «Мушкетер». План был весьма оригинален. Суть его заключалась в следующем: в ночь с 29 на 30 октября 1956 г. израильские войска вторгнутся в Египет в направлении Суэца. Англия и Франция выступят с обращением к правительствам воюющих сторон, в котором потребуют от них немедленного прекращения огня и отвода войск. Если хотя бы одна из сторон отклонит это предложение, то через 12 часов англо-французские войска «предпримут соответствующие меры» с целью выполнения положений англо-египетского соглашения по обеспечению безопасности Суэцкого канала.

К 5 ноября девять бригад израильских войск оккупировали весь Синайский полуостров.

30 октября правительства Великобритании и Франции в ультимативной форме потребовали от египетского командования отвода войск от Суэцкого канала на 16 километров, а затем ввода своих войск в зону канала якобы для защиты его от разрушений. Причем в ультиматуме даже не содержались требования о немедленном выводе израильских войск с Синайского полуострова. Естественно, что египетское правительство не ответило на ультиматум.

На следующий день англо-французская авиация начала бомбардировки военных и промышленных объектов Египта, применив для этого 300 английских и 240 французских самолетов. Первые удары наносились по аэродромам Альмаза, Абу-Суэйр, Инхас и Кабрит.

В результате первых авиаударов англо-французской авиации удалось уничтожить более ста египетских самолетов. Превосходство союзных летчиков-профессионалов над египтянами было полное. Неприятности у союзников происходили лишь при встрече с самолетами, пилотируемыми советскими инструкторами. Так, еще 30 октября истребитель МиГ-15 сбил британский разведчик «Канберра». Через два дня десять британских истребителей «Хантер» атаковали над окраиной Каира три бомбардировщика Ил-28. Заработали носовые и кормовые 23-мм пушки Нудельмана-Рихтера, и два «охотника» разлетелись на куски.

К 1 ноября в бой вступила специально переброшенная СССР группа истребителей МиГ-17, которым 2 и 3 ноября удалось сбить несколько английских самолетов.

К 3 ноября англо-французской авиации удалось завоевать господство в воздухе. Потеряв большое число самолетов, главным образом на земле, египтяне приняли решение рассредоточить оставшиеся боевые машины.

6 ноября англо-французские силы высадили морской и вертолетный десант в Порт-Саиде. 7 ноября союзники захватили Порт-Саид и продвинулись вдоль Суэцкого канала на 35 км. Авиация с аэродромов Кипра, Мальты и с авианосцев прикрывала высадку морского десанта, блокировала аэродромы противника, наносила удары по скоплениям живой силы и техники. С 8 по 20 ноября в Порт-Саиде высадились войска союзников второго эшелона — до 25 тысяч человек, 76 танков, 100 бронемашин и более 50 орудий крупного калибра. Общая численность десанта превысила 40 тысяч человек.

Оказавшись в безвыходном положении, Насер направил президенту США Дуайту Эйзенхауэру, Председателю Совета Министров СССР Николаю Булганину, премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру и президенту Индонезии Сукарно послания с призывом о помощи. Первым двум — как руководителям великих держав, способным воздействовать на агрессора, двум другим — как лидерам движения неприсоединения.

США на срочном собрании в тот же день заседания Совета Безопасности призвали всех его членов, в том числе Англию и Францию, воздержаться от применения силы. Одновременно Израилю предлагалось отвести войска в пределы национальных границ.

И тут янки, желавшие под личиной миротворцев взять под контроль канал, попали в ловушку. Утром 5 ноября министр иностранных дел Д. Шепилов направил телеграмму председателю Совета Безопасности, в которой говорилось, что если в течение 12 часов не будут прекращены боевые действия и в трехдневный срок не будут выведены войска агрессора с египетской территории, то все члены ООН, и «прежде всего СССР и США», окажут Египту военную поддержку. Советский Союз, подчеркивалось в телеграмме, готов уже сегодня предоставить «жертве агрессии» помощь путем «посылки военно-морских и военно-воздушных сил, воинских частей, добровольцев, инструкторов, военной техники»^{206} и т.д.

Вечером того же дня по личному указанию Хрущева были отправлены специальные послания главам правительств Англии, Франции и Израиля, в которых говорилось, что война с Египтом «может перекинуться на другие страны и перерасти в третью мировую войну», в которой может быть использована «ракетная техника». СССР не исключал возможности «применением силы сокрушить агрессора и восстановить мир на Востоке». Поздней ночью в МИД были вызваны послы стран-агрессоров, где им в довольно суровом тоне было изложено «первое и последнее предупреждение».

Советское предупреждение вызвало шок. Позже Сергей Хрущев писал: «...в Лондоне и Париже послание произвело эффект разорвавшейся бомбы. Ги Молле подняли с постели. Прочитав официальный текст, а главное — сопровождавший его комментарий с конкретными подсчетами, сколько ядерных зарядов потребуется для уничтожения Франции, премьер-министр бросился к телефону звонить в Лондон. В британской столице царил такая же нервная обстановка.

Всю ночь продолжались консультации, и так и сяк прикидывали, насколько реальна угроза вмешательства Советского Союза, применения им атомного оружия? После заявления Вашингтона о своем невмешательстве они остались одни»^{207}.

Была угроза Хрущева применить ядерные ракеты блефом? И да, и нет. С одной стороны, Хрущев не желал доводить дело до применения ядерного оружия. С другой стороны, в 1956 г. на боевом дежурстве находилось 24 ракетных комплекса Р-5М (8К51) с ядерными боевыми частями, способных с территории ГДР поразить любой объект во Франции и Англии. Замечу, что в ходе учебного пуска 2 февраля 1956 г. ракета Р-5М пролетела 1200 км и поразила цель в районе Аральского моря боеголовкой мощностью в 80 килотонн. Это был первый в истории пуск ракеты с ядерной боевой частью.

Кроме того, в СССР имелись ракеты более раннего типа Р-5 с той же дальностью, но с головной частью с боевыми радиоактивными веществами («Генератор-5»). Ядерный удар по любому объекту в Западной Европе могли нанести и бомбардировщики дальней авиации Ту-4 и Ту-16, то есть средства для обращения Франции и Англии в радиоактивную пустыню у Хрущева были.

И уже на следующий день Никита Сергеевич получил послания из Англии и Франции, в которых премьер-министры А. Иден и Ги Молле сообщали о прекращении огня в ночь с 6 на 7 ноября 1956 г. А 8 ноября аналогичное послание пришло и от израильского премьера Бен Гуриона.

Союзники попытались оставить свои войска на египетской территории на неопределенный срок. По сему поводу появилось заявление ТАСС, в котором говорилось: если агрессоры не выведут свои войска с захваченных территорий, то компетентные органы Советского Союза не станут препятствовать выезду в Египет «добровольцев», желающих помочь дружественному народу в борьбе против колонизаторов. Понятно, что речь шла о регулярных войсках.

В результате 23 ноября началась и уже через месяц полностью завершилась эвакуация англо-французских войск из Египта, а последний израильский солдат покинул Синай 7 марта 1957 г.

31 января 1957 г. Египет разорвал последнее соглашение с Англией о сотрудничестве в эксплуатации Суэцкого канала. Сам канал был расчищен от мин и затопленных судов с помощью советских специалистов, и 29 марта 1957 г. по нему вновь пошли корабли.

Я столь подробно остановился на англо-французской агрессии против Египта по двум причинам: это был первый случай «ракетной дипломатии» Хрущева и одновременно последний случай, когда Англия действовала против политики СССР самостоятельно, то есть без контроля США.

Далее Англия будет вести еще множество колониальных войн, но только с согласия США. Дальше самостоятельной британской внешней политики не будет, но Форин офис позволит себе периодически колебаться в «коридоре», отведенном ему Госдепартаментом США. «Британский союзник» покорно шлет свои войска в Иран, в Афганистан и далее везде, куда потребует Вашингтон.

Глава 35

КАК АНГЛИЯ СТАЛА ЯДЕРНОЙ ДЕРЖАВОЙ

Еще в августе 1948 г. правительство Англии подписало соглашение с США на размещение американских военных баз в восточной части Англии. Таким образом, первый раз в истории Англии иностранные войска вступили на ее территорию в мирное время. В Англии базировались американские «летающие крепости» Б-29, Б-50 и Б-36, имевшие на борту как обычные, так и ядерные бомбы. В 1950-х годах их сменили американские реактивные бомбардировщики Б-47 и Б-52.

13 мая 1949 г. Палата общин ратифицировала пакет договоров о создании в Англии четырех ракетных баз. Четыре эскадрильи ракетных комплексов «Тор» с боезапасом по 15 ракет в каждой базировались в южной части Англии (Йорк, Линкольн, Норвич, Нортгемптон). Всего там было размещено 60 ракет. Баллистические ракеты средней дальности «Тор» могли поражать из Англии большую часть европейской территории СССР. Однако в 1963 г. эти ракеты были выведены из Англии согласно негласному соглашению Кеннеди и Хрущева в ходе Карибского кризиса.

Поскольку американцы не пожелали делиться со своими британскими союзниками атомным секретом, в январе 1947 г. в Англии начались полномасштабные работы по созданию ядерного оружия. 3 октября 1952 г. на острове Монте-Белло (северо-западнее Австралии) в ходе операции «Харрикейн» («Ураган») была взорвана первая британская атомная бомба. Ядерный заряд мощностью около 25 килотонн был помещен на списанном фрегате «Плимут». От фрегата, естественно, почти ничего не осталось.

Первым носителем британского ядерного оружия должен был стать четырехмоторный реактивный бомбардировщик средней дальности. В 1947 г. начались работы по созданию сразу трех типов таких бомбардировщиков, получивших название «Вэлиент», «Вулкан» и «Виктор». Они совершили свой первый полет, соответственно, 18 мая 1951 г., 30 августа 1952 г. и 24 декабря 1952 г. Всего было изготовлено 104 «Вэлиента» и примерно по 50 «Вулканов» и «Викторов».

В октябре 1955 г. на полигоне Вумерс (Австралия) с бомбардировщика «Вэлиент» была сброшена британская атомная бомба. В том же году была сформирована первая эскадрилья «Вэлиентов». В 1956 г. четыре эскадрильи

«Вэлиентов» были переброшены на Мальту для последующей бомбардировки Египта, но из-за решительной позиции СССР им пришлось возвратиться домой.

Летом 1957 г. заступила на боевое дежурство первая эскадрилья «Вулканов», а в следующем, 1958 г. — первая эскадрилья «Викторов».

Британские генералы понимали, что быстрая эволюция истребителей-перехватчиков и зенитных ракет сделает бомбардировщики крайне уязвимыми. В связи с этим в 1954 г. фирма «Хоукер Сидделей Динамик» приступила к разработке авиационной ракеты «Блю Стил» с инерциальной системой наведения.

Стартовый вес ракеты 6,8 т. Боевая ядерная часть мощностью 4 Мт. Дальность стрельбы ракетой до 160 км. Максимальная скорость ракеты 2М. Маршевая высота полета 24—25 км. Круговое вероятное отклонение 600 м.

Испытания ракеты «Блю Стил» были проведены в 1959—1961 гг. в Австралии на полигоне Вумера. Пуски производились со стратегического бомбардировщика «Вэлиент».

В 1962 г. ракета «Блю Стил» поступила на вооружение английских стратегических бомбардировщиков «Виктор» и «Вулкан». Каждый самолет мог нести только одну ракету. К 1980 г. эти ракеты были сняты с вооружения.

15 мая 1957 г. Англия взорвала свою первую водородную бомбу. В качестве носителя ее должны были использоваться стратегические бомбардировщики и баллистические ракеты среднего радиуса действия «Блю Стрик». Эти ракеты при стартовом весе 89,4 т имели дальность полета 4800 км. Ракеты «Блю Стрик» должны были размещаться в пусковых шахтах незащищенного типа. Летные испытания «Блю Стрик» проводились на британском ракетном полигоне Вумерс в Австралии.

Однако заатлантические друзья сделали все возможное, чтобы их британский союзник остался без баллистических ракет средней дальности. Воспользовавшись финансовыми трудностями Министерства обороны Великобритании, США в 1960 г. предложили им поучаствовать в совместной разработке двухступенчатой баллистической ракеты «Скайболт». Ракета оснащалась твердотопливным двигателем. Стартовый вес ее составлял 5125 кг, дальность стрельбы 1500—1800 м, боевая часть — термоядерная. Пуск ракеты должен был производиться со стратегических бомбардировщиков США Б-52 «Стратофортресс» и Б-58 «Хастлер».

Американцы нарисовали англичанам благостную картинку: носителями «Скайболта» должны были стать уже состоявшие на

вооружении английские бомбардировщики «Виктор» и «Вулкан». Таким образом, английские ВВС могли поразить большинство целей на европейской части СССР, включая Москву, Горький, Казань и т.д.

Англичане клюнули на приманку и в том же 1960 г. прекратили все работы над ракетой средней дальности «Блю Стрик». Обрадованные «сыны Альбиона» дали деньги на «Скайболт», а 1 июня 1960 г. правительство консерваторов заключило договор с США о базировании американских подводных лодок с баллистическими ракетами «Пола-рис» в заливе Холи-Лох в Шотландии.

Однако янки в очередной раз надули бывшую метрополию. В 1962 г. без консультации с союзниками работы над ракетой «Скайболт» были прекращены. А англичанам янки предложили подождать несколько лет, пока США доведут до ума и поставят англичанам морские ракеты «Поларис А-3».

Делать нечего, и Лондон, скрепя сердце, в феврале 1963 г. выдал заказ своим судостроительным заводам на строительство четырех ядерных подводных лодок типа «R». Ракеты «Поларис» А-3 для них поставляли США, а атомные боеголовки изготавливались в Англии.

Первая из лодок — «Резолюшен» — была заложена 26 февраля 1964 г., а 2 октября 1967 г. вошла в строй. Последняя из серии — «Ревендж» — вошла в строй 15 ноября 1968 г. Эти четыре подлодки и составили стратегические ядерные силы Великобритании.

С конца 1960-х годов стратегические бомбардировщики типа «V» постепенно сдавались на лом или переоборудовались в самолеты-заправщики. Последние бомбардировщики «Вулкан» англичане пытались использовать против аргентинцев в ходе Фолклендской войны 1982 г. Боевое применение их оказалось неудачным, и в конце того же года их сняли с вооружения.

В 1986—1998 гг. взамен четырех атомных подводных лодок типа «R» были построены четыре атомные подводные лодки типа «V». Первая — «Вангэрд» — вошла в строй в 1993 г. Вместо ракет «Поларис» А-3 новые лодки несли по 16 баллистических ракет «Трайидент II D5». Их боевая часть содержит до 8 ядерных боеголовок и устройство преодоления ПРО.

Кроме того, в британском флоте к 2009 г. состояло 14 ядерных подводных лодок — носителей крылатых ракет «Томагавк».

С 1998 г. подводные лодки типа «V» находятся в следующем режиме: одна подводная лодка — на боевом дежурстве, две — в базе в высокой степени готовности (достать до России они могут и из базы), а одна — в ремонте.

Со своей стороны замечу, что английская ядерная мощь эффективна, лишь пока это устраивает США. Поставками техники и обслуживанием ракет «Трайдент» ведают янки.

Таким образом, с 1962 г. Англия как в политическом, так и в военном отношении зависима от США. Хотя, повторяю, британское правительство может позволить себе определенные вольности в отношении своего лидера.

Отношения Англии с Россией заметно хуже, чем даже с другими членами блока НАТО, как, например, с Германией, Францией и Италией. Это показала и истерия британских СМИ в ходе грузинской агрессии в Южной Осетии в августе 2008 г.

XX век стал временем крушения Британской империи, над которой никогда не заходило солнце. Англии дважды в XX веке удалось столкнуться лбами две великие державы — Россию и Германию. Но результатом этого стало превращение огромной империи в маленький остров.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Заканчивая рассказ о русско-британских отношениях, я вынужден констатировать, что за последние 300 лет Англия была самым страшным врагом России, причем в последние 50 лет она разделяет это место с США. Говоря о Германии, Франции, Турции, Японии или Китае, можно спорить, насколько Россия была виновата в том или ином конфликте с этими странами. Наконец, часто это была естественная борьба за место под солнцем между соседями. Перманентный же конфликт с Англией был вызван желанием англичан править миром, стравливая наиболее сильные государства.

Россия и Англия никогда не претендовали на одни и те же земли. К примеру, идея похода на Индию возникла в России лишь после очередного британского шантажа. Оба государства вполне могли жить если не в любви и согласии, то, по крайней мере, не замечая друг друга, как, к примеру, Россия и великая колониальная держава Испания. У слона и кита не может быть борьбы за сферы влияния. Так что во всех без исключения конфликтах России и Англии однозначно виновата «владычица морей».

А, собственно, кого из европейских держав не травил «туманный Альбион»? Германию? Францию? Испанию? Какую угрозу представляла Британской империи крошечная Дания, и сколько раз британский флот громил Копенгаген? Ну а что говорить об Индии, Китае, арабском мире, Африке? Да и есть ли в мире хоть одно государство, которому не напакостил бы Лондон?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганского. СПб., 1901.
- Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: ИВ РАН-Крафт+, 2004.
- Андреев А. Последний канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков. М.: Белый волк, 1999.
- Архив князя Воронцова. М., 1870.
- Болязин В. Сокровенные истории Дома Романовых. М.: Армада, 1997.
- Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1987.
- Бескровный Л. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958.
- Боханов А.Н. Николай П. М.: Молодая гвардия — ЖЗЛ, 1997.
- Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991.
- Валишевский К. Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994.
- Валшиевский К. Сын Великой Екатерины. Император Павел I. М.: СП «ИКПА», 1990.
- Веселого Ф.Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 года). М. — Л-д.: Военмориздат, 1939.
- Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911—1915.
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / Под ред. Н. Киняпина. М.: Наука, 1978.
- Гервинус Г. История девятнадцатого века от времени Венского конгресса.-СПб., 1888.
- Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940—1942 гг. / Под ред. В.А. Полонского. М.: ГАБТУ, 2005.
- Глуценко Е. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век — Согласие, 2001.
- Горев Л. Война 1853—1856 гг и оборона Севастополя. М.: Воениздат, 1955.
- Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Том П. Северо-Запад /Под ред. И.В. Егорова и Е.Е. Шведе, Л-д: Редакционно-Издательский Отдел Морских Сил РККФ, 1926.

Гражуль В.С. Тайны галантного века. Шпионаж при Петре I и Екатерине II. М.: Гея, 1997.

Грибовский В., Познахирев В. Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб.: Цитадель, 1999.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). М.: Воениздат, 1974.

Дневники императора Николая II/ Под ред. К.Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1991.

Добливо-Добровольский Б. Тихоокеанская проблема. М.: Высший военный редакционный совет, 1924.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003.

Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769—1791. М.: Наука, 1997.

Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М.: Наука, 1982.

За кулисами царизма: Архив тибетского врача. Ленинград: ГИЗ, 1924.

Записки ученого комитета. — СПб., 1832.

Игнатъев А.В. Внешняя политика России в 1905—1907 гг. М.: Наука, 1986.

Изборник. (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969.

Ионг Л. Пятая колонна в Западной Европе. Загадки Третьего рейха. М.: Вече, 2004.

Наш К. Дипломатические комментарии. — М., 1942.

История дипломатии. / Под ред. А. Громько, И. Земскова и др. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963.

История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919—1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М. — Л-д: ОГИЗ, 1945.

История Русской Арктики. Деятельность Российско-американской компании 1799—1825 / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Международные отношения, 1999.

История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г.Н. Наана. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1958.

Керсновский А.А. История русской армии. М.: Голос, 1993.

Кертман Л.Е. Джорджеф Чемберлен и сыновья. М.: Мысль, 1990.

Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. М.: Захаров, 2000.

Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005.

Кожин В. Тютчев. М.: Соратник, 1994.

Крежёв С. Русская Америка: открыть и продать! М.: Яуза, 2005.

Лазарев М.П. Документы. М.: Воениздат, 1955.

Ламздорф В.Н. Дневник 1894—1896. М.: Международные отношения, 1991.

Лишин Н.Н. На Каспийском море год белой борьбы. Прага: Морской журнал, 1938.

Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М.: ОГИ, 2000.

Локальные войны. История и современность / Под ред. И.Е. Шаврова. М.: Воениздат, 1981.

Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Воениздат, 1937.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973.

Маслов А. Завоевание Ахал-теке. — СПб., 1887.

Михайлов О.Н Суворов. М.: Молодая гвардия, 1973.

Монархи Европы: судьбы династий/Ред.-сост. Н.В. Попов. М.: Республика, 1996.

Муравьев М.А. Владычествует четыремя. Эпизоды из истории русского флота первой половины XVIII века. Львов, 2001.

Наронницкая Л. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856-1871 гг. М.: Наука, 1989.

Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950.

Ньюболт Г. Операции английского флота в мировую войну / Под ред. И.М. Лудри. Т. V. Л-д. — М.: Отдел издательства Наркомата обороны СССР, 1934.

Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г.-СПб., 1871.

Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Остапенко Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II. М.: Наука, 2006.

Остральцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Саратов, 1977.

Отечественная война и ее причины и следствия. Иллюстрированный сборник. М., 1912.

- Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994.
- Паркс О. Линкоры Британской империи. Ч. I. Пар, парус и броня. СПб.: Галлея Принт, 2001.
- Под флагом России. История зарождения и развития морского торгового флота / Авторский коллектив. М.: Согласие, 1995.
- Познер М.В. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. — СПб., 1895.
- Порохов С. Битва империй: Англия против России. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ; СПб.: Астрель-СПб., 2008.
- Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 100 лет в именах, датах, фактах. Справочник. М.: Международные отношения, 1995.
- Пушкин А.С. История Петра. ППС.Т. 9. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958.
- Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Ленинград: Стройиздат, 1988.
- Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). М.: Центрполиграф, 2002.
- Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.
- Россия и СССР в войнах XX века. Историко-статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001.
- Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В.А. Золотарева. М.: АБРИЗО, 1994.
- Россия. XX век. Документы. 1941 год. / Под ред. В.П. Наумова. В 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.
- Семенов В. Расплата. СПб.: Гангут, 1994.
- Семенов Ю. Без единого выстрела. М.: Молодая гвардия, 1983.
- Сеппинг Райт И.С. С адмиралом Того. — СПб., 2001.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
- Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX. М.: Мысль, 1993.
- СССР — Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс: Mokslas, 1989.
- Станюкович К.М. Морские рассказы. М.: Художественная литература, 1987.
- Стреляное П.Н. (Калабухов) Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909-1914 гг. М.: Рейтар, 2001.

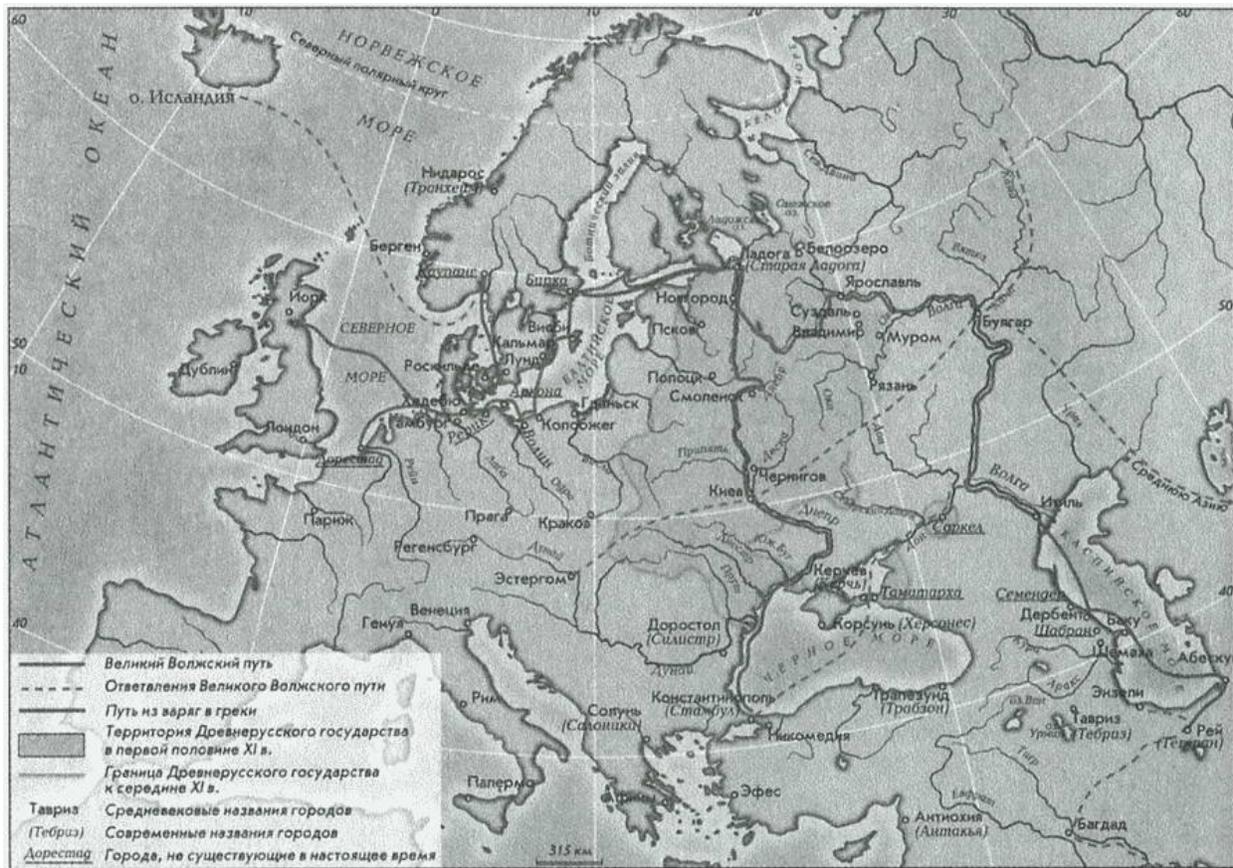
- Тальберг Н.Д. История христианской церкви. Киев: Издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2008.
- Татищев С.С. Император Александр Второй. М.: Алгоритм, 1996.
- Теккерей У. Собрание сочинений. — М., 1979.
- Терентьев М. История завоевания Средней Азии. — СПб., 1906.
- Трухановский В. Г. Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М.: Международные отношения, 1985.
- Трухановский В.Г. Адмирал Нельсон. М.: Наука, 1980.
- Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М.: Мысль, 1977.
- Ферро М. Николай II. М.: Международные отношения, 1991.
- Халфин Н. Победные трубы Майванда. М.: Наука, 1980.
- Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М.: Издательство Московского университета, 1995.
- Хибберт К. Королева Виктория. М.: АСТ; ЛЮКС, 2005.
- Хибберт К. Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М.: Центрполиграф, 2004.
- Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. В 2 т. М.: Новости, 1994.
- Черкасов П.И. Екатерина II и Людовик XVI. М.: Наука, 2004.
- Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700—1775. М.: Наука, 1995.
- Чичагов П.В. Записки. М.: Российский фонд культуры, 2002.
- Широкоград А.Б. Битва за русскую Арктику. XVI—XXI вв. М.: Вече, 2008.
- Широкоград А.Б. Великая речная война. 1918—1920 годы. М.: Вече, 2006.
- Широкоград А.Б. Великий антракт. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2009.
- Широкоград А.Б. Россия — Англия: неизвестная война 1857—1907. М.: АСТ, 2003.
- Широкоград А.Б. Россия выходит в мировой океан. Страшный сон королевы Виктории. М.: Вече, 2005.
- Широкоград А.Б. Россия на Средиземном море. М.: АСТ, 2008.
- Широкоград А.Б. Франция. История вражды, соперничества и любви. М.: Вече, 2008.
- Шицилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политики. М.: РОССПЭН, 2000.
- Шишкин О. Битва за Гималаи. М.: Олма-Пресс, 2000.
- Шталь А. Развитие методов операций подводных лодок в войну 1914-

1918 гг. М.: Воениздат, 1936.

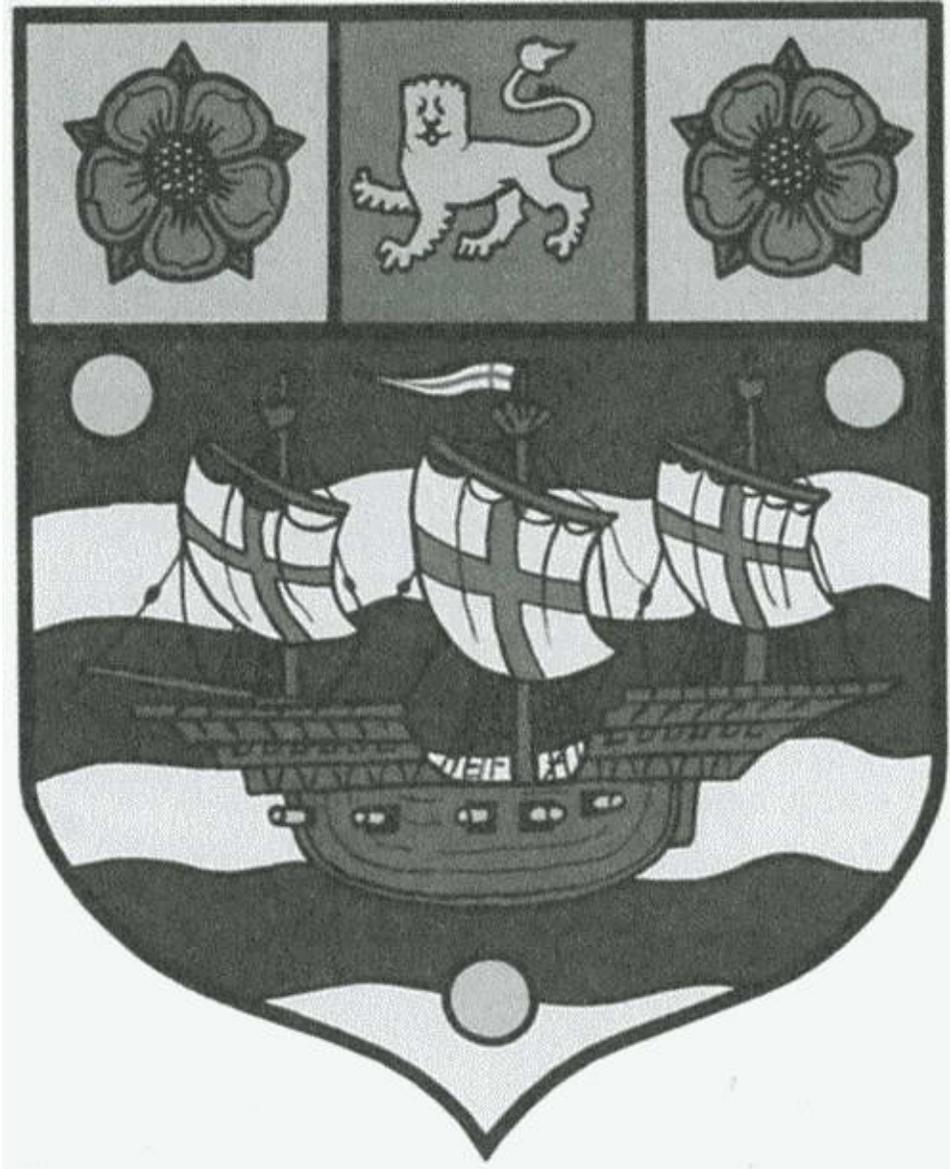
Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца XIX века. В 2 т. М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Торговые пути Древней Руси

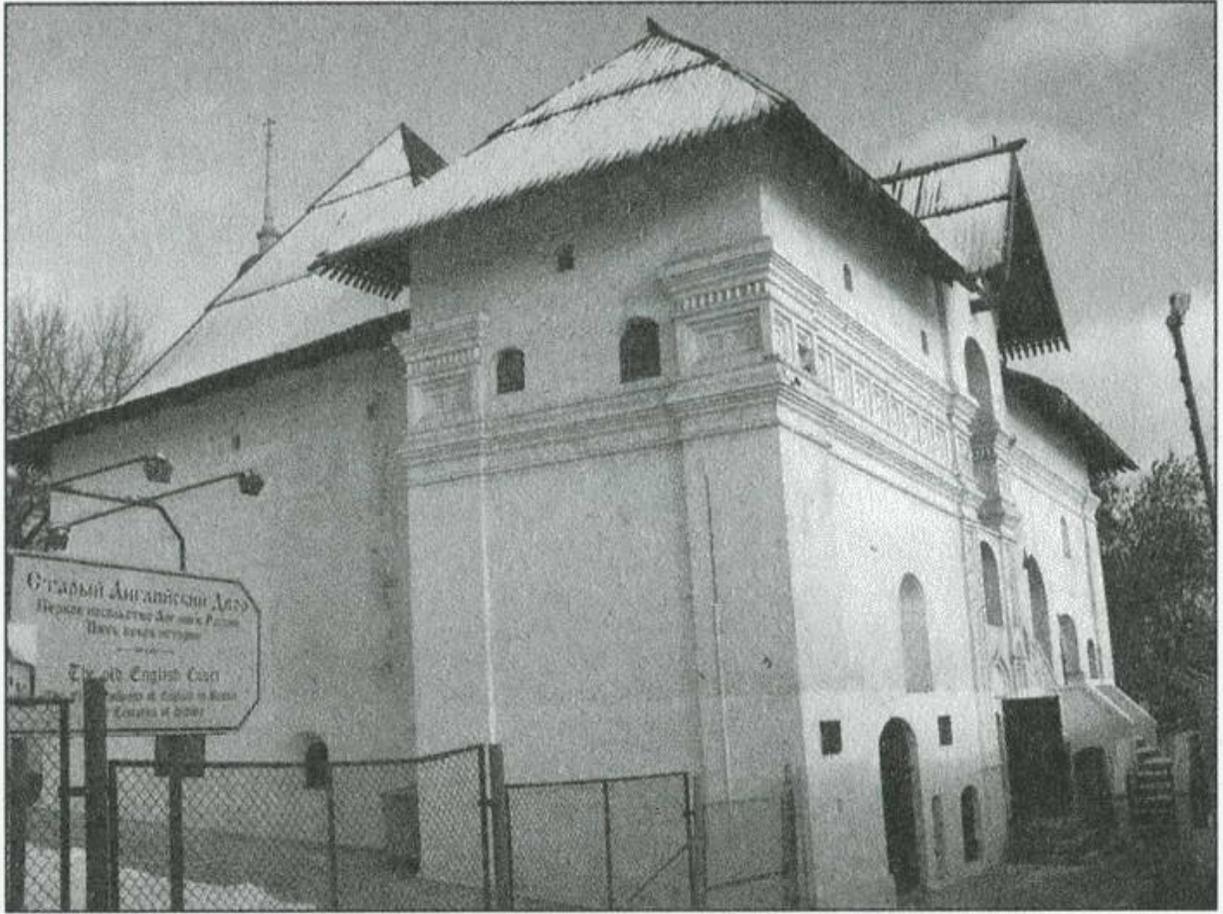
Герб Московской компании

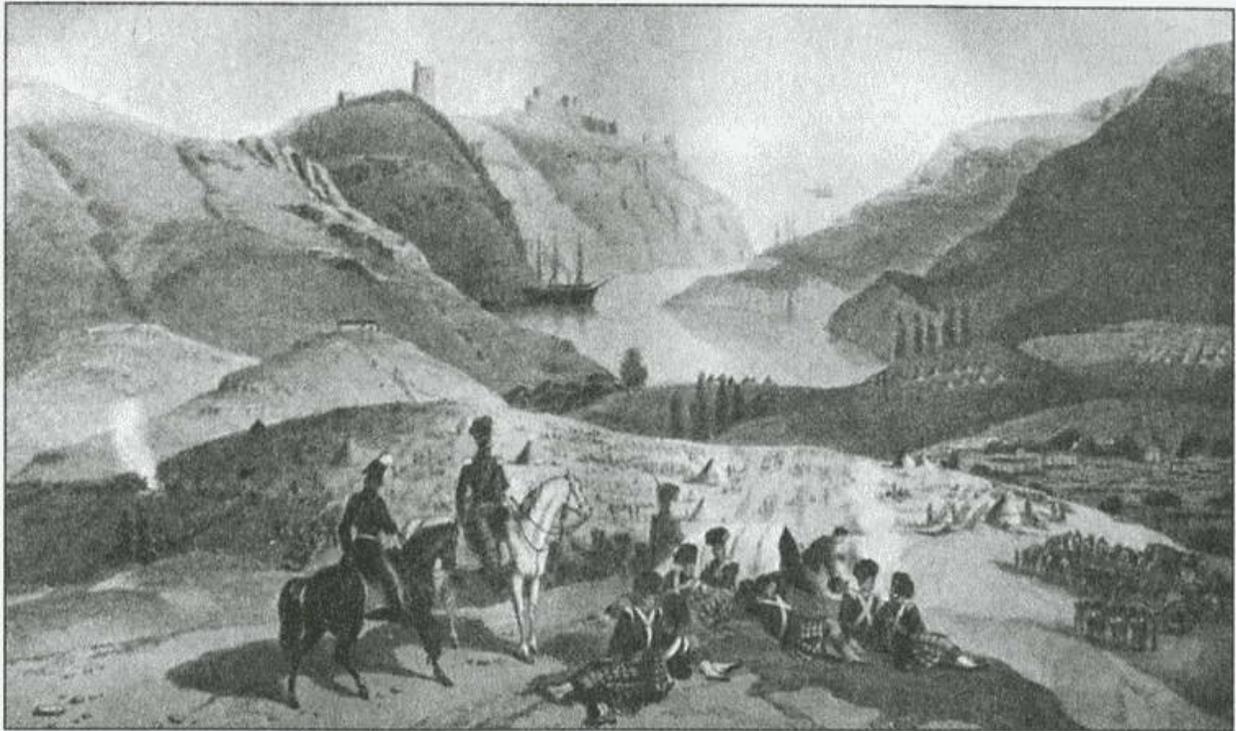
Королева Елизавета I (1533-1693). С портрета Никлоса Хиллиарда. Англия. 1585 г

Царь Иван Грозный (1530-1584). С гравюры Вейгеля. Западная Европа. XVI в. .

Палаты Старого Английского двора в Москве

Лагерь англичан под Балаклавой. 1854 г.

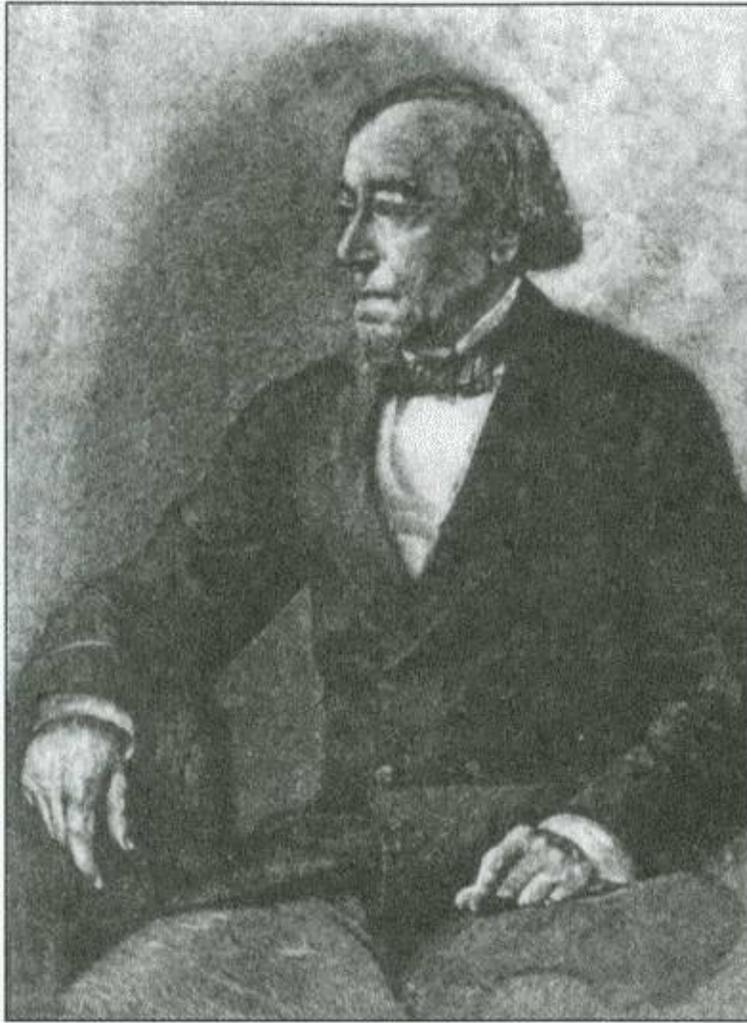
Британские мортиры, решившие исход борьбы за Севастопольские укрепления. 1855 г.

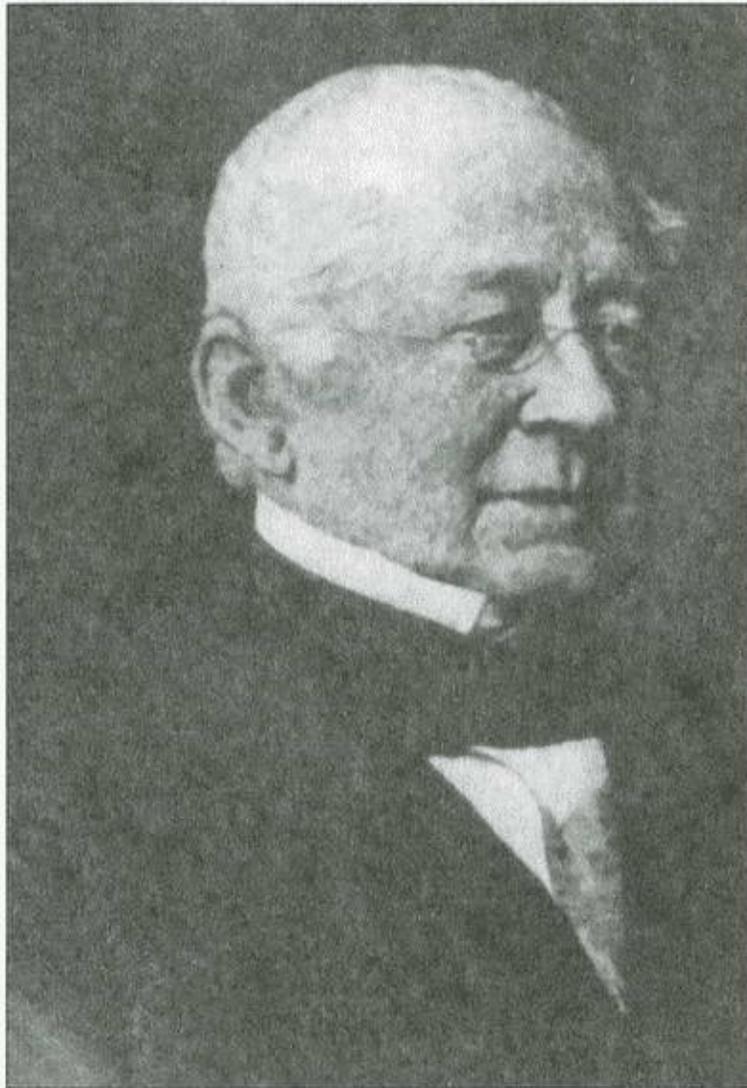
В. Верещагин. Подавление индийского восстания. (Английская казнь в Индии). Около 1884 г.

Военный министр Д.Л. Милютин

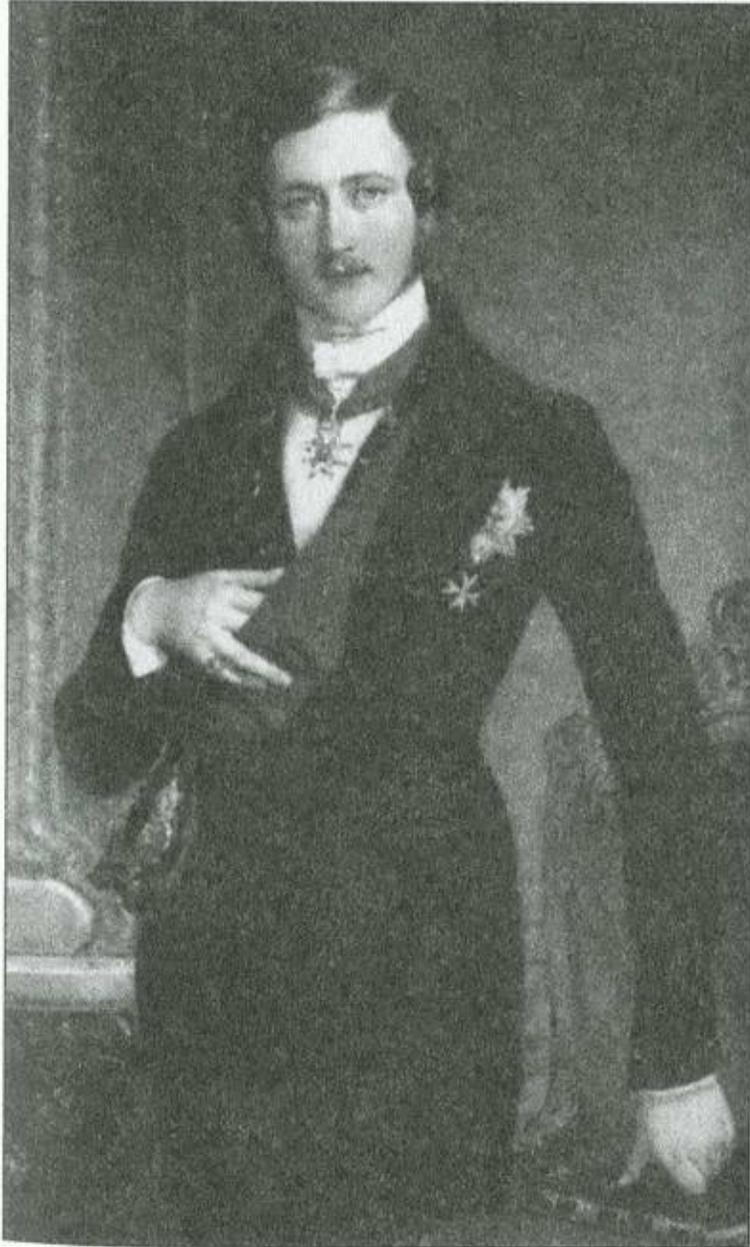
Граф Биконфильд (Дизраэли)

Князь А.М. Горчаков

Королева Виктория

Принц Альберт

Члены русской императорской фамилии во время посещения Англии. Стоят в 1-м ряду снизу, слева направо: первый — Николай II, вторая — Александра Федоровна, пятая — великая княгиня Мария Павловна. Стоят в 3-м ряду: второй — великий князь Павел Александрович. Сидят слева направо: первый — Германский император Вильгельм II, вторая — Английская королева Виктория. Англия. Лондон, Виндзор. 1900-гг.

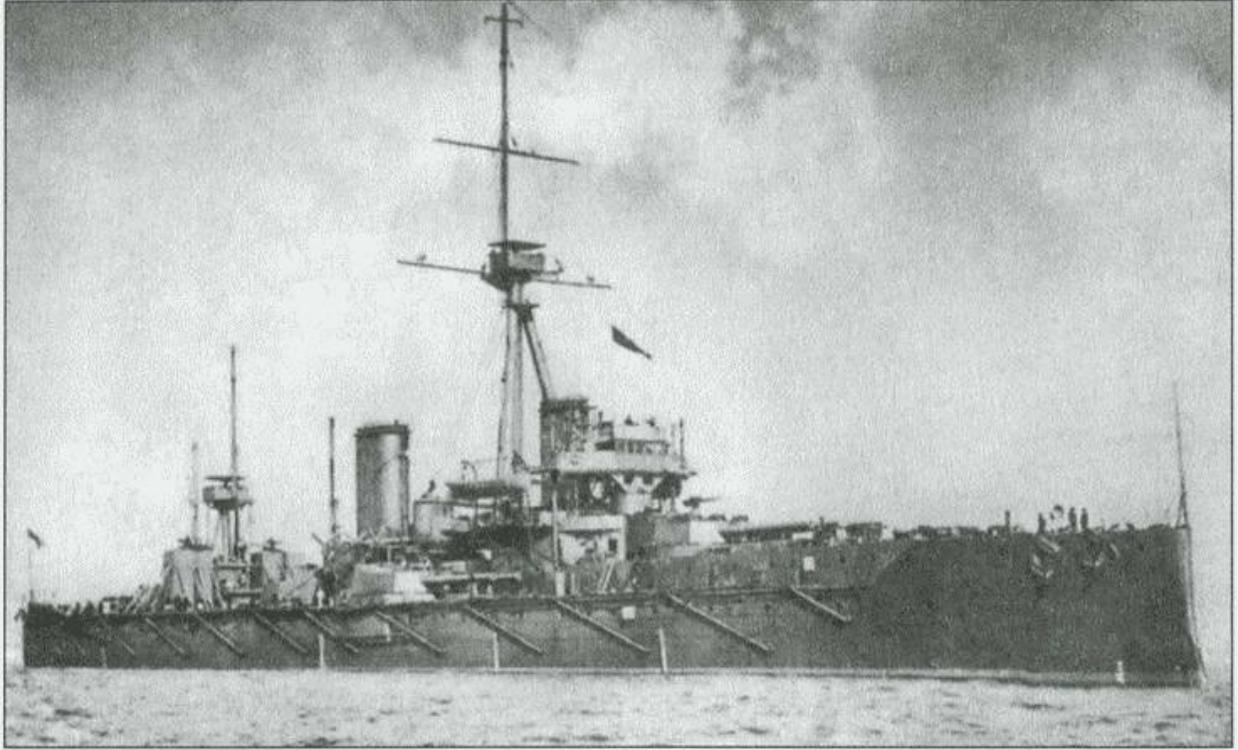
Принцесса Алиса, мать императрицы Александры Федоровны

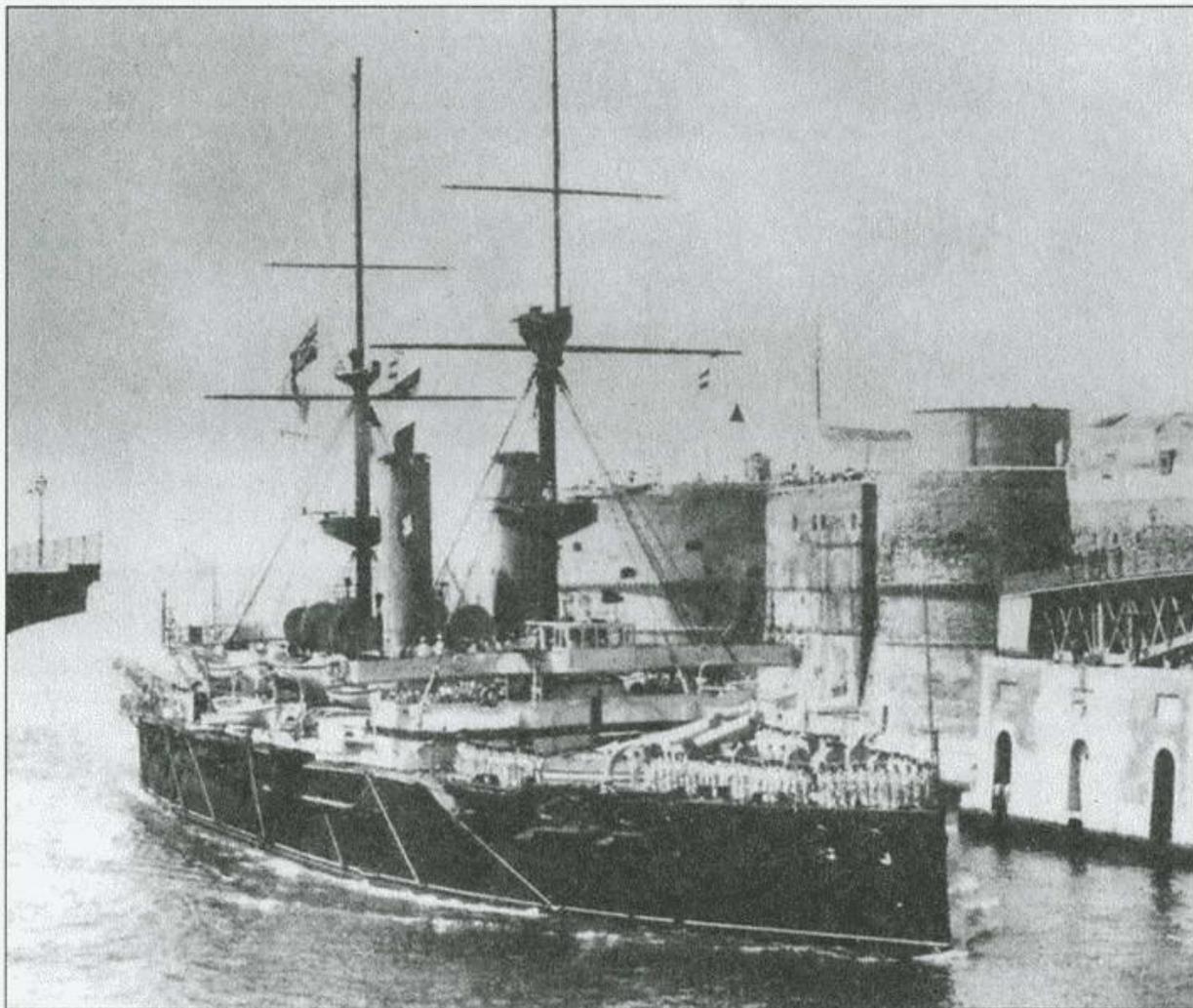
Императрица Мария Федоровна с сестрой Александрой — королевой Англии. Петербург

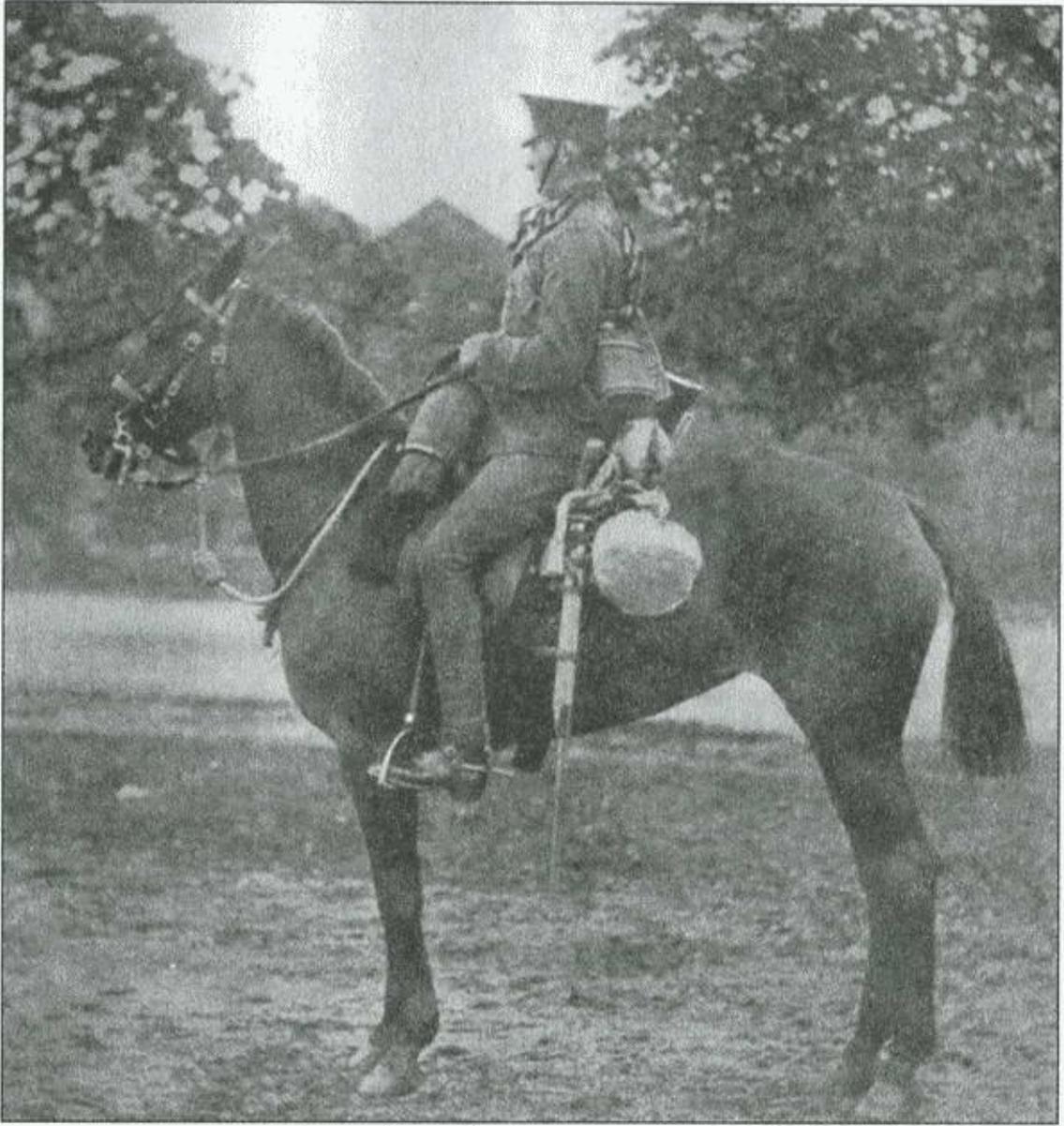
Николай II с двоюродным братом — английским королем Георгом V

Линейный корабль «Дредноут»

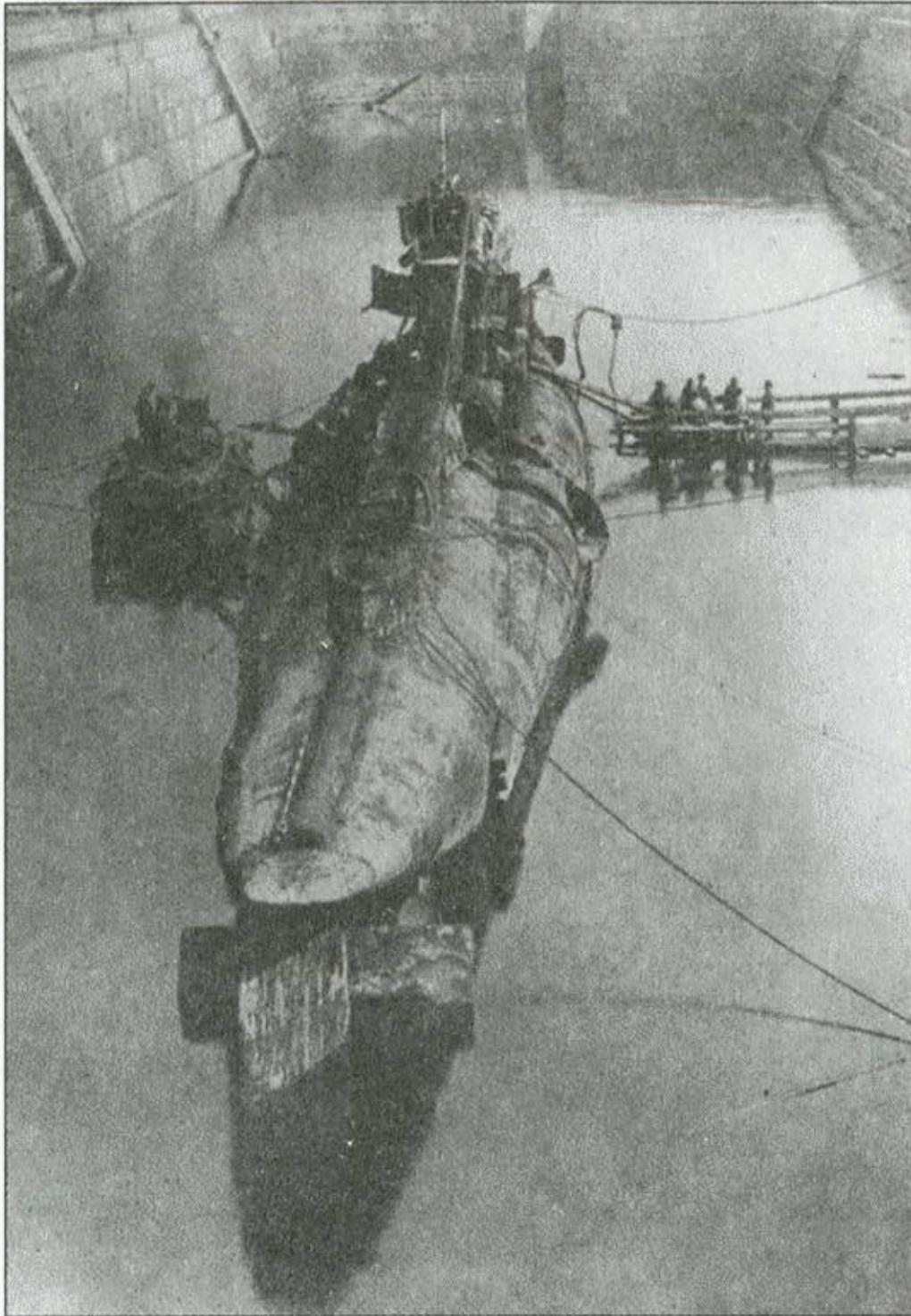
*Британский броненосец «Ремиллес» (Средиземноморская эскадра) входит в гавань Гибралтара.
1898 г.*

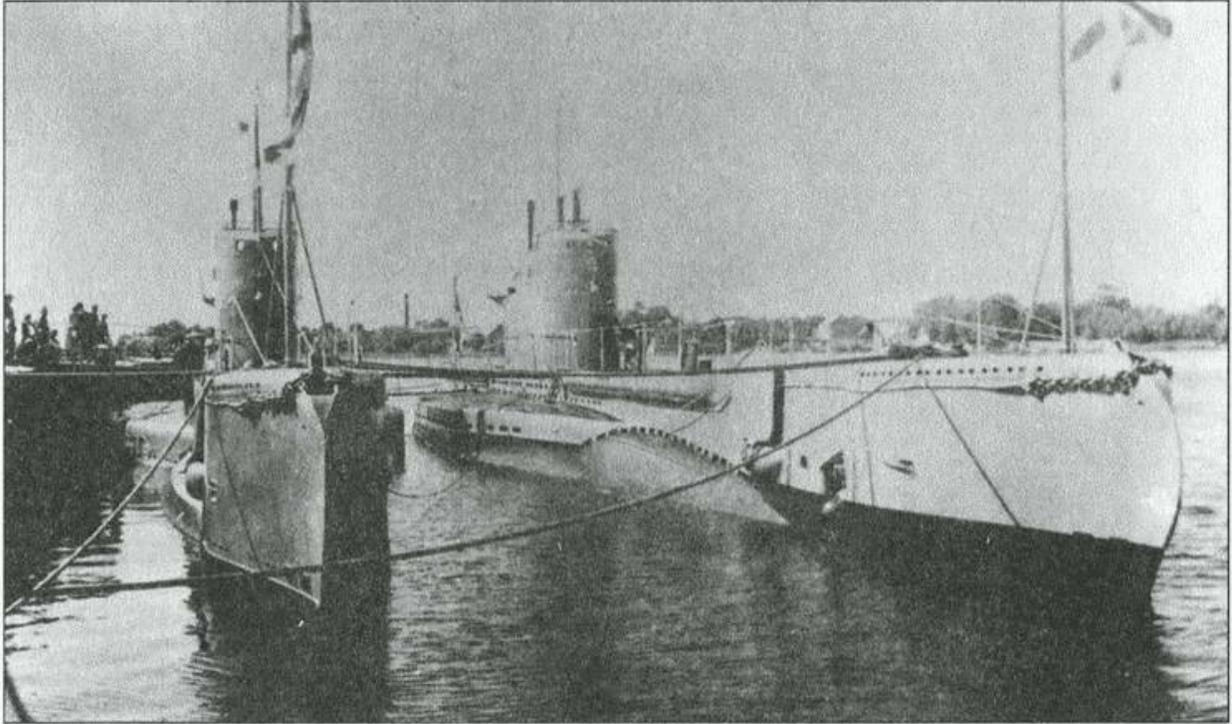
Английский кавалерист. Начало XX в.

*Истребитель «Сопвич Кэмел» из состава 47-го британского авиадивизиона. Екатеринодар.
Лето 1919 г.*

Поднятая английская подводная лодка Л-55 в доке Кронштадта

Построенные англичанами для Эстонии подводные минные заградители «Лембит» и «Калев»

Британский танк «Тейлор» 4-го танкового отряда ВС ЮР по пути на фронт. 1919 г.

Английский танк Mk. В в Архангельске. 1919 г.

Британские визитеры Гитлера. Герцог и герцогиня Виндзорские на вилле Бергхоф в 1937 г.

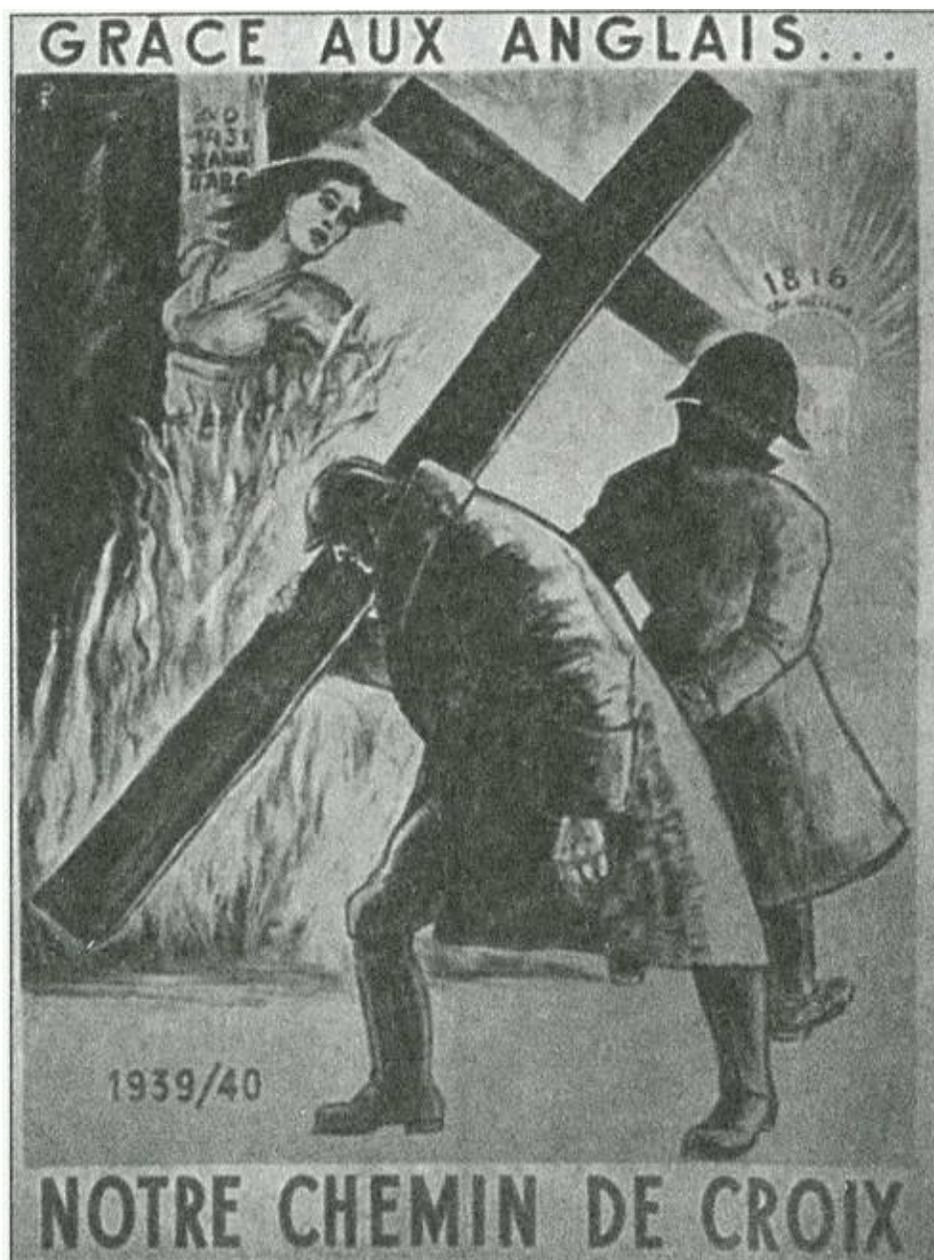
Популярный персонаж 1930-х годов Кинг-Конг как символ агрессии СССР и нацистской Германии.

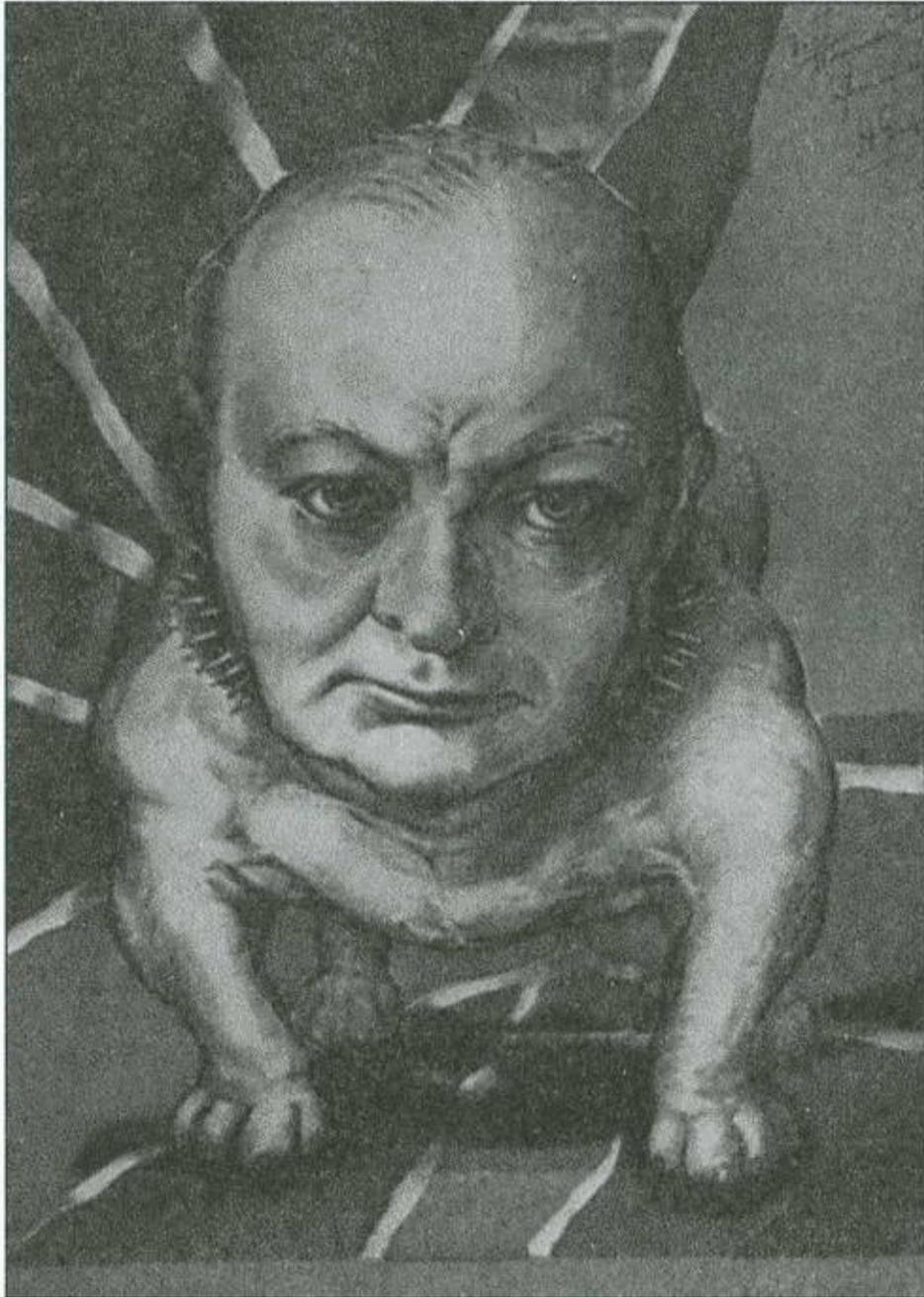

Гитлер, Муссолини, Даладье и Чемберлен подписывают Мюнхенское соглашение. 30 сентября 1938 г.

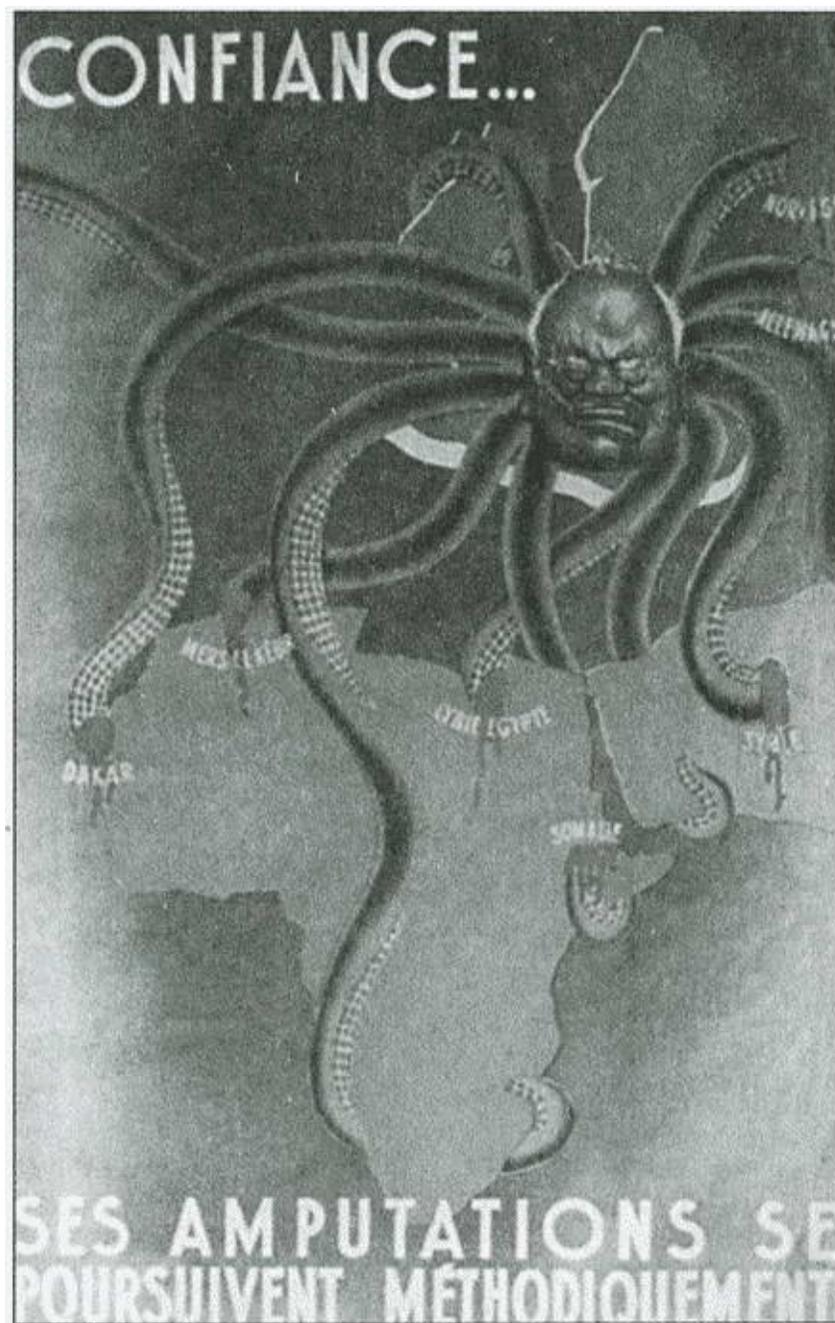
«Из-за Англии мы несем свой крест. Наш крестный путь». 1940 г. Немецкий плакат для Франции

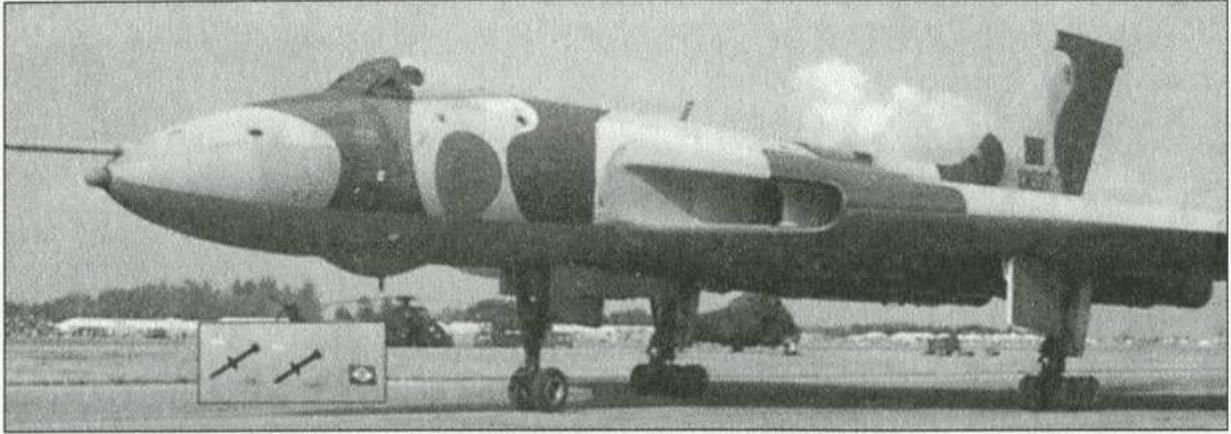
Плакат 1942 г. (худ. Анри Гильон). Бульдог как символ был использован для иллюстрации упорства Англии

Немецкая почтовая марка с «черной» антибританской пародией: Сталин на месте королевы Елизаветы. 1944 г. Германия

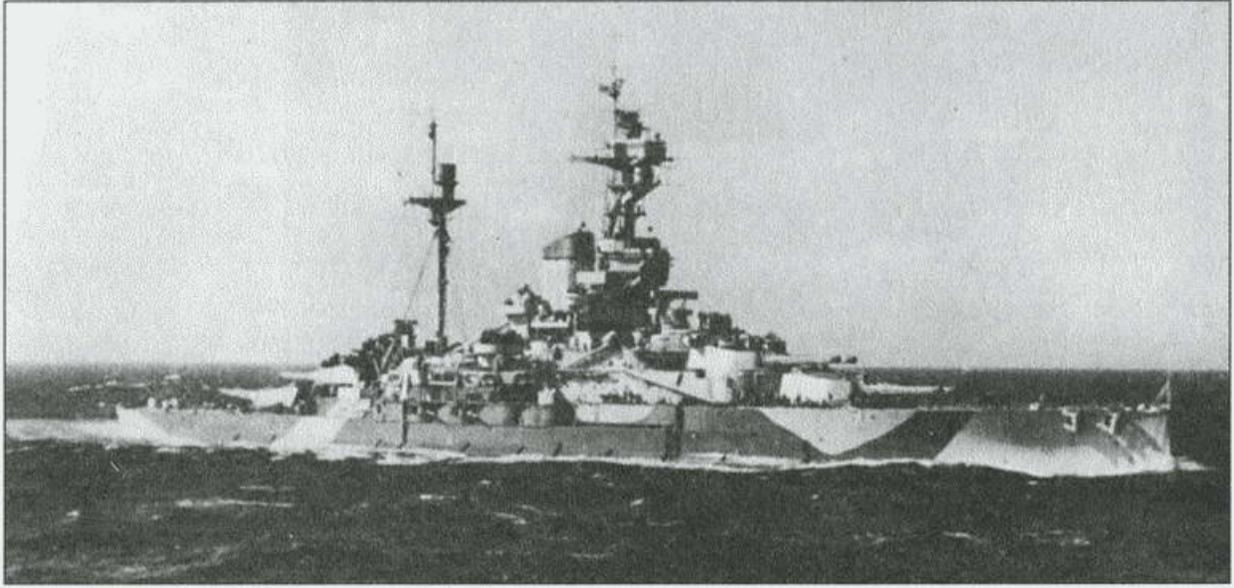
Немецкий плакат времен Второй мировой войны, предназначенный для Франции: «Отсечения его щупальцев продолжаются систематически»

Британский бомбардировщик «Вулкан» — участник войны на Фолклендских островах

Танки «Черчилль» в Выборге. Июнь 1944 г.

Линкор «Архангельск» (бывший «Роял Соверен»)

Друзья и враги России

Россия и Англия настолько географически далеки, что первые пятнадцать веков новой эры практически ничего не знали друг о друге. Казалось бы, две великие державы могли состоять если не в дружественных, то в нейтральных отношениях. Англия ни разу не вела полномасштабной войны против России сама, но тайная война между двумя великими державами не прекращалась никогда. Почему Лондон всегда был так недружественен в отношении к России — царской, советской и демократической? Об этом и многом другом рассказано в новой книге историка А.Б. Широкограда.

ISBN 978-5-9533-2995-8

9 785953 329958

notes

Примечания

1

То есть да будет отлучен и погибнет в пришествие Господне.

Кто таковой «воевода Спиридон» — установить не удалось. Во всяком случае, воеводы с таким именем у шведов быть не могло.

ЦГАДА. Кабинет Петра I. Кн. 13. 1711. Л. 543—544. Торговля с Англией через Архангельск составляла около половины всей внешней торговли России через этот порт. Однако суммы взысканной пошлины не дают полного представления о размерах внешней торговли, так как иностранные купцы применяли все доступные им средства, чтобы миновать таможи. Об этом есть и письменное свидетельство — огромное по объему письмо Петру I об обманах различного рода, применявшихся иностранными купцами для провоза беспошлинно дорогих вещей и пр. Датский посланник Юст Юль в своих записках, относящихся к его пребыванию в России в 1709—1711 гг., писал, что в результате различных злоупотреблений, взяток и других махинаций иностранные купцы умудряются платить в казну сборов в 3—4 раза меньше, чем полагается.

До середины XIX века в России под словом «корабль» понималось судно, вооруженное от 54 до 130 пушками и имевшее фрегатское парусное вооружение. Термин «линейный корабль» был введен в русском флоте в 1907 г. Историки XX века почему-то решили перенести этот термин в XVII—XIX века.

О претенденте и якобитах будет подробно рассказано чуть ниже.

Гражуль Вениамин Соломонович (Семенович) (1899—1965). С июля 1924 г. работал в ОГПУ. В 1930-х годах — разведчик-нелегал ИНО в Голландии, Франции и Германии. В 1937 г. вместе с генералом Н.В. Скоблиным организовал в Париже похищение главы РОВСа генерала Е.К. Миллера. С 1943 г. на преподавательской работе.

Анна Иоанновна (1693—1740), дочь царя Иоанна Алексеевича, племянница Петра I, выдана замуж за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма, в 1711 г. овдовела. Русская императрица с 1730 по 1740 г.

Ныне г. Савонlinna в Финляндии.

Ныне г. Хамина в Финляндии.

20-пушечный корабль был, скорее всего, фрегатом и попал в список кораблей по ошибке.

Первоначально эти галеры назывались «для лошадей», но уже в 20-х годах XVIII века появился термин «конные галеры».

Миних родился 9 мая 1683 г. в княжестве Ольденбург (Германия) в деревне Нейнгунторф в крестьянской семье, многие поколения которой строили водяные мельницы и каналы. С детства Миних проявил любовь к математике и в 16 лет поступил инженером во французскую армию. Приняв активное участие в войне за Испанское наследство, после окончания войны в 1716 г. Миних отправился в Польшу на службу к королю Августу II, где получил чин генерал-майора. В 1720 г. он получил предложение Петра I занять должность генерал-инженера. В феврале 1721 г. Миних прибыл в Петербург. Миних неутомимо строил крепости, шлюзы, каналы. О нем Петр I говорил: «В службе у меня еще не было такого иностранца, который бы так умел приводить в исполнение великие планы, как Миних». В 1728 г. Миних стал графом Российской империи и генерал-аншефом.

Многочисленный клан Чарторыйских в Польше стали называть Фамилией еще в 20—30-х годах XVIII века.

Так, тело 24-фунтовой чугунной пушки Карронского завода весило 149 пудов, а тело 24-фунтовой карронады — 44 пуда.

Иол — небольшие парусно-гребные суда, иногда их называли малые канонерские лодки. Особенностью парусного вооружения иолов являлась кормовая мачта (бизань), значительно ниже передней, называемой не фок-, а грот-мачтой. Поэтому иолы часто классифицировали как полуторамачтовые суда.

Любек, Бремен и Гамбург.

Мальта имеет несколько островов, но в обиходе ее принято называть островом.

Княгиня Лович — титул, данный царем польской шляхтянке, ставшей женой великого князя Константина Павловича.

События в Англии и других странах будут даваться по новому стилю, а в России — по старому, а в отдельных случаях даты будут приводиться в обоих стилях.

Пароходо-фрегат — большой колесный пароход, вооруженный от 6 до 10 тяжелыми пушками. Чаще всего пушки располагались на открытой палубе, но встречались и пароходо-фрегаты с закрытой батареей.

А по некоторым данным сумели вступить с ним в контакт.

Номинальная л. с. — это расчетная мощность машины. Она у первых пароходов была близка к фактической, или, как ее тогда называли, индикаторной, но по мере совершенствования машин все больше расходилась с ней.

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Тысячелетняя битва за Царырад».

Возможно, указания названий судов покажутся кому-то из читателей излишними подробностями. Тем не менее это очень важно. К примеру, во всех солидных изданиях, посвященных Крымской войне, говорилось, что на Севере к ее началу имелось два парохода.

До 1918 г. в русской армии артиллерийский снаряд, содержащий ВВ, весом до 1 пуда (16,38 кг) назывался гранатой, а более пуда — бомбой.

Капер — корабль, снаряженный с разрешения своего правительства частным лицом и укомплектованный вольнонаемной командой для ведения крейсерских действий на море.

«Выборг», «Кастор» и «Олаф» вернулись в Кронштадт летом 1857 г., «Филоктет» — в августе 1858 г., а «Полкан» — в июле 1859 г.

Вблизи современного Владивостока.

Батавия — порт на о. Ява, столица Голландской Индии, с 1949 г. Джакарта, столица республики Индонезия.

Ильм — род деревьев, включающий в себя вяз, карсигач и др.

Современная Паланга.

В те годы США именовались — Северо-Американские соединенные штаты, но для удобства читателя я буду употреблять современные сокращения.

Не путать с адмиралом Григорием Ивановичем Бутаковым.

Макарьев монастырь вблизи Нижнего Новгорода, где проходила ярмарка.

Вениамин Дизраэли (1805—1882), граф Биконсфильд, лорд Хьюгенден, крещеный еврей, глава консервативной партии.

Сардар — титул афганского правителя.

По некоторым источникам это были 9-дюймовые пушки Амстронга. Тут вполне допустима путаница, поскольку они были близки по конструкции и похожи внешне.

Премьер Дизраэли в 1876 г. был пожалован королевой Викторией в пэры с титулом лорда Биконсфильда.

По данным С.С. Татищева из книги «Император Александр Второй» (Кн. II. С. 116) имелось не 44, а 56 орудий.

Позже Бадмаев получит скандальную известность за дружбу с Григорием Распутиным.

Гелюн — буддийский военный священнослужитель.

«Ники — сущий младенец», — писала о сыне императрица Мария Федоровна.

Как следует из дневника цесаревича Николая, главным его развлечением в последние дни жизни Александра III было кидание шишками на крыше Ливадийского дворца.

Сановник, выполнявший обязанности премьер-министра.

Ныне город и порт Масан.

Ныне залив Бохайвань.

Ныне город и порт в Корее Пусан.

Д.Д. Покотиллов — представитель русского Министерства финансов в Пекине и директор пекинского отделения Русско-китайского банка.

Ныне город и порт Вэйхай.

Хунгузами (ханхузами) называли шайки профессиональных грабителей. Единого руководства у этих шаек не было, но они зачастую находились под покровительством местных китайских властей, с которыми делились добычей.

Entent (фр.) — согласие.

У Певческого моста располагалось Министерство иностранных дел.

«Топи их всех» (англ.).

Здесь и далее я делаю предположения, лишь когда они проверены практикой, пусть в другое время, но при тех же условиях.

Внебрачный сын Александра II.

Позже немцы «расплатились» за эскадру Рожественского: крейсер «Дрейк» был потоплен подводной лодкой U-79 2 октября 1917 г. у берегов Ирландии.

В те годы Бакинская губерния официально не считалась Азербайджаном.

С начала XX века так стали называть самые грандиозные аферы, по аналогии с первой попыткой строительства Панамского канала.

Данные взяты из «Мировая война в цифрах» (М.: ОГИЗ, 1934).

Надводное / подводное водоизмещение.

Между прочим, после разгрома революционной организации «чайковцев» Чайковский в 1874 г. эмигрировал в Англию и только в 1906 г. вернулся в Россию.

Экипажи на «Лембите» и «Леннуке» были смешанные — из эстонцев и белогвардейцев.

Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитрофус» (пограничный, питающий). В Западной Европе самостийные государства, созданные на территории бывшей Российской империи, окрестили лимитрофами, по аналогии с государственными образованиями по краям Римской империи.

Англичане оставили прежние имена большинству кораблей своей флотилии.

Город Елизаветполь был основан русскими в 1804 г., а в 1918 г. переименован мусаватистами в Гянджу, а в 1935 г. большевиками в Кировобад.

Немитц Александр Васильевич (1879— 1967) — по происхождению из дворян, контр-адмирал. В августе — декабре 1917 г. командовал Черноморским флотом. С февраля 1920 г. по декабрь 1921 г. командовал всеми морскими силами республики и одновременно был управляющим делами Наркомата по морским делам. Затем на преподавательской работе в военных училищах. В советском флоте имел звание вице-адмирала.

Белые и красные именовали английский танк МК V по названию его двигателя «Риккардо».

Юзеф Бек (1894—1944). В 1914 г. учился в Коммерческой академии в Вене. В 1918 г. работал на Украине на польскую разведку. В 1921 г. майор Бек состоял на службе во II отделе польского генштаба (разведка). Имя его упоминалось в ноте Чичерина от 10 сентября 1921 г., адресованной польскому представителю в Москве Филипповичу: «Наше утверждение о том, что 2-й отдел польского генерального штаба давал организации Савинкова возможность посылать в Россию яд, основывается, между прочим, на документе за подписью майора генерального штаба Бека». В 1923 г. французский генштаб установил, что сведения о вооруженных силах Франции, сообщаемые лишь представителям союзных армий, в том числе и польской, известны германскому штабу. А в 1924 г., по требованию маршала Фоша, военный атташе польского посольства в Париже полковник Бек вынужден был покинуть Францию. В начале 1932 г. полковник Бек был намечен польским правительством на пост посла в Париже, но французский МИД отклонил эту кандидатуру. Пилсудский в пику французам назначил Бека министром иностранных дел в Польше.

В одной из книг я упомянул термин «финская корпусная артиллерия». Так нашелся умник, доказывающий, что у финнов не было корпусной артиллерии. Святая правда, она у финнов называлась иначе, но орудий, которые входили у нас в состав корпусной артиллерии, у них хватало. А вот давать фактическое название, на мой взгляд, допустимо лишь в узкоспециальном издании по артиллерии.

Осадниками в Польше назывались поляки-переселенцы, направленные на Украину. Большинство осадников были ветеранами польской армии. Несмотря на то что украинские земли и так были густо заселены, польские колонисты именно здесь получали большие наделы лучших земель и щедрые денежные субсидии. Польские власти одновременно давали осаднику от 15 до 40 гектаров земли. Так, в Белоруссии осело 300 тысяч осадников, в Восточной Галиции и Волыни — около 200 тысяч.

В разных источниках встречаются различные цифры поставок, но это связано в основном с техническими проблемами, например, часть танков не была принята и т. д.

comments

Комментарии

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 388.

Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году // Изборник. (Сборник произведений литературы Древней Руси) /Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 287.

Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. Helsingfors, 1839.

Порохов С. Битва империй: Англия против России. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ; СПб.: Астрель-СПб, 2008. С. 5.

Marx K. Secret Diplomatic History of the 18-th century. London, 1899. P. 87.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. М.,
Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 674—675.

Тальберг Н.Д. История христианской церкви. Киев: Издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2008. С. 741.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 1313.

Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 27—28.

Сборник РИО. Т. 50. С. 66, 75-78.

Там же. С. 80-83.

Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 49.

Никифоров Л .А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 110—
111.

Теккерей У. Собрание сочинений. М., 1979. Т. 11. С. 517.

Цит. по: Полевого Н. История Петра Великого. СПб., 1843. Т. IV. С 28—29.

Цит. по: Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 141.

Сборник РИР. Т. 61. С. 538-539.

Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 206—207.

Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 210.

J.F. Chance. The Northern Policy of George I to 1718 (Transaction of the Royal Historical Society, new sen Vol. XX. P. 106).

Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. С. 435.

Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. С. 360.

Соловьев С.М. Сочинения. Т. XI. С. 318.

Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. С. 438.

Там же. С. 439.

Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. С. 479.

Там же. С. 479-480.

Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700—1775. М.: Наука, 1995. С. 42.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 100 лет в именах, датах, фактах. Справочник. М.: Международные отношения, 1995. Кн. I. С. 734.

Там же. С. 735.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XII. С. 297.

Валишевский К. Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994. С. 70.

Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. XII. С. 69.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XIII. С. 379.

Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. XIII. С. 381.

Там же. С. 447.

Чичагов П.В. Записки. М.: Российский фонд культуры, 2002. С. 134.

Там же. С. 135.

Чичагов П.В. Записки. С. 316, 317.

Рубцов Н. История литейного производства в СССР. М.: Mashgiz, 1947.
Ч. I. С. 120.

Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769—1791. М.: Наука, 1997. С. 330.

Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 года). М.—Л.: Военмориздат, 1939. С. 112—113.

Познер М.В. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. СПб., 1895. С. 121.

Валишевский К. Сын Великой Екатерины. Император Павел I. М.: СП «ИКПА», 1990. С. 296.

Архив князя Воронцова. М., 1870. Т. XX. С. 332.

Михайлов О.Н. Суворов. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 369.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973. С. 359—360.

Валишевский К. Сын Великой Екатерины. С. 472—473.

«Русский архив», 1878. Кн. 4. С. 491.

Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. М. — Л-д.:
Военмориздат. 1939. С. 204.

Широкорад А.Б. Франция. История вражды, соперничества и любви.
М: Вече, 2008.

Доклад П.В. Чичагова Александру I об оставлении англичанами города
Колы. РГАВМФ. Ф. 166. Д. 1113. Л. 51.

Цит. по: Порохов С. Битва империй: Англия против России. С. 66—67.

Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С.148.

Воспоминания Булгарина. СПб., 1849. Ч. VI. С. 124—126.

Новые подлинные черты из истории Отечественной войны 1812 г. // Русский архив. 1864. Кн. II, № 11, 12. Стлб. 1196, № 2. «Перечень известий из Москвы и окружности ея, от 20-го сентября [1812 г.]».

Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. С. 161.

Великий князь Николай Михайлович. Переписка Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 35.

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2743. Донесение инспектора всей артиллерии генерал-барона П.И. Меллер-Закомельского Горчакову.

Жаринов Д. Москва и пожар московский. // Отечественная война и ее причины и следствия. Иллюстрированный сборник. М., 1912. С. 128.

Цит. по: Кремлёв С. Русская Америка: открыть и продать! М.: Яуза, 2005. С.183.

РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 64.

Гервинус Г. История девятнадцатого века от времени Венского конгресса. СПб., 1888. Т. II. С. 66-67.

Записки ученого комитета. СПб., 1832. Ч. II. С. 190.

Лазарев М.П. Документы. М.: Воениздат, 1955. Т. II. С. 494.

Вопросы истории. №11. М., 1950.

Теккерей У.М. Собрание сочинений. Т. П. С. 597.

Монархи Европы: судьбы династий / Ред.-сост. Н.В. Попов. М.: Республика, 1996. С. 75.

Байрон Дж. Г. Избранные произведения. М., 1987. Т. I. С. 85.

Хибберт К. Королева Виктория. М.: АСТ; ЛЮКС, 2005. С. 6.

Хибберт К. Королева Виктория. С. 140.

Там же. С. 143-144.

Балязин В. Сокровенные истории Дома Романовых. М.: Армада, 1997.
С. 391-394.

Хибберт К. Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М.: Центрполиграф, 2004. С. 35.

Хибберт К. Королева Виктория. С. 316—317, 318.

Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860—1867. М.: Новости, 1992. С. 90.

Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца XIX века. В 2 т. М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 487-491.

Хибберт К. Крымская кампания 1854— 1855 гг. Трагедия лорда Раглана. С. 54-55.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 100 лет в именах, датах, фактах. Кн. I. С. 720.

Богданович М.И. Восточная война 1853—1856 годов. Экспедиция
Союзников в восточную часть Крыма. С 11-го (23-го) мая по 31-е августа
(12-го сентября) 1855 г. Материалы сайта
<http://history.scps.ru/crimea/bogdan30.htm>

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. С. 192.

Там же. С. 195-196.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. С. 196-197.

Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. М.: Воениздат, 1955. С. 271.

Татищев С.С. Император Александр Второй. М.: Алгоритм, 1996. Кн. I. С. 225.

Там же. С. 225.

Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г. СПб., 1871. Т. 1.С. 167.

Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. П. 109—110.

Там же. С. 110.

«Исторический вестник», 1913 г., № 6, Толбухов Е. «Устроитель Туркестанского края». С. 906—907.

Глущенко Е. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век — Согласие, 2001. С. 60.

Глуценко Е. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век — Согласие, 2001. С. 60.

История дипломатии. / Под ред. А. Громько, И. Земскова и др. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. II. С. 63—64.

Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 114.

Там же.

История дипломатии. Т. II. С. 68.

Халфин Н. Победные трубы Майванда. М.: Наука, 1980. С. 27.

Там же. С. 28.

Халфин Н. Победные трубы Майванда. М.: Наука, 1980. С. 59—60.

Терентьев М. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. С. 459.

Там же. С. 462.

Там же. С. 465.

Там же.

Халфин Н. Победные трубы Майванда. С. 175—176

Халфин Н. Победные трубы Майванда. С. 249.

Халфин Н. Победные трубы Майванда. С. 261.

Халфин Н. Победные трубы Майванда. С. 344.

Паркс О. Линкоры Британской империи. Ч. I Пар, парус и броня. СПб.: Галлея Принт, 2001. С. 47.

Паркс О. Линкоры Британской империи. Ч. I Пар, парус и броня. СПб.: Галлея Принт, 2001. С. 48.

Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 285.

История дипломатии. Т. II. С. 98.

Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 309.

Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 375.

Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 406.

Хибберт К. Королева Виктория. С. 507—508.

Там же. С. 508.

Хибберт К. Королева Виктория. С. 507.

Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 417.

Там же. С. 418.

Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 418.

Там же. С. 418-419.

Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Ленинград: Стройиздат, 1988. С. 301.

Хибберт К. Королева Виктория. С. 507.

Терентьев М. История завоевания Средней Азии. С. 258.

Глущенко Е. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. С. 102.

Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 117—118.

Маслов А. Завоевание Ахалтеке. СПб., 1887. С. 178—179.

Керсновский А.А. История русской армии. М.: Голос, 1993. Т. II. С. 301.

Семенов Ю. Без единого выстрела. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 265.

Там же. С. 275.

Семенов Ю. Без единого выстрела. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 276.

Материалы сайта http://www.ivran.m/library/view__edition.php?edition_id=116

Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганского. СПб., 1901. Т. I. 326-327.

За кулисами царизма: Архив тибетского врача. Ленинград: ГИЗ, 1924.
С. 57-58.

Шишкин О. Битва за Гималаи. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 7.

РГВИА, ф. 447, д. 77, с. 29-30.

Дневники императора Николая II/ Под ред. К.Ф. Шацillo. М.: Орбита, 1991. С. 135.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 100 лет в именах, датах, фактах. Кн. I. С. 759.

Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. М.: Захаров, 2000. С. 20.

Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография... С. 62.

Боханов А.Н. Николай II. М.: Молодая гвардия - ЖЗЛ, 1997. С. 109.

Там же. С. 110.

Боханов А.Н. Николай И. М.: Молодая гвардия — ЖЗЛ, 1997. С. 111.

Ферро М. Николай II. М.: Международные отношения, 1991. С. 67.

Боханов А.Н. Николай II. С. 131.

Там же.

Добливо-Добровольский Б. Тихоокеанская проблема. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. С. 146.

Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В.А. Золотарева. М.: АБРИЗО, 1994. С. 70.

Там же. С. 70.

Россия и Япония на заре XX столетия. С. 74.

Россия и Япония на заре XX столетия. С. 77.

Там же. С. 78.

Там же.

Россия и Япония на заре XX столетия. С. 78.

Россия и Япония на заре XX столетия. С. 79.

Там же.

Там же. с. 80

Россия и Япония на заре XX столетия. С. 80.

Россия и Япония на заре XX столетия. С. 80.

Россия и Япония на заре XX столетия. С. 80.

Там же.

Россия и Япония на заре XX столетия. С. 81.

Россия и Япония на заре XX столетия. С. 93.

Исии К. Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 39.

История дипломатии. Т. II. С. 537.

Россия и Япония на заре XX столетия. С. 323.

Россия и Япония на заре XX столетия. С. 323.

Там же.

История дипломатии. Т. II. С. 538.

История дипломатии. Т. II. С. 486.

Там же.

История дипломатии. Т. II. С. 561.

Шишкин О. Битва за Гималаи. С. 126—127.

Военная энциклопедия. Т. XIV. С. 576.

Семенов В. Расплата. СПб.: Гангут, 1994. С. 211.

Грибовский В., Познахирев В. Вице-адмирал З.П. Рожественский.
СПб.: Цитадель, 1999. С. 195.

Семенов В. Расплата. С. 314.

Сеппинг Райт Н.С. С адмиралом Того. СПб., 2001. С. 170.

Остральцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Саратов, 1977.
С. 130-131.

Цит. по: Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: ИВ РАН-Крафт+, 2004. С. 57.

Curzon G.N. Persia and the Persian question. London, 1892. T. II C 621.

Красный архив, 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 13.

Стрелянов П.Н. (Калабухов) Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909-1914 гг. М.: Рейтар, 2001. С. 13.

Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну.
М.: Воениздат, 1937. С. 385.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

Дневники Императора Николая II. М.: Орбита, 1991. С. 628.

Порохов С. Битва империй: Англия против России. С. 196—197.

Ньюболт Г. Операции английского флота в мировую войну / Под ред. И.М. Лудри. Т. V. Л-д. — М.: Отдел издательства Наркомата обороны СССР, 1934. С. 359-360.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Том II. Северо-Запад /Под ред. И.В. Егорова и Е.Е. Шведе, Л-д: Редакционно-Издательский Отдел Морских Сил РККФ, 1926. С. 112.

История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г.Н. Наана. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1958. С. 27.

История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. П.Н. Наана. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1958. С. 455.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. Юго-запад / Под ред. А.А. Соболева, Ленинград. 1925. С. 25.

Материалы
<http://filobiblon.narod.ru/PROEKT/MILN/GeneralMILN.html>

сайта

Лишин Н.Н. На Каспийском море год белой борьбы. Прага: Морской журнал, 1938. С. 168-169.

Лишин Н.Н. На Каспийском море год белой борьбы. Прага: Морской журнал, 1938. С. 171.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). М.: Воениздат, 1974. С. 313.

Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. С. 333.

201

Там же. С. 334.

Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940-1942 гг./Подред. В.А. Полонского. М.: ГАБТУ, 2005. Кн. III. С. 111.

Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940—1942 гг. С. 413—413.

Всемирная история. Даты и события. М.: Международные отношения, 1968. С. 138.

Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. С. 376.

Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / Под ред. ВА. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. С. 175.

Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. В 2 т. М.: Новости, 1994. Т. I.C. 271.

Порохов С. Битва империй: Англия против России. С. 205.

Мировая война в цифрах. М.: ОГИЗ, 1934.

Шталь А. Развитие методов операций подводных лодок в войну 1914 — 1918 гг. М.: Воениздат, 1936.

Цит. по: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М.: Мысль, 1977. С. 174.

История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919—1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М. — Л-д: ОГИЗ, 1945. С. 35.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). М.: Центрполиграф, 2002. С. 97.

Ионг Л. Пятая колонна в Западной Европе. Загадки Третьего рейха. М.: Вече, 2004. С. 58-59.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921-1945). С. 123-124.

СССР — Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс: Mokslas, 1989. С. 110—112.